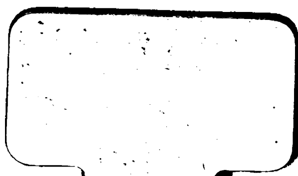

РУ

ЛИ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СТО СЕДЬМОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1873.

P
LIBRARY

ВЪ ЛѢСАХЪ*

LXXVI.

Натерпѣлась Марья Гавриловна. До смерти истомилось ея бѣдное сердце въ безотрадной неизвѣстности, въ мрачныхъ тяжелыхъ думахъ и въ тревогахъ, день и ночь мутившихъ ея душу. Ровно въ тѣсномъ затворѣ посхимленная старица сидитъ она безвыходно въ уютномъ своемъ домикѣ. Въ часовню даже по праздникамъ перестала ходить, людей не видитъ и знать не хочетъ что̀ за порогомъ ея домика дѣлается. Заходили было къ ней иной разъ Фленушка съ Марьюшкой время скоротать, но безотвѣтною оставалась на веселые разговоры ихъ Марья Гавриловна, безучастно слушала ихъ келейное празднословье.

— Заспѣсивилась наша краля, зачванилась, топнувъ съ досады ногой молвила Фленушка, выходя однажды съ Марьюшкой изъ домика Марьи Гавриловны.—Битый часъ у ней сидѣли, хоть бы словечко выронила... Въ торги, слышь, пускается, каменны палаты закладывать собирается, куда ужь съ нашей сестрой ей водиться.... А мнѣ наплевать—ноги моей не будетъ у грубіянки; и ты не ходи къ ней, Марьюшка.

* См. *Руской Вѣстникъ* №№ 1, 3, 5 и 8й 1871, №№ 1, 3, 6 и 8й 1872, №№ 2, 5й и 8й 1873.

Не разъ заглядывала къ Марьѣ Гавриловнѣ и матушка Манефа. Но и съ ней не вязалась бесѣда у молодой вдовы. Сколько разъ искушенная житейскими опытами игуменья пыталась вызвать ее на искреннее откровенное признанье въ сокровенныхъ думахъ и затаенныхъ чувствахъ, но всегда холодна и безотвѣтна оставалась Марья Гавриловна. Сердечная скорбь ея была тайной повита и семью печатями запечатана.

„Міръ обуялъ!" рѣшила въ умѣ своемъ Манефа. „Прелесть тщетнаго житія смущаетъ бѣдную, мятежныя мысли обуреваютъ ея душу."

Но какія мысли, о комъ, о чемъ—не могла придумать игуменья.

И съ Таней, душой и тѣломъ преданной своей „сударынѣ", и съ той ни слова Марья Гавриловна... Одна переживаетъ печали, одна переноситъ горе сердечное.

Гдѣ прежняя ласка привѣтная, куда кануло беззаботное веселье и тихій, невозмутимый покой души отдохнувшей отъ былаго горя, забывшей старыя сердечныя раны? Все какъ вѣтромъ свѣяло.

Получила Марья Гавриловна письмо отъ брата. Увѣдомлялъ онъ о покупкѣ *Соболя*, писалъ что надо какъ можно скорѣй принимать его, да набравъ клади отправлять къ Верху. Но про того человѣка ради котораго купленъ тотъ пароходъ ни слуху ни духу: Алексѣй ровно въ воду канулъ. Обѣщалъ черезъ двѣ недѣли побывать въ Комаровѣ, пятая въ доходѣ, его нѣтъ какъ нѣтъ... Стороной узнала Марья Гавриловна что отошелъ онъ отъ Патапа Максимыча и уѣхалъ въ городъ, но воротился ль оттуда или дальше куда отправился, развѣдать не могла.

Сидитъ подъ окномъ да тоскуетъ, сидитъ недвижно устремивъ слезныя очи на черную полосу лѣса и слышитъ разговоръ какого-то проѣзжаго крестьянина съ обительскимъ конюхомъ Дементьемъ о дорогѣ въ Городецъ, на какія деревни надобно ѣхать. Дементій въ числѣ деревушекъ помянулъ Поромову.

„Чего еще лучше?" подумала Марья Гавриловна. „Авось воротился изъ города, авось у отца теперь съ матерью.... Накажу тому мужичку побывать въ Поромовой, разузнать о немъ." Вздумано—сдѣлано. Молвила Марья Гавриловна-

на проѣзжему крестьянину непремѣнно бы повидалъ онъ Алексѣя Лохматаго, сказалъ бы ему что мѣсто на пароходѣ готово, чтобы не медля ни минуты ѣхалъ онъ въ Комаровъ. Два рубля серебромъ обѣщала если тотъ крестьянинъ на возвратномъ пути ей отвѣтъ привезетъ. Писать хотѣла, но силъ не достало и стыдно какъ-то было....

Дня черезъ четыре посланный воротился за обѣщанными рублями. Сказалъ что Алексѣя въ Поромовой нѣтъ, поѣхалъ въ городъ, а теперь гдѣ не знаютъ. Что̀ наказывала все сказалъ старику Лохматому, и тотъ обѣщалъ только воротится сынъ тотчасъ его прислать въ Комаровъ.

Пуще прежняго налегла тоска на побѣдное сердце молодой вдовы.

Еще съ недѣлю времени прошло. Мать Манефа въ Осиповку на сорочины собралась. Вечеромъ наканунѣ отъѣзда зашла она посидѣть къ Марьѣ Гавриловнѣ.

— Ну что̀, сударыня, облегчило ли васъ хоть маленько? спрашивала Манефа, садясь на диванъ возлѣ Марьи Гавриловны.

— Плохо мое здоровье, матушка, отвѣчала Марья Гавриловна, облокотясь на столъ и медленно склоняя на руку блѣдное лицо свое.

— Надивиться не могу вашей болѣзни, сударыня, молвила Манефа. — Кажись и лежать не лежите, и боли какъ сказываете нѣтъ никакой, а ровно свѣчка таете, жалость даже смотрѣть, на себя не похожи стали....

— Болѣзнь не краситъ человѣка, матушка, отозвалась Марья Гавриловна.

— Инъ за лѣкаремъ бы послали, сударыня, а то что̀ хорошаго-то этакъ маяться, сказала игуменья.

— Послать за нимъ не пошлю, отвѣтила Марья Гавриловна, — а не будетъ легче, сама въ городъ поѣду лѣчиться. Мнѣ же и по дѣламъ надо туда. Братъ изъ Казани пишетъ: у Молявиныхъ пароходъ мнѣ купилъ. Теперь онъ ужь къ нашему городу выбѣжалъ; надо принимать.

Нахмурилась мать Манефа.

— Не дешево, поди, заплатили? холодно спросила она.

— Пятьдесятъ тысячъ, сказала Марья Гавриловна.

— Пятьдесятъ тысячъ! Не малыя деньги, не малыя.... Много добраго на такія деньги можно сдѣлать, недовольнымъ голосомъ проговорила Манефа.

— Пароходъ ходкій, и совсѣмъ еще новенькій, четверту

воду только бѣгаетъ. Тѣхъ денегъ стóитъ, молвила Марья Гавриловна.

— Суета!.. строго, но сдержанно сказала Манефа, и немного подумавъ прибавила:—Стало-быть покинете вы, сударыня, нашу святую обитель? Въ городъ жить переѣдете?

— Ни на чтò еще не рѣшилась я, матушка, сама еще не знаю какъ и чтò будетъ... Извѣстно дѣло, хозяйскій глазъ тутъ понадобится. Рано ли поздно ли, а придется къ пристани поближе на житье переѣхать. Ну да это еще не скоро. Не сразу устроишься. Домикъ надо въ городѣ купить, а прежде всего хорошаго прикащика сыскать, говорила Марья Гавриловна.

— Не нашли еще? спросила Манефа.

— Нѣтъ еще, вздохнувъ слегка отвѣтила Марья Гавриловна.

— Скоро ль къ такому дѣлу человѣка пріищешь! молвила Манефа.—Тутъ надо человѣка вѣрнаго неизмѣннаго, чтобы былъ все едино чтò сама хозяйка. Такого сыщешь не вдругъ.

— На долго ли, матушка, отправляетесь? спросила Марья Гавриловна, видимо желая свести разговоръ на что-нибудь другое.

— Прежде пяти дёнъ врядъ ли воротимся, отвѣтила Манефа. — Паталъ Максимычъ скоро гостей отпускать не любитъ.... Въ понедѣльникъ, надо думать, будемъ домой, а не то во вторникъ.

— Кланяйтесь Паталу Максимычу, молвила Марья Гавриловна.—Скажите: всею бы душой рада была у него побывать, да вотъ здоровье-то мое какое. И Аксиньѣ Захаровнѣ поклонитесь, матушка, Парашѣ....

— Будемъ кланяться, чинно, съ легкимъ поклономъ, въ полголоса отвѣтила мать Манефа. — Чѣмъ бы, чѣмъ бы кажется вамъ здѣсь не житье было, сударыня Марья Гавриловна, прибавила она, вставая съ дивана и быстрымъ взоромъ окидывая комнату. — И тихо, и уютно, и всякое довольство во всемъ. Суеты восхотѣли, житейскихъ треволненій!... Не пришлось бы въ міру-то всплакаться! Не пришлось бы слезно поминать про здѣшнее тихое пристанище, подъ кровомъ святыя обители. Лукавъ вѣдь міръ-то—прельститъ человѣка, заманитъ въ свои сѣти, а потомъ и посмѣется ему, и поругается....

— Матушка! Сами же вы говорили что обительская жизнь

стала непрочна. По скорости, говорите, здѣшніе скиты совсѣмъ порѣшать.

— Если общій жребій Господнею волей свершится, рядомъ бы съ нами въ уѣздномъ городкѣ построились, сказала Манефа. — И тогда бы все у насъ было попрежнему, никакой бы перемѣны не сталось. Намедни сами вы, сударыня, Марья Гавриловна, такъ говорили, а теперь вотъ ужь возлѣ пристани поселиться возжелали, въ губернскомъ городѣ.

— Дѣло-то, матушка, такое вышло что поневолѣ должна я по близости отъ пристани жить, отозвалась Марья Гавриловна.—Сами знаете что издали за хозяйствомъ наблюдать нельзя, какихъ хорошихъ людей ни найми.

— Конечно, сдержаннымъ и недовольнымъ голосомъ сказала мать Манефа.

— Заглазное хозяйство—не хозяйство, продолжала Марья Гавриловна.—Чтò лучше хозяйскаго глаза? Говорится же: свой глазъ—алмазъ, а чужой—стекло.

— Чтò сказать супротивъ этого? Чтò сказать?... какъ бы нехотя сказала игуменья и холодно простившись съ Марьей Гавриловной, медленными шагами направилась къ своей кельѣ.

LXXVII.

Уѣхала Манефа въ Осиповку, и стало въ обители ея тихо и пусто. Не суетятся больше матери вкругъ игуменьиной „стаи“ въ ожиданьи Манефиныхъ распорядковъ по хозяйству, не раздается веселыхъ криковъ Фленушки съ Марьюшкой, всѣ почти молодыя бѣлицы на сорочины уѣхали, остались пожилыя старицы, да съ утра до ночи копавшіяся въ огородѣ чернорабочія трудницы. Хоть Марьѣ Гавриловнѣ ужь давно постыла обитель и на думахъ ея было не обительское, однакожь и ей стало скучнѣй и грустнѣй противъ прежняго когда теперь все вдругъ затихло вокругъ нея.

Склонялся день къ вечеру, краснымъ шаромъ стояло солнце надъ окраиной неба, обрамленною черной полосой лѣсовъ, улеглась пыль, въ воздухѣ засвѣжѣло, со всѣхъ сторонъ понеслось благоуханіе цвѣтовъ и смолистый запахъ ели, пихты и можжевельника, стихло щебетанье птичекъ и звончѣй сталъ

доноситься изъ отдаленья говоръ людей возвращавшихся съ полевыхъ работъ.

Сидя у раскрытаго окна, Марья Гавриловна чуткимъ ухомъ прислушивается къ отдаленному шуму подъѣзжавшей къ Каменному Вражку телѣжки.... Не деревенскій стукъ.... По сухой дорогѣ рѣзко постукиваютъ окованные толстыми шинами колеса, ровно и плавно шумятъ желѣзныя оси, колокольчика нѣтъ. Значитъ ни начальство, ни крестьянинъ.... Захолонуло сердце у Марьи Гавриловны при мысли не Алексѣй ли это наконецъ.... Но вотъ шумъ ближе и ближе.... Подъѣзжаютъ прямо къ Манефиной обители ... Видитъ Марья Гавриловна какъ пара саврасокъ подкатила телѣжку къ конному двору, какъ остановилась она у работницкой „стаи“.... Слѣзаетъ съ телѣжки кто-то высокій, изъ себя такой статный.... При надвинувшихся на небо сумеркахъ не можетъ разглядѣть Марья Гавриловна въ лицо пріѣзжаго, но сердце подсказываетъ ей что это давно жданный, давно желанный гость... Алымъ бархатомъ подернулись блѣдныя щеки молодой вдовы и ровно скошенная травка поникла она на мѣстѣ. Встать не можетъ, пальцемъ двинуть силы нѣтъ.

А ровная, твердая поступь ближе и ближе звучитъ въ вечерней тишинѣ... Ничего не видитъ Марья Гавриловна, въ глазахъ ея разостлался зеленый туманъ, словно съ угару. Только и слышитъ мѣрные шаги, и каждый шагъ ровно кипяткомъ обдаетъ ея наболѣвшее сердце.

Таня къ ней подошла.

— Какой-то человѣкъ васъ спрашиваетъ, сказала она.

— Чтò? едва могла промолвить Марья Гавриловна.

— Тотъ самый чтò въ Радуницу пріѣзжалъ, отвѣтила Таня, удивленными глазами глядя на свою „сударыню“.

Ни словечка Марья Гавриловна.

— Позвать, аль сказать въ другое бы время побывалъ? не слыша отзыва Марьи Гавриловны молвила Таня.

— Позвать?... Да, позови.... Нѣтъ, нѣтъ, постой, погоди, Таня, говорила Марья Гавриловна. А сама не понимала чтò говорила. Широкò раскрытыми глазами глядѣла на нее изумленная Таня. Сообразить она не могла чтò за новое диво содѣялось надъ ея „сударыней“....

— А не то.... поди, Таня.... позови сюда.... дрожавшимъ отъ волненья голосомъ сказала Марья Гавриловна.—Да ставь самоваръ поскорѣй....

И когда Таня думчиво склонивъ голову вышла изъ горницы, Марья Гавриловна, безсознательно повернулась къ зеркалу и наскоро поправила волосы и шелковый голубой платокъ, накинутый на ея голову.

Медленно, но широ́ко распахнулась дверь, и въ горницу вошелъ Алексѣй. Чинъ чиномъ, прежде всего сотворилъ онъ уставные поклоны передъ иконами, а потомъ молодецки встряхнувъ кудрями степенно отдалъ поклонъ какъ маковъ цвѣтъ зардѣвшейся хозяйкѣ. Сдержанно отвѣтила она ему малымъ поклономъ.

— Посылали за мной? тихо проговорилъ онъ, вертя въ рукахъ шапку и опустивъ глаза въ землю.

— Ждала я васъ.... долго ждала.... дождаться не могла.... Теперь пароходъ....

И не могла докончить трепетной, перерывчатой рѣчи.

Ступилъ Алексѣй шагъ, ступилъ другой, приближаясь къ Марьѣ Гавриловнѣ.... Вскинулъ черными, палючими очами на дрожавшую отъ сердечной истомы красавицу.... И она взглянула.... Не свѣтлые алмазы самоцвѣтные, а крупныя слезинки нежданной радости и неудержимой страсти сверкали подъ темными ея рѣсницами... Взоры встрѣтились...

Ни слова, ни восклицанья....

Не гибкая павелика * бѣлорозовые цвѣтики вкругъ зеленаго дуба обвиваетъ, не хмѣлинушка вкругъ тычиночки вьется— обвиваетъ бѣлоснѣжными руками красавица желаннаго гостя.... И млѣетъ и дрожитъ она въ сладкой истомѣ.

Долго сидѣли вдвоемъ, до вторыхъ пѣтуховъ сидѣли. Времени много, мало разговора. Другъ на дружку любуются, другъ на дружку наглядѣться не могутъ.

Багрецомъ заалѣлъ восточный закро́й неба: тутъ только опомнились. Пора разставаться.

И когда на прощаньѣ горячими устами прильнулъ Алексѣй къ сіявшему счастьемъ лицу Марьи Гавриловны онъ тихо промолвилъ ей:

— Не тайкомъ, не крадучись цѣловать бы мнѣ тебя, милая моя, дорогая! Не зазорно бы при всемъ народѣ обнять тебя....

— Какъ же это сдѣлать? едва слышно проговорила Марья Гавриловна, поникая головой въ объятья Алексѣя.

* Cuscuta.

— Жениться, молвилъ онъ. Хотѣлъ еще что-то сказать, но не можетъ сойти на уста крылатое слово.

Крѣпче прежняго прижалась къ нему Марья Гавриловна, тише прежняго она промолвила:

— Женимся!.....

Ой лѣса лѣсочки, хмѣлевыя ночки!... Видишь ты синее звѣздистое небо какъ Яръ Хмѣль молодецъ по матушкѣ Сырой Землѣ гуляетъ, на совѣтъ да на любовь молодыхъ людей сближаетъ?... Видишь ты, небо, все ты слышишь, все: и страстный шепотъ, и тайныя млѣющія рѣчи.... Щедро, ничего не жалѣя, жизнью и счастьемъ льешь ты на землю, жизнью-любовью ты льешь.... Праведное солнце!... Ты корень, источникъ жизни, взойди, взгляни, благослови!...

И вырѣзался изъ-за черной, какъ бы ощетинившейся, лѣсной окрайны золотистый лучъ солнышка и облилъ яркимъ свѣтомъ какъ снѣгъ бѣлое платье красавицы, и заигралъ переливчатыми цвѣтами на синемъ кафтанѣ и шелковой алой рубахѣ Алексѣя.

— Прощай!

— Прощай!

А на порогѣ еще обнялись. И тутъ долго озаряло ихъ высо́ко поднявшееся изъ-за̀ лѣса солнце.

LXXVIII.

На другой день Марья Гавриловна рѣшила какъ можно скорѣй перебираться съ Алексѣемъ на житье въ городъ. Покамѣсть онъ будетъ вести хозяйство на *Соболѣ*, Марья Гавриловна станетъ готовить теплое гнѣздышко для житья съ возлюбленнымъ, купитъ домикъ и устроитъ его какъ слѣдуетъ, а тамъ по осени, когда и домъ будетъ готовъ, и пароходство кончится — веселымъ пиркомъ да за свадебку.... Уѣхать изъ Комарова чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше.... Благо матери Манефы нѣтъ въ обители, а то совѣтамъ да разговорамъ не было бы ни конца ни края. Сбить Марью Гавриловну, отговорить ее отъ задуманной перемѣны въ жизни игуменья не успѣла бы, но безъ непріятностей и неудовольствій дѣло бы не обошлось. А Марья Гавриловна не забывала добра что̀ сдѣлала ей Манефа во дни житейскихъ невзгодъ, твердо помнила что старушка внесла

миръ въ истерзанную ея душу, умѣла заживить сердечныя ея раны. Нѣтъ, лучше, не въ примѣръ лучше будетъ если не дожидаясь возврата матушки покинетъ она обитель, такъ надолго пріютившую ее въ стѣнахъ своихъ. Послѣ, когда дѣло будетъ кончено, повидается она съ матушкой, все разскажетъ, все объяснитъ ей, и, конечно, помирится съ доброю и горячо любимою старицей.

Тóтчасъ же поѣхалъ Алексѣй въ сосѣдній городокъ нанимать извощиковъ для поѣздки Марьи Гавриловны и для вывоза изъ скита ея пожитковъ. Только-что укатилъ онъ на своихъ саврасках, Марья Гавриловна, веселая, игривая, ровно изъ мертвыхъ вставшая, велѣла Танѣ запереть изнутри домикъ и, пылая радостью, сказала ей:

— Давай, Таня, укладываться; завтра мы уѣдемъ.

Съ мѣста двинуться не могла Таня, слóва промолвить не могла. Такъ удивили ее рѣчи Марьи Гавриловны.

— Въ городѣ станемъ жить, въ большомъ каменномъ домѣ, говорила ей Марья Гавриловна, принимаясь за укладыванье. — Весело будетъ намъ, Таня, народу тамъ много, кататься будемъ въ коляскѣ на хорошихъ лошадяхъ, по рѣкѣ на пароходѣ поѣдемъ кататься.... Видала ли ты пароходы? Да нѣтъ, гдѣ тебѣ видать?... Вотъ увидишь, Таня, у меня теперь свой пароходъ и свой домъ будетъ. Весело будемъ жить, Тáнюшка, весело.

— А какъ же матушка-то? молвила Таня.

— Чтò жь матушка! Матушкѣ своя жизнь, а намъ другая. Не вѣкъ же сидѣть въ монастырѣ, этакъ не увидишь какъ и молодость пройдетъ. Пропустить ее не долго, а въ другой разъ молодà не будешь. Пожить хочется, Таня, пожить....

И ни съ того ни съ сего бросилась цѣловать ее. Смѣется, какъ дитя веселится, а у самой на глазахъ слезы. Надивиться не можетъ Таня внезапной перемѣнѣ своей „сударыни“.

— Видѣла?... Это женихъ мой, Таня! Только ты покамѣсть объ этомъ никому не говори... никому, никому на свѣтѣ.... Придетъ Покровъ—повѣнчаемся, въ городѣ будемъ жить. Ты у меня за мѣсто дочери будешь, жениха тебѣ сыщемъ хорошаго.... Наградимъ тебя, всѣмъ наградимъ... Домъ тебѣ выстрою, обзаведенье все.... Барыней заживешь, въ шелкахъ-бархатахъ будешь ходить... во всякомъ довольствѣ будешь жить.... Смори же не сказывай, никому не сказывай!

Ровно красные дни дѣвичьей жизни воротились къ Марьѣ

Гавриловнѣ. Какъ бывало въ Казани въ родительскомъ садикѣ вольной пташкой весело порхала она, распѣвая звонко любимыя пѣсенки, такъ и теперь ожившая для счастья, расцвѣтшая для новой жизни рѣзвилась и веселилась Марья Гавриловна. Двѣнадцати лѣтъ какъ не бывало.

Все поклали въ сундуки—и одёжу и посуду и всякія другія вещи, мебель только да цвѣты остались. Уложившись успокоилась Марья Гавриловна, и не то утомилась она непривычною работой, не то на душу темное облачко налетѣло, вдругъ опустилась она и взгрустнула.

Заботно и нѣжно спросила у ней Таня съ чего она вдругъ припечалилась.

— Дорогая ты моя Тáнюшка, молвила на то Марья Гавриловна. — Жизнь пережить не поле перейти; счастье съ несчастьемъ что вёдро съ ненастьемъ живутъ перемѣнчиво. Надъ судьбой своей призадумалась, зачастую вѣдь случается, Тáнюшка, что гдѣ чается радостно, тамъ встрѣтится горестно... Спознала я будучи замужемъ какая есть на свѣтѣ жизнь горе-горькая... Какъ узнать что̀ впереди?... Какъ судьбу узнать?

— Можно узнать, живо подхватила Таня.—Рядомъ со скитомъ живетъ такая женщина...

И разказала она Марьѣ Гавриловнѣ про елфимовскую знахарку, про добрую тетку Егориху, не любимую келейницами, а всѣми окольными крестьянами почитаемую благодѣтельницей.

Суевѣрный страхъ объялъ душу Марьи Гавриловны когда узнала она что Таня, сведя знакомство съ колдуньей, клала ей подъ подушку зелья и давала умываться водой съ волшебныхъ корней, нарытыхъ знахаркой.

— Ахъ, Таня, Таня, что̀ это ты надѣлала!... упрекала она любимицу, закрывая лицо руками.

— Да не бойтесь вы, сударыня, Марья Гавриловна, отвѣчала ей Таня.—Она вѣдь предобрая и все съ молитвой дѣлаетъ. Шагу безъ молитвы не ступитъ. Корни роетъ—„Богородицу" читаетъ, травы сбираетъ — „Помилуй мя Боже". И все, все по божественному, вражьяго нѣтъ тутъ нисколько. Это со злобы плетутъ на нее келейницы; обойдите деревни, любаго спросите, всякъ скажетъ что за елфимовскую Наталью денно и нощно Бога молятъ. Много пользы народу она дѣлаетъ. А ужь какая разумная, какая добрая, и сказать невозможно.

И такъ разказывала Таня про елфимовскую знахарку, такъ говорила про кротость ея, и доброхотство, про великую пользу что̀ чинитъ она людямъ безо всякой корысти, что суевѣрный страхъ оставилъ Марью Гавриловну и захотѣлось ей узнать отъ тетки Егорихи какая будетъ ей судьба въ новомъ замужествѣ. Но въ скитъ позвать знахарку невозможно: и сама не пойдетъ и келейницы не пустятъ. Надо самой идти. Таня взялась устроить свиданье съ Егорихой.

И на другой день по отъѣздѣ Алексѣя, передъ самыми вечернями, вышла Марья Гавриловна съ Таней на Каменный Вражекъ. Оттуда рѣзвоногая дѣвушка лётомъ слетала въ Елфимово и по скорости воротилась оттуда съ Егорихой.

— Здравствуй, матушка Марья Гавриловна! Здравствуй, добрая, сердобольная вдовушка! съ низкимъ поклономъ весело молвила знахарка, подойдя къ сидѣвшей на луговинѣ Марьѣ Гавриловнѣ.—Много про тебя наслышана, а привелъ Богъ напослѣдяхъ только намъ съ тобой повидѣться.

— Душой рада видѣться съ тобой, Наталья, извини что не знаю какъ величать по отечеству. Не привелъ Господь прежде ознакомиться, но вѣдь съ хорошимъ человѣкомъ знакомство никсгда не поздно свести.

— На ласковомъ словѣ благодарна, сударыня, молвила тетка Егориха, снова кланяясь Марьѣ Гавриловнѣ.

А Таня была дѣвочка догадливая, отходила въ сторонку и пускалась вдоль Вражка цвѣточки рвать.

Разговорилась Марья Гавриловна со знахаркой.... И не можетъ она надивиться отчего это съ перваго на нее взгляда почувствовала она къ ней такое довѣріе какого ни къ кому до того не имѣла, такую любовь, такую задушевную близость какой ни къ кому, кромѣ одного, никогда не чувствовала.... Ровно мать родная съ того свѣта воротилась и воркуетъ теперь надъ дочерней головкой познавшей много горя и мало радостей. Всей душой, всѣмъ сердцемъ открылась знахаркѣ Марья Гавриловна и услыхала не сухія поученья, какъ отъ матери Манефы, а слова живаго участья, освѣжившія взволнованную душу молодой вдовы. Все, все разказала ей про себя Марья Гавриловна.

— Какова-то теперь судьба моя будетъ? Чего-то ожидать мнѣ въ новомъ замужествѣ? склонивъ голову сказала она.

— Что̀ жь ты желаешь? Чтобъ я судьбу твою разказала тебѣ? Чтобъ какъ на ладо́нкѣ выложила передъ тобой все

что̀ ожидаетъ тебя впереди? кротко улыбаясь спросила у Марьи Гавриловны знахарка.

— Да, тетушка, да. Не утай что̀ вѣдаешь... Скажи, будетъ ли доля моя сча́стлива? ласкаясь къ знахаркѣ говорила Марья Гавриловна.

— Полно, сударыня. Полно, Марья Гавриловна. Кромѣ Бога, будущаго не знаетъ никто, величаво поднявъ голову, сказала Егориха. — Всякій вѣщунъ, коего бы духа пророчество его ни было — ложь есть передъ людьми и предъ Богомъ. Скажетъ ли кто тебѣ что чарами или тайными вѣщими словами можетъ узнать судьбу человѣка—не вѣрь... Скажетъ ли что по звѣздамъ узнаётъ ее, иль по рукѣ, или по сну, иль по иному чему—не вѣрь... Скажутъ ли тебѣ про святошу какого, либо про юрода, что знаетъ онъ будущее,— не вѣрь.... Однѣ и тѣ же басни, что̀ отъ колдуна, что̀ отъ святоши. Будущаго знать людямъ не́ дано. И въ томъ Божія любовь къ людямъ и великая Его премудрость. Что̀ бы за жизнь человѣку была еслибы онъ напередъ зналъ всю свою жизнь до гробовой доски? Не было бъ тогда на землѣ ни надежды, ни радостей, жилъ бы человѣкъ какъ скотина безсловесная.

— Другимъ открываешь же ты что̀ будетъ съ ними, молвила Марья Гавриловна.

— Никому я никогда не пророчила, кротко отвѣтила знахарка. — Совѣты даю, а пророчицей не бывала. Правда, простому человѣку мало добрый совѣтъ дать, надо чтобы онъ его исполнялъ какъ слѣдуетъ... Ну, тутъ иной разъ приходится и наговорить и нашептать кой-чего и пригрозить невѣдомою силой если онъ не исполнитъ совѣта. Что̀ станешь дѣлать? Народъ темный, пока темными еще путями надо его къ свѣту вести.

— Мнѣ что̀ же скажешь, мнѣ какой совѣтъ дашь? спросила Марья Гавриловна.

— Въ смиреніи стяжи душу свою, отвѣчала елфимовская знахарка.—Смирись передо всѣмъ и передъ всѣми. Въ этомъ все счастье человѣка. Умѣй только понять мой совѣтъ, да умѣй его исполнить. Добро дѣлай, у тебя достатковъ довольно: бѣднаго, сираго не забудь, голоднаго накорми, о больномъ попечалуйся. И дѣлай все не возносясь, а смиряясь, не въ свое превозношенье, а во славу имени Божія. А выпадетъ доля терпѣть — носи золото не изнашивай, терпи

горюшко — не сказывай.... Вотъ и все, больше мнѣ сказать тебѣ нечего.... Вотъ развѣ что̀ еще: какой бы тебѣ грѣшный человѣкъ въ жизни ни встрѣтился, не суди о грѣхахъ его, не разузнавай объ нихъ, а смирись, и въ смиреніи думай что нѣтъ на землѣ грѣшнѣе тебя. Грѣхъ что болѣзнь, иной разъ и противъ воли въ человѣка входитъ; грѣхи осуждать все едино что надъ болѣзнями смѣяться. Только злому человѣку сродно чужіе грѣхи осуждать.... Ихъ Самъ Господь не осуждаетъ, а прощаетъ... Осуждаетъ грѣхи только дьяволъ одинъ и всѣ ему послужившіе.

Долго бесѣдовала Марья Гавриловна сидя въ Каменномъ Вражкѣ съ елфимовской знахаркой. И такъ было ясно и отрадно на душѣ у ней; въ вѣкъ бы, кажется, не разсталась она съ теткой Егорихой.

И когда, прощаясь съ ней, Марья Гавриловна денегъ хотѣла ей дать, та не взяла.

— По милости Господней я всѣмъ довольна, сказала она.— Малое, слава Богу, есть, большаго не надо. А вотъ что̀: поѣдешь ты завтра черезъ деревню Поляну, спроси тамъ Артемья Силантьева, изба съ самаго краю на выѣздѣ.... Третьяго дня у него коровенку свели, четверо ребятишекъ малъ-мала меньше—пить-ѣсть хотятъ.... Безъ коровки голодаютъ, а новую купить у Артемья достатковъ нѣтъ.... Помоги бѣднымъ людямъ Христа-ради, сударыня Марья Гавриловна.

И низко, пренизко поклонилась колдунья Марьѣ Гавриловнѣ.

И легко и свѣтло было на душѣ Марьи Гавриловны, когда подъ пытливыми, но невидимыми ей взорами обительскихъ матерей и бѣлицъ возвращалась она изъ Каменнаго Вражка въ уютный свой домикъ. Миромъ и радостной надеждой сіяла она, и много жалѣла что такъ поздно узнала она елфимовскую знахарку. Подъ яркими лучами заходившаго солнца мрачна и печальна показалась ей обитель Манефина.

На другой день воротился Алексѣй, и Марья Гавриловна оставила Комаровъ безъ тяжкихъ думъ, безъ сожалѣній. Когда выѣхала она со своимъ возлюбленнымъ изъ скита, ей вздохнулось легко и показалось будто изъ какого-то глухаго подземелья, изъ какой-то темной темницы свободною и счастливою вылетѣла она на ясный, радостный міръ Божій.

LXXIX.

Рано, съ солнышкомъ вмѣстѣ, поднялась обитель Манефина. Еще съ вечера конюхъ Дементій съ двумя обительскими трудниками подкатилъ къ крыльцу игуменьиной стаи три уемистыя повозки съ волчками и зáпонами изъ таевочной циновки. * Собравшіяся въ путь богомолки суетливо укладывали въ нихъ пожитки и припасенные матушкой Виринеей съѣстные запасы. Дементій съ работниками мазалъ колеса.

Больше всего хлопотала Фленушка. Радехонька была она поѣздкѣ. „Вдоволь нагуляемся, вдоволь натѣшимся, радостно думала она, ворчи сколько хочешь мать Никанора, бранись сколько угодно мать Аркадія, а мы свое возьмемъ.“ Прасковья Патаповна совсѣмъ снарядилась, но вокругъ повозокъ не хлопотала, а сидѣла и дремала въ теткиной кельѣ. Не хлопоталъ и Василій Борисычъ. Одѣвшись по-дорожному, стоялъ онъ возлѣ окна изъ котораго глядѣла на сборы матушка Манефа.

— Лѣса горятъ, молвила игуменья, глядя на сѣро-желтое, туманное небо, по которому безъ лучей, безъ блеска, выплывало багровое солнце. Гарью еще не пахло, но въ утреннемъ воздухѣ стояла духота и какая-то тяжесть.

— Далёко, сказалъ Дементій, оглядѣвъ со всѣхъ сторонъ тусклый небосклонъ.—Дыму ни отколь не видно.... Верстъ за сто горитъ, а не то и больше.

— То-то смотрите—въ огонь не угодите, пристально озирая окаймленные черной полосой лѣса края небосклона, молвила конюху матушка Манефа.

— Богъ милостивъ, матушка... Зачѣмъ въ огонь?.. отозвался Дементій.

— Лѣсной пожаръ вѣдь хóдокъ. Не оставить ли до другаго времени вашего богомолья? сказала игуменья обращаясь къ Аркадіи.

---

* *Стая*—нѣсколько избъ или келій въ одной связи, *волчокъ* правильнѣе *волочекъ*—верхъ повозки для защиты отъ дождя, *запонъ*—полость въ повозкѣ закрывающая сѣдока отъ дождя, *таевка* или *таевочная цыновка*, иначе крышечная, та что̀ дѣлается въ три аршина длины и полтора ширины. Каждаго размѣра цыновка имѣетъ свое названье: романовка, баковка, казанка и т. д.

Не отвѣтила Аркадія, промолчала и мать Никанора, ни слова не сказали и Дементій съ работниками.... Но пристальнѣй прежняго стали они поглядывать на закрой неба * не увидать ли гдѣ хоть тоненькую струйку дыма.... Нѣтъ, нигдѣ не видно.... А въ воздухѣ тишь невозмутимая: пухъ вылетѣлъ изъ перины, когда грохнули ее бѣлицы въ повозку, и пушинки не летятъ въ сторону, а тихо, плавно опускаются книзу. И по вѣтру нельзя опознать откуда и куда несется пожаръ.

„А что какъ матушка Манефа, убоясь пожара, да не пуститъ насъ въ лѣса, отложитъ до другаго времени богомолье?“ подумала Фленушка, и отъ той думы прикручинилась. Ластясь къ игуменьѣ, вкрадчиво молвила:

— Не бойся, матушка. Далёко горитъ, насъ не захватитъ. Черезъ часъ послѣ выѣзда будемъ на Фотиньиной гробницѣ, отъ нея до могилки матушки Голендухи рукой подать, а тутъ и Улангерскія кельи. Вечеренъ не отпоютъ какъ будемъ въ Улангерѣ.

— За нынѣшній день не боюсь, сказала Манефа,—а послѣ что будетъ, если по лѣсу огонь разойдется да пойдетъ въ нашу сторону?

— Завтра справимъ каноны надъ пепломъ отца Варлаама, надъ могилами отца Иліи и матушки Ѳеклы, продолжала Фленушка.—Отъ Улангера эти мѣста подъ бокомъ. А послѣзавтра поглядимъ что будетъ. Опасно станетъ въ лѣсу — въ Улангерѣ останемся, не будетъ опасности, черезъ Поломы на почтову дорогу выѣдемъ. Скоро выберемся — а тамъ ужь вплоть до Китежа сплошныхъ лѣсовъ нѣтъ, тамъ бояться нечего.

— Какъ по твоему разсужденію, мать Аркадія? Пускать ли васъ? обратилась Манефа къ уставщицѣ.

— Вся власть твоя, матушка, отвѣтила она. — Какъ твое произволеніе будетъ.

— Не быть бы бѣды отъ огня, вотъ чего боюсь, сказала Манефа.

— Коли что, въ Улангерѣ переждемъ огненнаго утишенья. Развѣ что въ Китежъ ко Владимірской не поспѣемъ. А то кажись бы бояться нечего.

— Такъ съ Богомъ! Поднимайтесь въ путь, Господь

* Закрой неба—нижній край видимаго горизонта.

васъ храни, рѣшила игуменья. — Смотри же, Аркадьюшка, все скажи матушкѣ Юдиѳи что я тебѣ наказывала, не забудь чего. Да чтобы со всѣми ихними матерями безпремѣнно она на Петровъ день къ намъ пожаловала.... Слышишь?

— Слушаю, матушка, слушаю; все передамъ, все до капельки, сказала уставщица.

— Ну вотъ, Василій Борисычъ, и посмотришь на наши мѣста богомольныя, помолишься, сказала Манефа, обращаясь къ московскому посланнику.—Теперь время тихое, по лѣсамъ великихъ сборищъ не бываетъ окромѣ что на Владимірскую на Китежѣ. Тамъ великое собраніе будетъ. Что̀ въ Духовъ день у Софонтія, что̀ на Владимірскую на озерѣ Свѣтлоярѣ у Китежа, больше тѣхъ собраній по всей нашей сторонѣ нѣтъ. Да и тамъ теперь ужь не то что̀ въ прежніе годы. Прежде бывало тысячами народъ собирается, а теперь двѣ сотни сойдется, такъ и на рѣдкость. Ревность по вѣрѣ изсякаетъ, суету люди возлюбили, плотямъ стали угождать, Маммонѣ служить.... Послѣднія времена!...

Не отозвался на рѣчи Манефы Василій Борисычъ.

— Хоть твое дѣло взять, продолжала она послѣ недолгаго молчанья.—Богу служилъ, церковныхъ ради нуждъ труды на себя принималъ, а теперь и тебя суета обуяла.

— Какъ же такъ, матушка? спросилъ Василій Борисычъ.

— Да развѣ по торговлѣ, аль по фабрикѣ въ прикащикахъ жить значитъ Богу служить? съ грустною улыбкой молвила игуменья.

— Это дѣло еще не рѣшеное, отвѣтилъ Василій Борисычъ.— А и то сказать, матушка, развѣ будучи при мірскихъ дѣлахъ не служатъ люди церкви Божіей? Много тому примѣровъ видимъ—Рахмановыхъ что-ли взять, Громовыхъ. Развѣ не послужили они Господу?

— Такъ-то оно такъ, Василій Борисычъ, молвила Манефа.— Но вѣдь самъ ты не хуже моего знаешь что̀ въ Писаніи н[illegible] счетъ этого сказано: „Честенъ сосудъ сребрянъ, честнѣй то го сосудъ позлащенный.“ А премудрый Пріточникъ * чт[illegible] говоритъ? „Мужа тиха любитъ Господь, суету же дѣлъ ег[illegible] скончаетъ...“ Подумай-ка объ этомъ...

— Подумаю, матушка, подумаю, и не одинъ еще разъ с[illegible] вами посовѣтуюсь, сказалъ на то Василій Борисычъ.—До ср[illegible]ку еще времени много.

* Писатель Притчей, царь Соломонъ.

Привели шестерикъ коней жирныхъ, раскормленныхъ до нельзя, лоснится и блеститъ на нихъ гладкая шерсть, ровно масломъ Дементій ихъ вымазалъ. Скитницы лошадямъ овса не жалѣютъ, при малой работѣ на хорошемъ корму толстѣютъ онѣ и жирѣютъ, какъ и самыя ихъ хозяйки. По парѣ въ повозку коней заложили и въ нихъ на грузные пуховики разсѣлись: въ первой повозкѣ тщедушный Василій Борисычъ съ толстою уставщицей. Хотѣла Аркадія тутъ же усадить и мать Никанору, но двухъ матерей съ московскимъ посломъ повозка не вмѣстила; садилась мать Никанора съ Прасковьей Патаповной въ другую. Въ третью повозку Марьюшка съ Фленушкой сѣли. Съ благословеньемъ Манефы и съ пожеланьями добраго пути ото всѣхъ обительскихъ старицъ поѣхали повозки одна за другою за Каменный Вражекъ, направляясь къ окружавшему Комаровскій скитъ лѣсу.

Забившись съ головой въ постелю и слыша стукъ съѣзжавшихъ съ обительскаго двора повозокъ, безотрадно заливалась горькими слезами и глухо рыдала московская канонница Устинья. Какъ она ни просила, какъ ни молила, не сжалилась на слезы ея Манефа, не пустила свою наперсницу на богомолье. Ключомъ кипѣло сердце пригожей канонницы когда на сорочинахъ не на ея глазахъ Василій Борисычъ съ Парашей за однимъ столомъ... Разума теперь дѣвка рѣшалась при одномъ помышленьи что цѣлу недѣлю ея погубитель станетъ съ дочерью тысячника по лѣсамъ разъѣзжать... Эхъ, власть бы да воля! Дала бы себя знать Устинья Московка!... Плохо бы пришлось московскому гостю, не уйти бы и Прасковьѣ Патаповнѣ по добру по здорову.

Только-что въѣхали въ лѣсъ, Фленушкѣ вспало на умъ до гробницы Фотиньи пѣшкомъ идти. Много не думавъ вылѣзла она съ Марьюшкой изъ повозки и подойдя къ другой, стала звать съ собой и Парашу. Лѣнива была на ходьбу Прасковья Патаповна, но все жь ей казалось не въ примѣръ веселѣе идти съ подругами возлѣ дорòги чѣмъ лежать на пуховикахъ съ дремавшей Никанорой. Подозвали дѣвицы и Василья Борисыча; и онъ покинулъ толстую уставщицу, начавшую было разспросы о томъ какъ въ Бѣлой-Криницѣ за митрополичьей службой справляютъ поліелеи.

И матери Аркадіи и матери Никанорѣ не охота была съ мягкими перинами разставаться; то ли дѣло лежать да дремать, чѣмъ шагать по засоренному валежникомъ лѣсу, либо

по тоненькимъ, полусгнившимъ кладкамъ перебираться черезъ мочажины и топкія болотца. Строго на̀ строго дѣвицамъ старицы наказали не отходить далеко отъ дороги, быть на виду и на слуху, и принялись дремать въ ѣхавшихъ шагомъ повозкахъ.

Всѣ деревья въ полномъ соку, всѣ травы цвѣтутъ и благоухаютъ. Куда ни оглянись, все цвѣты, цвѣты и цвѣты. Вонъ тамъ межь чернолѣсья выдалась небольшая сухая полянка ровно камчатными скатертями она укрыта: то кашка, медуница и пахучій донникъ * въ цвѣту стоятъ; бортевыя пчелы, шмели, осы и шершни ** тучами носятся надъ ними, громко жужжа на разные голоса. Тамъ желтѣетъ звѣробой, синѣютъ темно-голубые бубенчики и середь яркой изумрудной зелени бѣлѣетъ благовонная купёна *** и алѣютъ зрѣлыя ягоды костяники. Перистыя ярко-зеленыя вѣтви папоротника густой бахромой виснутъ надъ сонными лѣсными ручьями, полными чистой студеной, но отъ смолистыхъ корней окрашенной въ бурый цвѣтъ водою....

Стономъ стоятъ лѣсные голоса: безъ умолку трещатъ въ высокой сочной травѣ кузнечики и кобылки, вьются надъ цвѣтами жучки и разновидныя козявки, воркуютъ сѣросизые съ зеленою шейкой вяхири и красногрудые ветютни, какъ въ трубу трубитъ черная желна, стучатъ по деревьямъ дятлы, пищатъ рябчики, уныло перекликаются, либо кошкой взвизгиваютъ желтенькія иволги, трещатъ сойки, жалобно кукуютъ кукушки и на разные голоса весело щебечутъ свирестели, малиновки, лѣсные жаворонки и другія мелкія пташки.... **** И всѣ эти звуки сливаются въ одинъ стройный гулъ, полный жизни и довольства этою жизнію.

* Кашка или тысячелистникъ—*Achillea millifolium*. Медуница, *Pulmonaria officinalis*. Донникъ—*Mililotus officinalis*.

** Бортевая пчела, прироившаяся въ борти, долбленомъ деревѣ, нарочно для пчелъ въ лѣсу приготовленномъ. Шмель или земляная пчела—*Bombus*, оса—*Vespa*, шершень самая большая порода осы.

*** Звѣробой—*Figularia Sibirica*. Бубенчики — *Iris Sibirica*. Купёна изъ породы ландышей—*Convollaria bifolia*.

**** Вяхирь, дикій голубь—*Columna Palumbos*, Ветютень, лѣсной голубь—*Columna Oenas*. Желна—большой дятелъ, поѣдающій пчелъ — *Picus martius*. Иволга—*Oriolus galbula*. Соя или сойка, лѣсная птичка съ хохолкомъ и голубымъ зеркальцемъ на горлушкѣ изъ роду воронъ, *Corvus glandorius*. Свирестель лѣсная птичка со скворца съ ярко-алыми лепестками на крылышкахъ, *Ampelis garrulus*.

— Всякое дыханіе хвалитъ Господа, съ умиленьемъ молвилъ Василій Борисычъ, прислушиваясь къ лѣснымъ голосамъ.

— Птички распѣваютъ и вся недолга̀, отозвалась Фленушка. Ей лѣса были не въ диковину.

Матери въ повозкахъ молчали.

Вотъ выдалась прогалинка. Будто розовыми шелковыми тканями покрыта она. То сонъ-трава * подняла кверху цвѣты свои. Окраины дороги были также сномъ-травой усыпаны. Безсознательно сорвалъ одинъ цвѣточекъ Василій Борисычъ. Онъ прилипъ къ его пальцамъ.

— Брось, брось! Что̀ ты дѣлаешь, Василій Борисычъ? Брось, говорятъ тебѣ. Не слѣдуетъ трогать эту траву, грѣхъ! закричала ему изъ повозки мать Аркадія.

— Что̀ жь за грѣхъ въ томъ, матушка? съ удивленьемъ спросилъ уставщицу Василій Борисычъ, кидая сорванный цвѣтокъ.

— А забылъ что въ *Печерскомъ Патерикѣ* про него пишется? Про сей цвѣтокъ именуемый „лѣлокъ"? Это онъ самый „лѣлокъ" и есть, говорила мать Аркадія.—Видишь къ пальцамъ прилипъ! Вымой ты руки-то, вымой. Вотъ хоть изъ колдо́бинки водицы зачерпни, только вымой скорѣе.

Сплеснулъ руки изъ мутной колдобины Василій Борисычъ, и вытирая ихъ ручникомъ поданнымъ Аркадіей сказалъ:

— Что̀ жь про эти цвѣты въ *Патерикѣ* писано? Не припомню я что-то, матушка...

— Не могу я тебѣ теперь доподлинно сказать, Василій Борисычъ, въ *Патерикѣ* ли то писано, у Нестора ли въ *Лѣтописцѣ*. Домой воротимся укажу, учительно сказала Аркадія. — А писано вотъ что̀: „Во святѣй Кіевской Печерской обители преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія бѣ старецъ именемъ Матвѣй. И бѣ той старецъ прозорливъ. Единою бо стоящу ему въ церкви на мѣстѣ своемъ, возведъ очи своя, позрѣ по братіи иже стоятъ поюще по обѣма странама. И видя обходяща ихъ бѣса во образѣ Ляха, въ лудѣ ** и носяща въ припоуѣ цвѣтки, иже глаголется „лѣлокъ". И обходя возлѣ братіи взимая изъ лона лѣлокъ, вержаше на кого любо: аще прилѣпляшесь кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братіи и той мало постоявъ и разслабленъ бываше умомъ

---

* Сонъ-трава, сонуля, дрема—*Viscaria vulgaris*.

** Верхняя одежда, плащъ.

исходяше изъ церкви, шедъ въ келію и спа; аще ли вержаше на другаго и не прильняше къ нему цвѣтокъ, стояше крѣпокъ въ пѣньи, дондеже отпояху утреню.“ * Вотъ это тотъ самый бѣсовскій цвѣтокъ и есть. По народу „сонулей“ его зовутъ, „дремой“, потому что на сонъ наводитъ, а по книжному имя ему „цвѣтъ лѣпокъ“. Не должно къ нему прикасатися, сила вражія въ немъ.

— У насъ на деревнѣ сказываютъ что охотникъ одинъ осенью пó лѣсу ходилъ, начала Марьюшка головщица.— Ходитъ онъ по лѣсу—видитъ медвѣдь землю деретъ. Выдралъ медвѣдь корешокъ отъ какой-то травы и зачалъ его лизать. Лизалъ, лизалъ, да ровно хмѣльный сталъ, насилу отошелъ отъ того мѣста. Охотникъ возьми тотъ корешокъ да и ну самъ лизать его по-медвѣжьему. Пришелся видно по вкусу—полизалъ, охмѣлѣлъ и залѣзъ въ пустую медвѣжью берлогу. Да въ той берлогѣ до самаго Василья Парійскаго, ** когда медвѣдь изъ берлоги выходитъ, тотъ охотникъ и прóспалъ. Проснулся, анъ корешокъ у него въ рукахъ. Стали послѣ по тому корешку обыскивать отъ какой онъ травы, отъ какого зелья, и дошли что тотъ корень — сонъ-трава, вотъ эта самая.

Не отвѣтилъ никто на слова Марьи головщицы. Всѣ промолчали, идучи другъ за дружкой по узкой тропинкѣ. Подошла Фленушка къ Василью Борисычу и сказала ему тихонько:

— А захочетъ молодецъ судьбу свою узнать, пожелаетъ увидѣть во снѣ суженую — подложитъ ему подъ подушку липкій цвѣточекъ этой сонъ-травы. Всю судьбу узнаетъ во сняхъ, увидитъ и суженую. Не сорвать ли про тебя Василій Борисычъ? Ужь такъ и быть, даромъ что бѣсовскій цвѣтъ, ради тебя согрѣшу, сорву.

— Не для чего мнѣ судьбу узнавать, не глядя на Фленушку отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Однакожь.... заговорила было Фленушка.

Но громкій голосъ Аркадіи покрылъ ея полушепотъ.

— И въ раи Господнѣ росло древо смерти и ходилъ змѣй, въ него же вселися діаволъ. Диво ли что теперь на нашей трудной землѣ и древа, и травы, и скоты, и звѣри и всякіе

---

* Это сказаніе находится и въ *Печерскомъ Патерикѣ* и въ *Лѣтописи* преподобнаго Нестора (*Полн. Собр. рус. лѣтоп.* I—81—82).

** Апрѣля 12го.

гады ползущіе не отъ Бога, а отъ врага, не славу Божію исповѣдуютъ, а вражескимъ кознямъ на человѣческую пагубу служатъ? Писаніемъ умудренному уму подобаетъ познати каждой вещи извѣщеніе—къ доброму она или къ худому. Въ томъ и премудрость. И намъ малымъ и скудоумнымъ не вмѣстить бы тоя премудрости, аще бо не святыхъ отецъ писаніе просвѣщало и освящало насъ.... Такъ ли говорю Василій Борисычъ? Да полно ты толчея! Чтò безъ пути толчешься, когда люди умнѣй тебя о дѣлѣ говорятъ! прикрикнула она на Фленушку, подсмѣивавшуюся рѣчамъ ея и дергавшую слегка за кафтанъ Василья Борисыча.

— Премудрости исполнена Господня земля, отозвался Василій Борисычъ.—Всяка живая тварь на службу человѣку, и всякъ злакъ на пользу его.

— Да полно ли вамъ? брюзгливо молвила ему причудливая Фленушка. — И въ обители книжное пуще горькой рѣдьки надоѣло, а вы съ нимъ и на гулянкѣ. Пущай ее съ матушкой Никанорой разводитъ узоры. По просту давайте говорить. Въ кои-то вѣки на волю да на просторъ вырвались, а вы и тутъ съ *Патерикомъ!*.. Бога-то побоялись бы!

— Это я такъ, Флена Васильевна, сказалъ Василій Борисычъ отходя немного въ сторону за кустики.—Нельзя же—старшія.... А вѣкъ бы кажется отсюда не вышелъ. Очень ужъ здѣсь хорошо.

— Надоѣло бы, подхватила Фленушка и быстро обратилась къ Марьюшкѣ головщицѣ, громко вскрикнула, указывая рукой въ перелѣсокъ: — Марьюшка! Гляди-ко! костяники-то, костяники-то чтò! Видимо-невидимо!

Любила ту ягоду Марьюшка, не отвѣтя ни слова бросилась она въ сторону и нагнувшись принялась собирать алую костянику. Василій Борисычъ шелъ сзади телѣгъ нагруженныхъ матерями. Съ одного бока у него бойко идетъ развеселая Фленушка, съ другаго павой плыветъ Прасковья Патаповна.

— Куда ужъ вамъ въ лѣсахъ пребывать! игриво продолжала Фленушка, обращаясь къ Василію Борисычу. — Разомъ бы надоѣло.

— Такая красота никакому человѣку надоѣсть не можетъ, отозвался Василій Борисычъ. — Нельзя въ такомъ мѣстѣ

соскучиться: и дышется-то здѣсь вольнѣе и на душѣ такой миръ, такое спокойствіе.

— Чтò жь нейдете пустынничать, коли такъ лѣса полюбились вамъ? лукаво улыбаясь молвила Фленушка.—Вонъ тамъ, подальше отсюдова, въ Поломѣ, живутъ же старцы-отшельники вѣкъ свой въ лѣсу, съ утра дò ночи слушаютъ какъ птички распѣваютъ. И вамъ къ нимъ, Василій Борисычъ.

— Чтò жь? отвѣчалъ онъ.—Добрая жизнь, богоугодная!... Благой изволъ о Господѣ оставить міръ и пребывать въ пустынѣ. Всѣ святые похваляютъ пустынное житіе. Только не всякъ можетъ подъять такую жизнь.

— Да, не всякъ можетъ, думчиво молвила Фленушка, и потомъ, какъ бы встрепенувшись, прибавила:—Не про насъ съ вами такая жизнь! На это мы не годимся.

— Отъ чего же такъ? улыбаясь спросилъ Василій Борисычъ.

— А оттого, съ лукавою усмѣшкой отвѣтила Фленушка,— что Божье у насъ на языкѣ, а мірское на умѣ. Правду сказала?... А?... прибавила она и весело засмѣялась.

— Не знаю чтò нá это сказать, не пробовалъ въ пустынѣ жить, молвилъ Василій Борисычъ.

— И не пробуйте, отвѣтила Фленушка, опустивъ глаза съ притворною скромностью.—Развѣ вдвоемъ чтобы не оченно скучно было....

— Вдвоемъ конечно веселѣе, молвилъ Василій Борисычъ.— По крайности есть съ кѣмъ слово сказать.

— Конечно, согласилась Фленушка.—Живучи вдвоемъ, другъ на дружку взглянешь да улыбнешься, а живучи въ одиночествѣ на себя глядя только всплачешься... Ты, Параша, какъ объ этомъ думаешь?

— Не знаю, вяло отвѣтила Прасковья Патаповна.

— Ужель никогда о томъ не думала? Ужель и на мысли о томъ никогда не впадало? приставала къ ней Фленушка.

— Не помню, порывисто отвернувшись отъ подруги, молвила Параша, а сама, взглянувъ на Василья Борисыча, ни съ того ни съ сего зардѣлась какъ ягода костяника, которую сбирала Марья головщица.

— Ахъ, батюшки свѣты!... Ягодъ-то чтò, ягодъ-то!... вскликнула Фленушка и живо бросилась въ сторону оставя Парашу вдвоемъ съ Васильемъ Борисычемъ.

Того въ жаръ кинуло. Повозки съ сонными матерями впередъ уѣхали, Фленушка съ Марьюшкой, сбирая ягоды, скрылись въ лѣсной чащѣ. Никого кругомъ, а онъ съ глазу на глазъ съ приглянувшеюся ему лыпкой-дѣвицей.

Слова не вяжутся. Куда сколь рѣчистъ на бесѣдахъ Василій Борисычъ—жемчугомъ слова катятся, какъ рѣка льются, а тутъ, оставшись съ глазу на глазъ съ молодою пригожею дѣвицей, не доищется словъ, ровно стѣна молчитъ... Подкосились ноженьки, опустились рученьки, весь какъ на иглахъ... Да, и высокъ каблучокъ, да подломился на бочокъ.

Соберется съ духомъ, наберется смѣлости, скажетъ словечко про птичку ли въ сторонѣ порхнувшую, про цвѣты ли дивно распустившіе яркіе лепестки свои, про бѣлоствольную ли высокую березу, картинно развѣсившую свои вѣтви, или про зеленую стройную елочку, но только и слышитъ отъ Параши что „да“ да „нѣтъ“. Рдѣютъ свѣжія, полныя ланиты дѣвушки, не можетъ поднять свѣтлыхъ очей, не можетъ взглянуть на путеваго товарища... А его глаза горятъ полымемъ, блещутъ искрами.

„Охъ, искушеніе! думаетъ, негодуя на себя, Василій Борисычъ. Съ Устиньей въ два слова обо всемъ перемолвилъ, а съ этой прильпе языкъ къ гортани моей!“

А самъ, идя рядышкомъ съ Прасковьей Пataловной, понемножку да потихоньку къ ней близится... Та краснѣетъ, сторонится... Къ такому мѣсту подошли что сторониться некуда—густо разрослись тутъ кусты можжевельника. Василій Борисычъ будто невзначай коснулся руки Парашиной. Она дрогнула, но руки не отняла.... И какъ же заныло, какъ сладко защемило сердце дѣвушки, когда онъ взялъ ее за руку....

Идутъ, молчатъ... Слегка пожимаетъ Василій Борисычъ руку Параши.... Высоко у нея поднимается грудь, и дыханье ея горячо и не можетъ она взглянуть на Василія Борисыча... Но вотъ и сама пожала руку ему... Василій Борисычъ остановился, и самъ послѣ надивиться не могъ откуда къ нему смѣлость пришла—обвилъ рукою станъ дѣвушки, глянулъ ей прямо въ очи и припалъ къ алымъ устамъ Параши дрожащими отъ страсти губами...

Эхъ лѣса-лѣсочки, алые цвѣточки! Вѣкъ бы тутъ гуляти, алы цвѣты рвати, крѣпко обниматься, сладко цѣловаться....

— Поладили, шепнула Фленушка головщицѣ, осторожно выглядывая изъ-за кустовъ можжевельника на Василья Борисыча съ Парашей....

— Чтò тутъ хорошаго-то? брюзгливо отозвалась Марьюшка.

— Одной что ли тебѣ съ своимъ Саратовцемъ? досадливо молвила ей Фленушка.—Всяка душа сладенькаго хочетъ. Не обсѣвокъ же въ полѣ и Параша.

— Такъ-то оно такъ, сказала Марьюшка,—а какъ матушка провѣдаетъ, тогда чтò будетъ?

— Будетъ такъ будетъ, а не будетъ, такъ что-нибудь да будетъ, отрѣзала Фленушка и громко запѣла удалую пѣсню:

Курёвушка, куревà, *
Закурила, замела,
Закутила-замутила
Всѣ дорожки, всѣ пути:
Нельзя къ милому пройти!
Я пойду стороной,
Съ милы̀мъ свижуся,
Поздороваюсь:
„Здравствуй, миленькій дружокъ,
Ко мнѣ въ гòсти гостѝ
Да подольше сиди:
Съ стороны люди глядятъ,
Меня, дѣвушку, бранятъ.
Ужь какъ нынѣшніе люди
Догадливые,
Догадливые, переводливые!
Ни кутятъ, ни мутятъ,
Съ тобой, милый, разлучатъ."

Не слушая Фленушкиной пѣсни, по другую сторону дороги за олушкой лѣса, шли рука въ руку Василій Борисычъ съ Парашей.... Шли молча, ни тотъ, ни другая ни слова... Но очи обоихъ были рѣчисты...

LXXX.

Половину пути прошли. Подошла къ парочкѣ Фленушка съ Марьюшкой. Тутъ съ дороги поворотъ, лѣсная тропа до могилки матушки Фотиньи пойдетъ, въ повозкахъ тутъ

* Такъ въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ зовутъ вьюгу.

не проѣдешь. Разбудили отъ крѣпкаго сна уставщицу Аркадію да старицу мать Никанору, и оставя лошадей съ работниками на дорогѣ, въ шестеромъ пошли по кладкамъ лежавшимъ на сырой, болотистой землѣ ко „святому мѣсту". Надо было идти гуськомъ. Впереди выступала мать Никанора, за нею уставщица Аркадія, потомъ Марьюшка, Фленушка и Параша. За Парашей, всѣхъ позади, шелъ Василій Борисычъ. Кладки были узенькія, мѣстами отставали одна отъ другой на четверть и больше. На́ руку это было московскому послу. Никто назадъ не оглядывался, каждая смотрѣла подъ ноги.

Учительная мать Аркадія между тѣмъ громогласно читала наизусть поученіе о прелести и суетѣ міра сего.

Далеко раздавалась по лѣсу ея громкая, протяжная рѣчь:

„Житія нашего время яко вода на борзѣ течетъ, дніе лѣтъ нашихъ яко дымъ въ воздусѣ развиваются, вмалѣ является и вскорѣ погибаетъ. Вѣкъ человѣческій яко мракъ подъемлется отъ лица земли отъ утра юности человѣческія даже и до вечера старости. Мнози борются страсти со всякимъ человѣкомъ и колеблютъ душами. Яко же волны морскія—житейскія сласти, и похоти, и желанія возстаютъ на душѣ.— Мало поприще вѣкъ человѣческій. Но како огненно прескочити? Врагъ бо льститъ, и боретъ, и палитъ всяку душу житейскими сластьми и суетными вещьми тлѣнными, и лѣностію и покоемъ всякимъ отъ юности и до старости и до гроба. Покорити же намъ подобаетъ плоть духови и отвратити всю бѣсовскую прелесть, и житейскій покой всякій и лѣность, и похоти, и желанія мірскія отъ душъ нашихъ отринути мужествомъ, и терпѣніемъ, и крѣпостію.... О человѣче! Чтò твориши несмысленнѣ, погубляеши время свое спасительное непрестанно весь вѣкъ живота твоего, тѣлу своему угождая? Чтò отъ плоти пріяти хощеши? Тогда ли начнеши о спасеніи подвизатися, тогда ли начнеши творити добродѣтели и Христовы святыя заповѣди и повелѣнія Его, егда смертная кончина постигнетъ тя неготова? Егда время есть дѣлати добродѣтели, тогда не дѣлаеши, не радѣеши, тогда не терпиши, и не подвизаешися. Чтò хощеши?...."

Гнилая кладка подломилась, и проповѣдница стремглавъ полетѣла въ болото. Грузно шлепнулась увѣсистая Аркадія

въ грязь поросшую осокой и бѣлоусомъ, * уйдя чуть не по колѣно въ болото. Насилу вытащили ее Никанора съ Марьюшкой.

Не стерпѣла Фленушка: во всю мочь расхохоталась видя карабкавшуюся въ болотѣ уставщицу. И досталось же ей за то отъ Аркадіи. Иное зачала она поученіе, щедро пересыпая его бранными словами.

— Чему заржала, окаянная? визгливо шумѣла она, отряхая жидкую грязь со всѣхъ сторонъ облѣпившую иноческое ея одѣяніе.—Тряслось бы надъ тобой, да висло, безпутная! Чирей тебѣ въ ухо да камень въ брюхо! Чѣмъ бы пожалѣть старуху, а она зубы скалитъ, пересмѣиваетъ. Чтобъ тебя пополамъ да въ черепья! И нелегкая меня угораздила съ шелапутницей этакой на богомолье идти. Гулянки у тебя на умѣ да смѣхи, о молитвѣ и думать забыла. Околѣть бы тебѣ безъ свѣчей, безъ ладона, безъ гроба, безъ савана! Изсуши меня Господи до макова зернышка, коль не разкажу я про всѣ твои проказы матушкѣ! Задастъ она тебѣ, задастъ, взъерепенитъ безстыжую, всклочитъ косы-то! Погоди у меня, погоди!

А Фленушка пуще и пуще хохочетъ надъ разъярившеюся старицей. Посмѣиваются втихомолку и Марьюшка съ Парашей и Василій Борисычъ; улыбается и степенная, чинная Никанора. И трудно было удержаться отъ смѣха глядя на толстую, раскраснѣвшуюся съ досады уставщицу всю въ грязи, съ камилавкой на бокъ, съ апостольникомъ чуть не задомъ напередъ. Фленушка не изъ таковскихъ была чтобъ уступить Аркадіи: чѣмъ больше та горячилась тѣмъ громче она хохотала и тѣмъ больше ее подзадоривала.

И Богъ знаетъ чѣмъ бы это кончилось еслибы шедшіе гуськомъ богомольцы не дошли наконецъ до маленькой полянки, середи которой стоялъ почернѣвшій отъ дождей и ветхости, ягелемъ поросшій голубецъ. То была гробница добрымъ подвигомъ подвизавшейся матери Фотиніи.

До Питиримова разоренья на этомъ мѣстѣ стояла женская обитель старицы Фотиньи Нижегородки. Вблизи отъ нея, съ версту либо еще ближе, стояла другая обитель стари-

---

* Осока—*Carex visicaria*. Бѣлоусъ—*Nardus stricta*.

цы Голендухи. Много въ ту̀ пору на Керженцѣ и въ лѣсахъ Чернораменскихъ учительныхъ и добраго житія старицъ было. Строгою жизнію и добрыми подвигами славились двѣ игуменьи Шàрпанскихъ обителей, матери Марья да Ѳедосья, да начальная старица Елхоэскаго скита, мать Иринарха. Великою начитанностью, острымъ разумомъ и учительнымъ словомъ во всѣ концы старообрядства гремѣла начальная старица Капитолина Ярославка діаконова толка, да старица Анисья Козьмодемьянка. Съ самимъ Питиримомъ онѣ препирались и крѣпкими адамантами древляго благочестія считались, но не было такой постницы, не было такой подвижницы какъ начальная старица Фотинья; и не было такой учительной и начитанной игуменьи какъ мать Голендуха. Къ Фотиньи съ разныхъ сторонъ сходились старообрядцы поучиться добрымъ порядкамъ и подвижничеству, у Голендухи соборы даже собирались. Однажды на Тихоновъ день, * многіе старицы и старцы, именитые люди и духовнаго чина къ матери Голендухѣ въ обитель сходились, разбирали они по подробну „спорныя письма“ Аввакума протопопа и обрѣли въ нихъ несогласныхъ рѣчей со святыхъ отецъ писаніемъ много, и за то согласились отложить тѣ письма. И стало отъ того раздѣленіе Керженскихъ старообрядцевъ на Софонтіево и Онуфріево согласія. И по времени тѣ чтò Софонтьева толка держались по многихъ спорахъ Онуфріевыхъ одолѣли и тому одолѣнію много послужили мать Фотинья да мать Голендуха. Отъ того и память ихъ донынѣ на Керженцѣ честно хранится, отъ того на мѣстà разоренныхъ скитовъ, на ихнія могилы, и ходятъ Богу молиться и помины творить по ревнительницамъ старообрядства.

На Фотиньиной полянкѣ стихли и брань уставщицы и Фленушкинъ хохотъ. Положивъ семипоклонный началъ замолитвовала Аркадія канонъ за умершихъ. Отпѣли канонъ надъ могилой Фотиньи и помянули ее взятыми изъ Виринеиной келарни кутьей да холодными блинами.

Отправивъ службу по Фотиньѣ, богомольцы пошли дальше въ лѣсъ по тоненькимъ кладкамъ. Тутъ стоячее болото было жиже, промежъ зеленой осоки и пышныхъ ярко-желтыхъ купавокъ ** сверкали глубокія лужи какъ пѣной подернутыя

* 16го іюня 1708 года.

** Водяной лапушникъ, Nymphea.

желѣзною ржавчиной. Между ними попадались „вадьи“ и „окна“; угодишь туда — нѣтъ спасенья: пиши къ роднымъ, твори поминки.... Опасливѣй прежняго идутъ гуськомъ другъ за дружкой наши богомольцы, боясь чтобъ опять кому не попасть въ болото, какъ судилъ Господь попасть Аркадіи уставщицѣ. Сухая полянка матери Голендухи была гораздо обширнѣй чѣмъ у Фотиньи; почти сплошь была она покрыта яркимъ зеленобурымъ мохомъ на которомъ росло множество не созрѣлой еще брусники.

И надъ Голендухиной могилкой справили обычную службу и надъ нею пропѣли канонъ и послѣ того кутьей и блинами поминъ сотворили. Дальше гуськомъ по тонкимъ кладкамъ пошли и вышли на дорогу гдѣ ждали ихъ жестоко терзаемые оводомъ кони.

— Подите-ка вы напередъ, молвила мать Аркадія конюху Дементью и работникамъ, — а я тѣмъ временемъ перемѣню одежу. Ишь какой грѣхъ! Какъ изгрязнилась!

Осталась Аркадія съ Никанорой да съ Марьюшкой головщицей. Давай перины поднимать, да узлы развязывать. Достала уставщица чистое бѣлье и запасное верхнее платье, переодѣвшись сѣла она въ переднюю повозку, а Никанора да Марьюшка въ заднія двѣ помѣстились, и поѣхали одна за другой догонять ушедшихъ впередъ. Скоро нагнали и попрежнему размѣстились. Мѣсто возлѣ дороги было посуше; дѣвицы съ Васильемъ Борисычемъ попрежнему пошли другъ за дружкой по лѣсной опушкѣ, попрежнему отдалился московскій посолъ съ Парашей, попрежнему велъ ее за бѣлую руку, попрежнему прижималъ ее къ сердцу и срывалъ съ губъ Параши горячіе поцѣлуи. Ни онъ, ни она ни слова.... Да и къ чему тутъ слова, зачѣмъ длинныя рѣчи?... Знаютъ и безъ того что полюбили другъ друга.

LXXXI.

Багровое солнце плывя въ сѣрожелтомъ туманѣ давно ужь съ полдёнъ опустилось, когда наши путники добрались до Улáнгера. Чищенѝна * была тутъ обширная и сплошь покрыта выколосившимся и уже налившимся хлѣбомъ. Середи

* Мѣсто гдѣ лѣсъ вырубленъ, выкорчеванъ и сожженъ подъ посѣвъ; иначе: пашня расчищенная изъ-подъ лѣсу.

чищавины, окаймленной съ обѣихъ сторонъ зеленѣвшими ложками, струилась по бѣлоснѣжному кварцовому леску свѣтлая рѣчка Ко́зленецъ. По одну ея сторону стоялъ скитъ Ула́нгерскій съ десятью обителями, по другую Фундриковскій — тамъ было двѣ обители.

Еще до Питиримова разоренья стоялъ на Ко́зленцѣ небольшой скитокъ Фундриковъ, мѣсто было затишное, укромное, разоренье не коснулось того скита. Гораздо позже, вскорѣ послѣ чумнаго года и Пугачевщины, разраслось здѣсь скитское населеніе,—появились новыя обители черезъ рѣчку почти насупротивъ Фундрикова. То́ былъ Ула́нгеръ.

До того улангерскія келейницы жили верстъ за сто отсюда въ лѣсахъ Унженскихъ; скитъ тамъ былъ большой и богатый. Тѣмъ по старообрядству онъ славился что между жительницами его немало бывало дворянокъ: чухломскихъ, галицкихъ, пошехонскихъ. Въ старые годы предки этихъ „баръ", какъ зовутъ ихъ въ народѣ, бывали на службахъ великихъ государей, верстаны были помѣстьями и жалованы ими въ вотчину. Внуки ихъ, правнуки, засѣвъ въ лѣсахъ, всегда „бывали въ нѣтяхъ", не являясь на государеву службу. Отъ того жалованныхъ земель у нихъ не прибывало, а каждаго изъ баръ Господь благословлялъ чадородьемъ не меньше какъ древняго Израиля. Имѣнья дробились и баре въ конецъ обѣдняли. Случалось что у семи дворянъ была одна крѣпостная душа и нѣсколько загоновъ дрянной землицы. Жили они бѣднѣй всякаго крестьянина, а чванства и родовой спѣси было у нихъ столько что съ каждаго хватило бы на дюжину богатыхъ вельможъ. Работать имъ нельзя потому что они „баре", а служить тоже нельзя потому что ужъ очень неотесаны, да и грамотѣ рѣдкій изъ нихъ знаетъ. Отъ крестьянъ баре отличались только запонкой на рубахѣ да кружившимъ ихнія головы званьемъ „барина". Народъ ихъ не уважалъ, смѣялся надъ тунеядцами и сложилъ про нихъ двѣ мѣткія пословицы: „бара—по грошу пара" да „семь дворянокъ на одной кобылѣ верхомъ ѣдутъ". Такіе-то баре, вдовыя барыни и боярышни наполняли старообрядскіе скиты находившіеся отъ нихъ по близости. Таковъ былъ и Старый Ула́нгеръ.

Долго тамъ проживали онѣ. Скитъ Улангерскій прославился, имъ дорожили московскіе и другихъ городовъ старообрядцы. „Знайте дескать что и промежь насъ есть родовые дворяне благородные", и щедрою рукой сылали въ

Улангеръ подаянія. И жизнь въ томъ скиту была безопаснѣй и привольнѣй чѣмъ въ другихъ—и попы и полиція не такъ смѣло къ нему подступали какъ къ другимъ, наполненнымъ простолюдинами.

Съ умиленьемъ и гордостью разказываютъ преданія про Старый Улангеръ, стоявшій лѣтъ сто тому назадъ. Житіе, говорятъ, было тамъ пространное, широкое и небоязное, порядки добрые, строгіе, и помногу бѣглыхъ поповъ въ томъ скиту пребывало. И колокольный звонъ и крестные ходы вокругъ скита и по окрестнымъ полямъ, и свободное отправленіе погребенія съ громогласнымъ пѣніемъ и цѣлымъ строемъ поповъ во всемъ чину своемъ, все это бывало въ захолустномъ, забившемся въ дремучіе лѣса Улангерѣ и придавало ему блескъ и славу по всему старообрядству. И невѣдомо отъ чего прогнѣвался Господь на Улангерскія обители: въ пору необычную, на самое Богоявленье нашла грозовая туча и ударила молнія въ главную скитскую часовню. Поднялся вихрь и пламя раскидало по всему скиту; часа черезъ два отъ него ничего не осталось. Со страха и ужаса разбѣжались по всѣмъ сторонамъ улангерскія матери.

Лѣтомъ галицкая боярыня Акулина Степановна изъ рода Свѣчиныхъ, съ племянницей своей Ѳедосьей Ѳедоровной Сухониной, собрала во единъ кругъ разбѣжавшихся матушекъ, пошла съ ними вкупѣ на иное мѣсто, и на рѣчкѣ на Козленцѣ, насупротивъ стараго скита Фундрикова, ставила обитель Спаса Милостиваго. По малому времени собрались сюда и другіе скитскіе жители и ставлено было двѣнадцать обителей, десять женскихъ, двѣ мужскія. Дворянскаго рода бѣлицы и старицы до послѣдняго времени не переводились въ Улангерѣ, и хоть этотъ скитъ далеко не былъ такъ богатъ какъ Комаровскій, Оленевскій или Шарпанскій, но славу большую имѣлъ, потому что въ немъ постоянно привитали бѣдныя дворянки чухломскія, галицкія и пошехонскія. И какихъ сказокъ про нихъ не разказывали: и, близки-то онѣ ко двору, и имѣютъ-то среди царскихъ вельможъ близкихъ сродниковъ и есть-то у нихъ жалованныя грамоты, которыми на вѣки вѣчные обезпечена неприкосновенность скита Улангерскаго.

И что̀ было съ пошехонскими, галицкими и чухломскими „барами“ то сталось и съ потомками ихъ, улангерскими келейницами. Сколько было у нихъ бѣдноты и наготы въ сравненіи съ другими скитами и разказать того невозможно, а спѣси

боярской въ сотню разъ больше того. Какъ можно посылать по городамъ за сборами, какъ можно канонницъ въ Москву отправлять? Сама Москва должна двинуться на рѣчку Кóзленецъ поклониться скиту дворянскому! Знать никого не хотятъ—ходятъ ребромъ, глядятъ козыремъ.—На чтò намъ богатство, была бы спѣсь, была бы передъ нами пыль, люди бы передъ нами сторонились.... Отъ того и забѣднѣлъ скитъ Улангерскій.

Въ то время про которое мы говоримъ, перестали ужь кичиться да гордиться дворянскою славой Улангерскія обители. Дворянокъ оставалось мало, да и тѣ были безъ зубовъ, съ печи не слѣзали, доживая свой долгій вѣкъ. Но старая спѣсь осталась, и не со многими обителями другихъ скитовъ улангерскія матери хлѣбъ-соль водили. Комаровская обитель Манефина въ славѣ и почетѣ была, съ нею знались и знакомствомъ дорожили улангерскія, особенно главная тамошняя игуменья самой большой обители мать Юдиѳа изъ ярославскаго купеческаго рода. Къ ней-то и въѣхали усталые дò нельзя наши богомольцы.

LXXXII.

Дѣвушка, что ловчая птица. Трудно сóкола выносить, а перевабишь * самъ на руку станетъ летать. Недотрогой-царевной смотрѣла Прасковья Паталовна выѣзжая изъ Комарова, а какъ добрались наши странники до Улангера да размѣстились по кельямъ и свѣтлицамъ Юдиѳиной обители, красна дѣвица встосковалася: „Гдѣ-то онъ радость моя?... Что-то онъ, миленькой дружочекъ, подѣлываетъ?...“

И Василью Борисычу на мѣстѣ не сидится. Мать Юдиѳа радехонька была знакомому ужь ей московскому уставщику. Еще когда пѣвчая стая Манефиной обители ѣздила въ Осиповку хоронить Настю, Василій Борисычъ, оставшись въ Комаровѣ безъ дѣла, побывалъ у матери Юдиѳы и даже успѣлъ склонить ее къ признанію надъ собой новаго владимірскаго архіепископа.

* Сокола и другую ловчую птицу носятъ на рукѣ поколь не заснетъ, и такимъ образомъ приручаютъ. Это называется *выношивать*. *Перевабить*—перезвать сокола, переманить вабиломъ съ мѣста. *Вабило*—пара птичьихъ крыльевъ; ими машутъ, посвистывая для призыва выношенной ловчей птицы.

Усадила мать Юдиѳа Василія Борисыча въ почетный уголъ, угощаетъ она московскаго гостя чаемъ и сластями, заводитъ съ нимъ рѣчь про рогожское священство. Но московскому послу не до посольства. Не архіерейство на умѣ, а атласныя бѣлыя плечи, на которыя идучи по кладкамъ не могъ онъ наглядѣться; не Рогожское кладбище на памяти московскій уставщикъ держитъ, а про то сладко вспоминаетъ какъ гуляя по лѣсочку рука объ руку съ Прасковьей Патаповной горячо обнималъ ее, цѣловалъ въ уста алыя. И дивится словоохотливая улангерская игуменья, отчего это молчитъ посолъ московскій, не въ попадъ на спросы отвѣчаетъ, то и дѣло въ рѣчахъ путается. Слышала она что Василій Борисычъ изъ усердія, ради богомольнаго подвига, всю дорогу пѣшкомъ прошелъ, и такъ про него думаетъ: „Усталъ, родименькой, притомился.... Отъ великихъ богомольныхъ трудовъ разстроило сердечнаго."

— Отдохнуть бы вамъ съ дорожки-то, гость дорогой, молвила она Василью Борисычу.—Послѣ трапезы отдохнуть не вздумаете ли?

И кликнувъ бѣлицу Домнушку, мать игуменья ей приказывала постлать скорѣе гостю постель въ сосѣдней свѣтелкѣ, что̀ была надъ кельей игуменьиной.

А Домнушка дѣвица молоденькая, собою маленька, личикомъ бѣленька, очи сокольи, брови собольи, глаза съ поволокой, ротокъ съ позѣвотой, а дѣвичья краса русая коса лежала у ней по спинѣ до шелко̀ва поя̀са. Веселая такая была и нѣжная, а сама чиста какъ голубица. Когда впервые Василій Борисычъ въ Улангерѣ былъ, облюбовалъ онъ эту дѣвицу и почасту съ ней втихомолку заигрывалъ. Обрадовалась теперь Домнушка гостю негаданному, а онъ ровно и не знаетъ ее; даже не поздоровался. И зардѣлось отъ досады бѣлое личико Домнушки, и заискрились слезинкой очи ея звѣздистыя: не того ждала она надѣялась, живучи въ одиночествѣ, помышляя каждый день о Васильѣ Борисычѣ.

Только-что мать Юдиѳа изъ кельи вонъ, на мѣсто ея Фленушка.

— Ну что̀? спросила она, изо всей силы хлопнувъ по плечу погруженнаго въ думу Василья Борисыча.

Тотъ присѣлъ даже отъ нечаяннаго удара разудалой дѣвицы.

— Охъ искушеніе! вскрикнулъ онъ и едва переводя духъ молвилъ:—Совсѣмъ исполошили вы меня, Флена Васильев-

на! Какъ можно пугать человѣка! Мало ль что съ испугу можетъ случиться? Медвѣдь и крѣпче меня, да и съ тѣмъ съ испугу-то что̀ бываетъ?

— Ишь незамайка какой выискался, лукаво усмѣхаясь молвила Фленушка.—Гдѣ таково, Василій Борисычъ, изнѣживались? Въ свѣтлой свѣтлицѣ, аль во чистомъ полѣ, али въ лѣсочкѣ, срывая цвѣточки?

— Не знаю какъ ваши рѣчи понимать, Флена Васильевна? сказалъ Василій Борисычъ, будто не понимая Фленушкиныхъ намековъ.

— Рѣчисты ужъ больно стали вы, Василій Борисычъ. Съ вашихъ столичныхъ рѣчей можетъ статься намъ лѣснымъ дурамъ плакать придется, продолжала Фленушка.

— Да что̀ это вы нынче все притчами говорите? Вы бы прямо. Понятнѣе, молвилъ Василій Борисычъ.

— Тѣ мои и рѣчи, что птицу кормомъ, а дѣвушку льстивыми рѣчами обманываютъ, съ коварною усмѣшкой сказала Фленушка.

Василій Борисычъ ни слова въ отвѣтъ.

— Сгубили вы ее своими рѣчами, продолжала Фленушка.

„Охъ, искушеніе!“ подумалъ Василій Борисычъ. Да тутъ же и вспало ему на мысли: „про какія же это рѣчи она говоритъ? Кажется, мы во все время единаго слова не вымолвили.“

— Теперь сидитъ разливается-плачетъ, сказала Фленушка. Хоть пошли бы да утѣшили, покамѣсть старицы наши съ Юдиѳой растабарываютъ.

— Охъ искушеніе! въ полголоса промолвилъ Василій Борисычъ.

— Нечего таиться, сказала Фленушка, положивъ руку на плечо его.—Съ Парашей мы душа въ душу живемъ, она мнѣ все разказала, все что̀ въ лѣсу промежъ вами ни дѣлалось...

— Ахъ, Флена Васильевна!... Флена Васильевна!... только и могъ краснѣя и глубоко вздыхая промолвить Василій Борисычъ.

— Вотъ что̀: теперь пожалуй лучше не ходите къ ней, сказала Фленушка,—очень ужъ людно здѣсь, да опять же на насъ на пріѣзжихъ во всѣ глаза смотрятъ. А лучше вечеркомъ послѣ солнечнаго заката—на̀ всполье выходите. Видѣли какъ сюда въѣзжали крестъ большой въ землю вкопанъ стоитъ. Отъ этого креста дорожка вдоль рѣчки къ перелѣску идетъ—

туда приходите. Да смотрите чуръ не обмануть. Безпремѣнно приходите.

Ни слова Василій Борисычъ, одно только завѣтное слово шепчетъ онъ: „охъ искушеніе!"

— Что же нашей царевнѣ-королевнѣ велите сказать? настойчиво спросила Фленушка.—Придете аль нѣтъ вечеркомъ въ перелѣскѣ тоску - горе размыкать?... Придете аль нѣтъ?

— Приду, едва слышно проговоридъ, смущаясь отъ этихъ разговоровъ Василій Борисычъ.

— Ладно. Да вы не бойтесь. Мы ловкой рукой все дѣло обрядимъ, сама на сторожѣ стану, усмѣхаясь бойко и рѣзко проговорила Фленушка.

— Охъ искушеніе!.молвилъ Василій Борисычъ.

— Погляжу я на васъ, Василій Борисычъ, съ лукавою улыбкой сказала Фленушка:—настоящій вы скосырь московскій! Любите дѣвушекъ съ ума сводить... Что-то Устюша теперь? Ну да вѣдь я не за тѣмъ ,чтобъ ее поминать.... Прощайте, не обманите же. Только-что послѣ ужины матери по кельямъ разойдутся, вы тотчасъ къ большому кресту да тропой въ перелѣсокъ. Смотрите жь.

И какъ рѣзвая касатка вонъ изъ кельи порхнула.

А вовсе не Парашины рѣчи-желанья Василью Борисычу она говорила. Высмотрѣвъ украдкой что было въ лѣсочкѣ вздумалось Фленушкѣ и эту парочку устроить. Очень любила такія дѣла и давно ей хотѣлось коли не свою такъ чужую свадьбу уходомъ сыграть. По ея разумѣнью дѣло подходящее теперь выпадало: влѣзъ по́ поясъ Василій Борисычъ—полѣзетъ и по горло, влѣзетъ по го́рло—по́ уши лѣзь, по́-уши окунется—маковку туда жь. Такъ ужь хочетъ Флена Васильевна, такова ея воля дѣви́чья.

По случаю пріѣзда московскаго посла и комаровскихъ матерей, въ Юдиѳиной обители большое собраніе было. Сошлись игуменьи и соборныя старицы изо всѣхъ обителей.

До сыта наговорились онѣ съ комаровскими матерями. Успокоясь немного отъ сердечной тревоги, много говорилъ съ ними Василій Борисычъ. Толковали объ архіерействѣ, улангерскія старицы еще не были склонны къ Бѣлокриницкой іерархіи, сомнѣвались въ ея чистотѣ, ересей сокровенныхъ боялись, больше всего смущало ихъ не обливанецъ ли Грекъ Амвросій. Если обливанецъ — все его архіерейство и свя-

щенство безблагодатно и кромѣ душевной гибели отъ него ожидать ничего невозможно. Василій Борисычъ Бога въ свидѣтели приводилъ что самъ онъ своими глазами видѣлъ какъ въ Эносѣ, на родинѣ митрополита, Греки дѣтей въ три погруженья крестили, что тамъ про обливанство и слуху нѣтъ и весьма имъ гнушаются какъ богомерзкою латинскою прелестью. Отъ книгъ доказывалъ что хоть у Грековъ вѣра отъ бусурманскаго насилія и стала пестра, но въ крещеніи они нимало не погрѣшили. Улангерскія матери обѣщали обо всемъ хорошенько подумать, а мать Юдиѳа прямо сказала что готова признать владыкой владимірскаго архіепископа и принять поставленнаго отъ него попа. Но еще больше чѣмъ объ этомъ было рѣчи на счетъ опасности грозившей скитамъ Керженскимъ и Чернораменскимъ. Кромѣ извѣщенія объ этой опасности полученнаго изъ Комарова отъ матери Манефы, Юдиѳа и другая улангерская игуменья, мать Минодора, получили такія жь недобрыя вѣсти отъ благодѣтелей изъ Петербурга. Толковали, вздыхали охали и тѣмъ порѣшили что гдѣ гроза тамъ и вёдро. Господь не безъ милости—пронесетъ мимо тучу грозную и бѣдныхъ сиротъ учинитъ безпечальны; надо во всемъ на Его святую волю положиться. И то порѣшили чтобы на Петровъ день непремѣнно быть на общемъ съѣздѣ въ обители у матушки Манефы и тамъ пособоровать что̀ слѣдуетъ дѣлать, что̀ предпринять при такихъ тревожныхъ вѣстяхъ.

Солнце межь тѣмъ багровѣетъ больше и больше, а сѣрожелтый туманъ застилавшій лазурь небеснаго свода больше и больше темнѣетъ. И на землѣ затуманились дальніе предметы: перелѣсокъ и Фундриковскія строенья ровно въ дымку закутались. Гарью сильно запахло—ясно что пожаръ разгорался не на шутку, но гдѣ, въ которой сторонѣ и далеко ли онъ, никто не вѣдаетъ, не знаетъ. Во время большихъ лѣсныхъ пожаровъ сухой туманъ и запахъ гари распространяется иногда на сотни верстъ отъ горѣлаго мѣста. Отъ того въ Улангерѣ и были спокойны—никто не тревожился. „Горитъ гдѣ-то далеко, до насъ не дойдетъ, говорили келейницы, а хотя бъ и дошло такъ намъ не бѣда — Улангеръ не лѣсная деревушка, чищенѝна большая, до келій огню не добраться.“

Еще далеко не дойдя до края небосклона солнце скрыло

лучи и совсѣмъ померкло, опускаясь въ непроглядную полосу густаго тумана. Нѣтъ вечерней зари, прямо безъ зари ночь небо покрыла. Повѣяло холодкомъ, столь отраднымъ послѣ зноя длиннаго іюньскаго дня. Надъ рѣчкой, на пожняхъ и болотахъ стелются влажные туманы. Отъ гари лѣснаго пожара, не бѣлыми они кажутся, а какими-то сѣроватыми. Матери бывшія у Юдиѳиц на соборѣ, распрощавшись съ комаровскими гостями, разошлись по домамъ. Вездѣ покончили работы, вездѣ совершили вечернюю трапéзу, вездѣ разошлись по кельямъ на боковую.

Фленушка уговорила двухъ давно знакомыхъ ей дѣвицъ Юдиѳиной обители вмѣстѣ погулять по вечернему холодку. Тѣ охотно согласились. Сказали Домнѣ, та не пошла, сказала что голова у ней разболѣлась, а въ самомъ дѣлѣ разболѣлось у нея сердце. На чтò жь это въ самомъ дѣлѣ похоже? Въ первый разъ пріѣзжалъ заигрывалъ, обѣщался еще побывать, гостинцевъ привезти, и вдругъ ни съ того ни съ сего не то что гостинцами — взглядомъ подарить не хочетъ.... А она ль о немъ не думала, она ль не надѣялась?... И очень печалилась нѣжная Домнушка, но въ тайнѣ свою печаль сохраняла... Пошли разгуляться Фленушка съ Парашей да съ Марьюшкой головщицей и двѣ Юдиѳины дѣвицы, развеселая, быстроногая Дуняша да голосистая чернобровка Варя. Только вышли на всполье, только отошли отъ келій подалѣ, тотчасъ за мірскія пѣсни, а сами все ближе да ближе къ перелѣску.

Вышелъ изъ обители и Василій Борисычъ. Неспѣшными шагами идетъ онъ къ большому кресту. Подошелъ, остановился и положилъ передъ крестомъ семипоклонный начáлъ, ровно передъ добрымъ дѣломъ.... Отъ креста по узкой тропинкѣ пошелъ къ темному перелѣску. Фленушка примѣтила гостя только-что выбрался онъ на всполье, голосъ ему подала, зазывая къ себѣ на бесѣду. Подошелъ къ дѣвицамъ Василій Борисычъ.

Въ малиновомъ шелковомъ сарафанѣ съ палевымъ передникомъ, съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ сидѣла на травѣ, окруженная подругами, Параша. Какъ и всегда была она не разговорчива, но не замѣтно было въ ней ни прежней лѣни, ни прежней сонливости. Пошла ли бъ она поздней порой въ поле, покинула ли бы мягкій пуховикъ, еслибы не случилось съ нею въ тотъ день чего съ роду не случалось.

Узнала горячія объятья, испытала сладость поцѣлуевъ, ровно переродилась; взоръ сталъ смышленѣе, лицо думчивѣе, всѣ движенья быстрѣе. Еслибъ Фленушка съ Марьюшкой и ничего бы не подсмотрѣли въ лѣсу, онѣ какъ опытныя дѣвицы, сразу бы, взглянувъ на Парашу, догадались отъ чего съ ней такая перемѣна сталась. Любовь что огонь либо что кашель: отъ людей не скроешь.

Фленушка съ дѣвицами, ведя затѣйные разговоры, ушли въ глубь лѣса. Увидала Параша что осталась одна, а Василій Борисычъ стоитъ передъ нею.... Голова у ней закружилась, сердце такъ и упало... Убѣжать бы скорѣй да съ мѣста не встается... Остаться и боязно и стыдно.... Однако осталась.

Василій Борисычъ возлѣ нея на травку сѣлъ и молча взялъ за руку. Параша ни слова.

Крѣпко онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать.... Ни слова Параша.... Лишь слегка отстраняется отъ поцѣлуевъ, но не отталкиваетъ взволнованнаго страстью московскаго гостя.

И все молчатъ.... А хмѣлевая ночь темнѣй да темнѣй, а въ воздухѣ тише да тише... Ни голосовъ, ни звуковъ—все стихло, все заснуло... Неслышными стопами, невидимо ступаетъ по Матери Сырой Землѣ веселый Ярило, вѣетъ тихонько яровыми колосьями и алыми цвѣтами, распаляетъ, Яръ-Хмѣль, разжигаетъ кровь молодую, туманитъ головы, сладкое забытье наводитъ....

Рѣетъ надъ ними Ярило, кроетъ серебристымъ своимъ балахономъ.... Радостно улыбаясь осыпаетъ ихъ цвѣтами весны, цвѣтами любви, цвѣтами жизни...

Заготовила было Фленушка сонъ-траву подложить подъ подушку Василью Борисычу—пусть бы приснился ему вѣщій сонъ, пусть бы узналъ судьбу свою, увидалъ бы свою суженую.... Бросила липкій цвѣтокъ—не надо ворожбы.... На яву все узнано, не во снѣ все угадано.

LXXXIII.

На другой день наши путники отправились на прахъ сожженнаго „страдальца" Варлаама. Къ нимъ присоединилось нѣсколько старицъ и бѣлицъ улангерскихъ... И все

женскій полъ, изъ мужчинъ были только Василій Борисычъ да еще доживавшій свой вѣкъ въ обветшалой мужской обители старецъ Іосифъ.

Тотъ Іосифъ былъ улангерскій старожилъ. Старше его по жительству въ скитѣ никого не было, кромѣ древней матери Ксенофонты, впавшей въ дѣтство и ужь больше пяти годовъ не слѣзавшей съ печки. Та еще съ Акулиной Степановной изъ Стараго Улангера пріѣхала. Старецъ Іосифъ былъ изъ чухломскихъ баръ, дворянскаго роду Горталовыхъ, за нимъ въ Чухломскомъ уѣздѣ три ревижскія души состояло, двѣ души умерло, а третья вмѣстѣ съ бариномъ въ обители проживала и надъ бариномъ своимъ начальствовала, потому что инокъ Галактіонъ, по мірскому Егорка Даниловъ, крѣпостной господина Горталова крестьянинъ, игуменствовалъ въ обѣднѣвшей и совсѣмъ почти запустѣвшей мужской Улангерской обители. Хоть пострижень былъ отецъ Іосифъ, хоть отрекся отъ міра сего, однакожь барской спѣси было въ немъ довольно.

— Егорка, подлецъ! Что это ты вздумалъ? Какъ ты смѣешь? крикнетъ бывало Іосифъ на своего игумна, когда тотъ сдѣлаетъ какое-нибудь распоряженье несогласное съ желаньемъ своего барина.

— Я тебѣ не Егорка, строго отвѣтитъ игуменъ.—Твой Егорка былъ да сплылъ, а смиренный игуменъ честной обители инокъ Галактіонъ. И онъ тебѣ приказываетъ: стань ты, непотребный рабъ, на поклоны, сотвори сто великихъ поклоновъ, да триста метаній, да пятьсотъ малыхъ.

И смиряется старецъ Іосифъ и кладетъ поклонъ за поклономъ, метаніе за метаніемъ, творя волю крѣпостнаго игумна. И вѣдая таковое смиреніе старца Іосифа, его похваляли. Такъ про него говорили: „отецъ Іосифъ сый великоблагороденъ, земныхъ чести и славы отрекся, убогаго монастыря во убогой келійцѣ благодарственно нищету и скудость терпитъ, паче же всего христоподражательнымъ смиреніемъ себя украшаетъ“.

А въ прежніе годы, въ годы свѣтлой, кипучей молодости, ходокъ былъ отецъ Іосифъ. О томъ старушки памятуютъ, крытыя теперь чернымъ куколемъ, апостольникомъ украшенныя, иночествомъ вѣнчанныя. До смерти не выйдетъ изъ ихъ памяти та пора какъ молодыми бѣлицами онѣ во честныхъ обителяхъ житіе провождали. То-то былъ затѣйникъ,

то-то былъ любезникъ молодой чернецъ Іосифъ! Дворянскій родъ много ему помогалъ. Падки до него скитскія дѣвицы— каждой облагородиться лестно. Пролетѣли года одинъ за другимъ, поникъ старостью старецъ Іосифъ. За старину тогда принялся, много книгъ прочиталъ, много ученья извѣдалъ. Имѣя острую память и быстрый умъ, какъ книга зналъ всю старину, а чего и не зналъ, то вымысломъ умѣлъ разукрасить. Оттого и желательно было каждому заѣзжему въ Улангеръ человѣку того старца послушать, и самъ отецъ Іосифъ любилъ провести часъ другой въ беоѣдѣ съ хорошимъ человѣкомъ. Москву только и тузовъ ея не жаловалъ. Не жаловалъ еще комаровскую уставщицу Аркадію. У него какіе-то старые счеты съ тою старицей были....

Вотъ идетъ отецъ Іосифъ всѣхъ впереди, рядомъ съ нимъ Василій Борисычъ. Слушаетъ преподобныя рѣчи, не вспоминая о грѣховной ночи. Фленушка съ блѣдною, какъ бы истомленною Парашей и свѣжею какъ наливное яблочко Марьей головщицей тутъ же идутъ. Люди хоть не дальніе, а все-таки заѣзжіе, любопытно имъ оказаній Іосифа про улангерскую старину послушать.

— Идемъ мы благочестно на прахъ отца Варлаама, говорилъ Іосифъ.—Добрѣ намъ подвиги его вспомянути. Доблестно пострадалъ воинъ Христовъ за правую древлеотеческую вѣру; себе самого и доблихъ учениковъ самосожженію предавше да лестію не обольстятъ рабовъ Христовыхъ злые антихриста послы... Ангелы Божіи въ небесахъ возликовали, егда воню благоуханія самосожигаемыхъ обоняли и пѣснь преподобныхъ во временномъ міра сего огнѣ слышали. „Изведи изъ темницы душу мою, мене ждутъ праведницы“— вотъ что̀ пѣли въ пламени исповѣдники Христовы. Таковы по здѣшнимъ мѣстамъ въ старые годы люди живали, таковы преславныя дѣла бывали. Нынѣ не то, не тѣ времена.

— Да, вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Нынѣ не то, продолжалъ Іосифъ, покачивая головою, покрытой старою побурѣвшею отъ времени камилавкой.—Нынѣ слабость по людямъ пошла. Измалодушествовались не токмо мірскіе, но и тѣ что̀ ангельскій образъ пріять сподобилися. Повсюду врагъ Божій плевелы обильно сѣетъ, повсюду въ сѣти свои окаянный христіанскія души на пагубу имъ уловляетъ. Плача и воздыханій достойно время наше! Изсякла вѣра, померкла добродѣтель, не стало истинныхъ

рабовъ Христовыхъ! Обаче Божія благодать и въ нынѣшнія послѣднія времена не оскудѣваетъ, паче же преизбыточествуетъ. У васъ на Москвѣ промежь пузатыхъ лицемѣровъ, агнчую одежду на свои волчьи тѣлеса вздѣвшихъ, про здѣшнія чудеса поди чай и не слыхали, а мы простіи своими очами ихъ зрѣли. Что ваша Москва? Широко живетъ, высоко плюетъ, а до Божьяго ей дѣла и нѣтъ.

— Напрасно, старче Божій, такое о Москвѣ разсужденіе держите, вступился московскій посолъ.—Вся земля грѣхами преисполнена, Москва на ней же стоитъ. Праведниковъ подобныхъ прежнимъ отцамъ не видимъ, обаче ревности по древлему благочестію не лишены и прилежанія къ старой вѣрѣ въ московскомъ обществѣ довольно. О томъ по всѣмъ странамъ премного извѣстно.

— Не говори мнѣ, другъ любезный, про вашу прославленную Москву, горячо сказалъ Іосифъ.—Знаю я ее вдоль и поперекъ. Испоконъ вѣку деревенщинѣ была не любовна.... Какъ въ старые годы, такъ и нынѣ. Москва что доска—слать широко да кругомъ мететъ... Уты, утолстѣ, ушире и забы Бога Создателя своего. Не въ Москвѣ древлее благочестіе,—по далекимъ захолустьямъ, середь бѣднаго, простаго народа... Это такъ.... Такъ.... Ты молодъ еще, Василій Борисычъ, не спорь со старымъ человѣкомъ хорошаго роду. Супротивъ стараго царскаго дворянина спорить тебѣ, мальцу, не довелось. Помни мое слово и не супротивься.

Смолчалъ Василій Борисычъ. Помолчалъ немного и старецъ Іосифъ, а за тѣмъ такую рѣчь повелъ:

— Отъ вѣку до вѣку не видать и не знать Москвѣ столь великаго подвижника, таковаго по святоотеческой вѣрѣ поборника, каковъ во дни наши среди насъ просіялъ. Многотерпѣливый и многострадальный мужъ, добрыя ревности и спасительнаго житія, ревностно и благопокорно среди братіи служаше, молитвеннаго и цѣломудреннаго пребыванія образъ былъ всѣмъ хотящимъ спастися...

— Кто жь это такой? спросилъ Василій Борисычъ.

— Тезоименитъ преподобному страдальцу ему же грядемъ поклониться, отвѣтилъ Іосифъ.—Варлаамъ—ангельское имя ему, мірское же Василій Перепелкинъ, родомъ изъ Медыни, хорошаго роду старыхъ дворянъ.

— Разкажите о немъ пожалуста, отче святый, сказалъ Василій Борисычъ.

Быстро, но важно взглянулъ на московскаго посла Іосифъ, торопливо поправилъ кафтырь и камилавку, съѣхавшія набокъ, и такъ сталъ говорить:

— Когда насталъ французскій годъ, дивный отецъ, не стерпя зрѣти озлобленій отъ иноплеменныхъ, удалился. И шедъ бѣгая въ пустыню, въ здѣшніе лѣса за Волгу пришелъ. Прежде по близости Стараго Макарья пребываніе имѣлъ, въ лѣсахъ Каменскихъ, Дорогучинскихъ и Ветлужскихъ, * и толико въ молитвахъ и постѣ подвизался что сподобился общенія со святыми Нестіарской обители. **

— Чтò за обитель? Чтò за святые? съ живымъ любопытствомъ спросилъ Василій Борисычъ.

— О Москва, Москва! О высокоумные и прегордые московскіе люди! съ усмѣшкой презрѣнья вскликнулъ старецъ Іосифъ.—Великими мнятъ себе быти, дивнаго же Божія смотрѣнія не знаютъ. Окаменѣли сердца, померкли очи, слуху глухота дадеся!. И дивиться тутъ нечему—Нестіаръ не фабрика, не заводъ, не торговая лавка, а Божіе мѣсто, праведнымъ уготованное! Какое жь до него дѣло московскимъ?

— Богомъ прославленныхъ мѣстъ на землѣ чтò звѣздъ на небѣ, сказалъ замолчавшему Іосифу Василій Борисычъ.—Всѣ такія мѣста человѣку вѣдать невозможно, и тебѣ бы, старче, незнающему сказать, невѣдущаго научить, а не Москву бранить. Тутъ московскіе люди ничѣмъ не повинны.

Не отвѣтилъ Іосифъ и недолго помолчавъ быстро обратился къ Василью Борисычу.

— Васильсурскъ знаешь?

— Какъ не знать? живо отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Задолго до Никоновой порухи было на Руси лихолѣтье...

---

* По переведеніи въ 1817 году Макарьевской ярмарки въ Нижній, Старымъ Макарьемъ зовутъ уѣздный городъ Макарьевъ, при которомъ знаменитая ярмарка существовала съ начала XVII столѣтія. Каменскій лѣсъ вблизи Волги на лѣвой сторонѣ ея, ниже Макарьева, называется такъ по селу Каменкѣ, находящемуся на Розвѣжской заводи рѣки Волги. (Заводь—мелкій открытый заливъ рѣки, идущій обыкновенно вверхъ, противъ теченія). Сплошной съ нимъ лѣсъ, простирающійся къ востоку, называется Дорогучинскимъ, по рѣчкѣ Дорогучѣ. Къ сѣверу отъ нихъ Ветлужскіе лѣса, по рѣкѣ Ветлугѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ до расхищенія казенныхъ лѣсовъ, бывшаго въ пятидесятыхъ годахъ жило не мало пустынниковъ.

** Озеро Нестіаръ на лѣвой сторонѣ Керженца, среди глухаго лѣса.

Гришка Растрига на православное царство Литву и Ляховъ навелъ. Города, села пожигали, церкви разрушали, святыя иконы на щепы кололи, всякой святынѣ ругались. Подмялась заодно съ ними некрещеная сила: Мордва, Черемиса и Татаре. Подошла та окаянная сила къ Васильсурску. Ратныхъ людей тамъ было мало. Василегородцы, не чая спасенья, преплывали обонпалъ Волгу, и въ лѣсахъ отъ огня и меча укрывались. Ратные же люди вышли изъ града на враговъ, нимало побѣды не чая, мученическій вѣнецъ пріяти желая. Но простеръ Господь Свою десницу, и предъ малымъ числомъ воиновъ православныхъ въ розгь побѣжали орды не знающихъ Бога. Взятая въ полонъ Черемиса повѣдала Василегородцамъ, отъ того де они побѣжали что передъ ними явился на бѣломъ конѣ страшный видомъ чернецъ, съ пламеннымъ копіемъ, и тѣмъ копіемъ ихъ, враговъ имени Христова, немилостиво поражалъ. Когда же тѣ полоняннику восхотѣли святаго крещенія и приведены были въ церковь, воззрѣвъ на икону преподобнаго отца Варлаама Хутынскаго, познали старца пламеннымъ копіемъ ихъ поразивша. Слыша такое Божіе о градѣ смотрѣніе, Васильгородцы Богу хвалу приносили, преподобному Варлааму молебны пѣли, и всѣ радости исполнены были спасенія ради града отъ иноплеменныхъ. По малѣ же времени многіе изъ нихъ въ вѣрѣ пошатнулись, престали къ церкви Божіей ходити, поученій отъ священнаго чина принимати, и едва сорокъ человѣкъ остались во градѣ помнившихъ Господа и не забывшихъ Бога и святой Его вѣры. И ради того сорока не попустилъ до времени Господь тому граду погибнуть. Насталъ праздникъ Господень, Преполовеньевъ день. Въ церковь только тѣ сорокъ человѣкъ пришли, иные же въ безчинныхъ игрищахъ и въ мірской суетѣ пребывали. И когда, по скончаніи божественной службы, благочестивые крестнымъ ходомъ пошли на Волгу воду святить, двинулась за ними и церковь Божія, предъ нею же икона преподобнаго Варлаама Хутынскаго шествовала никѣмъ не носима. Когда же пришли ко брегу, Волга рѣка разступалася, какъ широкія врата растворялася, принимала въ лоно свое людей благочестивыхъ, шедшую за крестнымъ ходомъ церковь, и святую икону преподобнаго Варлаама. И всемогущею силою Бога люди тѣ и церковь пренесены за Волгу, въ лѣса, на озеро Нестіаръ. И

до сихъ поръ тамо живутъ они невидимые въ обители невидимой. Все одно что на Китежѣ.

— Дивенъ Богъ во святыхъ Его, поднявъ къ небу глаза съ умиленьемъ сказалъ Василій Борисычъ, и поклонясь Іосифу примолвилъ:—благодаренъ остаюсь на добромъ поученьи.

— То-то! Благодаренъ остаюсь! ворчалъ себѣ отецъ Іосифъ.—У васъ, на Москвѣ, да и по другимъ странамъ, гдѣ такія Богомъ хранимыя сокровенныя мѣста? Да и нельзя имъ быть у васъ! Кто у васъ въ Москвѣ по старой вѣрѣ остался? Одни толстосумы, торгаши, продажной совѣсти купцы! Всѣмъ завладали окаянные мытари, завладали и церковью Божіей.... Нечего рожу-то косить—правду говорю. Мзда, неправедные нажитки ослѣпили! Забывъ Бога и любовь Имъ повелѣнную, всякаго обсчитать норовятъ; рабочаго обидѣть, своему брату долговъ не заплатить. Тотъ у нихъ за человѣка не почтенъ кто хоть разъ на вѣку по гривнѣ за рубль не платилъ..... Вотъ каковы ваши московскіе столпы старой вѣры, вотъ каковы ваши адаманты благочестія!.... А все отъ чего? Отъ того что въ старой вѣрѣ нашей братьи столбовыхъ дворянъ не осталось. Безъ дворянъ ни царство, ни церковь стоять не могутъ. Это вѣрно. Вспомни-ка кто были древніе святые отцы? Всѣ хорошихъ дворянскихъ родовъ. Москву возьми: святитель Петръ изъ волынскихъ бояръ, Алексѣй митрополитъ изъ роду Плещеевыхъ, святитель Филиппъ изъ роду Колычевыхъ, Сергій преподобный изъ радонежскихъ дворянъ. А теперь кто? Все худородные. Спроси у моего Егорки, игумна нашего отца Галактіона значитъ, спроси у него — тоже скажетъ, хоть самъ и худороденъ. Ты, Василій Борисычъ, много начитанъ, значитъ силу Писанія разумѣешь, и то стало-быть вѣдаешь что̀ означаетъ стихъ поемый на Богоявленіе Господне.

И запѣлъ дрожащимъ отъ старости голосомъ Іосифъ: „Духъ Господень на водахъ воліетъ глаголя: пріидите, пріимите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія“....— Скажи-ка что̀ это значитъ? спросилъ онъ Василья Борисыча.

— Да какъ сказать.... замялся Василій Борисычъ....

Іосифъ продолжалъ:

— То означаетъ что отъ Господа три жребія человѣкомъ дано: Симовъ жребій—Богу служити, Іафетовъ жребій—власть держати, Хамовъ жребій—страхъ имѣти. Отъ того и поется

чтобы даровалъ Господь Симу, сирѣчь духовному чину, премудрость на поученіе людей, Іафету, сирѣчь дворянству, отъ него же и царскій корень произыде — послалъ духа разума людьми править и въ разумѣніи всякихъ вещей превыше всѣхъ стояти, а Хаму, сирѣчь черному народу, мужикамъ, мѣщанамъ и вашему брату купцу, послалъ бы Господь духъ страха Божія на повиновеніе Симову жребію и Іафетову. Раби есте.... Мы Симовъ и Іафетовъ жребій рабы Божіи, а вы Хамовъ жребій первѣе рабы Божіи, а потомъ наши, то-есть Симовы и Іафетовы. Вотъ какъ по Божьему-то. А нынѣ не то, нынѣ песья нога выше головы стала. Развѣ это Божье устроенье? Не отъ Бога, отъ діавола сіе.... Да ты не хмурься, Василій Борисычъ,—дѣло говорю, по Писанію сказываю.

— Ты послушай его, Василій Ворисычъ, молвила мать Аркадія.—Онъ вѣдь у насъ блажной; не того еще наскажетъ.

— А ты, Хамова внучка, молчи. Пока тебя не спрашиваютъ ротъ разѣвать не моги, кинулъ слово ненавистной Аркадіи старецъ Іосифъ.—Не твоего ума это дѣло.

— Лёгко ли что̀! отвѣтила Аркадія.—Самъ-то хуже всякаго Хама. Хоть бы камилавку-то получше на башку вздѣлъ, а то гляди-ка какая. Поди, чай мыши гнѣздо въ ней завели ... А еще дворянинъ, баринъ....

— Дамъ я тебѣ мыши! Велика ты птица: мать знала, отца не видывала, вотъ какого ты роду... А еще уставщица, горячился Іосифъ.

— Какъ я свисну тебя по дворянской-то башкѣ, такъ забудешь у меня роды разбирать, крикнула Аркадія, замахнувшись дорожнымъ подожкомъ.

— А я какъ велю моему Егоркѣ тебя на поклоны поставить.... Онъ вѣдь тебѣ духовный отецъ, проворчалъ Іосифъ.

— Такъ онъ и послушалъ тебя! вскрикнула Аркадія.—Еще смѣешь ты игумна своего Егоркой звать!... Баринъ!... Баринъ!... Какой ты баринъ!... Изъ тѣхъ что̀ по два десятка на одной кобыленкѣ ѣздятъ.

— А ты ври да не завирайся. И въ бѣдности должна уважить чинъ боярства, съ важностью молвилъ отецъ Іосифъ.

— Давно, батюшка, знаю что на тебѣ два чина: дуракъ да дурачина, подхватила Аркадія.

Всѣ засмѣялись, улыбнулся даже Василій Борисычъ.

И дошло бы у честна́го отца со смиренной инокиней до рукопашной, еслибы въ разгарѣ брани не дошли они до праха сожженнаго Варлаама.

На небольшой полянкѣ, середи частаго еловаго лѣса, стоялъ высокій деревянный крестъ, съ прибитымъ въ срединѣ мѣднымъ распятіемъ. Здѣсь, по преданію, стояла келья Варлаама, здѣсь онъ сожегъ себя съ учениками. Придя на мѣсто и положивъ передъ крестомъ обычный семипоклонный началъ, богомольцы стали по чину, и мать Аркадія, замѣтивъ что отецъ Іосифъ намѣревается начать канонъ, поспѣшила „замолитвовать". Не хотѣла она и тутъ ему уступить, хоть по скитскимъ обычаямъ первенство слѣдовало Іосифу какъ старцу.

Запѣли канонъ за единоумершаго. Отецъ Іосифъ сначала молчалъ, потомъ присталъ къ поющимъ.

Послѣ канона всѣ попрощались. Попрощалась и Аркадія съ Іосифомъ. Брани какъ не бывало.

Возвращались другою дорогой. Шли темнымъ дремучимъ лѣсомъ по узкимъ тропинкамъ, по сгнившимъ на половину кладкамъ. На могилахъ пустынника Иліи и прозорливой матери Ѳеклы также пѣли каноны. Смирившаяся Аркадія не препятствовала Іосифу „править службу". Галицкій дворянинъ былъ этимъ очень доволенъ.

Отъ гробницы матери Ѳеклы рукой подать до Ула́нгера. Торопились поспѣть къ тра́пезѣ и потому прибавили шагу. Василій Борисычъ обратился къ отцу Іосифу.

— Что̀ жь не докончили вы про отца Варлаама?

— Про Варлаама? Что̀ тебѣ про него разказывать? Не въ пользу вѣдь будетъ, молвилъ брюзгливо Іосифъ.

— Да нѣтъ, ужь пожалуста разкажите, просилъ старца Василій Борисычъ.

— Что̀ жь расказать-то? Старость, дряхлость пришла, не подъ силу ему стало одному жить въ пустынѣ. Къ намъ въ обитель пришелъ, пятнадцать зимъ у насъ пребывалъ. На лѣтнее время, съ Пасхи до Покрова, иной годъ до Казанской, въ лѣса удалялся, а гдѣ тамъ подвизался никто не знаетъ. Безмолвіе возложилъ на себя, въ послѣднія десять лѣтъ никто отъ него не слыхивалъ ни слова. И на правилѣ стоя въ молчаніи молился, не шевелилъ даже губами.

— Что̀ же? Въ вашей обители старецъ жизнь свою кон-

чилъ? спросилъ Василій Борисычъ замолчавшаго отца Іосифа.

— Взяли его. Безъ пачпорта проживалъ—взяли.... продолжалъ Іосифъ.—Три года въ темницѣ сидѣлъ. Злодѣйства не вѣдый яко злодѣй, разбойничества ниже помысливый яко разбойникъ томленъ былъ во узилищѣ. И ни единаго слова мучителямъ не молвилъ. Всѣ члены его сокрушили множествомъ лютыхъ мученій. Но аще и раны нанесоша и томленіе темничное умножиша, не возмогоша крѣпкаго столпа поколебати, ниже ослабити. Не возмогли и ласканіями къ своей волѣ преклонити; ни единаго слова на судилищѣ не молвилъ. И по долзѣ времени отослали его въ монастырь къ Старому Макарью на безысходное житіе за крѣпкимъ карауломъ. Во узахъ тамо пребывалъ преподобный Варлаамъ два лѣта. И по семъ великое чудо надъ доблимъ рабомъ своимъ Господь показалъ. Яко Петръ изъ веригъ невидимо изыде изъ заточенія и ангеломъ Божіимъ приведенъ бысть въ обитель невидимыхъ святыхъ на озерѣ Нестіарѣ. Тамъ и нынѣ съ оными блаженными пребываетъ и будетъ тамо пребывать до скончанія вѣка. Аминь....

Когда богомольцы выйдя изъ лѣса взглянули на небо, оно было какъ бы пепломъ покрыто. Солнце едва было видимо. Запахъ гарью стоялъ.

— Рымскіе горятъ, сказалъ конюхъ Дементій встрѣтивъ своихъ матерей. Завтра того и гляди въ Полому проберется.*

— Какъ же на Китежъ-то ѣхать, Дементьюшка, коли въ Полому огонь проберется? спросила Аркадія.—Сгоримъ пожалуй. Не домой ли воротиться?

— Коли седни послѣ трапезы поѣдемъ, успѣемъ проѣхать

* Рымскіе лѣса, отрасль Унженскихъ и Ветлужскихъ, тянутся вдоль рѣки Чернаго Луха, впадающаго въ Унжу. Они въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи. Называются такъ по деревнямъ Большіе и Малые Рымы. Писатели о расколѣ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, говоря объ этихъ лѣсахъ, наполненныхъ тогда бѣглыми раскольниками, исказили ихъ названіе и называли Брынскими. Позднѣйшіе писатели о расколѣ эти лѣса искали около Брянска... Этимъ много внесено путаницы въ исторію раскола. Полома или Поломскій лѣсъ на югъ отъ Рымскихъ, отдѣляется отъ нихъ верховьями Керженца, который тутъ течетъ еще въ видѣ небольшаго лѣснаго ручья.

безо всякой опаски; а до завтраго прогостите, такъ лучше домой поспѣшать.

За трапезой Аркадія настаивала чтобы скорѣй ѣхать домой, но Фленушка опираясь на слова Дементья непремѣнно хотѣла ѣхать сейчасъ же чтобъ миновать Поломскій лѣсъ пока огонь до него не дошелъ. Къ ней пристали другія и Василій Борисычъ тоже. Аркадія уступила. Тотчасъ послѣ трапезы комаровскіе богомольцы распростились съ гостепріимною Юдиѳой.

Только-что начало опускаться съ полдёнъ едва видное сквозь дымную мглу солнце, какъ наши путники оставили Улангеръ и направили поѣздъ сквозь Поломскіе лѣса къ невидимому граду Китежу. Больше двадцати верстъ надо проѣхать сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ до береговъ Керженца. За ними начинались жилыя мѣста, окруженныя обширными пашнями и чищобами; тамъ уже было совершенно безопасно отъ лѣснаго пожара. Дорога шла узкая, извилистая, чуть не на каждомъ шагу пересѣкалась она корневищами. Съ обѣихъ сторонъ сумрачными великанами высились громадныя ели и лиственницы, межь нихъ во всѣ стороны разросся густой непроходимый чапыжникъ. * Узкая полоса дневнаго свѣта тянулась надъ вершинами непроглядной лѣсной чащи, и хоть было еще далеко до вечера, а въ лѣсу было темно какъ въ осеннія сумерки.

Конюхъ Дементій ѣхавшій, съ Аркадіей и Васильемъ Борисычемъ впереди поѣзда, не жалѣлъ лошадей. То и дѣло стегалъ онъ ихъ по непривычнымъ къ такимъ ударамъ бедрамъ. Другіе вощики отъ Дементья не отставали. Жирные выхоленные келейные кони, съ роду не знавшіе скорой ѣзды, мчались во весь опоръ. Проскакали полдороги. Верстъ одиннадцать либо двѣнадцать оставалось до Керженца.... Вдругъ влѣво отъ дороги послышался въ отдаленьи необычный, несмолкаемый трескъ.... Съ каждою минутой онъ возрасталъ, обдавая ужасомъ странниковъ.... Свистъ и визгъ разносились по лѣсу. Зашумѣло въ вершинахъ елей и лиственницъ: то стада бѣлокъ, спасаясь отъ огня, перелетали съ дерева на дерево. Почуявъ недоброе, лошади закусили удила и помчались сломя голову; запрыгали повозки по толстымъ корневищамъ: того и гляди либо ось пополамъ, либо все на боку.

* Частый кустарникъ.

— Огонь идетъ! вскрикнулъ Дементій. И отчаянный крикъ его едва былъ слышенъ за страшнымъ шумомъ огненнаго урагана.

Всѣ крестились, всѣ творили молитвы. Матери, бѣлицы плакали навзрыдъ. Какъ полотно блѣдный Василій Борисычъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Вдругъ пахнуло смолистымъ дымомъ, и по узкой свѣтовой полосѣ что̀ высилась надъ дорогой, какъ громадныя огненныя птицы, стаями понеслись горящія палы, * осыпая дождемъ искръ поѣздъ келейницъ. Вой урагана превратился въ одинъ оглушающій, нескончаемый раскатъ грома. Ему вторили, какъ бы пушечные выстрѣлы, стоны падавшихъ деревьевъ, вой спасавшихся отъ гибели волковъ, отчаянный ревъ медвѣдей. Вотъ перерѣзало дорогу быстро промчавшееся по чапыжнику стадо запыхавшихся лосей... Вотъ надъ деревьями, тяжело размахивая утомленными крыльями, быстрѣй вихря пронеслись лѣсныя птицы.... Багрово-синими и какъ бы кровавыми волнами заклубился на̀дъ лѣсомъ дымъ.... Палящій, огнедышущій вѣтеръ понесся низомъ межь деревьями разстилая надъ землею удушающій смрадъ... Вдругъ между вершинами деревьевъ блеснула огненная змѣйка, за ней другая, третья, и мигомъ всѣ верхи елей и лиственницъ подернулись пламеннымъ покровомъ.... Брызнула изъ деревьевъ смола, и со всѣхъ сторонъ полились изъ нихъ огненныя струйки.

Вдругъ передняя пара лошадей круто поворотила направо и во весь опоръ помчалась по прогалинкѣ извивавшейся середь чапыжника. За передней парой всѣ остальныя.

— Куда ты, куда ты, Дементьюшка? схватившись за̀ плеча конюха и привставъ въ повозкѣ благимъ матомъ кричала Аркадія.

— Кони лучше нашего знаютъ куда, молвилъ Дементій опуская вожжи.

И снявъ шапку сталъ онъ креститься.

— Слава Тебѣ Господи! Слава Тебѣ Царю Небесному!... говорилъ онъ.

Не прошло трехъ минутъ какъ лошади изъ пылающаго лѣса вынесли погибавшихъ въ обширное моховое болото....

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

(*Продолж. слѣд.*)

* Горящія вѣтви хвойныхъ деревьевъ.

ОБЪ ИЗБРАНІИ ВЪ ЕПИСКОПСКІЙ САНЪ

ВЪ ДРЕВНЕЙ

ВСЕЛЕНСКОЙ И РУССКОЙ ЦЕРКВИ

„Повѣждь церкви“, говоритъ Христосъ по поводу вопроса о томъ какъ поступать съ согрѣшающимъ братомъ когда обличенія наединѣ оказываются недѣйствительными, и тѣмъ указываетъ въ самой церкви, въ собраніи всѣхъ вѣрующихъ, высшую инстанцію для рѣшенія дѣлъ церковныхъ (Мѳ. 18, 17).

Состояніе Церкви Апостольской представляетъ намъ полнѣйшее приложеніе этого принципа соборности положеннаго Самимъ Христомъ въ основу церковнаго управленія. Такъ, по предложенію Апостола Петра, вѣрующіе поставили двухъ кандидатовъ для избранія одного изъ нихъ въ апостола, на мѣсто отпавшаго и погибшаго Іуды, изъ которыхъ одинъ, именно Матѳей, дѣйствительно и избранъ былъ по жребію (Дѣян. I, 16—26). Далѣе, по поводу ропота со стороны эллинистовъ (обращенные изъ язычниковъ), что вдовицы ихъ пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздаяніи содержанія, апостолы опять дѣлаютъ предложеніе всему собранію вѣрующихъ избрать изъ среды себя достойныхъ семь человѣкъ со спеціальнымъ назначеніемъ заботиться о столахъ. Это

предложеніе было *одобрено* всѣмъ собраніемъ, которое дѣйствительно и избрало семь человѣкъ въ должность діаконовъ и поставило ихъ предъ апостолами только для возложенія на нихъ рукъ (то-есть для посвященія. Дѣян. VI, 1—6). Наконецъ, въ описаніи собора апостольскаго въ Іерусалимѣ бывшаго, какъ извѣстно, по поводу разногласія возникшаго въ Антіохіи у Павла и Варнавы съ нѣкоторыми изъ обращенныхъ изъ іудейства, по вопросу о томъ нужно ли обращающимся изъ язычества подвергаться обрѣзанію и соблюдать законъ Моисеевъ, въ той же книгѣ *Дѣяній* разказывается что на соборѣ *апостолы и пресвитеры (старцы) со всею церковію*, выслушавъ разказъ Павла и Варнавы о знаменіяхъ и чудесахъ сотворенныхъ Богомъ чрезъ нихъ, а равно и сужденіе апостоловъ Петра и Іакова, сдѣлали по спорному вопросу извѣстное постановленіе, которое и положили сообщить чрезъ избранныхъ мужей, *отъ лица всей церкви*, въ Антіохію въ грамотѣ слѣдующаго содержанія: „Апостолы и пресвитеры и *братія* находящимся въ Антіохіи, Сиріи и Киликіи братіямъ изъ язычниковъ: Радуйтесь о Господѣ. Поелику мы услышали что нѣкоторые вышедшіе отъ насъ смутили васъ своими рѣчами и поколебали ваши души, говоря что должно обрѣзываться и соблюдать законъ, чего мы имъ не поручали, то мы, собравшись, *единодушно разсудили*, собравъ мужей, послать ихъ къ вамъ....“ и пр. (Далѣе приводится самое постановленіе.) Приведенные факты тѣмъ знаменательнѣе чѣмъ выше авторитетъ которымъ были облечены апостолы и чѣмъ безпрекословнѣе могло быть повиновеніе ихъ собственнымъ рѣшеніямъ, единичнымъ ли то (того или другаго апостола) или коллегіальнымъ, но они хотѣли употреблять и употребляли свой авторитетъ не на подавленіе, а на возвышеніе и расширеніе религіозной свободы и дѣятельности всѣхъ членовъ общества.

Къ числу важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ, безспорно, принадлежитъ и избраніе для церкви епископовъ. А потому естественно предположить что, при господствѣ соборной формы управленія въ древней церкви, и это дѣло не могло обходиться безъ участія народа. Если избраніе и діаконовъ было предоставлено апостолами христіанской общинѣ въ Іерусалимѣ, тѣмъ болѣе законнымъ является право народа на избраніе себѣ епископа. Правда, о епископахъ упоминаемыхъ въ Посланіяхъ Апостольскихъ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ что они

были избраны народомъ; но изъ существующихъ свидѣтельствъ объ ихъ постановленіи въ епископы нельзя, строго говоря, выводить и противоположное заключеніе, — объ отсутствіи участія народа въ ихъ избраніи. О пастыряхъ церкви Ефесской просто говорится что Духъ Святый поставилъ ихъ въ духовномъ стадѣ епископами (Дѣян. 28); слѣдовательно вопросъ о самомъ способѣ избранія ихъ въ это званіе здѣсь совершенно оставляется въ сторонѣ. О Титѣ Апостолъ Павелъ говоритъ что оставилъ его въ Критѣ чтобъ онъ не доконченное исправилъ и устроилъ во всѣхъ городахъ пресвитеровъ (Тит. I, 7); но есть ли какое препятствіе принять что апостолъ посвятилъ его въ епископа по предварительномъ избраніи народомъ или, по крайней мѣрѣ, съ согласія народа? Предположеніе объ участіи народа въ избраніи епископовъ и при апостолахъ имѣетъ мѣсто тѣмъ болѣе что ближайшіе къ вѣку апостольскому писатели прямо признавали такое участіе народа завѣщаніемъ апостольскимъ. Такъ Климентъ Римскій (ученикъ апостольскій) свидѣтельствуетъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ что апостолы, поставивъ въ церкви епископовъ, установили преемство, т.-е. такой порядокъ чтобы по смерти однихъ епископовъ были поставляемы другіе, испытанные мужи, съ согласія цѣлой церкви (cap. 44). Кипріанъ Карѳагенскій называетъ участіе народа въ избраніи епископа божественнымъ установленіемъ и преданіемъ апостольскимъ, которыя соблюдаются всюду (Epist. 68).

Начало завѣщанное апостолами дѣйствительно хранилось въ церкви свято въ теченіи долгихъ временъ.

Участіе народа въ избраніи епископовъ выражалось въ древней церкви не всегда и не вездѣ одинаково. Такъ, въ иныхъ мѣстахъ (какъ напримѣръ въ Александріи, отъ времени Евангелиста Марка до епископа Ираклія, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима), пресвитеры избирали одного изъ среды себя въ епископа и представляли его народу, а народъ долженъ былъ дать свое свидѣтельство объ избранномъ. Свое одобреніе онъ обыкновенно выражалъ словомъ: „достоинъ", а неодобреніе—словомъ: „не достоинъ". Объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуетъ между прочимъ, отзываясь о немъ съ похвалою, и языческій писатель Лампридій, въ жизнеописаніи императора Римскаго Александра Севера. * Когда случалось что кто-нибудь

* Lampridii *Vita Alex. Severi.* cap. 45.

изъ народа свидѣтельствовалъ о недостоинствѣ избираемаго, тогда собраніе отлагалось до тѣхъ поръ пока, по изслѣдованіи, не удостовѣрялись вѣрно или не вѣрно сдѣлано было заявленіе. * „Выборъ епископа", пишетъ Амвросій Медіоланскій къ церкви Верчельской, „долженъ быть по примѣру отцовъ, съ согласія народа, и выбору не слѣдуетъ давать никакого значенія если народъ не согласенъ имѣть у себя епископомъ того кого ему предлагаютъ. **

Иногда епископы представляли народу трехъ кандидатовъ для избранія изъ нихъ одного, какъ напримѣръ это можно видѣть изъ 54 правила собора Арелатскаго II (445 или 452): „Когда нужно избирать епископа, епископы округа, отринувъ всякіе подкупы и интриги, предлагаютъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ потомъ клирики и граждане города избираютъ одного." ***

Иногда, наоборотъ, народъ представлялъ епископамъ трехъ кандидатовъ для избранія изъ нихъ одного. Указаніе на это можно видѣть въ Cod. Iust. lib. 1, tit 3, гдѣ впрочемъ избирателями являются знатныя лица города, а не весь народъ, и въ Номоканонѣ въ приводимомъ нами ниже мѣстѣ; но всего же чаще бывало такъ что народъ прямо избиралъ себѣ по своему желанію одно угодное ему лицо въ пастыря, и епископамъ оставалось только утверждать выборъ. „Въ епископы", говорится въ Поставовленіяхъ Апостольскихъ (кн. VIII, гл. 4), „рукополагать того кто безпороченъ во всемъ, избранъ всѣмъ народомъ, какъ наилучшій. Когда его наименуютъ и одобрятъ, то народъ, собравшись въ день Господень, съ пресвитерствомъ и наличными епископами пусть дастъ согласіе. Старѣйшій же прочихъ пусть спроситъ пресвитеровъ и народъ, тотъ ли это кого просятъ они въ начальники, и когда они отвѣтятъ утвердительно, то снова пусть спроситъ всѣ ли свидѣтельствуютъ что онъ достоинъ сего великаго и знатнаго начальствованія, исправилъ ли относящееся ко благочестію въ Богѣ и пр." Кипріанъ Карѳагенскій такъ изображалъ господствовавшій въ его время порядокъ избранія и поставленія епи-

* Карѳаг. соборъ, 419—426, прав. 61 Cf. Iustin. Nov. 137; Basilic. lib. 3 tit. 1 cap. 8; 'Photii Nomon. Tit. 1, c. 8. Schol. Balsam. см. въ *Опытъ курса церк. зак.* Іоанна, вып. II, 183.

** Epist. ad eccles. Vercelensem 58.

*** Hefele Concilieng. B. II p. 284.

скоповъ: „Надобно тщательно сохранять преданіе и установленіе апостольское чтобы для законнаго поставленія (епископа) собрались къ тому народу которому нужно поставить епископа всѣ ближайшіе епископы областные, и избраніе происходило въ присутствіи народа (praesente populo), который хорошо можетъ знать жизнь избираемыхъ, и обыкновенно наблюдаетъ поступки всѣхъ и каждаго. И повсюду такъ дѣлается что на епископство возводятся избранные съ общаго голоса всей паствы (de universo fraternitatis suffragio) и по опредѣленію (judicio) епископовъ какъ тѣхъ которые лично присутствуютъ при избраніи, такъ и тѣхъ которые присылаютъ отъ себя грамоты съ своимъ согласіемъ на избраніе. Ибо въ присутствіи народа, продолжаетъ Кипріанъ, могутъ открываться и преступленія порочныхъ людей, и заслуги добрыхъ, и такимъ образомъ только то избраніе можетъ быть совершенно справедливо которое происходитъ съ общаго голоса и сужденія всѣхъ.“ *

Нельзя не согласиться что приведенное свидѣтельство Кипріана въ первой его части, именно словами: *praesente populo*, мало благопріятствуетъ заключенію о принадлежности избирательнаго права народу. Поэтому нѣкоторые писатели (Англичанинъ Беверегій, а вслѣдъ за нимъ авторъ *Опыта курса Церк. Законов.*), останавливая все вниманіе на этой половинѣ свидѣтельства, хотятъ доказать что участіе народа въ избраніи епископа ограничивалось только совѣщательнымъ голосомъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, другіе толкователи, какъ напримѣръ Гефеле, ** принимая во вниманіе слово *suffragium*, находящееся во второй половинѣ, находятъ что слово это, означавшее, какъ извѣстно, у древнихъ черепокъ для подаванія голоса въ народныхъ собраніяхъ, прямо указываетъ что народу въ собственномъ смыслѣ принадлежало избирательное право, причемъ *judicium* епископовъ естественно является только съ значеніемъ утвержденія выбора народнаго. На нашъ взглядъ, послѣднее толкованіе имѣетъ тѣмъ бо́льшую силу что въ другомъ письмѣ того же Кипріана (67) это слово *suffragium*, употребленное опять въ отношеніи къ народу, прямо различается отъ слова *testimonium*, свидѣтельство, употребленнаго въ отношеніи къ клиру

* S. Cyprian. Ep. 68 ad clerum et plebem Hispan.

** *Concilieng.* B. I, p. 367.

(factus est Cornelius episcopus de Dei et Christi ejus judicio, de clericorum paene omnium testimonio, de plebis, quae tunc affuit suffragio, et de sacerdotum antiquorum et bonorum virorum collegio), черезъ что, понятно, оно еще яснѣе выступаетъ со своимъ специальнымъ смысломъ. А другія аналогическія свидѣтельства христіанской древности, также касающіяся господствовавшаго въ древней церкви способа возведенія въ епископство, къ которымъ такъ естественно обратиться въ данномъ случаѣ для разъясненія дѣла, окончательно, по нашему мнѣнію, освѣщаютъ свидѣтельство Кипріана, въ смыслѣ толкованія Гефеле. Свидѣтельство „постановленій апостольскихъ" (происхожденіе ихъ какъ *письменнаго памятника* относятъ къ концу III или началу IV вѣка) на этотъ счетъ мы уже знаемъ. Посмотримъ что̀ говорятъ дальнѣйшія свидѣтельства. На первомъ планѣ здѣсь является намъ свидѣтельство Перваго вселенскаго собора. Въ окружномъ посланіи къ египетскимъ и ливійскимъ церквамъ этотъ соборъ говоритъ: „По кончинѣ кого-либо изъ епископовъ, на его мѣсто можетъ быть возведенъ и новообращенный, если только будетъ того достоинъ, и *народомъ избранъ съ согласія и утвержденія главнаго* епископа (митрополита)." * Участіе же другихъ епископовъ области въ дѣлѣ возведенія избраннаго въ епископство соборъ опредѣляетъ намъ въ слѣдующихъ словахъ одного изъ своихъ правилъ: „Епископа поставляти (καθίστασθαι) наиболѣе прилично всѣмъ той области епископамъ. Аще же сіе неудобно, или по належащей нуждѣ, или по дальности пути, по крайней мѣрѣ три во едино мѣсто да соберутся, а отсутствующіе да изъявятъ согласіе посредствомъ грамотъ: и тогда совершати рукоположеніе. Утверждати же таковыя дѣйствія въ каждой области подобаетъ ея митрополиту." (I Всел. Соб. прав. 4.) Изъ снесенія этихъ двухъ свидѣтельствъ Никейскаго собора (окружнаго посланія и правила) можно, полагаемъ, смѣло сдѣлать тотъ выводъ что соборъ собственно за народомъ признавалъ право избранія епископа, епископамъ же предоставлялъ лишь утвержденіе выбора и рукоположеніе избраннаго; а при такомъ свѣтѣ этихъ свидѣтельствъ естественно со всею силою выступаетъ тотъ же смыслъ и въ совершенно параллельныхъ

* Сокр. Ц. И. 1, 9; Θеодор. Ц. И. 1, 3; Gelas. Cysic. A; cf. Concil. Nicaen ap. Labbaeum.

имъ словахъ Кипріана, съ тою только разницею что у Кипріана тотъ же самый персоналъ епископскій, который рукополагалъ епископа, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видится, инстанціею окончательно утверждавшею весь актъ производства въ епископство; соборъ же, сообразно съ новою ступенью развитія іерархической системы, высшую санкцію всего дѣла относитъ ко власти митрополита.

Послѣ Никейскаго собора право народа избирать себѣ епископа внушительно подтверждалось новыми постановленіями соборовъ. На IV вселенскомъ соборѣ Стефанъ, изгнавшій Вассіана съ епископской каѳедры въ Ефесѣ, въ отвѣтъ на жалобу по сему случаю Вассіана, оправдывался тѣмъ что послѣдній занималъ престолъ незаконно, „такъ какъ не былъ рукоположенъ въ Ефесѣ, но когда церковь этого города оставалась безъ епископа, онъ, собравъ безпорядочную толпу, вооруженную мечами, ворвался въ церковь и занялъ епископскую каѳедру", между тѣмъ онъ, Стефанъ, рукоположенъ *по избранію и приговору почетнѣйшихъ гражданъ, всего клира и прочихъ жителей города*. Рѣшеніе самого собора было таково: „Какъ Вассіанъ, который вскочилъ на престолъ, такъ и Стефанъ, который, послѣ него, неправильно посадилъ самъ себя (такъ какъ Стефанъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ бывшій пресвитеромъ Вассіана, могъ низложить его только по суду, а не изгонять столь насильственно), пусть удалятся на покой, переставъ управлять этою церковію. Эфесской же митрополіи будетъ данъ епископъ указанный Богомъ, *избранный всѣми будущими его пасомыми*. * На Западѣ—на соборѣ Клермонскомъ (535 года) прямо постановлено: „Епископъ избирается клириками и народомъ, съ согласія митрополита. А кто достигаетъ этого достоинства благоволеніемъ сильныхъ, или хитростію, подлежитъ отлученію." ** На соборѣ Орлеанскомъ (538 года): „Митрополиты должны избираться, какъ требуютъ декреты апостольскаго престола, епископами округа, съ согласія клира и гражданъ. Обыкновенный же епископъ долженъ избираться клиромъ и гражданами, съ согласія митрополита." *** Достойно особаго замѣчанія что даже и *апостольскій престолъ* (какъ видно, между прочимъ, и изъ

* *Дѣян. Всел. Соб.*, т. IV, стр. 248 и слѣд. Изд. Казанской академіи въ русскомъ переводѣ.

** *Conc. Arvernense, apud Hefele Conciliengz.* B. II.

*** Ibid. B. II, p. 753.

сейчасъ приведеннаго свидѣтельства), несмотря на отличавшій его издавна абсолютизмъ, долженъ былъ признать, притомъ въ лицѣ представителей наиболѣе отличавшихся деспотическими стремленіями, этотъ избирательный принципъ, глубоко коренившійся въ самомъ духѣ того времени. Такъ папа Левъ I высказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ правило избирать епископа всѣми пасомыми: *„Кто долженъ начальствовать надъ всѣми, пусть и избирается всѣми* — qui praefecturus est omnibus, ab omnibus eligatur.“ * Точно также папа Николай I, уже въ IX вѣкѣ, писалъ Іоанну, архіепископу Равеннскому, со всею рѣшительностію: „Епископовъ не посвящай иначе какъ по избраніи ихъ клиромъ и народомъ, post electionem cleri et populi.“ **

Параллельно постановленіямъ церковнымъ, исторія церкви ясно указываетъ намъ широкое дѣйствіе избирательнаго принципа и въ практикѣ церковной. Такъ Синезій, знаменитый епископъ Птолемаидскій (въ началѣ V вѣка), въ одномъ изъ своихъ писемъ, *** въ драматическомъ разказѣ изображаетъ намъ общее волненіе жителей одного пригорода (Palaebisca), ихъ опасенія, надежды, мольбы, слезы по поводу сдѣланнаго высшею церковною властію *предложенія народному собранію избрать епископа*, съ цѣлію возстановленія бывшей прежде въ этомъ мѣстѣ епископской каѳедры, между тѣмъ какъ народъ, привязанный къ епископу сосѣдняго города, не желалъ отдѣльной епископіи (Ubi conventu populi habito... et accomodata *ad suffragia habenda* oratione instituta, ut vel persuaderem, vel, si fieri posset, invitos adducerem, ut, *de episcopo eligendo deliberarent*, populi in religiosissimum Paulum studium evincere minime potui). Въ томъ же письмѣ Синезій доноситъ патріарху, отъ лица жителей сего мѣста, какъ прежде они, недовольные своимъ епископомъ, Оріономъ, добрымъ, но совершенно недѣятельнымъ старикомъ, не дожидаясь когда онъ оставитъ ихъ переселившись въ лучшій міръ, сами оставили его избравъ на его мѣсто

---

* *Ad Episcopos per Provinciam Viennensem Constitutos*. Epist. 10.

** Собраніе такого рода папскихъ опредѣленій въ которыхъ *vota civium, testimonia populorum, cleri, plebis et ordinis consensus* выставляются какъ непремѣнное условіе поставленія въ епископа можно читать въ *Corpus juris Canonici Greg. XIII Pont. Max. jussu edit. a Petro Pithoco et Francisco Fratre*. Lipsiae, M. DC. XCV.

*** LXVII. Ed. Migne.

Сидерія (..beatae memoriae Siderium elegisse). Въ другомъ письмѣ (76) Синезій говоритъ о нѣкоемъ Антоніи что онъ избранъ жителями города Ольвіи въ епископа чрезъ общую подачу голосовъ (Nam in eum commune omnium suffragium collatum est). Въ особенности о наиболѣе знаменитыхъ пастыряхъ исторія церкви положительно свидѣтельствуетъ что они были избираемы народомъ. Такъ по свидѣтельству окружнаго посланія египетскихъ епископовъ, Аөанасій Великій былъ поставленъ въ епископа по общему желанію народа.* Народъ же православный возвелъ на епископскую каөедру въ Константинополѣ Григорія Богослова и поддерживалъ его на ней своею любовію, пока наконецъ и Соборъ не утвердилъ этого выбора. Мелетія Антіохійскаго избрали сообща какъ православные, такъ и аріане (послѣдніе обманулись въ своихъ разчетахъ на него), и составили объ этомъ избраніи, за своими подписями, актъ. ** Преемникъ Аөанасія Великаго на Александрійской каөедрѣ, Петръ, хотя предъизбранъ былъ еще самимъ Аөанасіемъ, но это предъизбраніе возымѣло надлежащую силу только потому что съ нимъ „согласились всѣ, какъ лица духовнаго сословія, такъ и высшіе чины, народъ же при этомъ выразилъ свое удовольствіе радостными восклицаніями"; вмѣстѣ съ этимъ „и сосѣдніе архіереи, и тѣ которые проводили жизнь въ мѣстахъ подвижничества, оставивъ ихъ, сошлись въ Александрію и требовали чтобы Петръ наслѣдовалъ престолъ Аөанасія." *** Мартинъ Турскій, котораго нѣкоторые епископы не желали поставить въ епископа по причинѣ его малаго роста и вообще тѣлесной худости, былъ обязанъ своимъ епископствомъ только единодушному избранію его множествомъ народа: (Incredibilis multitudo non solum ex eo oppido (Тура), sed etiam ex vicinis urbibus ad *suffragia ferenda convenerat.* **** Народомъ же въ Медіоланѣ былъ избранъ въ епископа Амвросій, когда онъ былъ еще мірскимъ человѣкомъ и даже не былъ крещенъ, а находился только въ состояніи оглашенія. Вотъ какъ историкъ Сократъ описываетъ это замѣчательное избраніе. „По смерти Авксентія, рукоположеннаго аріанами, жители

---

* Ap. Athanas. apolog. 2; Greg. Nazian. in laudem Athanasii.

** Өеодор. Ц. И., кн. II, гл. 3.

*** Өеодор. Ц. И. III. 20.

**** Sulpic. Sever. Vita Mart. c. 7.

Медіолана, при избраніи новаго епископа, пришли въ смятеніе. По сему случаю произошла у нихъ распря, ибо каждый спѣшилъ поставить на видъ своего избранника. Такъ какъ это породило мятежъ, то правитель епархіи, имѣвшій достоинство консула, по имени Амвросій, опасаясь какъ бы отъ мятежа не проистекло въ городѣ худыхъ послѣдствій, вбѣжалъ въ церковь и старался погасить возмущеніе. Съ прибытіемъ его народъ умолкъ; префектъ высказалъ ему много полезныхъ увѣщаній и тѣмъ остановилъ безумные порывы толпы. Вдругъ всѣ пришли къ одной мысли: всѣ достойнымъ епископства провозгласили Амвросія и требовали его рукоположенія, говоря что только тогда народъ будетъ имѣть единеніе и придетъ къ единомыслію въ вѣрѣ. Находившіеся тутъ епископы разсудили что единомысліе народа произошло отъ нѣкоего божественнаго внушенія и, нисколько не противорѣча, приняли Амвросія и, крестивъ его, ибо онъ былъ еще оглашенный, тотчасъ же изъявили готовность рукоположить въ санъ епископа.“ * Подобный же характеръ внезапности имѣло избраніе (много прежде) римскаго епископа Фабіана: когда *вся братія* собрались въ церковь для выборовъ и всѣ заняты были думою о разныхъ кандидатахъ, голубь слетѣвшій сверху и сѣвшій на голову Фабіана былъ принятъ за небесное указаніе что этотъ именно Фабіанъ и есть избранникъ Божій. „Тутъ, замѣчаетъ Евсевій, весь народъ, подвигнутый какъ бы единымъ божественнымъ духомъ, вдругъ съ совершенною готовностію и единомысліемъ провозгласилъ Фабіана достойнымъ и тотчасъ возвелъ его на епископскій престолъ?** По народному же избранію взошли на епископскій престолъ въ Константинополѣ Нектарій, бывшій притомъ во время избранія также, подобно Амвросію, только въ состояніи оглашенія, и послѣ него—Златоустъ. „По смерти Нектарія“, разказываетъ Сократъ о возведеніи знаменитаго вселенскаго пастыря на епископскій престолъ, „родилась забота о рукоположеніи новаго епископа. Одни требовали одного, другіе другого, и послѣ многократныхъ по сему случаю совѣщаній, наконецъ согласились вызвать изъ Антіохіи антіохійскаго пресвитера Іоанна, ибо о немъ распространилась молва какъ о человѣкѣ учительномъ и краснорѣчивомъ. Итакъ чрезъ нѣсколько времени царь Аркадій, *по общему опредѣленію*

* Сокр. Ц. И. IV. 31.

** Евсев. Ц. И. VI. 29.

всѣхъ, то-есть клира и народа, призвалъ его." * Укажемъ наконецъ еще на упомянутаго нами Синезія, который также единодушно былъ избранъ жителями Птолемиды на епископскую каѳедру, и только уступая настоятельнымъ мольбамъ всего народа рѣшился наконецъ послѣ долгихъ колебаній принять это достоинство, въ которомъ, при своемъ положеніи и всемъ складѣ своей жизни (онъ былъ богатъ, знатенъ, получилъ блестящее литературное и философское языческое образованіе, отъ котораго еще не совсѣмъ перешелъ къ доктринѣ христіанской, и хотя неоплатоникъ, въ практической жизни однакожь въ значительной степени придерживался эпикурейскихъ воззрѣній на жизнь), страшился найти стѣсненіе для своихъ привычекъ, любимыхъ занятій и наконецъ если не для самаго мышленія (ибо оно ничѣмъ не связывается), то для свободы слова (относительно тѣхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія которые были несовмѣстимы съ философскими понятіями Синезія).

Народное избраніе, если только епископы видѣли что народъ руководился единственнымъ желаніемъ найти себѣ пастыря, а не нечистыми какими-нибудь побужденіями, имѣло такую силу что епископы должны были утверждать его даже и въ такихъ случаяхъ когда сами они имѣли въ виду кого-нибудь другаго, по ихъ мнѣнію болѣе достойнаго. Такой именно случай былъ въ 391 году въ Кесаріи Каппадокійской. Народная партія избрала себѣ въ епископа одного гражданскаго чиновника, по имени Евсевія, человѣка отличнаго по жизни, но еще не крещенаго, и настаивала чтобъ епископы рукоположили его. Епископы, имѣя въ виду своего кандидата, противились, но наконецъ все-таки рукоположили Евсевія въ епископа. *

Очень понятно что въ неупорядоченныхъ и бурныхъ народныхъ собраніяхъ, о которыхъ частію могутъ дать понятіе нѣкоторыя изъ приведенныхъ сейчасъ свидѣтельствъ, не всегда достигалось то единодушное соглашеніе при которомъ избирались названные нами знаменитые пастыри церкви. Въ такихъ случаяхъ, послѣ напрасныхъ попытокъ придти къ соглашенію касательно выбора кандидата, народъ самъ передавалъ иногда свои права какому-нибудь наиболѣе пользовавшемуся довѣріемъ епископу. Такъ именно жители Буржа

* Ц. И. VI. 2.

** Григор. Богосл. Слово въ похвалу Отца.

обратились къ Сидонію, извѣстному во всей Галліи по своему происхожденію, краснорѣчію, богатству, учености, долгое время занимавшему высшія гражданскія должности и не задолго предъ тѣмъ избранному въ епископа города Клермонта, прося его избрать епископа, подобно тому какъ въ началѣ существованія греческихъ республикъ народъ, утомленный гражданскими междуусобіями и своимъ безсиліемъ, искалъ мудраго чужеземца который далъ бы ему законы. „Было такое множество соискателей, пишетъ самъ Сидоній объ этомъ дѣлѣ Перпетую, епископу Турскому, что не доставало двухъ скамеекъ для кандидатовъ на одно мѣсто; всѣ были довольны сами собою и никто не былъ доволенъ ими. Мы не могли бы ничего сдѣлать еслибы народъ болѣе спокойный не отказался отъ своего собственнаго рѣшенія для того чтобы покориться рѣшенію епископовъ.“ Сидоній, сначала нѣсколько удивленный, принялъ однако эту просьбу, упрочилъ за собою содѣйствіе епископовъ, необходимое ему при избраніи, которое было возложено на него одного, созвалъ народное собраніе, сказалъ предъ нимъ рѣчь, въ которой подробно изложилъ качества предложеннаго имъ кандидата, какъ основаніе для выбора, и заключилъ слѣдующими словами: „И такъ какъ вы клялись признать и принять выраженіе моей немощи, по случаю этого выбора, то во имя Отца и Сына и Святаго Духа я объявляю Симплиція какъ лицо которое должно быть избрано въ архіепископа нашей провинціи и первосвятителя вашего города; что же касается васъ, то, если вы принимаете мое послѣднее рѣшеніе о человѣкѣ о которомъ я вамъ теперь говорю, подтвердите его сообразно съ вашими прежними обязательствами.“ Здѣсь такимъ образомъ народъ *непосредственно* не пользовался своими правами; но и въ отреченіи народа отъ этихъ правъ въ пользу епископа которому довѣрялъ онъ и который такимъ образомъ являлся его уполномоченнымъ, и въ самыхъ дѣйствіяхъ этого епископа опять-таки видно господство въ то время принципа народнаго избранія епископовъ.

Итакъ, формы въ которыхъ выражалось въ древней церкви участіе народа въ избраніи епископовъ были, какъ видимъ, неодинаковы; но каковы бы ни были эти формы, во всякомъ случаѣ *воля народа* такъ или иначе является въ нихъ рѣшительницею того дѣла которое, естественно, и должно быть всего ближе къ народу. Въ этомъ именно смыслѣ Василій

Великій писалъ Неокесарійской общинѣ слѣдующія замѣчательныя слова: „Умоляю васъ разсудить что предстоящее дѣло (избраніе епископа) для каждаго изъ васъ есть свое собственное, размыслить что при томъ или другомъ окончаніи его каждый самъ первый вкуситъ плоды его.“ *

Въ XI вѣкѣ, въ Римской церкви, отнимается у народа это естественное право участвовать въ выборѣ себѣ пастырей, и передается капитуламъ каѳедральныхъ церквей.

Нужно признать что и въ Византійской церкви, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе встрѣчаемъ отступленій отъ народно-выборнаго порядка замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей: его стѣсняли заразъ и правительство гражданское, частію и постановленіями ограничивающими участіе въ этомъ дѣлѣ народа, ** и правительство церковное, которое, въ видахъ противодѣйствія мірской власти, самовольно, въ особенности во времена религіозныхъ смутъ, возводило на епископскія каѳедры своихъ единомышленниковъ, и вслѣдствіе неурядицъ народныхъ собраній, въ которыхъ дѣло отъ споровъ о кандидатахъ на епископскія каѳедры доходило иногда до дракъ и даже убійствъ, как и напримѣръ при возведеніи Дамаса на епископскій престолъ въ Римѣ, *** склонно было, наконецъ, на VII вселенскомъ соборѣ устранить и самый принципъ народнаго избранія. „Всякое избраніе въ епископа, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками“, читаемъ въ третьемъ правилѣ этого собора, „да будетъ недѣйствительно по правиламъ. А имѣющій произвестися въ епископа долженъ избираемъ быти отъ епископовъ, *яко отъ святыхъ отецъ въ Никеѣ опредѣлено въ правилѣ*. Утверждати же таковыя дѣйствія въ каждой области подобаетъ ея митрополиту.“ Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе ссылка собора на правило святыхъ отецъ въ Никеѣ. Это извѣстное уже намъ четвертое правило, которое, какъ мы видѣли, говоритъ собственно о постановленіи или рукоположеніи избраннаго епископами не касаясь вопроса о самомъ способѣ избранія. А что соборъ допускалъ народное избраніе, объ этомъ, какъ мы видѣли опять, ясно засвидѣ-

---

* Письмо 28.

** Въ *Законникѣ* Юстиніана право избирать епископа усвояется уже не всему народу, а только знатнымъ лицамъ того города для котораго епископъ поставляется. Novell. 123. Cod. Iust. lib. 1. tit. 3. de episcopis 1, 42.

*** См. *Ц. И. Созом.*, кн. 6, гл. 23.

тельствовалъ самъ онъ въ окружномъ посланіи къ египетскимъ и ливійскимъ епископамъ. Поэтому мы едва ли погрѣшимъ, принявъ съ Гефеле * что VII вселенскій соборъ, ограничивая кругъ избирателей епископовъ одними епископами и ссылаясь въ своемъ относящемся сюда правилѣ на четвертое правило перваго Никейскаго собора, дѣлаетъ нѣкоторую натяжку въ толкованіи и примѣненіи этого правила. Нѣкоторые толкователи, въ видахъ соглашенія этихъ правилъ двухъ соборовъ, полагаютъ что VII вселенскій соборъ, въ третьемъ правилѣ, отвергая всякое *избраніе* въ епископа и другія церковныя должности совершаемое *мірскими начальниками*, не отнимаетъ у *народа вообще* права участвовать, *съ совѣщательнымъ голосомъ*, въ избирательномъ собраніи епископовъ; но кромѣ того что такое соглашеніе исходитъ изъ ложнаго понятія о Никейскомъ соборѣ будто онъ не признавалъ за народомъ собственно избирательнаго права, справедливость требуетъ замѣтить что и такое *урѣзанное* право, если оно и разумѣлось соборомъ, оставлено въ сильномъ прикровеніи. Такимъ образомъ не заключая въ себѣ свидѣтельства о порядкѣ возведенія въ епископство въ предшествующее время, правило VII вселенскаго собора указываетъ намъ скорѣе на новое направленіе церковнаго законодательства по разсматриваемому вопросу со времени этого собора. ** Однакожь, нужно сказать, память и сознаніе о вы-

* *Concilieng.* B. I, 368.

** Чтобы не умалчивать и о томъ что̀ можетъ-быть неблагопріятно нашимъ заключеніямъ, мы должны здѣсь замѣтить что до VII вселенскаго собора одинъ соборъ, именно Лаодикійскій (въ концѣ IV вѣка̀), тринадцатымъ правиломъ постановилъ: „да не будетъ позволяемо сборищу народа избирати имѣющихъ ставитися во священство". Но вопервыхъ, правило это стоитъ совершенно особнякомъ въ ряду другихъ постановленій и свидѣтельствъ христіанской древности о дѣйствовавшемъ въ то время порядкѣ возведенія въ священство, и какъ правило помѣстнаго собора, не поддержанное постановленіями другихъ церквей, можетъ-быть и не дѣйствовало далѣе предѣловъ мѣстной церкви, по крайней мѣрѣ ни въ какомъ случаѣ не имѣло широкаго приложенія. Вовторыхъ, даже и не *особенно* благопріятствующіе выборному началу толкователи (какъ напримѣръ и архимандритъ Іоаннъ въ *Опытѣ курса церковн. законов.* Т. I, стр. 435) обращаютъ вниманіе на то что правило, устраняя народъ отъ участія въ избраніи епископовъ и вообще священныхъ лицъ, по причинѣ безпорядковъ происходившихъ при этомъ, разумѣетъ однако не вообще народъ, а главнымъ образомъ чернь (ὄχλος).

борномъ началѣ, какъ древне-вселенскомъ, не исчезли въ церкви Византійской даже и послѣ втораго Никейскаго собора и, цѣлое столѣтіе спустя, выборный порядокъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ самой ясной и опредѣленной формѣ указанъ даже въ Номоканонѣ, гдѣ въ 28 грани градскаго закона о поставленіи епископовъ и пресвитеровъ говорится слѣдующее: „Причетницы и прочіи люди града того, предлежащу Евангелію, въ трехъ человѣцѣхъ судъ избранія да творятъ (то-есть троихъ избираютъ кандидатовъ), въ человѣцѣхъ епископамъ кленущеся, яко не данія ради, ни иныя нѣкоя любве избраша тѣхъ, но яко вѣдуще, яко соборныя церкви суть и чисти житіемъ, и тридесяти лѣтъ возрастомъ и вяще.“

Это начало, перешедшее изъ Номоканона въ нашу Кормчую, служило руководствомъ и для Русской церкви въ древній, до-Петровскій періодъ. Владимірскій лѣтописецъ свидѣтельствуетъ что въ 1183 году князь Всеволодъ III не принялъ присланнаго митрополитомъ епископа, Грека Николая, именно потому что тотъ не былъ избранъ земскими людьми (*не избраша сего людъе земли нашеѣ*), и по этому случаю высказываетъ какъ общее правило дѣйствовавшее въ то время на Руси: „нѣсть достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но его же Богъ позоветъ, князь восхощетъ и людье. * Конечно, не на всемъ протяженіи древняго періода русской исторіи и не во всѣхъ частяхъ древней Руси въ одинаковой степени дѣйствовало это правило. Въ сѣверной Руси, по мѣрѣ усиленія правительственной централизаціи, оно все болѣе слабѣетъ и рано уже уступаетъ мѣсто правительственному назначенію епископовъ (отъ митрополита и князя). Но по крайней мѣрѣ это право народа избирать себѣ епископовъ всегда было сильно въ вольной общинѣ новгородской до самаго паденія Новгорода, и затѣмъ въ юго-западной Руси до самаго Петра. Въ Новгородѣ избраніе епископа обыкновенно происходило на вѣчѣ состоявшемъ изъ духовенства и міранъ. Здѣсь избирательное собраніе, по предварительномъ *гаданіи* о лицахъ достойныхъ занять мѣсто прежняго владыки, избирало наконецъ большинствомъ голосовъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ потомъ для епископства выдѣлялся одинъ по жребію. Такой порядокъ избранія видоизмѣнялся лишь въ томъ случаѣ если

* П. С. Р. Л. 1.165; II, 127.

прежній владыка самъ указывалъ себѣ преемниковъ, и воля народа согласовалась съ этимъ указаніемъ; тогда всѣ эти указанныя лица считались уже кандидатами, и народъ избиралъ, и не только избиралъ, но и *утверждалъ* изъ нихъ одного, наиболѣе себѣ угоднаго, такъ что избранный еще до посвященія у кіевскаго митрополита иногда вступалъ уже въ управленіе паствою. „Типъ новгородскаго владыки какъ перваго земскаго человѣка своей области (говоритъ г. Знаменскій въ своемъ изслѣдованіи *Приходское духовенство на Руси*) успѣлъ выясниться очень опредѣленно: онъ можетъ служить для насъ яснымъ указаніемъ тѣхъ результатовъ до которыхъ могло бы дойти развитіе іерархіи на земскихъ началахъ еслибъ имъ не были поставлены преграды со стороны государства и центральной митрополичей власти". Что касается юго-западной Руси, то уже при самомъ началѣ раздѣленія митрополій, клиръ и міряне получили себѣ отъ Витовта полномочіе избрать митрополита по своему изволенію, что̀ значится и въ изданной по сему случаю грамотѣ Витовта: „учинили есмо такъ митрополита, *зборомъ*, на Кіевскую митрополію, чтобы русская честь вся стояла на своей землѣ." * Хотя послѣдующіе короли, какъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ извѣстій, нерѣдко и стѣсняли своимъ вліяніемъ свободу народнаго избранія митрополитовъ, но самый принципъ такого избранія оставался неприкосновеннымъ; такъ что Варшавскій сеймъ 1543 года, отнявъ у православныхъ нѣкоторыя изъ привилегій данныхъ прежними королями, оставилъ однакоже имъ это право избирать въ митрополиты кіевскіе и всея Россіи того кого они захотятъ. ** Въ такомъ же положеніи находилось въ юго-западной Руси и дѣло избранія епархіальныхъ епископовъ. Изъ дошедшихъ до насъ жалованныхъ епископамъ королевскихъ грамотъ можно видѣть что епископскія каѳедры обыкновенно замѣщались „записаньемъ и челобитьемъ пановъ, бояръ, шляхты и посполитства", хотя, само собою понятно, и здѣсь также какъ въ замѣщеніи каѳедры митрополичьей, или даже еще болѣе, вмѣшательствомъ правительства тормозилось правильное дѣйствіе выборнаго начала. Такъ было до Брестской уніи, когда Сигизмундъ III хотѣлъ рѣшительно отнять у православныхъ право избирать себѣ іерарховъ и сталъ съ этою

* А. З. Р. I. № 24.
** *Опис. Соф. соб.* стр. 117.

цѣлію сажать какъ на митрополичій престолъ такъ и на епископскія каѳедры отступниковъ отъ православія, заявивъ открыто въ одной изъ грамотъ какъ общее правило которое должно дѣйствовать въ его королевствѣ: „митрополитовъ и епископовъ въ панствѣ нашемъ безъ поданья и презента нашего никто ставить, давать и посвящать не можетъ". Но народъ не хотѣлъ повиноваться незванымъ пастырямъ, и когда въ 1620 году патріархъ іерусалимскій, Ѳеофанъ, былъ въ Кіевѣ, собраніе юго-западныхъ православныхъ христіанъ (духовенство, дворянство, запорожскіе казаки и все посполитство) избрало себѣ въ митрополита игумена Іова Борецкаго, котораго и посвятилъ въ этотъ санъ патріархъ, а затѣмъ и представители епархій, бывшіе здѣсь, избрали областныхъ епископовъ (числомъ шесть для епископій: Полоцкой, Владимірской, Луцкой, Перемышельской, Холмской и Пинской), которыхъ посвящалъ уже новопоставленный митрополитъ Іовъ. Вслѣдствіе стѣсненныхъ политическихъ обстоятельствъ, Сигизмундъ, послѣ безплодныхъ попытокъ преслѣдованія, долженъ былъ наконецъ признать новопоставленныхъ іерарховъ, а сынъ его, Владиславъ IV, на генеральномъ Варшавскомъ съѣздѣ 1632 года, формально возстановилъ и въ самомъ принципѣ право юго-западной православной церкви избирать митрополита и епископовъ вольною подачей голосовъ духовенства, дворянства и всего православнаго народа. Это право оставляла неприкосновеннымъ и Москва, въ слѣдовавшемъ за тѣмъ соединеніи съ нею извѣстныхъ частей юго-западной Россіи, требуя только (и, нужно замѣтить, не всегда успѣшно) чтобъ избранные народомъ митрополиты, а съ 1686 года и епископы являлись въ Москву къ патріарху за посвященіемъ. Такъ было до Петра, который порушилъ наконецъ это древнее право юго-западной Руси избирать себѣ пастырей, узаконивъ для всей Россіи правительственный способъ назначенія іерарховъ отъ синода и государя. Замѣчательно что даже польское правительство въ православныхъ епископіяхъ, оставшихся, по присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ, за Польшею, не рѣшалось прямо оскорблять народное право избранія епископовъ: вразумленное предшествующимъ опытомъ рѣшительнаго отпора православныхъ непрошенымъ епископамъ, оно не назначало уже отъ себя уніатскихъ епископовъ въ право-

славныя епархіи, а предпочитало совращать избранныхъ православными въ унію. *

Въ церкви Русской такимъ образомъ народное избраніе епископовъ существовало гораздо долѣе чѣмъ на Западѣ, а потому и память о немъ естественно должна бы быть въ ней гораздо свѣжѣе. Между тѣмъ, на католическомъ Западѣ, въ такъ-называемой „партіи старокатоликовъ“, мы видимъ уже дѣятельное стремленіе возвратиться въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) къ древнимъ порядкамъ церкви. Въ программѣ религіозной реформы (напечатанной въ Emancipatore Catholico) есть, между прочимъ, такой пунктъ: „выборъ на всѣ степени церковной іерархіи зависитъ отъ свободной подачи голосовъ церкви, то-есть духовенства и народа“. Останется ли наша церковь назади въ возстановленіи этого начала, составляющаго прямое наслѣдіе содержимаго ею древняго вселенскаго православія? Возстановленіе этого начала, согласуясь съ теченіемъ нашей общественной жизни за послѣднее время, могло бы сверхъ того имѣть и особое приложеніе у насъ по отношенію къ насущному вопросу *о духовно-судебной реформѣ*, въ такой степени занимающему и правительство и общество.

А. ЛЕБЕДЕВЪ.

Харьковъ,
сентябрь 1872.

* Дѣйствіе выборнаго начала въ юго-западной церкви подробно раскрыто въ статьѣ: „Выборное начало въ духовенствѣ въ древнерусской, преимущественно юго-западной, церкви“. Г. Маркевича, въ *Труд. Кіевск. Акад.* за 1872, авг. и сент.

БѢГУНЫ*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Вотчина князей Хвалынскихъ, Азгаръ, худое мѣсто.

Сказываютъ люди что оно давнымъ-давно проклято было однимъ святымъ пустынникомъ который спасался по близости сторожевой башни Азгарской еще во времена хановъ Казанскихъ. Татары что-то негодное сотворили съ тѣмъ пустынникомъ; онъ ушелъ, а мѣсто проклялъ.

Княжескія хоромы съ двумя крылами прильнувшими къ нимъ по бокамъ тяжело протянулись среди сада; подумаешь, большое, тяжелое животное разлеглось, протянувъ лапы, и спитъ, могучимъ сномъ объятое. Къ тому же, изъ средины фасада, два большіе округлыя окна, будто два темные глаза, смотрятъ угрюмо и не сморгнувъ на Волгу. Предъ ними и вдоль большой террасы выравнялись пять двухсотлѣтнихъ старцевъ, пять огромныхъ дубовъ, и изрѣдка лѣниво и грозно пошевеливаютъ головами, будто ворчатъ себѣ подъ носъ, или поминаютъ другъ-дружкѣ про то что̀ слышали и видѣли на

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 8.

своемъ вѣку, а можетъ и Хавала-Гнѣздо поминаютъ что̀ ихъ насажалъ и выходилъ.

По скату къ рѣкѣ все пусто и глухо; подъ расходящимися въ три стороны липовыми аллеями нѣтъ живой души. Рѣдко днемъ гуляетъ здѣсь князь, еще рѣже дворовые люди, а ночью если и мелькнетъ что̀ въ чащѣ, то ужь конечно не живые люди, а безпокойныя души умершихъ вотчинниковъ Азгарскихъ, которыя блуждаютъ по роднымъ мѣстамъ гдѣ жили и умирали оставляя по себѣ крѣпкую память: княгини и княжны незавидную, горькую, а князья тяжелую, а то и очень грѣшную.

Живой человѣкъ изъ дворни иль изъ села не посмѣетъ ночною порой пройти по саду, а если ужь прикажутъ, то пробѣжитъ озираясь на чащу или пристально всматриваясь въ даль аллей и дорожекъ. Сказываютъ Азгарцы въ шутку что въ саду и средь мѣсяца мая зима стоитъ и морозъ пробираетъ человѣка.

Садъ Азгара около полуночи и въ правду дурное мѣсто. На краю сада, у обрыва гдѣ развалины башни, видали Татарина съ длинною козлиною бородой, съ золотымъ шлыкомъ на головѣ и съ конскими ногами. Онъ, коли завидитъ, бѣгаетъ за народомъ, догнать никогда не можетъ, но издали взвизгиваетъ злобно и швыряетъ чѣмъ-то что̀ въ тѣло вливается какъ клещь. Видѣть ничего не видно, а мѣсто синѣетъ, пухнетъ, и умираетъ человѣкъ; однако вотъ ужь лѣтъ съ пятьдесятъ Богъ миловалъ Азгарцевъ. Видать его—видали, но ни въ кого еще онъ ничѣмъ не попалъ.

Направо, гдѣ малый овражекъ на краю сада и рощи, стоитъ полинялый розовенькій домикъ, разрисованный, съ башенкой и балкончикомъ; лѣстница къ нему отвалилась, входа нѣтъ, а исправлять ее не приказано. Никто въ тотъ домикъ не входитъ даже и днемъ, а ломать его, сказываютъ люди, князь Родивонъ Зосимычъ боится. Сонъ ему былъ такой...

Въ иныя ночи, особливо лѣтнею ясною порой, въ домикѣ этомъ бродитъ высокая и худая фигура: то плачетъ и поетъ, то поетъ, то опять рыдать начнетъ, и вдругъ застонетъ на весь садъ. Нарядъ на ней чудной, не русскій. Всѣ знаютъ, а старики и помнятъ, что жила здѣсь Персіянка, а кто говоритъ Шведка, любимица дѣда князя Родивона Зосимыча. Для нея былъ домикъ тотъ выстроенъ, въ немъ же нашли ее однажды удавленною. Кто сказываетъ что она съ тоски сама

удавилась, а кто—что по княжему приказу ее повѣсили, а кто, изъ стариковъ, за вѣрное сказываетъ что то нечистый ее задавилъ, и какъ разъ дѣло то было среди Великаго Поста. Она-то, извѣстно, не постилась, ну а оно *ему* на руку.

Въ рощѣ тоже есть дурное мѣсто, гдѣ на полянкѣ большущая осина растетъ, молньей обожженная. Тамъ случалось видали Азгарцы какъ въ лунныя ночи пляшутъ по ночамъ и идутъ хороводомъ вокругъ осины десять молодцовъ красавцевъ, въ басурманскихъ яркихъ кафтанахъ и съ сизыми мертвецкими лицами. Эти молодцы были, говорятъ, заморены голодомъ въ башнѣ Азгарской еще когда вотчины и хоромъ не было тутъ. Проплясавъ, они кидаются другъ на дружку и грызутся свирѣпо. Пропалъ человѣкъ если завидятъ они его; тотчасъ бросятся и загрызутъ. Молодца четыре, изъ смѣльчаковъ, пропали безъ вѣсти потому что ходили туда ночью.

Послѣдній ходившій туда въ полночь, истопникъ Азгарскій, тоже пропалъ безъ вѣсти, да только этотъ, сказываютъ, все это колѣно пристроилъ. Его въ солдаты собрались отдавать, онъ и вызвался сходить на полянку... и пропалъ. Азгарцы, думая что и его тѣ плясуны загрызли, поминали его душу, а черезъ мѣсяцъ кто-то видѣлъ его въ кабакѣ въ селѣ Сокольскомъ.

Близь дома, гдѣ перекрещиваются двѣ большія аллеи, стоитъ на чугунномъ пьедесталѣ бѣлая статуя княгини Мавры Васильевны, первой супруги князя Зосимы, съ которою жилъ онъ всего годъ и не имѣлъ дѣтей. На этомъ мѣстѣ была бесѣдка, и здѣсь, вернувшись невзначай съ гостями съ осенняго поля, засталъ молодой князь жену свою съ молодцомъ стремяннымъ... Здѣсь же упала княгиня на песокъ и билась подъ княжимъ ножомъ охотничьимъ, а самъ князь кричалъ въ безуміи гостямъ:

— Краснаго настигъ! Ай да лисичка!

Здѣсь же и похоронили княгиню Мавру безъ всякаго отпѣванія. Неизвѣстные люди донесли въ столицу объ этомъ происшествіи, и пріѣхалъ судъ. Первому пріѣзжему воеводѣ съ писцомъ отвели лучшій покой въ хоромахъ и послали гостинцу ввечеру, на серебряномъ подносѣ. Три человѣка тащили тотъ подносъ, на которомъ были груши, яблоки и разныя сласти, а подъ ними лежало во весь подносъ пять рядовъ золотыхъ. Черезъ полгода пріѣхалъ другой

воевода изъ сосѣдняго города. Съ нимъ князь долго бесѣдовалъ у себя въ покоѣ и много шумѣлъ, а проводивъ его изъ Азгара съ почетомъ, долго говаривалъ потомъ зачастую:

— Звѣрье ненасытное! Раззоръ!

Еще черезъ полгода пріѣхалъ вельможа изъ столицы. Остановился въ Казани и требовалъ туда князя на спросъ. Поѣхалъ князь съ великою пышностью, въ рыдванѣ въ двѣнадцать лошадей цугомъ; вся сбруя золотомъ сіяла. Конные и пѣшіе, до сотни, скакали и бѣжали впереди и вокругъ рыдвана, а за версту впереди шли два саженные скорохода и шибко дрались сгоняя всѣхъ съ дороги. Черезъ два дня, прогостивъ въ городѣ, вернулся князь такъ же пышно и вмѣстѣ съ вельможей. Вельможа ѣхалъ въ рыдванѣ, а князь верхомъ у дверецъ. По пріѣздѣ, въ залѣ поставили большой столъ, писцовъ посажали, машинку какую-то пристроили пытать, и пошелъ спросъ всей челяди и дворни про кончину княгини... Князь Зосима ходилъ тише воды, ниже травы и очень горько плакалъ и убивался. На второй же день, ввечеру послѣ ужина, когда вельможа ушелъ опочивать въ свой покой, поднялась тревога. Случилось съ нимъ нездоровье; лѣкарей не было... Крикомъ кричалъ вельможа часа съ два, очень подобно пѣтушиному, и померъ... Писцы, кланяясь князю въ поясъ, уѣхали во свояси, а бумагу что̀ исписали оставили, и князь ее на дворѣ пожогъ при всей дворнѣ. Многихъ изъ дворни перепороли за сказанное на спросѣ, а кто остался живъ—услали въ Сибирь. Вскорѣ затѣмъ князя вытребовали къ царю на спросъ. Онъ уѣхалъ, да въ столицѣ и зажился. А когда вернулся, ужь опять женатый и съ дѣтьми, то къ удивленію всѣхъ Азгарцевъ, привезъ изъ столицы мраморное изваяніе покойной княгини непостижимаго сходства; особливо платье очень похоже вышло.

— Живая княгинюшка! Только не говоритъ! ахнули Азгарцы.

Поставили изображенье на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ скончалась она, но не успокоилась со святыми душа страдалицы грѣховно похороненной, и бѣлая каменная княгиня зачастую шевелитъ руками и головой: не то грозится, не то словно молится, крестится. А пополуночи, въ день своей кончины и въ родительскую субботу, сходитъ она съ своего мѣста, бродитъ по аллеямъ темнаго сада и входитъ въ хоромы. Не растворяя дверей, скользитъ она

сквозь нихъ и невидимкой ходитъ по покоямъ, только слышно какъ каменныя ноги стучатъ по полу. Крестятся тогда Азгарцы и молитву творятъ, обмирая отъ страха и укрываясь съ головой. До пѣтуховъ бродитъ она, а днемъ, глядишь, опять на мѣстѣ. Но и днемъ не любятъ Азгарцы пристально всматриваться въ лицо бѣлое; сказываютъ, бывало не разъ и днемъ что осклабится вдругъ страшно каменное лицо, и звонко засмѣется княгинюшка нагибаясь къ смотрящему.

На краю березовой рощи, по близости церкви, но отдѣльно отъ кладбища, стоитъ чугунный черный крестъ. Это мѣсто зовется въ Азгарѣ: Олюшкина могилка. Мѣсто это у Азгарцевъ чуть не за святое прошло. Никто не побоится остаться хоть на ночь у этого креста, потому что покоятся тутъ косточки праведной души. Князь Зосима, вдовый, послѣ смерти второй жены своей привезенной изъ Питера, не долго горевалъ, и полюбилъ до зарѣзу дѣвушку дворовую одного помѣщика изъ Казани, купилъ ее и привезъ въ Азгаръ, а сыновей своихъ отослалъ тогда же въ столицу на службу. Олюшка была не красавица, но по словамъ старожиловъ приворотила къ себѣ князя Зосиму такимъ приворотомъ что князь и радовался и печалился радостями и печалями Олюшки. Пальчикомъ двинетъ Олюшка, и все творится, все въ лоскъ ложится по приказу Зосимы Родивоныча; но въ томъ-то видно и была сила ее что ей:

— Ничего не надо!

Сидитъ, въ окно на небо смотритъ; выйдетъ на улицу, на небо смотритъ. Все думаетъ думу какую-то, говоритъ мало, усмѣхается тихо и рѣдко, и всякому встрѣчному и поперечному слуга вѣрная. Послѣдняя ея рубашка не ея, а того кому приглянулась или понадобилась.

Скоро въ Азгарѣ вся дворня стала обожать Олюшку, потому что много меньше бѣдъ стряхивалось имъ на головы съ той поры что Олюшка приворотила буйнаго князя Зосиму. Когда Олюшка стала беременна, прошелъ слухъ что она будетъ княгиней.

— И давай Богъ! въ одинъ голосъ сказалъ весь Азгаръ.

Даже дубы предъ домомъ, когда ворчали подъ вѣтромъ— то вѣрно сказывали то же. Такова была слава Олюшки.

Князь Зосима дѣйствительно подготовлялъ свадьбу и пиръ горой на всю провинцію.

— На всю Россію пусть аукнется, какъ князь Зосима Хвалынскій сочетается съ крѣпостною холопкой своею, объявилъ князь.

Въ январѣ должна была отпраздноваться пышная княжая свадьба, о которой и до столицы слухи дошли, и вмѣстѣ съ ней готовилось крещенье каждый день ожидаемаго ребенка.

Въ день Михаила Архангела, на зарѣ, родился ребенокъ, а въ полдень Олюшка, такъ любившая смотрѣть въ небо, улетѣла туда невидимкой, оставивъ свое маленькое тѣло середи большихъ княжыхъ хоромъ и снующей, какъ громомъ пораженной, дворни. Къ новорожденному младенцу князь Зосима отнесся какъ могъ только отнестись одинъ князь Зосима.

— Проклятое чадо! Распроклятое! кричалъ онъ, обезумѣвъ при видѣ покойницы.—Ты убилъ, отнялъ ее у меня.... Задавить его! Тащи! Вѣшай!

И ударомъ ноги князь повалилъ богатую люльку. Ребенка унесли съ окровавленнымъ личикомъ; крохотная губка была разсѣчена при паденіи.

— Задавили?! сто разъ въ день спрашивалъ князь, не находя себѣ мѣста въ Азгарѣ.—Задавили?!

— Задавили-съ, робко отвѣчалъ всякій; но такъ какъ не нашлось на такое дѣло смѣльчака, то на селѣ уговорили одну солдатку подмѣнить умершаго ея младенца княжескимъ и тихонько окрестить его.

Весь Азгаръ зналъ кто такой солдаткинъ сынъ съ разсѣченною губой, и самъ князь видалъ его потомъ не подозрѣвая ничего, потому что никто до самой княжей страшной смерти ни посмѣлъ сказать что виновникъ Олюшкиной кончины здравствуетъ на бѣломъ свѣтѣ.

Олюшку похоронили въ рощѣ отдѣльно, и князь пометавшись въ дикомъ горѣ по всѣмъ угламъ Азгарскихъ хоромъ уѣхалъ жить въ Казань. Собирался князь вернуться скоро съ архитекторомъ чтобъ устроить надъ свѣжею могилой другой храмъ не хуже собора Казанскаго, во имя Св. Ольги,— но не собрался.

Въ Казани время прошло весело, годы за годами, и однажды утромъ нашли князя Зосиму въ его опочивальнѣ плавающаго въ крови, зарѣзаннаго.... кѣмъ и какъ?—осталось никому не вѣдомо. Судъ порѣшилъ что князь самъ зарѣзал-

ся, но слѣды кровяныхъ босыхъ ступней изъ его опочивальни въ сѣни смущали долго Азарцевъ.

— Не таковъ былъ Зосима Родивонычъ чтобы зарѣзаться! рѣшили Азгарцы.—Умертвитель лихой былъ тутъ....

Но босыя кровавыя ступни вышли изъ опочивальни лютаго князя и на вѣки ушли отъ людскаго суда. А какому Божьему суду въ этомъ случаѣ надлежало быть—Азгарцы колебались рѣшить.

А на Олюшкиной могилкѣ, чтобы не затерялось мѣсто погребенія человѣческаго, поставилъ чугунный крестъ пріѣхавшій изъ Питера князь Родивонъ Зосимычъ. И не самъ надумался объ этомъ молодой князь, а Азгарцы пристали съ просьбами. Дорога имъ была, а теперь будто стала почему-то еще дороже, бѣдная Олюшкина могилка.

Жизнь въ Азгарѣ шла своимъ деревенскимъ чередомъ, день тянулся просто, незатѣйливо, скучно и долго. Всякій обитатель, вставъ въ 5 и въ 7 часовъ утра и плотно поѣвши, разчитывалъ какъ убить время и какъ нагулять себѣ голодъ къ обѣду въ полдень, а послѣ обѣда—какъ промаяться и пробиться до ужина въ 7 часовъ; въ девять все уже спало крѣпкимъ сномъ.

Князь Родивонъ Зосимычъ страдалъ подагрою уже лѣтъ пять, и расположеніе духа его зависѣло отъ болѣзни, то усиливавшейся, то слабѣвшей. Онъ сидѣлъ всегда у себя въ покойчикѣ съ растворенною дверью въ залъ, на большомъ креслѣ, и глядѣлъ въ окно, въ садъ, зная наизусть всѣ сучки и вѣточки того дуба который растаращился предъ его окномъ. Дубъ этотъ былъ самый развѣсистый и громадный изъ всѣхъ, и ходило повѣрье у Азгарцевъ что когда засохнетъ иль свалится онъ, то конецъ и Азгару. Какой конецъ? Никто о томъ себя не спрашивалъ!

Князь выходилъ изъ своей горницы каждый день два раза къ столу, съ помощью дочери и дворецкаго, а черезъ день, два, ѣздилъ кататься по своимъ владѣньямъ, лѣниво кивая направо и налѣво сѣренькому люду что̀ шапку ломалъ на княжемъ проѣздѣ. Князь не зналъ почти никого изъ своихъ мужиковъ въ лицо, и часто спрашивалъ на проѣздѣ если экипажъ ѣхалъ тихо:

— Мой что ль?

Если мужикъ отвѣчалъ отрицательно, то князь спрашивалъ:

чей? Случалось лѣтомъ и про хлѣбъ, и про покосъ спрашивалъ князь:

— Мой что ль?

Народъ привыкъ къ этому, не дивился даже, вѣровалъ что именитому князю, какъ богатому вельможѣ, стыдно и не подобаетъ знать въ лицо своихъ рабовъ и границу своихъ земель.

Князь Родивонъ Хвалынскій, прожившій со смерти крутаго отца всю жизнь свою въ Азгарѣ и немного въ Казани, относился къ народу и къ своимъ владѣньямъ чрезъ очки своихъ управителей, старостъ, бурмистровъ.

Придетъ управитель утромъ, что̀ бывало постоянно, и разкажетъ про свои порядки въ порученномъ ему имѣніи или на хуторѣ. А князь слушаетъ разсѣянно. Новаго вѣдь не услышишь.

Управитель дѣлаетъ то же что̀ дѣлалось за сто лѣтъ до него и сто лѣтъ послѣ него, то-есть тянетъ послѣдній грошъ со всякаго мужика, и утянувъ себѣ въ году малую толику несетъ что̀ слѣдуетъ барину. Черезъ десять лѣтъ онъ выкупается на свободу и замѣщается; или доходитъ до крупнѣйшихъ чиновъ, посылается намѣстникомъ въ дальнее имѣніе (каковыхъ у князя было четыре), и тамъ живетъ самъ бариномъ, пока не запишется въ гильдію сосѣдняго города или пока не прорвется. Князь смотрѣлъ только на итогъ управленія осязательный, то-есть на принесенныя деньги, а какъ велось дѣло ему было все равно.

Если доложутъ ему что засѣкли мужика, онъ спроситъ: „Много ль дали?“ (То-есть розогъ.) Иногда полюбопытствуетъ узнать кто поролъ, кто считалъ, кто распоряжался.

Если отправятъ въ острогъ, сошлютъ въ Сибирь, сдадутъ въ солдаты кого изъ подданныхъ, князь спроситъ какъ звать, а за что̀ не спроситъ.

— Знамо, за дѣло.

Жаловаться никто не смѣлъ идти къ князю, и давно ни одинъ мужикъ не перешелъ двора княжаго съ жалобой. Этотъ обычай укоренился еще при князѣ Зосимѣ, который жалобщиковъ приказывалъ подъ сердитую руку вѣшать на воротахъ.

Дворню князь зналъ, но въ разсѣянности или изъ равнодушія часто называлъ Ваську—Семкой, Никишку—Петькой, и наоборотъ. Дѣвушекъ дворовыхъ молодыхъ и пожилыхъ

(которыхъ помнилъ молодыми) князь зналъ по именамъ и даже болѣе... Всѣ онѣ, исключая невзрачныхъ, перебывали въ милости княжей. Jus primae noctis дѣйствовало въ Азгарѣ въ силу обычая, испоконъ вѣку, со временъ первыхъ Хвалымовъ, но особенно укрѣпилъ и узаконилъ этотъ обычай крутой князь Зосима.

Въ минуты добраго духа, князь останавливалъ иногда въ прогулкахъ какую-нибудь пожилую женщину словомъ.

— А здорово, ты, Марья! А помнишь, чучело.... какъ надысь, лѣтъ тому... сколько лѣтъ-то? Много! Эхъ-ма какая жь ты старая стала да корявая! Да и я-то ужь расшатался.

Князь дѣйствительно за послѣдніе года вдругъ быстро состарился, по милости нежданной гостьи—подагры, и хотя ему было только шестьдесятъ лѣтъ, но онъ казался совершеннымъ старикомъ. Княгиня Анна Александровна, жена его, умерла проживъ съ мужемъ ни хорошо, ни дурно около двадцати лѣтъ.

Она была женщина черезчуръ обыкновенная, ни рыба, ни мясо; къ тому жь и не красива, и князь женился на ней только ради пріобрѣтенія себѣ протекціи по службѣ чрезъ ея побочнаго отца, именитаго въ то время человѣка, въ послѣдствіи умершаго въ ссылкѣ.

Анна Адександровна была невозмутимаго духа; даже пожаръ бывшій въ домѣ за годъ до ея смерти не взволновалъ ея. Всѣ переполошились въ домѣ, а княгиня взяла изъ кивота на руки образъ Богородицы Неопалимой Купины и пошла въ ту половину чтò горѣла, ворча на шумъ и бѣготню холопей:

— Полно гомонить! Съ чего это вы расходились такъ?

Князь звалъ жену почему-то „капустой", и въ первый разъ обратилъ на нее особенное вниманіе когда она была уже на столѣ. Долго онъ смотрѣлъ въ лицо покойницы.

— Жена вѣдь она мнѣ? сказалъ онъ себѣ загадочно. И трудно рѣшить чтò поразило его: то ли что жена его уже мертвецъ, или что мертвецъ этотъ вѣдь жена его.

Послѣ смерти Анны Александровны, въ Азгарѣ ничего не измѣнилось. Все равно еслибы вынесли изъ столовой двадцать четвертый стулъ: замѣтишь только если присмотришься внимательнѣе. Сыновья отнеслись къ смерти матери по-своему. Данило поплакалъ немного во время похоронъ съ безконечными обрядами на старый ладъ, потому что всѣ плакали и причитали; но когда всѣ перестали, и онъ пересталъ. Къ тому же

новая бѣда висѣла надъ нимъ: ѣхать на службу. Иванъ сталъ бояться ходить одинъ по вечерамъ чрезъ большія комнаты хоромъ, а ночью кутался съ головой и душился въ одѣялѣ, прося свою мамушку Авдотью лечь поближе.

Анна Александровна при жизни вовсе не занималась дѣтьми. Они жили сами по себѣ, ѣли, спали и гуляли; ихъ никто не воспитывалъ, или воспитывали всѣ, то-есть, точнѣе сказать, воспитывалъ ихъ Азгаръ, складъ барской жизни и дворня; характеры же слагались изъ двухъ силъ, первая сила: родовые, потомственные пороки и добродѣтели, а вторая—случай.

Данило съ дѣтства былъ вылитый дѣдъ Зосима, и лицомъ, и характеромъ: гордый, бѣшеный, своенравный, смѣлый и умный. Петербургъ, кампаніи, походы и служба, пріятели и сослуживцы, видоизмѣнили втораго князя Зосиму и сдѣлали князя Данилу.... Но ему еще осталась возможность вернуться назадъ и къ старости быть вторымъ Зосимой.

Иванъ характеромъ и лицомъ, отчасти слабымъ сложеніемъ, добродушіемъ и безмятежною сонливостью, былъ въ свою мать; но вторая Анна Александровна измѣнилась тоже подъ вліяніемъ своего пола, играя украдкой отъ отца съ сельскими ребятишками въ лапту и въ бабки, а потомъ отъ жизни и службы въ Оренбургѣ, куда князь Иванъ нечаянно попалъ съ полкомъ изъ Казани.

Князь звалъ Данилу дѣдушкой и Зосимой Родивонычемъ, а Ивана—дочкой и пирожникомъ. Младшую дочь Серафиму, четырнадцатилѣтнюю, но уже вполнѣ развитую, онъ любилъ болѣе всѣхъ, потому что она была лицомъ очень похожа на него. Фимочка была рѣзвая, быстроглазая дѣвочка, выросшая безвыѣздно въ деревнѣ и отличавшаяся отъ остальныхъ сверстницъ своихъ, дворовыхъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, только платьемъ и бойкимъ барскимъ голосомъ. Ее воспитали дѣвичья и швейная. Съ десятокъ дворовыхъ дѣвушекъ были ее любимицами и спутницами всюду, и въ затѣяхъ, и въ исполненіи ихъ. Надзору не было ничьего. Только разъ, за годъ назадъ, одна изъ нихъ, ея первый другъ, была, послѣ тихой бесѣды между мамушкой Авдотьей и княземъ Родивонъ Зосимычемъ, жестоко наказана розгами и умерла черезъ недѣлю, а княжнѣ, на ея слезы о своей любимицѣ, отецъ обѣщалъ за глупыя забавы съ дѣвками всѣхъ ихъ передрать и разослать по другимъ имѣніямъ.

Князь любилъ Фимочку болѣе сыновей своихъ отчасти и

потому что она выросла на его глазахъ и была при немъ неотлучно, ухаживая за капризнымъ больнымъ старикомъ, когда сыновья пропадали одинъ на границѣ Европы, другой на границѣ Азіи.

— Что̀ сыны? Имъ только денегъ высылай безъ задержки. Вотъ умреть, тутъ и прискачутъ дѣлиться, говорилъ онъ.

Князь цѣнилъ и судилъ все и всѣхъ по отношенію къ своему личному благу. Любилъ прежде всего на свѣтѣ свое спокойствіе, и не задумался бы пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ и даже обоими сыновьями еслибъ отъ этого можно было вернуть молодость, цвѣтущіе годы и утраченное здоровье.

„Своя рубашка къ тѣлу ближе", была его все объяснявшая въ жизни и любимая поговорка. Со старостью себялюбіе развивалось все сильнѣе. Никто въ околоткѣ не называлъ князя злымъ бариномъ, но никто не считалъ и добрымъ. Боялись же его свои по привычкѣ, а чужіе—потому что имя князей Хвалынскихъ все еще звучало грозно въ провинціи, какъ отголосокъ прежнихъ подвиговъ князя Зосимы.

Послѣдніе годы, когда сыновья рѣдко навѣдывались, князь сталъ какъ будто скучать и началъ катаясь заѣзжать все чаще къ дьякону жившему съ дочерью Василисой. Скоро у дьякона появилась новая тесовая изба, Василиса же перешла въ барскій домъ и поселилась въ трехъ горницахъ праваго крыла соединеннаго съ домомъ террасой, и ей поручено было завѣдывать кладовыми и сундучною горницей.

Князь звалъ ее фрейлиной, а весь Азгаръ княгиней.

При вѣсти, однако, о возвращеніи князя Данилы, Василиса перебралась обратно къ отцу дьякону.

Общество князя Родивона въ Азгарѣ состояло изъ дальнихъ сосѣдей наѣзжавшихъ крайне рѣдко къ старику-подагрику съ дѣвочкой дочерью, которые по ихъ словамъ:

— Хозяйничать и радушничать были не ученые!

Часто бывалъ въ послѣдніе годы Кречетовъ, сосѣдъ верстъ на семьдесятъ отъ Азгара, и имъ князь довольствовался. Съ его пріѣздомъ являлись на сцену карты, особенно шашка и бирюльки, и вечера коротались.

Другой частый посѣтитель князя былъ добрѣйшій и честнѣйшій душою отецъ Ареѳа, священникъ изъ села Сокольскаго, который ѣлъ много варенья и болталъ князю много наивнаго вздору.

— Это мой пустомолъ и богомолъ! острилъ князь про отца

Ареѳу.—Онъ за меня Богу молитъ и мнѣ всякую пустяковину мелетъ. Ну и спасибо ему! Я его вотъ и усахариваю вареньями чтобы слаще за обѣдней пѣлъ.

Скомороховъ, карликовъ и потѣшниковъ князь не любилъ.

— И у дѣдовъ моихъ такого завода не было, говорилъ онъ.

Но все-таки былъ у князя въ домѣ всеобщій шутъ, не по званію, а по положенію, по привычкѣ барской производить кого-либо въ шуты и изощрять надъ нимъ праздный умъ свой въ шуткахъ и прибауткахъ.

Шутъ этотъ былъ Михалка, существо обойденное мачихой судьбой. Не умри бѣдная Олюшка—шутъ этотъ назывался бы: князь Михаилъ Зосимычъ Хвалынскій. Онъ считался бы по праву братомъ, а не шутомъ Азгарскаго вельможи.

Теперь же Азгарцы, почитавшіе Олюшкину могилку, видно забыли кто таковъ этотъ Михалка. Это былъ для нихъ не Олюшкинъ сынокъ, а Мишутка, чертова махалка и Михайло Иванычъ Вѣдмедь!... Добраго, умнаго прежде и богомольнаго человѣка, довели люди до того что теперь у него былъ свой христосъ и своя богородица и своя вѣра въ нихъ. Михалка былъ полупомѣшанъ....

II.

Князь Данило Хвалынскій былъ на паромѣ въ виду Казани и тихо двигался черезъ Волгу, широко разливающуюся подъ Услономъ.

Видъ Волги обрадовалъ его.

Вотъ эти же волны, думалъ онъ, протекутъ черезъ нѣсколько часовъ мимо Азгара.... Недалеко! Недалеко!

Черезъ часъ князь Данило былъ уже у себя, то-есть въ огромномъ домѣ Хвалынскихъ, на углу одного изъ большихъ переулковъ и Воскресенской улицы.

Домъ этотъ былъ купленъ еще Зосимой Хвалынскимъ у какого-то вельможи занимавшаго важную должность въ Казани при Петрѣ Великомъ и жившемъ въ немъ безвыѣздно зиму и лѣто. Князь Зосима долго жилъ въ немъ, но только по зимамъ, за тѣмъ и Родивонъ Зосимычъ года три прожилъ тутъ, но теперь уже лѣтъ двадцать слишкомъ старый семидесятилѣтній домъ былъ плохъ, гнилъ, заброшенъ и запущенъ.

Въ большой залѣ гдѣ бывали асамблеи у вельможи и балы у князя Зосимы, хоры провалились; цѣлая угловая часть ихъ висѣла чуть не на воздухѣ и уже нѣсколько лѣтъ собиралась рухнуть.

Большая лѣстница, подымавшаяся на второй этажъ прямо изъ прихожей, была заказана чтобы по ней не ходили, ибо она тоже едва держалась. Десятки большихъ горницъ были пусты, только разъ въ годъ наполнялись онѣ и то не мебелью, а мѣшками хлѣба и овса которые привозили изъ Азгара въ продажу казанскимъ купцамъ.

Штукатурка, когда-то раскрашенная и изукрашенная по стѣнамъ, теперь сыпалась и валилась; тутъ полбукета торчавшаго на стѣнѣ, или двѣ ноги какого-нибудь амура, тамъ половины вѣнка или лиры не хватало... Колонки и карнизы лѣпные и расписные одинаково, чуть не ежедневно, обсыпали полы, и Архипычъ, исправляющій должность управителя пустаго дома, а равно и сторожа, съ ругательствами собирался ежедневно вымести все.... и не выметалъ, и дожидался того что метла уже не могла взять вороховъ извести, и на очистку приходилось уже нанимать рабочихъ и подводы. Архипычъ собирался нанять ихъ уже года съ два.

Въ одной большой горницѣ, именуемой зеркальною, но безъ единаго зеркала, была свалена въ кучу поломанная мебель.

Верхній этажъ былъ заколоченъ: тамъ все сгнило отъ дождей поливавшихъ въ выбитыя окна. Жили тамъ сотни голубей. Одни только большія, сизыя, изразцевыя печи стояли по всему дому нерушимо, переживъ все, и вельможу, и сердитаго князя Зосиму, и позднѣйшихъ владѣтелей. Онѣ все также сіяли и молодцовато глядѣли на все окружавшее ихъ раззоренье. Синенькіе цвѣточки на изразцахъ не поблѣднѣли, а стали совсѣмъ голубые.

Какъ всегда въ одичалыхъ пустыхъ домахъ, домовой выкидывалъ здѣсь удивительныя колѣна чтобы выжить изъ дома Архипыча. Громко ходилъ онъ по пятамъ старика, когда тотъ пойдетъ по горницамъ, и глухимъ, басистымъ, будто могильнымъ голосомъ повторялъ всякое движеніе его и всякое слово. А запоетъ иной разъ Архипычъ съ одиночества и тоски, или кашлянетъ, домовой озлится безмѣрно. На весь домъ огрызнется сердито, словно обидится стариковою дерзостью; всѣ стѣны загогочутъ, всѣ уголки ахнутъ, а по коридору будто пробѣжитъ *онъ* опрометью и топоча копытами. А тамъ по всей залѣ и по гнилымъ хорамъ словно дробью посыплетъ или начнетъ штукатуркой швырять. Защекочетъ что-то у Архипыча за ухомъ, и волосы на головѣ пошевеливаться начнутъ. Коли день ясный, то плюнетъ Архипычъ на

проклятаго шатуна, а коли ночь темная—перекрестится. Попробуй-ка ночью-то плюнь, онъ тебя такъ плюнетъ!... Спаси Господи!

Князь Данило помѣстился въ двухъ небольшихъ угловыхъ комнатахъ, прямо изъ прихожей налѣво. Здѣсь была мебель, и въ этихъ горницахъ останавливались всегда оба брата проѣздомъ черезъ Казань. Одна изъ нихъ желтая была спальней, а другая кабинетомъ князя Зосимы. Здѣсь сиживалъ Зосима по недѣлямъ не выходя въ другія горницы и не принимая никого, когда на него нападало сердце на всякаго человѣка. Здѣсь въ желтой комнатѣ и окончилъ лютый бояринъ свое житіе подъ ножомъ невѣдомаго человѣка.

Первая новость которую объявилъ князю Архипычъ, послѣ обычныхъ слезъ радости, цѣлованій и причитаній, заключалась въ томъ что высланы, верстъ за шестьдесятъ по Бугульминской дорогѣ, изъ Азгара лошади, на подставу для Ивана Родивоныча, который ожидается изъ Оренбурга въ Азгаръ и долженъ быть не позже послѣзавтра.

Князь Данило обрадовался извѣстію, и зная со словъ Архипыча что все въ Азгарѣ обстоитъ благополучно рѣшился дождаться брата въ Казани чтобъ ѣхать вмѣстѣ къ отцу.

Старый Архипычъ извѣстился съ пріѣздомъ князя о горѣ великомъ. Алеша былъ его племянникъ, и онъ любилъ его какъ роднаго сына. Много допрашивалъ старикъ пріѣзжихъ съ княземъ молодцовъ о томъ какъ бѣжалъ Алеша.

Такъ какъ знакомыхъ у князя Данилы въ городѣ быть не могло, то онъ два дня просидѣлъ одинъ, гуляя по пустому дому и заглохшему саду.

Изрѣдка разспрашивалъ онъ Архипыча объ Азгарѣ, но Архипычъ каждый разъ сводилъ бесѣду или на Алешу, или на прошлогоднее горе свое, заключавшееся въ томъ что сына его Ѳедьку князь Родивонъ Зосимовичъ въ солдаты отдалъ.

— Бѣды-то разомъ ходятъ, говорилъ Архипычъ.

Разъ десять повторялся слѣдующій разговоръ между нимъ и княземъ:

— Да какъ было дѣло-то? говорилъ смѣясь Данила.

— Бунтъ, князинька. Проходимецъ какой-то непутными рѣчами Ѳедьку сманилъ. Монахъ отъ святыхъ мѣстъ, вò какой образъ на груди и кружка, на храмъ собирать. Князь Родивонъ Зосимычъ сказывалъ будто онъ казакъ на Дону. Я тоже далъ ему пять алтынъ.

— На кабакъ.

— Нѣту, князинька, какъ можно, на храмъ.

— Казаку-то?

— Монаху же... Его и званье отецъ Мисаилъ. Ну вотъ онъ его и сманилъ. И нагруби онъ князю. Его и сдали, а я сирота все радовался что хоть Алексѣй остался, и у васъ въ милости. Онъ вѣдь мнѣ за сына былъ тоже. А вотъ нынѣ и Алексѣй согрубилъ предъ вами и Господомъ. А я вовсе сирота!

И Архилычъ сморкался и утиралъ слезы.

— Бунтъ-то какой же?

— А вотъ онъ самый и есть. Тутъ три офицера въ Казани нарочито для бунтовъ при губернаторѣ состоятъ, и то и дѣло съ солдатами на подводахъ ѣздятъ изъ села въ село. Тутъ, гляди, передрали, забрали въ острогъ. А онъ туда ушелъ. Ты туда, а онъ паки сюда. Ты паки сюда, а онъ за пятьдесятъ верстъ хватитъ.

— Отецъ Мисаилъ.

— Нѣту! Бунтъ-то самый!

Прошли три дня въ ожиданіи, и князь Данило собрался ѣхать, но за часъ до его выѣзда тройка съ телѣжкой влетѣла во дворъ, и молодой бѣлокурый малый бросился къ Данилѣ на шею.

Иванъ Хвалынскій, служившій въ гарнизонѣ Оренбургской фортеціи ради того чтобы выдти изъ недорослей дворянскихъ, былъ добрый и сердечный малый, выхоженный на домашнихъ пирожкахъ и лепешечкахъ. Иванъ глядѣлъ на міръ Божій такъ какъ его училъ сельскій батюшка, на жизнь какъ его учили Азгарцы. „Подай Богъ князинькѣ великія почести и царевну-красоту въ женушки“, слышалъ онъ съ колыбели и ждалъ до сихъ поръ. А за чтò? Почему? возникалъ вопросъ. „Ахъ! такому-то соколу ясному? Да кому ужь послѣ этого и счастье... если не Иванушкѣ... не князинькѣ нашему!“

Когда Ивану случалось внѣ Азгара, на службѣ, смущаться предъ выборомъ чего-либо важнаго, или въ случаѣ самостоятельнаго поступка, онъ спрашивалъ себя: какъ бы поступилъ братъ Данило? и подражалъ почитаемому съ дѣтства брату.

Характера скромнаго и добродушнаго, ума не далекаго, отваги птичьей, Иванъ былъ мямлей по мнѣнію Данилы, добрымъ малымъ по мнѣнію князя-отца, золотомъ для Азгарской дворни, красавчикомъ и ангеломъ для мамушекъ и

сѣнныхъ дѣвушекъ. И цѣловали же онѣ неустанно маленькаго Ваню, гдѣ онъ имъ ни попадался. А выросъ ребенокъ, сталъ юношей,—не оставался въ долгу у втораго поколѣнія, а платилъ ему тою же монетой за прежніе несносные поцѣлуи. Родивонъ Зосимычъ любилъ и понималъ сына Ивана лучше всѣхъ.

— Ну, подь ко мнѣ, моя дочка милая. За кого мы тебя замужъ-то выдадимъ? Хорошаго тебѣ надо мужа, чтобы цѣнилъ твое сердце да чудесовъ въ рѣшетѣ съ тебя не взыскивалъ.

Страшныя розказни дворовыхъ ребятишекъ, чудная сѣнь липовыхъ аллей сада, тихая и сонная синева Волги, услужливость холопей съ колыбели; затѣмъ однообразная и незатѣйливая жизнь; щедрая и глупая ласка одной хорошенькой Аксютки: все это вмѣстѣ окружило его съ рожденья и одуряло юношу, еще не видавшаго міра Божьяго, пустило наконецъ въ міръ не князя Ивана, а князиньку Иванушку, *андела* вмѣсто гражданина, *золото* вмѣсто человѣка.

III.

Весь день Иванъ пропадалъ въ городѣ будто по дѣламъ. Данило дивился и даже обижался на его равнодушіе къ себѣ послѣ двухлѣтней разлуки.

Ввечеру Иванъ вернулся, и братья усѣвшись за самоваръ и чай стали толковать разказывая другъ другу свои дѣла. Данило разказывалъ свой путь изъ Питера, побѣгъ Алеши и вообще жаловался на безпорядки.

Иванъ все смѣялся добродушно и дивился не случаямъ съ Данилой, а самому *батюшкѣ братцу*, какъ онъ называлъ по привычкѣ старшаго и чиновнаго брата.

— Много зажились вы въ Нѣметчинѣ, братецъ: все сіе давно такъ ведется, всегда было. Да я чаю и въ заморскихъ краяхъ не угодники Божьи проживаютъ... И въ раю не оберешься мошенниковъ, потому и тамъ люди живутъ.

— Э, да ты Ваня вонъ какъ поговаривать сталъ! усмѣхнулся Данило.

— Про рай-то... Это не я, это Милюковъ, нашъ губернаторскій товарищъ въ Оренбургѣ, всегда сказываетъ, добродушно отвѣчалъ Иванъ.

— Я ужь полагалъ, ты самъ записался въ *филозофы*.

— Чего?!... Заморскихъ словъ братецъ не вѣдаю ни единого..

Только по-польски малую толику заучилъ. Цо то есть! Падамъ до ногъ!

— Полно, братъ! Мнѣ польская рѣчь нутро подымаетъ.... При мнѣ ты не говори ничего такого. Скажи-ка лучше: и въ вашихъ краяхъ, въ Оренбургѣ, тожь.... смута?

— Втендзе!

— Сказываю я тебѣ, гнѣвно вымолвилъ Данила, сверкнувъ своими сѣрыми глазами, круглыми и упрямыми, какъ у дѣда Зосимы были они.

Иванъ оторопѣлъ и смутился.

— Простите, братецъ, не гнѣвитесь.... Я полагалъ что вы... Я токмо ради потѣхи.

Братья помолчали.

— Ну и у васъ неурядица?

— Какъ и вездѣ. А намъ-то и подавно. Да и какъ не быть смутамъ? Заводовъ настроили, а народу нѣтъ. Ну бѣглыхъ и зазываютъ, и всякаго мошенника пріемлютъ, обласкиваютъ. На заводахъ Акинѳія Демидова Строгонова, Осокина и у другихъ полагается быть десять тысячъ переселенцевъ, а ихъ тамъ сходцевъ до сорока тысячъ, и народъ все безписьменный, не вѣдомо ни откуда они, ни коихъ помѣщиковъ.

Иванъ пріостановился, усмѣхнулся и поглядѣлъ брату въ глаза, словно не рѣшаясь сказать что-то.

— Вы бранить не будете?

— Чтò такое?

— Я ужь вамъ поистинѣ скажу чтò со мной теперь приключилось. Вы мните, я самъ собой сюда пріѣхалъ. То-то нѣтъ. Я по наряду сюда безписьменныхъ велъ. Да чтò вышло-то?

— Ну, ну, говори! оживился Данило интересуясь узнать служебные подвиги брата.

— Посылалъ меня Иванъ Андреевичъ.

— Кто такой?

— Да нашъ губернаторъ Рейнсдорпъ. Послалъ забрать съ нашихъ заводовъ всѣхъ самыхъ подозрительныхъ людей, то-есть холопей бѣглыхъ и каторжниковъ съ Сибири, и вести ихъ сюда въ Казань. Уже три года, видишь, сего не чинилось, и сволочилась ихъ тьма. Вотъ собралъ я четыре тысячи съ семи заводовъ. Конвой дали мнѣ изъ штатной команды города всего одиннадцать инвалидовъ, да опричь

того три десятка сейтовскихъ Татаръ. Ну я и повелъ сюда.... Да чтò вышло-то? Произошла убыль, братецъ, да какая! Изъ четырехъ тысячъ довелъ сюда... молвить страшно.... 810 человѣкъ!

— Чтò ты, Иванушка! ахнулъ Данила.

— Да. Оробѣлъ я безмѣрно...

— Предъ закономъ въ отвѣтѣ быть?

— Какой тебѣ законъ! Я оробѣлъ что не удавили бы меня-то! Восемь разъ бунтовали, батюшка братецъ, путемъ-то дорогою....

— Да вѣдь, глупый, теперь подъ судъ пойдешь.

— Какое! Вы слушайте. Я прибылъ на лошадяхъ подставныхъ сюда впередъ, и уже былъ у губернатора. Не вѣдалъ какъ и глаза губернатору показать. А онъ все опросилъ какъ было дѣло. Похлопалъ меня по плечу да и сказываетъ: Спасибо и за этихъ. Помолитесь Богу что сами цѣлы и невредимы. Предъ вами офицеръ никого не довелъ, самъ убитъ былъ.

Данило покачалъ головой и разсмѣялся.

— Ну, а по Приволжью, на Низовьяхъ, тише стало?

— Какой тебѣ тише! Цѣлые деташементы воровъ бродятъ по всей Волгѣ, а то на судахъ плаваютъ. Атамановъ и есауловъ своихъ имѣютъ; даже пушки есть при нихъ. Вышлютъ на нихъ нашихъ гарнизонныхъ, много-то палить имъ не повелятъ, въ порохѣ нынѣ недочетъ великъ у насъ. Былъ запасъ пороха, да сказываютъ весь выдохся, негоденъ. Вотъ и велятъ солдатамъ живыхъ воровъ брать. Сунутся они, ихъ и перехлопаютъ какъ клоповъ, а офицера за ноги на мачту, да съ нимъ и катаются пока не провоняетъ....

— Славно! Ну, а скажи, Мордва и Чуваши почто все бунтуютъ у васъ?

— А ужь сего я доподлинно не вѣдаю. Объ нихъ губернаторъ всегда въ заботахъ и попечительствахъ. Вотъ и нынѣ ихъ псовъ въ вѣру православную повсюду крестятъ и мечети рушатъ чтобъ истиннаго Бога почитали.

— Напрасно. Они отъ того и бунтуютъ. Не слѣдъ бы ихъ трогать.

— Какъ это вы диковинно судите, братецъ? Да они вѣдь, загорячился Иванъ, — по своей вѣрѣ-то чтò творятъ? Младенцевъ нашихъ жарятъ да ѣдятъ; а большаго убьютъ— кровью его каймакъ приправляютъ.

Данило разсмѣялся.

— Это тебѣ тамъ барыня какая разказала?

— Не барыня.... Всѣмъ вѣдомо.... Спросите губернатора. Одинъ засѣдатель верхней расправы разказывалъ одной купчихѣ, при мнѣ.... при мнѣ, братецъ, что разъ какъ-то онъ....

Данило расхохотался. Иванъ всталъ, махнулъ рукой, и не окончивъ разказа пробормоталъ укоризненно:

— Вы, братецъ, все въ Нѣметчинѣ.... Вы не знаете....

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. На дворѣ уже давно шелъ сильный дождь. Князь Данило подумалъ о предстоящей дурной и грязной дорогѣ, и вспомнилъ что не далъ никакихъ приказаній на счетъ своего отъѣзда. Онъ кликнулъ Архилыча, потомъ еще двухъ людей, но никто не отозвался.

— Чего вамъ? спросилъ Иванъ.

— Какъ чего? Собраться въ путь заутра. Я вѣдь ничего не приказывалъ.

— Вотъ чтò, братецъ, я бы хотѣлъ....

Иванъ смутился и замолчалъ. На вопросъ брата онъ снова началъ и смущаясь просилъ его остаться въ Казани еще на одинъ день, ради бала у губернатора. Данило согласился, но самъ ѣхать на балъ отказывался. Онъ не зналъ казанскаго губернатора Брандта и говорилъ что вообще будетъ какъ въ лѣсу.

— Спознакомитесь. Долго ль? Всѣ рады будутъ, уговаривалъ Иванъ, и на отказъ брата прибавилъ наконецъ:—Мнѣ гораздо нужно чтобы вы были на семъ балѣ.

— Зачѣмъ, помилуй? Невѣсту чтоль тебѣ выбирать будемъ, смѣялся Данило.

— То то и есть.... смотрины!... покраснѣвъ и не глядя въ лицо брата выговорилъ Иванъ.

— Жениться хочешь? Не шутишь? воскликнулъ Данило вставая.

— Чтò жь, братецъ? Мнѣ вѣдь двадцать два года; скоро вотъ поручикомъ буду.

— Объ закладъ бьюсь подушку себѣ выискалъ.

— Какую подушку?

— Такую.... Не пуховую.... Нешто въ этой Азіи есть дѣвицы? Подушки онѣ у васъ. Ну говори, кто такая?

Иванъ разказалъ брату что онъ уже съ дѣтства, съ той поры что Данило уѣхалъ на службу, полюбилъ одну дѣвочку, съ которою видался и игрывалъ у сосѣдей Городищевыхъ, что она теперь уже дѣвушка красавица, что онъ ждетъ только чина чтобы выйти въ отставку и жениться.

— Кто жь такая?

— Прасковья Соколъ-Уздальская, внучка того, московскаго.

— Уздальская? прервалъ Данило:—Ну, Иванушка, заглазно могу охаять твой выборъ. Вся фамилія негодная. Артемій даже преступникъ и уйдетъ у меня въ допросъ когда я верну въ Петербургъ. Отецъ ея покойный вѣкъ былъ негодница, спроси хоть у родителя. Внукъ въ польское подданство ушелъ, сказываютъ даже вѣру перемѣнилъ; другой, Андрей, ты самъ знаешь, тоже алтына не стоитъ. Эхъ, Иванушка, хуже-то ты не нашелъ что ль? Батюшка тебѣ сего и не дозволитъ. Онъ ее знаетъ. Ты ему сказывалъ или отписывалъ?

Иванъ стоялъ у стола совершенно смущенный опустивъ голову, и тяжело сопѣлъ оттопыривъ губы. Красивое лицо его стало глупо. Онъ безсознательно ковырялъ пальцемъ въ большой черной дырѣ выжженной въ столѣ очевидно утюгомъ и вѣроятно въ незапамятныя времена дѣдовы.

— Стало никто ничего и не вѣдаетъ. Да она-то чтò? Идетъ за тебя? Любитъ чтоль крѣпко?

— Какъ же, братецъ, не любить! полужалостливо, полуукоризненно вымолвилъ Иванъ.—Съ молодыхъ лѣтъ вмѣстѣ. Бывало еще въ горѣлки, въ коршуна играли. Она меня крѣпко любитъ, а мать еще пуще, Марѳа-то Петровна.

— Мать? То есть мачиха.... Она кажись Городищева?

— Да. Онѣ пуще родныхъ любятся. Назвать мачихой обѣихъ обидишь. Она Параню-то приняла на руки двухъ годочковъ. И совсѣмъ она не похожа на братьевъ своихъ. Онѣ съ Андреемъ почитай въ годъ разъ видаются. Съ Артеміемъ Никитичемъ совсѣмъ не знаются. Вотъ только одно что у нихъ нахлѣбникомъ живетъ Артема, сынишка Андреевъ. Отецъ его псарямъ своимъ препоручилъ. Марѳа Петровна изъ доброты его и пріютила къ себѣ на хлѣба.

Долго Иванъ доказывалъ брату что между Уздальскими казанскими и Уздальскими московскими нѣтъ ничего общаго кромѣ имени.

— Ну, Господь тебя вѣдаетъ. Можетъ и впрямь выродокъ. Поѣдемъ на балъ. Покажетъ какого бобра убилъ. Коль пушистъ да съ сѣдиной, не охаю, а родителя даже склоню. Да вѣрится плохо. Польскій онъ, боберъ-то твой, сострилъ Данило.

Братья перевели разговоръ на завтрашній балъ, и вспомнили что надо приготовить парики и мундиры. Данило вспомнилъ что съ нимъ кстати его новый диковинный мундиръ какого и въ Петербургѣ никто еще не видалъ, и рѣшилъ достать его сейчасъ же изъ сундука и развѣсить чтобъ онъ разгладился. Братья снова стали кликать людей, но никто снова не явился. Данило взялъ свѣчу, вышелъ въ прихожую и не нашелъ ни души.

— Должно ужинаютъ, черти! Разыщемъ сами.

— Имъ есть о чѣмъ потолковать. Ваши съ Питера, мои съ Оренбурга: Максимка мальчуганъ, я чаю, помните. Подарилъ мнѣ его еще махонькимъ, для забавы, Кречетовъ.... ну, Ольгинскій, Дмитрій Дмитричъ... Онъ теперь вольный и мой деньщикъ. Вѣрный мальчуганъ.

— Кречетовъ? Пріятель батюшкинъ? Какъ не помнить! Я его въ прошлый пріѣздъ видалъ въ Азгарѣ. Кипятокъ!

— У него дочь замужъ идетъ за Уздальскаго. Предъ постомъ свадьба.

— Вотъ тоже бобра убила. Я чай подушка! Дура что-ли, иль уродъ? Я ее что-то не видалъ, сказалъ Данило, оглядывая сундуки.

— Она у Городищевыхъ бывала рѣдко. Кто говоритъ умница, а кто что дура лѣтая. Да вѣдь онъ ее уходитъ живо. Онъ первую-то жену, половину-то свою, забилъ сьпяна. И умерла она отъ того что онъ ее бутылкою, говорятъ, ударилъ.

— Дворянское занятіе пить да драться, покачалъ головой Данило.—Это должно твои ящики?.. Нѣтъ мои, да не тѣ... Обождемъ людей.

Данило со свѣчой вернулся въ свою горницу и сѣлъ позѣвывая на диванъ. Иванъ ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Ахъ! воскликнулъ вдругъ Данило.—Они всѣ въ зеркальной, въ той, въ большой. Я самъ все велѣлъ туда снести. Взгляни, голубчикъ, тамъ ли...

— Сундуки-то... Зачѣмъ имъ тамъ? Они здѣсь гдѣ... Зачѣмъ туда? какъ-то странно сказалъ Иванъ.

— Тамъ! Тамъ! Взгляни. Въ зеркальной.

Иванъ взялся за свѣчу.

— Помилуй, и такъ увидишь. Луна въ окнахъ такъ и горитъ; какъ днемъ свѣтло.

Иванъ поставилъ свѣчу и завозился; онъ медлилъ, словно искалъ чего. Данило внимательно присмотрѣлся и широко открылъ глаза.

— Иванушка?

— Что̀?

— Да ты... сдается мнѣ... ты никакъ робѣешь идти-то?

— Нѣ-ѣтъ! протянулъ Иванъ.—А знаете, братецъ; они сейчасъ отужинаютъ.

Данило разхохотался.

— Ахъ, ты срамникъ! Ахъ, ты... поручикъ будущій! Жениться хочешь, а темныхъ угловъ робѣешь!

Иванъ обидѣлся и молча пошелъ изъ комнаты.

— Стой, не ходи! Скажи ты мнѣ, чего ты робѣшь? А?

— Видите, иду.... А что здѣсь въ домѣ въ нежиломъ.... Спросите вотъ Архипыча.... Что̀ жь за охота середи ночи? Такъ зря что̀ покажется и задаромъ напугаетъ. Чего робѣть? На мнѣ крестъ.... А зря, говорю, что̀ покажется. Со страху и полотенце на стулѣ за мертвеца покажется. Я ужь это хорошо знаю....

— Да ты мнѣ скажи, ты боишься нечистой силы?

— А вы? вопросилъ Иванъ, взглядывая на брата.

— Да я тебя спрашиваю.

— Вы, братецъ.... вы диковинно спрашиваете. Вы же въ Бога вѣруете....

— Вѣрую. Такъ что̀ жь изъ того?

— Ну вотъ видите, а спрашиваете! горячо и убѣдительно сказалъ Иванъ.

— Да по-твоему стало коли въ Бога вѣруешь, такъ и въ чорта вѣруй.

— Это вы грѣшное на меня валите, братецъ. Я того не говорилъ. Вы мои слова перемѣняете. Что̀ жь, на вашъ толкъ, его не надо бояться?

— Кого его?... усмѣхнулся Данило.

— Ну его.... Вѣдь знаете!—Иванъ глянулъ на брата.—Эхъ братецъ, махнулъ онъ рукой —У васъ ко всему смѣхота одна.

— Ахъ, Иванушка, Иванушка! серіозно вымолвилъ Данило, качая головой.—Я чаялъ тебя Оренбургская-то служба выпра-

вить, анъ выходитъ горбатаго одна могила....—Данило запнулся и прибавилъ усмѣхаясь.—Ну чтожь не пойдешь въ зеркальную?

— Теперь, вѣстимо не пойду.... Еще тутъ поминали, поминали, растопырилъ Иванъ руки, — да иди туда! Теперь и впрямь полотенце....

— Кого поминали-то? хохоталъ Данило.—Его! А?... Скажи? Его!

Иванъ снова махнулъ рукой и сѣлъ на окошко.

— Смотри, въ окно смотритъ на тебя. Гляди! Гляди! Съ рогами лѣзетъ!

Иванъ медленно перекрестился и вымолвилъ глухо и обидчиво. — Богъ съ вами! Зажились вы, братецъ, въ чужихъ краяхъ.

Князь Данило всталъ, подошелъ къ брату и потрепалъ его по плечу. Иванъ тотчасъ же добродушно глянулъ на него.

— Ну полно, не гнѣвись.

— Я, на васъ? Какъ можно!

— Ну, ну! Полно. Свезъ бы я тебя съ собой, Ванюша, въ Питеръ, чѣмъ тебѣ жениться здѣсь на подушкѣ, задумчиво выговорилъ Данило.

IV.

На утро Иванъ снова исчезъ, и вернувшись въ обѣдъ привезъ брату приглашенье на балъ отъ губернатора.

Ввечеру онъ одѣлся прежде брата въ свой пѣхотный мундиръ Алексѣевскаго полка съ оранжевыми лацканами, и нещадно напудривъ парикъ уѣхалъ впередъ. Данило началъ тоже одѣваться, и когда онъ былъ совсѣмъ одѣтъ въ свой новый мундиръ, при саблѣ, въ парикѣ, въ желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ, въ высокомъ киверѣ и съ леопардовою кожей на спинѣ, старикъ Архипычъ ахнулъ, опалѣлъ и руками всплеснулъ.

— Это заморскій кафтанъ аль православный? осмѣлился онъ спросить.

Князь разсмѣялся.

— Русскій. Лейбъ-гвардіи гусарскаго эскадрона ея величества царицы нашей.

Не гоже воину въ шкурахъ ходить. У насъ эдакъ одни Башкирчата въ дождикъ бѣгаютъ, подумалъ Архипычъ.

Князь сѣлъ въ свой дорожный рыдванъ цугомъ, съ двумя молодцами въ ливреяхъ и поѣхалъ на балъ.

Грязныя и топкія улицы отъ прошлаго дождя, темныя и глухія, тянулись безъ конца. Лошади шли тихимъ шагомъ увязая въ грязи. Экипажъ бросало изъ стороны въ сторону на выбоинахъ. Наконецъ вдали показались огни: то былъ губернаторскій домъ во глубинѣ большаго двора, и яркій свѣтъ выливался столпами изъ большихъ оконъ. На дворѣ, кругомъ, стояли ряды каретъ, дрожекъ, линеекъ, бричекъ, большихъ рыдвановъ и просто телѣгъ окрашенныхъ зеленою и желтою краской. У подъѣзда горѣло тускло нѣсколько плошекъ, шныряли кучера, форейторы и казачки въ ярко-красныхъ кафтанахъ, лакеи въ ярко желтыхъ ливреяхъ и шапкахъ съ позументами. Тутъ же толпились какіе-то солдаты въ неуклюжихъ желтыхъ мундирахъ съ огромными лацканами и въ огромныхъ шляпахъ и киверахъ. Гайдуки въ лохматыхъ голубыхъ шапкахъ размахивали нагайками.

При появленіи князя изъ дверецъ рыдвана, когда свѣтъ мерцающихъ плошекъ упалъ на его грудь въ орденахъ, на подъѣздѣ произошло смятенье. Онъ поздоровался съ солдатами и спросилъ:

— Какого полка?

— Чугуевскаго....

— А вы? Кажись кирасиры.

— Келасиры-съ.

— Какъ попали сюда?

— Изъ Питера ссыльныхъ гнали, Турку и Кондратовъ.

— Конфедератовъ? Плѣнныхъ?...

— То-то ихъ! Поляковъ! Паръ восемьдесятъ. И Турки тоже не мало было.

— Пѣшкомъ?

— Мы-то пѣшкомъ, а они въ бричкахъ.

Поднимаясь по лѣстницѣ устланной сѣрымъ сукномъ, князь пріостановился.... Звуки бальнаго оркестра донеслись сюда и произвели на него странное впечатлѣніе.... Эти звуки вдругъ пробудили въ немъ непріятное воспоминаніе. Князь остановился и сталъ припоминать.

— Чудное дѣло! Пока не вспомнится, не войду, подумалъ онъ.

Лѣстница была пуста, внизу только шныряли лакеи. Предъ нимъ стоялъ одинъ не то гайдукъ, не то солдатъ, въ какой-

то полинялой епанчѣ, съ перевязью, сутуловатый, невзрачный, съ булавой въ рукахъ. Двѣ косички висѣли у него на вискахъ вдоль рябоватыхъ щекъ, а третья подлиннѣе лежала на спинѣ съ веревочнымъ бантикомъ.... Густой слой муки, вмѣсто пудры, смѣшался съ обильнымъ слоемъ масла деревяннаго вмѣсто помады.

Это знать затѣя Нѣмца губернатора, подумалъ Данило.

— Швейцаръ на казанскій ладъ, что̀ это пляшутъ, не знаешь? разсѣянно спросилъ князь.

— А то-пляа-пляа.... пляшутъ.... былъ отвѣтъ.

Князь всмотрѣлся.... Гайдукъ страшно заикался, и отвѣтивъ все еще стоялъ судорожно разинувъ ротъ.

— Что̀ это ты? спросилъ князь.

— Та....а съ....на....алугу. Съ вѣд....медемъ ночевалъ.

— Какъ? Въ лѣсу?...

— Ни....и! Та....а, въ кро....въ кро....вати.... Въ день анде....ала, баринъ по....пошутилъ.

Изувѣры! подумалъ Данило.—Чей ты?...

— Та....а князя Хва....а....лынскаго.

Князь вспыхнулъ и сталъ подниматься далѣе. Стукъ и ровное притоптываніе, стройный звонъ шпоръ и громкія восклики подъ аккорды музыки долетали до него.

Мазурка! вдругъ вспомнилъ Данило и удивился.

Быстро поднявшись до площадки онъ вошелъ въ главныя двери.

V.

Большая зала ярко освѣщена. Между бѣлыхъ колоннъ и мимо князя плавно и стройно несутся десятки паръ. Мазурка въ разгарѣ, и на каждый простой русскій мундиръ три блестящіе польскіе кунтуша и даже одинъ французскій костюмъ и одинъ турецкій. Князь совершенно онѣмѣлъ отъ изумленья и чуть не сталъ протирать глаза....

— Гдѣ я? невольно выговорилъ онъ громко.

Появленіе въ дверяхъ статной фигуры нежданнаго гостя и новаго еще невиданнаго гвардейскаго мундира очевидно произвело точно такое же сильное впечатлѣніе.

Мазурка гудѣла, но притоптыванье стихло; нѣсколько паръ сбились въ кучку, и всѣ обернулись къ вошедшему.

Иванъ уже подбѣжалъ къ брату.

— Скажи, Ваня, гдѣ мы съ тобой, и что̀ это за притча во языцѣхъ?

— Что̀? Балъ? А то новый плясъ, второй разъ ужь его, сказываютъ, въ Казани пляшутъ. Я еще его самъ не видывалъ и не знаю.

— А эти ссыльные: конфедераты, французскіе офицеры, Турки, весь этотъ срамной сгонъ ссыльныхъ? Что̀ здѣсь острогъ или губернаторскій домъ? Толкучка или балъ?

— Тише, братецъ, услышатъ.

— Пусть слышатъ. Когда я говорю дѣло, то говорю громко. Срамота!

— Да чего вы осерчали? Я въ толкъ не возьму. Это все плѣнные. Вы же сами воевали и забрали. Полагать надо вы тутъ знакомыхъ повстрѣчаете, разсмѣялся князь Иванъ.— То-то не чаялось встрѣтиться на балѣ, послѣ воевательства.

— Тогда здѣсь не мѣсто офицеру гвардіи.

Князь Данило уже сдѣлалъ движенье къ дверямъ, но въ эту минуту къ нему подошелъ почтенный старичокъ, въ лентѣ.

— Яковъ Иванычъ, шепнулъ князь Иванъ.

— Благодарю за честь. Милости прошу, выговорилъ Брантъ съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ.

Князь Данило холодно отрекомендовался, объяснилъ что онъ въ пути и извинился что пріѣхалъ прямо на балъ. Иванъ глядѣлъ на брата и улыбался сколько могъ словно стара̀ подсластить холодныя рѣчи брата.

— О, я извѣстился уже! И васъ давно знаю. Слава воинскихъ подвиговъ вашего сіятельства дошла и до насъ жителей Азіи, улыбнулся Брантъ любезно.

Всѣ трое отошли отъ дверей. Танцы продолжались, но безъ прежняго огня. Конфедераты косились на князя Хвалынскаго. Брантъ сталъ разспрашивать князя о Петербургѣ, о дворѣ, объ арміи Румянцова, объ общихъ знакомыхъ.

— Нѣтъ ли новостей, князь? Скоро ли миру дождемся?

— Да зачѣмъ вамъ, генералъ, миръ, когда васъ война дансерами даритъ? иронически сказалъ Данило.

— Да, да, усмѣхнулся Брантъ, не понявъ.

— У васъ ей-ей забудешь что находишься въ глуби Россіи, почти въ Татаріи. Я мыслилъ, войдя сюда, что обрѣтаюсь въ Варшавѣ, или въ Краковѣ, или подъ Гирсомъ.

Губернаторъ снова усмѣхнулся, очевидно снова не понявъ,

но уже зорко приглядывался къ выраженью насмѣшливаго лица собесѣдника.

— Много у васъ ссыльныхъ въ городѣ? вдругъ рѣзко спросилъ Данило.

— То-есть плѣнныхъ? съ удареньемъ сказалъ понявшій наконецъ Брантъ.—Очень много, князь. Восемьсотъ человѣкъ.

— Я чаю, не пеняютъ, житье не ссыльное, а масляница.

Губернаторъ понялъ окончательно собесѣдника, тонъ его голоса и словъ, и вымолвилъ холодно и гордо:

— Усердствую по именному высочайшему указу государыни императрицы! Обращаюсь равно ласково и радушно со всѣми плѣнниками. Они гости не долговѣчные, заключится миръ и разъѣдутся по домамъ.

— Плѣнные? Да. Но ссыльные конфедераты... Мнѣ сдается, генералъ, зацѣдилъ Данило сухо и медленно,—что тѣ изъ изъ нихъ которые, будучи жителями страны уже присоединенной оружіемъ къ державѣ Россійской, суть подданные государыни и подъемлясь на ея войска симъ содѣлываются измѣнниками, а взятые въ бунтѣ и водворенные въ провинцію суть не плѣнники, а ссыльные. И не пригоже намъ, воинамъ проливавшимъ кровь нашу на усмиреніе мятежныхъ, встрѣчаться съ ними на балахъ губернаторскихъ.

— Государыня, очевидно, съ вами, князь, несогласна... А еслибъ я самъ и судилъ по-вашему, то что̀ дѣлать, князь! Я по должности службы моей обязуюсь принимать всѣхъ... кого бы и не желалъ, сухо выговорилъ старикъ.

— Точно, генералъ... Я, напримѣръ, гость почти незваный.

— О, я не до вашей персоны молвлю! снова привѣтливо и вѣжливо улыбнулся Брантъ, и перевелъ разговоръ на старика отца князя, котораго онъ знавалъ въ молодости въ Петербургѣ.

Черезъ пять минутъ онъ оставилъ Данилу.

— Вы все такъ же гнѣвны, братецъ, усмѣхнулся князь Иванъ.—Смѣните гнѣвъ на милость.

— Такими порядками, Ваня, можно цѣлый край зажечь. Не даромъ онъ Брантъ, сострилъ Данило.—А ты говоришь не гнѣвитесь. Погляди: Нѣмцы правятъ, Татары бунтуютъ, Поляки пляшутъ! А Русскіе? Гдѣ они? Что̀ они? Русскіе, вотъ какъ ты теперь, смотрятъ на все разиня ротъ. Ну да Христосъ съ ними! Ты забылъ что я на смотрины пріѣхалъ, веселѣе сказалъ Данило.—Что̀, здѣсь зазнобушка-то, а?

Князь Иванъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Здѣсь. Вотъ глядите эта парочка что̀ сюда бѣжитъ, дѣвица съ этимъ вотъ конфедератомъ. Каково плыветъ? А вѣдь всего недѣля какъ обучилась этому танцу.

Мимо братьевъ стройно и лихо пронеслась пара. Красивый молодой Полякъ ловко и легко несся, отталывая и звеня по полу красными каблуками съ металлическими подковками. Голубой кунтушъ съ серебрянымъ шнуромъ и кистями красиво перехватывалъ его гибкій станъ. Съ нимъ объ руку скользила по паркету, граціозно наклонивъ на бокъ свѣтлорусую головку, стройная, невысокая дѣвушка, въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ золотою бахромой на юпкѣ и корсажѣ. Лицо ея пылало, глаза сіяли и словно искрились. Она вся отдалась шуму бала. Видно было что все существо ея наслаждалось въ стремительномъ, порывисто-страстномъ движеньи новаго танца, что все вокругъ нея: музыка и огни, топотъ и возгласы, лица и мундиры, рѣчи и взгляды, все спуталось предъ ней въ одну сплошную, пеструю и горячую картину, все слилось для нея въ единое, полное и трепетное чувство, которое, какъ пахучая и жгучая волна, разливалось по ней и опьяняло все ея страстно увлеченное существо.

Оба брата Хвалынскіе впились глазами въ эту пару. Она пронеслась въ уголъ залы, тамъ молніей обернулся на мѣстѣ кавалеръ, повернулъ даму, и отбивъ трель каблуками снова понесся назадъ и снова полетѣла пара на другой конецъ залы. Иванъ слѣдилъ глазами упоенья за молодою дѣвушкой и прошепталъ:

— Любая моя, Параня!

Данило снова былъ взволнованъ.

— Какъ? Этотъ? Здѣсь? Пляшетъ еще!

— Что̀ съ вами?

— Смотри, смотри!—Данило указывалъ на промчавшаюся кавалера.—Знаешь ты...

— Бжечинскій, конфедератъ.

— Я его, Ваня, грудью бралъ; имъ-то и былъ я тягостно раненъ, едва не померъ. Зачѣмъ я его бралъ? Для пляса?

— Бжечинскій... Такъ отъ него вы мучились какъ писали батюшкѣ въ письмѣ?

— Да! не будь на мнѣ плаща или ударь онъ малость сильнѣе, то онъ все же бы отплясывалъ здѣсь, потому что не ушелъ

бы отъ моихъ ребятъ, да я-то былъ бы на томъ свѣтѣ. Такъ я его для пляса бралъ! Славно!

Князь Данило кусалъ губы, и голосъ его слегка прерывался отъ гнѣва. Иванъ боязливо глядѣлъ на брата.

— Дамъ вотъ сей же часъ половину моего наслѣдія отъ батюшки и два чина долой снять чтобы саблей хлеснуть....

— Полноте! Что вы, братецъ?

— Не смущайся. Тутъ я ничего не сдѣлаю. Пусть пляшетъ.... Ну веди меня къ зазнобѣ своей.

Музыка смолкла. Мазурка пріостановилась на время. Старые и молодые, сидѣвшіе по стѣнамъ, встали и начали рядами ходить по залѣ. Хвалынскіе направились къ кучкѣ пожилыхъ женщинъ.

— Вонъ эта курносая, широколицая помѣщица-богачка Бартыкаева, говорилъ Иванъ на ходу,—другая помоложе вдова, комендантша Бѣлокопытова. Гульливая вдова. Посередь сѣдая-то, Мароа Петровна, а вонъ съ краю-то и она, моя радость... Ишь заливается... Всегда смѣется.

Князья подошли. Иванъ представилъ брата одной Уздальской. Данило сѣлъ около нея на мѣсто ушедшей комендантши, а Иванъ зашепталъ съ дѣвушкой вливаясь въ нее влюбленнымъ взглядомъ.

Мароа Петровна, женщина лѣтъ за сорокъ, но съ сильными морщинами, была простоватая, предобрая и преболтливая.

Разговоръ начался съ бала и перешелъ на князя Родивона Зосимыча и на Азгаръ.

— Хвалынскіе и Городищевы испоконъ вѣку други и сосѣди, говорила Мароа Петровна.—Я васъ махонькимъ зачастую у насъ видала. Какой ужь на васъ чинъ-то? самый знать важный... А зачѣмъ на васъ эта шкурка? Вы такъ въ ней и стражаетесь? Можно ее и во дворецъ надѣть?

Данило смѣясь объяснялъ все подробно и изрѣдка взглядывалъ на ея падчерицу, болтавшую весело съ Иваномъ.

Дѣвушка встала вдругъ, почти вспрыгнула, и подошла прямо къ князю, румяная, ясполицая, со смѣхомъ на розовыхъ, пухлыхъ губахъ, со смѣхомъ въ большихъ синихъ глазахъ, оттѣненныхъ длинными рѣсницами.

„Бѣсъ-дѣвушка, подумалъ Данило: просмѣетъ и мужа и дѣтей.“

— А что̀, пане пулковнику, не пляшете?

— Я не панъ и польскіе плясы мнѣ не къ лицу, серіозно отвѣчалъ Данило, слегка насупившись.—Пусть ссыльные... Вы вѣдь Полька по своей матушкѣ, Прасковья Алексѣевна, но неужели вы, родясь въ Россіи, не выучились по-русски?

— Я Русская! отозвалась дѣвушка, раскрывая сіяющіе глаза и обиженно надувъ губки на князя.—Моя мама вотъ Русская!

— Это ваша мачиха, умышленно сказалъ Данило.—Кабы она вашею матушкой была, вы бы не были...

— Вы ничего не знаете, а рядите. Я вамъ сказываю что это моя мама и что я Русская, сердито и упорно глядя въ гзаза Данилы, произнесла дѣвушка.

Иванъ, растерявшись, бормоталъ что-то обоимъ.

— Парашокъ, Парашокъ! упрекала ее Марѳа Петровна:— ты пожалуй драться на князя полѣзешь.

— Зачѣмъ же вы, уже улыбаясь вымолвилъ Данило,—въ русскую рѣчь польскія слова сыплете?

— А мнѣ любо все польское. Вшистко! оживилась снова дѣвушка и блеснули глаза ея.—Вшистко! Конфедераты, мазурка, краковякъ. Вшистко польско добже! И такое все чудесное, такое...

Дѣвушка не договорила, схватила себя за румяныя щеки, какъ будто удерживая голову на плечахъ. Потомъ она снова порывистымъ движеньемъ сѣла на мѣсто къ Ивану и заговорила ему на ухо пѣвучимъ голосомъ.

Ну, бѣсъ-дѣвка! подумалъ снова Данило.

Въ эту минуту изъ угловой комнатки, называемой италіанскою и уютно освѣщенной краснымъ фонаремъ висѣвшимъ на срединѣ, появился толстый Турокъ въ длиннополомъ кафтанѣ изъ тонкой шелковой и серебристой ткани и въ красныхъ востроносыхъ башмакахъ. Огромный, широкій поясъ опутывалъ его выпятившійся животъ, на головѣ громоздилась чалма обмотанная бѣлымъ и зеленымъ тюрбаномъ съ темно-синею кистью на затылкѣ. На правомъ боку, около звѣзды, висѣла маленькая сафьянная сумочка, гдѣ былъ Коранъ, а на шеѣ блестѣлъ тоже какой-то орденъ и рядомъ съ нимъ трехугольничекъ вышитый золотомъ, талисманъ противъ глазу.

Знакомъ былъ князю Данилѣ и этотъ костюмъ, да и самая

личность. Это былъ Турокъ Ахметъ-Измаилъ-бей, взятый въ плѣнъ при Кагулѣ, и князь уже увидѣлъ его мелькомъ когда плѣнныхъ отправляли изъ лагеря въ Петербургъ.

— Это Турка, Махнатъ Саманилъ, сказала Марѳа Петровна.

— Чтò онъ у васъ тутъ дѣлаетъ? спросилъ князь.—Я и не зналъ что онъ въ Казани водворенъ.

— Спитъ да ѣстъ, князь. Продовольствіе ему выдается страшенное. На него, окаяннаго Махната, сто рублевъ въ мѣсяцъ идетъ отъ губернатора. По сю пору ничего по-нашему не смыслитъ, а заговоритъ по-своему — никакъ, Данило Родивонычъ, понять невозможно. Точно будто зря языкомъ вертитъ. И молится онъ по Казанской вѣрѣ богу особому, Мухоѣду, поучительно объясняла Марѳа Петровна.

— Мухамеду, поправилъ князь Данила свою собесѣдницу и прибавилъ:—Мухамедъ пророкъ у нихъ, а не Богъ.

— Такъ это другой какой. А Туркинъ богъ—Мухоѣдъ. Вѣрно, князь, настаивала она.

Гуляющіе по залѣ заглядывались на мундиръ князя. Онъ интересовалъ ихъ болѣе Турка, который наклонясь надъ тумбой гдѣ стояли часы внимательно разглядывалъ ихъ звѣздное небо, мѣсяцъ и солнце, и казалось обнюхивалъ часы и тумбу.

Марѳа Петровна стала указывать и называть князю разныхъ гостей.

— Вонъ нѣмецкая семья Штейндорфъ; ихъ здѣсь огурчиками зовутъ; эта вонъ ихъ дочь *Дорлотея*, сынъ второй, *Карлой* звать. Первый-то *Гастафъ*, офицеромъ служитъ съ вашимъ братцемъ въ Оренбургѣ. Преглупыя имена. Отецъ *Голтлипъ*, мать *Маланья*... Тьфу! То бишь Амалья. Они недавно зажили здѣсь. Пріѣзжіе изъ Рыги... А вонъ Сельцевы... Стародавніе дворяне, князь: онъ генералъ, за то мать да и дѣвица куда не гоже рыльцами вышли. У нихъ бабушка Калмычка, сказываютъ, была. А можетъ и врутъ. Вонъ нашъ Нефедъ Иванычъ. Сто лѣтъ ему, князь, знаете ли вы это? А все нѣтъ-нѣтъ да и выѣдетъ куда поглазѣть. Онъ въ моей Паранѣ души не чаетъ. Молодецъ еще, семидесяти лѣтъ не дашь. Я его сватаю все Паранѣ, разсмѣялась Марѳа Петровна.

— Да это генералъ Кудрявцевъ.

— То-то, Нефедъ Иванычъ!

— Надо мнѣ къ нему сходить. Забылъ онъ чаю меня.

Князь Данило простился съ Маремой Петровной, перешелъ черезъ залу и сѣлъ около старика, генерала временъ Петра Великаго, жившаго уже давно безвыѣздно въ Казани. Онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ всего города, и каждый новый правитель губерніи заискивалъ прежде всего его расположенія.

Князь Данило напомнилъ старику о себѣ, и разговоръ ихъ коснулся все того же... постояннаго въ тотъ годъ предмета бесѣдъ и толковъ.

— Скоро ль быть миру съ Турціей? Отдадутъ ли Полоніи отхваченный кусокъ или нѣтъ? спросилъ Кудрявцевъ.

Данило какъ и всегда отвѣчалъ на оба вопроса:—Нѣтъ, да и хорошо что нѣтъ.

Князь Иванъ между тѣмъ угрюмо слушалъ что̀ толковала ему дѣвушка.

— Зачѣмъ ты, Ваня, не конфедератъ? Погляди-ка, съ увлеченьемъ, восторженно и нараспѣвъ говорила она. — Сравняй ты себя съ Бжечинскимъ... Какой молодецъ! Какъ пляшетъ, Ваня! Ахъ, Ваня, какъ пляшетъ! Точно на качеляхъ летишь внизъ, сердце щемитъ, духъ захватываетъ, будто ныряешь въ рѣкѣ, Ваня. Или... Не знаю! И страшно и чудесно... Ахъ, Ваня!

— Ты, Параня, съ карковякомъ этимъ меня разлюбишь, боюсь.

— Мазурка! Мазурка! А не краковякъ. То совсѣмъ другой танецъ.

— Ну мазурка. Все едино! Я не про то...

— Какъ едино!? воскликнула дѣвушка съ увлеченьемъ.—Ты не понимаешь!

И синія очи ея широко раскрылись и сіяли опять.

— Все тѣ же ссыльные выдумали. Имъ бы въ острогѣ мѣсто, а не здѣсь, подражалъ Иванъ брату.

Параня сморщила брови при словѣ острогъ и отвернулась но вдругъ громко разсмѣялась и указала въ уголъ залы:

— Гляди! Гляди, Ваня! Мамочка, мамочка спитъ!

Мареа Петровна, разставшись съ княземъ, задремала на своемъ стулѣ. Параша смотрѣла на мачиху и неудержимо смѣялась. Соловьинымъ рокотомъ звучалъ въ залѣ этотъ смѣхъ, звонкій, страстный и ребячески счастливый.

Снова тѣ же пары усаживались на старыя мѣста при звукахъ снова гремѣвшей мазурки. Янъ Бжечинскій явился изъ

игорной комнаты и сѣлъ около своей дамы. Иванъ грустно отошелъ въ сторону. Конфедератъ снова завелъ свою непрерывную болтовню съ Параней, шепотомъ, близко нагибаясь къ ней. Дѣвушка то смѣялась, то вдругъ становилась серiозна и качала головой, словно упрекая его за злыя насмѣшливыя рѣчи. Послѣ двухъ-трехъ фигуръ Янъ выдумалъ новую фигуру, гдѣ всѣ заразъ подымались съ мѣстъ и нестройною бьющеюся толпой путались и стучали по залѣ, такъ что балъ на нѣсколько минутъ превращался, по выраженiю Мароы Петровны, въ *молотьбу*. На этотъ разъ фигура эта продолжалась долѣе обыкновеннаго. Паръ было много, и цѣлая густая толпа прыгала съ громомъ и путалась по залѣ.

Янъ Бжечинскiй и Параня тоже весело носились и сновали, пробираясь въ бьющейся толпѣ и сильно усталые, со смѣхомъ, и невольно, и нарочно, путались и наталкивались на другiя пары. Иванъ издали взглядомъ грустно слѣдилъ за ними. Вдругъ, въ концѣ залы гдѣ скучились случайно танцующiе, пара мелькнула и исчезла молнiей въ полутемной италiянской комнаткѣ. Иванъ ахнулъ и, слегка мѣняясь въ лицѣ, опустился на стулъ.

— Чтò жь это? Она съ нимъ? шепнулъ онъ и не кончилъ. Его душило въ горлѣ, точь въ точь какъ въ дѣтствѣ предъ слезами.

Молодой малый испугался за себя. „Ну, вдругъ заплачу!“ подумалъ онъ, и вопросительно глянувъ на дремавшую на стулѣ Мароу Петровну онъ побѣжалъ въ игорную комнату.

А Мароа Петровна, несмотря на громъ, все подремывала, клевала носомъ, и вдругъ на секунду очнувшись, таращила глаза на залу, какъ будто бы въ дремотѣ ей почудилось что-либо особенно ужасное. Въ одно изъ этихъ мгновенiй она увидѣла предъ собой проходящаго Ахметъ-Измаила. Ей стало стыдно что Турокъ подстерегъ ее сонную.

— Чтò, Махнатъ, хорошо? А? остановила она его, разгулявшись.

— М-м-м... визгливо промычалъ Ахметъ, хватаясь за високъ будто отъ боли, чтобы выразить этимъ свое восхищенiе отъ бала.

— А энти-то?.. Энти? Хорошо? показала Мароа Петровна на музыкантовъ, но Турокъ не понялъ, и она, приставивъ кулаки къ губамъ протрубила:

— Ту-ру-ру! Ту-ру-ру!

Ахмедъ, наклонивъ голову на бокъ, искоса взглянулъ на ея жестъ, какъ лягавая собака на подачку, и вдругъ спросилъ:

— Арьялы кучукъ ахызъ?...

— Ну вотъ ты тутъ его и пойми! убѣдительно проговорила Марѳа Петровна сама себѣ и, глядя на Турка, прибавила жалостливо и со вздохомъ.—Ахъ ты, Махнатъ мой, Махнатъ!... Да еще Самойловичъ!...

Турокъ вдругъ расхохотался словно отъ нечаянной радости. Марѳа Петровна поглядѣла, тоже прыснула со смѣху, и оба принялись неудержимо хохотать глядя другъ на друга.

— Ну тебя! Уморишь! До слезъ! задыхаясь махнула она наконецъ платкомъ.—Ну-у!... Брысь!. Брысь!... Сгинь, Махнатъ....

Ахмедъ-Измаилъ залился еще громче, но вдругъ сразу сдѣлался серіозенъ и важно пошелъ по залѣ, переваливаясь тяжелымъ туловищемъ и мягко ступая въ своихъ сафьянныхъ башмакахъ.

А въ уголкѣ пустой и полутемной комнатки, подъ тускло мерцающимъ розовымъ фонаремъ, Янъ Бжечинскій былъ на колѣняхъ предъ Параней, привлекалъ ее за руки къ себѣ и умолялъ страстнымъ шепотомъ.

Дѣвушка съ горячимъ и влажнымъ лицомъ, утомленная и возбужденная танцемъ, невольно упиралась рукой въ его взбитые, напудренные локоны и слегка склоняясь къ нему вздрагивающимъ тѣломъ шептала сквозь слезы:

— Да! Да! Завтра... У насъ...

— Теперь!... Одинъ! Только!

— Нѣтъ, завтра! Уйди. Увидятъ....

Кто-то заслонилъ свѣтъ изъ залы, и Янъ отскочилъ къ дверямъ.

— Башмакъ развязался, сказалъ онъ кому-то въ дверяхъ.

Дѣвушка оставшись одна двинулась изнемогая къ окну, приподняла занавѣску и отворила его, жадно вдыхая свѣжій осенній воздухъ охватившій ее горячую голову и трепетную грудь.

Она глянула во тьму разстилавшуюся предъ окномъ, тяжело вздохнула и опустила голову на руку.

Гулъ и громъ бальной залы гудѣлъ надъ ней, словно врывался въ окно чрезъ приподнятую занавѣсь и ея склоненную голову. Дѣвушка сѣла у окна, отдернула совсѣмъ занавѣску и устремила страстный, огненный, но грустный взоръ въ эту глухую безотвѣтную ночь.

Еслибы могла синеокая красавица полетѣть взоромъ и мыслію какъ летѣли тѣ бальные звуки, но унестись дальше ихъ, въ черныя степи, все прямо, все дальше, то увидала бы что въ той странѣ.........................

....

Та же темная пасмурная ночь. Среди пустынной равнины стоитъ одиноко слободка, обнесенная вокругъ тыномъ и валомъ—фортеція Татищева!

Кой-гдѣ мерцаютъ огоньки, никто не спитъ, и весь гарнизонъ на ногахъ.

Кругомъ фортеціи, во мглѣ ночи, колошутся люди и колышутся словно черныя волны. Войско самозванца, взявъ въ три дня двѣ крѣпости, Разсыпную и Озерную, въ ночь обложило Татищеву.

Въ небольшомъ комендантскомъ домикѣ, въ столовой, сидитъ цѣлое семейство. Старушка-хозяйка у чайнаго стола завариваетъ чай, изрѣдка прислушиваясь уныло и чутко къ надворью. Молодая красавица, сидя на диванчикѣ, уже давно тихо плачетъ, положивъ голову на руки и словно забывъ гдѣ она и чтò дѣлается кругомъ.

Въ углу горницы другая женщина, уже не молодая, въ чепцѣ и въ шали, сидитъ, недвижимо скрестивъ руки и безцѣльно глядя предъ собой. Она выплакала всѣ слезы, и сердце задавленное горемъ словно окаменѣло вмѣстѣ со всѣмъ тѣломъ. Маленькій ребенокъ, семи лѣтъ, возится на полу перекатывая пушечное ядро, которое басисто гудитъ подпрыгивая на сучковатомъ полу.

— Милости прошу, майорша, обратилась старушка съ чашкой чая къ женщинѣ въ чепцѣ; но та и не шевельнулась.... —Дочка! обернулась хозяйка къ красавицѣ.—Полно! Воля Божья! Можетъ и мы въ сію ночь къ Господу взяты будемъ! Полно, моя вдовушка! старуха заплакала сама....—За то не дешево далась злодѣю Озерная, и покойный чрезъ мученическую кончину удостоится царствія небеснаго. Иди, чашечку выпей...

Красавица зарыдала и не шевельнулась. Хозяйка усадила ребенка въ маленькій стульчикъ предъ столомъ.

— Не облейся смотри, сквозь слезы наказывала она ребенку.

— Сахалу, мама, нѣтъ въ цаскѣ, выговорилъ ребенокъ болтая ногами подъ столомъ.

Послышались быстрые шаги въ прихожей, хлопнула дверь, и вошелъ пожилой и тучный офицеръ въ поношенномъ мундирѣ, комендантъ крѣпости. Измученный, мокрый, покрытый грязью и съ перевязанною рукой, онъ тяжело опустился на стулъ у самыхъ дверей.

— Ухъ! Намучился! Негодница! Еще десятокъ человѣкъ сгинули, передались.

— Ждешь, чтоль? Полѣзутъ? спросила хозяйка.

— Вѣстимо! Полно, вы.... майорша, дочь! обратился онъ къ обѣимъ женщинамъ. — Ухъ, бабье! Съ рожденья знаете что двухъ смертей нѣтъ, а одна неминуча. А что мужей умертвили, такъ неча жалѣть, потерпите до утрова.

Женщины не шевельнулись и почти не слыхали словъ коменданта.

— А что̀ на утро? Секурсъ чтоли ждешь изъ Оренбурга? спросила старушка.

— Секурсъ! Хе-хе-хе!... Наутро возьмутъ Татищеву и передавятъ всѣхъ.

— Богъ милостивъ!

— Богъ милостивъ! На Бога надѣйся, да самъ-то блюдись... Такъ! Ну, а ежели у тебя на пять тысячъ матежныхъ нѣтъ ни порошинки, а есть четыре крысы инвалидныя, такъ Господь тебѣ поможетъ? А?! Какъ по-твоему?

— Не грѣши! Татищева не Разсыпная, и люднѣе, и оруженнѣе. Господь поможетъ, сразишь и не такую рать.

— Жена! Жена! Нынѣ не тѣ времена какія были при судьяхъ израильскихъ, полугрустно, полуиронически сказалъ комендантъ.—Нынѣ косточкой, ключицей, не уложишь стотысячную армію, и фортецію тоже, самую что̀ ни на есть гнилую, не возьмешь однимъ звукомъ трубнымъ.

Комендантъ сѣлъ къ столу и взялъ было стаканъ чаю, но вдругъ поглядѣлъ въ окно и вскрикнулъ.

На улицѣ было свѣтло какъ днемъ. Онъ вскочилъ и выбѣжалъ; хозяйка послѣдовала за нимъ и вышла на крыльцо.

Народъ съ крикомъ выбѣгалъ на улицу. Высокое, зіяющее пламя колыхалось и прыгало въ концѣ слободы.

— Гей! За мной! Бочки, багры! Тащи что̀ есть! крикнулъ комендантъ испуганно-снующему люду.

Солдаты съ вала, народъ изъ всѣхъ избъ и изъ дома, все бросилось на огонь.

Опустѣла слобода, и всѣ скучились на другомъ концѣ у

пожара. Нѣсколько офицеровъ пробѣжали туда же. Комендантша стояла на крыльцѣ и все шептала:

— Боже Господи! За бѣдой бѣда. Чего же они всѣ-то убѣжали, валъ-то очистили? Може *онъ* и поджогъ ради отвода? думала старушка глядя на колыхающееся пламя, освѣщавшее всю крѣпость.

Вдругъ раздался гулъ и топотъ конный на противоположномъ опустѣвшемъ концѣ улицы. Земля дрожала отъ него.

Комендантша ахнула и онѣмѣла. Послышался дикій калмыцкій визгъ и гикъ, два-три выстрѣла и трескъ. Нѣсколько всадниковъ уже скакали вдоль улицы.

Женщина все поняла; безъ крику бросилась въ домъ, схватила ребенка на руки и побѣжала въ другую дверь, но вернулась и стала среди горницы, побѣлѣлая лицомъ и дрожа всѣми членами.

Бѣжать?

Но куда и зачѣмъ? Обѣ женщины пришли въ себя и подняли головы на старушку.

— Матушка, чтò это? вымолвила молодая.

Комендантша хотѣла отвѣчать, но задохнулась, и крѣпко обнявъ рукой перепуганнаго ребенка, другою указала на улицу.

— Смерть! глухо и спокойно вымолвила сидѣвшая въ углу.

— Мама, мама! вдругъ заплакалъ ребенокъ.

Визгъ, вопли и трель ружейной пальбы всполохнула воздухъ. Вся фортеція загудѣла скоро отъ рукопашной на улицѣ. Прошло минутъ десять, и пальба начинала стихать и рѣдѣть. Женщины пытливо глядѣли въ настежь-растворенныя двери.

Вдругъ раздался стукъ тяжелыхъ шаговъ, и кто-то вбѣжалъ въ сѣни. Хозяйка двинулась навстрѣчу.

— Чтò, чтò? вымолвила она, вглядываясь въ сѣни полуосвѣщенныя заревомъ пожара.—Чтò? Отбили?

Но вдругъ старушка дико вскрикнула и шарахнулась назадъ, а за ней вбѣжалъ на порогъ казакъ Лысовъ въ бѣлой окровавленной рубахѣ, и усталый оперся на свою обнаженную саблю.

— Ага! Одно бабье! Стало всѣ! воскликнулъ онъ..........

....

Параня вздрогнула. Ужь не увидала ли она этого окровавленнаго казака? Дѣвушка все еще сидѣла у окна въ розоватомъ полусвѣтѣ италіянской комнатки, и гулъ продолжавшейся мазурки* не манилъ ее въ залу. Она трепетно обмирала

въ новомъ для нея чувствѣ, которое будто лилось по всему ея утомленному существу. Она вздрогнула нѣсколько разъ какъ отъ холода, и наконецъ снова устремила задумчивый взоръ въ ту же непроницаемую тьму..................

....

А тамъ, въ стеляхъ, въ горницѣ комендатской, уже пятеро казаковъ въ кругу сидѣло у стола. Русый молча и задумчиво прилегъ на диванѣ. Татары и Калмыки толпились въ дверяхъ, въ сѣняхъ и на дворѣ. Середи улицы стучали топорами, кончая висѣлицу на двухъ столбахъ.

Въ столовую вводились къ допросу офицеры и послѣ шли въ сѣни, гдѣ ихъ остригали въ кружокъ по-казацки, или на улицу, гдѣ ихъ по очереди вздергивали на висѣлицу. Въ другой, сосѣдней со столовой, горницѣ сидѣлъ за столомъ Пугачевъ съ писаремъ, и подробно разспрашивалъ передавшихся и остриженныхъ офицеровъ, а писарь записывалъ по его приказу.

Въ столовую ввели между тѣмъ страшно израненнаго хозяина дома.

— А-а! Старый! Ишь его раслучило! Хочешь къ Царю въ службу? спросилъ Чика Зарубинъ.

— Я комендантъ Елагинъ, слуга Государыни Екатерины и вамъ холопамъ служить не могу.

— Храберъ больно. Подвысь.

— Гдѣ его вѣшать.. Всякая бичева треснетъ. Обчисть развѣ жиръ.

— И дѣло! Сдери кожу, рѣшилъ Лысовъ.

Коменданта вывели. Русый вздрогнулъ, подошелъ къ столу.

— Что жь терзать-то зря? стараго? вымолвилъ онъ обращаясь къ молчавшему и давно задумавшемуся Чумакову.— Ну, убивайте, вѣшайте, а терзать что жь!

— Добро, добро! Ты, Государь, успокойся... вступился Лысовъ.—Закуси что ль или спать иди.

Русый отошелъ, сѣлъ въ уголъ, и положивъ голову на руки глубоко вздохнулъ.

— Какъ звать? спросилъ Лысовъ вновь приведеннаго.

— Бригадиръ баронъ Билофъ! гордо отозвался офицеръ.

— Изъ Оренбурга на подмогу сюда пришелъ, объяснилъ кто-то.

— Къ намъ хочешь?..

— Были бы руки не скручены, я бы тебѣ бороду вырвалъ

за одно это слово.. Не взыщи, чѣмъ богаты.—И офицеръ плюнулъ въ лицо Лысова.

— Задавить! бѣшено воскликнулъ Лысовъ.

— Всѣ, объявилъ приводившій плѣнныхъ Твороговъ.—Бабы вотъ еще!

— Давай! Ты кто? Ай! Славная дѣвка!

Вошла молодая красавица со скрученными за спину руками, матово-блѣдная, но спокойная, и стала предъ кружкомъ; посинѣлыя губы ея шептали, глаза устремились чрезъ казаковъ на образокъ висѣвшій въ углу горницы. Неестественное положеніе рукъ еще болѣе обрисовало ея пышный станъ и еще горделивѣе казалась красавица.

— Погоди на часъ, помолиться!.. Ты кто? спросилъ Овчинниковъ.

Женщина молчала и молилась.

— Майорша Харлова. Я ее знавалъ, сказалъ Чика.—Она дочь коменданта и вдова Харлова что̀ вчера подвысили въ Нижне-Озерной? Славная. Жаль безъ пользы губить. Пригодится. А?

— Вѣстимо пригодится, оживился Чумаковъ любуясь красавицей. Женщина поблѣднѣла еще болѣе.

— Ты не желаешь ли, Государь? обернулся Чумаковъ.

Русый пришелъ въ себя и махнулъ рукой.

— Не желаешь?

— Д-да, вдругъ вымолвилъ тотъ.—Веди сюда.

— Не горюй.... Государь утѣшитъ тебя по мужѣ, сказалъ Чика смѣясь.

Женщина зашаталась и упала безъ чувствъ на полъ. Нѣсколько Татаръ подняли ее, ворча подъ носъ, и вынесли въ маленькую горницу гдѣ была спальня коменданта.

— Еще баба! Кто такая?

— Вдова майора Веловскаго, котораго вы, холопы подлые, въ Разсыпной фортеціи умертвили. Коль оставите тоже въ живыхъ, я зарѣжу перваго пса что̀ меня пальцемъ тронетъ, глухо, но твердо выговорила Веловская.

— Го-го, какая! Что̀ жь, никто не желаетъ себѣ воструху? спросилъ Лысовъ.—Такъ къ сатанѣ! Подвысь!

— Чего жь съ бабой хлопотать? И на вѣшалкѣ ужь плотно гораздо. Ее за-просто велѣть Калмыкамъ придавить.

— Кончай, братцы, тошно, вымолвилъ вставая Чумаковъ, и вышелъ въ сосѣднюю горницу гдѣ былъ Пугачевъ.

Онъ подсѣлъ къ новому своему другу и сталъ слушать подробный допросъ про оренбургскіе порядки, про губернатора, гарнизонъ, крѣпостныя стѣны и т. д.

— Есть еще кто изъ бабья? крикнулъ Чика въ столовой.

— Всѣ кажись.

— Тутъ была жена онаго коменданта, старая, вымолвилъ вошедшій Татаринъ Лай-ханъ.—Да она больно завозилась какъ кожу сдирать стали со стараго. Ее сейчасъ молодцы на мелко порубили.

— Ну, конецъ государственному совѣту! хлопнулъ Лысовъ кулакомъ по столу.

— Добре. Кати бочку!

— Тутъ мальчуганка, братишка оной Харловой, сказалъ Лай-ханъ.—Съ нимъ что̀?

— Пошелъ къ дьяволу! Сказано конецъ государственному совѣту, крикнули казаки вставая и потягиваясь.

— Ну, а ты, Петръ Ѳедорычъ, чего же зѣваешь? обратился Чика къ Русому, подмигивая на дверь куда вынесли женщину.

— Пусти, я пойду, вызвался Лысовъ.

— Прочь, кровопійца! повелительно крикнулъ вдругъ Русый вставая, и лицо его вспыхнуло гнѣвомъ.

Казаки переглянулись и наступило гробовое молчаніе.

— Ахъ, ты дворянское сѣмя! проворчалъ Лысовъ злобно.—Бѣлорыльце.

— Полно, полно, Лыска! выговорилъ Чика холодно и махнулъ головой на кучку Татаръ на порогѣ.—Услышатъ.

Русый вышелъ къ Харловой, но скоро прошелъ оттуда на улицу, и разспрашивая искалъ сына Елагина. Найдя ребенка, онъ провелъ его къ сестрѣ.

— Глянь-ко, тихо сказалъ Лысовъ ему вслѣдъ:—онъ бы ужь ребеночка-то грудочкой покормилъ.

Казаки ужь окружили столъ, и весело болтая ѣли и пили; наконецъ атаманы Чика, Лысовъ и Овчинниковъ запѣли, до десятка казаковъ-эсауловъ подтягивали:

Одна у меня хозяюшка,
Разудалая головушка
И единъ ножъ сотоварищъ.

Скоро нѣсколько опьянѣлыхъ голосовъ запѣли разное. Пугачевъ съ Чумаковымъ вышли и присѣли къ столу.

— Ухъ, отощалъ! вымолвилъ Пугачевъ хватая ломоть хлѣба.

— Емельянъ Иванычъ, выпьемъ! крикнулъ Лысовъ черезъ столъ.

— Спасибо.

— Ну, выпьемъ, душа! Аль рамазанъ какой на себя наложилъ?

— Знаешь не пью. Чего привязался! нетерпѣливо отвѣчалъ Пугачевъ.

— Эй, Лыска! крикнулъ Чика.—Спляши родимый эту самую что̀ въ Украйнѣ обучился.... что̀ въ Разсыпной-то валялъ!

— Изволь, хрипнулъ совсѣмъ опьянѣлый Лысовъ.

Раздался топотъ тяжелыхъ сапожищъ по полу, хохотъ и крики. На улицѣ было то же пьянство и тѣ же крики. Всюду пахло виномъ и кровью.................................

....

— Менуэтъ! крикнулъ кто-то въ залѣ и захлопалъ въ ладоши.

Параня очнулась и тяжело вздохнула.

Она задернула занавѣску и перевела взоръ на фонарь который обливалъ розовымъ свѣтомъ ея бѣлое атласное платье, такъ что дѣвушка сіяла вся какъ зорька лѣтняя. За ней давно уже стоялъ Иванъ, и насупившись нещадно сопѣлъ.

— Не повѣрю я.... Не повѣрю что башмакъ развязался, вдругъ отчаянно замахалъ онъ руками.

— Ахъ, Иванушка! Ну, не развязался. Отстань, голубчикъ, полулѣниво полугрустно шепнула дѣвушка.

— Отстать! А? Ну.... ну хорошо. Такъ я.... я вотъ что̀.... я тебя знать не хочу.

И князь Иванъ какъ сумашедшій выскочилъ въ ярко освѣщенную залу. Въ то же мгновеніе грянула музыка.

— Менуэтъ, менуэтъ! воскликнула вдругъ Параня словно преобразившись; весело выскочила она изъ полутемной комнатки и оглянула залу радостно сіяющимъ взоромъ.

Бжечинскій выбѣжалъ тоже изъ дверей комнаты гдѣ играли въ карты чтобы пригласить свою постоянную даму. Въ ту же минуту Иванъ остановилъ дѣвушку и сказалъ сухо и угрюмо:

— Желаешь со мной?

— Менуэтъ, пани Уздальска! протянулъ руку Бжечинскій.

Дѣвушка поглядѣла на обоихъ и смутилась.

— Да ты сумѣешь ли, Иванушка?... Вѣдь это трудный танецъ. Ты слутаешься въ фигурахъ. А? почти умоляющимъ голосомъ сказала Параня, но Иванъ не понялъ ея скрытой печали и борьбы.

— Не въ первой. Помилуй! То не *карковякъ* вашъ дурацъ.... Иванъ запнулся.

Бжечинскій повторилъ свое приглашеніе.

— Я съ княземъ, жалостливо отозвалась Параня.

И глаза ея говорили: видите, что жь дѣлать! И она прибавила поддразнивая:

— А вѣдь ты, Иванушка, сейчасъ сказывалъ что знать меня не хочешь!

Иванъ молча повелъ даму на мѣсто, но вдругъ вымолвилъ отчаянно:

— Побожися ты мнѣ что у тебя башмакъ развязался. Повѣрю тогда!

— Какъ можно? грѣхъ божиться! разсмѣялась Параня принужденно, и не слушая что говорилъ ей Иванъ, слѣдила глазами за Яномъ, который пошелъ выбирать себѣ даму.

Зала снова оживилась. Танцующіе разбирались. Многіе появились изъ гостиныхъ и изъ игорной поглазѣть на танецъ. Брантъ велъ за руку старуху Бартыкаеву, за нимъ выступала высокая фигура высокомѣрнаго князя Данилы, который шелъ съ губернаторшей.

— Онъ вѣдь больной, князь, нынче пропляшетъ, а завтра будетъ въ кровати. Куда ему? говорила про мужа Анна Ивановна Брантъ.

Скоро всѣ были на мѣстахъ и менуэтъ начался. Брантъ, жена его, Бартыкаева и князь Хвалынскій изображали почетную группу минуэта, которая двигалась плавно и медленно, отчасти ради важности, отчасти ради старыхъ костей. Одинъ князь Хвалынскій, головой выше всѣхъ и стройнѣе всѣхъ, танцовалъ такъ что привлекалъ бо́льшую часть глазѣвшей публики къ себѣ. Не вдалекѣ Янъ Бжечинскій угрюмо водилъ свою даму, Доротею Штейндорфъ, и все озирался туда гдѣ былъ Иванъ, шагавшій бережно и подбираясь всѣмъ тѣломъ, какъ бывало шагалъ онъ въ Азгарскомъ огородѣ между грядъ клубники, и Параня граціозно вьющаяся около него

змѣйкой и изрѣдка восклицающая среди спутанной фигуры: „Ахъ, Ванюша!“ или: „Чтò ты, чтò ты, Иванушка?“ Тутъ же выступалъ, лѣниво покачиваясь и болтая руками, первый казанскій забіяка и сорви-голова Ахлатскій, просидѣвшій весь балъ въ игорной и уже немного навеселѣ. Онъ не переставая вралъ вполголоса всякій вздоръ своей дамѣ, Бѣлокопытовой.

— Тише ты! тщетно убѣждала его комендантша.

Крайняя затѣмъ пара, присоединившаяся уже послѣ начала менуэта, привлекла вниманье по особой причинѣ. Кавалеръ былъ пріѣхавшій изъ деревни, Андрей Соколъ-Уздальскій, съ весны не бывавшій въ Казани. Онъ явился на балъ и пригласилъ Дарью Сельцеву еще не успѣвъ поклониться хозяевамъ, и теперь во время танца раскланялся издали съ Брантомъ, кивнулъ головой сестрѣ и Ивану, и отвѣчалъ знакомымъ на вопросы сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ.

— Правда ль жениться? спросилъ его Ахлатскій черезъ голову Сельцевой.

Андрей улыбнулся и весело кивнулъ головой.

— Не горюй! Бываетъ и хуже! сострилъ Ахлатскій и прибавилъ комендантшѣ. — Ну а мы съ тобой когда женимся? Прямо отселѣ.... Ты? Груша Яблоковна?

Старикъ Брантъ между тѣмъ усталъ и обратился къ близь стоявшему высокому, плотному и круглолицему мущинѣ съ узенькими сѣренькими глазками и вообще съ татарскимъ типомъ лица.

— Князь! Голубчикъ! Замѣсти!

— А-а! отозвался тотъ.—Нѣтъ, шалишь, губернаторъ. Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Ну ужь Богъ проститъ. Пусти.

И князь Черемисовъ, первый казанскій богачъ и хлѣбосолъ, сталъ на мѣсто запыхавшагося старика.

— Пожалуйте вашу безцѣнную ручку, Лукерья Кузьминишна, началъ Черемисовъ подтрунивая надъ своимъ заповѣднымъ врагомъ, Бартыкаевой.—Когда вы въ первой-то плясали; при Петрѣ Алексѣевичѣ аль при царѣ Дадонѣ чтò ѣлъ изъ ладони....

— Нѣту, голубчикъ. Не такъ-то давно.... Когда вы съ батькой Рахметомъ еще въ мечетяхъ Мухоѣду своему молились, ехидно огрызнулась Бартыкаева.

И она важно переваливаясь гусемъ и задирая назадъ голову,

разрѣзала воздухъ своимъ расплюснутымъ калмыцкимъ носомъ, точно будто нюхала кругомъ себя.

Ахлатскій не пропустилъ этого случая, и проходя около старухи тоже задралъ голову и пропѣлъ фистулой:

Пахнетъ, пахнетъ Калмычкомъ!

Менуэтъ кончился и начался режуисансъ, совершенно противоположный менуэту танецъ. Теперь пары не двигались важно, а бѣгали какъ въ горѣлки. Балъ близясь къ концу разгорался все болѣе. Кто и не умѣлъ плясать, а проглядѣлъ завидуя весь вечеръ на другихъ, теперь благодаря режуисансу пустился бѣгать, скакать и топать пуще всѣхъ, рѣшивъ по пословицѣ: „была не была!“ Дирижировалъ танцемъ плѣнный Французъ Гліонъ, въ мундирѣ мушкатера, собственнаго сочиненія. Даже красавецъ, не крещенный Татаринъ Селимъ, родственникъ князя Черемисова, пустился въ плясъ, пригласивъ какую-то дѣвушку просидѣвшую весь балъ въ углу залы и прыгалъ козломъ со счастливымъ и радостнымъ лицомъ. Крѣпко спавшій на стулѣ Ахметъ-Измаилъ-бей проснулся отъ умышленнаго толчка одной пары, и поправивъ съѣхавшую на бокъ чалму, сталъ глядѣть на танцы. Къ нему подошелъ проигравшій весь вечеръ въ карты конфедератъ Казиміръ Бжечинскій, старшій братъ Яна, человѣкъ загадочный по виду, со сдержанными и разчитанными словами и жестами, всегда сумрачный, глядящій изъ-подлобья и всегда будто задумчивый, но видящій и смекающій все происходящее кругомъ.

Измаилъ-бей оживился при видѣ его. Казиміръ говорилъ по-турецки, и съ нимъ только отводилъ душу плѣнный. Казиміръ своимъ тихимъ, проникающимъ въ человѣка голосомъ, спрашивалъ, весело ли бею.

— Такъ же какъ на кораблѣ въ качку! отвѣчалъ бей.

Вскорѣ къ нимъ подошелъ Брантъ и заговорилъ съ Бжечинскимъ по-нѣмецки.

— Ну спасибо вашему брату Яну и вообще конфедератамъ. Генералъ Нефедъ Иванычъ, уѣзжая, сказалъ что не запомнитъ въ Казани бала so belustigend. Наша вѣдь молодежь трепака одного любитъ, oder dieses: *орёлъ и рѣшетка*.... Видѣли? кончилъ Брантъ, указывая глазами на князя Данилу, сидѣвшаго не вдалекѣ, около Парани, которая запыхавшись отъ режуисанса откачнулась на стулъ и обмахивалась платкомъ.

— Да. И уже знаю что̀ онъ вамъ наговорилъ, отвѣчалъ Казиміръ.

Брантъ пожалъ плечами. Къ нимъ подошли еще два конфедерата. Одинъ изъ нихъ былъ знаменитый польскій партизанъ Потоцкій, жившій въ домѣ губернатора, державшійся гордо со всѣми и знавшійся только со своими.

— Я знаю князя еще съ Польши. Онъ былъ въ корпусѣ у генерала Суворова, вступилъ онъ въ разговоръ.—Янъ былъ взятъ въ плѣнъ его отрядомъ при штурмѣ Кракова.

— Онъ дрался съ Яномъ въ сшибкѣ и былъ имъ тяжело раненъ и ему непріятно было встрѣтиться съ нимъ. Это понятно, сказалъ Казиміръ.

— Всѣмъ нашимъ очень досадно что Ihre Excellenz изъ-за насъ имѣли непріятность, важно сказалъ Пулавскій.

— Мы тутъ не виноваты, подхватилъ Казиміръ.—Янъ зналъ что раненый имъ въ штурмѣ офицеръ князь Хвалынскій, но не видалъ его въ лицо никогда чтобъ имѣть возможность избѣгать. Да Янъ и не считаетъ князя личнымъ врагомъ.

— Разумѣется, вымолвилъ Брантъ. — Всякій дѣлалъ свое дѣло.

— Ахъ, чудакъ! воскликнулъ вдругъ Потоцкій. — Зачѣмъ онъ подходитъ. Смотрите.

Всѣ четверо стали глядѣть въ ту сторону.

Въ эту минуту Янъ Бжечинскій молодцовато подошелъ къ Паранѣ приглашая танцовать. Онъ, улыбаясь, безцеремонно протянулъ къ ней руку, и локоть его былъ не далеко отъ лица князя Данилы.

— Пани Уздальска!

Параня издали завидѣла его, ждала, и при первомъ звукѣ его голоса, подалась къ нему всѣмъ своимъ стройнымъ станомъ, но въ эту минуту, слегка поблѣднѣвшій Данило, положилъ руку свою на локоть Бжечинскаго и тихо сказалъ что-то, поднимаясь съ мѣста.

Бжечинскій вздрогнулъ и тоже тихо отвѣчалъ. Князь Данило поблѣднѣлъ, и рука его стиснулась и поднималась къ лицу конфедерата.

— Князь, въ движеньи моемъ я не чаялъ обиды для васъ, холодно вымолвилъ Янъ отступая.

Между тѣмъ Брантъ, Казиміръ и конфедераты, а съ другой стороны князь Иванъ и еще нѣсколько человѣкъ были уже около нихъ.

— Добро, вымолвилъ Данило смѣясь сухо и отходя. — Завтра я соберу моихъ холопей и его какъ Жида вспорю нагайками на дому, проворчалъ князь. Слышавшіе передали это губернатору.

— Пустое, сказалъ Брантъ.—Я этого не дозволю, поставлю караулъ.

Между тѣмъ музыка смолкла, и трое лакеевъ тушили свѣчи въ залѣ, что̀ было знакомъ ко прекращенію танцевъ.

Гости со всѣхъ комнатъ сбирались въ столовую, весело болтая и распутываясь. Дремавшіе уже старики пріободрились, заглядывая черезъ анфиладу комнатъ въ ярко-освѣщенную столовую.

Передовые, князь Черемисовъ, Ахлатскій, Измаилъ-бей, Андрей Уздальскій и генералъ Сельцевъ, уже окружили столъ съ закуской. Брантъ и Анна Ивановна разсаживали гостей и искали глазами докучливаго и почетнаго гостя князя Хвалынскаго. Но князя Данилы не было. Взбѣшенный онъ уже уѣхалъ домой.

Послѣднія кучки гостей сбирались изъ игорной въ столовую и шли черезъ залу; съ ними былъ Иванъ, задумчивый и скучный.

Проходя залу онъ остановился и повернулъ къ италіянской комнатѣ... Зачѣмъ? Онъ самъ не зналъ! Видѣть гдѣ были они, измѣнница его и проклятый конфедератъ. Приблизясь къ двери комнатки которую ожидалъ найти пустою, Иванъ разслышалъ голоса Потоцкаго, братьевъ Бжечинскихъ и польскій языкъ. Конфедераты шептались. Иванъ прислушался.

— Противъ братца Данилы Родивоныча сговариваются. Ну погоди же! Чья возьметъ! Братецъ пожалуется царицѣ, такъ тутъ всѣхъ въ Волгу позакидать велятъ какъ щенятъ, шепнулъ Иванъ.

Голосъ Казиміра ясно выговаривалъ съ польскимъ удареньемъ:

— Яицкъ, по̀тэмъ Илецкъ, по̀тэмъ Разсыпная.

— Чего они наши фортеціи пересчитываютъ? удивился Иванъ.

Въ главныхъ дверяхъ появился вдругъ офицеръ въ одинаковомъ съ княземъ Иваномъ мундирѣ, но усталый и неопрятный, одѣтый не по-бальному, гладко остриженный, безъ буклей и пудры, и съ сумкой черезъ плечо.

— Городищевъ! Паша! вскрикнулъ Иванъ и бросился на шею къ вошедшему товарищу и другу.—Зачѣмъ? Что̀?

— Гонцомъ отъ Рейнсдорпа. Прямо сюда подкатилъ по его указу. Четыре дня и ночи, Ваня, тресся не вылѣзая изъ брички. Гдѣ губернаторъ?

— Садятся ужинать. Да зачѣмъ ты прибылъ. Аль что̀ важное? Померъ что ль кто?

— Пустое. Нашъ Иванъ Андреевичъ взбѣленился. Послѣ разкажу. Доложи-ко ты Бранту, Иванушка.

И Городищевъ, доставъ два большихъ пакета изъ сумки, завернулъ въ кабинетъ Бранта изъ первой гостиной.

Въ столовой покоемъ изогнулся большой столъ. Говоръ и смѣхъ, звонъ посуды и приборовъ, запахъ подаваемыхъ блюдъ, неслись оттуда на весь домъ. Иванъ вызвалъ губернатора, а самъ сѣлъ за столъ на пустое мѣсто около Уздальскихъ. Вскорѣ вернулся Брантъ на свое мѣсто, и явился за нимъ Городищевъ, приглашенный имъ ужинать.

— Гонецъ! гонецъ! послышалось за столомъ, но никто и не глянулъ на гонца.

Городищевъ расцѣловался съ теткой Марѳой Петровной и съ Параней, которую считалъ двоюродною сестрой, затѣмъ усѣлся и началъ ѣсть за десятерыхъ и разказывать Ивану и роднѣ объ Оренбургской *срамотѣ*, какъ говорилъ онъ. Говоръ, шумъ и смѣхъ не прерывались вокругъ стола и только смолкали слегка при появленіи новыхъ блюдъ.

Конфедераты съ Потоцкимъ во главѣ сидѣли вмѣстѣ на краю стола, чокались и пили здоровье своихъ, то съ грустью въ лицѣ, то со смѣхомъ. Ахметъ-Измаилъ молчалъ какъ убитый и сидѣлъ не прикасаясь ни къ чему, боясь свинаго сала.

Ахлатскій усѣлся на краю стола, предъ вѣеромъ бутылокъ, и его уже два раза унималъ князь Черемисовъ. Около него же сидѣлъ Французъ Дюваль, сильно опьянѣлый, красный какъ ракъ, и громко ругалъ казачка который за минуту предъ тѣмъ облилъ его соусомъ, хотя самъ же Дюваль ткнувъ вилкой вышибъ у него изъ рукъ блюдо. Брантъ болѣе всего наблюдалъ издали за Французомъ и за Ахлатскимъ. Черемисовъ дѣлалъ ему знаки: ничего-молъ. Брантъ былъ слегка задумчивъ послѣ прочтенія пакетовъ привезенныхъ Городищевымъ, но затѣмъ развеселился.

Иванъ сидѣлъ между Уздальскимъ и Городищевымъ и весь ужинъ болталъ съ товарищемъ, не обращая вниманія на

Параню, даже не отвѣчая ей иногда на вопросы. Разъ когда она попросила себѣ квасу налить, Иванъ до того нехотя исполнилъ это что Параня даже обернулась на него. Марѳа Петровна разспрашивала пасынка о его свадьбѣ и невѣстѣ, и наконецъ спросила:

— Зачѣмъ ты теперь-то налетѣлъ сюда. Крестьянъ небось продавать на сводъ, укорила Марѳа Петровна исподволь раззорявшагося пасынка.

— Нѣтъ! Закладывать, разсмѣялся Уздальскій.

— Это еще что̀? Въ карету что ль? Мужиковъ?

— Мнѣ денегъ дадутъ, а имѣнье возьмутъ въ закладъ, а потомъ....

— А потомъ оно и *фіу*.... присвистнула женщина.— Разоряться-то все равно по-старому ли, по-новому ли. Ну и свадьба-то скоро?

— Черезъ мѣсяцъ.

Марѳа Петровна покачала головой.

— Бѣдная.... Бѣдная.... Горемычная. И дура же она, дура пѣтая, перепѣтая. Да и у отца ее вѣтеръ свищетъ въ башкѣ.

— Кого это ты такъ, маменька? вступилась Параня.

— Невѣсту вотъ братца твоего съ батькой.... Дураки они, дураки, жалостливо говорила Марѳа Петровна, все качая головой.—Не нашли они вѣтрогона да мотыгу хуже этого.

— Вмѣстѣ съ женой, добродушно отозвался Андрей,— будемъ не тратить, а наживать.

— Такъ, такъ.... Дыры въ карманахъ наживать.

Городищевъ между тѣмъ все болталъ о Рейнсдорпѣ и объ Оренбургѣ.

— А каковы наши-то трусы! Пять казаковъ вздурились, а у нихъ душа въ пятки ушла.

— Да я не пойму, Паша. Скажи толкомъ: казаки или Калмыки? И что̀ такое они взяли?

— Всякая сволочь.... Взяли Илецкій городокъ. Ну и перевѣшали кой-кого. Къ Яицку предъ тѣмъ ѣздили, а какъ Симоновъ выступилъ на нихъ, всѣ и ударились въ разсыпную.

— Какъ бы они на Разсыпную не ударились, она тамъ близко, сшутилъ Иванъ грустнымъ голосомъ.

— Тамъ, братъ, комендантъ-то маіоръ Веловскій. На него не сунеться. А сунеться, такъ въ послѣдній разъ въ жизни.

— А много бунтовщиковъ, Паша? разсѣянно спросила Параня, все болѣе прислушиваясь и приглядываясь чутко къ

тому что̀ Янъ разказывалъ шепотомъ своимъ сосѣдямъ. Ей почудилось что Янъ назвалъ ея имя.

— Человѣкъ шестьсотъ, говорятъ, сказалъ Городищевъ.— Кто ихъ знаетъ, можетъ и болѣе.

На томъ концѣ послѣ разказа Яна послѣдовалъ громкій взрывъ хохоту. У Парани сердце стукнуло отчего-то.

„Какъ можно? Не можно!“ подумала она себѣ въ отвѣтъ: „Да и что̀ жь я такое сдѣлала?“

— Чему они радуются? пробормоталъ Иванъ злобно.

— А вотъ у нашихъ-то, Ваня, конфедератовъ, шепнулъ Городищевъ, — въ субботу отберутъ оружіе и изъ Оренбурга всѣхъ отправятъ въ Троицкую фортецію.

— Давно бы пора.

— Стали пропадать, Ваня, что ни день кто-нибудь изъ нихъ и тягу.

Ужинъ кончился, загремѣли стулья, и все зашевелилось.

Гости затолпились вокругъ хозяйки и благодарили хваля блюды, а въ особенности соленья и варенья Анны Ивановны.

— Ну, гости! воскликнулъ Черемисовъ. — Пора и по домамъ.

Лакей отъ губернатора тихо позвалъ Городищева въ его кабинетъ. Брантъ, скрывшійся еще до конца ужина, сидѣлъ за кучей бумагъ, несмотря на позднее время и усталость.

— Скажите мнѣ, господинъ офицеръ, сами вы что̀ думаете обо всѣхъ сихъ непорядкахъ въ Оренбургскомъ округѣ? сказалъ Брантъ когда Городищевъ вошелъ къ нему.

— Все это пустое, ваше превосходительство, не стоющее вниманія.

— Какъ?

— Полагать надо что теперь все благополучно уже, ибо при выѣздѣ моемъ изъ Оренбурга былъ высланъ на бездѣльниковъ въ фортецію Татищеву бригадиръ баронъ Билофъ, а бригадиру барону Корфу указано было генералъ-поручикомъ спѣшить на соединеніе съ его отрядомъ изъ Переволоцкой фортеціи.

Брантъ молчалъ и задумался на мгновеніе.

— Однако онъ не есть простой бездѣльникъ, а дерзновенно принялъ на себя званіе. — Брантъ остановился и спросилъ:—Вамъ вѣдомо кто таковъ предводитель мятежныхъ?

— Емельянъ Погашевъ, сказываютъ донской казакъ.

— Въ бумагѣ сказано Ермолай.

— Виноватъ, ваше превосходительство, не упомню. Точно сдается мнѣ Ермолай Погашевъ! Бѣглый казакъ или солдатъ съ польской границы, съ Добрянскаго форпоста.

— У меня сказано съ Бударинскаго форпоста.

— Виноватъ.... Съ Бударинскаго.... А чаятельно мнѣ съ Добрянскаго. Такъ называлъ губернаторъ. Впрочемъ сіе маловажно.

— Не маловажно, господинъ офицеръ. Добрянскій форпостъ на Польской границѣ у вратъ Германіи, а Бударинскій на границѣ Татаріи у вратъ Китая. Не могутъ не переврать, добавилъ Брантъ разглядывая бумаги.

Городищевъ нетерпѣливо прислушивался къ гулу разъѣзда на крыльцѣ.

— Вѣдомо въ Оренбургѣ жителямъ какое званіе пріемлетъ на себя сей бездѣльникъ? снова спросилъ Брантъ.

— Какое званіе пріемлетъ? удивленно спросилъ Городищевъ.—Ермолай Погашевъ.

Брантъ пристально посмотрѣлъ на офицера и вымолвилъ:

— Да. Такъ, такъ. Я запамятовалъ. Прощайте. Завтра явитесь утромъ. Я васъ немедленно пошлю назадъ.

Городищевъ вышелъ и отправился на подъѣздъ.

„Нелегкая васъ возьми съ Погашевымъ. Не отдохнувъ опять семь сотень верстъ отсчитай“, думалъ онъ.

Городищевъ думалъ что не найдетъ уже никого, но при разъѣздѣ на крыльцѣ была сумятица. Половины лакеевъ и кучеровъ не оказалось. Гости дожидались на лѣстницѣ, нѣкоторые вернулись въ темную залу. Короткіе знакомые пошли къ хозяйкѣ. Всѣ ворчали. На вопросы господъ отвѣчали въ швейцарской что всѣ лакеи въ сосѣднемъ кабакѣ, что тамъ ихъ видимо-невидимо и что деньщикъ пріѣзжаго изъ Оренбурга офицера сманилъ всѣхъ въ кабакъ ради росказней объ Оренбургѣ.

По уходѣ Городищева отъ Бранта къ нему заднею лѣстницей явился сыщикъ и доложилъ что-то. Губернаторъ велѣлъ немедленно арестовать деньщика Городищева.

Лакеи понемногу явились. Каждый изъ гостей ругалъ своего лакея. Кто просто журилъ, а кто обѣщалъ:

— Постой на часъ! Дай срокъ! Я тебя ужо дома....

Иные господа молчали и только изъ-подлобья поглядывали на своихъ явившихся холопей. Эти послѣдніе особенно ста-

рательно и спѣшно одѣвали своихъ господъ и выкрикивали кучеровъ.

Одинъ казачокъ, въ малиновомъ кафтанѣ, какъ полоумный, влетѣлъ въ дверь, и найдя Лукерью Кузминишну Бартыкаеву въ толпѣ, бухнулся прямо въ ноги.

— Матушка! Голубушка! Ей-ей не причемъ! За Егоркой въ кабакъ бѣгалъ. Онъ, песъ, лошадей побросалъ.

— Montjoie et Saint Denis! раздался вдругъ пьяный голосъ Дюваля.

— Cri de guerre de la France des chevaliers! козыристо отозвался Бжечинскій изъ другаго угла.

— Un cri de détresse plutôt, seigneur Bejanski.... On m'a volé mon manteau.... Ma choubska.

По разспросамъ оказалось что холопъ служившій у Мусью изчезъ прежде всѣхъ, но взялъ ли шубку съ собой неизвѣстно, и что въ кабакѣ его нѣту.

Дюваль стоялъ среди лѣстницы подбоченясь, и ругался покачиваясь изъ стороны въ сторону. Гости спускаясь старательно обходили его. Конфедераты толпились, хохотали надъ нимъ и поджигали его.

— Voyons! Peut-être qu'il ne l'a pas volé!

— Mais morbleu! взбѣсился Французъ.—A moins que ce ne soit mon manteau qui ait volé mon domestique! Dans ce chien de pays tout est possible. Canaille, va!

— Спросите какъ звать его человѣка вступился Городищевъ.

Бжечинскій спросилъ.

— Un diable de nom! Je ne l'ai que depuis quelques jours. Tchi.... Pchi.... Attendez donc.. Sacré matin! Tchinoque! Là!!

— Да это не имя.

Поднялся веселый хохотъ.

— Щенокъ, ваше благородіе. Вавила это. Изъ Козьмодемьянска, сказалъ одинъ лакей. — Ему званье такое: Щенокъ. Онъ должно ушелъ въ шинокъ.

— C'est ça.... Tchinoque ou Chinoque. Гдѣ Chinoque? обратился Дюваль къ лакею.—Нэма, Chinoque? Sacré pays! Que le bon Dieu vous patafiole! Un manteau, coquin! крикнулъ! Дюваль неизвѣстно на кого, и съ этими словами взялъ первую попавшуюся шубку и надѣлъ; она затрещала у него на спинѣ.—Vas-y, mon ami.... Vas-y....—И онъ вышелъ на крыльцо при дружномъ хохотѣ публики.

— Какое грубое животное! сказалъ кто-то изъ конфедератовъ.

— А вѣдь свинья! подумалъ и князь Иванъ выходя. — Ты гдѣ згинулъ? прибавилъ онъ своему кучеру когда они отъѣхали.—Тоже въ кабакѣ былъ небось?

— Нѣту-съ. Я заглянулъ токмо.... послухать.

— Что̀ онъ тамъ вралъ-то вамъ?

— Сущая пустота.... Болѣ все объ одной рати что̀ воюетъ тамъ.... Сказывалъ сила великая. Китайскій царь тоже въ подмогу будетъ объ Рождественскомъ постѣ.

— Кому въ подмогу?

— А оному.... Оной рати.... На Москву, слышь, пойдутъ.

— Что̀ ты брешешь!

— Сущая пустота, князинька. И не слушалъ бы!

Черезъ часъ, когда въ губернаторскомъ домѣ все опустѣло, стемнѣло и спало, въ ворота ломился громадный мужикъ.

— Что̀ за дьяволъ тамъ? окликнулъ проснувшійся сторожъ.

— Я, Вавила! Пусти, голубчикъ! У меня тутъ мусья осталась. Баринъ мой, мусья.

— Протри буркалы-то. Вишь темно все. Разъѣхались. Пьяный чортъ.

— Ахъ, дьяволы! Право.... Иди теперь до дома.... пѣшкомъ. А все мусья, чтобъ тебѣ... Аль не ходить? Ну его къ теткѣ.... Пойду къ царю въ Аранбухъ.

Вавила повернулъ, шатаясь, къ Казанскому монастырю и скоро былъ на Арскомъ полѣ, но завязъ съ-пьяна въ грязи, упалъ и захрапѣлъ середи дороги.

VI.

На утро братья Хвалынскіе должны были рано выѣхать въ Азгаръ, но встали поздно, и кромѣ того князь Данило поднялся сумрачный и около часу не говорилъ съ братомъ, а молча ходилъ по горницѣ, изрѣдка вскрикивая:

— Егоръ! Архипычъ! Чортъ! и зычно проносился его крикъ по дому. Архипычъ летѣлъ на крикъ барина, и каждый разъ, обруганный чортомъ или осломъ, снова летѣлъ исполнять приказъ.

Однажды когда онъ не понялъ краткаго вопроса князя:

„скоро ль?“ и не зналъ что̀ отвѣчать, князь повернулъ его за плечи, и на этотъ разъ старый Архипычъ вылетѣлъ торчмя головой изъ комнаты.

Черезъ часъ князь заговорилъ съ братомъ.

— Ну что̀ жь вчерашнее позорище.... Перепились, я чаю, всѣ, да передрались.

Иванъ разказалъ все и прибавилъ о пріѣздѣ Городищева и о бунтѣ Татаръ и казаковъ.

— Ну, это пустое! Кто атаманъ шайки?

— Запамятовалъ, братецъ.... Вотъ Паша придетъ, разкажетъ.

— Какой Паша? нетерпѣливо сказалъ Данила.

— Городищевъ, Павелъ, мой однокашникъ и пріятель. Онъ сынъ покойнаго Павла Петровича, брата Мареы Петровны.

— Помню. Славный старикъ былъ. Настоящій, старинный русскій дворянинъ. Не чета нынѣшнимъ татарскимъ князьямъ, да чухляндскимъ баронамъ!

Черезъ минуту князь Иванъ рѣшился спросить брата объ отъѣздѣ и объ его угрозѣ относительно конфедерата.

— Я бы съ вами пошелъ братецъ, сказалъ Иванъ.—Самъ бы его отколотилъ.

— Ну его къ чорту! выговорилъ Данило. — Руки марать.

— Такъ вы отложили? Ну жаль! Ей-ей!

Данило не отвѣчалъ, и чрезъ минуту, поискавъ чего-то въ комнатѣ, крикнулъ снова старика и прибавилъ:—Убью я этого пса! Затѣмъ онъ началъ одѣваться и на вопросъ Ивана о выѣздѣ молвилъ сурово:

— Въ вечерню выѣдемъ. А покуда я къ Нефеду Иванычу съѣзжу, да къ Бранту тожь...

— И я тоже.

— Къ Кудрявцеву или къ губернатору....

— Нѣту.... Зачѣмъ... Я къ Мареѣ Петровнѣ. Проститься.

— Замирился! усмѣхнулся Данило, но не добродушно.—Эхъ вы! Медовые люди! Нынѣ гнѣвается... а заутра опять сахаромъ...

Иванъ слегка покраснѣлъ, но промолчалъ.

— Нѣтъ, я коли на мою невѣсту иль жену разгнѣваюсь— за дѣло, а не за бездѣлье вѣстимо,—то ужь не замирюсь во вѣкъ. А у твоей вчера—конфедератъ на жениховомъ мѣстѣ былъ, а въ кладовой про запасъ ты, князь Иванъ Родивонычъ...

Черезъ часъ оба брата разъѣхались въ разныя стороны.

Домъ Уздальскихъ стоялъ на Пустырѣ, за которымъ напротивъ двора виднѣлись древнія деревянныя стѣны Казанскаго женскаго монастыря. Домъ былъ не великъ, на дворѣ, съ двумя флигелями по бокамъ, а за нимъ виднѣлся не большой, но густо разросшійся садъ, изъ котораго открывался видъ на городъ и кремль.

У крыльца Иванъ увидѣлъ карету комендантши Бѣлокопытовой, и это удивило его, потому что комендантшу никогда не принимали прежде у Уздальскихъ. Маѳа Петровна говорила:—Не люблю я вдовъ. Что ни вдова, то гулящая. Знать законъ такой!...

„Пока я былъ въ Оренбургѣ, мало ль что̀ на перемѣну пошло? подумалъ подъѣзжая Иванъ.—Одинъ Бжечинскій чего стоитъ. Сегодня опрошу ее... Коль не любъ я ей пусть такъ и молвитъ.... Не хочу я и впрямь сахаромъ быть“, вспомнилъ Иванъ слова брата и въ то же время чувствовалъ всей душой что если Параня скажетъ ему: „Ты мнѣ не любъ, мой любый Янъ, а ты и не ѣзди къ намъ!“ То онъ Иванъ не знаетъ, что̀ ему тогда съ собой и подѣлать. Хоть въ монастырь иди!

Князь Иванъ встрѣтилъ комендантшу на лѣстницѣ; она была взволнована, румяна и быстро спускалась по отлогимъ ступенямъ. Комендантша Бѣлокопытова была вдова еще молодая, женщина лѣтъ тридцати пяти, а на видъ двадцати пяти, бѣлая, румяная, съ узкими черными глазами миндалиной подъ красивою бровью. Носъ былъ немного вздернутъ и придавалъ всему лицу какое-то мило-дерзкое выраженіе. Однѣ губы, слегка толстыя и разъѣзжавшіяся когда она смѣялась, портили ея лицо.

За вдовой многіе ухаживали, но всѣ знали что ея избранникъ сорви-голова Ахлатскій, и что увиваться около комендантши не безопасно, потому что одинъ заѣзжій, даже съ ревизіей изъ Питера, бригадиръ, чуть не вылетѣлъ въ окно изъ дома Бѣлокопытовой, а сама хозяйка была больно побита Ахлатскимъ, и даже, говорятъ, закаялась любезничать съ кѣмъ-либо. Вдобавокъ ея собственный сынъ Разумникъ, девятнадцати лѣтъ, силачъ и дуракъ, былъ тайный надсмотрщикъ Ахлатскаго, доносчикъ всего что̀ дѣлала мамаша, и боялся его какъ огня.

На вопросъ Ахлатскаго подъ хмѣлькомъ:

— Кого ты боишься пуще: меня или императрицы?

— Вѣстимо вась, Сила Титычъ! не запинаясь рѣшилъ Разумникъ.

Бѣлокопытова переселилась въ Казань по смерти мужа, изъ города гдѣ онъ былъ комендантомъ, отдала сына во вновь открытую гимназію, и имѣя большой доходъ жила порядочно, но все же не такъ широко какъ могла бы жить, еслибы не безчисленные долги Силы Ахлатскаго, которые она поневолѣ уплачивала постоянно. Главный ея доходъ былъ съ большихъ фруктовыхъ садовъ въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ. За это и прозвали ея Казанцы „Груша Яблоковна". Но мущины прибавили другое болѣе лестное прозвище:

— Пастила! чаще другихъ звалъ ее князь Черемисовъ.

— А зубъ неймѣтъ—Сила сомнетъ, подшучивали пріятели.

Иванъ поздоровался съ Бѣлокопытовой, помогъ ей сѣсть въ карету и замѣтилъ какъ бѣлыя и пухлыя руки ея дрожали отъ волненія.

— Что съ ней такое? подумалъ онъ и въ то же время услыхалъ на верху лѣстницы голосъ Мареы Петровны.

— Уѣхала!... Добро! И опять пускать не велю.... Срамница.... Груша Яблоковна.... Помеломъ бы ее отсюда. Сваха поганая! Насмѣяться пріѣзжала.

Мареа Петровна внѣ себя отъ злости, увидавъ князя Ивана, такъ и накинулась на него.

— Видѣлъ Грушу-то? Видѣлъ разгонную вдову-то? Съ чѣмъ подъѣхала!

Иванъ напрасно разспрашивалъ въ чемъ дѣло. Мареа Петровна шла къ себѣ въ угловую горницу гдѣ виднѣлся самоваръ, и проходя весь домъ все бранилась, затѣмъ сѣла и какъ всегда расплакалась о томъ что она вдова съ сиротой, что ее всякій можетъ обидѣть и некому заступиться, что жизнь ея самая горючая, что Господь отъ нея отвернулся и т. д. Иванъ зналъ что надо обождать, и молчалъ.

Онъ нашелъ въ горницѣ маленькаго Артему и здороваго парня, суконщика Самойлова, крестника Мареы Петровны, который изрѣдка навѣщая крестную мать-барыню, всегда выпивалъ нѣсколько стакановъ чаю и затѣмъ получалъ отъ нея рубль и два въ подарокъ. Артема, не слушая бабушки, макалъ палецъ въ недопитую чашку комендантши и рисовалъ круги по гладкому подносу. Самойловъ, стоя у двери, пилъ свой первый стаканъ, налитый по отъѣздѣ гостьи.

Парани не было, и Артёма объявилъ что губернаторша

увезла ее кататься.... далеко.... далеко; а съ ними поѣхалъ и голубой. Артёма звалъ голубымъ Яна Бжечинскаго за его синюю чамарку которую онъ надѣвалъ чаще другихъ.

Иванъ вздохнулъ при этомъ извѣстіи и задумался.

Марѳа Петровна наконецъ наплакалась и ждала отвести душу, ждала чтобъ Иванъ спросилъ о причинѣ ея горя.

Не дождавшись вопроса отъ задумавшагося малаго, Марѳа Петровна сама начала вопросами:

— И какъ ты полагаешь, Ванюша, по какому дѣлу пріѣхала Постила-то ваша.... Клюковна? (хотѣла сострить Марѳа Петровна.) Что̀ она въ мысли-то имѣла?... А все ты же виноватъ! Да, ты голубчикъ, ты! Ты!

И Марѳа Петровна разказала что комендантша пріѣзжала сватать Паранѣ.—Селима!! Татарина-то! Нехристя....

— Что̀ жь, Марѳа Петровна, тутъ за обида! сказалъ Иванъ.— Онъ родня князю Улусъ Андреичу и человѣкъ богатый. Я чаю вѣдь съ окрещеньемъ сватается.

— А тебѣ бы еще какъ? Параню въ мечеть вести, да въ Мухоѣдову вѣру крестить. А?.. Да какъ она смѣла помыслить что мой Парашокъ пойдетъ за новокрещенца? Что онъ за ней все бѣгаетъ, такъ развѣ мало за ней бѣгаютъ? Невидаль какая!

Иванъ сталъ уговаривать Марѳу Петровну что обиды собственно никакой тутъ не могло быть, что молодой Татаринъ, Мурза Селимъ Хайбъ-Улла, своего дворянскаго рода, и коли перекрестится то будетъ княземъ, что эдакихъ свадебъ много было въ городѣ, и что самъ князь Черемисовъ окрестился такъ же. Марѳа Петровна все это знала давно, но вѣдь это все бывало съ другими, а ожидать того же для Парани....

— Самое подлое и ехидное размышленіе Груши этой Яблоковны. Прасковья Алексѣевна Соколъ-Уздальская за новокрещенаго Татарина! Да вѣдь Соколъ-то Уздальскіе князьями величались въ старое время при Московскихъ царяхъ. Алексѣй-то Матвѣичъ царицынымъ гонцомъ за границу ѣзжалъ.... Далеко не отъѣхалъ, а все же.... ѣздилъ!... А все ты.... Все вы съ Парашкомъ. Чего тяните, да таитесь отъ всѣхъ? Объявились бы, да за свадебку.

Иванъ вскочилъ съ мѣста какъ ужаленный.

— Да развѣ я тяну-то, Марѳа Петровна!

Потокомъ полилась рѣчь Ивана и кончилась наступательнымъ союзомъ его съ Марѳой Петровной противъ дѣвушки. Экипажъ загремѣвшій на дворѣ прервалъ ихъ заговоръ дѣйствовать на Параню, не ожидая чина поручика для князя, взять отставку и сыграть свадьбу. За своего отца Иванъ ручался и за Данилу тоже.

— Ну ступай себѣ съ Богомъ, обратилась Марѳа Петровна къ крестнику.—Сколько выпилъ?

— Четыре-съ, матушка! свѣжимъ голосомъ выговорилъ Самойловъ, отирая потъ катившій съ его круглаго лица.

Марѳа Петровна встала, сунула въ руку крестнику денегъ, и промолвила:

— Ну загляни опять когда. А дурь-то эту ты у меня изъ головы брось, слышишь!

— Слушаю-съ! отрѣзалъ Самойловъ.

— Виданное ли дѣло? Срамота.... Ты красавецъ парень, да еще пятсотъ карбовавцевъ я отсчитаю на свадьбу. Слышько, Ванюша, что̀ крестникъ-то мой надумалъ? Жениться! Да на бабѣ старой, моей ровесницѣ. Ухъ, глупая твоя башка! постучала Марѳа Петровна кулакомъ по лбу крестника.

Иванъ между тѣмъ видѣлъ какъ изъ коляски выпустила Анна Ивановна Брантъ Параню и конфедерата, сама же съѣхала со двора. А они все не являлись. Иванъ оставилъ Марѳу Петровну убѣждать крестника и пошелъ чрезъ всѣ комнаты на встрѣчу.

Приблизясь къ прихожей онъ услыхалъ на лѣстницѣ голоса, и невольно, словно кто шепнулъ ему, тихо и не стуча остановился близь дверей.

Параня смѣялась и поддразнивала конфедерата, тотъ говорилъ съ жаромъ и даже какъ будто сердясь, и оба стояли на верхнихъ ступеняхъ.

— Разъ сказать, обѣщать—такъ надо сдѣлать! Тшеба, пани. Это обманъ!

— А если я не хочу.... смѣнила мысли! подсмѣивалась Параня.—Что̀ жь сдѣлаешь, пане? А?

— Я сейчасъ вотъ.... Силкомъ разцѣлую! Не одинъ, а сто разъ.

— О-о? отозвалась Параня.—Это такъ можно въ землѣ Польской. А меня.... О! нѣтъ....

Иванъ, слушая, то холодѣлъ, то горѣлъ какъ на огнѣ и

наконецъ ахнулъ, потому что Бжечинскій сдѣлалъ движеніе и вымолвилъ смѣясь:

— Такъ вотъ....

Иванъ услыхалъ какъ Параня отскочила ближе къ дверямъ и тяжело дышала среди наступившаго молчанія. Наконецъ, чрезъ нѣсколько мгновеній, она вымолвила дрожащимъ отъ гнѣва, но сильнымъ голосомъ:

— Когда я порѣшу чему не быть, такъ ужь тому во вѣки не быть. Ступай, панъ, уходи.... Да и не навѣдывайся!

— Не любишь ты меня или любишь? съ отчаяніемъ произнесъ Бжечинскій.—Не пойму я ничего въ тебѣ. Я пошутилъ, пани Уздальска. Но я чаялъ любви въ тебѣ. Поясни же мнѣ. Не любишь?

— Нѣтъ, рѣзко вымолвила Параня.

— А прежде.... Вчера.... Говорила....

— Вчера? Да!...

— Стало разлюбила въ единую ночь?

— Да.

— Какже такъ, пани? Смѣешься, пани?

— Нѣтъ, ей-ей, нѣтъ! Сама не вѣдаю, а истинно такъ.

— Кого же ты любишь? Скажи.... Ротозѣя Хвалынскаго?

Иванъ встрепенулся и ждалъ, но Параня молчала и затѣмъ произнесла тихо и умоляющимъ голосомъ.

— Не гнѣвися. Вчера любъ ты мнѣ былъ, а нынѣ нѣтъ! Не гнѣвися. Обида за обиду. Я обманула, а ты сейчасъ хотѣлъ обидѣть меня.... Прости. Богъ съ тобой. Бывай у насъ. Хочешь, входи теперь.

— Нѣтъ. Простите.

Бжечинскій быстро сбѣжалъ по лѣстницѣ, а Параня долго стояла на верхней ступени, недвижимо, задумчиво, и наконецъ, тяжело вздохнувъ, тихо побрела въ комнаты. Иванъ бросился за шкафъ и пропустилъ дѣвушку, а когда она была у матери, пробѣжалъ на балконъ и опустился на первый стулъ. Сердце его билось радостно, и онъ шепталъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Угодники Божіи! Святый Іоаннъ! Она меня.... Она его не любитъ....

Иванъ и молился, и говорилъ вслухъ, и совершенно запутался.... Раздались шаги Парани, и онъ едва собрался съ силами, чтобы не выдать себя. Параня вышла на балконъ, и глянувъ на молодаго человѣка выговорила тотчасъ:

— Чтò ты, Иванушка? Словно тебя кто побилъ сейчасъ.

— Н-нѣтъ!... тихо и смущенно отозвался онъ.

— Скажи ты мнѣ.... У меня нынѣ четыре жениха. Такъ вишь и посыпались вдругъ, какъ шишки еловыя. Первый Иванушка дурачокъ, красный колпачокъ, — засмѣялась дѣвушка,—второй панъ Бжечинскій, третій Селимъ.... Мама тебѣ сказывала вѣдь.... А четвертый вотъ уже двѣ недѣли ко мнѣ прямо сваху подсылаетъ, знаетъ что мама на него губернатору жаловаться будетъ за обиду! громко разсмѣялась Параша.—Бывшій острожный смотритель.

— Майоръ Колоштанъ! вскрикнулъ Иванъ.—Да я его.... Я сейчасъ пойду, его застрѣлю! кричалъ Иванъ: — Пьяница, воръ! Изъ сдаточныхъ, холопскаго рода! Что жь это за потѣха такая? И Селимъ, и Колоштанъ.... Я сейчасъ поѣду къ острожному псу.... Я его....

— Полно, полно! Я надысь такой отвѣтъ указала свахѣ ему передать что онъ вчера божился что либо домъ нашъ подожжетъ, либо меня на улицѣ прибьетъ. Да вѣдь языкъ безъ костей.... Ну, говори же, Иванушка, за кого мнѣ замужъ выходить. А ты, поистинѣ, по совѣсти. На свою руку не гни.

— За того кого любишь... Тебѣ лучше вѣдать.

— А коли я никого не люблю? странно, какъ бы насильно усмѣхнулась дѣвушка и задумалась.—Вотъ, ей-ей, никого. Ей-ей!

— Спасибо на правдѣ, вымолвилъ Иванъ.—Прощай! Домой.... Братъ ждетъ ѣхать въ Азгаръ.

Иванъ сталъ блѣденъ какъ снѣгъ, но глубоко задумавшаяся вдругъ Параня ничего не видала и не слыхала.

— Прощай же, Параня. Въ Азгаръ я....

— Да! Да! Прощай, прости! разсѣянно вымолвила Параня.

Иванъ стоялъ и переминался. Параня словно нарочно опустила глаза въ землю и стояла какъ каменная, сложивъ руки, сморщивъ брови и приковавъ красивые глаза къ рѣшеткѣ балкона. Иванъ повернулся вдругъ и побѣжалъ вонъ изъ дома не простясь и съ Мароой Петровной. Слезы лились по его блѣднымъ щекамъ. Легкій вѣтерокъ напомнилъ Ивану что онъ забылъ свою шапку. Онъ хотѣлъ-было вернуться, но отчаянно махнулъ рукой и безъ шапки влѣзъ въ свой экипажъ.

VII.

Князь Данило, побывавъ у Кудрявцева, заѣхалъ къ Бранту, и на этотъ разъ болѣе понравился старику. Онъ ни слова не сказалъ о вчерашнемъ и не извинился за свое гнѣвное поведеніе; но за то онъ былъ крайне любезенъ со старикомъ.

Брантъ совершенно растаялъ, и они долго говорили о новости—бунтѣ въ Оренбургскомъ краѣ. Губернаторъ, прося сохранить тайну, разказалъ ему что̀ зналъ и выражалъ безпокойство на счетъ того что крѣпости всей линіи почти безъ гарнизоновъ, безъ пороху, и въ розницу легко могутъ быть взяты. Рейнсдорпа онъ называлъ слишкомъ мягкимъ и нерѣшительнымъ правителемъ.

Князь Данило не придавалъ значенія ни бунту, ни самозванству. Брантъ напомнилъ ему что начальникъ шайки, бѣглый солдатъ, Пугачевъ, не первый самозванецъ, и что за годъ уже былъ въ Царицынѣ солдатъ Богомоловъ назвавшійся Петромъ III.

— Ну и что̀ же сотворилъ? Пять мѣщанъ подъялъ на бунтъ! И этихъ теперь перехватаютъ. Вотъ смотрите, генералъ, завтра прибудетъ гонецъ что Пугачевъ сей сидитъ въ острогѣ Яицкомъ.

— Жду! Жду! А все-таки страшусь за фортеціи. Въ розницу, пятсотъ бунтовщиковъ — ихъ по очереди переберутъ, и Рейнсдорпъ ничего не сдѣлаетъ.

Князь Данило всталъ.

— Что̀ жь? Разбойничество Стеньки Разина стало повторится, по вашему разсужденію? разсмѣялся князь.

Брантъ тоже весело и добродушно расхохотался и пошелъ провожать гостя черезъ залу.

— Мой нижайшій поклонъ вашему достопочтенному родителю. Что онъ къ намъ не навѣдается хоть на одну зимку? Я чаю, княжнѣ пора ужь жениха....

— А у васъ ихъ много въ Казани.... для княжны Хвалынской? насмѣшливо спросилъ Данило.

Брантъ разсмѣялся снова и прибавилъ:

— Что̀ дѣлать? Сами изволили замѣтить. Пьянство, карты, шалости. Тутъ вѣдь Азія. Вотъ только изъ Татаръ есть прекрасные юноши. Видѣли вы вчера Селима? Давай Богъ

намъ такихъ. Умница, смирный и учится много. Да вотъ скоро и ему карачунъ будетъ. Пропадетъ малый.

— Отчего же?

— Окреститься хочетъ. Не мните князь, спохватился Брантъ,—что я говорю какъ протестантъ. Нѣтъ. А это у насъ про обычай вошло. Какъ казанскій Татаринъ, дворянинъ или мурза что ли, по-ихнему, станетъ съ нашимъ дворянствомъ сноситься, окрестится въ вѣру православную, такъ и запропадетъ. Такія начнетъ творить подвиги что черезъ года три, четыре, въ острогѣ. У меня такихъ въ губерніи съ десятокъ въ олекѣ, да двое въ домѣ умалишенныхъ съ пьянства, да еще двое при острогѣ, въ дворянскомъ отдѣленіи, за самое свирѣпое истязаніе и смертоубійство своихъ рабовъ. Вотъ и Селимъ туда норовитъ, разсмѣялся губернаторъ.

Въ эту минуту вернулась съ прогулки Анна Ивановна Брантъ, и разказавъ о какой-то шуткѣ своей любимицы Парани, навела Данилу на мысль ѣхать къ Уздальскимъ.

Тамъ, принятый Марѳой Петровной на лѣстницѣ съ почетомъ и съ особенною любезностью, князь нашелъ гостей: хромаго генерала Сельцева съ женой и съ дочерью, лучшаго доктора въ городѣ, Италіянца Джули, и князя Черемисова.

Бесѣда шла о свадьбѣ Уздальскаго, объ его невѣстѣ Кречетовой и объ ея отцѣ.

Параня почему-то была особенно въ духѣ, сидѣла въ углу и шепталась съ Дашей Сельцевой, которая знала всегда все происходящее въ городѣ.

Теперь она разказывала Паранѣ что вечеромъ будетъ у князя Улуса Андреича розыгрышъ Татарки. Татарку эту, не казанскую, а турецкую, изъ Крыма, Андрей Уздальскій, собираясь жениться, разыгрываетъ у Черемисова.

Между тѣмъ Марѳа Петровна разказывала гостямъ въ подробностяхъ что ея сестра Барская, живущая съ мужемъ въ Оренбургѣ, пишетъ что собиралась везти захворавшаго мужа въ Казань да боится.

— Много разбоевъ въ округѣ ихнемъ. Какой-то злодѣй проявился и салтаномъ себя величаетъ китайскимъ.

— Что̀ вы мамоньку слушаете? воскликнула бойко и весело Параня.—Она всегда все въ ступѣ столчетъ. Тетушка отписываетъ что тотъ злодѣй вовсе не салтаномъ назвался, а россійскимъ....

— Молчи, Парашокъ, молчи, поспѣшно перебила дочь Марѳа Петровна.

— Сама молчи, старая грѣховодница, шутя отозвалась Параня и топнула ногой.

— При чужихъ людяхъ-то! Ахъ, безстыдница дѣвица! Что гости-то подумаютъ, какъ ты съ матерью поступаешься? Хорошо это, ваше превосходительство?

Генералъ Сельцевъ по своей привычкѣ вытаращилъ глаза и разсмѣялся вмѣстѣ съ другими. Гости уже привыкли къ этимъ колѣнцамъ Парани. Одинъ князь Данило пристально и удивленно глянулъ на дѣвушку.

— А князь-то что помыслитъ о тебѣ? А? Поѣдетъ къ родителю или въ Питербурхъ и разкажетъ всѣмъ какую дѣвицу въ Казани видѣлъ!

— Полно ты мнѣ зубы-то заговаривать, яблоко моченое! И Параня сдѣлала матери гримасу.

Князь Черемисовъ громко хохоталъ и проговорилъ:

— Ай да Прасковья Алексѣевна! Такъ! такъ! люблю. Что старшихъ-то слушать? Чего они смыслятъ? Ничего! Правда ли моя?

— Она еще то ли творитъ? весело жаловалась Марѳа Петровна Данилѣ.—Спросите вы, князь, какъ она Осипъ Кесырыча обманула недавно. Я была у всенощной, видите ли, а она....

Данило прервалъ вопросомъ о томъ кто Осипъ Кесырычъ, и докторъ Джули, вставъ съ мѣста, раскланялся предъ нимъ.

— Джузелле Чезаре Джули! выговорилъ пѣвучимъ голосомъ худенькій и черненькій Венеціанецъ.

Марѳа Петровна разказала гостямъ послѣднее *колѣнце* своего Парашка, то-есть какъ дѣвушка легла вечеромъ на дорожкѣ въ саду около стѣны дома и послала дѣвчонку къ доктору сказать что барышня выпала изъ окна и разбилась.

— Прибѣжалъ мой Осипъ Кесырычъ. Ахаютъ и охаютъ. А людишки-то мои тожь не вѣдаютъ, не то правда все, не то мороченье одно. И что тутъ было, государи мои? Согнали дѣвокъ, понесли ее въ горницы, положили. Лежитъ какъ мертвая, не дышетъ вѣдь, ей Богу! не дышетъ. Вотъ спросите Осипъ Кесырыча! Ей Богу! клялась Марѳа Петровна.

— Si signore, обратился Джули къ князю какъ будто думая что петербургскій князь долженъ знать непремѣнно по-италіянски.

— А ужь со мной-то она.... бичеву вьетъ. Не родная я ей мать, вотъ и не почитаетъ, лукаво молвила Марѳа Петровна подмигивая Сельцеву.

— Ну, постой же, вотъ уѣдутъ они, я тебя въ допросъ возьму! грозилась Параня изъ своего угла.

Данило всталъ. Эти шутки матери съ дочерью произвели на него странное и нелѣпое впечатлѣніе, такъ что ему не захотѣлось оставаться долѣе.

„Ай да Иванъ! Выискалъ себѣ невѣсту, думалъ онъ, выходя. Намъ въ лагерь Молдаванокъ привозили такихъ десятками, только не затѣмъ чтобы жениться на нихъ.“

Князь Черемисовъ вышелъ за княземъ и сталъ звать вечеромъ къ себѣ. Данило отказывался всячески, но Черемисовъ такъ присталъ къ нему что онъ обѣщалъ быть на минуту.

Пріѣхавъ домой, Данило велѣлъ все готовить къ отъѣзду чтобы въ ночь выѣхать. Онъ нашелъ брата на постели грустнаго и съ глазами красными какъ у кролика.

— Что-нибудь да есть новое, обрадовался Данило, и ни слова не сказалъ брату о послѣднемъ впечатлѣніи вынесенномъ изъ дома Уздальскихъ.

VIII.

Князь Черемисовъ былъ богачъ-помѣщикъ изъ Татаръ. Онъ окрестился только въ двадцать лѣтъ, по желанію отца своего, перешедшаго въ христіанство со всею семьей и домочадцами. Обращеніе его въ православіе, казалось, принесло несчастіе всей семьѣ, къ великой радости его единовѣрцевъ и къ изумленію Русскихъ. Въ десять лѣтъ, изъ большой семьи, двухъ стариковъ, четырехъ сыновей и трехъ дочерей, остался одинъ младшій князь. Отецъ и двѣ дочери умерли отъ оспы, а третья сбѣжала и пропала безъ вѣсти; два сына умерли отъ пьянства въ чахоткѣ, а одинъ утонулъ.

Отецъ Черемисова при крещеніи измѣнилъ имя Шакой на имя Андрей. Младшій сынъ, носившій имя Бахтіаръ и прозвище Улусъ, назвался въ крещеніи Борисомъ, но почему-то, сначала въ семьѣ, а затѣмъ и въ обществѣ, остался съ прозвищемъ, и изъ всѣхъ по привычкѣ называвшихъ его Улусомъ Андреевичемъ немногіе знали его настоящее имя. Даже празднуя и обѣдая у него, ежегодно, въ день Бориса и Глѣба,

никто не задумывался надъ вопросомъ: какимъ образомъ князь Улусъ Андреевичъ Черемисовъ именинникъ въ этотъ день?

Князь, уже по смерти отца, женился на сестрѣ пріѣзжаго доктора Джули. Вѣрнѣе сказать, Италіанка хитро женила на себѣ богатаго principe, но проживъ вмѣстѣ три года, они разстались, потому что Francesca Giuli оказалась характеромъ сатана. Однажды, послѣ того какъ она бѣгала по дому за Улусомъ Андреевичемъ съ ножомъ, грозя его зарѣзать, не днемъ такъ во снѣ, князь выѣхалъ изъ дому, потомъ жаловался въ Петербургъ, прося развода, и получилъ позволеніе разстаться съ женой обезпечивъ ее существованіе. Князь передалъ ей одно большое имѣніе въ сосѣднемъ съ Казанью намѣстничествѣ. Чрезъ два года, за свирѣпое обращеніе съ рабами и въ особенности вслѣдствіе скоропостижной смерти сельскаго дьякона-красавца у нея въ кабинетѣ, княгиня Франческа была взята въ опеку, а князя обязали принять имѣніе назадъ, женѣ же выдавать ежегодную пенсію.

Братъ Франчески, Джузеппе, которому князь хотѣлъ поручить жену и платить пенсію обоимъ, отказался и отъ сестры и отъ денегъ. Онъ вообще не бралъ у богача зятя ни гроша, жилъ медициной и получалъ впрочемъ большой доходъ считаясь лучшимъ докторомъ во всей провинціи.

Два сына князя, еще маленькіе, остались съ нимъ, и одного изъ нихъ, Бориса, онъ обожалъ до страсти. У Франчески, уже послѣ размолвки, родился еще сынъ и остался при ней. Князь Черемисовъ смѣялся своему пріятелю и вѣчному должнику Ахлатскому.

— Онаго, братъ, бери ужь ты на свое попеченіе.

— Возьму, отшучивался Ахлатскій.—Опасаюсь токмо что онъ какъ выростетъ да заговоритъ, то первое же скажетъ: Паки, паки міромъ Господу помолимся.

Черемисовъ прежде всего любилъ ѣсть и пить, и славился въ городѣ хлѣбосольствомъ, обѣдами и винами. Затѣмъ онъ давалъ всякому взаймы и почти навязывалъ тѣмъ кто не бралъ.

— Вотъ за карбованцы меня и любятъ люди, объяснялъ онъ.—Даромъ любить не будутъ.

Состояніе было большое, однако уже начинало шататься. Въ особенности раззоряли князя не обѣды, не пріемы и не ссуды въ долгъ безъ отдачи, а общій порокъ, карты, съ по-

стояннымъ проигрышемъ. Ахлатскій бралъ у друга-пріятеля сколько могъ, но Черемисовъ не жалѣлъ.

— Что Сила Титычъ? говорилъ про него князь.—Онъ воробей на гумнѣ. Картищи проклятыя, вотъ что заѣло нашего брата дворянина.

Князь любилъ говорить часто что онъ *русскій человѣкъ* и *дворянинъ*, будто старался этимъ заставить всѣхъ позабыть что онъ новокрещенъ. Не было ему большей обиды какъ если кто, шутя или на зло, назоветъ его „перекресть!"

Князь Черемисовъ, вернувшись домой отъ Уздальскихъ, отправился къ своимъ пріятелямъ конфедератамъ. Бжечинскіе жили во флигелѣ его дома даромъ и даже стоили ему денегъ, потому что Черемисовъ отказался брать съ казны нѣсколько рублей въ годъ полагаемыхъ на наемъ квартиры для ссыльныхъ и, поселивъ Бжечинскихъ у себя, отдѣлалъ большой флигель заново.

Братья Бжечинскіе были Барскіе конфедераты, взятые въ плѣнъ и сосланные въ числѣ многихъ другихъ въ Казань, гдѣ ихъ всѣхъ было нѣсколько сотъ человѣкъ. Съ ними вмѣстѣ попалъ и Французъ Дюваль, выходецъ изъ Бургундіи, портной, открывшій въ Варшавѣ магазинъ платья, а затѣмъ ставшій въ ряды партизановъ конфедераціи, прельстившись чиномъ офицера который ему обѣщали.

Братья Бжечинскіе долго оставались въ Петербургѣ на особомъ попеченіи и присмотрѣ, но когда правительство замѣтило что они стали вліятельнымъ центромъ польскаго кружка имѣвшаго большія средства, тайныя совѣщанія и частыя сношенія, не только съ Польшей, но съ Франціей и даже съ Турціей, то ихъ отправили обоихъ въ Казань. Дюваль, мастеръ на всѣ руки, отправился за Бжечинскими, такъ какъ со времени плѣна исправлялъ у нихъ должность портнаго, эконома и учителя французскаго языка. Дюваль тоже составлялъ изъ травъ какіе-то духи для Яна и переплеталъ книги для Казиміра, и кромѣ того училъ перваго играть на флейтѣ, а второму переписывалъ набѣло огромныя письма и донесенія о Россіи и Русскихъ къ кому-то во Францію, кто титуловался въ письмахъ: *Monseigneur* и *Excellence*. Въ Казани Дюваль вдругъ (неизвѣстно какъ) разжился, взбунтовался противъ Поляковъ, и отъ зари до зари болтался по городу, обѣдая, ужиная и даже ночуя внѣ дома, у безчисленныхъ знакомыхъ, гдѣ игралъ на флейтѣ, показывалъ фокусы, кроилъ узенькіе

атласные жилеты новѣйшаго фасона *à la puce molestée* и kakie-то суконные колпаки которые прозвалъ *calotte chismatique*. Наконецъ, говоря на языкѣ полу-польскомъ, полу-русскомъ, довольно понятно, Дюваль пускалъ турусы на колесахъ про Парижъ, гдѣ никогда не бывалъ, про кузена виконта или дядю маркиза никогда не существовавшихъ и т. д. Янъ Бжечинскій сердился на отбившагося отъ рукъ портнаго, но молчалъ по приказу старшаго брата, а Казиміръ самъ не мѣшалъ Дювалю врать, за то что Французъ съ своей стороны честно молчалъ про всѣ письма во Францію къ Excellence которыя прежде переписывалъ.

Братья Бжечинскіе были родомъ изъ Бѣлоруссіи, аристократы и съ порядочнымъ состояніемъ. Ихъ было четыре брата. Янъ и Казиміръ попали въ число основателей Барской конфедераціи; кромѣ того Казиміръ замѣшался и въ дѣло извѣстнаго похищенія короля Станислава. Третій братъ, тоже конфедератъ, бѣжалъ въ Америку и прославился тамъ своими подвигами въ войнѣ за независимость; четвертый отправился въ Турцію и былъ уже турецкимъ беемъ. Оставшійся дома, старикъ дядя управлялъ общими дѣлами и высылалъ денегъ только двумъ казанскимъ плѣнникамъ, такъ какъ другіе двое не нуждались въ средствахъ. Самый умный и дѣльный изъ четырехъ былъ старшій, Казиміръ, воспитанный во Франціи въ іезуитской школѣ и знавшій восемь языковъ, астрономію и даже немного астрологіи и алхиміи. Всегда угрюмый, почти мрачный, онъ за исключеніемъ своихъ не знался ни съ кѣмъ кромѣ губернатора, Черемисова, Андрея Уздальскаго и Измаилъ-бея; съ остальными Казанцами онъ оставался на шапочномъ знакомствѣ и сидѣлъ дома занятый чтеніемъ и письмомъ. Младшій изъ всѣхъ братьевъ, Янъ, напротивъ ѣздилъ всюду, всегда щегольски одѣтый, всегда любезный, особенно съ женщинами, кокетливый съ дѣвушками, услужливый и почтительный со старухами. Яна всѣ любили, а нѣкоторыя молоденькія и обожали. Онъ былъ красавецъ и молодецъ на стрѣльбу, верховую ѣзду и танцы. Отношенія сорокалѣтняго Казиміра къ двадцатидвухлѣтнему брату были отношенія отца къ любимому сыну. Казиміръ баловалъ брата предоставляя ему всѣ деньги на наряды, веселье и карточную игру, но часто и журилъ его, хотя исключительно за одно и то же: за дружбу съ Ахлатскимъ и другими ему подобными. Янъ обѣщался отдалять-

ся, быть больше въ своемъ кружкѣ конфедератовъ, но снова увлекался, и если не дружился въ дѣйствительности съ казанскою кутящею молодежью, то все-таки часто шалилъ вмѣстѣ съ другими, праздными сорви-головами.

Однажды только, и недавно, Казиміръ былъ взбѣшенъ на Яна, разбранилъ его, выгналъ отъ себя, и не говорилъ съ братомъ цѣлую недѣлю. Причина была немаловажная. Янъ просилъ позволенія жениться. Предъ баломъ Бранта они снова помирились, и Казиміръ былъ слишкомъ погруженъ въ свои занятія чтобы замѣтить за кѣмъ волочится братъ, на комъ собирался жениться, и прошла ли эта нелѣпая затѣя.

Когда князь Черемисовъ явился къ друзьямъ, то еще изъ прихожей услыхалъ громкій и гнѣвный голосъ Казиміра, большею частью скупаго на слова, а тѣмъ болѣе на длинныя рѣчи и споры.

— Что̀ такое приключилось? спросилъ входя князь, не понимавшій по-польски.

Янъ молча лежалъ на диванѣ, угрюмый и грустный, а Казиміръ полусидя на письменномъ столѣ, однообразнымъ, но сильнымъ голосомъ, какъ всегда безъ жестовъ и не поднимая глазъ отъ полу, горячо объяснялъ что-то брату. При появленіи Черемисова онъ замолчалъ и на повторенный вопросъ отвѣчалъ сухо:

— Мало ли что̀ у брата съ братомъ есть,—и прибавилъ:— Испортила мнѣ Яна ваша Казань. Я буду просить императрицу о ссылкѣ насъ куда-нибудь, хоть въ Сибирь.

— Спроси у князя, правду ли я говорю? вымолвилъ Янъ по-русски, голосомъ дрогнувшимъ отъ волненія и грусти.

Казиміръ молчалъ съ минуту и отвѣчалъ брату по-польски.

— Если хочешь посредника и судью между нами, я и на это согласенъ. Но выбери по крайней мѣрѣ кого изъ нашихъ, хоть Потоцкаго. Но я предупреждаю тебя въ послѣдній разъ, я не хочу чтобы ты уступилъ мнѣ. Я хочу тебя убѣдить. Хочу чтобы ты самъ понялъ и отказался по доброй волѣ. Въ нашемъ положеніи некогда только плясать, да кутить, нельзя и жениться. Надо быть готовымъ каждый день пожертвовать собой. А что касается дѣвушки, то въ ней польскаго только одна бойкость... Вотъ все! Больше я говорить не буду.

Казиміръ подавилъ тяжелый вздохъ и обернулся къ Черемисову.

— Время къ вамъ въ гости... Пойдемъ.

И всѣ трое вышли и отправились въ домъ.

— Гнѣвный онъ у тебя, мотнулъ головой Черемисовъ на шедшаго впереди Казиміра. Янъ тоскливо улыбнулся:—Злюка? А? Змѣй Драконычъ? А? Правда ль моя?

Необычайное происшествіе, надѣлавшее много шуму въ городѣ, послужило поводомъ къ вечеринкѣ Черемисова.

Андрей Уздальскій, отправившись однажды, года за два предъ тѣмъ, по дѣламъ въ Макарьевъ, привезъ оттуда съ собой красивую крымскую Татарку, которую купилъ за пятьсотъ рублей у какого-то астраханскаго купца, пріѣхавшаго на ярмарку съ персидскими товарами. Татарка краденая изъ Бахчисарая и проданная сначала въ Ростовѣ-на-Дону, попала въ Царицынъ, и купленная опять проѣзжимъ купцомъ, была продана на Макарьевской ярмаркѣ Андрею и стала баловнемъ Казанцевъ. Всѣ ее дарили, всѣ о ней заботились, и всѣ завидовали покупкѣ Уздальскаго. Черемисовъ даже ѣздилъ послѣ того тайно отъ друзей на ярмарку, въ надеждѣ купить такую же *крымку*, но безъ успѣха.

Шерфе, съ крымскимъ типомъ лица, была красивое, но крошечное существо, съ виду ребенокъ лѣтъ двѣнадцати, и это именно и составляло ея прелесть для всѣхъ. Въ Казани процвѣтали татарскіе и калмыцкіе типы; маленькія сѣренькія щелки вмѣсто глазъ, широкія скулы, курносые, рѣдко красивые, а чаще расплюснутые носы, и наконецъ, рыжеватые или желто-бѣлые волосы. Шерфе была отмѣтнымъ соболемъ, съ своею длинною черною косой, съ своими миндалевидными черными глазами, съ горбатымъ тонкимъ носикомъ, со вздернутыми ноздрями и съ вѣчно-матовымъ лицомъ. Вдобавокъ это была безпокойная и огневая фигурка, то страстно тоскливая, то бѣшено веселая, съ горящимъ взоромъ и неумолкаемымъ хохотомъ на тонкихъ губахъ. Подчасъ случалось ей и пылить, больше изъ ревности, и она кидалась на разсердившаго ее противника, царапала его длинными ногтями, или быстрымъ движеніемъ снявъ башмакъ съ крошечной ноги кидалась бить имъ своего врага изо всей силы по головѣ. Но существо это было слишкомъ мало, слабо, производило только смѣхъ и становилось потѣхой даже въ гнѣвѣ своемъ.

Многіе, въ томъ числѣ и Черемисовъ, давно упрашивали

Андрея продать или подарить имъ Шерфе, но Уздальскій, которому Татарка начинала прискучивать, изъ самолюбія не уступалъ ее никому. Теперь, съ пріѣздомъ въ Казань, онъ объявилъ вдругъ что привезъ съ собой изъ деревни Шафку или Шарика, такъ прозвали Шерфе, и намѣренъ ради своей свадьбы подарить ее кому-нибудь.

Охотниковъ явилось такъ много что придумали продавать Шерфе съ торговъ, кто больше дастъ; но Андрей не захотѣлъ торга и рѣшилъ что онъ отдастъ звѣрка кому выпадетъ онъ по жеребью. Шерфе разумѣется и не безпокоилась когда узнала что будутъ участвовать въ жеребьи только пріятели Андрея, и весело поѣхала съ Уздальскимъ на вечеръ.

Когда князь Хвалынскій явился къ Черемисову, то нашелъ уже тамъ все собравшееся общество; отчасти все тѣхъ же кого онъ уже видѣлъ вчера на балѣ, помимо двухъ, трехъ новыхъ личностей.

Прежде всего Черемисовъ сталъ просить Данилу помириться съ Яномъ и къ своему даже удивленію нашелъ въ князѣ полную готовность на это.

Янъ, слегка смущаясь, первый подошелъ къ князю, послѣ того какъ Казиміръ, повернувшись быстро на каблукахъ, вышелъ изъ горницы и ушелъ къ себѣ. Данило былъ въ духѣ и почти охотно заговорилъ съ Яномъ.

Какъ это случилось, князь самъ не зналъ. Часто приходилось ему въ жизни поступать на основаніи разсужденія: *такъ*, или: *пожалуй*, или: *что за важность*.

Когда Данило отошелъ отъ Яна, къ нему, человѣку высокаго роста, приблизилось вдругъ крошечное существо въ красномъ платьѣ, съ золотымъ поясомъ, и прыгнувъ на него повисло на шеѣ. Онъ невольно вздрогнулъ; многіе разсмѣялись.

Шерфе пристально разглядѣла его носомъ къ носу и пискнула:

— Можно въ губы?

И не дожидаясь обыкновеннаго въ этомъ случаѣ отъ каждаго отвѣта, она поцѣловала его, потомъ соскочивъ на полъ, перебѣжала, вспрыгнула на диванъ, и повозившись какъ собака на одномъ мѣстѣ, усѣлась поджавъ ноги подъ себя.

Когда князю объяснили все, онъ сѣлъ около Шерфе и усмѣхаясь сталъ разглядывать ее. Звѣрокъ понравился и ему. Шерфе тотчасъ же перелѣзла къ нему на колѣни и стала

молча гладить его по головѣ и по плечу, какъ сталъ бы иной охотникъ гладить лошадь по холкѣ. Затѣмъ Шерфе подозвала Андрея и сказала ему:

— Продай Шерфе вотъ этой человѣкъ!

И она начала жалостливо упрашивать Данилу купить ее, при громкомъ хохотѣ и шуткахъ всѣхъ. Князь соглашался не то шутя, не то серіозно, но Андрей не хотѣлъ измѣнить избранному способу передать Шерфе въ другія руки.

Въ числѣ новыхъ для князя личностей былъ Французъ Дюваль, съ которымъ онъ заговорилъ не твердымъ французскимъ языкомъ, а затѣмъ Разумникъ Бѣлокопытовъ съ распухлою рожей и съ огромнымъ ячменемъ на глазу, отъ котораго его глупое лицо казалось не то удивленнымъ, не то испуганнымъ.

При смѣхѣ, говорѣ, даже гулѣ голосовъ, начался жеребій, и черезъ полчаса всякой возни, причемъ каждый предлагалъ свой способъ жеребья, Татарка выпала на долю наименѣе плѣненнаго ею. Андрей шутя взялъ Шерфе на руки и передалъ ее выигравшему Яну. Конфедератъ слегка смутился при всѣхъ взглядахъ и шуткахъ обращенныхъ къ нему; когда же Шерфе стала разглядывать его лицо, какъ бы видя его въ первый разъ, или желая провѣрить въ эту важную минуту впечатлѣнья прежняго времени, то поднялся безумный гвалтъ.

Шерфе, оглядѣвъ Яна, перешла тихо (обыкновенно она всегда и всюду скакала) къ князю Данилѣ, и оглядѣвъ его въ свою очередь, обратилась къ Андрею съ угрозой и съ укоризной.

— Дуракъ! Свинія! Вотъ! Зачѣмъ не этой человѣкъ далъ минія. Это хорошо, а та—не знаю.

Хохоту не было конца.

Князь Данило вскорѣ, не дожидаясь ужина, распрощался извиняясь неотложнымъ отъѣздомъ въ Азгаръ.

Съ отъѣздомъ князя многіе гости какъ-то пріободрились и повеселѣли. Петербургскій князь стѣснялъ ихъ. Селимъ пустился въ шутовскіе разказы о свирѣпости Яна и совѣтовалъ Шерфе чтобъ она ушла отъ Бжечинскаго къ нему.

Ахлатскій разказалъ какъ вымазалъ углемъ одного купца изъ гостинаго двора, который приходилъ за полученьемъ по счету. Дюваль вдругъ ахнулъ, вспомнилъ что-то, полѣзъ въ карманъ и вынувъ бумажку вымолвилъ:

— Dites donc, vous autres, que signifie ceci en russe:—И Дюваль прочелъ написанное французскими буквами:

— Iabi vasse pluque ami encore mille!

Никто не понялъ.

— Cependant, c'est du russe, morbleu. Du moscovite tout pur. Ça m'a été dit ce matin, et je l'ai inscrit pour ne pas l'oublier. Не вѣмъ цо то есть, но то русски phrase.

Долго бились всѣ надъ загадкой. Дюваль клялся что ему это сказалъ мужъ одной его знакомой чиновницы.

Черемисовъ сѣлъ въ уголъ съ бумажкой, и ломая себѣ голову прочиталъ громко разъ пятнадцать кряду.

— Iabi vasse pluque ami encore mille!

Въ эту минуту вошелъ скрывавшійся изъ гостиной дюжій Разумникъ и вдругъ услыхалъ громкій голосъ Черемисова не обращенный ни къ кому, тогда какъ глаза его были устремлены на вошедшаго.

— За что̀ же-съ? вымолвилъ Разумникъ удивленно въ отвѣтъ князю.

— Что за что̀? удивился и Черемисовъ.

— Вы изволите говорить, плюхами бы меня накормили. За что̀ же-съ?

Черемисовъ заоралъ:—Ура! Загадка разъяснилась.

Дюваль, несмотря на свой всегда мѣдный лобъ, немного оплѣшилъ при дружномъ хохотѣ всей компаніи отъ фразы:

— Я бы васъ плюхами накормилъ.

Онъ взялъ свою флейту и сталъ играть, а затѣмъ запѣлъ было романсъ:

Dis moi, Nannette, pourquoi je t'aime?...

Но не кончилъ и заоралъ во все горло:

Vive Henry Quatre!
Vive ce roy vaillant!
Ce diable à quatre,
Ce modèle des amants! и т. д.

И послѣ требованія Селима объяснить смыслъ, перевелъ такъ: „Хорошій король Анри четыре. И хорошій молодецъ. Чортъ сердитый. Очень много любитъ дѣвицъ,“ и т. д.

Черемисовъ нашелъ что такая пѣсня про короля или царя неприлична и спѣлъ въ свою очередь:

Ужь и гдѣ ты, жена, шаталася,
Домой запоздалася?
Я тебя гульная баба
Отмочалю за космы!

Когда онъ кончилъ длинную пѣсню, Дюваль обернулся къ одному конфедерату Туровскому, и выговорилъ:

— Ils appellent ça une romance? Les malheureux! И онъ съ гримасой заткнулъ носъ.

Послѣ этого сѣли за столъ, а послѣ ужина и послѣ многихъ опустѣвшихъ бутылокъ не было конца тѣмъ штукамъ которыя придумала повеселѣвшая компанія чтобы справить свадьбу Яна и Шерфе (будто бы) по-мордовски, съ разными подробностями.

Напрасно Янъ отказывался, Шерфе была въ восторгѣ, и подпившее общество исполняло надъ ними обычай за обычаемъ и придумывала не вѣсть что.... Даже гимназистъ Разумникъ, самъ-другъ съ ячменемъ, смущались, глядя на эту свадьбу и наконецъ оба покраснѣли, одинъ изъ конфуза, другой отъ жары.

IX.

Князь Иванъ заболѣлъ отъ душевной борьбы. Онъ пробовалъ разлюбить свою Параню, и отъ одной этой пробы въ одинъ день похудѣлъ какъ спица. Черезъ сутки братья усѣлись въ рыдванъ, но отъѣхавъ нѣсколько шаговъ отъ дому встрѣтили посланнаго отъ губернатора за Иваномъ. Этотъ хотѣлъ было дать на водку посланному и отдѣлаться, но Данило воспротивился нарушенію *служебнаго долга*. Черезъ полчаса Иванъ вернулся отъ Бранта съ новымъ порученьемъ ѣхать въ Оренбургъ, и чуть не плакалъ.

Данило, не зная какъ лучше уговорить и утѣшить брата въ его неожиданномъ горѣ, рѣшился было передать ему слышанное секретно отъ Бранта о самозванцѣ, но подумавъ нашелъ что не слѣдъ и брату родному разглашать *государственную тайну*.

Братья простились, и Данило второй разъ съѣхалъ со двора окруженный своею конницей.

Не задача была князю въ пути. Въ тотъ же день, въ сумерки, онъ неожиданно застрялъ на половинѣ дороги между Казанью и Азгаромъ. На второмъ переѣздѣ, послѣ часоваго роздыха, путники наѣхали вдругъ на заставу около какой-то маленькой деревушки. Рыдванъ и конныхъ остановили нѣсколько мужиковъ, которые перегородивъ дорогу околицей,

сколоченною кой-какъ изъ сосновыхъ лѣсинъ, требовали съ молодцовъ полтину за проѣздъ.

Наѣздники зашумѣли, и крики скоро перешли въ драку. Дремавшій князь очнулся и выглянулъ въ окно. При видѣ мундира, мужики оплѣшили и не говоря ни слова бросились со всѣхъ ногъ бѣжать отъ своей заставы въ поле. Снова началась травля какъ за Яшкой въ Никитскомъ. Двоихъ тотчасъ же поймали и привели къ князю.

Оказалось что они самовольно выстроили заставу и собирали деньги. Хвалынскій хотѣлъ ихъ сдать въ деревушкѣ, но въ ней не нашлось ни единой души. Даже страшно было смотрѣть на пустую улицу и пустые дома. Словно чума прошла здѣсь. Мужики объяснили что всѣ души были проданы помѣщикомъ Уздальскимъ на свозъ въ другой уѣздъ, а изъ оставшихся въ деревнѣ пятнадцати душъ кто попалъ въ бѣгуны, а кто перешелъ жить въ сосѣднее село Таковское. Въ устроеніи заставы мужики каялись.

— По бѣдности, родимый, прокормиться нечѣмъ.

Князь велѣлъ разбросать околицу, а затѣмъ повезъ мужиковъ за пять верстъ въ Таковское. Они дорогой увѣряли молодцовъ князя и божились что съ другихъ примѣръ взяли. Что заставъ видимо-невидимо въ околоткѣ по всѣмъ проселкамъ, только они вотъ сглупили съ Митюхой солдатомъ который научилъ ихъ выстроиться на больно ужь важномъ трактѣ.

Мужики однако не пріуныли, и все время что ѣхали съ молодцами, тоже посаженные на лошадей, подсмѣивались другъ надъ другомъ.

— Во̀ Петруха и заставили столбовую! Вотъ-те и караульщики! Буде остановлять ѣздоковъ!

— Теперь сами поѣхали! отшучивался Петруха.

— И не зажило, а опять подкладывай!

— А ты, Егорка, не свались! Убьешься! подсмѣивался Петруха надъ тѣмъ что оба были привязаны къ сѣдламъ.

— Ишь, вѣдь, разбойники! удивлялись молодцы князя.—Смѣхоту завели. Ни почемъ.

Еще за полверсты отъ Таковскаго, всѣ замѣтили сильное движенье на слободѣ.

— Ѣхать ли туда, Данило Родивонычъ? шепнулъ кучеръ Митраха оборачиваясь съ козелъ къ князю. — Тамъ кажись не ладно. Бунтъ пожалуй.

Данило смутился, но тотчасъ же взбѣсился на себя за эту мгновенную робость.

— Пошелъ! крикнулъ онъ сердито, но однако осмотрѣлъ кремни на пистолетахъ и всыпалъ свѣжаго пороху.

При въѣздѣ въ село, онъ велѣлъ остановиться и выйдя изъ экипажа пошелъ пѣшкомъ. Слобода была залита толпой.

— Чтò за сборъ здѣсь? вымолвилъ князь сурово и важно, подходя къ одной кучкѣ.

Нѣсколько человѣкъ тихонько и молча разошлись и разсыпались, а бѣлобородый центръ кучки, старики на подборъ, встрѣтили Хвалынскаго со смущеньемъ и поклонились посникавъ шапки.

— Чтò за сходъ у васъ? спросилъ снова князь.

Передніе упали на колѣна.

— Чтò вы? изумился Хвалынскій.

— Милостивецъ, не гнѣвайся! Коли насъ обжаловали, ты не вѣрь! заговорилъ одинъ старикъ. — Мы токмо запоздали мало, потому раззоръ великъ. А коли обождешь малость, мы сполна какъ завсегда внесемъ по силѣ своей.

— А разсуждали мы, родимый, что не сберешь ни алтына охотой, а надо избы обшарить, прибавилъ другой сѣдобородый.

— Чтò такое? Поясни, старина.

— Времена тягостныя. Мы все же внесемъ тебѣ чтò есть, государь. Въ руки внесемъ, токмо обожди мало.

— Добро, добро. Сказывай напередъ, почтò сходъ у васъ?

— На присягу.

— Какую присягу?

— Самъ вѣдаешь, милостивецъ. Государынѣ присягаемъ.

— Какъ? Вы еще не присягали? Да Государыня ужь сколько лѣтъ какъ Божьей милостью царствуетъ.

— Вѣстимо Божьей милостью, родимый, и сколько лѣтъ, безсмысленно повторилъ мужикъ.—Вотъ мы каждый мѣсяцъ ей, матушкѣ, и присягаемъ. И въ запрошлый присягали, а нонѣ тожь первое число, Покровъ. Сего грѣха за нами нѣтъ чтобы не присягать. Токмо вотъ по бѣдности, иждивенья не хватаетъ за присягу. Ужь больно часто.

Князь ни слова не говоря велѣлъ вести себя ко священнику, который неожиданно оказался переведенный изъ Сокольскаго, знакомый князю и даже его бывшій учитель, отецъ Ареѳа.

Добрый старикъ невообразимо обрадовался узнавъ ученика-князиньку и охотливо объяснилъ ему все то же.

— Усердствуемъ, князинька, прихожане народъ богобоязный, сказалъ отецъ Ареѳа, усадивъ князя за столъ и угощая простоквашей.—Начальство весьма довольно... Только сердце ноетъ глядя на раззореніе мужиковъ.

— Кто жь указалъ вамъ, батюшка, приводить такъ народъ къ присягѣ каждый мѣсяцъ?

— Государственный тайный ассессоръ, по тайной коллегіи начальникъ, внушительно сказалъ отецъ Ареѳа.

— И онъ самъ пріѣзжаетъ за деньгами?

— Вѣстимо, самъ и съ своею челядью. Вотъ какъ и вы, князинька, великій вельможа.... У меня на дому стоитъ каждый разъ и обѣщалъ мнѣ за усердіе камилавку.

„Ты, батюшка, не врешь ли? Не себѣ ли ты сборъ прячешь?“ подумалъ Данило, но вспомнилъ какою доброю славой пользовался издавна отецъ Ареѳа.

Поговоривъ еще князь убѣдился въ неподдѣльной правдѣ священника, а мужики подтвердили его слова. Государственнаго ассессора ждали чрезъ два дня, потому что указавъ присягу каждый мѣсяцъ онъ пріѣзжалъ въ первыхъ числахъ за деньгами. Князь задумался. Не велѣть мужикамъ платить значило спутать ихъ и произвести пожалуй бунтъ, а затѣмъ усмиренье.... Онъ рѣшился донести подробно обо всемъ Бранту, и написавъ письмо отправилъ одного изъ своихъ наѣздниковъ въ Казань гонцомъ. Бранта просилъ онъ прислать команду въ Таковское, чтобы перехватать злоумышленниковъ и доставить ихъ подъ конвоемъ въ Казань. Самъ князь рѣшился ждать команды и ассессора.

„Это моя обязанность вѣрнаго подданнаго, утѣшалъ онъ себя: по долгу службы и присяги и по христіанскому долгу, обязанъ я отложить путь и кончить здѣсь мытарство крестьянское. Еслибы всѣ мы вѣрные подданные матушки государыни поступали такъ какъ я въ семъ случаѣ, то и неурядица была бы на Руси меньшая.“

Отъ нечего-дѣлать князь бесѣдовалъ со своимъ старымъ учителемъ.

— Доподлинно сказываю вамъ что кончанье свѣту приходитъ, грустно говорилъ отецъ Ареѳа. — Все предзнаменуетъ оное кончанье, яко Христосъ Господь заповѣдовалъ намъ.... Въ Писаніи сказано: умноженіе зла, войны великія, проло-

вѣдь евангельская по всѣмъ земли краямъ. Смекайте-ко, князинька. Зло на Руси превеликое какого и не бывало. Войны съ Туркой устрашенныя, да и Татаръ казанскихъ повелѣно крестить и мечети ихъ валить. Да сбудутся слова Писанія!— И отецъ Ареѳа прослезился, потомъ прибавилъ утирая глаза:— И ко всему-то этому и царя нѣтъ на Руси.... А что̀ то за земля безъ царя? Пропадать ей пропадомъ безпремѣнно.

— Что̀ вы, батюшка, царь россійскій—наша матушка Екатерина Алексѣевна.

— Хорошо бъ ежели бы Катерина Алексѣевна, все бъ было лучше, а то никого.... Слышь царьки разные правятъ, какіе изъ Русскихъ, а какіе и изъ Нѣмцевъ, изъ нехристей. Ихъ, слышь, великое множество. Одинъ сказываетъ: я того желаю на Руси. А другой ему въ отвѣтъ: я по сему не дозволю чинить.... Эдакъ по-моему не гоже. А третій говоритъ: Врете вы всѣ. Я во какой указъ напишу! И выходитъ, князинька, отъ того по всей Руси великое противорѣчіе. И на селѣ иномъ, коли двое, либо трое баръ, какая околесица бываетъ! Великому же царству наипаче отъ такихъ-то цариковъ карачунъ быть долженъ. Примѣчайте какъ пригоже было при Елизаветѣ Петровнѣ, поелику матушка была изъ царевъ, Петра Алексѣича дщерь единокровная. Правила одна голова, ну непорядковъ и не было. Либо вотъ заступникъ нашъ, солнышко ясное, императоръ россійскій Петръ Ѳеодорычъ.... Почто онъ не царствуетъ? Чѣмъ прогнѣвали мы его царское величество?

Князь, молчавшій до тѣхъ поръ и внимательно слушавшій добраго старика, сказалъ наконецъ:

— Петръ Ѳеодоровичъ померъ, батюшка, и ему наслѣдовала его законная супруга, Екатерина II.

— Да это я слыхалъ, князинька. Слухъ эвотъ пущенъ былъ и у насъ....

— Да вы, кажись, не вѣрите. Вы полагаете что императоръ Петръ III не скончался, а только не царствуетъ....

— Я того, Данило Родивонычъ, изпровидѣть очами разума не возмогу: то дѣло государское, а не мое, попово. Его царева на то воля. Буди, какъ ему, отцу милостивому, угодно.... А коли вы позволите, я такъ ти разсужу его. Всѣ мы предъ Господомъ Богомъ поравенно судимы будемъ.... И всѣ мы тамъ ровни, что̀ царь, что̀ попъ, что̀ князь, и Господь запроситъ такъ и у царя, яко бы у пастыря: Почто ты паству

свою не упасъ, не призрѣлъ, и волчьей ехидности предалъ на разтерзаніе?...

Хвалынскій долго, но напрасно, убѣждалъ старика.

— Откуда эти у васъ мысли сомнительныя? Не государственный ли этотъ асессоръ въ таковыхъ мысляхъ наставляетъ васъ? спросилъ князь.

— Какъ можно? Я съ нимъ не отваживался о таковомъ бесѣду вести. А слухомъ земля полнится. И правду ничѣмъ, князь, не укроешь. Кабы Петръ Ѳеодорычъ былъ на небо взятъ, такъ не стали бы его въ живыхъ почитать. А что манифестъ объ его смерти я самъ читалъ, то правда; но тогда же, родимый, никто этому отводу вѣры не далъ.

Несмотря ни на какія увѣренья, отецъ Ареѳа только головой сѣдою качалъ....

— Почто же, князь, ежели доподлинно Петръ Ѳеодорычъ у Господа, почто законный преемникъ его не правитъ отечествомъ своимъ? Почто Павелъ Петровичъ не коронуется? Ась?! Священникъ добродушно и лукаво подмигнулъ, полагая что разбилъ въ дребезги всѣ доводы князя однимъ этимъ словомъ.

— По то не правитъ что ему только нынѣ совершеннолѣтіе вышло....

— Истинно, такъ. Ну стало нынѣ и приметъ Всея Россіи правленье-то? снова подмигнулъ Ареѳа своимъ сѣрымъ глазкомъ.

— Это, батюшка, не наше дѣло вѣдать и судить, сухо отвѣчалъ князь.—Какъ Государынѣ угодно будетъ. А наше дѣло молить Господа о сохраненіи ея жизни и здравія на благоденствіе земли Русской....

Священникъ вздохнулъ, провелъ рукой по серебряной бородѣ и смолкъ очевидно несогласный съ княземъ.

Князь, плохо проспавъ ночь въ душномъ домикѣ священника, рано утромъ вышелъ прогуляться по слободѣ....

— Данило Родивонычъ, подошелъ къ нему кучеръ Митраха, — повели двумъ молодцамъ съ тобой неотлучно быть. Село это, сдается на мой глазъ, худое. Мужичье подлое, такія все окаянныя рѣчи ведутъ.... Упаси Боже!

Хвалынскій успокоилъ Митраху и пошелъ вдоль слободы Село смотрѣло уныло, многія избы были заколочены за отсутствіемъ хозяевъ которые были въ солдатахъ или въ

Сибири, а то просто въ бѣгунахъ какъ Яшка или на канатѣ какъ Савка.

Скоро кучка крестьянъ обступила князя съ разспросами кто совѣта просилъ, кто жаловался. Особенно смущены были всѣ извѣстіемъ о новомъ рекрутскомъ наборѣ и объ увеличеньи подушной....

Многіе разспрашивали князя о новыхъ деньгахъ изъ бумаги

— Годны ли онѣ?

— Все сіе маловажно, съ Божьею помощью отвертимся, сказалъ одинъ постарше. — А вотъ, милостивецъ, поясни ты намъ. Народъ баетъ, ревизія быть должна, да не простая, вишь и бабѣ счетъ сведутъ по всему царству.

— Да. Прежде этого не было, а теперь будетъ..

Мужики поглядѣли и уныло смолкли, словно ожидали опроверженья отъ князя.

— Да какая вамъ, братцы, забота что бабье въ перепись включатъ?

— Какъ, родимый? Великая напасть изъ того. Бабу доднесь въ счетѣ обходили, по то что она.... Ну баба она, не мужикъ вѣдь! Самъ ты я чай смѣкаешь, велика ль отъ бабы польза? Отъ нея одинъ гомонъ на селѣ да побрехи. Стало нонѣ мужикъ за двухъ отдувайся и подушную вноси, а то и за три, за пять душъ. У меня во двору, баба моя—разъ, да дѣвка—два, да заловка, какъ есть ледящая, въ немочи пятый годъ, да старуха тоже престарѣющая, что и не знаемъ какъ она и съ родни намъ. Ей два ста лѣтъ есть. Стало мнѣ что жь?.. Мнѣ топиться!... Гдѣ жь мнѣ отбыть всѣ поборы, да присяганья, да еще за четыре бабы подушную уплатить?

Хвалынскій объяснилъ что хотя въ ревизіи и перепишутъ женщинъ, но что подушную мужики платить будутъ по-старому.

— Нѣтъ, милостивецъ, рѣшилъ одинъ, все время молчавшій молодой мужикъ.—Коли бабу перепишутъ, то стало: плати!.. Зачѣмъ ее трогать коли порядки старые будутъ? Что, писаря-то станутъ развѣ зря трудиться надъ бабой? Вѣдь ея на Руси видимо-невидимо! Безъ пользы себѣ, писаря эдакого дѣла не затѣяли бы, народецъ не такой.

— Подлинно, бабы великое множество, и зря, али утѣхи ради, счетъ ей сводить не подстать, прибавилъ другой мужикъ.

— Одно баю я, заговорилъ первый громко и злобно.—Иди человѣки въ лѣса, иди человѣки въ скиты Божескіе, къ старцамъ. Тамо тебѣ упокой. А на селахъ да въ людяхъ нонѣ житье безпутное. Либо иди человѣки—топись!... А судъ Господень не за горами. Спроси-ко отца Мисаила.... На Москвѣ большой колоколъ есть. Царемъ-колоколомъ его звать. Онъ надысь самъ звонилъ къ обѣдни.

Хвалынскій пожалъ плечами и тихо побрелъ въ домъ священника размышляя: „Много зажился я въ чужомъ краю. Отвыкъ что ль? Всегда такое смятенье въ умахъ было, либо нынѣ токмо? И что чрезъ все это произойдетъ?“

Къ вечеру вернулся гонецъ князя изъ Казани, одинъ, и привезъ князю письмо отъ Бранта, въ которомъ губернаторъ очень благодарилъ князя за хлопоты по благоустройству провинціи, но сожалѣлъ что не можетъ прислать ни одного солдата, такъ какъ единственная команда имѣющаяся на лицо, человѣкъ сорокъ, находится въ Свіяжскомъ уѣздѣ для усмиренія бунта. Остальныхъ же человѣкъ двадцать пять инвалидовъ нельзя отнять отъ острога, охраненье котораго имъ поручено, вслѣдствіе огромнаго числа вновь присланныхъ каторжниковъ пересылаемыхъ въ Сибирь. Брантъ совѣтовалъ князю не безпокоиться о пустякахъ.

— Такъ я самъ его захвачу, упрямо рѣшилъ князь.

На зарѣ слѣдующаго дня прибылъ въ бричкѣ незнакомецъ съ четырьмя помощниками холопей. Это и былъ тайный ассессоръ: молодой малый лѣтъ двадцати пяти, плюгавый на видъ, смѣлый въ ухваткахъ, и съ оловянною звѣздой на кафтанѣ. Князь спрятался со своими людьми, и впустивъ шайку въ домикъ Ареѳы, перевязалъ всѣхъ. Ассессоръ не сробѣлъ и сталъ пугать князя каторгой. Не утерпѣлъ князь и чрезъ полчаса всѣхъ пятерыхъ передрали кнутомъ среди улицы. Обманщикъ сознался въ винѣ и назвалъ себя. Это былъ сынъ подъячаго Московскаго земскаго суда Сергѣй Подружкинъ, и дѣйствовалъ по наущенью отца. Князь не зналъ какъ доставить виновныхъ въ городъ и наконецъ удивилъ несказанно всѣхъ—отправивъ всю шайку въ Казань въ своемъ княжескомъ рыдванѣ, а самъ одинъ, верхомъ, поскакалъ въ Азгаръ.

X.

На берегу широкой, голубой Камы, верстъ за семьдесятъ отъ Азгара, приклеилось около холма прибрежнаго маленькое сельцо Ольгино помѣщика провинціальнаго секретаря въ отставкѣ, но древняго рода дворянина, Дмитрія Дмитріевича Кречетова.

Малъ золотникъ, да дорогъ, говорилось про помѣщика, пожилаго человѣка маленькаго роста; говорилось то же про его маленькую, но красивую усадьбу съ балкономъ на колонкахъ и окруженную небольшимъ садомъ съ аллеями изъ акацій и съ желтыми дорожками; говорилось то же и про сельцо, чистое, хорошо отстроенное. Все было въ Ольгинѣ мало, но все миловидно. Наконецъ была въ Ольгинѣ маленькая дѣвочка, нынѣ дѣвица и невѣста, которую знали и старъ и младъ во всемъ околоткѣ и во всей провинціи.

Помѣщикъ, вдовецъ подъ шестьдесятъ лѣтъ, и его единственная дочь были у всѣхъ примѣромъ: отецъ какъ хозяинъ, дочь какъ разумница и красавица.

Дмитрій Дмитріевичъ, живой по характеру и бодрый человѣкъ, былъ, благодаря деревенской незатѣйливой жизни, мирной и здоровой обстановкѣ, еще чуть не красавецъ собой. Его лицо было благообразно, еще румяное и безъ морщинъ, съ бѣлою головой и бѣлою пушистою бородой, которую ни за что не соглашался брить ради дворянскаго обычая. Вся его фигура маленькаго роста, но плотная и широкоплечая, его громкій голосъ, его бѣлые какъ жемчугъ зубы и наконецъ крѣпкая жилистая рука, все заставляло называть его „крѣпышемъ“ и побуждало многихъ окрестныхъ помѣщиковъ завидовать Кречетову, а равно ставить его въ примѣръ и здоровьемъ, и силой, и лицомъ. Онъ слылъ за веселаго собесѣдника, занятнаго разкащика про Бироновы порядки (на которые вдоволь насмотрѣлся онъ въ молодости, по мѣсту службы, и зналъ до мелочей), за примѣрнаго отца, обожавшаго и умно воспитавшаго единственную дочь, и въ то же время онъ слылъ за лихаго и примѣрнаго барина какихъ не было во всей провинціи. Про него разказывались поступки съ крестьянами которые заставляли однако тѣхъ же сосѣдей говорить:

— Да онъ самъ Бироновъ у себя-то. Такіе выверты подстать покойнику князю Зосимѣ Азгарскому.

Крайне добродушный на видъ, Дмитрій Дмитріевичъ былъ вспыльчивъ и горячъ до безумія, и тогда-то становился онъ страшенъ всякому даже баловню-ребенку, который бѣгалъ отъ отца прятаться за юпки мамушки. Кречетовъ и былъ въ сущности добрый человѣкъ, но сдерживалъ свою доброту, убѣждая себя что много она ему напортила въ молодости, и что не слѣдъ ему нюни распускать!

Въ то же время онъ былъ нерѣшительнаго, отчасти даже робкаго нрава во вседневной жизни. Подолгу накоплялись въ немъ досада или гнѣвъ или недовольство и въ то же время накоплялось и недовольство самимъ собой, своимъ малодушіемъ и непонятною нерѣшительностью; понемногу переполнялась чаша, капля за каплей, и наконецъ выступала черезъ край, вдругъ, сразу, непредвидѣнно ни для него самого, ни для другихъ. Бѣшеный гнѣвъ вырывался наружу безъ преградъ, дико и звѣрски, и смѣшивался съ какою-то таинственною радостью, съ какимъ-то чувствомъ довольства собой, съ самовосхищеньемъ. Тайный голосъ шепталъ ему:

— Вотъ каковъ ты молодецъ. Тебя трогай, да не больно!...

Послѣ пыла и послѣдствій его Дмитрій Дмитріевичъ смущался, какъ всѣ добрые люди, и старался скрыть свой стыдъ замѣтною напускною суровостью, и тихонько, осторожно заглаживалъ свои вины если могъ; но трудно и рѣдко возможно было загладить ихъ.... Обстановка давала средства и потворствовала тому чтобы послѣдствія гнѣва барина были часто непоправимы.

И жалѣлъ Дмитрій Дмитріевичъ, глядя на себя, что гнѣвался кратко и шибко, и жалѣлъ, глядя на другихъ сосѣдей, что онъ не уродился таковъ какъ они, то-есть съ крѣпкимъ духомъ.

— Они сотворятъ что-либо по праву своему дворянскому и не тужатъ. Да и мѣру знаютъ. Исподволь ведутъ своихъ холопей. А ты вотъ молчишь, а тамъ пугнешь какъ шальной, а послѣ того и самъ подъ лавку! Не человѣкъ ты съ крѣпкимъ духомъ, а мякина.

И Дмитрій Дмитріевичъ самъ себя часто не понималъ что̀ онъ за человѣкъ уродился. Случится ему, напримѣръ, наказать кого, и послѣ того совѣстно ему смотрѣть тому человѣку въ лицо. Иной разъ въ немъ точно два разные человѣка спорятъ, одинъ одно совѣтуетъ, а другой на другое толкаетъ.

— Ну что̀, Богъ съ нимъ, съ виноватымъ! говоритъ одинъ.— И холопъ по образу и подобію Божьему сотворенъ!

— Да ты баринъ или не баринъ?! подстрекаетъ другой...— Воленъ ты взыскивать? Твой долгъ холопей учить!...

А тутъ вдругъ часто и третій въ разговоръ этотъ душевный вступится, да и скажетъ подсмѣиваясь:

— Ахъ ты, зюзя, зюзя! Все-то ты мелешь безъ помолу. Не бояринъ ты и помѣщикъ—поладья ты!

И вскинется тогда Дмитрій Дмитричъ, шарахнется вдругъ какъ укушенный и начудеситъ... А пройдетъ дикій пылъ, и мнется и совѣстится...

Дворня и крестьяне не любили барина и не уважали, несмотря на то что жили хорошо и во всемъ околоткѣ считались самыми зажиточными и не раззореными бариномъ.

— Его овода кусаютъ! говорили Ольгинцы, насмѣшливо сравнивая гнѣвъ барина съ бѣшеными скачками самой смирной скотины отъ ловкаго укуса овода.

Одна дѣвочка-дочь обожала отца.

Милуша родилась въ сорочкѣ. Все хорошее, а даже и дурное сошлось вмѣстѣ чтобъ угодить ей и часто изъ несчастья выходило для нея счастье. Мать ея умерла когда ей было всего пять лѣтъ отъ роду, и вдовый отецъ сталъ особенно обожать своего единственнаго ребенка. Затѣмъ его самого, бѣднаго дворянина, безъ покровителей, исключили изъ службы по проискамъ враговъ сильныхъ, и какъ ни горько было ему получить этотъ *абшидъ*, онъ поневолѣ повиновался и уѣхалъ въ свое маленькое помѣстьице во сто душъ, взятое въ приданое за покойною женой. И теперь чрезъ десять лѣтъ владѣлъ онъ тремя стами душъ, добытыхъ трудами изъ любви къ дочери.

Село Ольгино (по имени покойницы) Дмитрій Дмитріевичъ холилъ и голубилъ столько же сколько и Милушу, потому что предназначалось оно ей же въ приданое. Не погуби его по службѣ враги сильные, теперь не было бы Ольгино тѣмъ чѣмъ оно есть.

Дальній родственникъ Кречетова, раззорившійся богачъ и извѣстный буянъ и силачъ, нѣкто Кустовъ, проигравъ послѣднее имущество въ карты, пошелъ по міру. Кречетовъ изъ жалости принялъ къ себѣ Кустова въ нахлѣбники. Буянъ, мотыга и игрокъ, подъ ударомъ постигшимъ его, пре-

образился. Онъ положилъ на себя обѣтъ воздержанія и смиренія въ пищѣ, въ одеждѣ, въ словѣ и поступкахъ, зарылся въ книгахъ какія только могъ Кречетовъ доставать ему изъ столицъ, и скоро сталъ примѣромъ благочестія, ума и начитанности. Ходили слухи что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ масономъ. Другіе увѣряли что онъ сдѣлался раскольникомъ-молоканомъ. Во всякомъ случаѣ онъ завелъ дѣятельную переписку съ какими-то учеными людьми въ Петербургѣ.

Несчастье послужившее ему во благо, во благо же послужило и Милушѣ. Кустовъ, холостой и бездомный, обожалъ дѣвочку своего благотворителя и занялся ея воспитаніемъ. Много уже перечитала она священныхъ книгъ со своимъ учителемъ когда ее ровесницы сидѣли за букваремъ.

Кустовъ умеръ когда его воспитанницѣ уже минуло тринадцать лѣтъ, и поэтому со смертью своей не исчезъ со свѣту безъ слѣда. Остался другой Кустовъ, красивый, молодой, черноокій, не любившій наряды и носившій всегда черненькое платьице съ бѣленькимъ фартучкомъ. Также какъ Кустовъ, выступала Милуша степенно и ровно, никогда не пылила и не сердилась, смѣялась добродушно и тихо. Она же была всеобщая заступница предъ отцомъ, чѣ было и не трудно за исключеніемъ минутъ его пыла. Также какъ Кустовъ, не пропускала она ни единаго нищаго и странника не накормивъ его и не наполнивъ его сумку всякимъ добромъ. Спокойствіе глубокое, съ виду важное и гордое, разлито было теперь во всемъ высокомъ и полномъ станѣ молоденькой Милуши. Всѣ на нее дивились, и свои, и чужіе. Лаская Милушу по гладко причесанной всегда головкѣ, Кречетовъ говаривалъ указывая на ея высокій и красивый лобъ съ тонкими бровями:

— Здѣсь у насъ тишь, да гладь, да Божья благодать.

— Святая барышня-то у насъ! говорили люди.

Милуша была счастлива... Да и отчего горевать ей? Собой красавица, здоровье Богъ послалъ крѣпкое, отецъ у нея баловникъ, мамушка Кириловна—рабъ вѣрный, песъ сторожевой, исполнитель всякаго пожеланья.

Старуха Марья Кириловна была еще мамушкой покойной матери ея, и затѣмъ выходила и Милушу. Способности, доброту нрава, даже ростъ и красоту Милуши брала старуха на себя.

— Я такую выходила! хвастала она.

Кириловна согрѣшила въ жизни своей; въ первый разъ вышла замужъ она уже пятидесяти лѣтъ, да за молодаго (года за три до свадьбы Кречетовыхъ), прожила съ молодымъ двадцатилѣтнимъ мужемъ только годъ и затѣмъ онъ утопился, а она, родивъ на свѣтъ мальчугана, за труды свои выхлопотала ему у барина отпускную. Максимка, когда ему минуло еще четыре года, былъ товарищемъ игръ, а потомъ поступилъ въ услуженье у князя Ивана и звался Максимъ Марьинъ.

У Милуши помимо Кириловны, которую она обожала, были всегда книжки хорошія и цвѣтникъ свой съ такими цвѣточками какіе только въ Питерѣ есть (Кустовъ сѣмена досталъ). Есть у нея тоже лѣсъ подъ Ольгинымъ, гдѣ она лѣтнею порой собираетъ въ кузовъ грибы бѣлые и подосиновики. Есть у нея быстрая студеная Кама, которую съ дѣтства зоветъ она Мамой, гдѣ она катается и изрѣдка уѣзжаетъ далеко въ лодкѣ съ рыбакомъ Тимошей. Или же въ полуденный жаръ лѣтній, раздѣвшись въ чащѣ прибрежныхъ камышей, она бросается въ свѣтло-синія волны, плаваетъ, ныряетъ, брызгаётся и смѣется крикамъ и аханьямъ мамушки Кириловны, сидящей на берегу; опутанная съ головы до ногъ черною косой и разсѣкая волны бѣлою грудью, сіяетъ и блеститъ она какъ русалка въ серебрѣ студеной воды... Зимой есть у нея ледяная гора, салазки атласомъ крытыя съ тонкими подрѣзами, и духъ занимается какъ летитъ она вихремъ изъ сада на Каму. Наконецъ праздники есть у нея. Свѣтлая Недѣля съ лубками и красными яичками. Рождество и Святки, ряженье, гаданья, страхъ и замиранье предъ зеркаломъ, надъ лоханкой, надъ воскомъ, или же у стола накрытаго на два прибора въ банѣ отдаленной отъ дома.

Всѣ люди ее окружающіе: отецъ, Кириловна, сосѣди, дворовые—вся природа: грунтовые сараи, аллеи садовыя, небо синее, солнце жаркое, мѣсяцъ бѣлолицый и весь неисчислимый бисеръ звѣздочекъ ночныхъ, весь міръ Божій,—все это для нея живетъ, дышетъ, цвѣтетъ, благоухаетъ... Все это она любитъ и вѣритъ что все это и ее любитъ, для нея живетъ. Любитъ она все это не страстно, не порывисто, не мятежно, но тихо, ласково и глубоко. Какъ любитъ она стаканъ свѣжаго молока выпить тихо, медленно, такъ же тихо гладитъ она рукой морщинистое лицо Кириловны усмѣхаясь съ любовью во взглядѣ, такъ же спокойно и улыбаясь любитъ она глядѣть на ночную звѣздную синеву.

Однако и эту ясную и безмятежную жизнь, и эту тихую, но глубокую душу осѣнило облачко темное и чудное. Сказать—нѣтъ проще дѣла, а для Милуши оно было не просто.

Пришелъ дѣвочкѣ девятый годъ... Гостили они съ отцомъ у Городищевыхъ... Собрались разъ всѣ въ лѣсъ верстъ за двадцать за грибами. Отбилась Милуша нечаянно отъ всѣхъ, и пошла одна. Попалась ей на глаза бѣлка, заглядѣлась она на нее... Бѣлка прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево, а Милуша любуется и подвигается за ней, и вдругъ, споткнулась и упала на человѣка... Смотритъ, лежитъ молодой солдатъ и спитъ... Она поскорѣй отошла отъ него и стала аукать своихъ; никто не откликался... Она стала кричать что было мочи, устала, но никто не откликнулся. Оробѣла и заплакала дѣвочка, сѣла подъ деревомъ и стала думать (какъ приказывалъ Кустовъ) что̀ дѣлать ей... ходить и аукать или ждать чтобы спохватились о ней и стали искать. Вдругъ идетъ тотъ же солдатъ. Милуша тихонько спряталась за кустъ, но онъ увидалъ ее и пошелъ прямо къ ней.

Дѣвочка оробѣла еще сильнѣе. Одна она въ лѣсу большомъ, и незнакомый, можетъ дурной человѣкъ съ ней. Спрашиваетъ онъ что-то, она не слышитъ отъ робости и дрожитъ. Плакать и то боится. И вдругъ солдатъ нагнулся, поднялъ ее на руки и зашагалъ съ ней. Помертвѣла Милуша у него въ рукахъ.

Очнулся ребенокъ въ сторожкѣ лѣсной, и добрый кривой старикъ сказываетъ ей:

— Не бойся, барышня, я сейчасъ лошадку заложу и свезу тебя къ господамъ. Они на полянкѣ собрались всѣ; недалече.

Привезъ дѣвочку кривой сторожъ на полянку; всѣ къ ней, а дѣвочка еле жива отъ страху. Разказала она всѣмъ про солдата. Пожурилъ ее отецъ и Кустовъ что не поняла глупая добраго солдата. Его бы отблагодарить надо было, а не пугаться.

Съ трудомъ разспросили криваго старика о солдатѣ, потому что онъ оказался и глухимъ; старикъ пояснилъ что солдата онъ въ первый разъ видѣлъ, хоть и давно живетъ въ лѣсу, и что онъ видно прохожій.

Забыли давно всѣ и думать о солдатѣ и о напугѣ ребенка, но сама Милуша часто вспоминала о немъ съ Кириловной, часто говорили онѣ о добромъ солдатѣ, и даже полюбила его заочно.

— Кабы не онъ, говорила Кириловна,—можетъ бы и не нашли тебя, дитятко, альбы нашли звѣрьми съѣдену всю. Спасибо ему!... А былъ это самъ лѣсовикъ, сдается мнѣ, рѣшила надумавшись Кириловна.—Лѣшій злой заводитъ человѣка въ лѣсъ, а лѣсовикъ добрый, сердечный и къ дѣтямъ ласковый, онъ выводитъ изъ лѣсу.

Глубоко запала въ душу дѣвочки эта догадка мамушкина.

Объяснилъ Кустовъ Кириловнѣ и Милушѣ что лѣсовиковъ нѣтъ на свѣтѣ и быть не можетъ, и что старая нянька вретъ все, и что толковать болѣе объ этомъ пустякѣ не стóитъ, но Милуша на этотъ разъ повѣрила учителю на половину. Ей хотѣлось чтобы то былъ лѣсовикъ, а не солдатъ простой.

Съ той поры Милуша и Кириловна частенько и много толковали о лѣсовикѣ, потихоньку отъ всѣхъ, чаще всего ввечеру предъ сномъ. И разъ увидѣла Милуша его во снѣ.... уносилъ онъ ее на край свѣта, но она не боялась и въ лицо ему смотрѣла.

Кириловнѣ сонъ не понравился, но промолчала мамушка и не пояснила его Милушѣ.

„Не уносилъ ли онъ, думала старушка, мою Милочку на тотъ свѣтъ, благо анделъ она, а такихъ Господь прибираетъ къ себѣ, потому что не жилицы онѣ.“

— А какъ, похóжъ онъ былъ на того-то, на настоящаго? Можетъ не онъ тебя во снѣ-то уносилъ, а другой кто? спросила мамушка.

— Нѣту, Кириловна, онъ! Лицо-то его! И во снѣ-то я его лѣсовикомъ звала, да и теперь вспоминаю, то же лицо. Я вѣдь того хорошо помню.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Забыли наконецъ Кириловна съ Милушей о лѣсовикѣ. Померъ въ тотъ годъ Кустовъ, и много горевала Милуша по второмъ названомъ отцѣ своемъ. Часто когда у нихъ бывали гости, Городищевы, Сельцовы или Андрей Уздальскій и другіе, отказывалась Милуша отъ игръ и горѣлокъ въ саду и уходила одна бродить въ тоскѣ по чащѣ или по берегу рѣки. Чаще всего ѣздила рыбу удить въ лодкѣ съ Тимошей по синеватому, безлюдному простору своей мамы Камы...

Однажды она отпросилась на цѣлый день и заѣхала съ Тимошей далеко, чуть не до самой Волги, и стали они въ лодкѣ близъ островка. Тимоша то и дѣло рыбу таскалъ на удочкѣ

изъ воды, а Милуша сидѣла печальная и вспоминала покойнаго Кустова.

„Чудное дѣло! Смерть? думалось ей. — Что она? Кто она? Отчего ее увидать нельзя?..“

Въ дѣтствѣ полагала Милуша что придетъ старуха съ косой и ударивъ человѣка по ногамъ унесетъ съ собой изъ дома въ поле. И боялась она завидѣть близь себя эту старуху....

Часто ввечеру, входя одна въ темную дѣтскую, оглядывала она уголки, не сидитъ ли гдѣ смерть съ косой. Однажды Кириловну съ половою щеткой въ рукахъ приняла она за смерть и закричала во всю мочь, такъ что даже саму старуху мамушку перепугала до полусмерти.

Потомъ долго думала она, послѣ объясненнаго ей сна, что лѣсовикъ уносившій ее во снѣ—смерть ея, что̀ приходила за ней, но не унесла ее тогда, а только болѣзнь предсказала.

А вотъ теперь, старуха съ косой не приходила, лѣсовикъ въ видѣ солдата не снился ни ей, ни кому другому—а Кустова нѣту... Смерть взяла его...

— Гляди-ка, барышня! Гляди! воскликнулъ вдругъ Тимоша, выводя ее изъ задумчивости.—Ишь, молодцомъ гребетъ. А не рыбакъ вѣдь,—солдатъ, воинъ.

Оглянулась Милуша назадъ и видитъ мимо нихъ посередь рѣки летитъ лодка стрѣлой по теченью, а въ ней сидитъ одинъ человѣкъ и размашисто забираетъ веслами.

— Лѣсовикъ! вскрикнула Милуша и закрывъ лицо руками юркнула въ лодку.

Перепугался и Тимоша того что̀ съ барышней сотворилось, и давно уже повторялъ ей:

— Уѣхалъ! Барышня! Не видать, далече. Ну его! Пропади онъ пропадомъ, какъ напугалъ!

Разказала Милуша все Кириловнѣ, но Кириловна не повѣрила!

— Думала ты все о немъ, сидючи въ лодкѣ, ну и додумалась. Ты дитятко бойся думанья; отъ него всякій лихъ человѣку бываетъ. Много думать не годно.

— Этотъ лѣсовикъ узналъ про мое думанье и проѣхалъ мимо по Камѣ. Знать я скоро помру. А все же лицо у него такое красивое, доброе! думала Милуша и тихо грустила, собираясь умирать.

Прошло еще года съ два безмятежнаго житья въ Ольгинѣ, и наконецъ вмѣсто смерти вышло иное для Милуши.

XI.

Пришла Людмилѣ Дмитріевнѣ шестнадцатая весна. Луга привольные и дремучіе лѣса опять такъ же чудно нарядились. Все словно воскресло, позолотилось, зацвѣло, зардѣлось.... Снова залились птицы пѣвчія въ поляхъ и лѣсахъ и въ синевѣ небесъ... Снова по ночамъ теплымъ слышалась соловьиная пѣсня, раскатистая. Все снова улыбается, снова радуется, дышетъ не надышется весеннею теплынью.

Одной Милушѣ не по себѣ и одна она скучаетъ и жалуется Кириловнѣ что она смерти болѣе уже не боится... Скучно на свѣтѣ жить. Приди смерть въ видѣ лѣсовика за ней—не испугается Милуша.

Качала головой Кириловна и журила дитятку за глупыя рѣчи.

Пришелъ май мѣсяцъ. Разъ подъ вечеръ, когда вся природа засыпала, когда малѣйшая жизнь малѣйшей мурашки слышалась и чувствовалась, Милуша сидѣла молча, надъ мамой Камой... и глядѣла въ ея воды... Тоска тяжелымъ камнемъ надавила ей сердце... Она что-то давно уже спрашивала у мамы, сама не зная что? Но мама, темная и глубокая, холодно и величаво шла мимо межъ двухъ береговъ укрытыхъ синевою ночной...

Милуша была сама не своя, и всѣмъ тѣломъ трепетала въ этой майской тиши вечерней... Предъ ней носился неясный образъ, не то лѣсовикъ, не то Уздальскій, и сердце стучало въ ней шибко и неровно. Уста раскрылись сухи и горячи... Непокойныя руки, скрестившись на волнующейся груди, прижимались и дрожали; онѣ складывались въ объятья и словно искали... Словно не доставало имъ чего-то на этой груди. Они хотѣли прижать, приголубить. Но кого же?... Зачѣмъ?... Глаза долго открытые на синюю даль ослабѣли, сомкнулись... И почудилось Милушѣ что легкое, ясное облачко заволокло отъ нея дальній берегъ, потомъ всю маму Каму закрыло и тихо поползло на нее. Вотъ подступило, скользнуло къ ней на грудь, охватило ее всю и тихонько повалило на душистую траву. Вся она млѣла, горѣла и наконецъ вскрикнула робко и тревожно.

Съ этого вечера особенно загрустила Милуша, и ничто не тѣшило ея.

— Знаю-вѣдаю что̀ моей пташкѣ надо, усмѣхнулся разъ отецъ, встрѣтивъ ея одну, грустную и печальную.—Обожди, найду.

Милуша вся вспыхнула и отвернулась.

— Ну, сказывай, угадалъ вѣдь! И отецъ взявъ дочь за голову, насильно старался заглянуть въ ея зарумянившееся лицо.

— Батюшка, батюшка!... билась Милуша укрываясь.

— Гляди мнѣ въ лицо, пташка моя.

Отецъ ухитрился и заглянулъ ей въ глаза. Милуша зарыдала и вырвавшись бросилась бѣжать. Отецъ посмѣялся съ мамушкой и потолковалъ.

Прошелъ часъ, смерклось. Ужинать подали, ночь прошла, Милуши не было дома. Вся усадьба поднялась на ноги. Отецъ просто чуть не рыдалъ, метался какъ безумный и обѣщалъ вольную тому кто найдетъ барышню.

Около полуночи пришла Милуша домой, блѣдная, вся въ слезахъ, и не глядя ни на кого, ушла къ себѣ въ горенку. Она просидѣла въ кустахъ береговыхъ, слышала какъ ее звали, хотѣла откликнуться, но устыдилась.

О чемъ толковалъ отецъ, то и случилось.

Не мало было сосѣдей у Кречетовыхъ. Не мало было и такихъ про которыхъ мамушка часто говорила Милушѣ ввечеру, потихоньку, укладывая ея въ постель:

— Вотъ молодецъ!... Кабы такого женишка моей ясной звѣздочкѣ....

Милуша улыбалась и думала:

„Да.... А вотъ и Павелъ Городищевъ тоже веселый, добрый, славный. А Сельцевъ, какой тоже хорошій! А Уздальскій! Онъ вдовецъ, но добрый и большой шалунъ.... Главное онъ какъ-то смотритъ особо и рѣчь ведетъ иначе. Но вѣдь игрокъ онъ, и все, сказываютъ, имѣнье свое растратилъ.“

Уздальскій былъ влюбленъ въ Милушу давно, и то что̀ замѣтила она въ немъ и считала его особенностью было его чувство къ ней; но свататься онъ откладывалъ, ожидая чтобъ изъ дѣвочки Милуша стала дѣвушкой. О томъ, полюбитъ ли она его—онъ не думалъ. Она, деревенская барышня и небогатая невѣста, его, перваго жениха въ околоткѣ.

Минуло Милушѣ шестнадцать лѣтъ, и они стали видаться

чаще. Андрей сталъ казаться ей все лучше и красивѣе, и добрѣе.

— А вѣдь онъ лучше всѣхъ, Кириловна?

— Одно слово, соколъ!....

Наконецъ однажды Кречетовъ спросилъ дочь:

— Любъ ли онъ тебѣ, здѣздочка моя?

— Д-да, батюшка, отвѣчала Милуша, и тихое, славное чувство переполнило ея сердце, при этомъ первомъ громкомъ признаньи.

Андрей наканунѣ посватался. Когда отецъ со слезами благословилъ ихъ, они поцѣловались. Милуша была полна кроткаго смятенья, взглядъ ея сталъ еще яснѣе, еще лучистѣе, уста улыбались. И еще болѣе стыдилась она всякаго чужаго взгляда, еще болѣе румянилось все лицо ея когда люди называли ее невѣстой.

Андрей Уздальскій былъ недуренъ собой, но съ выраженіемъ лица глуповатымъ, такъ что онъ вызвалъ даже замѣчаніе государыни, видѣвшей его въ Петербургѣ, что родъ Соколъ-Уздальскихъ должно ужь столь древенъ что изъ ума выжилъ.

Дѣйствительно, потомокъ Уздальскаго стяжавшаго прозвище Сокола, и другаго Уздальскаго, знаменитаго удальца и любимца царевны Софіи, былъ плохимъ представителемъ своего истинно княжескаго и славянскаго рода.

Вернувшись изъ Петербурга въ Москву, послѣ неудачной попытки служить, къ дядѣ Артемію Никитичу, уже не молодой Андрюша моталъ кое-какъ свои доходы, устраивалъ на Воробьевыхъ горахъ кулачные бои, борьбу съ медвѣдями, которыхъ самъ покупалъ; также затѣвалъ охоты и облавы, которыя его вовсе не занимали. Кромѣ того, не любя лошадей, разводилъ онъ ихъ и выѣзжалъ. Наконецъ онъ женился на поповой дочери, некрасивой и глупой, вскорѣ сталъ пить и спился бы окончательно, еслибы не смерть этой жены: тутъ онъ впервые очутился лицомъ къ лицу со смертью, о которой онъ ни разу въ жизни не подумалъ. При мысли простой и не новой что и онъ можетъ вдругъ умереть—Андрей остепенился.

— Отчего не затѣйничать, коли иждивенья хватаетъ? А такихъ затѣй отъ которыхъ болѣзни наживаютъ да мрутъ люди я не хочу, сказалъ онъ дядѣ.

Затѣмъ Артемій Никитичъ всунулъ племянника въ кружокъ

заговорщиковъ. Какъ гонялся Андрей за лисицей не любя травли, такъ же попалъ онъ и въ заговоръ, самъ не зная какъ и зачѣмъ. Его сослали на житье въ вотчину съ запрещеньемъ выѣзжать изъ Казанской провинціи, но не прошло и двухъ лѣтъ какъ Уздальскій сталъ ѣздить свободно по всей Россіи. Всѣ, да пожалуй и самъ онъ, забыли про заговоръ, ссылку и запрещенье.

Нѣсколько лѣтъ проведенныхъ имъ въ вотчинѣ и въ Казани были жизнью изо дня въ день. Только одна новая страсть явилась у него въ то время, заразившая всѣхъ, азартныя игры. Также какъ у всѣхъ дворянъ сильно разстроило это его дѣла.

Съ самаго пріѣзда изъ Москвы сталъ Андрей мечтать о второй женитьбѣ, но это было трудно. Послѣ своего брака съ поповной, Андрей хотѣлъ теперь блеснуть своею второю женитьбой и не находилъ долго себѣ невѣсты подъ пару. Одна была дурна, другая глупа, третья, по сказу подсылаемыхъ имъ людей, зла и дурнонравна.

Наконецъ нашлась одна красавица, умница, книжница и съ золотымъ сердцемъ. Это была Кречетова. За ней-то сталъ приглядывать Уздальскій и часто бывать въ Ольгинѣ; онъ долженъ былъ поджидать, потому что ей было всего тринадцать лѣтъ. Ни разу, ни въ одномъ случаѣ, ни въ одномъ словѣ, не опровергла Людмила Кречетова доброй славы своей.

Уздальскій влюбился не въ дѣвочку, а въ ея добрую славу, и съ каждымъ годомъ привязывался все болѣе къ мысли что ольгинская умница будетъ его женой.

„Будетъ у меня супруга красавица и граматей какихъ и въ Москвѣ нѣтъ“, думалъ онъ.

Стала дѣвочка стройною дѣвицей, посватался Андрей и сталъ готовить свадьбу. Всѣ знавшіе Людмилу Кречетову, никогда не бывавшую нигдѣ, только по ея репутаціи красавицы и книжницы, завидовали Андрею, и онъ былъ полно и гордо счастливъ.

Въ большомъ барскомъ домѣ села Сокольскаго все чистилось и все обновлялось на вновь занятыя деньги подъ залогъ имѣнья. Въ залѣ поставили большіе часы, присланные изъ Москвы, съ музыкой и съ такими чудесами что вся провинція будетъ ѣздить и ахать. Изъ Казани привезъ Андрей двѣ пушки чтобы палить во время вѣнчанья. Много народу взялъ онъ съ села во дворъ, и увеличенную въ составѣ кучу

холоповъ обшивали въ новые кафтаны и ливреи. Наконецъ все было устроено и готово, и все въ Сокольскомъ, отъ мала до велика, отъ дворецкаго до послѣдняго двороваго мальчугана, отъ залы съ новыми часами и до послѣдней вещицы въ шкалахъ—все ждало будущую барыню Людмилу Дмитріевну Соколъ-Уздальскую.

XII.

Послѣ сватовства и помолвки, Кречетовъ порѣшилъ объѣхать немногихъ своихъ знакомыхъ и пріятелей чтобы въ первый разъ показать имъ свою дочь-невѣсту, потому что у нѣкоторыхъ сосѣдей, гдѣ часто бывалъ онъ, дочь не бывала никогда. Къ инымъ онъ самъ не возилъ ея, ради того что не было тамъ ей ровней-дѣвочекъ; къ другимъ издавна Милуша упрямилась не ѣхать. Она плакала при сборахъ въ путь, дрожала отъ страху, а то и заболѣвала, и всегда кончалось тѣмъ что дикарка при помощи Кириловны оставалась дома.

Такъ не бывала Милуша никогда въ Азгарѣ у княжны, несмотря на просьбы князя. Однажды, давно, дѣвочки встрѣтились у Городищевыхъ, не полюбились другъ другу, подрались, наплакались вдоволь, и потомъ имѣли обоюдное самое невыгодное другъ для друга воспоминаніе. Если дикарка не ѣхала въ Азгаръ, то и княжна Фима не просилась въ Ольгино.

Первое посѣщеніе съ дочерью-невѣстой Кречетовъ рѣшилъ сдѣлать къ почетному и давнему другу Азгарскому. Женихъ долженъ былъ пріѣхать вслѣдъ за ними.

Милуша обмирая въѣхала на Азгарскій дворъ, чуть не заплакала когда вошла въ огромныя хоромы и долго какъ младенецъ жалась отъ всѣхъ къ отцу, несмотря на увѣренія князя Родіона Зосимыча что онъ не кусается.

Наконецъ, перемолвившись чрезъ силу съ Фимочкой, она послѣдовала за ней въ ея горницы. Вмѣстѣ перебрали онѣ обновы Фимы изъ Москвы, вмѣстѣ обошли, или точнѣе, облетѣли и хоромы, и садъ, и рощу и наконецъ собрались на островки Воложки удить рыбу, а оттуда вернулись друзьями.

Въ сумерки Милуша подробно описывала Фимѣ свой домъ и садъ, а ввечеру явился изъ Сокольскаго Андрей Уздальскій, побывавшій въ дорогѣ подъ рухнувшимъ мостомъ и

залоздавшій поэтому въ Азгаръ. Андрей умѣлъ болтать и оживилъ угрюмый Азгаръ своимъ присутствіемъ.

Пребываніе въ Азгарѣ Кречетова съ дочерью по просьбѣ князя и Фимы продолжилось съ двухъ дней, назначенныхъ сначала, на цѣлыя двѣ недѣли. Андрей ѣздилъ къ невѣстѣ черезъ день верхомъ и ворочался по дѣламъ въ Сокольское.

Наконецъ онъ собрался для закупокъ въ Казань. Кречетовы собрались далѣе съ визитами къ сосѣдямъ, но скучавшій князь и еще болѣе скучавшая княжна и слышать не хотѣли. И Кречетовы остались въ Азгарѣ до возвращенія жениха.

Однажды вечеромъ, уже послѣ ужина, когда княжна Фима уже ушла спать, а старики молча, осторожно и соля изъ всѣхъ силъ, растаскивали послѣднюю кучку бирюлекъ съ гладкаго подложеннаго подъ нихъ стекла, Милуша сидѣла одна задумавшись на террасѣ. На этотъ разъ она не могла поджидать своего Андрюшу, который вѣроятно находился въ ту минуту уже въ Казани. Милуша надѣялась только что онъ обманетъ и вернется ранѣе срока или дастъ крюкъ и заѣдетъ изъ Сокольскаго по дорогѣ въ городъ. Вдругъ лошадиный топотъ долетѣлъ до ея ушей.

— Обманулъ меня, другъ! встрепенулась Милуша, но ровнымъ спокойнымъ шагомъ вернулась въ темную залу и прошла въ переднюю. Тутъ все было уже потушено. Ощупью отыскавъ дверь, она отворила ее и впустила пріѣзжаго. Едва переступилъ онъ порогъ, не успѣлъ еще скинуть шубку, ужь Милуша радостно обняла его, крѣпко прижалась къ нему и шепнула:

— Дорогой мой. Думаешь, ненарокомъ пріѣхалъ. Я ждала тебя, все ждала!... Сердце мое сказало: жди.

Ея обняли крѣпко сильныя руки, ее обожгли горячіе поцѣлуи, и незнакомый голосъ проговорилъ:

— Голубушка! Такъ ты ждала меня. Что̀ батюшка?

Ахнула тихо Милуша и вырвалась изъ объятій какъ ужаленная. *Онъ* что-то спрашивалъ еще, сбросилъ шубку... Люди сошлись на голоса и огня принесли, но Милуша уже убѣжала. А пріѣхавшій князь Данило, снимая саблю и заряженные пистолеты, искалъ глазами сестру свою....

— Какъ ты выросла! Фимочка! Да гдѣ же она? Убѣжала къ батюшкѣ....

Въ домѣ поднялась суматоха.

— Князинька! Князинька пріѣхалъ! Данило Родивонычъ!!!

Все заходило ходуномъ въ домѣ, старики вышли въ залу, и князь Данило уже обнимался съ отцомъ. Дворня сбѣжалась въ домъ, и не смѣя войти въ залу, совала во всѣ двери лохматыя головы и заспанныя лица.

— Разбудите Фимочку, приказалъ Родивонъ Зосимычъ.

— Я ужь съ нею расцѣловался, она первая встрѣтила меня. Говоритъ ждала, сказалъ Данило.

На верху, въ угольной комнатѣ, сидѣла у себя на постели Милуша, румяная и взволнованная. Она едва переводила духъ, стрѣлой вбѣжавъ по лѣстницѣ, и часто проводила рукой по лицу, гдѣ горѣли полученные поцѣлуи и словно сжигали щеку и губы ея. Она дрожала слегка, то смѣялась, то охала, и все водила рукой по пылавшему лицу, все стирала эти горячіе поцѣлуи чужаго человѣка.... И чудное дѣло! Эти поцѣлуи пронизали ее, проливались на сердце, разливались теплою струей по всему тѣлу ея, и вся она трепетала какъ подстрѣленная голубка. Съ низу долеталъ шумъ, гулъ всеобщаго говора.... Звали княжну, звали дворецкаго, приказывали ужинъ, бѣгали, объявляли другъ дружкѣ новость, толкались, хлопали дверями, кто-то упалъ, кто-то обругалъ кого-то... И все шумѣло, все толпилось, все кричало...

— Данило Родивонычъ! Князинька! Пріѣхалъ! гудѣло во всемъ домѣ...

Милуша чутко прислушивалась.

— Что̀ дѣлать мнѣ? говорила она вслухъ.—Срамъ! Срамъ! Уѣхать бы? Гдѣ же Кириловна?

„Каковъ онъ собой?“ спрашивало что-то въ Милушѣ, и казалось ей что это щеки ея въ поцѣлуяхъ спрашиваютъ, а не она сама.

Наконецъ вошла Кириловна и тоже объявила новость.

— Кириловна! Мамушка! Что̀ я натворила... Ѣхать намъ... Ѣхать надо!

И Милуша разказала все.

— И! звѣздочка моя! Важность какая! Чего ты это? Добро бы мужикъ ка̀кой, а то князинька! Ну обмахнулась! Скажетъ что молъ не подумайте дурно. Я, молъ, не знала что это вы, жениха своего ждала. Да онъ, звѣздочка, и не примѣтилъ, я чаю, кого облизалъ. Гдѣ въ эдакомъ Вавилонѣ примѣтить что̀ въ дому-то поднялся. Меня было старую раздавили сейчасъ, какъ бросилось съ просонку все холопье въ

домъ.... Ступай-ко внизъ.... Ничего! утѣшала свое дитятко Кириловна, но Милуша не двигалась.

— Каковъ онъ собой, Кириловна.... большой? рѣшилась она наконецъ спросить. Не *большой*, а другое слово подсказывали щеки.

— Красавецъ, какъ есть! Не хуже твоего Сокола! Генералъ уже, сказываютъ.

За Милушей пришелъ наконецъ и отецъ, звать дочь представить пріѣхавшему князю, но Милуша разказала и ему свою ошибку.

— Срамъ какой! по-своему принялъ Кречетовъ.—Ты меня осрамила, Милуша... Какъ же такъ вѣшаться на шею? Не глядя въ святцы да и бухъ въ колоколъ. Срамота!

— А онъ-то самъ чего же облапилъ? И онъ гляди, хоть и князь! сердито заступилась Кириловна.

Рѣшено было ничего не говорить если самъ князь не вспомнитъ. Милуша легла спать, но всю ночь проворочалась, всю ночь обмирала тревожно, и на зарѣ, въ полудремотѣ, въ полумглѣ, она уже не стирала поцѣлуевъ съ лица, а какъ-то, напротивъ, всѣмъ тѣломъ притаилась и точно прислушивалась къ своимъ щекамъ и къ оставшемуся на нихъ горячему слѣду...

— А Андрюша!? вдругъ вымолвила Милуша уже при дневномъ свѣтѣ. Дѣвушка тутъ только вспомнила о женихѣ. — Обидѣла я Андрюшу. Забыла! упрекала она себя.

На утро всѣ сошлись въ восьмомъ часу въ залѣ. Пошла и Милуша, уже спокойная, но все еще робкая и стыдливая и не рѣшившая еще въ себѣ самой какъ глянуть въ глаза этого чужаго и нечужаго человѣка.

Вошла Милуша въ залъ вмѣстѣ съ Серафимой. Князь Данило за минуту вышелъ къ себѣ, въ отведенную ему портретную. Предъ мѣстомъ его стояло начатое кушанье. Поздоровалась Милуша со всѣми и сѣла къ столу.

— Экая красавица! вымолвилъ Родивонъ Зосимычъ.—Нынче еще краше; знать проспала ночку хорошо. Вотъ бы мнѣ эдакую Данилѣ подыскать, шутилъ старикъ.

Раздались крѣпкіе шаги въ диванной, звукъ шпоръ, и князь вошелъ въ залу. Милуша сидѣла, опустивъ глаза на столъ, и думала: Срамъ! Срамъ! Вспомнитъ! Осмѣетъ!

— Вотъ моя единственная, Данило Родивонычъ! сказалъ Кречетовъ.—Прошу любить, да жаловать.

Милуша вспыхнула, вся зарумянилась, привстала, все не поднимая глазъ на князя, и поклонилась.

— Ну, Дмитрій Дмитричъ, вымолвилъ этотъ.—По совѣсти скажу: такихъ красавицъ и въ Питерѣ нѣтъ какъ ваша Людмила Дмитріевна.

— Смѣяться изволите! отвѣчалъ Кречетовъ счастливымъ и радостнымъ голосомъ.

Милуша закраснѣлась еще болѣе.

— По чистой совѣсти! Пожелать надо Андрею Алексѣевичу умѣть любить такую супругу! продолжалъ Данило любезно, и затѣмъ, усѣвшись прямо противъ Милуши, онъ посмотрѣлъ пристально на потупившуюся дѣвушку.

— Мнѣ сдается я гдѣ-то встрѣчалъ Людмилу Дмитріевну, добродушно и ласково сказалъ онъ, видя смущенье дѣвушки.

„Сейчасъ скажетъ!“ подумала Милуша, подумалъ и Кречетовъ. Оба собрались промолчать или солгать.

— Не видалъ ли я васъ у Городищевыхъ въ мой прошлый пріѣздъ? Я былъ у нихъ раза два.

Князь Родивонъ прервалъ разговоръ вопросомъ о Павлѣ Городищевѣ. Милуша успокоилась и наконецъ рѣшилась взглянуть на Данилу черезъ столъ. Подняла дѣвушка глаза и робко устремила ихъ, но вдругъ они раскрылись широко, блеснули ярко, и побѣлѣло какъ снѣгъ все лицо Милуши. Бросилась дѣвушка отъ стола какъ раненая въ сердце, и дикимъ, отчаяннымъ крикомъ огласила весь домъ. Какъ скошенная повалилась Милуша на полъ замертво. Безъ памяти унесли дѣвушку и уложили въ постель.

Когда же Милуша пришла въ себя и осмотрѣлась, то задрожала всѣмъ тѣломъ и повела непонятныя, смутныя рѣчи... Чтò же случилось съ бѣдною Милушей? Въ третій разъ повстрѣчала она своего лѣсовика....

XIII.

Князь Иванъ, оставшись въ Казани по отъѣздѣ брата, конечно пѣнялъ что долженъ былъ снова ѣхать въ Оренбургъ, но и радъ былъ что выигрывалъ одинъ лишній день который могъ провести со своею измѣнницей Параней.

Зайдя къ Городищеву и уговорясь ѣхать вмѣстѣ, Иванъ разумѣется забылъ размолвку съ Параней и въ сумерки отправился къ Уздальскимъ. Онъ нашелъ Маѳу Петровну одну, занятую штопаньемъ чулковъ.

— Ну, вотъ и ты! воскликнула она.—А Парашокъ мой опять меня надулъ. Сказала что ты не простясь въ Азгаръ къ родителю уѣхалъ.

Иванъ передалъ ей подробно отказъ Бранта дать ему отпускъ и новое его порученіе въ Оренбургъ, а самъ прислушивался чутко не бѣжитъ ли Параня на его голосъ изъ своей комнаты, какъ бывало не разъ.

— Ну и хорошо! И слава Богу! Стало начальствомъ ты сыскалъ что тебѣ даютъ важныя поручительства. Эдакъ ты и чиновъ скорѣй нахватаешь. Мало что ты князь, Ванюша, ты ужь утѣшь, будь генералъ. Чтобы когда-нибудь я, старая, коль доживу, могла быть на балѣ у дочки губернаторши... Я буду не чета Аннѣ Ивановнѣ. Драться съ дворянами учну тогда, съ важности со своей....

Иванъ перебилъ болтовню и спросилъ о Паранѣ.

— Въ садъ ушли, голубчикъ. Давно! Поди-ко ты, да зови ихъ. Не гоже съ этимъ сорванцомъ запаздывать въ саду. Да не дѣвичье ц дѣло гулять такъ... Мнѣ изъ-за Парашка̀ и такъ всѣ глаза вытыкали...

— А кто тамъ еще?

— А эти... ну ихъ! Все они же. Тараторы-то наши!

— Тараторы? Бжечинскій? спросилъ Иванъ удивленно.

— Ну да! И мусья-Французъ. Одного Махната не хватаетъ. А то бы совсѣмъ Святки съ вѣдмедями.

— Напрасно вы, Марѳа Петровна, дозволяете Паранѣ это обхожденье съ нимъ.... съ ними! поправился Иванъ.—Вотъ уже и темнѣть стало. Развѣ это пригоже дѣвицѣ? Что̀ подумаютъ чужіе-то люди? А сами сказываете много пересудовъ. Вы ее, сказываютъ люди, по-польскому, а не по россійскому ведете, вымолвилъ Иванъ взволнованнымъ голосомъ.

— Ванюша! воскликнула Марѳа Петровна, разинувъ ротъ.— Да ты очумѣлъ что ль? А? родимый?.. Очнись!..

— Истину сказываю, по любви.

— Да я-то что̀ сказываю? Что̀ ты впервой въ домъ-то пришелъ... А ты вотъ, глупая твоя голова, сунься-ко поди самъ, надумай какъ юлу-то мою ухватить... Какъ осадить ее, да запретъ въ чемъ положить! Я тебѣ въ ножки поклонюсь, три свѣчи Святому Іоанну поставлю въ воскресенье.

— Вы ужь безмѣрно повинуетесь...

— А ты не повинуешься? Вишь Илья Муромецъ какой. На, поди! Въ чужомъ-то глазу сучочекъ выискалъ. Ты на себя-то

глянь. Что̀ она изъ тебя-то прядетъ! Вонъ по сю пору не добьешься когда свадьба. А туда же! Богатырь запечный! Я того и жду что вдругъ соберется она, да безъ нитки приданаго и обвѣнчается.

— Что̀ я могу? Вы ей начало.

— Начало? Хорошо я начало. Ахъ ты! Меня вонъ и Артёма, что̀ ни скажу, знай свинымъ ухомъ дразнитъ. Такая ужь знать безстрашная уродилась я.—Мароа Петровна начала хныкать.—Ужь коли чужихъ не боится робенокъ, свои не суйся... Я чаю шестирикомъ коней скорѣе управишь, чѣмъ Парашкомъ. Мать-то ее не даромъ Варшавка была. Ты виноватъ все! Ты вотъ все-таки женихъ, хоть и не повѣщенный... Ты бы могъ иной разъ любовнымъ словомъ угомонить дѣвку. Глупая голова! Право! Поди-ко зови домой.—И Мароа Петровна утирала слезы чулкомъ.—А то вишь, во мнѣ начало ей выискалъ!

Иванъ махнулъ рукой и пошелъ въ садъ. Нигдѣ не было никого; поискавъ съ полчаса, онъ хотѣлъ ворочаться въ недоумѣньи когда услыхалъ веселый хохотъ Парани, которая заливалась соловьемъ. Оказалось что всѣ были на границѣ съ сосѣднимъ садомъ и сидѣли на поваленномъ плетнѣ скрывавшемъ ихъ со стороны дома. Иванъ, недовольный и поисками и мѣстомъ выбраннымъ для бесѣды, сумрачный пошелъ къ нимъ мѣрными шагами. Онъ обогнулъ плетень и увидѣлъ Бжечинскаго на землѣ у плетня, и близехонько отъ дѣвушки. Нагнувшись всѣмъ тѣломъ къ ней и опустивъ голову надъ ея колѣнами, онъ держалъ въ рукахъ ея маленькую руку и внимательно разглядывалъ ладонь. Параня немного сгорбившись и откачнувшись смотрѣла тоже на свою раскрытую руку и старалась по временамъ, когда Янъ поднималъ голову, заглядывать ему въ лицо. Дюваль сидѣлъ на корточкахъ пережевывая въ зубахъ соломинку, кончикомъ которой онъ тоже изрѣдка показывалъ конфедерату на ладонь дѣвушки. Иванъ при видѣ ихъ остановился и духъ занялся у него.

— Иванушка, иди, иди! Мы гадаемъ. Онъ и тебѣ погадаетъ. Погадаете князю? Да? заглядывала дѣвушка въ нагнутое лицо Бжечинскаго.

Параня забыла что Иванъ хотѣлъ уѣхать, что она уже простилась съ нимъ.

„И не удивилась?“ подумалъ Иванъ.

— Слушайте же, продолжалъ Бжечинскій, не обращая вни-

манія на Ивана. Только Дюваль притронулся къ своему атласному шлыку, calotte schismatique, собственной работы, и промычалъ:

— Salut, mon prince!

— Ну! ну! Когда я выйду замужъ и за кого? спросила Параня усмѣхаясь и косясь на Ивана.

— Вы никогда замужъ не выйдете!

— Никогда! Вотъ панъ и солгалъ.... и солгалъ!... У меня можетъ и женихъ уже есть.

— Такъ линія показываетъ.

— Долго ли я проживу?

— Очень, очень... очень не долго, пани, смѣясь продолжалъ Бжечинскій.

— Нѣтъ.... Я много хочу. Сто лѣтъ.

— И умрете вы не простою, а страшною смертью. Sérieusement. Je vois là une mort terrible, прибавилъ Янъ обращаясь къ Дювалю.

— Va te faire pendre! воскликнулъ въ отвѣтъ Дюваль.—Basta! Dobjé! Allons souper.

Всѣ встали и двинулись домой. Параня усмѣхалась, но увидя сумрачное лицо Ивана побѣжала впередъ къ матери.

— Diable! говорилъ идя Дюваль.—On ne soupe pas dans cette maison. Filons chez le cher homme, il mange à cette heure, le губернаторъ.

Бжечинскій задумчиво кивнулъ головой.

Иванъ и не понималъ и не слушалъ. Всѣ трое вошли въ домъ.

— Parle-t-il quelque fois? спросилъ Дюваль указывая глазами на Ивана.

Бжечинскій снова кивнулъ головой и покосился узнать не понимаетъ ли Иванъ.

— Quoi? La langue des fleurs!!... захохоталъ Дюваль.—Bonsoir, Mesdames! объявилъ онъ входя.—Prostchay barinïa.

Марѳа Петровна не удерживала ни того, ни другаго.

— Чтò его шубка-то, Парашокъ, нашлась? спросила она.

— Экуте, мусью. Тшинокъ, труве... подсмѣивалась Параня.

— Le tshinoque a disparu, нема... barinïa.... Mais la choubska est retrouvée....

— Какая *шубска?* Шубка! поправила Параня.

— Choubska.... Ma-am-selle, c'est plus doux à l'oreille....

Бжечинскій и Французъ простились и вышли.

— *До видзеня!* проводила ихъ Параня, улыбаясь Яну.

— Простите отцы-турусы! вымолвила Мареа Петровна, когда гостей уже не было.—Православная-то рѣчь видно не дается нехристямъ. Отчего ты, Парашокъ, и энтого.... Саманила махнатаго не позовешь никогда на показъ? Ужь такъ, отъ всѣхъ бы ссыльныхъ по казовому.

Параня надула губки и отошла къ окну. Молчавшій все время Иванъ наконецъ раскрылъ ротъ и объявилъ свой отъѣздъ, не въ Азгаръ, а обратно въ Оренбургъ. Параня встрепенулась, пересѣла къ нему поближе и положила руку ему на плечо.

— Бѣдный Ванюша! Опять семьсотъ верстъ.

— Да.... Ступай, бейся съ Башкирами.... а тутъ Поляки отвоюютъ что мнѣ подороже Илецкаго городка или Яицкихъ фортецій.

— Бжечинскій меня отвоюетъ, такъ ли?

Иванъ грустно молчалъ.

— Иванушка дурачокъ ты и есть! вымолвила Параня свою любимую ласку для жениха.—Ты вотъ тамъ въ Оренбургѣ поймай Жаръ-Птицу какую, за хвостъ.... Съ самоцвѣтными перьями, мое подвѣнечное платье и сошьемъ.

— Тебѣ все смѣхота. А вотъ убьютъ Башкирцы.... Тогда....

— И-и! Типунъ тебѣ! Сухо дерево! Тьфу! Тьфу! откликнулась изъ угла Мареа Петровна.

Параня опять задумалась; наступило молчанье, а Иванъ ждалъ что скажетъ она.

— Ваня, Ваня! грустно вымолвила вдругъ дѣвушка.—Я нынѣ утромъ всю мою куцавейку чаемъ облила.

Иванъ вздохнулъ и отвернулся къ окну. Снова замолчала она.

— Параня! Сказывай, не морочь!! вдругъ чрезъ минуту воскликнулъ Иванъ, оборачиваясь и измѣнившись въ лицѣ....— Сказывай по Божьему.... по истинному.... любишь ты меня или потѣшаешься?

Мареа Петровна перестала вязать, опустила чулокъ на колѣни и широко раскрыла глаза на Ивана. Параня оторопѣла и закраснѣлась.

— Дурной! Дурной! вымолвила кротко Мареа Петровна.— Что ты? Аль зелья какого кипучаго поднесли тебѣ? Который годъ любитесь, якобы братъ и сестра родные, а нынѣ, видишь, спросы каки спрашиваетъ. Дурной!

— Пускай по Божьему сказываетъ хоть разъ.... Я, Мароа Петровна, измучился.... Я.... я.... Изрубилъ бы я сего....

— Кого это? шелохнулась Параня.

Мароа Петровна вытаращила глаза.

— Кого? Того кто всему помѣха!

— Ты не стыдись, Иванушка, ужь приревнуй Парашка̀ къ Туркѣ, къ Махмату.... Что̀ Полякъ? Ты уберегайся отъ Турки. Въ тѣ поры что ты въ порученьи будешь, я Парашка съ Туркой повѣнчаю, право-слово! А не то и съ холопомъ какимъ....—Мароа Петровна запнулась и прибавила живо.—Тьфу! до какихъ рѣчей меня довелъ! Кипучка дурашная!—Мароа Петровна бросила чулокъ и вышла изъ комнаты.

Молодые люди остались вдвоемъ. Параня думала о томъ что Иванъ приревновалъ ее къ Бжечинскому.

„Стало его полюбить можно.... Не къ другому кому, а именно къ Яну приревновалъ Иванъ. Стало онъ лучше всѣхъ здѣсь. Въ Казани всѣ любятъ Яна, всѣ ласкаютъ. А свои?... Вотъ хоть Ванюша?... Тихій онъ и добрый; давно любитъ ее, много любитъ.... Но въ немъ нѣту чего-то... Чего въ немъ нѣтъ?“ Параня глубоко задумалась.

Наступилъ вечеръ, давно уже князь Иванъ смотрѣлъ на милую, свѣтловолосую головку дѣвушки. Синіе глаза ея остановились на одномъ пятнѣ пола и не двигались. И все лицо это окаменѣло. Ужь она ли это умѣетъ смѣяться подчасъ такъ звонко и беззаботно?

— Молви мнѣ хоть единое словечко! сказалъ Иванъ тихо и грустно.

Подняла Параня глаза и вздохнула молча.

— Любъ тебѣ этотъ конфедератъ? Скажи.

— Нѣту, Ванюша, ей-ей. На балѣ, часъ времени былъ любъ. Онъ пляшетъ удало. Однимъ плясомъ меня не приворотишь къ себѣ. Забудешь эдакъ все какъ пляшешь. Голова кругомъ пойдетъ. А проспишься и опять своя.... Понимаешь! Впрочемъ я и сама не понимаю.

— Пожалѣешь ты коли меня убьютъ тамъ мятежники?— И Иванъ опустился на полъ предъ дѣвушкой, прижимаясь лбомъ къ ея рукамъ, сложеннымъ на колѣняхъ.—Поплачешь тогда? Скажи.

— Молчи, дурной! — И Параня положила руку ему подъ губы и опять задумалась.—Вотъ кабы ты, Ванюша, загово-

рила вдругъ дѣвушка послѣ долгаго молчанія.—Вотъ кабы ты....—И она вдругъ опять запнулась.

— Чтò? Сказывай, чтò?...

— Кабы ты.... фортецію какую взялъ.... Одинъ!! Нѣтъ.... Лучше возьми въ полонъ этого атамана! Либо.... Постой!—Она подумала и вздохнула.—Не знаю и сама.... Покажи ты, Ванюша, что ты и удалѣе всѣхъ и ретивѣй.... Вотъ твой братъ!... Кабы ты Данилой Родивонычемъ былъ!... Ты, Ванюша, ужь такой смирный.... Смотри-ко, какъ въ сказкахъ.... Какіе удалые молодцы!... Вотъ кабы мнѣ.... Кабы ты, Ваня.... Э!... Пустое я все сказываю! То вѣдь токмо въ сказкахъ.... А у насъ въ Казани должно-быть никогда....

Параня не договорила, понурилась и смолкла уныло. Иванъ глядѣлъ въ ея грустное лицо и дивился: другая опять дѣвушка сидитъ предъ нимъ и непонятныя рѣчи ведетъ...

XIV.

Дѣвушка весь вечеръ промолчала, продумала. А когда пошла спать, легла не простясь съ матерью и пролежала всю ночь не шевелясь и раскрывъ синіе глаза свои на лампадку.

„Люблю ли я Ваню?“ думалось ей.

И послѣ безсонной ночи, на разсвѣтѣ дня, Параня встала, накинула на себя куцавейку и тихонько вышла на большой балконъ.... Было свѣжо. Она укуталась, и прижавшись въ уголъ балкона, выглядывала оттуда на садъ, на городъ и кремль полуукрытые сѣрымъ утреннимъ свѣтомъ зари. Пожелтѣвшія липовыя аллеи, отживъ свое, собирались на очередную смерть; и хотя было тихо, но листья то и дѣло кружились въ воздухѣ и падали на землю, одинъ за другимъ, словно плакали липы на свой ладъ.

Тоскливо какъ! подумала Параня и сгрустнулось ей еще болѣе. Прямо предъ ней черезъ садъ виднѣлись на горѣ кремлевскія стѣны темнымъ вѣнцомъ и среди него пестрѣли храмовыя главы собора и монастырей, отдѣльно отъ всего высилась и рисовалась на блѣдномъ небѣ Сумбекина башня. Лѣвѣе, среди города, виднѣлся барскій домина князей Хвалынскихъ; верхнія окна, выбитыя и темныя, угрюмо чернѣлись въ желтыхъ стѣнахъ. На мертвеца съ провалившимися глазами похожъ былъ этотъ домина.

Параня прильнула плечомъ къ рѣшеткѣ, и пріютившись отъ морознаго утра задумала свою неотвязную и докучную думу.

Понурилась русая безпокойная головка на грудь и длинная, распущенная черезъ плечо коса спряталась подъ куцавейкой и лежитъ на колѣнахъ.... Неровно колышется грудь дѣвушки, взоръ туманится, и не свѣтятся въ немъ синіе лучи. Слезы крупныя, тяжелыя скользятъ черезъ побѣлѣлыя щеки и капаютъ на атласную куцавейку.... Плачетъ Параня тихо, горько, непрерывно. И уже не первый разъ сидитъ она тутъ на зарѣ, забившись въ уголъ, и не первый разъ плачетъ потихоньку отъ мамы.

Чудная дѣвушка Параня! Она ли недавно румяная, рѣзвая, носилась въ мазуркѣ и, пылая огнемъ, страстно смѣялась всему міру въ лицо, а за тѣмъ страстно шепталась съ конфедератомъ? Она ли съ побѣлѣлымъ лицомъ и слезами тоски пріютилась теперь на балконѣ?

Чтò же съ ней? Первая красавица, первая приданница, обожаемая всѣми—чего ей нужно? Чего же полусознательно ищетъ она въ мірѣ кругомъ себя, неотступно проситъ въ страстной молитвѣ? Хочетъ она сердце свое золотое, душу свою кипучую отдать безвозвратно.... Себя всю отдать, умереть для себя и воскреснуть въ волѣ иной, чужой и милой. Но никто нейдетъ, не беретъ ея въ кабалу.

Нѣтъ красавицы краше Парани.

Много поется пѣсень любовныхъ на Руси святой про дѣвицу-красу со змѣей—косой русою до земли, съ очами Божьими, синими, чтò тихо, безъ лукавства, сердце крадутъ у молодца. Бѣлая, какъ снѣгъ сугробовъ зимнихъ, румяная какъ зорька лѣтняя: бѣлымъ лебедемъ она ходитъ плаваетъ, глянетъ душу полонитъ, слово молвитъ—околдуетъ, усмѣхнется—солнышкомъ засіяетъ.... А полюбитъ?! Все возьми, жизнь возьми, да пусть только на одинъ мигъ въ затишьи ночномъ опутаютъ и обожгутъ молодца эти руки, да эти косы, да эти слезы дѣвичьи! А не полюбитъ, иль разлюбитъ? Прими молодца мать сыра земля. Не родиться бы ему на бѣлый свѣтъ!

И пѣсни эти всѣ про Параню сложены!

Кому же уступитъ, въ чьи объятья отдастъ Параню ангелъ хранитель ея съ колыбели? Съ нимъ однимъ вела она

свои ночныя бесѣды дѣвичьи, отъ матери скрытыя, людямъ не вѣдомыя!

Гдѣ и кто молодецъ тотъ?...

Статенъ и пригожъ *милый* пѣсень русскихъ, черноокій, чернобровый, удалецъ, молодецъ. Лихо скачетъ онъ на конѣ и не боится ни врага лихаго, ни лѣсу дремучаго, ни звѣря лютаго. Сердце его золотое, но страшенъ ножъ его острый, вѣрный товарищъ его и заступникъ. Женѣ отъ Бога данъ онъ въ оборону отъ злыхъ людей и бѣдъ бѣдовыхъ и отъ грозныхъ непогодъ житейскаго моря. Знай, жена, люби покрѣпче, ласкай горячѣй, слушайся вернѣй и спи безбоязно на груди милаго, не страшась ничего, счастливая его счастьемъ, умная его разумомъ, богатая его лаской!...

Нѣтъ. Не полюбитъ молодца этого Параня. И не онъ ей грезится! Не его она ждетъ...

Носится Параня скрытымъ помысломъ въ томъ царствѣ червонномъ гдѣ иные молодцы, все царевичи да витязи, красоты не виданной, молодечества не слыханнаго. На коняхъ шестикрылатыхъ великія дѣла творятъ они. Вороги ихъ и недруги заповѣдные—не люди, а змѣи - драконы многоглавые, что̀ плаваютъ по морямъ-океанамъ, иль чародѣи злобные что̀ живутъ на островахъ алмазныхъ, иль рати безчисленныя что̀ походами ходятъ по царствамъ заколдованнымъ, иль богатыри съ мечами-кладенцами что̀ стерегутъ, проходу не даютъ въ черногради стобашенные. И страшенъ тотъ царевичъ своимъ ворогамъ, и все по плечу тому витязю, и все на потѣху тому молодцу. На чудномъ конѣ своемъ чрезъ полъ-міра пролетитъ онъ, за облака взовьется, дно морское достанетъ. И чѣмъ беретъ все? Только свистнетъ своимъ посвистомъ, только полой кафтана тряхнетъ, только рукавичку вывернетъ на изнанку, только усъ расправитъ. И бѣгаетъ по міру молва стоустая, величаетъ его дѣла великія. И все творитъ онъ ради милой своей, ради царевны-красоты что̀ ждетъ его въ теремѣ высокомъ. А принесется онъ, приголубитъ она его да убаюкаетъ на груди своей и сторожитъ всю долгу ночь отдыхъ его отъ подвиговъ громкихъ.

Вотъ бы съ кѣмъ вѣкъ свѣковать, съ кѣмъ вмѣстѣ и въ одну могилу лечь!

Но нѣту болѣе витязей этихъ на землѣ Русской! Прошли тѣ времена золотыя. Много молодцовъ вокругъ Парани, но не одному изъ нихъ и не снилось чего хочетъ дѣвица.

Что̀ жь? Отдать себя Ивану и скоротать жизнь съ нимъ радуясь его счастью? Отогнать отъ себя лукаваго лгуна,—своего коня шестокрылата что̀ все уноситъ за облака и губитъ дѣвицу? А если будетъ день — явится витязь нечаянъ, негаданъ, не въ урочный часъ, и заслонитъ собой мужа Иванушку, да поманетъ и уведетъ поцѣлуемъ за собой?

Горе, горе тогда! Лучше жди чѣмъ губить и добраго молодца, и себя. Что̀ жь дѣлать что постылы краснымъ дѣвицамъ Иванушки съ золотою душой, а подавай имъ все молодца съ ножомъ за голенищемъ. Вишь, милуетъ тотъ по-своему, по горячему, и деготь съ нимъ медомъ оборачивается.

Очнулась Параня отъ благовѣста на храмахъ городскихъ... Садъ голый и сучковатый, липы и трава пожелтѣлыя, а за ними на горѣ, кремлевскіе храмы, главы и шпицы—все плаваетъ въ розовомъ туманѣ осеннемъ что̀ саваномъ развернулся и одѣваетъ окрестность. Все тоскливо, сыро и лучисто, будто въ слезахъ, и бѣлесоватымъ пятномъ расплывается восходящее за туманомъ солнце. Крѣпко спитъ еще Татарка-Казань укрытая мглистыми бѣлыми волокнами, словно ветхимъ рванымъ покрываломъ. Кой-гдѣ, какъ изъ дыръ, торчитъ церковь, домъ барскій, иль мечеть съ минаретомъ. Крѣпко знать спитъ еще на зарѣ и мама Парани.

Нѣтъ, Мароа Петровна давно уже стояла надъ дочерью и сердце въ ней щемило.

—Да повѣдай ты мнѣ горе свое. И впрямь любишь ты что-ль кого я не знаю! сказала женщина въ отчаяніи.

Не выдержала Параня, бросилась и повисла на груди мачихи-матери. И долго плакала про горе свое красавица.

—Горе мое — никого не люблю я!... И хочу я, мама, помираю хочу!... Чего, сама не вѣдаю. Знать испорчена я.... Знать не жилица.

XV.

Бричка запряженная тройкой удало мчалась по степному пути изъ Казани въ Оренбургъ. Въ ней сидѣли два офицера, а на облучкѣ около ямщика торчалъ бочкомъ деньщикъ, здоровый и пухлолицый малый лѣтъ восьмнадцати. Городищевъ дремалъ несмотря на толчки. Князь Иванъ сидѣлъ вперивъ глаза въ окружающую голую равнину. Порою грустный взглядъ его застилали слезы, и онъ почти безпомощно

опускалъ голову на грудь. Не тоска разлуки съ бывшею невѣстой, а увѣренность въ ея равнодушіи и любви къ конфедерату Бжечинскому снѣдала его сердце. Иванъ ради утѣшенія и самообмана начиналъ мечтать какъ отличится, захватитъ бунтовщика Ермолая и всѣхъ его товарищей по мятежу.... Или половину захватитъ, половину уложитъ саблей.... Привезетъ Ермолая въ Казань.... Говоръ пойдетъ по городу о князѣ Иванѣ Хвалынскомъ. Куда ни пойдетъ Параня, вездѣ ей будутъ говорить про него и его удалость.... Поѣдетъ онъ въ Петербургъ, будетъ представленъ государынѣ. Какъ глянетъ онъ съ плеча на Бжечинскаго: ты, молъ, ссыльный, а о моихъ подвигахъ стонъ стоитъ по всей Руси.

Двое сутокъ напролетъ Иванъ рубилъ Калмыковъ, Татаръ, мятежныхъ казаковъ, бралъ города и крѣпости, начальствовалъ войсками, то арестовалъ Ермолая, то убивалъ его, то везъ скованнаго въ Казань. Наконецъ давалъ балы въ Казани на мѣстѣ смѣненнаго имъ губернатора фонъ-Бранта.... На третьи сутки сонливость Городищева и подвиги князя Ивана какъ рукой сняло.

Они остановились отдохнуть въ Бугульмѣ на нѣсколько часовъ. Имъ оставалось еще вдвое столько же до Оренбурга.

Пока они обѣдали на постояломъ дворѣ, мимо окна пронеслась бричка, и въ ней узнали они оренбургскаго офицера Штейндорфа.

Остановленный ими офицеръ бросился къ нимъ какъ шальной. Заперлись всѣ трое въ комнатѣ и зашептались.

Штейндорфъ передалъ имъ много новаго и негаданнаго.

Фортеція Нижне-Озерная была взята, Татищева взята тоже, и въ ней перебиты, перевѣшаны всѣ. Затѣмъ взяты были еще двѣ фортеціи, и мятежное войско не въ 300 человѣкъ, а въ 30.000 разсыпалось въ окрестностяхъ Оренбурга.

Все это случилось въ девять дней, съ 24го сентября по 3е октября. Губернаторъ Рейнсдорпъ, по словамъ офицера, потерялъ голову. Бригадиры Бѣловъ, Корфъ, Валленштернъ и другіе съ перепугу не слушаются приказаній генерала, и всякій дѣлаетъ что̀ ему кажется лучше. Изъ города каждый день пропадаютъ бѣглецы. Въ окрестностяхъ сильное волненіе, а на заводахъ Демидова и Строганова бунты. Нурали-ханъ и Киргизы помогаютъ мятежникамъ, и они даже ждутъ себѣ на подмогу китайскую армію въ сто тысячъ.... Въ Оренбургѣ

ни пороху ни ядеръ, ни оружія. Нахальство и смѣлость мятежниковъ невообразимы. Всѣми войсками начальствуетъ молодой малый, русый и красивый, лѣтъ двадцати пяти, и войско мятежное считаетъ его за иного нежели чтò онъ есть.

— За кого же? спросили оба слушателя.

— Я далъ честное слово губернатору никому не сказывать. Это содержится въ тайнѣ, пока не придетъ указъ изъ Петербурга какъ поступать.

— Но вѣдь мы же офицѐры! обиженно вымолвилъ Городищевъ.

— Я клялся не открывать никому, самодовольно выговорилъ Штейндорфъ.—Но вы узнаете скоро сами еще по пути, потому что народъ въявь толкуетъ о немъ.

— У насъ въ Казани называли сего начальника Ермолай Погашевъ? сказалъ Иванъ Хвалынскій.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Теперь вѣрно извѣстно, Емельянъ Пугачевъ, казакъ бѣглый.... Но онъ не начальникъ. Это пущено ими въ ходъ невѣдомо зачѣмъ, ибо Пугачевъ начальствуетъ токмо отрядомъ, а не всѣми войсками. Ихъ много такихъ-то: братья Зарубины, Лысовъ, Твороговъ, Овчинниковъ. Ну да вы все узнаете сами. Но какъ вы проберетесь? Вѣдь вся дорога теперь занята ихъ войсками да и мосты черезъ Сакмару всѣ сожгутъ по распоряженію Рейнсдорпа.

— Чтò же онъ? Боится что ли что Оренбургъ возьметъ Пугачевъ? разсмѣялся Иванъ.—Вѣдь это не фортеція Разсыпная чтò давно разсыпалась сама... Умѣютъ ли они изъ ружей-то палить? Калмыки вѣдь боятся огня.

Штейндорфъ всталъ и сказалъ съ досадой:

— А вотъ ступайте... Увидите чего они умѣютъ и чего не умѣютъ. Останетесь довольны. До свиданія.

Штейндорфъ усѣлся въ свою бричку и скоро скрылся за пылью поднятою колесами.

— Каковъ Нѣмецъ! А-а? Тайны отъ насъ имѣетъ? А кто болѣе русскій подданный, онъ иль мы? ворчалъ Городищевъ, А чтò, Иване, ежели и доподлинно вся дорога занята?

— Да вдругъ попадемъ мы въ полонъ! отвѣтилъ Иванъ.

— Да тебя за ноги повѣсятъ! разсмѣялся Городищевъ.

— А съ тебя кожу счистятъ какъ съ Елагина.

— То-то ногами задрыгаешь?

— Затянешь не хороводную.

Городищевъ захохоталъ, а князю сгрустнулось при мысли

о смерти коменданта Елагина, какъ разказываетъ ее Штейндорфъ.

— Да не враки ли все это, Паша? воскликнулъ Иванъ.

— И мнѣ то же сдается. Тридцать тысячъ войска! А!

— А вотъ увидимъ. Можетъ и впрямь все правда. Ты, Максимка, не боишься мятежниковъ? обратился Иванъ къ своему деньщику.

— Мнѣ-то чтò жь бояться: я не *охфицеръ*, отозвался малый.

Молодые люди пошли садиться въ телѣгу.

— А вѣдь воевать не такъ сподручно какъ чается издалече, отвѣчалъ теперь Иванъ про себя на свои прошлыя путевыя мечтанія.

— Э-эхъ ма! Двухъ смертей нѣту, а одна и безъ Ермолая была у меня на примѣтѣ, сказалъ Городищевъ.—Лишь бы только сразу ухлопали, пулей либо саблей, а то вѣдь псы и доподлинно кожу сдирать начнутъ. Вотъ я чаю стоналъ сей горемыка Елагинъ! Ты его я чаю видалъ? Куда толстъ былъ! Вотъ не мнился ему такой конецъ.

Они сѣли.

— Съ Богомъ, сказалъ старый ямщикъ сбирая вожжи.

— Охъ, да, старинушка! Подлинно съ Богомъ надо, вздохнулъ Иванъ.

Иванъ, сытно поѣвшій, вскорѣ задремалъ въ бричкѣ, но закричалъ дикимъ голосомъ во снѣ и проснулся.

— Чего ты? Чтò? встрепенулся Городищевъ.—Аль судорога?

— Охъ, Паша, охъ! Приснилось мнѣ.... Тьфу, страсть какая.... Вижу, хотятъ Параню Татары какіе-то рѣзать.

— Въ Казани?

— Нѣтъ. Не знаю.... Нѣтъ, какъ-то не въ Казани.... И одинъ Татаринъ, вотъ какъ живаго вижу, съ большущимъ пятномъ на щекѣ. Знаешь эдакое красное пятно, чтò съ рожденія бываетъ.

— Знаю. У насъ въ Городищахъ у одной бабы эдакое пятно. Совсѣмъ будто мышь: и хвостикъ, и лапки.

— Ну, вотъ, вотъ.

— Чего жь ты заоралъ-то?

— Тебѣ говорю, онъ Параню рѣзать хотѣлъ, объяснялъ Иванъ.

Чрезъ минуту спутники снова оба дремали. Ихъ разбудилъ ямщикъ своими оханьями. Проснувшись они увидѣли что

стоять среди огромной лужи и тины. Лошади ушли въ грязь по животы, колеса едва виднѣлись изъ вонючей воды.

— Вотъ-те и здравствуй! выговорилъ Городищевъ.—Какъ же ты, чортъ старый, заѣхалъ сюда?

Ямщикъ молчалъ и вздыхалъ.

— Чтò тутъ будешь дѣлать? Вѣдь не вывезутъ, замѣтилъ Иванъ, глядя на худыхъ лошадей.

— Надо, господа, облегчить лошадокъ: вылазить.

— Вылазить! По горло въ грязь! Опалѣлъ ты что ли! закричалъ Городищевъ.—Ну, стегай одровъ-то своихъ, а то я тебя отстегаю.

Стеганье продолжалось полчаса, но лошади сначала не двигались, а потомъ на каждые три-четыре удара свистящаго кнута стали отвѣчать ляганьемъ.

— Раздѣваться да вылѣзать. Чтò жь тутъ! рѣшилъ Городищевъ.

— О-го-го! закричалъ вдругъ кто-то сзади и шлепая по поясъ въ грязной, тинистой водѣ.

Прохожій полѣзъ къ телѣгѣ раскачиваясь, махая руками и помогая этими движеніями вязнувшимъ ногамъ.

Чрезъ минуту подоплывшая фигура оказалась Татариномъ, дюжимъ, высокимъ, бойкимъ и распорядительнымъ.

— Садись, бачка, на спину, объявилъ онъ Городищеву.—Я тебя на сухонькое мѣсто вывезу, а тамъ приду за другимъ.

Въ одну минуту Городищевъ уже былъ верхомъ на спинѣ Татарина и поѣхалъ на берегъ.

— Холодная водичка, весело сказалъ Татаринъ, снова шлепая въ тинѣ.

Чрезъ минутъ пять, поставивъ Городищева на ноги, Татаринъ снова и какъ-то даже охотливо лѣзъ назадъ; посадивъ Ивана себѣ на спину, онъ воскликнулъ смѣясь и поворачивая лицо къ князю:

— И-и, бачка, хлѣба мало ѣшь. Я такихъ какъ ты трехъ унесу до моря Каспицкаго.

— Ахъ, Господи! воскликнулъ вдругъ Иванъ.—Чтò это? Чтò?

Восклицаніе было такъ громко и странно что Татаринъ остановился среди лужи и снова вопросительно обернулъ лицо къ своей ношѣ.

— Чтò случилось? крикнулъ и Городищевъ.

— Да у тебя.... У него, Паша.... Чтò жь это такое? Вотъ

диво-то! Не къ добру это, безсвязно восклицалъ Иванъ, волнуясь, болтая ногами и словно забывая что сидитъ верхомъ не на лошади, а на человѣкѣ.

— Эй, бачка! Эй, оброню.... Не бултыхайся! сталъ кричать и Татаринъ, теряя равновѣсіе и увязая въ тинѣ.

Когда Иванъ былъ на сухомъ пути, а Татаринъ снова отплылъ и зашлепалъ у телѣги, помогая ямщику и лошадямъ, Городищевъ замѣтилъ смущеніе друга, выражавшееся всегда особенно громкимъ сопѣніемъ.

— Чего ты носомъ трубишь?

— Да у него пятно, Паша. Красное пятно на щекѣ, сказалъ Иванъ гробовымъ голосомъ.

— Неужто? Чудно́! Вотъ такъ чудно́! А говорятъ снамъ не вѣрь.

— Я боюсь, Паша.

— Чего?

— Не къ добру это все.

— Эвося! весело воскликнулъ Городищевъ.—Лишь бы бричку да лошадей вытащить, да ѣхать.

— Нѣтъ, я боюсь, грустно говорилъ Иванъ.

— Ну, бойся, я тебѣ не помѣха, разсмѣялся его другъ.

Въ темнотѣ проносились крики ямщика и Татарина.

— Но-но-но!... Дьяволы!

— О-го-го-го.... Анас-саны!

Вмѣстѣ съ криками слышался плескъ и шумъ воды, храпъ лошадей и частые удары кнута.

И долго продолжалось это.

Гонцы-офицеры безъ особенныхъ случайностей подвигались впередъ и были наконецъ верстъ за полтораста отъ Оренбурга, но далѣе проѣздъ сталъ затруднительнѣе отъ сонмища Башкиръ, казаковъ, мужиковъ и всякаго сброда. Въ послѣднія сутки ѣзды на нихъ были четыре нападенья, и имъ пришлось отстрѣливаться. При видѣ огня и даже одного оружія сволочь кидалась въ разсыпную съ хохотомъ или бранью и угрозами.

— Не проѣдемъ, братъ, рѣшилъ наконецъ Городищевъ.— Надо заѣхать въ Сурманаеву къ одному старику. Онъ мнѣ все уладитъ и научитъ. Нынѣ, братъ, надо къ мужику прибѣгать за.... (какъ это сказывается по-заморскому) за *протексіономъ*.

Въ сумерки они благополучно въѣхали въ деревушку, но изъ первой же избы стремительно бросились на нихъ семь человѣкъ словно по командѣ.

— Охфицеры!... Гонцы!... Держи! заорали они.

Городищевъ выпалилъ два раза въ воздухъ, мужики отскочили съ ругательствами.

На концѣ деревни они остановились, изъ избы выбѣжалъ старикъ.

— Здорово, Игнатъ.

— Павелъ Павлычъ! быстро и робко обратился хозяинъ къ Городищеву.—Живѣй, живѣй! увидитъ народъ и мнѣ не уйти.

Молодые люди вошли.

— Ты за кого, Павелъ Павлычъ? шепнулъ старикъ въ сѣняхъ на ухо Городищеву.

— Чего? громко вымолвилъ этотъ не понявъ.

— Ништо, ништо, опосля! шепнулъ старикъ.

Они вошли въ горницу. Отъ старика молодые люди узнали все тѣ же вѣсти. Все войско бродило шайками по дорогамъ.

— Вы стало въ Оренбургъ, Павелъ Павлычъ? сказалъ хозяинъ.—Съ Нѣмцами укрѣпляться.... Та-акъ. Ну, Павелъ Павлычъ, я, родимый, такими милостями обязанъ твоему батюшкѣ, Павлу Иванычу, что буду вѣрно служить твоей милости. Чтò прикажешь?... Пробраться обоимъ надо въ городъ? Добро.

И старикъ вышелъ.

— Онъ, чаю, съ мятежниками заодно, вымолвилъ Хвалынскій.

— Пускай. А все жь, братъ, онъ намъ дѣло справитъ.

— Да какъ?

— Достанетъ платье переряднться.

— Ну, вотъ. Это страшно.

— А иначе не проберешься.

Едва успѣли молодые люди сѣсть за обѣдъ какъ вошелъ деньщикъ Максимка, а за нимъ священникъ.

— Отецъ Андрей, прихода тутошняго, до васъ дѣло имѣетъ, Павелъ Павлычъ, какъ-то неохотно пояснилъ Максимка.

Священникъ поклонился и объяснилъ что онъ получилъ изъ города Оренбурга публикацію губернаторскую о мятежникахъ и собирается ее прочесть на утро въ церкви.

— Ну, добро, мы же тутъ причемъ? спросили офицеры.

— Въ разсужденіи этомъ, господа милостивые, я, свѣдавъ о

прибытіи двухъ офицеровъ и воиновъ, прибѣгаю усердно къ вамъ, не оставьте присутствовать во храмѣ, и мнѣ старику въ помощь быть. Міряне въ нашемъ поселкѣ голые разбойники, да и проходимцевъ здѣсь великое число, мнѣ одному отнюдь вѣры они не дадутъ въ публикаціи, а ради присутствія офицеровъ не отважутся ни на какую скверность.

— Да что же мы-то будемъ дѣлать? Въ чемъ помощь окажемъ? сказалъ Городищевъ.

— Не ровенъ часъ, сказалъ отецъ Андрей,—меня, старика, за оное чтеніе обидѣть могутъ міряне, при вашемъ же званіи не дерзнутъ.

Дѣлать было нечего. Молодые люди согласились. Священникъ ушелъ довольный.

Иванъ Хвалынскій всю ночь не смыкалъ глазъ.

„Вотъ, можетъ-статься, завтра же сражаться придется со всякимъ сбродомъ, думалось ему. Собирались переодѣваться да тайкомъ ѣхать, а тутъ еще внезапу надѣвай полную аммуницію и полѣзай на бунтовщиковъ.“

На утро они одѣлись и отправились въ церковь.

Самыя пестрыя и разнородныя кучки окружали паперть. Половина была съ пути. Нѣсколько человѣкъ двинулись къ нимъ отъ церкви на встрѣчу и закидали вопросами.

— Вы гонцы?

— Изъ Москвы? Съ Оренбурга?

— Ты чтоль объявишь манифестъ?

— Да вы государевы чтоль? присталъ одинъ рослый казакъ съ котомкой за плечами и съ дубиной.

— Государевы... Видишь офицеры, удивленно вымолвилъ Городищевъ.

— А гдѣ онъ, батюшка милостивый? Гдѣ?

— Кто такой? Про кого ты спрашиваешь?

— Государь же.

— Какой государь? воскликнулъ Иванъ въ удивленьи.

Молодые люди разсмѣялись.

— Вонъ оно что! Вы изъ государевыхъ, да токмо изъ другихъ, сказалъ казакъ съ котомкой и презрительно усмѣхнувшись прибавилъ:—Изъ бабьихъ!

Кучка отхлынула косясь и ворча себѣ подъ носъ. Молодые люди вошли въ церковь. На проходѣ ихъ, нѣкоторые кланялись, заглядывали пристально и внимательно въ ихъ лица, но большинство смотрѣло подозрительно и злобно.

На всѣхъ лицахъ было или смятенье и боязнь, или злоба и насмѣшка.

Служба началась, церковь все болѣе наполнялась всякимъ сбродомъ. У паперти толпились Башкиры и Татары не снимая шапокъ. Всѣ ждали нетерпѣливо.

Послѣ цѣлованья креста отецъ Андрей взошелъ на амвонъ и началъ нетвердо:

— Братія, православные христіане и вы иновѣрцы допущенные во святой храмъ токмо за важностью чего услышите. Хочу я просвѣтить ваше заблужденіе и остеречь отъ неразумныхъ разглашеній. Послушайте, православные. Господа офицеры порукою суть мнѣ своимъ присутствіемъ во истинѣ того что̀ я по приказу, коего ослушать не могу, нынѣ буду...

— Да ну читай чтоль. Чего болты болтать, заворчалъ въ толпѣ огромный мужикъ, плечомъ выше всѣхъ.

— Паша, гляди, шепнулъ Иванъ.—Позналь ты энтого дикобраза?

— Щенокъ! Что̀ у Француза Дюваля въ службѣ былъ.

— Самый онъ. Ахъ бездѣльникъ! Вѣдь онъ въ шайку пробирается. И какъ живо! Знать не пѣшкомъ.

Батюшка между тѣмъ долго раскладывалъ листъ и погладивъ его рукой наконецъ началъ читать:

— По указу Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, отъ губернской канцеляріи, отъ господина оренбургскаго губернатора, генералъ-поручика и кавалера Рейсдорпа публикуется. Извѣстнымъ учинилося что о злодѣйствующемъ съ Яицкой стороны въ здѣшнихъ обывателяхъ, по легкомыслію нѣкоторыхъ разгласителей, носится слухъ якобы отъ другаго состоянія нежели какъ есть. Но онъ, злодѣйствующій, въ самомъ дѣлѣ бѣглый донской казакъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, который за его злодѣйство наказанъ кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ его знаковъ, но чтобы въ томъ познанъ не былъ, того ради онъ предъ предводительствуемыми никогда шапки не сымаетъ, чему нѣкоторые изъ здѣшнихъ бывшихъ у него въ рукахъ самовидцы, изъ которыхъ одинъ солдатъ Демидъ Куликовъ, вчера выбѣжавшій, точно засвидѣтельствовать можетъ, а какъ онъ, Пугачевъ, съ измѣнническою его толпою, по учиненіи нѣкоторымъ крѣпостямъ вреда, сюда идетъ, то по причинѣ того ложнаго разглашенія всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ

объявляется что всякъ самъ изъ поступковъ его можетъ понять что онъ, Пугачевъ, злодѣй и какъ изверженный отъ честнаго общества старается вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества честныхъ рабовъ поколебать и ввергнуть въ бездну погибели, а при томъ имѣніемъ ихъ обогатиться, какъ то онъ въ раззоренныхъ мѣстахъ и дѣлаетъ. Въ предвареніе чего всякій увѣщевается, во время наступленія его съ измѣнническою шайкой, стараться для сохраненія общества, дома и имѣнія своего, стоять противъ толпы его до послѣдней капли крови своя, такъ какъ вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества рабамъ надлежитъ и присяжная каждаго должность обязуетъ и отнюдь никоимъ ложнымъ разглашеніямъ не вѣрить.

Отецъ Андрей кончилъ. Гробовое молчаніе наступило кругомъ, но вдругъ громадный Вавила выступилъ изъ толпы къ амвону и выговорилъ:

— Батька! А манифестъ?

— Какой манифестъ? тихо отвѣчалъ священникъ.—Иного ничего мнѣ не прислано.

— Не прислано... Э-эхъ ты батька, батька! Онъ, ребята, не то вычиталъ намъ, это все отводъ.

— Это одно лукавство ихнее! раздался голосъ изъ толпы.

— Морочитъ, косица! усмѣхнулся Щенокъ.

— Ты кто таковъ чтобы во храмѣ Божьемъ священнослужителя поносить и оскорблять? воскликнулъ отецъ Андрей.

— Я васъ, батюшка, не поношу и не оскорбляю. Мнѣ плевать на васъ. А ты читай что̀ показано. Какой ты тутъ намъ огородъ вывелъ. Бѣглый казакъ? Кто такой бѣглый? А?! За это вѣдаешь ли, какъ гораздо тебѣ бороду надрать можно, а то и еще гдѣ... Вѣдаешь ли чего всякъ за царское изблеванье удостоенъ бываетъ? За это и тебя попа и попадью твою свяжутъ хвостами да въ рѣчку Сакмару.

— Правда! Истинно! закричали голоса:—Читай что̀ показано.

— И опять сказать, громче выговорилъ ободренный Щенокъ.—Демидъ Куликовъ, что̀ ты вычиталъ тутъ, кто таковъ?

— У насъ такого и въ заводѣ не было на слободѣ. Не было, не было! закричали голоса.

— Сія публикація изъ Оренбурга, сказалъ священникъ,—а оный Куликовъ...

— Самъ-то ты куликовъ по болоту гоняешь. Манифестъ читай.

— Подай манифестъ, манифестъ! заволили отовсюду.

— Слушайте, братцы! выступилъ Городищевъ.—Батюшка прочелъ вамъ что̀ слѣдовало, а иного манифеста никакого нѣтъ. Ты же, бездѣльникъ, какъ сюда попалъ? Народъ морочить!

Щенокъ прищурился въ отвѣтъ и приставилъ руку козырькомъ ко лбу.

— А-а! Преблагороднѣйшій Павелъ Павлычъ. Здорово. Прости что опозналъ друга-пріятеля. Отдалече не вижу. Какъ можешь? Поздоровкаемся. — И Щенокъ приблизился грубо усмѣхаясь и полѣзъ въ объятья Городищева.

— Мерзавецъ! воскликнулъ Городищевъ; и звонкая пощечина огласила толпу.

— Во храмѣ Божьемъ! Осквернять святыню Господню! Вонъ изыдите, вонъ! Окаянные грѣшники! воскликнулъ вдругъ отецъ Андрей, поднявъ руки и словно выросъ на полголовы. Глаза его сверкнули, голосъ гремѣлъ, и всякій изъ толпы взглянувъ ему въ лицо отводилъ глаза и шелъ изъ церкви.

Щенокъ между тѣмъ собрался было отвѣчать офицеру словами и дѣломъ, но священникъ, маленькій и щедушный, ухватилъ за воротъ допотопнаго звѣря и кликнулъ причетъ.

Церковь уже опустѣла. Щенокъ поглядѣлъ на отца Андрея и тоже слегка смутился. Что-то особенное и непонятное ему увидалъ онъ въ лицѣ этого попа надъ которымъ сейчасъ шутилъ. Вдобавокъ Щенокъ увидалъ себя одного въ рукахъ шести человѣкъ.

— Ты, батюшка, прости. Я предъ Богомъ... Ты, Павелъ Павлычъ, не гнѣвися за мою преданность. Я обрадовался что повстрѣчалъ тебя.

— Подобаетъ, господа офицеры, заговорилъ отецъ Андрей,— спутать его и при приводѣ ссыльныхъ сдать въ гонку до города.

Щенка окружили, но онъ уже очнулся отъ перваго смущенія, плечомъ выше всѣхъ снова спокойно смотрѣлъ на нихъ словно съ помоста.

— Господа благородные и ты, батюшка, заговорилъ онъ хладнокровно.—Сами вы сказываете не приличествуетъ во храмѣ Божьемъ озорничать. Я же, по безвинности моей, вамъ

не покорюсь, и коли вы полѣзете мнѣ въ лапы, то я тутъ токмо нагрѣшу съ вами. Всѣхъ шестерыхъ по силѣ своей дюжой помну и церковь Божью съ вами исплакощу. Вотъ что!

Щенокъ повернулся, пошелъ изъ церкви, и никто его не тронулъ.

— Какова разшива плыветъ! сострилъ кто-то изъ причетниковъ показывая ему вслѣдъ.

— Не зѣло много въ помочь вы мнѣ были, господа офицеры, укоризненно заговорилъ отецъ Андрей.—Только драку во храмѣ завели!..

Молодые люди смутились и молчали. Отецъ Андрей все еще былъ взволнованъ и совсѣмъ иной человѣкъ.

— Чудной человѣкъ этотъ попъ, сказалъ Иванъ выходя изъ церкви.

Въ слободѣ густая толпа остановила ихъ снова.

— Стой! Воины! Мы вашего писательства въ храмѣ отвѣдали, отвѣдай и вы нашего. Чье лучше да истиннѣе? Читай ты, воловье рыло! закричали Щенку толкая и подсаживая его на телѣгу.

— Нешто я грамотный, дурни! Мое дѣло слухать, а не разбирать печатки, отозвался Щенокъ презрительно.

- Гдѣ Пулырь? Подай Пулыря!.. Пулырь, Пулырь! завыла толпа.

Появился Пулырь, маленькій, плюгавый мужичонка, съ выбитымъ глазомъ.

— Держи вотъ! Бери въ руки-то, очумѣлый! кричалъ на Пулыря Щенокъ, и совалъ ему печатный листъ.

Пулырь взялъ его и глупо усмѣхаясь шевелилъ губами, словно разминалъ ихъ для предстоящаго чтенія.

— Да держи ближе къ глазу-то, чортъ! училъ Щенокъ.— Аль ты носомъ честь будешь?

Пулырь похрипѣлъ и началъ было читать по складамъ:

— По у-ка-зу е-го им-пе-ра....

Но вдругъ появился изъ толпы человѣкъ, мѣщанинъ съ виду, вытащилъ изъ рукъ Пулыря листъ и сложивъ его спряталъ въ карманъ.

— Чего жь ты, Елисей Онуфричъ? Не замай господа офицеры нашинской грамоты отвѣдаютъ.

— Негодно, братцы! вымолвилъ явившійся.

Это былъ купецъ Долгополовъ или названный Елисей Обваловъ.

— Вѣрьте слову негодно, заговорилъ онъ,—не вѣдомо еще чѣмъ Господь порѣшитъ. Насъ ли поищетъ милостью, либо врага возвеличитъ намъ въ наказанье. Коли ужь батюшка нашъ одолѣетъ врага, то господа офицеры свѣдаются въ скорости обо всемъ чего они, мнится мнѣ, еще и не вѣдаютъ по сей часъ. Коли же насъ врагъ одолѣетъ, эти господа офицеры объ васъ не преминутъ вспомнить, и весь вашъ поселокъ въ Сибирь уйдетъ. Смѣкайте, православные, истинно ли я сказываю.

— Молодчина Елисей Онуфричъ! загудѣло десять голосовъ.— Прячь, прячь! Наша грамота имъ и не по рылу.

— Да что же все это значитъ? нетерпѣливо заговорилъ Иванъ. — Что вы хотѣли читать и чего такого мы не вѣдаемъ?

— Я кума мила, въ овинъ повела, а чей куманекъ, мнѣ не домекъ! запѣлъ весело Обваловъ, приплясывая и семеня ногами по землѣ въ тактъ словамъ.

Толпа захохотала.

— Да что вы таите-то? О комъ рѣчь? Огалѣлые! взбѣсился Городищевъ. — Коли о томъ бездѣльникѣ и ворѣ Емелькѣ Пугачевѣ, то вамъ читано было что онъ каторжникъ клейменый.

— Нѣтъ тутъ тебѣ Емельки Пугачева.... Чего приплетать небылицы-то! крикнули изъ толпы. — За хвостъ бы да объ землю!

— Ишши! вы! погрозился Обваловъ на толпу.—Ступайте, господа офицеры, своимъ путемъ-дорогою; може свидаемся еще когда. Не поминайте лихомъ. Мое почтенье. Эй, Алеша! Куда онъ дѣлся? Запрягать пора бы и въ путь... Ну, ребята, вали по домамъ. Черезъ двѣ недѣльки я опять у васъ побываю на обратномъ.

— Заѣзжай, Онуфричъ, заѣзжай! подхватила толпа и стала расходиться по слободѣ.

Треть всей толпы, съ виду проходимцы, побрели вонъ изъ деревни по Оренбургскому тракту.

Молодые люди вернулись домой раздосадованные, чувствуя что все утро проиграли глупѣйшую роль въ своихъ мундирахъ. Старикъ Игнатъ явился къ нимъ съ охалкой.

— На вотъ, ваше благородіе. Одежа богатая, безъ рубля алтынъ весь товаръ стоитъ.

Старикъ бросилъ на лавку цѣлую кучу сѣренькаго платья.

Ввечеру молодые люди со смѣхомъ снимали свои мундиры и надѣвали верблюжьи кафтаны, шаровары и рысьи шапки.

— А во и сайдаки со стрѣлами! принесъ имъ хозяинъ пару калчановъ калмыцкихъ.—Пистолеты и сабли все зацѣпите, пригодится. Сайдаки токмо для виду. Коли ужь кто остановку причинитъ, то ты, Павелъ Павлычъ, запомни молвить такъ-то: *лешты балдыранъ*. И учинитъ всякъ пропускъ коли онъ начальный, а коли ужь такъ гулебщикъ, либо бѣгунъ какой, то не жди, сплюнь ему въ рожу изъ пистолета.

— А что̀ есть лешты балдыранъ?

— А лѣшій ихъ знаетъ. По ихнему калмыцкому чтой-то. Токмо сказываю: всякъ старшой пропускъ чинитъ по семъ словѣ.

Въ ночь молодые люди собрались въ дорогу, но запоздали проискавъ и прождавъ напрасно Максимку. Хозяинъ наконецъ, подробно разспросивъ на селѣ о деньщикѣ, доложилъ что мальчугана видѣли съ кѣмъ-то изъ проѣзжихъ, котораго онъ называлъ Алексѣемъ, и что съ тѣхъ поръ онъ не ворочался домой.

— Ну и шутъ съ нимъ коли сбѣжалъ, рѣшилъ Иванъ.

Оставивъ мундиры, кой-какія вещи и бричку у Игната, офицеры выѣхали верхомъ Калмыками. Съ ними же поѣхалъ отряженный проводникъ, родомъ Башкиръ. Игнатъ подробно наказывалъ ему какъ сдать господъ съ рукъ на руки на уметъ Шамая Татарина близь Бердской слободы.

— Оный Шамай много мнѣ одолженъ и во всемъ вамъ служить будетъ. Ну Господь съ тобой, Павелъ Павлычъ, и ты, ваше сіятельство. Можетъ Богъ дастъ на доброе вернетесь чѣмъ съ Нѣмцами укрѣпляться супротивъ закона! Да не лихъ вамъ. Молоды...

— Что̀ ты, Игнатъ? удивился Городищевъ, уже выходившій въ сѣни.

Старикъ не отвѣчалъ и обратился къ Башкиру:

— А ты, свиная нехристь, крѣпко накажи отъ меня Шамаю что коли доставитъ господъ въ Оренбургъ сохранно, то пусть засылаетъ кого сюда за моею чалою кобылой. Даромъ стало, а не за деньги. У меня одно слово! Да онъ все это пойметъ самъ. Ты токмо не запамятуй о кобылѣ-то.

— Якши, якши, кивалъ этотъ головой.—Ладно.

— А не доставитъ господъ въ цѣлости, я ему басурману съ плечъ голову снесу. Нонѣ оно самое повычное. Совсѣмъ непримѣтна стала жизнь человѣчья. Скажутъ казакъ атаманъ убилъ за супротивленье закону. Ну Господь васъ храни. Вотъ и я, Павелъ Павлычъ, дожилъ что тебѣ отплатилъ за милости и щедроты твоего батюшки покойнаго.

Молодые люди молча перекрестились, молча сѣли на лошадей и выѣхали за ворота. Смутно было у нихъ на душѣ.

Ночь стояла свѣжая, свѣтлая и серебристая. Слобода спала, а за ней разстилалась степь голая и отверстая во всѣ края.

XVI.

Отъ деревни Сурманаевой до умета Татарина Шамая путники, переодѣтые Калмыками, доѣхали благополучно. На второй день на зарѣ подскакали къ нимъ три яицкіе казака слегка пьяные, но увидя оружіе отъѣхали въ сторону, только одинъ крикнулъ:

— У калмыцкой собаки пистолей не видывано! Кого морочите! Коли же вы гонцы въ Оренбургъ съ грамотами, такъ вамъ бы честію явиться къ царю.

— Къ какому такому царю? закричалъ Иванъ.

— Къ какому? Одинъ царь-то!

— Поди опохмѣлись! крикнулъ Городищевъ.

— Скажи ему, бачка, шепнулъ Башкиръ,—Разина ты порода. Ой! не карашо для Яицка казакъ.

— Эй, ты, слушай! крикнулъ Городищевъ.

— Чего, отозвался одинъ.

— Разина порода!

Казаки погрозились кулаками и собрались было ѣхать, но вдругъ одинъ изъ нихъ, будто укушенный, повернулъ коня и подскакалъ ко мнимымъ Калмыкамъ, а за нимъ и другіе двое. Иванъ оторопѣлъ, хотѣлъ взяться за пистолетъ, а рука вытащила саблю. Городищевъ выпалилъ разъ и промахнулся. Всадники сшиблись, а Башкиръ вскрикнулъ: „Гайда!“ и припустилъ свою лошадь во весь духъ куда глаза глядятъ.

— Давай грамоты—помилуемъ! кричалъ передовой, налѣзая на Ивана съ саблей.

Городищевъ выпалилъ еще изъ другаго пистолета, и налѣ-

завшій на Ивана старый казалъ съ ругательствомъ свалился на землю. Лошадь ускакала. На другаго бросился Городищевъ съ саблею и крикнулъ Ивану:

— Пали, пали!

Иванъ отвернулся отъ удара подскакавшаго къ нему третьяго казака, бросилъ саблю на землю и вынувъ пистолеты выпалилъ безсознательно изъ обоихъ заразъ чуть не въ упоръ. Раненый конь противника взвился на дыбы и опрокинулся, а казакъ, съ пулей въ головѣ, мертвый грянулся о землю, оставшійся повернулъ лошадь и ускакалъ во весь опоръ. Иванъ пустился было съ крикомъ въ погоню, но вспомнилъ что безоруженъ.

— Эка обида! Ну, попадись ты мнѣ! крикнулъ Иванъ дрожа всѣмъ тѣломъ отъ испытаннаго.

Молодые люди съѣхались, переглянулись и вздохнули.

— Ну вотъ и побились! весело тряхнувъ головой вымолвилъ Городищевъ.—Въ первой разъ въ жизни. Что́ жь? Двое на трое вѣдь. Токмо ты, воинъ, зачѣмъ же саблю-то бросилъ на земь?

— Я, Паша, ничего и не смекну. Какъ все это повершилось. Охъ, Господи!... Двухъ!... И зачѣмъ лѣзли? помолчавъ выговорилъ Иванъ, отворачиваясь отъ двухъ труповъ распростертыхъ на землѣ.

— Чего тебя тресетъ-то? Со страху?

— Отвратнѣе ничего нѣтъ: человѣчью кровь лить! прошепталъ Иванъ.

Раздался топотъ, оба вздрогнули и обернулись. Это былъ Башкиръ.

— Ловкій ты песъ, свиное ухо!

— Мой, господа, ничего. Нѣтъ сайдакъ, нѣтъ сабля!

— А ноги есть чтобъ удирать.

— А ноги не мой, ноги у маштакъ, хладнокровно отвѣтствовалъ этотъ, сваливая вину на лошадь.

Въ полдень молодые люди были въ окрестностяхъ Оренбурга на уметѣ Татарина Шамая. Маленькій, востроглазый и живой человѣчикъ объяснилъ имъ прямо и просто:

— Проявился у насъ и идетъ въ Москву на царство вступать государь Петръ Ѳедорычъ. Всѣ здѣшнія фортеціи батюшка ужь порастресъ да и самый Аранбурхъ малость повредилъ.

Молодые люди были поражены извѣстіемъ. Шамай обѣщался

однако (ради полученія чалой кобылы) самъ доставить ихъ до Оренбурга, ѣхать только слѣдовало по ночамъ, объѣхать деревушку Каргале, переплыть въ лодкѣ Сакмару и бросивъ лошадей пѣшкомъ войти въ городъ.

— А твой два маштакъ мнѣ даритъ! выговорилъ себѣ Шамай обѣ лошади въ награду за проводы.

Молодые люди отдыхали еще на уметѣ. Проѣхать было нельзя отъ постоянныхъ разъѣздовъ мятежниковъ изъ Берды.

На третій день въ полдень, когда Городищевъ сидѣлъ зѣвая на лавкѣ, а Иванъ дремалъ въ углу, вдругъ вбѣжалъ Шамай.

— Смотри! Смотри! Господа! Ѣдутъ!...

Оба вскочили съ мѣстъ.

— Что̀ такое? Кто ѣдетъ?

— Смотри! Всѣ ѣдутъ. Много! Много ѣдутъ?

Молодые люди бросились къ окнамъ. Послышался густой топотъ и вскорѣ появилась конница. Впереди всѣхъ скакалъ на лихомъ сѣромъ жеребцѣ въ аломъ кафтанѣ и въ алой шапкѣ молодой малый съ русою бородкой. Онъ красиво и молодцовато сидѣлъ въ сѣдлѣ, а конь его размашисто стучалъ по дорогѣ. За нимъ скакало человѣкъ шесть казаковъ въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, а сзади не вдалекѣ неслась цѣлая ватага конныхъ всякаго разбора, человѣкъ до тридцати, старые и молодые, красивые и дурнорожіе, нарядные и оборванные, и наконецъ одинъ краснолицый сутуловатый и безносый.

Первая кучка пронеслась молодцовато, вторая на плохихъ лошадяхъ. Кто вскачь, кто рысью, въ перемежку. Шумъ, веселый говоръ, гиканье и смѣхъ заглушали конскій топотъ. Безносый отставъ ото всѣхъ махалъ шапкой и качался въ сѣдлѣ, очевидно пьяный. Двое казаковъ ради потѣхи ѣхали за нимъ и подгоняли нагайками его хромую лошадь. Иванъ, при видѣ русаго молодца, ахнулъ и протеръ глаза:

— Господи помилуй! воскликнулъ онъ вдругъ.

— Ваня! Ваня! воскликнулъ Городищевъ.—Вотъ похожъ-то!

— На Параню! изумленно выговорилъ Иванъ глядя на друга.

— Въ одно слово! тоже съ изумленіемъ вымолвилъ Городищевъ, и оба молча поглядѣли другъ на друга.

— Вотъ чудно̀-то, сказалъ наконецъ Иванъ.—Живая Параня въ кафтанѣ. Господи помилуй!

— Видѣлъ, господинъ? Видѣлъ, приставалъ между тѣмъ Шамай. Онъ!—Пётра Ѳедорычъ!

— Вотъ тебѣ и бездѣльникъ Емелька съ рваными ноздрями, да клейменый. Вѣдь красавецъ просто, сказалъ Иванъ.

— На казака бѣглаго походитъ мало, что̀ ни говори! рѣшилъ Городищевъ задумчиво.—Одно слово Прасковья Алексѣевна, будущая княгиня Хвалынская, прибавилъ онъ смѣясь.

— Якши! А? Петра Ѳедорычъ. Якши! Харашо? сказалъ Шамай подбочевясь и представляя всадника на конѣ.

— Ничего!... Для злодѣя хорошъ! усмѣхнулся Иванъ, качая головой въ недоумѣніи.

— Бѣглый ли? Емелька ли казакъ? спросилъ Городищевъ.—Просто диво! Ей-ей!

— Кто жь вѣдаетъ? Не мы крестили, Паша, засмѣялся Иванъ.

— А-ахъ! Якши! повторялъ Шамай...—Якши! Харашо Петра Ѳедорычъ!

XVII.

Черезъ часъ въ большой татарской хатѣ, середи деревушки Каргале, сидѣли кругомъ человѣкъ десять казаковъ и держали совѣтъ. Русый молча сидѣлъ съ ними и никѣмъ не спрашиваемый задумчиво глядѣлъ на тусклый свѣтъ маленькаго окошка изъ слюды. Пугачева не было. Онъ уже дня три пропадалъ безъ вѣсти.

Атаманскій кругъ послѣ совѣщанія рѣшилъ идти на утро къ Орской фортеціи, гдѣ, сказывали бѣгуны, много казны, пороху и оружія. Чика̀ совѣтовалъ выступить немедленно съ вечера.

— А по мнѣ сейчасъ бы и въ путь, прибавилъ Лысовъ.

— Обождите, атаманы, Иваныча! сказалъ Чумаковъ.—Онъ вѣдь не зря шляется. Можетъ новое что̀ свѣдаетъ да привезетъ.

— Пугачева неча ждать, вмѣшался Овчинниковъ.—Онъ можетъ ужь давно въ острогѣ Оренбургскомъ сидитъ теперь. Больно прытокъ. Чего вздумалъ развѣдывать самолично... Вотъ и провѣдалъ себѣ кандалы!

— Пожалуй что сидитъ! сказалъ Лысовъ.—Нехай. Съ нимъ согласія мало. Что̀ ни вздумай кругъ, а онъ на свое тянетъ да вершитъ...

— А много бы ты безъ него-то навершилъ? сердито отозвался Чумаковъ.—Кто все развѣдываетъ да все знаетъ гдѣ какъ извернуться? Ты чтоль, пьяная рожа?

Лысовъ отвернулся и промолчалъ.

— Да, безъ Емельяна мы бы еще пожалуй около Яицка по степи зря кружили, сказалъ Русый.—Онъ повелъ на фортеціи. Онъ же ухитрился какъ и Татищеву взять. Онъ же потомъ....

— Ну да! злобно перебилъ Лысовъ.—Вѣстимо не ты, а онъ выдумщикъ у насъ и коноводъ. Ему бы ужь и Петромъ Өедорычемъ быть, а не тебѣ, тётенька. Тебѣ бы въ кормилицы идти.

Русый молчалъ, только слегка поблѣднѣлъ.

— Полно лаяться, Лысовъ, замѣтилъ Чумаковъ.

Казаки поднялись и вышли на улицу. Атаманы стали готовиться ѣхать къ своимъ отрядамъ чтобы на утро выступить къ Орской крѣпости.

Черезъ полчаса кто-то крикнулъ:

— Пугачевъ!... Онъ! Ѣдетъ, ѣдетъ!

— Емельянъ Иванычъ! повторилось на улицѣ и въ хатѣ и всѣ зашевелились на встрѣчу.

Пугачевъ въ сопровожденіи двухъ Татаръ, усталый, но довольный и веселый, шагомъ подъѣхалъ къ хатѣ.

— Здорово, атаманы лежебоки. Я чаю вы ужь упокоеньемъ поминали меня.

Поѣвши и напившись каймаку Пугачевъ спросилъ:

— Какъ дѣла, атаманы? Выкладывай свое. А тамъ я свое вытрясу.

— Да ты гдѣ былъ-то? спросилъ Чумаковъ.

— Гдѣ меня нѣту? Ну сказывай напредъ у васъ, лежебоки, что̀ новаго? Что̀ нашъ Петръ Өедорычъ, воздыхаетъ да молитъ. А?

Чика объявилъ рѣшеніе казацкаго круга идти на Орскъ.

— Это зачѣмъ? рѣзко спросилъ Пугачевъ.—Почто ужь не прямо въ Сибирь? Въ Иркутскъ? Право. Ишь что̀ высидѣли. Это ты чтоль, Лысовъ, выляпилъ?

— Я сказывалъ что ты не будешь въ согласникахъ.

— Въ Сибирь-то идти? Не спѣши. Всѣ тамъ будемъ. А теперь своею волей идти туда не зачѣмъ.

— Что̀ жь дѣлать-то? сказалъ Чика.—Въ степи сидѣть, да ждать чтобы выступили на насъ войска изъ Оренбурга?

— Зачѣмъ? Нѣтъ, мы сами на Оренбургъ выступимъ. Мало что пожгли его, мы его штурмовать будемъ.

Послѣ долгаго спора и отказа большинства идти на городъ, Пугачевъ всталъ, надѣлъ шапку и вымолвилъ:

— Счастливо оставаться, атаманы.

— Куда ты? вымолвилъ все время молчавшій Чумаковъ.

— Въ степь, кличъ кликать. И черезъ недѣлю у меня, Емельяна Иванова, будетъ армія въ десять тысячъ не хуже вашей, а съ ней я пойду на Оренбургъ. А чучело-то это мнѣ не нужно, кивнулъ онъ головой на Русаго.

— И я съ тобой, Иванычъ! сказалъ Чумаковъ вставая.

— Полно, атаманы! вымолвилъ Чика. — Коли у насъ въ разбродъ пойдетъ, то намъ не жить. Ну быть по-твоему, Емельянъ Иванычъ. Токмо, скажи ты мнѣ, поясни, почему ты на такое дѣло идешь? Оренбургъ не Татищева! Свѣдалъ ты чтоль про нихъ что̀?

Пугачевъ разказалъ все что̀ узналъ и передалъ подробныя свѣдѣнія объ Оренбургѣ, количествѣ гарнизона, о хлѣбныхъ запасахъ, о настроеніи солдатъ и казаковъ, о страхѣ господствующемъ въ жителяхъ.

— Они опасаются что мы полѣземъ на городъ: ну стало намъ и надо быть лѣзть. Небось Москва не опасается. Вотъ что̀! А самое главное всѣмъ болтать я не стану. А вотъ ты Чика да Чумаковъ пойдемъ со мной. Я вамъ скажу что̀ у меня на умѣ. А ты, Лысовъ, не ходи, достань косушку вина, да и утѣшайся, а то съ Петромъ Ѳедорычемъ зубоскаль...

И трое казаковъ вышли на улицу, и тихо разговаривая пошли по слободѣ.

XVIII.

Середи ночной тиши Городищевъ и князь Иванъ тихо подвигались на усталыхъ коняхъ черезъ пустую степь и трепетно ожидали когда ихъ проводникъ Шамай укажетъ имъ рѣчку и скажетъ: Вотъ Сакмара.

Пока они не переправились черезъ Сакмару жизнь ихъ была на волоскѣ, потому что повсюду виднѣлась конная и пѣшая сволочь. То и дѣло останавливали и опрашивали Шамая то Яицкіе казаки, то Татары и Калмыки.

Наконецъ Шамай, ѣхавшій впереди, привсталъ на стременахъ и вытянувъ руку съ нагайкой предъ собой вымолвилъ:

— Сакмара! Вашъ, господинъ, можно теперь батка крестилъ и слава Богъ говорилъ.

Впереди змѣйкой извивалась въ камышахъ и блестѣла небольшая рѣка....

— Конь пропадай... Конь я бери. А вамъ съ Богомъ на ноги и Оренбургъ бѣги...

Молодые люди спѣшились. Шамай пошелъ искать въ высокомъ тростникѣ спрятанную лодку.

— Чаятельно святки и ряженье наше миновались; черезъ часъ будемъ въ Оренбургѣ! весело заговорилъ Городищевъ.

Въ степи раздался топотъ скачущихъ. Молодые люди вздрогнули и собрались опять садиться на коней, Шамай выскочилъ изъ тростника.

— На нога! На нога! Ступай въ будара! Гайда! Гайда! Мой возьми конь! Шамай сѣлъ на лошадь, схватилъ двухъ другихъ подъ узды и скрылся съ ними въ тростникѣ шаговъ за двѣсти.

Молодые люди бросились въ мѣсто откуда выскочилъ Шамай, и найдя будару, т.-е. маленькую лодку, легли въ нее. Топотъ и голоса раздались въ нѣсколькихъ шагахъ: и Иванъ увидѣлъ сквозь тростникъ четырехъ всадниковъ приближавшихся шибкою рысью.

— А коли жь и они за бударой? шепнулъ Иванъ.

— Избави Господь! отозвался Городищевъ.

— Не предалъ ли Шамай? Сглазилъ я насъ, Паша.

Всадники подъѣхали шаговъ на десять и стали. На секунду тишина воцарилась надъ рѣкой, только лошади ихъ тяжело дышали...

— Весла есть, отчалимъ, шепнулъ Городищевъ.

— Зашумитъ тростникъ!.. Не можно! Ахъ, что̀ дѣлать, Паша? Говори! Говори! заметался Иванъ. Отчалить?!

— Нѣтъ! Молчи.

— Стой! Паша, коли я помру, а ты спасешься, скажи Паранѣ что я помирая...

— Ну тебя! Молчи. Типунъ тебѣ.

Одинъ изъ всадниковъ обернулся къ остановившемуся поодаль Татарину и крикнулъ:

— Лай-ханъ, будара тутъ будетъ?

— Мà, бачка! Не величка есть!

И заднiй объѣхалъ ихъ, приближаясь къ самой рѣкѣ.

— Отчаливай, чуть не вслухъ выговорилъ Городищевъ.

Молодые люди судорожно и отчаянно уперлись веслами въ берегъ, крѣпко налегли на нихъ, и будара скользнула на сажень отъ берега. Тростникъ зашелестѣлъ слегка, но тотъ же голосъ крикнулъ громко:

— Лай-ханъ! Не надо!....

Молодые люди выплыли на середину рѣки. Иванъ гребъ что было силы, а Городищевъ присѣлъ на середкѣ, и держалъ оба пистолета наготовѣ, въ случаѣ если на нихъ бросятся вплавь.

— Эй, кто тамъ? Кто такіе? крикнулъ имъ тотъ же голосъ повелительно, когда они выбрались изъ камыша.

— Молчи, Паша!

— Небойсь... Дай только отъѣхать... шепнулъ Городищевъ.

Одинъ всадникъ подъѣхалъ къ самому берегу и крикнулъ что-то по-татарски. Оба молчали. Татаринъ крикнулъ громче.

— Курды-мурды! Калмыцкій лесъ! Свиное ухо! крикнулъ Городищевъ во все горло.

— Полно, Паша! Ну если вплавь.

— Не вытерпѣлъ, Ванюша! Коли ихъ намъ не видно, такъ и насъ не видать.

Они пристали къ противололожному берегу, выскочили изъ бударки и побѣжали.

— Стой! Да куда жь бѣжать-то? остановился Городищевъ. Дай вспомнимъ, въ коемъ мы мѣстѣ Сакмары. Выше, либо ниже того гдѣ мостъ Бердскій. Чаятельно выше!...

— И нѣтъ... ниже... Право ниже, Паша.

Они посмотрѣли на небо и разсудили что надо идти по звѣздамъ вправо чтобы прямо придти къ Бердскимъ воротамъ Оренбурга.

Послѣ долгой усиленной ходьбы они увидѣли огоньки, и сильный запахъ дыма донесся къ нимъ съ вѣтромъ.

— А вѣдь это пожарище, это огоньки тлѣютъ, сказалъ Иванъ:—это не въ домахъ огни свѣтятъ.

Чрезъ минуту не оставалось никакого сомнѣнья. Все предмѣстье Оренбурга чернѣлось въ видѣ еще дымящихся головней. Только одна изба уцѣлѣла да церковь Егорьевская стояла среди пожарища, а за ней темнѣлись стѣны города.

— Слава Отцу Небесному! Оренбургъ-то хоть на мѣстѣ.

Часовой пугливо и громко окликнулъ ихъ.

— Свои, братъ, свои! Не зарься на кафтаны!

— Здорово, Егоровъ! воскликнулъ Городищевъ, узнавъ часоваго изъ своей роты.

— Чтò такое у васъ? Пожаръ чтоль былъ?

— Нѣту. Какой пожаръ, ваше благородье? Это насъ подпалилъ малость оный Емелька воръ.

XIX.

— Кто такіе, Лай-ханъ? спросилъ Пугачевъ вернувшагося отъ рѣчки Татарина.

— Калмыки! Своего не спознали и по-русски ругаются.

— Далеко ль они? спросилъ Чика Зарубинъ.

— У-у! И не ищи! Калмыкъ со страху—зайца обгонитъ.

— Ну Лай-ханъ, бери коней и отойди съ ними, сказалъ Пугачевъ.—Когда понадобиться позовемъ.

Оба слѣшились и стали развязывать Русаго который былъ прикрученъ веревкой къ сѣдлу. Молодой малый тяжело дышалъ и молчалъ; его сняли съ лошади и развязавъ ноги поставили на землю. Лай-ханъ взялъ всѣхъ лошадей, повелъ ихъ и сталъ вдалекѣ у камыша.

— Ну, братъ. Ты свой нарядъ отбылъ. Не погнѣвайся нынѣ. Чужими руками полно жаръ загребать. Буде!

Говоря это, Пугачевъ досталъ изъ-за пояса пистолетъ. Этотъ тихо ахнулъ и шелохнулся.

— Чика, отцѣпи шашку у него.

Чика исполнилъ приказанье.

— Ну вотъ ты и разжалованный! сухо усмѣхнулся Пугачевъ.—А теперь гайда въ адъ кромѣшный. Мнѣ мѣстечко готовь.

— Емельянъ Иванычъ, побойся Бога, глухо вымолвилъ молодой малый.—Я думалъ вы меня отпустите.

— Нѣтъ, родимый, такъ не подобаетъ. Не я это порѣшилъ. Кругъ войсковой порѣшилъ, послать тебя гонцомъ къ чертямъ, какъ-то странно, будто насилуя себя на веселый ладъ, вымолвилъ Пугачевъ.

— За чтò же это злодѣйство? Чтò я вамъ сдѣлалъ?

— Ни за чтò. А вишь чтò: первое, ты нонѣ съ нами, а на утро сробѣешь, покаешься самозванцемъ и народъ весь сму-

тишь, благо довѣряютъ тебѣ. Второе, ты намъ не съ руки. Ты вишь бѣлоручка, барчонокъ, крови человѣчьей робѣешь. Мы казаки тебѣ не по нраву, да и ты намъ не по рукѣ. Третье: буду я сказывать что коли распубликованье учинили Нѣмцы вездѣ якобы всему бунту заводчикъ Емелька Пугачевъ, то по истинной справедливости треба мнѣ на твое мѣсто. Коли я, милый, не конѣ, завтра повезу сани, такъ дай мнѣ и скатиться въ нихъ. Такъ ли, Чика?

— Точно. Да всѣ атаманы Емельяна желаютъ. Онъ и видомъ, слышь, болѣ подобія имѣетъ съ государемъ чѣмъ ты.

— Я не объ этомъ спорить хочу, Богъ съ вами. Я отступаюсь. Отпустите только меня. Богомъ божуся что прямо отсюда проберусь на Иргизъ, а оттуда домой. И не услышите вы обо мнѣ никогда.

Пугачевъ молча взглянулъ на Чику.

— Прытокъ больно.... Пусти его!... сказалъ Чика. — Ты только явися гдѣ тутъ, да народу обжалуй насъ, такъ онъ живо порѣшитъ обоихъ. Не можно, любезный. Будетъ съ тебя, поцарствовалъ. Ну, помолись какъ умѣешь, чтò жь псомъ кончаться-то. Пали, Иванычъ!...

— Емельянъ Иванычъ, пощади! молодой малый всплеснулъ руками и зарыдалъ.

— Полно! полно! воскликнулъ Чика.—Чего жь ты глядишь? обратился онъ къ Пугачеву.—Пали!

Пугачевъ сопѣлъ тяжело и не шевелился. Русый держалъ его за руку съ пистолетомъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Эхъ-ма! Не умѣетъ вашъ братъ и помирать! укоризненно вымолвилъ Чика.—И ты тоже, Емельянъ, хуже дѣвки. Давай сюда пистоль.

Чика взялъ пистолетъ изъ рукъ молчавшаго Пугачева и крикнулъ Русому:

— Ну крестись, чтоль.... Ну! не хочешь?

— Зарубинъ, пощади. Богъ свидѣтель что я...

Раздался выстрѣлъ. Шарахнулись кони въ камышахъ, и тихо ахнулъ Татаринъ. Размахнувъ руками, безъ крика повалился на землю молодецъ съ пулей въ сердцѣ. Но вся спавшая степь проснулась вдругъ и словно откликнулась на злодѣйство. И долго, дотолѣ безмолвная, долго гудѣла теперь...

— Лай-ханъ! крикнулъ Чика. — Давай коней! Бери вотъ, пусти внизъ по Сакмарѣ.

— Можно кафтанъ взять? заискивающе спросилъ Татаринъ.

— Попробуй! Убью! Ну, живо!

Лай-ханъ передалъ лошадей Чикѣ, поднялъ трупъ и взваливъ на плечо потащилъ къ рѣкѣ. Черезъ минуту раздался плескъ воды. Татаринъ вернулся бормоча жалобно:

— И кафтанъ пропалъ и сапоги пропали....

— А ты.... Хочешь помирать? спросилъ Чика, приставляя разряженный пистолетъ къ его лицу.

— Ни-и! Ни-и! завылъ Лай-ханъ, падая на колѣни.

— Нѣтъ, за него неча опасаться! сказалъ Пугачевъ.

— Добро! Коли охота жить, то держи теперь языкъ за зубами крѣпко.

Всѣ трое стали садиться на лошадей.

— Чего жь ты, Иванычъ! Своего коня не познаъ. Садись на царскаго! сказалъ Чика бодро и весело.

— И то правда, усмѣхнулся Пугачевъ.

Всѣ трое сѣли. Татаринъ взялъ четвертую лошадь въ поводу.

— Стремена припустить надо! Ишь онъ коротконогій! А жаль было его. Чудно! Не могу я такъ вотъ неоружнаго убить. А разозли—зубами изорву. А вѣдь не все ль равно—убивство, говорилъ Пугачевъ уравнивая стремена.

— Спасибо что заварилъ кашу, а разхлѣбать-то мы и безъ него сумѣемъ, сказалъ Чика и прибавилъ:—Барченокъ былъ.

Пугачевъ сталъ садиться въ сѣдло. Лошадь прыгала.

— У, добрый конь! Дологъ ли чередъ-то мой кататься? Стой окаянный!

— Твоя забота, Емельянъ Иванычъ! Будешь служить хорошо—любить будемъ. Теперь всѣ тебя желаютъ.

Пугачевъ выбралъ мгновенье, вскочилъ и подобралъ поводья. Конь взвился на дыбы и ретиво заржалъ, грызя удила.

— У-ухъ.... ты! персидскій!

Они тронулись съ мѣста. Чика смѣясь снялъ шапку.

— Ну, теперь... Государь Петръ Ѳедорычъ, многовѣчно здравствуй! Ура!

— Спасибо! Чтò проку въ многовѣчіи? По мнѣ, пріятель, будь улица моя не долгонька, да пословоднѣе чтобы было гдѣ съ локотками обернуться. Поживи мало, да гораздо!—Пугачевъ вздохнулъ и прибавилъ:—Ну съ Богомъ! Припустимся. Глянь-ко, вотъ теперь какъ Емельянъ самодержавить учнетъ!

Казаки гикнули и пустились вскачь. Конь Пугачева рвался впередъ и лихо забирая ногами летѣлъ какъ стрѣла. Пугачевъ ухорски пригнулся въ сѣдлѣ и припуская еще поводья гаркнулъ во все горло:

— Ау!... Матушка.... Москва!! Стой, не вались — вдарю въ поджилки! А-а-у!...

— Ау!! откликнулась кругомъ все та же дикая, унылая степь.

Е. САЛЬЯСЪ.

БОЛГАРІЯ*

СЛАВЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.

Балканы.

Тихомолкомъ, украдкой пробирался черезъ равнину отрядъ воеводы Дмитрія и вступилъ въ предгоріе Великихъ Балканъ. Здѣсь онъ отдыхалъ привольнѣе; но когда онъ подходилъ къ хатѣ, ему давали хлѣба, сыра, говорили: Богъ помощь!—и только; а когда онъ останавливался на привалъ при овчарнѣ, чабаны давали молока, барана даже жарили, кормили, поили, приговаривали: Богъ помощь!—и только. Нигдѣ отрядъ не встрѣтилъ такого болгарскаго момака который сказалъ бы: я съ вами, и пошелъ бы за нимъ. Когда заговорятъ со старикомъ, онъ отвѣчаетъ: да благословитъ Господь Богъ того кто желаетъ намъ добра! Эти воины свободы не нашли ни одного человѣка желающаго свободы; никто не захотѣлъ сдѣлаться ихъ пособникомъ. Ни одинъ Болгаринъ не поспѣшилъ стать подъ болгарское знамя. Богъ помощь!—и только; но Богъ не

* См. №№ 6, 7 и 8 *Русск. Вѣстн.*

помогалъ Болгарамъ, такъ равнодушнымъ къ свободѣ и счастію Болгаріи.

Днемъ люди прячутся въ ярахъ, въ заросляхъ, въ лугахъ, въ разсѣлинахъ скалъ, а ночью идутъ. Нѣтъ ни слуху, ни духу о Божьемъ свѣтѣ. Прошли Драновъ, пришли въ Грановъ, все то же: Богъ помощь!—и только. Такъ добрался отрядъ до *колибъ* * въ Балканахъ.

Вотъ цѣлыя поля розовыхъ кустовъ; здѣсь дѣлаютъ знаменитое розовое масло, называемое казанлыцкимъ. Кусты стоятъ безлистные, розъ на нихъ нѣтъ. Народъ въ этой мѣстности видный, момцы статные, момицы красивыя, но въ душѣ ихъ нѣтъ огня свободы и на лицѣ ихъ не цвѣтетъ надежда; они словно полумертвые: Богъ помощь!—и только.

И такой народъ Юная Болгарія хотѣла возбудить къ возстанію декламаціями и протестаціями, циркулярами и газетами!

Такой народъ Старая Болгарія хотѣла, при помощи гайдуковъ, сдѣлать поголовно гайдуками!

На первое не было средствъ, на второе не достало времени, и добились они только пожеланій: дай Богъ! Помоги вамъ Богъ!

Церковь, король и господинъ, будь онъ бей, спагій, бояринъ или шляхтичъ, былъ бы только господинъ, могутъ побудить къ возстанію, поднять народъ на ноги, посадить на коня и призвать къ оружію.

Болгарская церковь еще не церковь: она едва начинаетъ освобождаться отъ притѣсненій Грековъ. Высшее духовенство лучше чорбаджіевъ и свѣтскихъ кандидатовъ на административныя должности, требующія извѣстныхъ способностей, изъ числа людей составляющихъ теперь цвѣтъ народа. Но у этой церкви нѣтъ еще ни патріарха, ни экзарха; она поддерживается заговоромъ и чужимъ покровительствомъ, она входитъ въ соглашеніе съ низшимъ духовенствомъ, ладитъ съ нимъ, но не можетъ имъ распоряжаться, и пройдетъ не мало времени прежде чѣмъ она сдѣлается нравственнымъ руководителемъ народнаго движенія.

Нѣтъ короля даже нареченнаго, хоть и безъ владѣнія. Родъ Шишмановъ угасъ; въ мужскомъ и женскомъ его колѣнѣ не осталось ни одного потомка, въ чье имя можно было бы сказать: король повелѣлъ, садись на коня и берись за оружіе!

---

* Колиба—хата со дворомъ стоящая отдѣльно, хуторъ.

Нѣтъ ни беевъ, ни сергердаровъ, какъ въ Арнаутлыкѣ, на зовъ которыхъ изъ-за каждаго камня готовъ выскочить вооруженный Арнаутъ и скакать за беемъ, сергердаромъ, хоть на край свѣта.

Нѣтъ спагіевъ, какъ въ старой Босніи и въ Герцеговинѣ. За Соколовичами, за Топаличами, за Бешеревичами, за Куленъ-бегами, боснійская молодежь, Муи и Иваны, Аліи и Степаны, готовы прыгнуть на коней и летѣть въ Бечъ, * какъ во время Кара-Мустафы, такъ чтобы Нѣмцы и Швабы заблеяли какъ козы. Вдоль и вширь Болгаріи не найдешь ни одного спагія который сохранилъ бы болгарское сердце и не забылъ бы болгарскій языкъ.

Нѣтъ шляхты, какая была въ Литвѣ, въ Польшѣ и въ казачьей Украйнѣ, за которою шли большія полчища народа и казаковъ, въ строю и въ обозѣ. Гдѣ искать дворянства на Болгарской землѣ? И сѣмени его не осталось; оно истреблено съ корнемъ, а новое еще не народилось. Много дунайской воды уплыветъ въ Черное Море прежде чѣмъ Болгарія обзаведется дворянствомъ; а безъ дворянства трудно посадить людей верхомъ и еще труднѣе вывести ихъ въ бой.

Мѣщане, купцы и лодевщики простые торгаши; они не доросли ни до французскихъ пролетаріевъ, ни до польскихъ ремесленниковъ и купчиковъ; они рады сидѣть за трубкой въ корчмѣ, потягивать за возстаніе водку, разносить крендели и калачи, а не идти на войну сражаться.

Такова была Болгарія когда комитеты, въ угожденіе незримому правительству, хотѣли сдѣлать ее такою какою она можетъ-быть будетъ черезъ много лѣтъ.

Не было у ней ничего, а народность лишенная средствъ воспрянуть отъ паденія должна по крайней мѣрѣ имѣть такого человѣка какъ Милошъ сербскій. Болгарія имѣла гайдуковъ, имѣла можетъ-быть и юнаковъ, но она не смогла добыть себѣ Милоша, а потому Болгары смотрѣли на все въ молчаніи и невѣдѣніи, какъ будто дѣло совершалось не у нихъ и ихъ не касалось. Природная доброта, любовь къ родной рѣчи, къ родному обычаю и къ родному племени выражались только словами: дай Богъ! помоги вамъ Богъ!

Молча шли побратимъ съ побратимкой; они поглядывали другъ на друга и шли далѣе. Тоска запала имъ въ сердце; они отчаявались, но рѣшились выдержать до конца.

* Бечъ—Вѣна.

Они добрели до монастыря Святой Троицы. Шибка Балканская, прикрытая снѣжнымъ щитомъ, воздымается до облаковъ; тучи, которыя тянутся надъ ней, рвутся пополамъ и разорванныя спускаются густымъ туманомъ по крутымъ склонамъ въ долины. Во мглѣ разстилаются по исполину лѣса, а ключи тысячами ручьевъ, какъ хрустальныя ленты, сбѣгаютъ по кручамъ горы въ долину, и по долинѣ текутъ въ Янтырь. На склонѣ горы, среди пустынныхъ скалъ, стоятъ, какъ стражи, два монастыря: одинъ женскій, Панаи, Богородицы, Дѣвы Маріи; другой мужской, Святаго Георгія. Ихъ раздѣляетъ пространство грозное для взора и страшное для ногъ. Склонъ поросъ густымъ лѣсомъ и вѣтви такъ сплелись что даже змѣя съ трудомъ ползетъ между ними. На днѣ шумитъ потокъ и стонетъ какъ кающійся грѣшникъ; онъ то брызжетъ вверхъ бѣлыми слезами, то уноситъ эти слезы въ неизмѣримую глубь. На монастырскихъ крышахъ сидятъ галки; онѣ то бесѣдуютъ хрипливо и угрюмо между собою, то перелетаютъ изъ монастыря въ монастырь, словно пляшутъ какой-то погребальный танецъ. Въ гущѣ филины горланятъ басомъ, а совы отвѣчаютъ имъ дискантомъ. Славянскія птицы, вороны, парятъ подъ облаками и каркаютъ, точно предвѣщаютъ смерть, войну или чуму.

До этого яра пробрался болгарскій отрядъ, опустился на землю у самаго потока и прилегъ не то отдохнуть, не то заснуть сномъ смерти: мѣсто пригодно на оба дѣла.

Побратимъ въ сторонкѣ поговорилъ съ побратимкой; эта мѣстность и монастыри ей знакомы. Воевода приказалъ молодцамъ быть на сторожѣ и обращать на все вниманіе, а самъ съ побратимкой пошелъ впередъ; онъ направо въ мужской монастырь, она налѣво въ женскій.

Въ монастырѣ у монаховъ вѣрно идетъ служба, потому что изнутри горы долетаетъ до уха многогласное, печальное носовое пѣніе. У входа только привратникъ, столѣтній старецъ съ головой и бородой бѣлыми какъ снѣгъ на вершинѣ Шибки. Шестьдесятъ лѣтъ онъ сторожитъ при вратахъ, многое онъ помнилъ, но говорилъ мало. Онъ впустилъ пришельца, не спросилъ ни объ имени, ни о родинѣ, кто и откуда, а только указалъ рукой на лѣстницу ведущую вверхъ. Монастырь стоялъ на землѣ, а церковь была устроена въ пещерѣ. Алтарь и храмъ ярко освѣщены; у стѣнъ и подъ потолкомъ пылаютъ восковыя свѣчи и горитъ масло въ лампадахъ.

На срединѣ стоитъ гробъ. Сорокъ четыре монаха и игуменъ кладутъ земные поклоны, молятся и воспѣваютъ псалмы Предвѣчному.

Воевода кланяется въ землю и горячо молится ото всего сердца.

Служба кончилась; монахи поднялись съ своего мѣста, а воевода все еще молится. Монахи видятъ его въ первый разъ, но догадываются кто онъ такой, потому что до нихъ уже дошла вѣсть о томъ чтò случилось на Дунаѣ, въ Шишмановомъ Ситовѣ. Наконецъ воевода всталъ, и всѣ вышли изъ церкви.

Первый вопросъ воеводы: за чью душу молились?

Игуменъ, величавый старикъ, отвѣчалъ тихимъ голосомъ:

— За васъ, за тѣхъ чтò умерли и за тѣхъ чтò остались жить на свѣтѣ.

— Какъ же вы провѣдали?

— Намъ все уже извѣстно.

— Преподобный отецъ, мы шли къ вамъ не за панихидой, но просить чтобы вы помогли намъ жить, жить на свободѣ, Болгарами.

— Мы ничего вамъ не можемъ дать: Богъ вамъ помощь! Помози вамъ Боже!

— Богъ не поможетъ, если не пособятъ Болгары.

— Не пособятъ, потому что не могутъ.

— Чего же намъ ждать отъ васъ?

— Мы васъ накормимъ, напоимъ, дадимъ вамъ денегъ на дорогу, если хотите уйти отсюда; положимъ васъ въ гробы и похоронимъ, если желаете ждать здѣсь смерти.

— И только?

— Только. Богъ помощь! Помози вамъ Боже!

Игуменъ разказалъ что по телеграфу дано знать о переправѣ комитетскихъ гайдуковъ или юнаковъ черезъ Дунай, что собрано много войскъ—конницы, пѣхоты, залтіевъ, Помаковъ и баши-бузукскихъ охотниковъ,—что они запрудили всю околицу, что Болгарину опасно отлучиться изъ дома на сто шаговъ, что только часъ тому назадъ вышли изъ монастыря Помаки, эти отуреченные Поляки, что рано утромъ приходили драгуны и казаки, что по всему лѣсу рыскаютъ залтіи и баши-бузукскіе охотники. Они отдыхали, брали хлѣбъ и барановъ, вина же на нихъ не наготовишься. Теперь, какъ слышно, свободна только одна дорога по долинѣ потока.

— Поразсуди хорошенько, воевода, не лучше ли выбраться

пока еще можно и приберечь себя для болѣе благопріятнаго времени.

Воевода не призадумался.

— Не пойду, останусь здѣсь; погибать такъ погибать: на то мы шли. Кровью и костями болгарскими нужно посѣять на землѣ новые всходы. Нужна наша смерть. Чѣмъ громче станутъ о ней говорить, тѣмъ скорѣе пробудится отъ оцѣпенѣнія нашъ народъ, неповинный въ своей мертвенности. Такъ гласитъ польское евангеліе, а Поляки наши учители.

— Если вы такъ порѣшили, то такова стало-быть воля Господня. Пусть будетъ по-вашему и да поможетъ вамъ Богъ: мы же послужимъ вамъ чѣмъ можемъ.

Четыре видныхъ монаха понесли за воеводой приготовленные короба со съѣстными припасами и съ виномъ. Воевода, по христіанскому и славянскому обычаю, простился съ монастыремъ и монахами. Дружный хоръ голосовъ печально проговорилъ ему вслѣдъ:

— Богъ помощь!

Побратимка пришла въ женскій монастырь. Привратникомъ тамъ такой же столѣтній сѣдой старецъ; онъ тоже много знаетъ, но молчитъ. Монахини молились и пѣли тропари только не у гроба на катафалкѣ, а предъ образомъ Панаи, Пресвятой Богородицы Дѣвы Маріи.

Побратимка была знакома почти со всѣми монахинями, потому что часто ходила изъ Нейкіоя, чрезъ Чамъ-Дере, въ монастыри на ярмарки. Игуменья приводилась ей сродни; она дарила маленькой дѣвочкѣ Марьюткѣ образочки и четки, а потомъ присылала ей въ гостинецъ сербскія книжки.

Увидавъ другъ друга и поздоровавшись, онѣ обѣ горько заплакали. Игуменья прижала къ сердцу побратимку.

— Дорогая моя Марьютка! Нѣсколько дней тому назадъ былъ здѣсь старый Стефанъ; онъ ходитъ словно молодой; все мнѣ разказалъ; старуха его тоже еще жива; оба они благославляютъ мою Марьютку.

Марья разспросила о родныхъ, объ отцѣ и матери, всѣхъ вспомнила, никого не забыла.

— А Аннушку нашли?

Игуменья задрожала, поблѣднѣла и три раза перекрестилась:

— Нечего о ней говорить; она уже не изъ нашихъ, для насъ она пропала.

— А Еленушка?

— Стала большою барыней, убирается въ атласъ, да въ фустаны, и якшается все съ ханумами да съ офицершами.

— А Петро Катырджія?

— Вчера былъ здѣсь съ казаками; они стоятъ недалеко въ Бани-Эскизарѣ. Онъ сказывалъ что съ позволенія мутасарифа оставитъ военную службу, хоть ему и жаль ее, а потомъ тотчасъ женится на Еленушкѣ и поселится въ Дуканѣ—объ этомъ онъ не тужитъ. Славный момакъ, вашъ Петро Катырджія!

Побратимка разказала все чего игуменья еще не знала и подъ конецъ спросила ее:

— Что же вы матушка и сестры для насъ сдѣлаете? Вѣдь вы тоже Болгарки?

— Болгарки, моя Марьюшка! Мы сдѣлаемъ все что можемъ и чего вы у насъ просите. Все что у насъ здѣсь есть, все ваше—берите. Мы станемъ о васъ молиться и дадимъ вамъ убѣжище, хоть бы насъ за то мечомъ посѣкли, да огнемъ спалили. Скажи что намъ дѣлать? Сердцемъ я взываю къ тебѣ: Марьюшка моя, останься съ нами, но душа говоритъ: иди, иди куда зоветъ тебя долгъ! Иди и возьми съ собою этихъ четырехъ монахинь; онѣ останутся при васъ, будутъ ходить за ранеными и станутъ прислуживать живымъ, тѣмъ что сражаются: это наше дѣло. Я сама бы пошла еслибы долгъ, болѣзнь и старость не удерживали меня здѣсь. Что наше, то ваше. Да поможетъ вамъ Богъ! Идите во имя Господне!

Онѣ вышли изъ монастыря впятеромъ, съ обильнымъ запасомъ бѣлья, лѣкарственныхъ зелій и разныхъ сластей.

На этотъ разъ горы и лѣса огласились ласковымъ пожеланіемъ монастыря: Богъ помощь!

Ночь была темная, такая темная что нужно было ощупывать рукою дерево чтобъ увѣриться что стоитъ тутъ дерево. Воины воеводы сытно поужинали и дремали сидя подъ деревьями. Монахини вмѣстѣ съ Марьей усѣлись подъ однимъ деревомъ. Монахи вернулись въ монастырь, а воевода усѣлся одинъ въ сторонѣ. Онъ не выслалъ разъѣздовъ и не поставилъ карауловъ, потому что зналъ что врагъ всюду кругомъ. Онъ не хочетъ ни подкрадываться, ни бѣжать, а думаетъ только о битвѣ, о битвѣ на смерть. Пусть люди отдохнутъ и выспятся, пусть наберутся силы для боя и охоты отправиться на тотъ свѣтъ.

На привалѣ болгарскихъ юнаковъ царило молчаніе; не спятъ

и не отдыхаютъ мыслію, но слова не сходятъ съ языка. Безмолвное ожиданіе всего печальнѣе и тяжеле, ибо человѣкъ въ одиночествѣ остается самъ съ собою, какъ осталась сама съ собою эта горсть юнаковъ покинутыхъ на произволъ судьбы, и гдѣ же? въ Болгаріи. Вокругъ привала тоже не было ни сна, ни отдыха. Казалось что подъ музыку филиновъ и. совъ какой-то невѣдомый міръ наполнилъ Балканы. Со всѣхъ сторонъ слышались трескъ ломаемыхъ вѣтвей, шуршанье выскользающихъ изъ-подъ ногъ камней, условные посвисты, выстрѣлы, то одинокіе, то по нѣскольку разомъ, и даже отдаленный конскій топотъ.

Воевода прислушивался къ этому шуму, какъ къ послѣднимъ звукамъ которымъ онъ внимаетъ на землѣ. Онъ и его воины увѣрены что это ихъ послѣдняя ночь на Болгарской землѣ, что смерть ихъ ждетъ; но они вовсе не помышляютъ объ избавленіи, и думаютъ только о томъ чтобы славно умереть. Они были готовы и спокойны; страхъ не волновалъ ихъ сердца, и сонъ не осѣнилъ ихъ вѣжды. Такое ожиданіе ужаснѣе смерти.

Раздался грохотъ камней въ долинѣ, въ сторонѣ Габрова; стукъ все ближе и ближе, слышна наконецъ поступь коня, поступь вѣрная, какъ будто конь выбираетъ на какой камень поставить ногу и ясно видитъ вокругъ себя. Топотъ приближается къ привалу, всѣ слышатъ, но никто не встаетъ, никто не озирается, никто не прислушивается: всѣ ждутъ.

Всадникъ въѣхалъ на привалъ въ средину людей, узналъ своихъ и слѣзъ съ лошади.

— Гдѣ воевода?

То былъ Кьючукъ Стефанъ. Онъ уже при воеводѣ и говоритъ ему:

— Габровъ полонъ мусульманскаго войска и мусульманскихъ обывателей, пѣшихъ и конныхъ. Всѣ вооружены. Ихъ цѣлыя толпы.

— Путный то народъ и толковая у него вѣра, если онъ поголовно, всегда и всюду готовъ взяться за оружіе за государство и царя. Нужны вѣка и чудеса чтобы мы стали на нихъ похожи, а можетъ-быть и никогда этому не бывать.

— Но, воевода, насъ горсть, а ихъ полчище!

— Нѣтъ, Кьючукъ Стефанъ, насъ полчище, а ихъ горсть; но горсть ихъ одушевлена мусульманскимъ духомъ, а мы подавлены мыслію о мученичествѣ и смерти христіанской.

Киседжія не отвѣчалъ, потому что ничего не понялъ. О мученикахъ Господнихъ и христіанской смерти онъ зналъ столько сколько удержалъ въ памяти еще ребенкомъ изъ церковныхъ пѣснопѣній. Онъ искалъ въ головѣ какою бы киседжійскою продѣлкой вывернуться изъ бѣды и спасти горсть удальцовъ, но ничего не придумалъ. Еслибъ у всѣхъ были киседжійскіе кони, то пожалуй выбрались бы. Помолчавъ немного, онъ спросилъ:

— Какъ же намъ быть, воевода?

— Станемъ биться и погибнемъ. Ты уходи.

— Я хотѣлъ бы уйти, такъ не пріѣхалъ бы. Васъ выслѣдилъ мой Вороной, и вотъ я съ вами; сумѣю биться и сгинуть, не мудрое то дѣло. Если нельзя для Болгаріи жить, такъ нужно за нее умереть.

Оба замолчали и ждали.

Настало затишье, какъ всегда бываетъ предъ разсвѣтомъ. Все живое, все что̀ спало и не спало, перестало на короткое время думать и шевелиться. Маленькая чечотка, которую зовутъ въ Болгаріи пташкой ранней зари, пипикнула первая; за нею залаяла старая лисица на лисицъ пробиравшихся въ норы, а потомъ громко запѣли птицы во славу Божію. Кто стоитъ на вершинѣ Шибки Балканской, тому уже блеснуло, какъ слабый огонекъ, сіяніе зари на облакѣ опирающемся на долину; кто въ чащѣ или въ яру, тому еще темно.

Со всѣхъ сторонъ заголосили большія гончія собаки; онѣ напираютъ прямо на монастырскій яръ, на привалъ. Не сговорились ли балканскіе звѣри провѣдать тѣхъ кого не пришли провѣдать Болгары? Киседжія смекнулъ.

— Вотъ они уже на нашемъ слѣду: вѣтромъ почуяли и по вѣтру гонятъ.

Воевода шепнулъ:—Вставай!

Момаки-юнаки дружно поднялись на ноги, взялись за оружіе, подѣлились на четверки и разбѣжались въ равномъ числѣ по обѣимъ сторонамъ яра. Тамъ они расположились четверками около большихъ деревъ, выбрали себѣ такое мѣсто гдѣ можно было укрыться за камнями—и ждали.

Собаки напираютъ все ближе и ближе, а за ними трещатъ сучья и шуршатъ камни, какъ будто цѣлыя стада кабановъ и оленей спасаются отъ облавъ или бѣгутъ на водопой. Небесный сводъ прояснился, уже свѣтаетъ, и дерево отдѣлилось отъ дерева замѣтнымъ для глазъ пространствомъ. Казалось

что лѣсъ движется—наступалъ лѣсъ людей. Первые выстрѣлы послали болгарскіе юнаки—лѣсъ пріостановился, нѣсколько деревъ свалилось, послышались изъ него ругательства на гяуровъ, на ихъ отцовъ и матерей, и крики: панты! панты! * Въ то же время, изъ глубины яра, раздалась, какъ небесная гармонія, пѣснь Богородицѣ Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Побратимка съ монахинями, какъ ангелы Господни, молились Царю царствующихъ. Не имѣя возможности участвовать въ бою, онѣ просили жизни для тѣхъ что̀ раздавали и принимали смерть. Чистая дѣвственная пѣснь летѣла къ небу, а ружейная пальба гремѣла на землѣ въ горахъ и въ лѣсахъ.

На правой сторонѣ яра, воевода скачетъ отъ одной четверки къ другой, возбуждаетъ пылъ сражающихся и самъ стрѣляетъ. За каждымъ выстрѣломъ слѣдуетъ стонъ и паденіе на землю. Пули свищутъ вокругъ него, ударяются о камни, а въ него не попадаютъ, точно онъ заколдованъ. Онъ не укрывается. Ему знакома горная и лѣсная война; онъ водилъ русскихъ джигитовъ на завалы и на аулы, и ходилъ съ литовскими бортниками противъ русскихъ солдатъ. Хорошъ былъ воевода, скачущій съ камня на камень и стрѣляющій какъ гайдукъ Велько въ Шумадіи; напиравшимъ онъ грозилъ ятаганомъ, какъ королевичъ Марко при Вардарской переправѣ; словомъ и дѣломъ онъ поощрялъ своихъ воиновъ, какъ Іованъ Шишманъ подъ Неболемъ.

На лѣвой сторонѣ яра, Кьючукъ Стефанъ то выпрыгнетъ изъ-за камня и выстрѣломъ изъ ружья позоветъ враговъ на ятаганную пляску, то снова спрячется и съежится за утесомъ, а свинецъ свищетъ вокругъ него и выбиваетъ искры изъ камней. Киседжія воюетъ по-киседжійски, но сражается молодецки.

Много болгарскихъ юнаковъ уже перебито и переранено; у кого свинцовый поцѣлуй не отнялъ еще силъ, тотъ стрѣляетъ, заряжаетъ и стрѣляетъ; у кого не хватаетъ уже силъ, тотъ сурово взываетъ:

— Помоги, брате!

Товарищъ смотритъ, качаетъ головой, вынимаетъ ятаганъ и вонзаетъ его брату прямо въ сердце.

— Иди, брате! жди меня!

Стрѣляли, умирали и сражаясь ждали своей участи. Ни одинъ

* Панты—бунтовщики.

не отчаивался, не страшился, не призывалъ смерти, потому что зналъ что она сама къ нему придетъ.

Вездѣ впереди мусульманскіе сельчане; идутъ они во имя Аллаха, во имя падишаха, на гяура Москова. У каждаго кружится голова и бушуетъ рука чтобы скорѣе положить конецъ дѣлу. Они гибнутъ и лѣзутъ впередъ. Съ ними вмѣстѣ Помаки, отуреченные Поляки, но католики, съ яростію бросаются на проклятыхъ схизматиковъ. Глазъ у нихъ быстрый, брови пасмурныя, кипитъ въ нихъ польская боевая кровь. Они говорятъ своимъ трупамъ: вставай, олухъ, иди на еретика Москова! Прицѣливаются и стрѣляютъ.

За ними, но далеко назадъ, тянутся всякіе заптіи, точно прикащики на господскомъ жнитвѣ, понукающіе жать проворнѣе; они грозятъ ятаганами, подальше отъ врага, поближе къ своимъ, и какъ доѣзжачіе натравливаютъ собакъ на звѣря, ату! ату! такъ и они не спѣшатъ бросаться съ ножомъ, а только кричатъ.

Еще далѣе назади ѣдутъ верхомъ, на лошадяхъ и на ослахъ, мудиры и каймаканы со многочисленною свитой разныхъ оборвышей, которые везутъ въ рукахъ чубуки, кофейники и боченки съ водой или ракіей. Юзбаши заптіевъ идутъ пѣшкомъ и походятъ на управляющихъ которые пришли на барщинную работу или на господскую облаву; въ рукахъ у нихъ гиппопотамовыя нагайки и франкскіе бичи. Мудиры то и дѣло поощряютъ:

— Гайда, дѣтушки, гайда! Вали васъ поблагодаритъ и ваши подвиги дойдутъ до ушей падишаха. Гайда, дѣтушки!

Юзбаши получали приказанія, уходили на нѣсколько шаговъ впередъ, возвращались и отдавали начальству рапортъ поклонами, не говоря ни слова, потому что до огня не доходили. Были тамъ имамы, въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, и дервиши въ колпакахъ и въ черныхъ папахахъ. Они кричали и вопили: „Аллахъ! гу, гу, гу!“ Въ обнаженныхъ до плеча рукахъ они держатъ ножи и готовы броситься въ рѣзню. Былъ тамъ и англійскій консульскій агентъ съ драгоманомъ. Юзбашамъ приказано удерживать имамовъ и дервишей, чтобы не подать повода къ нотѣ на счетъ фанатизма. Старшій каймаканъ отдалъ строго этотъ приказъ, и подъѣзжая къ консульскому агенту сказалъ ему съ улыбкой:

— Все по праву, по танзимату, на франкскій ладъ. И у

вашей великой падишахини были такія же непріятности въ Индіи: она тоже не щадила бунтовщиковъ.

Джонъ Буллъ поддакнулъ.

— Только бы не кричали Французы; сами они бунтовщики и рады заступаться за бунтовщиковъ цѣлаго свѣта. Мы васъ защитимъ; только дѣйствуйте быстро и рѣшительно, какъ мы въ Индіи. Мы за васъ!

Каймаканъ чуть не сдѣлалъ мусульманскаго преклоненія предъ англійскимъ христіаниномъ.

— Не забудьте меня, сановный господинъ. Я тридцать лѣтъ служу правительству, а у меня нѣтъ еще ни меджидіе, ни османіе, да и чинъ мой небольшой. Вашъ посолъ—малый падишахъ, можетъ сдѣлать все что̀ захочетъ.

Джонъ Буллъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Хорошо, не забуду, все получите, прикажите только не давать пощады:—это московскія продѣлки, опять задумали добыть себѣ Черное Море!

Каймаканъ закричалъ:—Гайда, дѣтушки!—и началъ кружить на конѣ между деревьями.

На всѣхъ дорогахъ и на всѣхъ высотахъ стояли роты пѣхоты и взводы кавалеріи, въ боевомъ вооруженіи и въ исправности. Ливъ-паша, * начальникъ всѣхъ регулярныхъ войскъ втораго корпуса, остался въ Габровѣ, сидѣлъ дома, курилъ трубку, пилъ кофе, много думалъ и безпрестанно высылалъ всадниковъ провѣдать что̀ дѣлается въ горахъ.

Великій паша былъ въ Великомъ Тырновѣ и телеграфировалъ ферику въ Сливенъ что десятитысячное войско болгарскихъ бунтовщиковъ, пантовъ, осаждено въ Балканахъ, что нужно прислать на помощь казаковъ и драгунъ, что другое равносильное войско пантовъ потянулось чрезъ Дели-Орманъ въ Казанскіе Балканы и можетъ-быть уже вступило въ нихъ, что по письму мушира еще другое войско пантовъ, съ пушками, идетъ въ тѣ же Казанскіе Балканы; чтобъ онъ былъ остороженъ, остановилъ и разбилъ въ пухъ всѣ эти силы пантовъ.

Такое же извѣстіе сообщено консульскому агенту для напечатанія въ *Levant Herald'ѣ*, чтобъ Европа узнала о великой опасности и страшномъ пораженіи.

Каждый дѣлалъ свое ремесло, исполнялъ свой долгъ. Шпіоны

* Ливъ-паша—начальникъ бригады.

и доносщики, натворившіе столько повстанцевъ, столько бандъ, столько войскъ и событій, тоже дѣлали свое дѣло, потому что имъ платили за трудъ чистыми деньгами.

Огнестрѣльный бой еще продолжается, но уже съ яра раздаются лишь рѣдкіе выстрѣлы; за то со дна его громче и умилительнѣе слышится пѣснь Богородицѣ Дѣвѣ Маріи и летитъ прямо къ Богу.

Кьючукъ Стефанъ лежитъ мертвый; онъ убитъ на скаку и упалъ навзничъ. При немъ Вороной, но онъ не стоитъ на ногахъ; съ перебитымъ крестцомъ и прострѣленными боками онъ пріютился около своего всадника. Кровь струится изъ его ранъ, а онъ старается дыханіемъ своихъ ноздрей согрѣть остывшее лицо своего господина, и нѣкому его добить. Ихъ киседжійская жизнь уже кончилась, а бѣдный Вороной долженъ еще мучиться и ждать.

Воевода не раненъ, около него уцѣлѣли только три момака и тѣ одинъ за другимъ падаютъ на землю и сами прикалываютъ себя ножами. Тогда Помаки и сельчане закричали: Аллахъ, Аллахъ! и бросились на него съ ножами. Воевода, съ ятаганомъ въ рукѣ, стоялъ на открытомъ мѣстѣ; лѣвою рукой онъ положилъ себѣ въ ротъ ядъ, который всегда носилъ при себѣ, а правою рубилъ вправо и влѣво. Долго длился бой одного противъ многихъ. Крикъ, шумъ, гамъ и стоны. Кровь льется изъ ранъ воеводы и летятъ во всѣ стороны отрубленные члены Помаковъ и сельчанъ. Вотъ добѣжали залтіи и кричатъ: вуръ, вуръ, гяуръ!

Воевода умираетъ стоя на ногахъ и падаетъ на камень. * Съ его смертію умолкла пѣснь Богородицѣ Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

По приказанію юзбашей заптіи бросились на трупы болгарскихъ момцевъ и начали отрѣзывать, отрубать и отпиливать имъ головы, какъ кто могъ своимъ желѣзомъ. Отрѣзанныя головы они ухватили за волосы, потащили и бросили къ ногамъ каймакана; всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ головою воеводы,

---

* Такъ погибли Хаджи Дмитрій и бывшіе съ нимъ Болгары. Они пали жертвами интригъ и замысловъ причинившихъ много зла болгарскому дѣлу. Не столько важна потеря людей, какъ потеря довѣрія оттоманскаго правительства, которое продержится въ Болгаріи еще долгіе годы. Только подъ его охраной эта страна можетъ достигнуть развитія, богатства и истинной свободы.

оказалось сорокъ четыре; голова киседжіи Кьючукъ Стефана была сорокъ пятая.

Каймаканъ уже сидѣлъ подъ дубомъ на разостланномъ коврѣ; Джонъ Буллъ около него, и они вмѣстѣ пили водку. Каймаканъ улыбался.

— Славно, дѣтушки!

Онъ послалъ эфендіевъ и мулазимовъ въ Габровъ, въ Тырновъ и на телеграфныя станціи чтобы скорѣе разнеслась всюду добрая вѣсть. Всѣмъ сражавшимся Помакамъ, сельчанамъ и залтіямъ онъ милостиво позволилъ идти въ монастыри угощаться монастырскимъ виномъ и баранами. Пусть добрые монахи и монахини тоже порадуются одержанной побѣдѣ и водворенію спокойствія. Туда же поѣхалъ обѣдать и побесѣдовать самъ каймаканъ съ Джономъ Булломъ. Будетъ онъ пашой, мутасарифомъ, пожалуй муширомъ и вали.

Обезглавленные трупы преданы вороньямъ и другимъ хищнымъ птицамъ, да сѣрымъ волкамъ. Благодареніе Богу, некого притянуть къ слѣдствію, потому что никто не остался въ живыхъ. Вороной кисседжіи издыхалъ; головы онъ уже не поднималъ и только дрыгалъ ногою.

Побратимка и монахини сидѣли въ яру, не пѣли, не плакали, и только молчали. Странное и дивное дѣло что никто на нихъ не наткнулся, никто ихъ не искалъ; всѣ устремились въ монастыри.

Побратимка заступила мѣсто матери. Монахини боялись тронуться съ мѣста. Вдругъ въѣхалъ въ яръ казачій разъѣздъ—векиль-онбаши Петро Катырджія съ четырьмя казаками болгарскими момцами. Они увидали ихъ, переговорили съ ними и взяли ихъ съ собою въ монастырь.

Женщины прошли мимо каймакана, который сидѣлъ предъ воротами и бесѣдовалъ о такомъ неслыханномъ погромѣ. Головы были разставлены въ рядъ подъ стѣною; Джонъ Буллъ и драгоманъ провѣряли по ихъ чертамъ теоріи Галля и Лаватера.

Векиль-онбаши, на предложенный ему вопросъ, смѣло отвѣчалъ:

— По приказанію сотника, мы провожаемъ ихъ до монастыря, изъ Зары, чрезъ которую мы проѣзжали. Намъ сказано что за каждый волосъ съ ихъ головы мы отвѣтимъ своими головами.

Каймакану хотѣлось посмотрѣть на монахинь, но взглянувъ на Англичанина онъ проговорилъ: „поѣзжайте съ Богомъ!“ и далъ имъ для конвоя еще двухъ заптіевъ, чтобы никто не посмѣлъ къ нимъ привязаться. Казакамъ онъ запретилъ входить въ монастырь, потому что танзиматъ и кануны предписываютъ уважать вѣру и обычаи народовъ подвластныхъ Высокой Портѣ. Онъ возгордился тѣмъ что успѣлъ перевоспитать себя до такой степени, а Англичанинъ наградилъ его за то улыбкою и наклоненіемъ головы.

Такъ кончилось болгарское возстаніе. Кромѣ воеводы Филиппа, который вернулся за Дунай въ Валахію, и двухъ другихъ воеводъ, которые не переправились черезъ Дунай, всѣ остальные повстанцы или болтались на висѣлицахъ, или погибли въ бою отъ пули и сабли. Въ распоряженіи комитета и незримаго правительства остались только три воеводы.

Побратимка дѣвица Марья поселилась въ монастырѣ съ монахинями. Она не стонетъ и не плачетъ; она собираетъ кости убитыхъ, сожигаетъ ихъ, идетъ на горы и распутія, и разсѣваетъ пепелъ на всѣ стороны по Болгарской землѣ, чтобы разнесъ его вѣтеръ, чтобы вдохнулъ его съ балканскимъ вѣтромъ болгарскій ребенокъ и выросъ бы истымъ болгарскимъ юнакомъ. Объ этомъ она молится и проситъ Бога, а вѣтеръ, попрежнему, бушуетъ въ борахъ балканской Шибки, и воронъ, славянская птица, попрежнему паритъ и каркаетъ надъ Шибкой. Все пошло давнишнимъ чередомъ.

Болгарское дѣло.

Гроза сильная, а дождь малый. Тучи комитетовъ и громы незримаго правительства разразились дождемъ въ Шистовѣ, дождемъ въ балканской Шибкѣ и рѣдкими каплями, которыми повсемѣстно окропили Болгарскую землю висѣлицы.

Болгары молятся, отдаютъ Господу свой духовный долгъ и исполняютъ свои обязанности предъ своимъ земнымъ владыкой, своимъ царемъ, султаномъ—платятъ подати, вносятъ десятину и несутъ вѣрноподданническую службу. Такъ повелѣлъ Господь Іисусъ Христосъ. Незримое правительство—то былъ самъ сатана — хотѣло искусить всю Болгарію. Оно искушало, но безъ успѣха, и убралось за Дунай работать сызнова, устраивать

комитеты и навлекать на народъ новыя бѣдствія. Незримый этотъ сатана упрямъ съ той поры какъ Богъ низвергъ его съ неба и изгналъ изъ рая. Онъ не преклонилъ своего чела, хоть его и учили что смиреніемъ можно пробить стѣну; пораженный и подавленный онъ снова встаетъ ежомъ и устремляется на новыя битвы, приговаривая по-латыни: usque ad finem, а по-славянски: воевать такъ воевать, пока не добьешься своего. Но удастся ли ему это? Упрямый, предусмотрительный, неутомимый, онъ вступаетъ съ Славянами въ союзъ. Не даромъ онъ Нѣмецъ по одеждѣ и обычаю: выкинетъ нѣмецкую штуку, да и дастъ стречка. Онъ ласкается къ Славянамъ, а потомъ кричитъ: Славяне рабы, пускай они лучше служатъ какъ невольники мнѣ чѣмъ Богу и Его намѣстникамъ и избраннымъ. Онъ надъ Славянами насмѣхается въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ съ Нѣмцами и Швабами.

Сперва онъ сманилъ Богдана и запрегъ его казаковъ, потомъ водилъ и водитъ за носъ и уши бѣдныхъ Поляковъ; не разъ онъ подзадоривалъ Сербовъ, крѣпко надоѣдалъ Чехамъ, Моравамъ и Силезцамъ, водилъ въ плясъ Словаковъ, Кроатовъ и Иллирійцевъ; предалъ на растерзаніе Босняковъ и Герцеговинцевъ; у Черногорцевъ и Мурлаковъ онъ распоряжается какъ дома; Русиновъ, Каринтійцевъ, Стирійцевъ и Лужичанъ онъ подбиваетъ на скверныя выходки; Поморянъ, Лютичей и Оботритовъ онъ отдалъ въ залогъ и предалъ тѣломъ и душою во власть Нѣмцевъ; Каменскихъ, Врублевскихъ и Подбѣльскихъ онъ передѣлалъ въ Штейнмецовъ, Шперлинговъ и цѣлое стадо Бинглей, а теперь добирается до Болгаръ чтобы сокрушить славянство этихъ ославянившихся Гунновъ. Онъ засѣлъ въ Букурештъ съ Нѣмцемъ и далъ комитетамъ лозунгъ—usque ad finem.

Незримое правительство еще и теперь улыбается при воспоминаніи о казацкой рѣзнѣ и колищизнѣ, о шляхетскомъ своеволіи, о іезуитской инквизиціи, о гусситскихъ и католическихъ игрищахъ Жижки и Валленштейна, о потѣхахъ съ дагіями и спагіями въ Милошевѣ, о турецкомъ угощеніи въ Латачовѣ— трубка, кофе и поклоны, затѣмъ тюрьма и эшафотъ,—о варшавскихъ моленіяхъ и процессіяхъ, о черногорскихъ и морлакскихъ ласкахъ. Въ Систовѣ и подъ Балканскою Шибкой тоже дѣло шло не дурно; нужно только повести его шире чтобы добиться чего-нибудь получше. Незримое правительство сожалѣло, зачѣмъ де у меня нѣтъ Милоша

сербскаго, или Алія арнаутскаго, или хоть бы капитана Гуссейна боснійскаго. Оно обратило взоръ на своихъ воеводъ: Дышлія сонный и полупьяный, Филиппу хочется не воевать, а торговать и давать деньги въ ростъ, а Собачій Сынъ—Іостъ-Оглу—есть и былъ гайдукъ и никогда не сдѣлается юнакомъ. Припомнился ему Хаджи Дмитрій Кавгаджія. Никого онъ не оставилъ въ живыхъ — былъ бы онъ у меня Милошемъ сербскимъ! Незримое правительство заплакало. О! то были самыя умилительныя слезы какія могъ когда-либо заслужить богатырь возстанія, потому что пролило ихъ незримое правительство. И вотъ оно внушаетъ комитетамъ чтобы каждый трудился какъ умѣетъ, старый по-старому, молодой по-новому.

Такъ и дѣлалось. Всѣ успокоились, повиновались, покорились предназначенію, волѣ Божіей, порядку вещей; но пропаганда расползлась по всему краю. Филиппопольскій комитетъ, ловко пріютившись подъ крыломъ Высокой Порты, замыслилъ соединить въ болгарской церкви жизнь народнаго духа и временныя мѣры для поднятія народности на ноги. Онъ вырвалъ у Грековъ болгарскіе гроши и положилъ ихъ въ свой карманъ, забралъ въ свои руки управленіе училищнымъ дѣломъ, сумѣлъ искусно разорвать тѣсную связь соединявшую греческій патріархатъ съ Высокою Портой, и подъ защитою церкви сталъ видимымъ для всѣхъ, что̀ даетъ его дѣятельности преимущество надъ дѣйствіями незримаго правительства. Его пропаганда была довольно вліятельна сама по себѣ, но еще усилилась вслѣдствіе происковъ католиковъ, унитовъ и даже протестантовъ. Они захотѣли обратить въ латинство и сдѣлать раціоналистами Болгаръ, которые въ своей народной церкви уже слушали молитвы и пѣснопѣнія на языкѣ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія. Англичане слишкомъ понадѣялись на свое евангеліе, а Высокая Порта такъ много наобѣщала что пятиться назадъ ей было уже трудно или опасно. Такимъ образомъ положенъ первый камень въ основаніе зданія такъ-называемой на политическомъ языкѣ болгарской автономіи, зданія правильнаго, реальнаго и законнаго.

Пропаганда изъ болгарскихъ тайниковъ не производила желаемаго впечатлѣнія на сельское населеніе, въ которомъ хранится вся сила и духъ, которому принадлежатъ всѣ средства для возстанія и отъ котораго зависитъ самое возстаніе. На всѣ внушенія поселяне давали одинъ отвѣтъ: наши братья и

сыновья служатъ султану и Высокой Портѣ въ казакахъ и драгунахъ; мы вѣримъ и хотимъ вѣрить только тому чтò пожалуетъ намъ султанъ по своей волѣ.

Но Высокая Порта не хочетъ или не можетъ этого понять. Туркамъ не по вкусу вооруженные Болгары, какъ польской шляхтѣ были не по вкусу вооруженные казаки. Отталкиваемые и пренебрегаемые казаки вступили въ борьбу. То же можетъ случиться и съ Болгарами. Если до тѣхъ поръ султанъ и Высокая Порта значатъ для нихъ все, то нѣкогда и казаки были вполнѣ преданы королю и Рѣчи Посполитой. Такъ твердятъ пропагандисты и съ надеждой уповаютъ на будущее.

Горожане знали событіе въ Сиштовѣ и въ Великомъ Тырновѣ и видѣли какъ успѣшно шла церковная пропаганда въ Филиппополѣ и Адріанополѣ, какъ ее уважали и чтили. Поэтому они отреклись отъ возстанія; церковь уже соединила ихъ; въ ней они на родномъ языкѣ молились и возсылали пѣснопѣнія о болгарской народности.

Остались въ готовности одни лишь гайдуки и киседжіи. По совѣщаніи о томъ чтò нужно для возстанія, для борьбы и для побѣды, рѣшили единогласно: деньги, деньги и деньги. Вслѣдствіе чего, разослали во всѣ стороны гайдуковъ и киседжіевъ собирать деньги.

Такъ шли дѣла въ Болгаріи когда въ Сливнѣ праздновали пышную свадьбу Елены, праправнуки стараго нейкіойскаго Стефана, съ Петромъ Катарджіей, казацкимъ векиль-онбашей, уволеннымъ отъ военной службы по *мазбатѣ* сливенскаго *меджлиса* и донесенію мутасарифъ-паши. Самъ мутасарифъ заботился объ этомъ бракѣ, и такая разошлась о немъ молва что эдренскій архіепископъ, желая воспользоваться случаемъ распространить до Сливна власть греческой церкви, оттуда уже вытѣсненной, пріѣхалъ въ Ямболъ, чтобы, при содѣйствіи мутасарифа, воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Мутасарифъ отвѣтилъ на письмо письмомъ, вѣжливо и любезно пригласилъ архіепископа къ себѣ въ гости, но, по мусульманскому обычаю, не пожелалъ вмѣшиваться въ христіанскія церковныя дѣла. Чорбаджіи же, съ согласія жителей, послали ему суровый привѣтъ: если хочешь пріѣхать къ намъ какъ купецъ, во здравіе царское, то въ Сливнѣ найдется для тебя довольно хановъ, * пріѣзжай и торгуй; но если ты соби-

* Ханъ—постоялый дворъ, гостиница.

раешься пожаловать къ намъ какъ владыка нашей церкви, то знай что у насъ нѣтъ рѣки чтобъ утопить тебя, но за то довольно камней чтобы побить тебя на смерть и сдѣлать тебя мученикомъ, только не нашей, а греческой церкви.* Мудрый владыка повѣрилъ слову и не пріѣхалъ, а священникъ Іованъ, Болгаринъ по крови и по духу, ученикъ и послѣдователь обоихъ болгарскихъ Иларіоновъ, совершилъ обрядъ вѣнчанія и соединилъ руки брачущихся.

Во храмѣ Божьемъ пылаютъ сотни восковыхъ свѣчъ и гогорятъ сотни блѣдныхъ лампадъ, которыя, давъ жизнь яркому свѣту, сами какъ бы хотятъ погрузиться во мракъ. Образа угодниковъ Господнихъ, кіевской рѣзьбы и кіевскаго письма, блескомъ своихъ красокъ, сіяніемъ серебра и золота, усиливаютъ въ глазахъ людей лѣпоту славы Божіей. Подъ сводами летаютъ голубки, птицы Божьи, и принимаютъ съ земли пѣснопѣнія дѣвицъ чтобы нести ихъ скорѣе къ Господу господствующихъ. Растворились царскія двери; священникъ Іованъ, въ блестящихъ золотомъ и серебромъ ризахъ, читалъ молитвы надъ колѣнопреклоненною четою. Онъ три раза обмѣнялъ кольцами момака и момицу, соединилъ ихъ руки подъ своею эпитрахилью и три раза обвелъ ихъ вокругъ аналоя. Наконецъ пропѣли аминь.

Въ церкви собралась толпа, и къ удивленію пришло много мусульманъ. Мутасарифъ смотрѣлъ на обрядъ глазами намѣстника, господина и покровителя народа, и глядѣлъ на молодую момицу глазами попечительнаго отца. Она казалась прекраснѣе чѣмъ когда-либо; сокровища ея прелестей не принадлежатъ уже ей и нашли себѣ охранителя. Чтò не наше, то для насъ красивѣе и вожделѣннѣе; чтò наше того мы не цѣнимъ, считаемъ за мѣдь и томпакъ, а чтò не наше, то чистое золото. Мутасарифъ заботился объ этомъ сокровищѣ и хранилъ его, а когда добровольно отдалъ его на храненіе другому, то ему стало жаль.

Вѣнчаніе кончилось. Изъ церкви вернулись домой процессіей; старый Стефанъ съ своею старою женой былъ впереди. Старый Стефанъ выступалъ смѣло, держался прямо и шелъ

* Таковъ дѣйствительно былъ отвѣтъ архіепископу; этимъ путемъ Сливенскій санджакъ отдѣлался отъ греческихъ священниковъ. Правительство не вмѣшивалось въ это дѣло.

какъ молодой, не пошатываясь на своемъ пути ни вправо, ни влѣво. Старая жена Стефана немного виляла въ сторону, но не отставала отъ мужа. За ними тянулось цѣлое поколѣніе—чорбаджіи, чорбаджійки, момцы, момицы, мальчики и дѣвочки. Съ момицами шла монахиня, вся въ черномъ; видны были только обращеные къ небу черные глаза ангела. Это дѣвица Марія, невѣста Болгаріи, теперь служительница Пресвятой Богородицы. Она казалось не глядѣла на людей, но вдругъ она вздрогнула и спряталась глубже въ толпу. Въ толпѣ не было ничего страшнаго, ничего диковиннаго: жители Сливна, Балканъ, болгарскіе поселяне и казаки, турецкіе эфендіи и деликанліи, * женщины, дѣти и госпожи во франкскомъ нарядѣ. Во всей толпѣ было только трое косматыхъ и усатыхъ Каракачанъ, ** одѣтыхъ въ курчавыя бурки. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что Сливенъ лежитъ на каракачанскомъ пути. Они, какъ дикіе гуси и журавли, перебираются на зиму изъ Добруджи въ горы Эпира, а на лѣто возвращаются въ Буджакъ, на Дунай, съ баранами, женами, лошадьми, дѣтьми, собаками, кошками и даже съ пѣтухами. Не удивительно что показались Каракачане, потому что въ это время проходилъ ихъ караванъ, и они всѣ трое были знакомцы священника Іована, рекомендованные ему старымъ Каракачаномъ, сливенскимъ землевладѣльцемъ, которому Сливенъ, какъ подать, доставляетъ ежегодно, за хорошія деньги, тридцать двухлѣтнихъ ослицъ, для приплода и пріумноженія его и безъ того богатаго достоянія. Рекомендація такого сильнаго человѣка замѣняетъ въ глазахъ Болгаръ поручительство и паспортъ, хотя бы на край болгарскаго свѣта.

Пришли домой. Молодую посадили на мѣшокъ набитый шерстью,—знакъ промышленности и богатства Сливна. Она была наряжена въ фустанъ франкскаго покроя, и дочь ватерлоскаго полковника величала ее: мадамъ Петри, мадамъ Кавгаджія. Но изъ уваженія къ старику Стефану, къ старухѣ его

---

* Деликанлія—лихой, бѣшеной крови парень.

** Каракачане или Куцовлахи—потомки римскихъ легіоновъ на берегахъ Адріатики; лѣтомъ они живутъ въ пограничныхъ съ Греціей горахъ и съ нихъ спускаются въ долины, всего чаще въ Добруджу. Они представляютъ собою вѣрный типъ кочеваго народа.

женѣ и къ болгарскимъ обычаямъ, на нее накинули свѣтлую лисью шубу, называемую эльмой, крытую красвымъ атласомъ. Лицо ея подъ покрываломъ, а волосы сзади распущены. Она ожидаетъ подарковъ приносимыхъ въ Болгаріи новобрачной.

По обѣимъ сторонамъ молодой, на диванахъ и на лавкахъ, сидѣли чорбаджійки въ богатыхъ, отороченныхъ золотымъ галуномъ шубахъ и крайне безвкусныхъ франкскихъ нарядахъ. Момицы, въ доломанахъ, въ яркоцвѣтныхъ подбитыхъ лисьимъ мѣхомъ душегрѣйкахъ, стояли на ногахъ. Волосы у нихъ распущены, какъ хвосты на драгунскихъ каскахъ, унизаны серебряными и золотыми монетами, разной формы, разной цѣны и разныхъ эпохъ, и прикрываютъ плечя какъ бы драгоцѣнною броней. Это приданое и богатство болгарскихъ момицъ. При выходѣ замужъ съ дѣвушки снимаютъ эти деньги, и въ день брака она, съ распущенными волосами, не имѣя на нихъ ни одной монетки, ждетъ новыхъ монетъ, щедро приносимыхъ ей въ даръ на память свадьбы.

Какъ вѣрные поклонники Ислама, въ половинѣ Рамазана, идутъ одинъ за другимъ цѣловать одежды пророка, такъ приходили съ улицы, одинъ за другимъ, мусульмане и христіане, и каждый прицѣплялъ къ волосамъ продыравленную серебряную или золотую монету, кольцо или брилліантъ. Скоро плечи новобрачной засіяли золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Мутасарифъ вплелъ въ волоса кольцо съ прекраснымъ рубиномъ. Къ общему удивленію, вошли одинъ за другимъ три Каракачана и каждый принесъ брилліантовую вѣтку—даръ достойный султанши. Первые два Каракачана были такъ-называемые *доминусы*, * въ румунскомъ нарѣчіи *муссы*, то же что болгарскіе чорбаджіи; третій былъ момакъ, не съ большимъ двадцати лѣтъ, высокій, статный и, какъ признали дамы одѣтыя по-франкски, очень красивый. Всѣмъ подавали сласти и воду, а потомъ амберію и кофе. Молодой Каракачанъ, по забывчивости ли, потому ли что припоминалъ свое латинское происхожденіе, угощавшимъ его момицамъ говорилъ: gracia!

Слово gracia обошло всѣ уши. Уроженка Майнца, дочь

---

* Dominus — господинъ, monsieur; эти названія сохранились у потомковъ римскихъ легіоновъ вездѣ, даже тамъ гдѣ они говорятъ по-славянски или по-гречески, какъ явное доказательство ихъ латинскаго происхожденія.

ватерлоскаго полковника, вообразила что знала молодаго человѣка въ Букурештѣ, что онъ Гика и князь. Мужъ ея морщился.

— Милая моя, ты никогда не бывала въ Букурештѣ; ты можетъ-быть видала его въ Майнцѣ или въ Дюссельдорфѣ.

— Отвяжись, мой милый левъ съ рыжею гривой! Привязался съ Майнцемъ, а теперь лѣзетъ съ какимъ-то Дорфомъ. Я была въ Букурештѣ и жила тамъ лучше чѣмъ здѣсь.

Левъ побагровѣлъ, тайкомъ ущипнулъ жену и проворчалъ сквозь зубы:

— Проклятая Рифка, потаскушка!

Она съ усмѣшкою всадила ему булавку по самую головку.

— Проклятый Ицекъ! Ты такой же паршивый какъ я. Вотъ сейчасъ разкажу.

Хоть и больно уколола льва булавка, но онъ амберіей заграждаетъ уста своей подруги.

— Выпей, душенька, за здоровье моего начальника Макъ-Магона, или твоего сродника Ещераза.

Докторъ промычалъ, гмъ, гмъ, кашлянулъ, и Каракачанъ съ gracia исчезъ въ толпѣ, какъ привидѣніе когда запоетъ пѣтухъ. Напрасно Рифка ищетъ его глазами, напрасно Ицекъ бѣгаетъ по комнатѣ отыскивая его между гостями: сгинулъ, исчезъ.

Запищали и загудѣли болгарскія дудки. Онѣ вѣрно были любимымъ инструментомъ Орфея, которымъ онъ укрощалъ звѣрей, потому что какъ только послышится дудка, гдѣ бы то ни было и во всякую пору, Болгары и быки тотчасъ пускаются въ плясъ и заводятъ хорату. Момицы и коровы, вдоль и вширь всего свѣта, какъ только раздадутся ея звуки, готовы плясать хорату, пока ее играютъ. На свадьбѣ дудили отъ всего сердца, и хората слѣдовала за хоратой.

Пока въ Еникоѣ пировали у Катырджіи на свадьбѣ весь Сливенъ и весь Нейкіой, разливалось вино, хрустѣли подъ пальцами разрываемые на поставцахъ жареные бараны и поѣдались горы сырныхъ и сладкихъ банницъ, недалеко за предмѣстьемъ, у ручья, въ густой заросли, около мельничной ограды, сидѣли и бесѣдовали пятеро мущинъ. Трое изъ нихъ были Каракачане, а четвертый мельникъ, владѣлецъ мельницы, Дымко Дейерменджія, не здѣшній, а прибывшій откуда-то изъ Киркъ-Клиза. У него водились червонцы, хотя онъ рѣдко сидѣлъ въ мельницѣ; его не видали въ городѣ, но онъ зналъ все

чтò тамъ дѣлается. Заптіи всегда заѣзжали къ нему выпить ракіи, а аги, отправляясь съ собаками на охоту въ Балканскія горы и яры, у его огня закуривали трубки и сигары. Съ агами охотниками и съ заптіями, для безопасности, онъ жилъ въ ладахъ, а они ему разказывали чтò знали и слышали. Всѣ считали Дымко за отличнаго человѣка. Муфтій его очень жаловалъ, и разъ чуть не проклялъ кадія, за то что тотъ назвалъ Дымко *тавукчіемъ*—курокрадомъ. * *Тавукчи* при гайдукѣ то же чтò шакалъ при львѣ на охотѣ. Муфтій сказалъ: „Дымко потому развѣ *тавукчи* что и курицѣ не сдѣлаетъ зла."

Поводъ къ этой ссорѣ былъ слѣдующій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, султанская почта везла большую сумму золотомъ изъ Эдрене въ Рущукъ, и дорогой была разграблена. Весь городъ кричалъ что грабежъ сдѣланъ по приказанію каймакана (мутасарифовъ и вилаетовъ тогда еще не было), видѣли даже какъ принесли деньги къ нему въ домъ, гдѣ были собраны на меджлисъ сторонники каймакана. Дымко, знавшій все, провѣдалъ объ этомъ слухѣ, пошелъ съ донесеніемъ къ каймакану и, по обычаю райевъ, поднесъ ему въ даръ фляжку какой-то огненной ракіи. Съ горя пріятно выпить. Въ ту же ночь каймаканъ переселился въ вѣчность. Разбойниковъ не нашли и перестали о нихъ поминать, а разграбленныя деньги собрали въ санджакѣ, въ видѣ штрафа. Кади, не обращая вниманія на слѣдствіе, все примѣшивалъ имя Дымка, и разъ, въ нетерпѣніи, вымолвилъ: онъ тавукчи. Но это прозвище не перешло за порогъ его дома, почему и Дейерменджію не перекрестили въ тавукчи, а звали попрежнему Дымко Дейерменджіемъ, или мельникомъ.

Пятый только-что пріѣхалъ и не успѣлъ еще отереть потъ съ лица. Онъ поклонникъ Ислама—на головѣ его чалма, да еще зеленая, эмирская—и должно-быть совсѣмъ правовѣрный, потому что путешествуетъ съ гаремомъ. Тутъ же за чащей сидѣла на холмикѣ Турчанка, въ яшмакѣ и фереджіи, а около нея пасся оселъ навьюченный домашнимъ скарбомъ.

Одинъ изъ Каракачанъ взглянулъ на новаго гостя и поздоровался съ нимъ.

— Гора съ горой не сойдутся, а человѣкъ съ человѣкомъ

---

* Тавукчи—курокрадъ, отъ слова тавукъ—курица. Чтобы выразить свое презрѣніе къ вору, Турокъ называетъ его тавукчи.

встрѣтятся. Кто бы подумалъ что мы увидимся послѣ того что̀ случилось!

— И то прошло, и это пройдетъ; видно такова судьба чтобы мы сходились.

— Вѣра насъ разлучаетъ, но ремесло соединяетъ.

— Правда; оно связываетъ насъ еще болѣе священнымъ долгомъ, потому что послѣднее въ нашей волѣ, а первая нѣтъ.

Другой Каракачанъ раскрылъ вполовину заспанные глаза.

— Пустое вы болтаете, мы не за тѣмъ пришли. Говори, родимый Дымко, зачѣмъ ты насъ созвалъ.

— Разомъ двѣ добычи наклевываются, и обѣ жирныя. Вали посылаетъ изъ Рущука въ Стамбулъ четыре тысячи кошельковъ чистаго золота. Купцы, увѣренные что при такой посылкѣ будетъ сильный конвой, тоже посылаютъ въ столицу двадцать четыре юка золота и серебра. Славная добыча! Чрезъ три дня они прибудутъ въ Казань, вѣрно подъ крѣпкою охраной; будутъ заптіи, а можетъ-быть и конница. Чрезъ шесть дней вали отправляетъ изъ Эдрене тридцать юковъ илтизáма * Высокой Портѣ; въ этомъ транспортѣ тоже будутъ купеческія посылки. Въ Эдрене не мало райевъ и Франковъ, купцы они богатые. Это добыча хорошая!

Сонный Каракачанъ улыбнулся.

— Казанское дѣло я беру на себя; я знаю тамошнюю мѣстность и тамошніе обычаи. Что̀ удавалось прежде, то удастся и теперь. Я управлюсь; положитесь на меня.

Дейерменджія кивнулъ головой.

— Знаю что ты молодецъ на такія продѣлки; но помни что тутъ придется возиться не съ покойникомъ; водкой не проведешь; царскій *забитъ* ** царскаго гроша не возьметъ.

— Велика забота, какіе гроши онъ беретъ, какіе нѣтъ! Намъ его доля не нужна. Небось управимся и безъ него, заберемъ все—знаемъ свое дѣло. День и мѣсто указаны, этого съ меня довольно. Есть у меня свои люди въ Вечери, въ Топиловѣ и въ Старой Рѣкѣ; а ты, братъ дервишъ, позволь захватить въ Чамъ-Дере твоихъ сорви-головъ, и все пойдетъ какъ по маслу. Тебя самого не зову, чтобы ты съ чистою совѣстью могъ присягнуть муфтію что ты къ этому дѣлу не прикладывалъ

---

* Илтизамъ—подать.

** Забитъ—офицеръ.

рукъ. Всѣхъ одѣлю какъ братьевъ, никого не обмѣряю, не обвѣшаю—какъ Богъ приказалъ. Да и Ганкѣ твоей достанется бахчишъ. Согласенъ?

— Ладно, ладно; съ тобой пойдутъ изъ Чамъ-Дере мой Вейсъ, мой Карабелъ и всѣ мои сорви-головы. Благодареніе Богу и муфтію! Они на волѣ, свободны и всегда́ готовы. Да благословитъ Аллахъ нашего стараго муфтія! Казаковъ и драгунъ у насъ уже нѣтъ. Ферикъ пошелъ съ этимъ гяурскимъ войскомъ въ Эдрене. Остались одни женатые, и тѣ съ своими бабами обезьянами скоро потянутся за таборомъ. Гуляй теперь на просторѣ, настала наша пора. Однако, какъ человѣкъ бывалый, совѣтую тѣмъ что̀ пойдутъ добывать эдренскую добычу не охотиться по близости: казаки и драгуны не нашей конницѣ чета; дали мнѣ они себя знать. Скажу по правдѣ, по Божьи, что лучшихъ чѣмъ они юнаковъ не найдешь между гайдуками и не отыщешь между киседжіями. Дѣло надо обработать гдѣ-нибудь на Эргени, въ черкесской сторонѣ. Воевода знаетъ мѣстность; одному мнѣ идти бы не хотѣлось, а съ нимъ вмѣстѣ пойду, какъ мы не разъ гуляли прежде, когда я былъ гайдукомъ. Въ ваше болгарское юначество я не вмѣшиваюсь, оно не про насъ.

— Исполать! сказалъ Каракачанъ:—Собачій Сынъ съ Птичьимъ, славная выйдетъ пара. Держись казаки и драгуны! Они и укусятъ, и клюнутъ, и на вѣтру схватятъ и изъ дыры вытащутъ; отъ этой пары не уйдешь и не спрячешься. Пора въ дорогу. Съ осломъ и Ганкой мы не больно скоро доберемся до киседжійскихъ лошадей.

— Сегодня еще до разсвѣта можно достать въ Маражской долинѣ * киседжіевъ и киседжійскихъ коней; людишки Мансурова сына** давно отдыхаютъ, но ремесла не забыли—разомъ поднимутся. А ты, воевода, забери своихъ людей въ Черкесли и Стралджѣ: они лихіе ребята, киседжіи,—и возьми коней у Гирея, они чистокровные киседжійскіе. Берите моимъ именемъ; онъ или ничего не узнаетъ, или ничего не скажетъ. Черезъ четыре дня сойдемся у Киркъ-Клиза, на опушкѣ бора.

* Маражака долина въ Балканахъ, плодоносная и богатая, населенная мусульманами и извѣстная своими киседжіями.

** Мансуръ-Оглу, извѣстный гайдукъ Сливенскаго санджака, былъ пойманъ казаками, просидѣлъ десять лѣтъ въ тяжкомъ заключеніи и потомъ выпущенъ на волю. Онъ поселился въ Маражской долинѣ, живетъ честно и пользуется уваженіемъ.

— Ладно—на спросъ: Собачій Сынъ--отвѣчать: Птичій сынъ. Дорога намъ въ Катырханъ, а расправа на Эргени.

Обращаясь къ молодому Каракачану, онъ примолвилъ: — Какъ видишь, милый комисаръ, мы не зѣваемъ. Съ кѣмъ хочешь ѣхать? со мной, или съ Дышліей? А не то, не лучше ли тебѣ ѣхать въ Фелибу? * Переговоришь тамъ съ комитетомъ и на возвратномъ пути заберешь деньги. Мы люди честные, что̀ наше то наше, а что̀ комитетское, то комитетское. Сдѣлай починъ, а мы поведемъ охоту до конца.

Молодой Каракачанъ былъ угрюмъ и задумчивъ; онъ ввязался не въ свое дѣло, но такъ какъ оно было ему свѣдомо когда онъ ѣхалъ сюда, то онъ не могъ ему воспротивиться. Съ сокрушеніемъ сердца онъ убѣдился какъ любо Болгарамъ гайдучество, какъ оно шевелитъ ихъ душу, какъ оно развязываетъ имъ мысли и уста, какъ сжилось съ ними; и какъ тяжело и неохотно они предаются юначеству, какъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ добиться на этомъ поприщѣ самостоятельности, и вступаетъ въ него словно волокутъ его на веревкѣ.

Кто былъ молодой Каракачанъ? Онъ Болгаръ какъ и остальные его два спутника; нѣкогда онъ былъ товарищемъ Хаджи Дмитрія и вмѣстѣ съ нимъ кончилъ свое образованіе въ старомъ Кіевѣ, въ той всеславянской столицѣ которая давала, даетъ и будетъ давать всѣмъ колѣнамъ славянскаго племени людей сабли и людей пера. Тамъ колыбель славянской вѣры, свободы и славы. Владиміръ, Баянъ и Игорь, три самыя драгоцѣнныя для славянскаго сердца сокровища, всѣ трое Кіевлянѐ. Поэтому Кіевъ градъ всеславянскій. Кто въ немъ воспитаетъ свой духъ, тотъ выростетъ Славяниномъ; кто въ немъ утвердятъ свою столицу, тотъ будетъ господствовать надъ славянскимъ міромъ. Тамъ получили свое нравственное развитіе Хаджи Дмитрій Кавгаджія и Данко Казанскій; первый пріучилъ себя къ войнѣ въ битвахъ съ Чеченцами и съ Черкесами, чтобы вернуться въ Балканы и тамъ погибнуть; второй бился съ Бухарцами въ степяхъ Туркестана и возвратился въ родную землю, образованный и опытный. Оба они дѣти Балкановъ и оба пали жертвами комитетовъ, которые хотѣли облагородить ими гайдуковъ и передѣлать ихъ, если возможно, въ юнаковъ.

* Фелиба—Филиппополь. Упоминаемыя въ разказѣ разграбленія почтъ истинныя событія.

Ему хотѣлось по крайней мѣрѣ избавиться отъ участія въ грабежѣ въ Казани и на Эргени, и потому онъ охотно согласился ѣхать въ Фелибу чтобы посмотрѣть на край и вглядѣться глубже въ духъ и расположеніе жителей.

Покуда длилось совѣщаніе около мельницы, бѣдная Ганка, теперь любимая ханума, оставалась на курганѣ. До уха ея долетали подзадоривающіе звуки дудокъ и веселые голоса момцевъ и момицъ кружившихся въ хоратѣ. Все это не для нея: ей стало жаль себя, хоть она еще и любитъ мужа, а жаль; яшмакъ какъ свинецъ давитъ ей лицо, а фереджь какъ цѣпь связываетъ всѣ движенія. Она, такая молодая, тратитъ свои годы въ пустыняхъ, въ ярахъ, въ безлюдьи; а когда живетъ съ людьми, то сидитъ въ заперти, закрытая, ни людей не видитъ, ни своего личика никому показать не можетъ. Охъ, тяжелая доля—такая неволя! Она посмотрѣла на своего товарища осла, и слезы брызнули изъ ея глазъ. „Ровесницы мои съ момцами хорату выводятъ, а я бѣдная съ этимъ осломъ дрожу отъ стужи и горя! Ровесницы потѣшаются сладкою музыкой дудокъ, а я слышу только ревъ этого осла!“ И вотъ она заливается слезами и ломаетъ себѣ руки. „Бѣдная я, несчастная!“ Молодая, прекрасная и любимая ханума горячо, отъ всего сердца, пожелала себѣ смерти.

Позади ея раздался тихій голосъ:

— Милая ханума, жемчужина моя, жизнь моя! Встань, пора въ дорогу.

Эти слова подѣйствовали на ея сердце какъ голосъ соловья; слезы перестали капать, она отъ смерти вернулась къ жизни, и подошла къ своему господину, къ своему мужу. Онъ ее обнялъ, приласкалъ поцѣлуями чело, глаза, лицо и прогналъ съ нихъ тоску.

— Милая моя гурія, ты озябла? О, зачѣмъ у меня нѣтъ султанскихъ дворцовъ, шубъ пашей и эфендіевскихъ ковровъ! Была бы ты у меня царицей. Твой невольникъ у ногъ твоихъ, но не можетъ тебѣ ничего дать кромѣ обширнаго Божія дворца, Божьихъ ковровъ и своего сердца.

Ханума уже счастлива.—Чего мнѣ еще нужно? я съ тобой, ты со мной, и Богъ съ нами.

Она вьючитъ на осла поклажу, погладила его маленькою ручкой, подала своему господину чубукъ и совершенно довольна. Прошли они по дорогѣ мимо самаго дома Катырджіи: играютъ дудки, раздаются пѣсни, идутъ танцы; ханума все видитъ

и слышитъ и не только не говоритъ: подождемъ, посмотримъ, но даже не желаетъ этого мысленно. Идетъ она рядомъ съ своимъ возлюбленнымъ и къ нему прижимается, имъ любуется, внимаетъ его словамъ и чувствуетъ только свою любовь. Она уже не бѣдная, потому что не одинока. Дивное существо женщина когда она любитъ и знаетъ что любима!

Они шли вдвоемъ и въ сердцахъ обоихъ была любовь. Оселъ шагалъ впереди и указывалъ имъ дорогу, черезъ горы и лѣса, прямо въ Маражскую долину. Вотъ какова любовь и каковы проводники въ дикихъ Балканахъ. Тамъ все не по нашему.

Свадебное веселье въ полномъ разгулѣ. Мутасарифъ хочетъ чтобы Болгары тѣшились и забавлялись во здравіе царское, чтобы подъ дудки они въ хоратѣ братались съ мусульманами.

Ицекъ увѣряетъ чорбаджіевъ что въ Турціи лучше чѣмъ въ Россіи, лучше даже чѣмъ во Франціи и въ Англіи, что онъ хотѣлъ бы быть Болгариномъ, а не астраханскимъ Татариномъ, не арабскимъ Кабиломъ и не индійскимъ сипаемъ. Онъ разказывалъ какъ Англичане, за вздорные проступки, привязывали Индусовъ къ пушечному жерлу и разстрѣливали такъ чтобы не осталось отъ нихъ ни кусочка; какъ Французы, для забавы, выжигали Арабовъ тысячами, словно лисицъ въ норахъ; какъ Русскіе стригутъ и брѣютъ Татаръ и берутъ ихъ въ солдаты. А здѣсь что̀? Кто провинится головою, того отдуютъ по-отечески палками, и предадутъ все забвенію. Кто хочетъ быть военнымъ тотъ служитъ въ солдатахъ, кто не хочетъ тотъ торгуетъ. Да и народъ здѣсь лучше и умнѣе — такихъ какъ наши Черкесы не найдешь во всемъ свѣтѣ, самъ Макъ-Магонъ мой не таковъ; нашъ правитель проведетъ Бисмарка, хотя графъ и сродни моей женѣ. Ицекъ разказывалъ, а чорбаджіи слушали и пили за здоровье мутасарифа-паши рюмку за рюмкой.

Рифка шепчетъ на ухо Еленушкѣ чтобъ она была мадамой, а не булгарскою момицей, и разказываетъ ей какая она сама была въ молодости, какъ она разряженная и расфуфыренная выбѣгала по вечерамъ на улицу для свиданій и въ сады для прогулки, какъ за нею роемъ валили бояре и купцы, офицеры и помѣщики, какъ она всѣхъ ихъ водила за собой и не было лучшей чѣмъ она приманки. Такова должна быть женщина! Какъ ея отецъ, храбрый адскій кирасиръ, сокрушалъ кости Англичанъ, такъ она сокрушала кости и гроши Румунъ. Но что̀

было, того уже нѣтъ; на все есть время. Теперь она почтенная матрона, наставляетъ молодыхъ женъ и покровительствуетъ имъ въ свѣтѣ. Она поласкала рукой Еленушку.

— Такъ дѣлай и ты, душенька. Покуда молода наслаждайся свѣтомъ; будетъ время для молитвы, когда не будешь годна для битвы. Мы тоже войско, чтобы поддержать наше достоинство и нашу власть, мы должны сражаться сколько станетъ силъ, чтобъ отдыхать въ старости на пріятныхъ восломинаніяхъ и утѣшаться ими.

Послѣ разговора она выпила амберіи и вина и начала любезничать со старымъ докторомъ чтобы выманить у него хоть стеганое шитое одѣяло, подъ которымъ погрѣть бы ей свои косточки.

Петро Катырджія, котораго священникъ Іованъ познакомилъ съ молодымъ Каракачаномъ, по долгу хозяина и новобрачнаго угощалъ новаго гостя. Они присѣли въ сторонѣ, попивали винцо и бесѣдовали между собою. Вино развязываетъ языкъ, а если выпито въ мѣру, то и мысли въ головѣ проясняются. Петро Катырджія хоть и былъ Болгаринъ, но ума изъ его головы не выбили. На вопросъ зачѣмъ онъ бросилъ военную службу, онъ отвѣчалъ:

— Быть-можетъ я и дурно сдѣлалъ, да дѣвушка меня полюбила и я ее полюбилъ. Милостивецъ мой мутасарифъ-паша сталъ меня подговаривать, обѣщалъ золотыя горы и уговорилъ. Я попросилъ написать мазбату объ отставкѣ, а мутасарифъ устроилъ все остальное. Теперь засяду дома и стану торговать. Жаль, да дѣлать нечего!

— Разкажи-ка, братъ, какъ идутъ дѣла въ вашемъ казачьемъ полку?

— И хорошо и дурно, есть тамъ всякіе люди. Есть люди путные, во главѣ ихъ стоитъ ферикъ: дай ему Богъ здоровья. Они желаютъ добра Туркамъ, потому что Турки самые вѣрные союзники ихъ страны, но желаютъ добра и намъ, потому что сами Славяне и насъ признаютъ за Славянъ; они стараются расположить къ намъ правительство, хотятъ улучшить наше положеніе, уговариваютъ быть вѣрными султану, и не позволяютъ унижать и притѣснять нашъ народъ. Дай Богъ имъ здоровья! Но и въ лучшей пшеницѣ бываетъ куколь, а на бѣду набралось его много. Италіянцы, Жиды, лакеи, купцы, Армяне, Цыгане, всѣ выдаютъ себя за шляхтичей, пьютъ, воруютъ, безсовѣстно лгутъ, кормятся солдатскимъ добромъ, отбиваютъ у солдатъ

охоту къ службѣ, пріучаютъ ихъ къ мошенничеству, подговариваютъ ихъ къ отступничеству отъ вѣры, и портятъ все что̀ могутъ. Сволочь! Какъ держится полкъ про то вѣдаютъ только ферикъ да Богъ, а держится онъ покуда крѣпко, къ чести войска и къ чести болгарскаго имени.

— Что̀ же по-твоему изъ этого выйдетъ?

— Слыхалъ я еще ребенкомъ отъ отца и дѣда что подъ конецъ куколь всегда заглушитъ пшеницу.

— А какъ поступаетъ правительство?

— И такъ и сякъ; дали волю ферику. Старики понимаютъ важность войска славянскаго и христіанскаго, и полагаютъ что султаны, по крови, имѣютъ право на славянскую корону.

— Какъ такъ?

— Не стану говорить по книгамъ, я ихъ не читаю, а разкажу какое было дѣло. Назадъ тому пять лѣтъ, десять учениковъ Бѣлградской военной школы, вернувшись въ княжество Обреновичей, отказались дать присягу въ вѣрности, говоря: мы не хотимъ служить роду свинопасовъ, потому что у насъ есть свои цари, по женскому колѣну—оттоманскіе султаны; ихъ родятъ сербскія княжны, изъ роду Нѣманичей: такъ написано въ сербскихъ книгахъ. Мы хотимъ служить имъ, нашимъ истиннымъ царямъ и господарямъ. Ученики бѣжали въ Бѣлградскую крѣпость, откуда ихъ отправили въ Стамбулъ. Самъ султанъ прислалъ ихъ въ казачій полкъ; они и теперь еще тамъ: Стретинъ, Арсеній, Петровичъ и другіе. Старики тогда правили государствомъ и очень этому обрадовались.

— Дѣло важное; что̀ же сталось съ молодыми людьми?

— Ферикъ вывелъ бы ихъ въ офицеры, и было бы у султана свое славянское войско, противъ всякаго врага. Но власть перешла въ руки такъ-называемыхъ учениковъ мектебліія. Они съ завистью смотрятъ на казаковъ; если кто другой взглянетъ на казаковъ и знаетъ самъ толкъ, тотъ скажетъ: это лучшая конница оттоманскаго войска. Султанъ полюбилъ эту конницу, и разъ благодарилъ за нее ферика, пожаловалъ ему меджидіе и взялъ казаковъ въ адъютанты и чауши. Это не понравилось мектебліійцамъ: они набираютъ въ полкъ Италіянцевъ, Жидовъ, сволочь со всего Божьяго міра, чтобы надоѣсть старой польской шляхтѣ и выжить ее, и не допустить такимъ образомъ чтобы болгарскіе гяуры сдѣлались султанскими солдатами. Помилуй Богъ, не ладно!

— Зачѣмъ же Поляки не стоятъ дружно одинъ за другаго?

Они уперлись бы противъ зла, и васъ бы привели къ добру, и Турціи услужили бы лучше другихъ.

— Легко сказать. Знаешь ли польскую пословицу? гдѣ двое Поляковъ тамъ одинъ лишній. И то чудо что держатся вмѣстѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Ферикъ—колдунъ; когда его не станетъ, тогда увидитъ эта сволочь что сѣла она какъ ракъ на мели.

— Ну а Болгары записываются въ казаки?

— Записываются, они уже попривыкли. Есть чауши и офицеры изъ Болгаръ, и много онбашей. Ферикъ ихъ любитъ. Наши момцы идутъ въ службу охотно, разстаются съ домомъ и бросаютъ киседжійское ремесло, чтобы подвязать саблю, бренчать шпорами и щеголять мундиромъ.

— Дастъ Богъ изъ этого что-нибудь да выйдетъ.

— Сомнѣваюсь; наши толкуютъ что Италіянцы и Жиды, не имѣя другаго средства одолѣть ферика, предлагаютъ мектеблійцамъ вывести славянство изъ полковъ и отуречить ихъ, потому что увѣрены что если имъ это удастся, то ферикъ не задумается оставить службу.

— Жаль! Я самъ хотѣлъ записаться въ казаки; они могли бы спасти нашу бѣдную родину; не все ли равно будетъ ли въ Болгаріи свой царь, будетъ ли у ней султанъ? Была бы только Болгарія, да сохранила бы она свою вѣру и свой языкъ. Идти же въ казаки для пробы, а потомъ сожалѣть что пошелъ, не стóитъ: Лучше жить по-старому.

Грустно смотрѣли глаза молодаго Болгарина; онъ солдатъ и служилъ въ хорошемъ войскѣ. Онъ съ прискорбіемъ видѣлъ какъ легко и охотно Болгары дѣлаются гайдуками и какъ трудно и нерадостно для нихъ быть юнаками. Онъ думалъ что казачество пособитъ имъ выдти изъ того положенія къ какое комитеты втянули ихъ во имя свободы и отчизны. Но оказывается что и этого добиться не легко.

Катырджія зналъ кто былъ молодой Болгаринъ: Болгары же, какъ горожане такъ и сельчане, вѣдали все чтò творятъ комитеты, хотя и не принадлежали къ нимъ; и нужно признаться что они умѣли хранить тайну, потому что почти ни одинъ Болгаринъ, даже изъ противниковъ возстанія, а такихъ было девять десятыхъ, ни о чемъ не проболтался: это всего лучше доказываетъ гуннское происхожденіе ихъ племени. Въ немъ уцѣлѣла лучшая добродѣтель дикихъ праотцевъ—умѣнье держать языкъ за зубами. Не таковы Славяне....

Катырджія посмотрѣлъ вокругъ себя и сказалъ: — Уходи, братъ; Турки, какъ вижу, на тебя косятся. Спѣши, у отца Іована все готово.

Онъ оставилъ гостя и подошелъ къ кружку въ которомъ была его молодая жена, а между тѣмъ Каракачанъ скрылся въ толпѣ.

Мутасарифъ еще не встаетъ и не позволяетъ прекратить веселье. Хорату пляшутъ за хоратой, а онъ глядитъ на молодую. Она кажется ему еще прекраснѣе чѣмъ была прежде. Щеки розовыя, уста алыя, глаза такъ блестятъ какъ не блистали никогда, черныя брови рисуются на челѣ, а отъ волосъ бросаетъ въ дрожь. Не даромъ Пророкъ запретилъ женщинамъ показывать свои косы кому-либо другому кромѣ мужа. Она не привыкла еще къ фустану, но была въ немъ такъ роскошна и проста, что пашѣ стало досадно. Такая гурія для казака! Но горю не поможешь — заперли замочекъ! Паша задумывается, улыбается, хмурится и снова задумывается. Наконецъ паша вытряхнулъ пепелъ изъ трубки, не приказалъ набавить другую и сталъ собираться домой. Паша всталъ, молодые ему кланяются, а чорбаджіи и чорбаджійки поднялись на ноги. Рифка присядаетъ. Ицекъ выбѣжалъ изъ сѣней и держитъ стремя, а конь такъ и рвется. При конѣ кучка заптіевъ и вдвое болѣе босоногихъ оборванцевъ: это почетный конвой. Чѣмъ больше паша тѣмъ больше при немъ оборванцевъ и тѣмъ хуже на нихъ лохмотья. Паша еще разъ улыбнулся молодой, послалъ привѣтъ Рифкѣ за ея присяданіе, и глазами, по турецкому обычаю, что-то приказалъ юзбашѣ и заптіямъ. Онъ вышелъ, сѣлъ на коня и поскакалъ, а вся арава оборванцевъ побѣжала вокругъ него пѣшкомъ, въ тактъ съ конскимъ галопомъ.

Дудки заиграли еще разъ, и тѣмъ все кончилось.

(До слѣд. №.)

НЕИЗДАННЫЯ ПІЕСЫ

А. С. ГРИБОѢДОВА

Странная судьба постигла сочиненія А. С. Грибоѣдова. Мало того что прошло почти десять лѣтъ прежде чѣмъ знаменитое произведеніе его, *Горе отъ Ума*, появилось въ печати и на сценѣ,—появилось когда уже вся грамотная Россія знала его наизусть по рукописямъ, — мы до сихъ поръ не имѣемъ полнаго изданія этой превосходной комедіи, до сихъ поръ не собраны ея варіанты. А варіантовъ должно быть не мало, какъ можно видѣть изъ словъ самого Грибоѣдова, который въ 1824 году писалъ къ С. Н. Бѣгичеву: * „Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ... сержусь и возстановляю старое... Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню коли рѣшишься: онъ такъ несовершененъ, такъ нечистъ. Представь себѣ что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или, лучше сказать, риѳмъ перемѣнилъ; теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того, по дорогѣ пришло мнѣ въ голову

* *Письма Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву*, изд. Обществомъ Любителей Россійской Словесности, стр. 17.

придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценой Чацкаго, когда онъ увидѣлъ свою негодяйку, со свѣчею надъ лѣстницей, и предъ тѣмъ какъ ему обличить ее. Живая, быстрая вещь; стихи искрами посыпались въ самый день моего пріѣзда, и въ этомъ видѣ читалъ я ее Крылову, Жандру, Хмѣльницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину.... Замѣчаніемъ Віельгорскаго я тоже воспользовался. Но наконецъ мнѣ такъ надоѣло все одно и то же что во многихъ мѣстахъ импровизирую; да, это нѣсколько разъ случилось, потомъ я самъ себя ловилъ, но другіе не домекались." * А насколько значительны были варіанты разныхъ мѣстъ комедіи, можно судить по слѣдующему варіанту послѣдняго монолога Чацкаго:

Не образумлюсь, виноватъ!
Не знаю какъ я не впопадъ
Представилъ васъ себѣ одной изъ хладнокровныхъ
Искательницъ фортунъ и жениховъ чиновныхъ,
Которой красотѣ едва дано разцвѣсть—
Ужь глубоко натвержено искусство:
Не сердцемъ поискать, а взвѣсить, и разчесть,
И торговать собой въ замужство.
Нѣтъ, нѣтъ! Ошибся я. Намѣченъ былъ у васъ
Любезникъ миленькій котораго подъ часъ
Могли бы, несмотря что въ возрастѣ онъ зрѣломъ,
Беречь и лелеять и посылать за дѣломъ:
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей—
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!
Но, Боже мой! Кого себѣ избрали!
Когда размыслю я кого вы предпочли!
Зачѣмъ меня манили, завлекли,
Повергли въ бездну золъ, мученій и печали?
Слѣпецъ я! Въ комъ искалъ награды всѣхъ трудовъ,
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ, вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ.
Но что̀! Наказаны вы горемъ справедливо!..

(Фамусову:)

---

* К. А. Полевой въ статьѣ своей о жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова предпосланной второму изданію *Горя отъ Ума*, говоритъ (стр. XXV) что въ Тифлисѣ была написана Грибоѣдовымъ вся эта комедія, но написана вчернѣ, такъ что по пріѣздѣ въ Москву онъ почти совершенно передѣлалъ ее и написалъ многія сцены вновь.

А вы, сударь, отецъ! Вы жертвуйте чинамъ
Собою, дочерью,—желаю быть счастливымъ! *

Самое существованiе послѣдней пiесы Грибоѣдова *Грузинская Ночь* до 1859 года казалось какимъ-то миѳомъ. Всѣ бiографы этого писателя упоминали о ней; Булгаринъ утверждалъ что отрывки изъ нея сохранились. Но въ печати изъ нея не появлялось ни одной строки до тѣхъ поръ пока Д. А. Смирновъ въ *Русскомъ Словѣ* за 1859, кн. V, въ статьѣ своей „Черновая тетрадь Грибоѣдова", не напечаталъ нѣкоторыхъ черновыхъ ея отрывковъ. Между тѣмъ изъ показанiй Булгарина положительно слѣдуетъ что пiеса эта была окончена, и если можетъ-быть была и не совсѣмъ отдѣлана, то во всякомъ случаѣ приведена въ такой видъ что Грибоѣдовъ могъ читать ее своимъ знакомымъ вполнѣ, а не отрывками.

Изданiя сочиненiй Грибоѣдова (Смирдина и Серчевскаго) не полны: въ нихъ нѣтъ его театральныхъ статей, нѣкоторыхъ мелкихъ стихотворенiй, его *Лубочнаго Театра*, его эпиграммъ, какъ напримѣръ эпиграммы его на Карамзина, впервые напечатанной въ *Русской Старинѣ* 1872 года (кн. V, стр. 765). ** Въ этихъ собранiяхъ нѣтъ, наконецъ, двухъ его

---

* А вотъ еще нигдѣ ненапечатанный варiантъ словъ Скалозуба въ защиту армейцевъ (актъ II, явленiе VI):

А въ первой армiи теперь не то что встарь!
Однажды на смотру изволилъ государь
Замѣтить самолично
Что выправка и стойка—все отлично.

** Вотъ эта эпиграмма:

—Послушайте, я разкажу вамъ старину
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ, про время золотое
И наконецъ про Грознаго Царя....
— Эхъ, бабушка, затѣяла пустое,
Окончи лучше намъ Илью Богатыря.

Для лучшаго уразумѣнiя этой эпиграммы надо замѣтить что сказка Карамзина объ Ильѣ Муромцѣ такъ и осталась неоконченною. Вотъ еще эпиграмма написанная Грибоѣдовымъ по поводу комедiи кн. Шаховскаго *Липецкiя Воды*, задѣвавшей Жуковскаго и его послѣдователей. Комедiя эта произвела большiя смуты въ литературныхъ кругахъ. На кн. Шаховскаго посыпались эпиграммы, въ числѣ которыхъ была и эпиграмма Пушкина. Партизаны кн. Шаховскаго вступились за него. Загоскинъ въ защиту его написалъ трехактную пiесу: *Комедiя противъ комедiи.* Началась литературная война. Грибо-

піесъ, а именно *Пробы Интермедіи* и оперы-водевиля *Кто Братъ, кто Сестра.* Каковы бы ни были эти произведенія, но они написаны (послѣднее въ сотрудничествѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ) авторомъ *Горя отъ Ума,* одно непосредственно предъ этою комедіей, другое вслѣдъ за нею, и потому заслуживаютъ быть напечатанными. *Горе отъ Ума* занимаетъ такое высокое мѣсто въ русской литературѣ что понятно желаніе имѣть дѣйствительно полное собраніе сочиненій его автора. Каждое хоть сколько-нибудь порядочное собраніе сочиненій Мольера заключаетъ въ себѣ и *Le médecin volant* и *La jalousie du Barbouillé,* — произведенія которыя не лучше названныхъ піесъ Грибоѣдова.

Въ библіотекѣ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ мнѣ удалось отыскать цензурованные экземпляры этихъ двухъ піесъ, и я спѣшу подѣлиться съ читателями одною изъ нихъ цѣликомъ, а другою въ разказѣ.

ѣдовъ, какъ бы для того чтобъ положить конецъ этой войнѣ, написалъ слѣдующую эпиграмму:

ОТЪ АПОЛЛОНА.

На замѣчанье Фебъ даетъ
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ
Что толки всѣ о *Липецкихъ Водахъ*
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ, и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

Грибоѣдовъ былъ заподозрѣнъ по дѣлу 14го декабря, и по требованію слѣдственной коммиссіи былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ и содержался нѣсколько дней подъ арестомъ въ Главномъ Штабѣ. По этому случаю Грибоѣдовъ написалъ слѣдующую эпиграмму:

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово: рабъ, —
Меня и взяли въ Главный Штабъ
И потянули къ Іисусу.

Вотъ варіантъ этой эпиграммы:

По духу времени и вкусу,
Онъ ненавидѣлъ слово: рабъ...
За то посаженъ въ Главный Штабъ
тамъ притянутъ къ Іисусу!

Но прежде чѣмъ приведу подлинный текстъ *Пробы Интермедiи*, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ вообще о театральной дѣятельности Грибоѣдова. Страсть къ театру зажглась въ Грибоѣдовѣ съ самой молодости. Еще во время своего студенчества онъ написалъ трагедiю-пародiю *Дмитрiй Дрянской*, единственный автографической экземпляръ которой былъ подаренъ другомъ Грибоѣдова, С. Н. Бѣгичевымъ, усердному собирателю фактовъ для Грибоѣдовской бiографiи, Д. А. Смирнову. Пiеса эта никогда не была ни играна, ни напечатана. Первою же пiесою Грибоѣдова съ которою онъ выступилъ предъ публику былъ переводъ одноактной французской комедiи *Le secret du ménage* (*Молодые Супруги*, напечатана въ С.-Петербургѣ въ 1815 году, потомъ перепечатана въ собранiяхъ сочиненiй Грибоѣдова, какъ Смирдина, такъ и Серчевскаго). Грибоѣдову не было и двадцати лѣтъ когда онъ перевелъ эту пiесу въ Брестѣ-Литовскомъ, будучи офицеромъ Иркутскаго гусарскаго полка, прикомандированнымъ къ А. С. Кологривову, какъ выражается г. Смирновъ „почти что въ адъютантской должности“. Между занятiями по службѣ и гусарскими кутежами и шалостями которымъ отдалъ дань и Грибоѣдовъ, молодой офицеръ находитъ время заниматься литературой и сидитъ за стихотворнымъ переводомъ комедiи. П. Н. Араловъ въ своей *Лѣтописи Русскаго Театра* * говоритъ что Грибоѣдовъ перевелъ эту пiесу по совѣту князя А. А. Шаховскаго, извѣстнаго писателя, горячо любившаго театръ и посвятившаго всю свою жизнь ему. Грибоѣдовъ познакомился съ княземъ Шаховскимъ еще въ Польшѣ, гдѣ онъ былъ со своимъ полкомъ. Не мудрено что разговоры Шаховскаго о театрѣ ударяли въ душу Грибоѣдова какъ огниво въ кремень и извлекли изъ него первыя искры. Очень вѣроятно что Грибоѣдовъ, задумавъ трудиться для театра и желая попробовать въ первый разъ свои силы на переводѣ, просилъ князя Шаховскаго, какъ знатока текущаго репертуара и русскаго и иностраннаго, рекомендовать ему пiесу для перевода. Выборъ палъ на комедiю *Le secret du ménage*. Грибоѣдовскiй переводъ этой пiесы, стихъ котораго довольно тяжелъ, ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ передѣлокъ французскихъ пiесъ того времени; даже имена въ немъ не русскiя, дѣйствующiя лица называются *Эльмира*,

* *Лѣтопись Русскаго Театра*, стр. 242.

Сафиръ, хотя живутъ повидимому въ Россіи и сбираются ѣхать въ Крымъ и на Кавказъ.

Пріѣхавъ въ 1815 году въ Петербургъ, Грибоѣдовъ привезъ свой переводъ піесы *Молодые Супруги*. Въ эту эпоху любовь къ театру была въ самомъ сильномъ разгарѣ въ петербургскомъ обществѣ. Между театралами были такія лица какъ кн. Шаховской, Катенинъ, Гнѣдичъ, Хмѣльницкій и т. п., и ихъ бесѣды и совѣты имѣли плодотворное вліяніе на тогдашнее сценическое искусство. Любовь къ театру заставляла многихъ писателей избравшихъ себѣ иное поприще все-таки въ свободное время удѣлять нѣсколько часовъ и театру. Жуковскій перевелъ французскую драму *Валерія, или Слѣпая*, Гречъ тоже перевелъ нѣсколько піесъ. Нѣкоторые послѣ первыхъ же своихъ опытовъ оставляли сцену; другіе, какъ кн. Шаховской, Хмѣльницкій, Кокошкинъ, всю свою литературную дѣятельность посвятили театру. Такъ сдѣлалъ и Грибоѣдовъ, который до того любилъ театръ что отправляясь въ 1818 году секретаремъ посольства въ Персію писалъ изъ Новгорода (18го августа 1818 года) своему другу С. Н. Бѣгичеву чтобъ онъ подписался для него на афишки и присылалъ ихъ ему, и такъ заботился о полученіи театральныхъ афишъ что просилъ Бѣгичева, въ случаѣ отъѣзда его изъ Петербурга, присылку къ нему театральныхъ афишъ поручить кому-нибудь другому, Катенину или Жандру. * Грибоѣдовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, вступаетъ въ общество тогдашнихъ любителей театра, бываетъ постоянно въ театрѣ, участвуетъ въ шалостяхъ и продѣлкахъ молодыхъ театраловъ, волочится за актрисами; одною изъ нихъ, танцовщицей Телешевою, увлекается до того что пишетъ къ ней стихи и приписываетъ своему вліянію ея усовершенствованіе въ балетномъ искусствѣ. **

---

* *Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву* (стр. 9—10).

** Въ любви къ Телешевой у Грибоѣдова былъ соперникомъ, какъ онъ самъ говоритъ (*Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву* стр. 23), тогдашній петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ; впрочемъ оба соперника были не совсѣмъ счастливы, и ихъ любовь къ хорошенькой танцовщицѣ ограничилась однимъ только платоническимъ волокитствомъ. Хорошенькая танцовщица кокетничала съ ними обоими, но была влюблена, какъ разказывала мнѣ одна подруга ея, въ своего сослуживца, весьма красиваго танцовщика Шемаева, котораго она предпочитала волочившимся за нею и знатному сановнику, и молодому литератору.

Грибоѣдовъ выдержалъ полный искусъ театральнаго поэта и даже едва не лишился жизни на одной дуэли, поводомъ къ которой была знаменитая танцовщица Истомина.*

* Вотъ какъ разказываетъ эту исторію г. Смирновъ: (*Бесѣды въ Обществѣ Люб. Росс. Словесности*, выпускъ 2й: „Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ", стр. 15): „Читатель можетъ-быть знаетъ по преданію, или по крайней мѣрѣ изъ стиховъ Пушкина, что̀ такое за очаровательное, за прелестное созданіе была въ то время о которомъ я говорю извѣстная танцовщица Истомина. Само собой понимается что у Истоминой поклонниковъ и обожателей было видимо-невидимо. Счастливѣйшимъ былъ нѣкто Василій Александровичъ Шереметевъ, однополчанинъ Бѣгичева, кавалергардскій офицеръ, молодой человѣкъ очень любезный, съ отлично добрымъ и благороднымъ сердцемъ: онъ жилъ съ Истоминой въ одномъ домѣ, и даже больше,—на ея счетъ, потому что Истомина, какъ первая танцовщица, получала хорошія деньги и жила хорошо. Жили они совершенно по-супружески и даже иногда, къ близкимъ знакомымъ, какъ напримѣръ къ князю Шаховскому, выѣзжали вмѣстѣ. Любилъ ее Шереметевъ со всѣмъ безуміемъ страсти, стало-быть и съ ревностію. Несмотря на это, онъ часто съ ней ссорился, какъ нарочно, поссорился съ ней предъ роковымъ для себя днемъ и уѣхалъ отъ нея. Бѣгичевъ былъ въ это время въ Москвѣ. Грибоѣдовъ, жившій сперва съ нимъ, жилъ потомъ съ графомъ Завадовскимъ. Можетъ-быть графъ Завадовскій имѣлъ прежде на Истомину какіе-нибудь виды, но долженъ былъ уступить счастливому сопернику; Грибоѣдовъ же, не имѣвшій на нее ровно никакихъ, пригласилъ ее какъ-то разъ послѣ спектакля къ себѣ, пить чай. Истомина согласилась, но зная что Шереметевъ за ней подсматриваетъ и, не желая вводить его въ искушеніе и лишній гнѣвъ, сказала Грибоѣдову что не поѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ изъ театра, а назначила ему мѣсто гдѣ съ ней сейчасъ же послѣ спектакля встрѣтиться: первую, такъ-называемую Суконную линію Гостинаго Двора, на этотъ разъ, разумѣется, совершенно пустынную, потому что дѣло было ночью. Такъ все и сдѣлалось: она вышла изъ театральной кареты противъ назначеннаго мѣста, встрѣтилась съ Грибоѣдовымъ и уѣхала къ нему. Шереметевъ, наблюдавшій издалека, всѐ это видѣлъ. Слѣдуя за санями Грибоѣдова, онъ вполнѣ убѣдился что Истомина пріѣхала съ кѣмъ-то въ квартиру графа Завадовскаго; послѣ же, очень просто, черезъ людей, могъ узнать что этотъ „кто-то" былъ Грибоѣдовъ. Взволнованный, взбѣшенный Шереметевъ бросился къ своему пріятелю (извѣстному декабристу) Якубовичу съ вопросомъ: что̀ дѣлать? Якубовичъ былъ лично храбрый, но безпокойный человѣкъ, съ довольно страннымъ, какъ это сейчасъ и докажется, взглядомъ на иныя вещи. „Что̀ дѣлать", отвѣчалъ онъ „это очень понятно:

Прибывъ въ Петербургъ, Грибоѣдовъ, разумѣется, поспѣшилъ похлопотать поставить свою піесу на сценѣ, что̀ ему скоро и удалось при помощи князя Шаховскаго, служившаго въ то время при театрѣ и имѣвшаго большую силу и въ театральной дирекціи и за кулисами. Комедія *Молодые Супруги*

драться, разумѣется, надо. Но теперь вопросъ въ томъ: какъ и съ кѣмъ? Возлюбленная твоя была у Завадовскаго,—это разъ, но привезъ ее туда Грибоѣдовъ,—это два; стало-быть, тутъ два лица требующія пули, а изъ этого выходитъ что для того чтобы никому не было обидно, мы, при сей вѣрной оказіи, составимъ un parti carré ты стрѣляйся съ Грибоѣдовымъ, а я на себя возьму Завадовскаго. „Логика, какъ изволите видѣть, своего рода, съ своимъ „закономъ достаточнаго основанія". Шереметевъ и Якубовичъ пріѣхали къ Грибоѣдову и Завадовскому, и Шереметевъ Грибоѣдова вызвалъ. „Нѣтъ, братецъ",—отвѣчалъ Грибоѣдовъ,—„я съ тобой стрѣляться не буду, потому что право не за что̀, а вотъ, если угодно Александру Ивановичу (Якубовичу), такъ я къ его услугамъ". Parti carré устроилось: Шереметевъ долженъ былъ драться съ Завадовскимъ, а Грибоѣдовъ съ Якубовичемъ. Баррьеръ назначенъ былъ на 18 шаговъ, съ тѣмъ чтобы противникамъ пройти по шести, и тогда стрѣлять. Первая очередь была первыхъ лицъ, то-есть Шереметева и Завадовскаго. Когда они стали съ крайнихъ предѣловъ баррьера сходиться на ближайшіе, графъ Завадовскій, который былъ отличный стрѣлокъ, шелъ тихо и совершенно покойно. Хладнокровіе ли Завадовскаго взбѣсило Шереметева, или чувство ревности и злобы пересилило въ немъ разсудокъ, только онъ, что-называется, не выдержалъ и выстрѣлилъ въ Завадовскаго, еще не доходя до баррьера. Пуля пролетѣла такъ близко что оторвала часть воротника у сюртука у самой шеи... Тогда, что̀ очень понятно, чувство злобы овладѣло Завадовскимъ. „Ah", сказалъ онъ—„il en voulait à ma vie: à la barrière!" Дѣлать было нечего, Шереметевъ подошелъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ при дуэли стали потихоньку просить Завадовскаго чтобъ онъ пощадилъ жизнь Шереметева. „Я буду стрѣлять въ ногу", отвѣчалъ онъ. Шереметевъ вслушался въ эти переговоры и сказалъ ему: „Ты долженъ убить меня, или, рано или поздно, я тебя убью". Завадовскій выстрѣлилъ. Ударъ былъ смертельный, пуля пробила бокъ, прошла черезъ животъ, только не на вылетъ, и остановилась въ другомъ боку. Шереметевъ упалъ навзничь и „сталъ нырять по снѣгу какъ рыба", подлинное выраженіе доктора Іона, очевидца дуэли, тоже разказывавшаго мнѣ, какъ и другія лица, всѣ эти подробности. „Вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!" прехладнокровно сказалъ тогда Шереметеву бывшій тутъ же нѣкто Каверинъ, лицо замѣчательное и характерно типическое въ отношеніи къ своему времени, который, будучи

была представлена въ первый разъ 29го сентября 1815 года. Піеса была прекрасно разыграна. Въ первое представленіе роль Эльмиры играла знаменитая К. С. Семенова, а мужскія роли исполняли двое лучшихъ молодыхъ актеровъ того времени, Сосницкій и Брянскій. Потомъ роль Эльмиры занимала Воробьева, вышедшая въ послѣдствіи замужъ за Сосницкаго, та самая Воробьева о которой съ такимъ восторгомъ говоритъ Грибоѣдовъ въ своемъ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 9го октября 1816 года. *

Грибоѣдовъ былъ весьма не равнодушенъ къ успѣху первой переведенной имъ піесы, и когда Загоскинъ въ *Сѣверномъ Наблюдателѣ* выписалъ слабые стихи изъ комедіи *Молодые Супруги*, которая игралась въ то время очень часто, и

адъютантомъ Бенигсена, до того проказилъ въ Гамбургѣ что былъ цѣлому городу и околодку извѣстенъ подъ именемъ краснаго гусара. Якубовичъ извинился предъ Грибоѣдовымъ что имъ теперь стрѣляться невозможно, потому что онъ долженъ отвезти Шереметева домой. Они отложили свои разчеты до первой возможности. Однако, эта возможность имъ въ Петербургѣ уже не представилась. Отецъ Шереметева, зная довольно безпорядочную жизнь сына, просилъ государя Александра Павловича простить всѣхъ принимавшихъ участіе въ дуэли. Всѣ были прощены, кромѣ Якубовича, главнаго зачинщика дѣла: его сейчасъ же арестовали и потомъ выписали изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ въ армію и, прямо изъ-подъ ареста, послали служить на Кавказъ. Судьба хотѣла чтобъ они встрѣтились съ Грибоѣдовымъ въ этомъ отдаленномъ краю, да еще на самыхъ первыхъ порахъ пріѣзда Грибоѣдова, чуть ли не на лѣстницѣ гостиницы. Вспомнили о разчетахъ и стрѣлялись. Ермоловъ только нѣсколькими минутами не успѣлъ предупредить дуэли пославши арестовать обоихъ. Грибоѣдовъ, также какъ и Шереметевъ, не выдержалъ и выстрѣлилъ не дошедши до баррьера; Якубовичъ стрѣлялъ отлично и послѣ разказывалъ что не имѣлъ на жизнь Грибоѣдова ни малѣйшихъ покушеній, а только хотѣлъ въ знакъ памяти лишить его руки. Дѣйствительно пуля попала Грибоѣдову въ ладонь лѣвой руки, около большаго пальца, но, по связи жилъ, ему свело мизинецъ, и это, въ послѣдствіи, мѣшало ему, музыканту, играть на фортепіано. Ему нужна была особая аппликатура. Только по этому сведенному мизинцу и узнали, въ грудѣ другихъ тѣлъ, трупъ его послѣ истребленія нашего посольства персидскою чернью 30го января 1829 года.* Грибоѣдовъ же, какъ послѣ самъ писалъ Бѣгичеву, мѣтилъ Якубовичу въ плечо и потомъ жалѣлъ что не попалъ.

* *Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву*, стр. 4.

оттиснулъ ихъ съ своими комментаріями, * Грибоѣдовъ написалъ на Загоскина бранное стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Лубочный Театръ* и хотѣлъ его напечатать; когда же это не удалось, онъ распустилъ это стихотвореніе по Петербургу въ рукописи, и оно разошлось въ огромномъ числѣ рукописныхъ экземпляровъ. ** Притомъ у Арапова въ его *Лѣтописи Русскаго Театра* мы находимъ извѣстіе что 9го января 1819 года былъ бенефисъ танцовщицы Е. И. Колосовой, въ которомъ А. М. Колосова (въ послѣдствіи Каратыгина), въ комедіи *Молодые Супруги, по желанію автора этой піесы*, играла роль Эльмиры, и Грибоѣдовъ и Шаховской были въ полномъ удовольствіи. ***

Черезъ годъ послѣ *Молодыхъ Супруговъ* появляется другая піеса Грибоѣдова, *Притворная Невѣрность*, комедія въ 1 д. соч. Барта (*Les fausses infidelités*), переведенная имъ вмѣстѣ съ Жандромъ. Піеса эта назначалась для бенефиса знаменитой К. С. Семеновой, а это уже показываетъ что Грибоѣдовъ своею первою піесой поставилъ себя въ число такихъ писателей у которыхъ первыя актрисы просятъ піесъ для своихъ бенефисовъ. Въ этой піесѣ Грибоѣдовъ прибѣгаетъ къ сотрудничеству Жандра, и вотъ что̀ онъ писалъ по этому поводу къ С. Н. Бѣгичеву, 15го апрѣля 1815 года. **** „При отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова торопила меня чтобъ я не задержалъ ея бенефиса, а чтобы меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ что у меня только переведены сцены XII и XIII, остальное, съ того мѣста какъ Рославлевъ говоритъ: я здѣсь, все слышалъ и все знаю, я самъ кончилъ. Впрочемъ и въ его сценахъ есть иное мое, такъ какъ и въ моихъ его перемѣны. Ты знаешь какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписывалъ и многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать и замѣнилъ ихъ своими. Я иные уничтожилъ а

* *Сѣверный Наблюдатель* 1817 года № 15.

** Стихотвореніе это напечатано въ статьѣ Д. А. Смирнова о Грибоѣдовѣ во второмъ выпускѣ *Бесѣдъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности* (стр. 12—13), и въ *Лѣтописи Русскаго Театра* Арапова (стр. 260—261), но въ изданіяхъ сочиненій Грибоѣдова (Смирдина и Серчевскаго) его нѣтъ.

*** *Лѣтопись Русскаго Театра*, стр. 274.

**** *Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву*, стр. 7.

другiе оставилъ: тѣ которые лучше моихъ. Эту комедiйку собираются играть на домашнихъ театрахъ; ко мнѣ присылали рукописные экземпляры для поправки; много переврано, вотъ чтò заставило меня ее напечатать."

Пiеса эта была представлена въ бенефисъ Семеновой, 11го февраля 1818 года (у Смирнова ошибочно напечатано: 1817 года), вмѣстѣ съ передѣлкой Шиллеровой *Семелы*, сдѣланной сотрудникомъ Грибоѣдова, А. А. Жандромъ, и была разыграна, какъ говоритъ Араловъ,* отчетливо и долго держалась на сценѣ. Въ ней уже виденъ шагъ впередъ: стихи лучше, и условныя театральныя имена замѣнены русскими фамилiями (Эледину—играла Вальберхова, Лизу—Брянская, Рославлева—Брянскiй, Ленскаго—Сосницкiй, Блестова—Рамазановъ), но и въ ней дѣйствуютъ не живые люди, а условныя театральныя амплуа: Элединa—кокетка, Лиза—ingénue, Рославлевъ—premier role, Ленскiй—jeune premier, Блестовъ—старый фатъ. Грибоѣдовъ не остается равнодушнымъ къ судьбѣ и этой пiесы: въ письмѣ изъ Москвы къ Бѣгичеву отъ 5го сентября 1818 года онъ не забываетъ написать что „и здѣсь въ Москвѣ играютъ его *Притворную Невѣрность*".**

Послѣ *Притворной Невѣрности* бiографы Грибоѣдова обыкновенно переходятъ прямо къ комедiи *Горе отъ Ума*, не упоминая что между этими двумя пiесами была еще маленькая пiеска Грибоѣдова, *Проба Интермедiи*, представленная въ первый разъ въ бенефисъ Брянскаго, 10го ноября 1819 года,*** когда Грибоѣдова не было уже въ Петербургѣ, когда онъ былъ на Кавказѣ. Это собственно не драматическое произведенiе, а дивертисментъ, интермедiя, которыя были въ то время въ большой модѣ въ бенефисы, дабы дать возможность большему числу артистовъ разныхъ труппъ принять участiе въ бенефисѣ. Подобныя интермедiи сочиняли лучшiе драматическiе

---

* *Лѣтопись Русскаго Театра*, стр. 263.

** Вотъ чтò онъ писалъ по этому случаю изъ Москвы: „Брата твоего тоже здѣсь нѣтъ, за то есть монументъ Минину и Пожарскому, и *Притворную Невѣрность* играютъ, и какъ играютъ! Кокошкинъ (членъ дирекцiи Московскаго театра) вчера предо мной униженно извиняяся что *прелестные* мои стихи такъ терзаютъ, что онъ не виноватъ, его не слушаютъ: было бы чтò слушать. (*Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву*, стр. 10.)

*** *Лѣтопись Русскаго Театра* А. Н. Арапова, стр. 289.

писатели того времени; особенно много ихъ писалъ князь Шаховской; писали также Хмѣльницкій, Кокошкинъ, Загоскинъ. Написалъ ли Грибоѣдовъ свою интермедію по просьбѣ какого-нибудь бенефиціанта, или самъ вздумалъ написать ее чтобы снова попасть за кулисы — неизвѣстно. Привожу цѣликомъ эту интермедію не ради какого-либо ея собственнаго достоинства, а потому только что она писана Грибоѣдовымъ, такъ какъ всякая строка такого писателя драгоцѣнна. Принадлежность этой *интермедіи* Грибоѣдову несомнѣнна. Въ цензурныхъ спискахъ того времени она помѣчена піесою Грибоѣдова, на цензурованномъ ея экземплярѣ стоитъ что это сочиненіе А. С. Г. Современники Грибоѣдова, писавшіе уже въ то время о театрѣ, какъ напримѣръ П. Н. Араповъ, прямо печатно называютъ эту піесу сочиненіемъ Грибоѣдова,* что̀ подтверждали и нѣкоторые изъ актеровъ участвовавшихъ въ этой піесѣ. Въ интермедіи этой участвовали между прочими: Величкинъ, Сосницкій, Боченковъ, Сандунова, Рамазановъ и др. Вотъ эта піеска.

ПРОБА ИНТЕРМЕДІИ.

Интермедія въ 1 дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

ѲЕКОЛКОВЪ. } актеры.
АЛЕГРИНЪ. } актеры.
РѢЗВУШКОВЪ. } актеры.
ПРИПРЫЖКИНЪ. } актеры.
СВИСТАЛОВА. } актеры.
БЕМОЛЬСКАЯ
МАШИНИСТЪ.
СУФЛЕРЪ.
АКТЕРЫ И АКТРИСЫ.

Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ театрѣ.
Театръ представляетъ сцену въ безпорядкѣ.

ѲЕКОЛКОВЪ.

Много васъ, актеровъ и актрисъ....
Батюшки, мнѣ нуженъ бенефисъ!
Матушки, мнѣ нуженъ бенефисъ!

ПРОЧІЕ АКТЕРЫ И АКТРИСЫ.

Разкажите,
Что̀ хотите
Вы отъ насъ?

---

* Тамъ же.

ѲЕКОЛКОВЪ.

Вотъ какъ разъ!
Въ бенефисъ меня вы не оставьте,
Мнѣ чтобъ не попасть въ просакъ,
Публику вы позабавьте
Кое-чѣмъ и кое-какъ.

ПРОЧІЕ.

Вамъ помочь
Мы не прочь.

ѲЕКОЛКОВЪ.

Васъ, друзья мои, такъ много,
Помолчите ради Бога!

ПРОЧІЕ.

Правда, много насъ числомъ,
Да какая польза въ томъ?

ѲЕКОЛКОВЪ.

Надо чтобъ скорѣй поспѣло.

АЛЕГРИНЪ.

Поскорѣе?—Такъ за дѣло!
Взяться надлежитъ съ умомъ.

ѲЕКОЛКОВЪ.

Въ этомъ затрудненья мало,
Дѣлайте какъ ни попало.

ПРОЧІЕ.

Хорошо,— да должно знать
Что̀ мы будемъ представлять?
Оперу?

ѲЕКОЛКОВЪ.

Охъ, нѣтъ!

АЛЕГРИНЪ

Балетъ?

ѲЕКОЛКОВЪ.

Нѣтъ! нѣтъ!

ПРИПРЫЖКИНЪ.

Комедью?

ѲЕКОЛКОВЪ.

Интермедью!

ВСѢ (*кромѣ его*).

Интермедью!—Боже сохрани!
Интермедью!—Нѣтъ ужь искони

Солоны достались намъ они!
И какая вамъ охота?
Только бѣднымъ намъ работа,
Бѣднымъ зрителямъ зѣвота.

ѲЕКОЛКОВЪ.

Неужто, господа, мнѣ быть безъ бенефиса?

АЛЕГРИНЪ.

Дайте въ свой бенефисъ что̀ хотите, да только не интермедію.

ВСѢ (*повторяютъ*).

И какая вамъ охота?—
Только бѣднымъ намъ работа,
Бѣднымъ зрителямъ зѣвота.

ѲЕКОЛКОВЪ.

Да, господа, дѣло праздничное, серіозное надоѣстъ, не худо бы затѣять какую-нибудь потѣху.

РѢЗВУШКОВЪ (*обращаясь къ прочимъ*).

Ну, ужь выведемте его изъ хлопотъ; дѣлать такъ дѣлать. Здѣсь однако не Петербургъ, автора не скоро сыщешь; развѣ нашъ суфлеръ примется, человѣкъ онъ грамотный. Нутка, батюшка, вылѣзай изъ своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вотъ и случай есть, отличись.

ѲЕКОЛКОВЪ.

Вылѣзайте, отецъ родной, я самъ услужу въ другое время.

СУФЛЕРЪ.

Извольте, располагайте моимъ умомъ, моимъ перомъ и моимъ языкомъ.

ВСѢ (*кромѣ его*).

Браво! Фора!
У суфлера
Все кипитъ!
Кто коль скоро
Что̀ проспитъ,
Не затвердитъ,
Кто собьется,
Заикнется,
Нашъ суфлеръ лишь встрепенется,
И лишь голосъ онъ подастъ,
Всякій кто во что̀ гораздъ.

СУФЛЕРЪ.

Смѣйтесь, смѣйтесь, господа, а безъ меня иному бы изъ васъ плохо пришлось. Да не о томъ рѣчь. Вамъ нужна новая піеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декораціи, актеры, слова, музыка и танцы.... танцы или пляски.

РѢЗВУШКИНЪ.

Верховой, спускай декорацію. Вотъ тебѣ лѣсъ и вода.

СВИСТАЛОВА.

Актеры всѣ на лицо, въ костюмахъ и безъ костюмовъ.

БЕМОЛЬСКАЯ.

Словъ чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

АЛЕГРИНЪ.

Музыки у насъ вволю, выбирай любую.

ПРИПРЫЖКИНЪ.

За танцами дѣло не станетъ.

ѲЕКОЛКОВЪ.

Такъ стало самое нужное есть, стоитъ только къ нему присочинить кое-что.

СУФЛЕРЪ.

Это ничего не составляетъ....

СВИСТАЛОВА.

Особливо для суфлера.

БЕМОЛЬСКАЯ.

Онъ всякую всячину наизусть знаетъ.

РѢЗВУШКИНЪ.

Онъ весь свой вѣкъ чужое говоритъ.

АЛЕГРИНЪ.

Пусть его крадетъ откуда хочетъ, была бы піеса готова.

СВИСТАЛОВА.

Не безпокойтесь, онъ на нашу бѣду пожалуй столько сочинитъ что намъ въ вѣкъ не выучить.

Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала
Писать охоту и умѣнье!
Его жь такія сочиненья
Что самъ едва ль онъ ихъ пойметъ,
Да и никто не разберетъ,
А дѣло все на ладъ идетъ.

СУФЛЕРЪ.

Прошу васъ, господа,
Не говорить ни слова!
Вотъ лѣсъ и вотъ вода,
Такъ главное готово.
На завѣсѣ рѣка...
Пусть будетъ же: Ока.
Готово и названье,
Благодаря рѣкѣ:
Пирушка на Окѣ,
Иль за Окой гулянье,
И пѣснями начать,
И плясками кончать!

АЛЕГРИНЪ.

Чтò же намъ пѣть?

ПРИПРЫЖКИНЪ.

Какія пляски?

СУФЛЕРЪ.

Пойте и скачите сколько душѣ угодно, только не всѣ вдругъ.

ѲЕКОЛКОВЪ.

Однако нельзя безъ пробы.

СУФЛЕРЪ.

Ну, такъ пробуйте. Г. пѣвецъ, выступайте. Чтò потверже—то и пойте. А прочихъ прошу изготовиться для послѣдующаго; я же между тѣмъ займусь сочиненіемъ куплетовъ, которые пропоетъ наша пѣвица тогда какъ будутъ готовы. За дѣло! скорѣй! а не то я перестану сочинять.

ВСѢ.

Хорошо, хорошо.

(Пѣніе и танцы; по окончаніи суфлеръ говоритъ.)

СУФЛЕРЪ.

Довольно, довольно. Куплеты готовы. Угодно ли мнѣ сдѣлать честь ихъ пропѣть въ заключенье?

ѲЕКОЛКОВЪ.

Неужли заключенье?

БЕМОЛЬСКАЯ.

Чтò жь вы еще хотите?

(Беретъ куплеты и поетъ ихъ.)

Куплеты.

Довольно всѣ плясали, пѣли,

Покуда вамъ не надоѣли,
Всего умнѣе разойтись.
Кто хочетъ тотъ пускай сердись,
Надъ нашей шалостью острись.
А мы не съ авторскимъ умишкомъ.
Хоть пошалили, да не слишкомъ.
Притомъ кто осуждать насъ станетъ,
Не худо ежели вспомянетъ
Что позабавиться на счетъ
Кто интермедіи идетъ,
Не много умнаго онъ ждетъ.
И въ этой вздору много тоже,
Да все на прочихъ не похоже.
На свѣтѣ же всегда водилось,
Какъ зрителямъ что̀ полюбилось,
Никто не спроситъ, какъ оно
Безсмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смѣшно,
Лишь только бы новѣе было,
Всегда что̀ ново, то и мило.

И вотъ такая-то піеса предшествовала въ дѣятельности Грибоѣдова его комедіи *Горе отъ Ума*. Отъѣздъ его изъ Петербурга имѣлъ, повидимому, благотворное вліяніе на развитіе и укрѣпленіе его великаго таланта. Вдали отъ столичныхъ удовольствій, трудолюбивый, хорошо образованный Грибоѣдовъ, „одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи", по выраженію Пушкина, неотступно занимавшійся самообразованіемъ, серіознѣе взглянулъ на искусство, занялся изученіемъ произведеній великихъ писателей, особенно Шекспира, * и пять лѣтъ трудился по плану присннвшемуся ему во снѣ, въ Тифлисѣ, надъ одною піесою, и эта піеса выходитъ уже не одна изъ прежнихъ его скороспѣлокъ, а безсмертное *Горе отъ Ума.* **

* Какъ правильно и вѣрно смотрѣлъ онъ на Шекспира, это видно изъ біографіи его написанной К. А. Полевымъ и изъ письма его къ Бѣгичеву въ 1824 году. *Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву*, стр. 17.

** Д. А. Смирновъ въ статьѣ своей „Черновая тетрадь Грибоѣдова" приводитъ начало проекта трагедіи *Родамистъ и Зенобія* и отрывокъ изъ неизвѣстной піесы, заключающій въ себѣ разговоръ какихъ-то двухъ *половецкихъ мужей*, не опредѣляя къ какому времени можно отнести эти отрывки. По моему мнѣнію, они должны быть отнесены ко времени послѣ отъѣзда Грибоѣдова изъ Петербурга и

Грибоѣдову не удалось увидать на сценѣ этого своего великаго произведенія. *Горе отъ Ума* въ то время не пропускала цензура, хотя піеса въ рукописяхъ была извѣстна всей Россіи и стихи ея вошли въ пословицы. Это не могло вознаградить автора, и легко понять какъ тяжело было Грибоѣдову не имѣть удовольствія видѣть на сценѣ свое лучшее любимое произведеніе. Чтобъ увидѣть на сценѣ свою комедію, Грибоѣдовъ даже прибѣгалъ къ передѣлкамъ ея, но все напрасно. Даже представленіе ея въ Петербургской театральной школѣ, на которое съ такимъ былю удовольствіемъ сбирался Грибоѣдовъ, было остановлено. * Ли-

прежде начатія имъ комедіи *Горе отъ Ума*. По духу своему эти отрывки какъ бы навѣяны тою эпохой въ которой создавались *Дебора* и *Смольяне* князя Шаховскаго и *Венцеславъ* Жандра. Притомъ самъ Грибоѣдовъ писалъ изъ-за Тифлиса Бѣгичеву, отъ 29го января 1819 года: „Въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ меня писать и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому и прочесть, потому что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ руки!“ Что же писалъ въ это время Грибоѣдовъ? Это остается тайною, но вѣроятно въ числѣ написаннаго имъ въ это время были и два названные отрывка, навѣянные тѣмъ духомъ которымъ онъ такъ еще незадолго предъ тѣмъ дышалъ въ Петербургѣ.

* Вотъ что разказываетъ по поводу этого предполагавшагося представленія комедіи *Горе отъ Ума* ветеранъ Петербургской сцены П. А. Каратыгинъ въ статьѣ своей *А. С. Грибоѣдовъ*, помѣщенной въ мартовской книжкѣ *Русской Старины* за 1872 годъ. „Мы съ Григорьевымъ (совоспитанникъ П. А. Каратыгина, актеръ Петербургскаго театра) предложили Александру Сергѣевичу разыграть *Горе отъ Ума* на нашемъ школьномъ театрѣ, и онъ былъ въ восхищеніи отъ нашего предложенія... Большаго труда намъ стоило упросить добраго инспектора школы Бока дозволить и воспитанницамъ принять участіе въ этомъ спектаклѣ.... Наконецъ онъ согласился, и мы живо принялись за дѣло; въ нѣсколько дней расписали роли, въ недѣлю ихъ выучили, и дѣло пошло на ладъ. Самъ Грибоѣдовъ пріѣзжалъ къ намъ на репетиціи и очень усердно училъ насъ... Надо было видѣть съ какимъ простодушнымъ удовольствіемъ онъ потиралъ себѣ руки, видя свое *Горе отъ Ума* на нашемъ ребяческомъ театрѣ!... Хотя конечно, мы откалывали его безсмертную комедію съ горемъ пополамъ, но онъ былъ очень доволенъ нами, а мы были въ восторгѣ что могли угодить ему. На одну изъ репетицій онъ привелъ съ собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера, и тѣ также насъ похвалили. Наконецъ комедія была уже совсѣмъ приготовлена, на

щенный надежды увидать на сценѣ *Горе отъ Ума*, Грибоѣдовъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ что-нибудь поставить на сцену, и убѣжденный что серіозное произведеніе не могло показаться въ то время на подмосткахъ русскаго театра, снова обратился къ легкому роду драматической словесности, къ водевилю, надъ которыми онъ самъ подшучивалъ въ своей знаменитой комедіи.

Въ сотрудничествѣ съ молодымъ въ то время, блестящимъ, остроумнымъ и талантливымъ писателемъ княземъ П. А. Вяземскимъ онъ пишетъ водевиль *Кто Братъ, кто Сестра.* Подъ этою „новою оперою-водевилемъ въ одномъ дѣйствіи, оригинальнымъ сочиненіемъ съ хорами и разнохарактернымъ дивертисментомъ", какъ названа піеса на цензурованномъ для представленія ея экземплярѣ, который удалось мнѣ отыскать въ библіотекѣ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, подписаны три имени, дорогія въ исторіи русскаго искусства: А. С. Грибоѣдова и князя П. А. Вяземскаго, сочинившихъ эту піесу, и А. Н. Верстовскаго, талантливаго автора *Аскольдовой Могилы*, сочинившаго для этой піесы музыку.

О піесѣ *Кто Братъ, кто Сестра*, упоминаютъ всѣ біографы Грибоѣдова, ошибочно при этомъ приводя самое ея заглавіе и называя ее *Братъ и Сестра.* Только одинъ П. Н. Араповъ въ своей *Лѣтописи Русскаго Театра* приводитъ вѣрно названіе этой піесы *Кто Братъ? Кто Сестра? или Обманъ за Обма-*

слѣдующій день назначенъ былъ спектакль... Но, увы! всѣ наши хлопоты и надежды лопнули, какъ мыльный музырь. Наканунѣ самаго представленія, во время послѣдней репетиціи, является къ намъ инспекторъ Бокъ и объявляетъ намъ грозный фирманъ графа Милорадовича (который имѣлъ тогда главное начальство надъ Императорскими театрами и которому кто-то донесъ объ нашихъ затѣяхъ) чтобы мы не смѣли такъ либеральничать, и что піесу не одобренную цензурой нельзя позволить играть въ театральномъ училищѣ. Всѣ мы повѣсили носы отъ этого неожиданнаго извѣстія, и пришлось намъ горемычнымъ повторить два стиха изъ запрещенной комедіи:

„Ни безпокойства, ни волненья,
А горе ждетъ изъ-за угла!"

Да дѣйствительно, мы всѣ были въ страшномъ горѣ, а нашъ простодушный Бокъ перетрусился не на шутку; онъ, кажется, боялся чтобы за свою слабость къ намъ не попасть въ крѣпость!... Но дѣло ограничилось однимъ только выговоромъ. Мы съ Григорьевымъ отправились тотчасъ же къ Грибоѣдову съ этимъ роковымъ извѣстіемъ, что конечно его сильно огорчило."

номъ. Въ обоихъ собраніяхъ сочиненій Грибоѣдова (Смирдина и Серчевскаго) напечатанъ только одинъ романсъ будто бы изъ этого водевиля:

Ахъ, точно ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не свѣдала тоски, томленій нѣжныхъ,
Еще не знаетъ про любовь?
Ахъ! точно ли никто, счастливецъ, не сыскался,
Ей другъ, по сердцу ей, который бы сгаралъ
Въ объятіяхъ ея, въ нихъ нѣгой упивался,
Роскошствовалъ и обмиралъ?
Нѣтъ! нѣтъ! куда влекусь неробкими мечтами!
Тотъ другъ, тотъ избранный, онъ гдѣ-нибудь, онъ есть!
Любви волшебство, рай, восторга прелесть: вами,
Нѣтъ! не моей душѣ процвѣсть.

Очевидно оба издателя сочиненій Грибоѣдова взяли этотъ романсъ не изъ самой піесы, а изъ статьи К. А. Полеваго *О жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова*, гдѣ онъ приведенъ, между тѣмъ какъ въ самой піесѣ его вовсе не находится; можетъ-быть онъ былъ исполняемъ въ ней только какъ вставной романсъ, да и то весьма сомнительно, потому что въ піесѣ трудно отыскать мѣсто гдѣ его, по ходу и сюжету піесы, можно было бы вставить. Сама же піеса, къ сожалѣнію, никогда не была напечатана, хотя изданіе ея было бы въ высшей степени любопытно, такъ какъ въ ней участвовалъ Грибоѣдовъ непосредственно послѣ написанія *Горя отъ Ума.*

Не рѣшаясь безъ согласія князя П. А. Вяземскаго напечатать эту піесу, я разкажу ея содержаніе и приведу изъ нея нѣкоторые куплеты. Было бы весьма желательно чтобы нашъ заслуженный ветеранъ-литераторъ князь П. А. Вяземскій напечаталъ, или позволилъ напечатать эту піесу, объяснивъ при этомъ что̀ именно въ ней принадлежитъ ему и что̀ Грибоѣдову.

Вотъ содержаніе этой піесы. Дѣйствіе происходитъ въ польскомъ мѣстечкѣ, въ почтовомъ домѣ. Съ Польшею Грибоѣдовъ и князь Вяземскій познакомились еще въ то время когда оба служили въ военной службѣ и стояли съ полками въ Царствѣ Польскомъ; туда-то они и перенесли дѣйствіе своей піесы. Піеса начинается пѣніемъ двухъ дочерей содержателя постоялаго двора, пана Чижевскаго, Антоси и Людвиси.

Онѣ поютъ о томъ что,—

Молодость, какъ струйка! Молодость какъ цвѣтъ!
Пролетитъ украдкой, процвѣтетъ и—нѣтъ!
. . . .

Завтра гость невѣрный, прошлый гость вчера!
На любовь и радость намъ одна пора!

На этомъ постояломъ дворѣ остановился пить чай ѣдущій въ Петербургъ гвардіи ротмистръ, гусаръ Рославлевъ, съ молодою женой Юліею, Полькою, на которой онъ только-что женился въ Варшавѣ, вопреки желанію своего двоюроднаго брата, камергера Рославлева. Объ этой свадьбѣ Рославлевъ разказываетъ содержателю почтоваго двора пану Чижевскому, который замѣчаетъ ему на это:

Жизнь скучнымъ трактомъ вамъ казалась,
Такъ, взявъ любовь въ проводники,
Желали вы чтобы досталась
И радость съ легкой вамъ руки!
Такъ къ счастья пристани надежной
Всѣмъ милъ открытый листъ къ женѣ.

АНТОСЯ.

Ахъ, какъ хотѣлось бы и мнѣ
Скорѣй быть также подорожной!

П. ЧИЖЕВСКІЙ.

Любовь и бракъ!

РОСЛАВЛЕВЪ МЛ.

Одно и то же!
Они родные братъ съ сестрой!

П. ЧИЖЕВСКІЙ.

Согласенъ! но сестра моложе,
А братецъ баринъ пожилой,
Въ дорогѣ спутникъ ненадежный:
Сестра на вольныхъ навострить,
А братъ отстанетъ и сидитъ
Одинъ съ законной подорожной.

Вдругъ является передовой камергера Рославлева старшаго, требуя чтобы приготовили лошадей для его барина, который скачетъ вслѣдъ за нимъ. Тогда молодой Рославлевъ уговариваетъ почтмейстера сказать старшему Рославлеву что лошади всѣ въ разгонѣ. Панъ Чижевскій долго не соглашается на просьбу Рославлева, говоря ему:

Знать ложенъ толкъ въ васъ о почтмистрѣ польскомъ!
Кривнуть душой насъ Богъ оборони!
Въ вѣкъ не споткнутся въ мѣстѣ скользкомъ
Ни гоноръ мой, ни лошади мои!
Нѣтъ! Польскихъ почтъ исторію прочтите

И съ коровомъ почтмистрша въ яосполитѣ
Не сыщете, ручаюсь вамъ!
Присяга въ насъ непобѣдима,
И Нарушевичъ скажетъ самъ
Что наша честь не нарушима.

Имя Нарушевича, извѣстнаго польскаго историка, приведено, какъ кажется, для каламбура. Нѣсколько червонцевъ, просьба Юліи и подарки сдѣланные ею дочерямъ пана Чижевскаго склоняютъ наконецъ почтмейстера согласиться на просьбу Рославлева, и онъ говоритъ обращаясь къ Юліи:

Кровь польская сказалась въ сердцѣ польскомъ!
Не устою на роковой чертѣ!
И спотыкаясь въ мѣстѣ скользкомъ,
Я падаю, но въ ноги красотѣ!
Я не легко пускаюсь на измѣну.
Нѣтъ, вашихъ просьбъ призналъ я вѣсъ и цѣну.
Вы заглушили ложный стыдъ,
Въ мою прокралися вы душу,
И Нарушевичъ мнѣ проститъ
Что клятву разъ свою нарушу.

— Но разкажите мнѣ теперь, спрашиваетъ панъ Чижевскій,—зачѣмъ вы непремѣнно хотите задержать вашего однофамильца?

Тутъ Рославлевъ говоритъ что они задумали сыграть съ братомъ комедію, но въ чемъ она будетъ состоять—онъ еще и самъ не знаетъ, что братъ его былъ прежде большой поклонникъ женщинъ, но теперь, вслѣдствіе нѣсколькихъ обмановъ претерпѣнныхъ имъ отъ прекраснаго пола, возненавидѣлъ всѣхъ женщинъ и скачетъ въ Варшаву чтобы помѣшать ихъ свадьбѣ.

Пріѣзжаетъ Рославлевъ старшій и требуетъ немедленно лошадей, но панъ Чижевскій отвѣчаетъ что лошадей нѣтъ; Рославлевъ сердится и велитъ ему скорѣе готовить лошадей. Чижевскій уходитъ, а Рославлевъ старшій, оставшись одинъ, поетъ слѣдующій романсъ:

Пускай сердечнымъ суевѣрамъ
Еще мерещится любовь,
А я откланялся химерамъ
И на обманъ не дамся вновь.
Изъ вашихъ рукъ довольно пилъ отраву,
Довольно я, красавицы, страдалъ.
Моя тоска была вамъ на забаву,

Смѣялись вы—я слезы проливалъ.
Но слезъ моихъ вамъ болѣ не увидѣть!
Я въ школѣ былъ и съ горя поумнѣлъ.
Какъ я васъ обожать умѣлъ,
Такъ васъ умѣю ненавидѣть!
Готовьте другимъ
Оковы и розы,
Обѣты, угрозы,
Улыбки и слезы:
Я сталъ невредимъ.
Пускай сердечнымъ суевѣрамъ и пр.

Приходятъ Лудвися и Антося и начинаютъ кокетничать съ Рославлевымъ, но онъ грубо гонитъ ихъ прочь отъ себя. Въ это время является Юлія въ мужскомъ платьѣ, выдаетъ себя Рославлеву старшему за товарища его брата и говоритъ что Рославлевъ младшій еще не женатъ, что послушавшись ея совѣтовъ и исполнивъ желаніе брата онъ отложилъ свою свадьбу. Юлія тоже выдаетъ себя за ненавистника женщинъ, и чокаясь съ Рославлевымъ поетъ:

Стократъ счастливъ кто разумъ свой
Не помрачилъ еще любовью,
Но вѣкъ проводитъ холостой!
Я выпью за его здоровье!
Повѣрьте мнѣ, жена для насъ
Есть вѣчное почти мученье!
Женись лишь только, и какъ разъ
Родятся ревность, подозрѣнье.
Ахъ, то ли дѣло одному!
Его не мучитъ неизвѣстность,
Душѣ покой, просторъ уму,
И вѣчная почти безпечность.
Нравъ женщины имѣютъ злой,
Капризны что не сладишь съ ними.
Чтобъ избѣжать судьбы такой
Останемся мы холостыми.
Здоровье холостыхъ!
Спокоенъ кто любви лукавой
Не подчиняетъ разумъ здравый,
Въ поступкахъ воленъ, сердцемъ пустъ.
Что поцѣлуй отъ милыхъ устъ?
Приманка мужу. Ротъ разинетъ,
Чмокъ: разъ, другой, и слѣдъ простынетъ;
Но множество другихъ статей,

Которымъ счетъ не такъ коротокъ:
Жены причуды, визгъ дѣтей,
И у жены что дядей, тетокъ!
Ахъ, то ли дѣло одному!
Покой душѣ, просторъ уму!

(*Стаканъ свой только къ губамъ подноситъ.*)

РОСЛАВЛЕВЪ СТ. (*выпиваетъ все*).

Любилъ бы можетъ-быть и я
Заботы, нѣжности и ласки,
Но кто бъ увѣрить могъ меня
Что эти нѣжности не сказки!
Жена сердита—въ петлю лѣзь!
Нѣжна—замучатъ подозрѣнья.
Родятся дѣти—съ ними здѣсь
Родятся новыя сомнѣнья!
Прими совѣтъ мой, молодежь!
Любовь лукавая наука,
Въ любви бываетъ часто ложь,
За истину жь вино порука!
Влюбись въ красотку, неравно
Твой вкусъ—приманка заблужденья!
Когда жь на вкусъ придетъ вино,
Его ты выпьешь безъ сомнѣнья!

— Одна есть женщина въ свѣтѣ, продолжаетъ Юлія,—которую я люблю по самой родственной связи...—И принимается хвалить ее. Рославлевъ старшій начинаетъ посмѣиваться этимъ похваламъ. Тогда юный собесѣдникъ говоритъ что это сестра его и такъ умѣетъ выставить ее въ привлекательномъ свѣтѣ что Рославлевъ старшій очень желаетъ ее видѣть, и несмотря на свое напускное мизогинство, непрочь поволочиться за нею. Юлія является ему въ женскомъ платьѣ подъ именемъ сестры того молодаго гусара. Она приходитъ будто искать хозяина почтоваго дома чтобы попросить у него помощи больному, совершенно чужому ей человѣку, въ которомъ она приняла самое живое участіе, и такъ успѣваетъ очаровать ненавистника женщинъ что тотъ готовъ все сдѣлать еслибъ она только въ награду за это рѣшилась поцѣловать его въ знакъ дружбы. Онъ говоритъ ей:

Восторговъ бурныхъ и непрочныхъ
Во мнѣ простылъ горячій слѣдъ
И поцѣлуевъ непорочныхъ

Теперь мнѣ сладостнѣе нѣтъ.
Меня не страсти пылъ волнуетъ,
Умѣлъ я чувства обуздать,
И васъ хочу поцѣловать
Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ.

Рославлевъ старшій убѣгаетъ за своею походною аптекой, а между тѣмъ Рославлева младшаго наряжаютъ больнымъ, укладываютъ въ кресла на колесахъ и возвратившагося Рославлева старшаго заставляютъ ухаживать за мнимымъ больнымъ, катать его по комнатѣ. Наконецъ Юлія окончательно кружитъ голову камергеру, и когда снова является къ нему въ мужскомъ платьѣ, онъ, принимая ее за брата, признается въ своей любви къ сестрѣ. Тогда она скидаетъ съ себя мужской плащъ и конфедератку и открывается кто она, а Рославлевъ младшій рекомендуетъ ее какъ свою жену. Камергеръ volens-nolens соглашается на ихъ свадьбу, и піеса оканчивается куплетами которые поетъ каждое лицо піесы отдѣльно.

Піеса эта была написана въ Москвѣ. У покойнаго Верстовскаго, писавшаго къ ней музыку, я читалъ большое собственноручное письмо Грибоѣдова по поводу этой піесы. Грибоѣдовъ выражаетъ въ немъ большую заботу о постановкѣ этой піесы и предлагаетъ замѣнить другими слѣдующіе ея стихи:

Любитъ обновы
Мальчикъ Эротъ,
Стрѣлкѣ перённой
Знать не черёдъ,
Вожжи шелковы
Въ руки беретъ,
Плеткой ременной
Хлыщетъ и бьетъ.

Вмѣсто этого Грибоѣдовъ предлагалъ поставить слѣдующіе стихи:

Крылами паря, стрѣлами звеня,
Любовь вопрошала кого-то:
— Ахъ, есть ли что̀ легче на свѣтѣ меня?
Рѣшите задачу Эрота.
Любовь и любовь, рѣшу я какъ разъ,
Сама себя легче бываетъ подъ часъ.
Есть пѣсня такая:
Легко себѣ друга сыскала Аглая,
И легче того
Забыла его.

Впрочемъ въ піесѣ остался первый варіантъ.

Піеса эта была поставлена первоначально въ Москвѣ, но не долго держалась на сценѣ. Впрочемъ, одинъ изъ ея куплетовъ который поетъ соня-лакей Рославлева старшаго, долго и часто пѣвалъ В. И. Живокини въ дивертисментахъ. Знаменитый ветеранъ нашей сцены утверждаетъ что этотъ куплетъ сочиненъ именно Грибоѣдовымъ, а не кн. Вяземскимъ. Вотъ онъ:

Жизнь наша сонъ! все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Одно все водится издавна:
Родятся люди, люди мрутъ,
И кое-какъ пока живутъ!
Куда какъ это все забавно!
Какъ не зѣвать, все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Иной зѣваетъ отъ бездѣлья,
Зѣваютъ многіе отъ дѣлъ,
Иной зѣваетъ что не ѣлъ,
Другой зѣваетъ что съ похмѣлья.
Какъ не зѣвать, все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Актеръ въ своей зѣваетъ ролѣ,
Зѣвотой зритель давитъ свистъ,
Зѣвая пишетъ журналистъ,
А сускрибентъ зѣваетъ болѣ.
Какъ не зѣвать, все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Я холостъ былъ, зѣвалъ безъ счета;
Подумалъ завестись домкомъ
И взялъ жену чтобъ жить вдвоемъ,
И вдвое забрала зѣвота,
Какъ не зѣвать, все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!

Въ Петербургѣ эта піеса была представлена въ первый разъ въ бенефисъ Величкина, 11го сентября 1824, и, какъ свидѣтельствуетъ П. Н. Араловъ, * имѣла успѣхъ.

Послѣ сочиненія *Горя отъ Ума* Грибоѣдовъ началъ было піесу изъ 1812 года. Изъ нея сохранилась одна сцена, разговоръ отца съ дочерью о приближеніи къ Москвѣ непріятелей. Д. А. Смирновъ напечаталъ эту сцену въ статьѣ своей „Черновая тетрадь Грибоѣдова“ (*Русское Слово* 1859, кн. V).

* *Лѣтопись Русскаго Театра*, стр. 358.

Въ 1823 году, въ Москвѣ, возобновлялся, или лучше сказать, строился новый Большой Театръ на мѣсто сгорѣвшаго въ 1805 года Петровскаго театра. Эта постройка театра въ Москвѣ, не имѣвшей съ 1805 года особаго каменнаго театральнаго зданія и принужденной съ тѣхъ поръ пользоваться сначала деревяннымъ театромъ у Арбатскихъ воротъ, потомъ наемными театральными залами въ частныхъ домахъ, возбуждала большой интересъ въ публикѣ. Открытіе новаго театра предполагалось сдѣлать весьма торжественное, и многіе тогдашніе писатели принялись за сочиненіе пролога для его открытія, въ томъ числѣ и Грибоѣдовъ.

„Для открытія новаго театра въ Москвѣ осенью 1823 года— говоритъ С. Н. Бѣгичевъ въ своей біографической запискѣ— Грибоѣдовъ располагалъ написать прологъ въ двухъ актахъ подъ названіемъ *Юность Вѣщаго*. При поднятіи занавѣса, юноша-рыбакъ Ломоносовъ спитъ на берегу Ледовитаго моря и видитъ обаятельный сонъ,—сначала разныя волшебныя явленія, потомъ музъ, которыя его призываютъ, и наконецъ весь Олимпъ во всемъ его величіи. Онъ просыпается въ какомъ-то очарованіи; сонъ не выходитъ изъ его памяти, преслѣдуетъ его и въ морѣ и на необитаемомъ островѣ, куда онъ съ прочими рыбаками отправился за рыбнымъ промысломъ. Душа его получила жажду познанія, чего-то высшаго, имъ недовидимаго, и онъ убѣгаетъ изъ отческаго дома. При открытіи занавѣса во второмъ актѣ, Ломоносовъ въ Москвѣ, стоитъ на Красной Площади. Далѣе я не помню... Пролога онъ написать не успѣлъ, а театръ открылся.“ *

Для открытія этого театра былъ поставленъ прологъ М. А. Дмитріева *Торжество Музъ*. Изъ пролога же Грибоѣдова уцѣлѣлъ только одинъ отрывокъ, который и приводимъ.

ЮНОСТЬ ВѢЩАГО.

Куростровъ. Ищутъ Михаила. Находятъ его. Ночь предъ отплытіемъ въ дальній путь.

Орелъ, едва лишь пухомъ оперенный,
Едва въ себѣ почуялъ дерзость силъ,
Разсѣкъ эѳиръ, съ размаху воспарилъ;
Хоръ птицъ, его явленьемъ изумленный,
Неспорный крикъ ему навстрѣчу шлетъ.
Нѣтъ! Дерзость тѣхъ очей и тотъ полетъ

* *Русское Слово*, 1859 года, кн. V.

Не зритъ себѣ ни равныхъ, ни преслушныхъ,
И властвуетъ въ селеньяхъ онъ воздушныхъ.
Не такъ между людьми: ахъ! отъ пеленъ
Томится сколько лѣтъ ревнитель славы!
Еще томится возмужалый онъ,
Отверженъ и не признанъ, угнетенъ...
Судьба! О, какъ тверды твои уставы!
Великимъ средь Австраліи зыбей,
Иль въ Сѣвера снѣгахъ, вездѣ одно ли
Присуждено?—Искать желанной доли,
Путемъ вражды, препятствій и скорбей!
И тотъ пѣвецъ кому никто не смѣетъ
Во слѣдъ ступить изъ бардовъ сихъ временъ,
Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣетъ,
Онъ отрокомъ безвѣстенъ и презрѣнъ,
Сынъ рыбаря, чудовищъ земноводныхъ
Ловитвой жилъ; въ пучинахъ ледяныхъ,
Душой алкая странъ и дѣлъ иныхъ,
Изнемогалъ въ усиліяхъ безплодныхъ!...

Океанъ, пустынный островъ. Любопытство юноши. Скорбь отца. Вновь отъѣздъ. Нелюбовь. Соловцы. Невѣдомый мужъ, богомолецъ. Вѣсть о вечернихъ странахъ. Возвращеніе домой. Побѣгъ. Тотъ же таинственный спутникъ. *

Послѣднею піесой Грибоѣдова была *Грузинская Ночь*. Отрывки изъ этой романтической трагедіи или драмы онъ читалъ наизусть друзьямъ въ свой послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ въ 1828 году. Извѣстны слова г. Греча сказанныя послѣ выслушанія этихъ отрывковъ, что Грибоѣдовъ только попробовалъ перо на *Горѣ отъ Ума*. С. Н. Бѣгичевъ, въ біографической запискѣ составленной имъ для г. Смирнова, упоминаетъ что Грибоѣдовъ при послѣднемъ съ нимъ свиданіи, на пути въ Персію, говорилъ: „Я не напишу болѣе комедіи: веселость моя исчезла, а безъ веселости нѣтъ хорошей комедіи. Но есть у меня написанная *трагедія*.“ И тутъ же разказалъ ея содержаніе и прочелъ наизусть сцены читанныя имъ въ Петербургѣ. Но на убѣжденія Бѣгичева прочесть всю трагедію никакъ не согласился. „Я теперь еще къ ней страстенъ“, говорилъ онъ, „и далъ себѣ слово не читать ее пять лѣтъ, а тогда, сдѣлавшись равнодушнѣе, прочту какъ чужое сочиненіе и, если буду доволенъ, то отдамъ въ печать.“ Долго думали что отъ *Грузинской Ночи* ничего не сохрани-

* Тамъ же.

лось. Но оказалось что нѣсколько отрывковъ уцѣлѣло. Они обнародованы г. Смирновымъ въ его любопытной „Черновой тетради Грибоѣдова“. * Чтобы сдѣлать понятными эти отрывки, которые считаемъ не лишнимъ перепечатать и въ этой статьѣ, передаемъ содержаніе трагедіи какъ оно разказано Булгаринымъ. „Одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, а потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою и требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина, угрожаетъ ему мученіемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ, по княжескому обычаю, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и, какъ Азіятка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели, злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Дели вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы Св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Дели несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не свершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружье чтобы поразить князя, и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ небомъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ и познаетъ цѣну потери дѣтища. Злобная кормилица наказана за то что благородное чувство осквернила местью. Они гибнутъ въ отчаяніи.“ **

Таково содержаніе *Грузинской Ночи*. Булгаринъ, замѣчаетъ г. Смирновъ, сдѣлалъ одну, конечно невольную, но довольно важную ошибку: злыхъ духовъ Грузіи зовутъ не Дели, а Али, и такъ названы они и Грибоѣдовымъ въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ его трагедіи. „По народному повѣрью, сказано въ статьѣ г. Березнова о грузинской медицинѣ, Али духъ женскаго

---

* *Русское Слово* 1659 № 5.

** *Сочиненія Булгарина*, Т. VII.

лола, и онъ въ особенности преслѣдуетъ родильницъ, часто является онъ имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку. Али всегда на первомъ планѣ въ розказняхъ старухъ и нянекъ. Много страшнаго случалось мнѣ слышать въ моей молодости про этого героя, или правильнѣе, героиню женскихъ ужасовъ, которыми весьма часто тревожили молодое воображеніе. При этомъ, бывало, волосы шевелятся на головѣ и всю ночь бредишь странною женщиной, у которой зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь ростъ, и говоритъ-то она хотя и языкомъ человѣческимъ, но все наоборотъ, и вся она создана будто на изнанку, и всѣ члены у ней будто выворотные. Сказываютъ: были и теперь будто бы есть неустрашимые люди которымъ удавалось поймать Али и держать ее нѣсколько лѣтъ въ услуженіи; увѣряютъ что она невольно дѣлается рабою того кто отрѣжетъ у ней косу, а такъ какъ Али часто разчесываетъ свои волосы на пустынномъ берегу рѣки, то это можно сдѣлать при извѣстныхъ условіяхъ."

Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ *Грузинской Ночи* буква К. очевидно означаетъ „князь", буква Т. должна быть начальною буквой имени кормилицы.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ГРУЗИНСКОЙ НОЧИ.

1.

(*Кормилица, какъ надо думать, уже успѣла объявить князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль; князь отвѣчаетъ:*)

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали.

Т.

Ругаться старостью—то въ лютыхъ вашихъ нравахъ.
Стара я, да, но не отъ лѣтъ однихъ,
Состарѣлась не въ играхъ, не въ забавахъ.
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.
Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живаго отъ могилы,
Моимъ же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда жь былъ многія годины въ заточеньи,

Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ, въ хоромахъ опустѣлыхъ,
Выняньчивала я, кормила дочь твою!
Такъ знай же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
Вотъ въ подвигахъ какихъ младые дни убиты!
А ты? Ты совѣсти и Богу вопреки
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ, гроза твоей руки?!
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы....
И кочетъ, если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,
Онъ похитителя зоветъ на бой неравный.
А мнѣ передъ тобой не можно умолчать,
О сынѣ я скорблю; я человѣкъ,—я мать....
Гдѣ громъ Твой, власть Твоя, о Боже Вседержавный!

К.

Творецъ, пошли мнѣ вновь изгнанье, нищету,
И на главу мою всѣ ужасы природы,
Скорѣе въ томъ ущельи пропаду •
Гдѣ бурный Ксань крутитъ сѣдыя воды,
Терпѣть разбойникомъ гоненья, голодъ, страхъ,
Отъ стужи, непогодъ не бывъ укрытымъ,
Чѣмъ этой фуріи присутствіе сносить
И злость души, и ядъ ея упрековъ.

Т.

Ничѣмъ тебя не можно умилить!
Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
Подумай,—самъ отецъ и сына ты лишенъ.
Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесенъ,
И ты въ послѣдній разъ прощался съ трупомъ милымъ,
Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ
И оживить хотѣлъ потухшій взоръ,
Весь воздухъ потрясалъ дѣтей и женъ вой дикій,
И вторили раскаты этихъ горъ
Съ утра до вечера пронзительные крики,—
Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ,
Но взятый смертію во вѣкъ невозвратимъ!
Когда же бъ искупить ты могъ его изъ плѣна,
Какой тогда казны бы пожалѣлъ?
На чей бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
Ты чьи тогда не обнялъ бы колѣна?

К.

И нѣтъ еще въ тебѣ вражды?!
Я помню о людяхъ, о Богѣ,
И сына твоего не далъ бы безъ нужды,
Но честь моя была въ залогѣ:
Его цѣной я выкупилъ коня
Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ,
Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня...
Тотъ подлъ, кто бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Т.

Ни конь твой боевой всей крѣпостію жилъ,
Никто изъ слугъ твоихъ любимыхъ,
Такъ вѣрой, правдою тебѣ не послужилъ,
Какъ я въ трудахъ неисчислимыхъ.
Мой отрокъ, еслибъ возмужалъ,
За славу твоего онъ княжескаго дома
Сто разъ бы притупилъ и саблю и кинжалъ;
Не убоялся бы онъ язвъ и пушекъ грома.
Какъ матерью его не разъ ты былъ спасенъ,
Такъ на плечахъ своихъ тебя бы вынесъ онъ.

К.

Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ,
И не терзай мнѣ жалобами слуха...
Безвремененъ кому твой вопль и стонъ, и ревъ.
Ужь сынъ твой рабъ другаго господина,
И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,
Онъ проданъ мной, и я былъ воленъ въ томъ,—
Онъ былъ мой крѣпостной....

Т. (*падаетъ на колѣна*).

Онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!
И я твоя раба,—зачѣмъ же мать
Отъ дѣтища ты разлучилъ роднаго?
Дай разъ еще къ груди его прижать!...
Ахъ, ради Бога имени святаго,
Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
Соедини ты снова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки.
Въ поля и въ горы вотъ пути широки,
Тамъ мчится шумная рѣка,
Садись надъ пропастью, бесѣдуй свысока
О сынѣ съ мраками ночными,

И степь буди стенаньями своими,
Но въ домъ не возвращайся мой,
Уймись, или исчезни съ глазъ долой.

Т.

Достойное заслугамъ воздаянье!
Такъ будь же проклятъ ты и весь твой родъ,
И дочь твоя и все твое стяжанье!
Какъ ловчіе,—ни быстриною водъ,
Ни крутизною скалъ не удержимы,
Но скачутъ, по вѣтрамъ носимы,
Покуда звѣрь отъ ихъ ударовъ не падетъ
Истекшій кровію и пѣной,
Пускай истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
Пускай преслѣдуютъ тебя ножомъ, измѣной
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности въ награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Какъ продалъ сына моего.
Отступникъ, самъ себя карая,
Въ безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днемъ дрожи
На церковь Божію взирая.
Твой прахъ землѣ не предадутъ,
Лишь путники произнесутъ
Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,
И будь добычею чекаламъ плотояднымъ...
А тамъ передъ судомъ Всевышняго Творца
Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

II.

(*Кормилица призываетъ, въ помощь своей мести, Али, злыхъ духовъ Грузіи.*)

О люди! Кто назвалъ людьми исчадій зла
Которыхъ отъ кровей утробныхъ
Судьба на то произвела
Чтобъ были гибелью, бичомъ себѣ подобныхъ!
Но силы свыше есть! Прочь совѣсть и боязнь!
Ночныя чуда! Али! Али!
Явите мнѣ свою пріязнь,
Какъ вы всегда являли
Предавшимъ вѣру и законъ,
Душой преступнымъ и безсильнымъ,
Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,

Несите вѣтеръ, свистъ и стонъ.
Дружины Али! Знакъ условный,
Вотъ пять волосъ
Отъ васъ унесъ
Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ единокровный.
Когда въ............* онъ блуждалъ.
На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ
Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А нынѣ кинутой быть горько сиротой! **
Равны страданія въ сей жизни или въ той?..
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколѣ въ темну ночь исходятъ привидѣнья,
Изъ снѣжныхъ горъ,
Изъ дикихъ норъ,
Изъ груды тли и разрушенья,
Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ
Гдѣ служатъ пиршествомъ червей
Останки праведныхъ и злобныхъ.
Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!
На мой призывъ не отзовутся!
Лишь тучи на небѣ несутся
И воетъ вѣтръ... Ахъ, вотъ онѣ!

(Прислоняется къ утесу и не глядитъ на нихъ). ***

АЛИ *(плаваютъ въ туманѣ у подошвы горъ).*

Въ парахъ вечернихъ предъ восходомъ

---

* Г. Смирновъ поставилъ точки вмѣсто словъ которыхъ совершенно невозможно было разобрать.

** Д. А. Смирновъ приводитъ изъ черновой тетради Грибоѣдова еще слѣдующіе стихи, явно служащіе варіантомъ, или точнѣе отдѣльною, можетъ-быть даже первоначальною обработкой этого мѣста трагедіи:

Такъ отъ людей надежды болѣ нѣтъ,
И Вседержителемъ отвергнуто моленье!
Услышьте вы отчаянья привѣтъ
И мрака порожденье.

Далѣе нѣсколько отступя отъ этихъ стиховъ Грибоѣдовъ продолжаетъ:

Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Тогда была добра, имѣла сына я
(Одна Али появляется на уединенномъ мѣстѣ.)
Кого клянешь?
На чью главу
Бѣды зовешь?

*** Въ Черновой тетради Грибоѣдова г. Смирновъ нашелъ еще

Печальной, дѣвственной луны,
Мы выступаемъ хороводомъ
Изъ недозримой глубины.

Т.

Робѣетъ духъ, языкъ прикованъ мой,
Земля, не разступайся подо мной! *

АЛИ.

Таятся въ мрачной глубинѣ,
Непримиримыхъ оскорбленья,
И созрѣваютъ въ тишинѣ,
До дня рѣшительнаго мщенья,
Но тотъ, чей замыселъ не скрытъ,
Какъ темная гробовъ обитель,
Вражды во вѣкъ не утолитъ
Нетерпѣливый мститель.

слѣдующій варіантъ этого мѣста, написанный чернилами до тог блѣдными что его едва можно разобрать:

Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!..
Лишь тучи длинными грядами
Перебѣгаютъ надъ холмами
И все крутятся... Ахъ, онѣ!

Есть еще другой варіантъ:

Но нѣтъ ихъ! нѣтъ! И что̀ мнѣ въ чудесахъ
И въ заклинаніяхъ напрасныхъ,
Нѣтъ друга на землѣ и въ небесахъ,
Ни въ Богѣ помощи, ни въ адѣ для несчастныхъ.

* Вотъ еще другія передѣлки этого мѣста:

АЛИ.

Ты здѣсь! Но ты, исчадье праха,
Гдѣ ты украла волоса?
Они намъ сила и душа.
Отдай ихъ намъ...
Умри со страха!

Мы здѣсь, но гибель и напасть
Тому кто взыщетъ ада власть.
Не цѣпенѣешь ли со страха,
Увидя насъ, исчадье праха?

Т.

Ахъ! Вотъ онѣ! Языкъ прикованъ мой!
Но не умру съ испуги,
Вотъ ваши волоса. Вотъ судъ вамъ роковой:
Кто ихъ имѣетъ, тѣхъ вы слуги.

Т.

....

.... *

Настанетъ день и часъ пробьетъ.

АЛИ.

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обрѣтетъ
И ближній ближняго лишится.

(*Молчаніе.*)

Куда мы, Али? Въ эту ночь
Бѣжитъ отъ глазъ успокоенье.

ОДНА ИЗЪ НИХЪ.

Спѣшу родильницѣ помочь,
Чтобъ задушить грѣха рожденье.

ДРУГІЯ.

А мы въ за-горскіе края,
Гдѣ пиръ пируютъ кровопійцы.

ПОСЛѢДНЯЯ.

Тамъ замокъ есть...Тамъ сяду я
На смертный одръ отцеубійцы. **

Г. Серчевскій, въ заключеніе книги своей *А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія,* говоритъ что Грибоѣдовъ, съ П. А. Катенинымъ, „написалъ комедію въ прозѣ, подъ заглавіемъ *Студентъ.* Въ этомъ произведеніи выведена тогдашняя борьба классицизма съ романтизмомъ; оно наполнено идеями уже устарѣвшими и заключаетъ въ себѣ личности не дозволившія представить его на сценѣ и еще менѣе подвергнуть типографскому тисненію“. Кромѣ этого показанія г. Серчевскаго, я не нашелъ нигдѣ никакого извѣстія объ этой піесѣ. Между тѣмъ познакомиться съ нею было бы въ высшей степени интересно, тѣмъ болѣе что уже изъ самыхъ словъ Серчевскаго можно заключить что изъ нея видны отношенія Грибоѣдова къ окружавшему его обществу и къ вопросамъ занимавшимъ въ то время литературу.

В. РОДИСЛАВСКІЙ.

---

* Два ряда точекъ поставлены самимъ Грибоѣдовымъ.

** Эти послѣднія реплики Грибоѣдовскихъ Али поражаютъ почти буквальнымъ сходствомъ съ репликами Шекспировскихъ вѣдьмъ въ *Макбетѣ.*

ЛЕДИ АННА*

РОМАНЪ.

АНТОНИ ТРОЛЛОПА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XVII

Обратный путь.

Въ ненарушимомъ безмолвіи возвратились въ гостиную лордъ Ловель и леди Анна. Онъ былъ пораженъ, пораженъ столько же ея неожиданнымъ признаніемъ какъ и аргументами которыми она оправдывала себя. Ей же нечего было сказать болѣе. Она уже высказала все что̀ могла сказать, сама удивляясь своему краснорѣчію, и сознаніе что она поступила честно и что у нея хватило смѣлости оправдать себя внушало ей гордость. Она была полна сожалѣній, она была близка къ раскаянію, но вмѣстѣ съ тѣмъ она гордилась своимъ поступкомъ. Онъ зналъ теперь все, и она избавилась отъ одного изъ своихъ важнѣйшихъ затрудненій.

Что же касается остальныхъ Ловелей, Іоксамскихъ Ловелей, она рѣшилась встрѣтить смѣло ихъ негодованіе и ихъ упреки послѣ того какъ уже подвергла себя его негодованію,

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5, 6, 7 и 8.

его упрекамъ и его презрѣнію. Гнѣвъ матери страшилъ ее, она знала что упреки матери истерзаютъ ея сердце. Но это предстояло въ будущемъ. Для настоящаго она чувствовала себя достаточно сильною и смѣлою, и вошла въ гостиную въ сопровожденіи графа. Въ гостиной сидѣли двѣ тетки, и отъ ихъ вниманія не могло скрыться что молодые люди возвратились не въ духѣ. Мистрисъ и миссъ Ловель были обѣ увѣрены что леди Анна приметъ предложеніе лишь только оно будетъ высказано. На ихъ взглядъ ея поведеніе было поведеніемъ дѣвушки поощряющей искательство. Онѣ только опасались чтобъ ихъ гостья не оскорбила деликатности и щекотливости графа какою-нибудь неловкостью, какимъ-нибудь проступкомъ противъ женственности, чего легко было ожидать отъ дѣвушки выросшей въ обществѣ ремесленниковъ. Этою причиной онѣ объяснили и теперь неудовольствіе племянника. Онъ сѣлъ на стулъ и открылъ книгу привезенную изъ Іоксама. Леди Анна остановилась у открытаго окна. Ни тотъ ни другая не сказали ни слова. Они очевидно поссорились. Тетушка Джюлія первая рѣшилась прервать молчаніе.

— Гдѣ же Минни? Вѣдь она пошла съ вами?

— Нѣтъ, отвѣчалъ графъ. — Она пошла по моей просьбѣ въ другую сторону. Мистеръ Кроссъ вѣроятно съ ней.

По тону голоса которымъ это было сказано было очевидно что неудовольствіе главы фамиліи Ловелей очень сильно.

— Скоро ли поѣдемъ? спросила Анна.

— Послѣ завтрака, другъ мой, а теперь еще только часъ.

— Я пойду наверхъ уложить свои вещи.

— Не помочь ли мнѣ вамъ? спросила мистрисъ Ловель.

— О, нѣтъ! Я могу обойтись безъ помощи.

Она поспѣшила наверхъ, заперла дверь своей комнаты и залилась слезами.

— Фредерикъ, что̀ съ ней? спросила тетушка Джюлія.

— Если съ ней что-нибудь случилось, пусть она скажетъ это вамъ сама, отвѣчалъ графъ.

— Что-то не ладно. Ты понимаешь, Фредерикъ, какъ это тревожитъ насъ.

— Въ настоящее время я не могу успокоить васъ, тетушка, но вы должны были помнить что во всякомъ дѣлѣ возможенъ промахъ.

— Промахъ? Я знала что это случилось. Я это предсказывала также какъ и братъ.

— Я желалъ бы только чтобы вы не забывали что чѣмъ менѣе говорится о такихъ дѣлахъ тѣмъ лучше.

Съ этими словами онъ вышелъ въ дверь балкона и медленно побрелъ къ рѣкѣ.

— Всему конецъ, сказала тетушка Джюлія.

— Не знаю на какомъ основаніи вы это такъ скоро рѣшили, возразила мистрисъ Ловель.

— Я знаю что всему конецъ. Я поняла это по ея лицу когда она вошла въ комнату. Она сказала или сдѣлала что-нибудь неумѣстное, и онъ по ея милости лишится двацати тысячъ годоваго дохода.

— Съ его титуломъ и его красотой онъ всегда можетъ составить хорошую партію, сказала мистрисъ Ловель.

— Да, но такое состояніе трудно найти. Я слышала отъ мистера Флика что оно равняется полумилліону фунтамъ. И главное онъ могъ бы получить его немедленно. Желала бы я знать что̀ случилось. Онъ любитъ красивыхъ, а она безспорно красива.

— Не отказала ли она ему?

— Этого быть не можетъ, Дженъ. Она пріѣхала сюда съ тѣмъ чтобы принять его предложеніе. Она знала когда шла гулять съ нимъ о чемъ онъ будетъ говорить съ ней. Вчера они пробыли вдвоемъ втрое долѣе и возвратясь онъ былъ нѣжнѣе съ ней чѣмъ когда-либо. Не предложила ли она какого-нибудь условія насчетъ денегъ?

— Какого условія?

— Напримѣръ чтобы состояніе осталось въ ея владѣніи.

— Она кажется не такого рода дѣвушка чтобы предложить такое условіе.

— Почемъ знать чему научили ее Гоффъ, Бльюстонъ и ея мать. Фредерикъ конечно никогда не согласится на это, и онъ совершенно правъ. Нѣтъ ничего хуже для мущины какъ быть подъ властью жены. Не пойти ли вамъ къ ней, Дженъ? Она держитъ себя съ вами свободнѣе чѣмъ со мной.

И тетушка Дженъ, покорная какъ всегда, отправилась въ спальню своей молодой гостьи.

Между дѣмъ графъ ходилъ по берегу рѣки погруженный въ размышленія. И дѣйствительно было о чемъ подумать; ему предстояло рѣшить нѣсколько вопросовъ отъ которыхъ зависѣло все его будущее. Долженъ ли онъ отказаться навсегда отъ намѣренія жениться на леди Аннѣ послѣ ея

признанія или все еще остается возможность, не унижая себя какъ графа, джентльмена и честнаго человѣка, жениться на ней, освободивъ ее отъ ея перваго обѣщанія? Мало знакомый со свѣтомъ и совсѣмъ не зная Даніеля Твейта, онъ былъ увѣренъ что портной согласится отказаться отъ своихъ правъ за денежное вознагражденіе. Графъ зналъ что всѣ знавшіе Анну и ея мать въ особенности стали бы содѣйствовать ему въ такомъ предпріятіи. Дѣвушка принуждена была бы уступить еслибы весь свѣтъ, весь окружавшій ее свѣтъ возсталъ противъ нея, или еслибы самъ портной отказался отъ нея за денежное вознагражденіе. Что это необходимо сдѣлать для спасенія фамильной чести, было несомнѣнно, но графъ сомнѣвался могъ ли бы онъ послѣ того сдѣлать своею женою и графиней дѣвушку которая была нѣкогда невѣстой ремесленника. Думая объ этомъ и воображая подробности любви леди Анны и портнаго, онъ въ сильнѣйшемъ негодованіи швырнулъ въ рѣку небольшую палочку которую держалъ въ рукѣ. Это было такъ ужасно, такъ отвратительно, такъ не шло къ ея взгляду, къ ея голосу, къ ея манерамъ, ко всей ея особѣ! Она была такъ кротка, такъ нѣжна и изящна что онъ пришелъ къ убѣжденію что ея состояніе было менѣе привлекательно чѣмъ ея личныя качества и ея красота, которую онъ наканунѣ призналъ несравненною. И эта милая дѣвушка сдѣлается женою портнаго, и не злая судьба обрекла ее на эту участь, но по ея собственнымъ словамъ она дѣлаетъ это добровольно, изъ чувства любви и благодарности. Онъ не могъ надивиться что такое прекрасное существо цѣнило себя такъ мало. Ему казалось что онъ не согласился бы послѣ этого быть ея мужемъ, даже еслибъ это оказалось возможнымъ.

Однако если онъ не согласится жениться на ней, или если это почему либо окажется невозможнымъ, что̀ будетъ съ нимъ? Онъ уже призналъ справедливость притязаній леди Анны. онъ обѣщалъ ей не продолжать тяжбу. Обязанъ ли онъ сдержать свое слово послѣ того какъ узналъ что состояніе сдѣлается собственностью портнаго, или онъ можетъ устраниться отъ этого дѣла предоставивъ юристамъ дѣйствовать какъ знаютъ? Не лучше ли было бы и для нея еслибъ онъ выбралъ послѣднее? Онъ слышалъ что еслибъ онъ и проигралъ дѣло, то оно могло быть затянуто на долгое время. Портной не захочетъ жениться пока не получитъ денегъ, и Анна убѣдится въ своей ошибкѣ прежде чѣмъ будетъ поздно

поправить ее. Однако, какъ предъявить опять права отъ которыхъ онъ уже неоднократно отказывался? Можетъ ли онъ перестать называть Анну именемъ которое уже было признано ея законнымъ именемъ всѣми его родственниками, и объявить ее незаконнорожденною только потому что она не приняла его предложенія и предпочла ему ремесленника? Нѣтъ, онъ этого никогда не сдѣлаетъ. Хотя бы она вышла замужъ за дворника, онъ обязанъ называть ее леди Анной.

Тѣмъ не менѣе что-нибудь нужно было сдѣлать. Юристы сказали ему какъ уладилось бы дѣло еслибъ онъ и леди Анна согласились вступить въ бракъ, но не сказали какъ будутъ они дѣйствовать если она откажетъ ему. Мистеръ Фликъ и генералъ-солиситоръ должны приготовиться къ веденію дѣла въ ноябрѣ, и конечно чѣмъ скорѣе онъ имъ объявитъ о своей неудачѣ, тѣмъ будетъ лучше для нихъ. Но какъ сказать имъ? Въ правѣ ли онъ открыть имъ тайну Анны? Что онъ въ правѣ сказать имъ объ ея отказѣ было ясно, но долженъ ли онъ ограничиться этимъ и сохранить въ тайнѣ причину отказа? Во многихъ отношеніяхъ было бы полезно чтобъ они знали и причину. Даже для нея это было бы полезно потому что могло бы содѣйствовать ея освобожденію отъ унизительнаго брака. Но она сказала ему о своей помолвкѣ неохотно, вопреки своимъ интересамъ, рискуя навлечь на себя непріятности, сказала только для того чтобы заставить его отказаться отъ напрасныхъ надеждъ, и хотя разрѣшила ему повторить ея признаніе кому онъ сочтетъ нужнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказала что это тайна. Хорошо ли будетъ если онъ явится съ этою тайной въ контору стряпчаго и повторитъ тамъ то что̀ она открыла ему по необходимости и для его же пользы? Нѣтъ, онъ напишетъ мистеру Флику и скажетъ что бракъ не можетъ состояться, но не откроетъ причины.

Онъ медленно шелъ по берегу рѣки, и одно только было ему ясно что ни юристамъ, ни своимъ домашнимъ не долженъ онъ открывать тайну леди Анны, когда онъ внезапно почувствовалъ прикосновеніе маленькой ручки и повернувшись увидѣлъ Минни Ловель.

— Что̀ ты дѣлаешь здѣсь одинъ, Фредъ? спросила она взявъ его подъ руку.

— Размышляю о порочности рода человѣческаго и дѣвушекъ въ особенности.

— Гдѣ же кузина Анна?

— Вѣроятно дома.

— Развѣ она тоже порочна?

— Неужели ты не знаешь что мы всѣ порочны вслѣдствіе того что Ева съѣла яблоко?

— И Адамъ ѣлъ.

— А кто научилъ его?

— Дьяволъ, отвѣчала дѣвочка шепотомъ.

— Но дьяволъ говорилъ устами женщины. Что же ты не идешь домой? Пора собираться въ дорогу.

— Я пойду. Скажи мнѣ только одно, Фредъ: могу я быть подругой невѣсты на твоей свадьбѣ?

— Не думаю.

— А я такъ мечтала объ этомъ! Почему же нельзя?

— Потому что твоя свадьба будетъ по всей вѣроятности раньше моей.

— Какой вздоръ, Фредъ! Ты самъ знаешь что это вздоръ. Вѣдь ты женишься на леди Аннѣ?

— Послушай, другъ мой. Я тебя ужасно люблю и считаю тебя самою хорошенькою дѣвочкой въ мірѣ, но я поссорюсь съ тобой навсегда если ты будешь предлагать мнѣ такіе неучтивые вопросы. Понимаешь?

Она подняла глаза на его лицо, поняла что онъ не шутитъ, и оставивъ его медленно пошла по лугу домой.

— Скажи чтобы меня не ждали къ завтраку, крикнулъ онъ ей вслѣдъ, и она объявила тетушкѣ Джюліи что кузенъ Фредерикъ ходитъ по берегу рѣки очень скучный и что онъ не придетъ завтракать.

Ни одного слова не было сказано между мистрисъ Ловел
и леди Анной объ утреннемъ событіи пока онѣ были вмѣст
на верху. Мистрисъ Ловель боялась разспрашивать, а лед
Анна рѣшила не говорить ничего если даже ее станутъ ра
спрашивать. Лордъ Ловель знаетъ ея тайну. и можетъ от
крыть ее если сочтетъ нужнымъ. Она не сомнѣвалась чт
онъ воспользуется ея разрѣшеніемъ и положила себѣ, если е
начнутъ разспрашивать, подтвердить только фактъ. Она н
будетъ защищать своего выбора, но и не позволитъ критик
вать его, и уѣдетъ къ матери при первомъ намекѣ что е
присутствіе имъ непріятно.

Завтракъ прошелъ молча. Лордъ Ловель возвратился ког
экипажъ былъ уже готовъ. Усадивъ трехъ дамъ, онъ предл
жилъ Минни занять четвертое мѣсто, говоря что ему удобн

будетъ на козлахъ съ мистеромъ Кроссомъ. Минни взглянула на его лицо и, видя что оно все еще мрачно, послушалась безпрекословно. Во весь долгій обратный путь всѣ молчали. Леди Анна чувствовала себя въ немилости, но не знала насколько ея тайна извѣстна двумъ дамамъ. Она сидѣла неподвижно, глядѣла на поля и считала себѣ въ положеніи человѣка на котораго не удостоиваютъ обращать вниманіе. Само собою разумѣется что ей нужно будетъ уѣхать въ Лондонъ какъ можно скорѣе, думала она. Нельзя оставаться долѣе въ Іоксамѣ, гдѣ никто не хочетъ говорить съ ней. Минни дремала, двѣ тетки время отъ времени обмѣнивались нѣсколькими словами. Анна думала что эту дорогу она не забудетъ до конца своей жизни. Но наконецъ экипажъ остановился предъ домомъ ректора, и мистеръ Кроссъ помогъ имъ выйти. Графъ между тѣмъ дѣлалъ видъ что занятъ шалями и багажомъ, потомъ исчезъ, и до обѣда никто не видалъ его.

— Довольны ли вы своею поѣздкой? спросилъ ректоръ обращаясь безразлично ко всѣмъ дамамъ.

Съ минуту всѣ молчали. Тетушка Джюлія первая рѣшилась отвѣтить.

— Въ Аббатствѣ хорошо какъ и всегда лѣтомъ. Говорятъ что герцогъ не былъ тамъ въ этомъ году. Въ гостиницѣ намъ было очень удобно, и вчерашній день прошелъ кажется очень весело для молодежи.

Предметъ былъ слишкомъ важенъ чтобы сказать о немъ хоть одно необдуманное слово.

— Фредерикъ доволенъ?

— Вчера онъ былъ повидимому очень доволенъ, отвѣчала мистрисъ Ловель.—Но сегодня, на обратномъ пути, мы были всѣ нѣсколько утомлены.

— Анна ушибла ногу перепрыгивая Стридъ, сказала Минни.

— Надѣюсь что не опасно?

— О, нисколько! Не стоитъ и говорить объ этомъ, отвѣчала Анна.

Это было все что она сказала пока ей не было предложено пойти отдохнуть въ ея комнату. Она повиновалась какъ ребенокъ и ушла на верхъ. Мистрисъ Ловель послѣдовала за ней.

— Другъ мой, такое положеніе не можетъ продолжаться, сказала она.—Что случилось?

— Спросите лорда Ловеля.

— Поссорились вы съ нимъ?

— Я не ссорилась съ нимъ, мистрисъ Ловель. Если онъ считаетъ себя въ ссорѣ со мной, я въ этомъ не виновата.

— Вы знаете чего мы всѣ желали?

— Ваше желаніе никогда не исполнится.

— Вы сказали это Фредерику?

— Сказала.

— И причину сказали?

— Сказала и причину, отвѣчала она послѣ минутнаго колебанія.

— Чтò же это за причина, другъ мой?

Анна подумала прежде чѣмъ отвѣтила.

— Графу я должна была сказать причину, мистрисъ Ловель, но я не считаю себя обязанною говорить ее всѣмъ. Моей матери я конечно должна сказать.

— Она уже знаетъ это?

— Нѣтъ еще.

— И эта такая причина которая останется препятствіемъ навсегда?

— Навсегда. Тѣмъ не менѣе я не понимаю за чтò всѣ сердятся на меня. Другія дѣвушки поступаютъ же какъ имъ угодно. Не лучше ли мнѣ уѣхать въ Лондонъ немедленно если вы всѣ сердиты на меня?

— Я не знаю кто сердитъ на васъ. Мы можемъ быть огорчены, но не сердиты.

Этимъ объясненіе ограничилось, и леди Анна осталась одна. За обѣдомъ лордъ Ловель уже настолько владѣлъ собою что былъ въ состояніи говорить съ своею кузиной, и всѣ кромѣ ректора старались оказывать ей вниманіе. Но этотъ вечеръ тѣмъ не менѣе былъ вовсе не похожъ на всѣ прежніе вечера.

ГЛАВА XVIII.

Слишкомъ важно чтобы быть тайной.

Всю эту ночь графъ продумалъ о своемъ будущемъ поведеніи, о томъ къ чему обязывали его долгъ и честь и о способѣ согласить требованія долга и чести со своими интересами. До сихъ поръ, во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ своей жизни, онъ могъ обратиться за помощью къ какому-

нибудь другу, человѣку который былъ опытнѣе его и могъ дать ему полезный совѣтъ. Онъ всегда относился нѣсколько пренебрежительно къ тетушкѣ Джюліи, но тетушка Джюлія была ему очень полезна. Въ послѣднее время, послѣ смерти стараго графа, когда пришлось уничтожить завѣщаніе выжившаго изъ ума старика, его главнымъ руководителемъ былъ мистеръ Фликъ, хотя во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ мистеромъ Фликомъ онъ дѣлалъ видъ что дѣйствуетъ самостоятельно. Теперь дѣйствительно ему приходилось дѣйствовать самостоятельно, и онъ не зналъ какъ поступить. Въ одномъ только былъ онъ увѣренъ,—въ томъ что ему слѣдовало уѣхать немедленно изъ Іоксама и послѣшить въ Лондонъ.

Онъ обязанъ былъ сохранить тайну леди Анны. Но не достаточно ли свято сохранилъ бы онъ ее еслибы довѣрилъ только одному другу подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ не говорить ее никому? Въ такомъ случаѣ этимъ другомъ былъ бы генералъ-солиситоръ. Между знаменитымъ законовѣдомъ и его молодымъ кліентомъ возникло нѣчто въ родѣ дружбы допускавшей такую откровенность. Графъ начиналъ убѣждаться что ему необходимъ такой руководитель. Богатство покойнаго графа получило вдвое болѣе цѣны въ его глазахъ, стало казаться ему необходимѣе съ тѣхъ поръ какъ онъ потерялъ надежду владѣть имъ. Сэръ-Вильямъ Патерсонъ былъ столько же джентльменъ какъ юристъ, думалъ онъ, это человѣкъ который обязанъ своимъ положеніемъ не только своему уму и трудолюбію, но и своему рожденію, который получилъ воспитаніе въ публичной школѣ и всю жизнь провелъ въ обществѣ джентльменовъ. Сэръ-Вильямъ его адвокатъ и сэръ-Вильяму онъ довѣритъ тайну леди Анны.

Въ то время одинъ изъ дилижансовъ отправлялся изъ Йорка въ полдень и приходилъ въ Лондонъ на слѣдующій день утромъ. Съ этимъ дилижансомъ графъ рѣшился уѣхать и избавиться отъ объясненій съ своими родственниками пока не опредѣлится его дальнѣйшій образъ дѣйствій. Но съ Анной онъ считалъ необходимымъ повидаться до отъѣзда, и рано утромъ, прежде чѣмъ она вышла изъ своей комнаты, послалъ ей записку слѣдующаго содержанія:

„Милая Анна,

„Черезъ часъ или около того я предполагаю уѣхать въ Лондонъ и желалъ бы сказать вамъ нѣсколько словъ до

отъѣзда. Не выйдете ли вы ко мнѣ въ девять часовъ въ гостиную? Не говорите о моемъ отъѣздѣ ни дядѣ, ни теткамъ. Я скажу имъ самъ.

„Вашъ Л.“

За десять минутъ до девяти часовъ леди Анна сошла въ гостиную, а въ десять минутъ десятаго присоединился къ ней графъ.

— Извините что я заставилъ васъ ждать.

Она протянула ему руку и сказала что ей ничего не стоило подождать, что она встаетъ всегда рано.

— Я рѣшился отправиться въ Лондонъ немедленно, продолжалъ онъ. Анна промолчала, хотя онъ повидимому ждалъ какого-нибудь отвѣта.—Вопервыхъ потому что я не могу оставаться здѣсь спокойно послѣ того что̀ вы сообщили мнѣ вчера.

— Мнѣ очень жаль что я выгоняю васъ отсюда. Это вашъ домъ, а такъ какъ мнѣ придется скоро уѣхать, не лучше ли мнѣ уѣхать немедленно?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я поѣду во всякомъ случаѣ. Я не сказалъ никому то что̀ узналъ отъ васъ вчера.

— Очень рада, лордъ Ловель.

— Вы должны сказать сами, если желаете чтобъ они это знали.

— Я сказала вчера мистрисъ Ловель что мы съ вами никогда не можемъ быть... тѣмъ чѣмъ вы желали чтобы мы были.

— Да, я желалъ этого всѣмъ сердцемъ. Такъ вы сказали не все?

— Нѣтъ, не все.

— Вы такъ поразили меня вчера что я не могъ говорить съ вами какъ слѣдуетъ. Я не желалъ быть неучтивымъ.

— Вы не были неучтивы, лордъ Ловель. Я увѣрена что вы не желали быть неучтивымъ со мной.

— Но вы поразили меня. Не то чтобъ я думалъ слишкомъ много о себѣ. Я знаю что могу гордиться очень немногимъ. Я бѣденъ и не такъ уменъ какъ многіе бѣдные люди которые и безъ состоянія могутъ сдѣлаться государственными людьми или вообще чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ. Но я дорожу моимъ общественнымъ положеніемъ и считаю большимъ преимуществомъ для мущины быть джентльменомъ, а для женщины быть леди. Понимаете вы меня?

— О, конечно!

— Если вы леди Анна Ловель...

— Я леди Анна Ловель.

— Я этому вѣрю всѣмъ сердцемъ. Вы держите себя kakъ леди и говорите kakъ леди. Вы способны занять въ свѣтѣ любое положеніе. Все въ вашу пользу. Я вѣрю что вы леди. Но если такъ...

— Если такъ, лордъ Ловель?

— Вы конечно не захотите... унизить свой титулъ. Вотъ что̀ я хотѣлъ сказать. Въ качествѣ родственника и главы фамиліи я имѣю на это право. То что̀ вы сказали мнѣ было бы униженіемъ для васъ.

Она подумала съ минуту прежде чѣмъ отвѣтила.

— Но это не было бы безчестіемъ.

Онъ тоже принужденъ былъ подумать.—Неужели вы думаете что вы чувствовали бы себя въ своей сферѣ въ обществѣ людей съ которыми вамъ пришлось бы жить еслибы вы вышли замужъ за мистера Даніеля Твейта?

— Не знаю kakовы были бы эти люди. Я знаю что мнѣ пришлось бы жить съ нимъ, а онъ мнѣ нравится. Я люблю его. Да, лордъ Ловель. Я знаю все что̀ вы можете возразить мнѣ. Онъ не похожъ на васъ, и я сдѣлавшись его женой не была бы похожа на вашу тетушку Дженъ. Мнѣ даже не пришлось бы никогда видѣться съ такими людьми kakъ вы. Но мы не остались бы въ Англіи, и я не видѣла бы презрѣнія моихъ родственниkовъ. Я знаю что̀ дѣлаю и почему это дѣлаю, и право вамъ грѣшно искушать меня.

Она сознавала по крайней мѣрѣ что была доступна искушенію. Онъ понялъ это и былъ благодаренъ даже за это.

— Я не имѣю намѣренія искушать васъ, сказалъ онъ,—но я былъ бы счастливъ еслибы могъ избавить васъ отъ несчастія. Такой бракъ былъ бы дѣломъ неестественнымъ. Я не знаю мистера Твейта.

— Если такъ, то вы, милордъ, не знаете прекраснѣйшаго человѣка, который послѣ матери мой лучшій другъ.

— Но онъ не джентльменъ.

— Не знаю джентльменъ онъ или нѣтъ, но знаю что я могу быть его женой. Это все что̀ вы хотѣли сказать мнѣ, лордъ Ловель?

— Нѣтъ, не все. Я опасаюсь что нашъ несносный процессъ возобновится по той или другой причинѣ. Не знаю имѣлъ ли

бы я власть остановить его еслибы захотѣлъ. Но я долженъ отчасти слѣдовать указаніямъ другихъ.

— Я тоже не могу дѣйствовать какъ бы мнѣ хотѣлось; еслибъ это зависѣло отъ меня, я не требовала бы даже моей части наслѣдства.

— Да, леди Анна. Мы съ вами не можемъ рѣшить это дѣло. Я долженъ повидаться съ моимъ повѣреннымъ, съ сэръ-Вильямомъ Патерсономъ. Могу я сказать ему то что̀ узналъ отъ васъ?

— Я не могу запретить вамъ.

— Но вы можете дать мнѣ позволеніе. Если онъ обѣщаетъ мнѣ что это не пойдетъ далѣе, могу я сказать ему? Я не буду знать какъ поступить если онъ не узнаетъ всего что̀ знаю я.

— Моя тайна будетъ скоро извѣстна всѣмъ.

— Но отъ меня ее не узнаетъ никто кромѣ сэръ-Вильяма. Позволяете вы мнѣ сказать ему?

— О, конечно!

— Я очень благодаренъ вамъ даже за это позволеніе. Я не въ силахъ передать вамъ какъ горячо я надѣялся вчера утромъ въ Больтонскомъ Аббатствѣ благодарить васъ за то что вы сдѣлаете меня счастливѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи. Вы простите мнѣ если я скажу что все еще не отказался отъ этой надежды. Прощайте, леди Анна.

— Прощайте, лордъ Ловель.

Она ушла немедленно въ свою комнату и послала служанку сказать что не сойдетъ къ молитвѣ и къ завтраку. Она не хотѣла увидѣться съ нимъ еще разъ до его отъѣзда. Очень можетъ быть что она никогда не увидится съ нимъ, думала она. Какъ онъ прекрасенъ, какъ ей пріятно было быть съ нимъ, какъ полно неизъяснимой прелести было все къ чему онъ прикасался, все о чемъ онъ говорилъ! Она едва не сдалась ему, такъ очаровалъ онъ ее. И она не знала было ли это очарованіе отъ Бога или отъ дьявола. Но она знала что боролась съ нимъ, боролась для того чтобы не измѣнить своему слову и не отплатить за добро обманомъ и неблагодарностью. Лордъ Ловель называлъ ее попрежнему леди Анной. Какъ онъ добръ! Онъ сдѣлалъ это для того чтобъ она не сомнѣвалась что онъ признаетъ ее попрежнему леди Анной. Онъ не употреблялъ титула только въ то время

когда это было лишнею церемоніей. Онъ уѣзжаетъ, и она постарается, если возможно, даже не думать о немъ.

— Бракъ повидимому не состоится, Фредерикъ? спросилъ ректоръ когда графъ уже сѣлъ въ кабріолетъ.

— Не знаю, кажется не состоится. Но сдѣлайте одолженіе, дядя, не разспрашивайте объ этомъ теперь. Вы узнаете все очень скоро.

Священникъ остался у подъѣзда своего дома и глядѣлъ вслѣдъ удалявшемуся кабріолету, положивъ руки въ карманы своихъ клерикальныхъ брюкъ и съ ясными признаками неудовольствія на лицѣ. Быть дядей графа конечно очень пріятно, и онъ готовъ былъ помогать племяннику деньгами по мѣрѣ силъ и сдѣлалъ бы все чтò отъ него зависѣло чтобъ избавить его отъ бѣдности. Но нужно было чтобъ это чувствовали. Не для своего же удовольствія принялъ онъ въ домъ свой дѣвушку которую принужденъ былъ называть леди Анной хотя былъ увѣренъ что она не леди Анна, и которую жена его и сестра признали своею родственницей несмотря на его убѣжденіе что она никогда не была и не будетъ ихъ родственницей,—не для своего же удовольствія держалъ онъ ее въ своемъ домѣ какъ почетную гостью. И вотъ племянникъ уѣхалъ, а она осталась, и ему, мистеру Ловелю, не хотятъ даже сказать состоится бракъ или нѣтъ. „Не знаю, кажется что не состоится", и учтивая просьба не разспрашивать болѣе. Чтò же теперь дѣлать? Пока молодой графъ и законникъ будутъ разсуждать о ея правахъ на титулъ и состояніе, дѣвушка, родственница ли она ему, или выскочка старающаяся втереться въ ихъ фамилію, останется на его рукахъ. О, зачѣмъ, зачѣмъ позволилъ онъ уговорить себя поступить противъ своего убѣжденія, зачѣмъ позволилъ онъ пригласить ее въ свой домъ? Титулъ остановился у него поперекъ горла когда онъ въ этотъ день за обѣдомъ предложилъ ей по обыкновенію выпить съ нимъ стаканъ вина.

Графъ Ловель прибылъ въ Лондонъ въ концѣ августа и узналъ что генералъ-солиситора нѣтъ въ городѣ. Сэръ-Вильямъ уѣхалъ въ Сомерсетширъ чтобы сказать нѣсколько утѣшительныхъ словъ своимъ избирателямъ. Мистеръ Фликъ ничего не зналъ о его намѣреніяхъ. Отыскали его клерка, и клеркъ его объявилъ что ожидаетъ его не раньше октября. Лордъ Ловель однако рѣшился написать ему, и сэръ-Вильямъ

обѣщалъ пріѣхать на одинъ день. Сэръ-Вильямъ совершенно понималъ важность дѣла.

— Такъ она помолвлена съ портнымъ? сказалъ онъ безъ всякаго удивленія.

— Но, сэръ-Вильямъ, вы не скажете этого никому, не исключая мистера Флика и мистера Гарди. Я обѣщалъ леди Аннѣ что никто кромѣ васъ не узнаетъ этого отъ меня.

— Но если она не откажется отъ своего намѣренія, оно останется тайной не долго, да ей и не для чего желать чтобъ оно оставалось тайной. Это именно то чего нужно было ожидать.

— Вы не думали бы такъ еслибы знали ее.

— Гм... Я опытнѣе васъ, лордъ Ловель. Она не знала никого другаго. Дѣвушкѣ необходимо привязаться къ кому-нибудь, а кого она видѣла? Ее нельзя осуждать.

— Но это такъ поразило меня.

— Разумѣется, сколько мнѣ извѣстно, Твейты, отецъ и сынъ, были ихъ преданнѣйшими друзьями даже въ такое время когда было мало надежды на успѣхъ. Но имъ можно было бы отплатить за все что̀ они сдѣлали не столь дорогою цѣной. Если она сама не измѣнитъ ему, никто не будетъ въ состояніи осилить его. Онъ добился своей цѣли и сдѣлалъ это благороднымъ образомъ. (Графъ не совсѣмъ понималъ сэръ-Вильяма, который какъ будто даже одобрялъ эту ужасную помолвку.)—Я хочу сказать что никто не можетъ повредить ему, или въ чемъ-нибудь обвинить его. Онъ не увезъ ее и не женился на несовершеннолѣтней, онъ не мѣшалъ ей видаться съ друзьями. Надѣюсь что онъ не нанесъ ей никакого оскорбленія?

— Онъ нанесъ ей страшное оскорбленіе.

— Да, но я говорю не о томъ. Я долженъ смотрѣть на дѣло такъ какъ будетъ смотрѣть на него свѣтъ.

— Подумайте объ унизительности такого брака. Выйти замужъ за портнаго!

— За портнаго, отецъ котораго далъ ея матери пять или шесть тысячъ фунтовъ для того чтобъ она могла возвратить себѣ свое законное положеніе. Этого не нужно забывать.

— Такъ вы думаете что нельзя ничего сдѣлать?

— Я думаю что нужно сдѣлать все что̀ только возможно сдѣлать. Мать будетъ на нашей сторонѣ, старый Твейтъ можетъ-быть тоже, и судя по тому что̀ вы сказали мнѣ, можно предположить что дѣвушка сама на нашей сторонѣ.

Удержите ее въ Іоксамѣ какъ можно долѣе и старайтесь всѣми силами дѣлать ей пріятное. Поѣзжайте туда сами и продолжайте разыгрывать влюбленнаго. Я увѣренъ что вы сумѣете это сдѣлать какъ нельзя лучше.

Было ясно что сэръ-Вильямъ не считаетъ неприличнымъ искать руки дѣвушки которая уже созналась въ привязанности къ ремесленнику.

— Эта новость причинитъ намъ конечно много хлопотъ, продолжалъ сэръ-Вильямъ. — Мы должны теперь измѣнить планъ нашего образа дѣйствій въ ноябрѣ.

— Но вы попрежнему убѣждены что она законная наслѣдница?

— Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Намъ дѣйствительно не на что̀ было бы опереться еслибы мы вздумали опровергать это, и мы навѣрное проиграли бы дѣло. Но еслибы мы и выиграли его, какую пользу принесло бы это намъ? Никакой. Еслибы мы только не доказали что первая жена умерла послѣ втораго брака, мы дѣйствовали бы въ пользу Италіянки, которая безъ сомнѣнія обманщица.

— Слѣдовательно нельзя ничего сдѣлать?

— Въ этомъ отношеніи почти ничего. Но если молодая особа будетъ настаивать на своемъ намѣреніи выйти за портнаго, мнѣ кажется мы должны будемъ прямо отказаться отъ оппозиціи англійскимъ претендентамъ и объявить что мы увѣдомили объ этомъ италіянскую претендентку, и дѣйствительно увѣдомить ее. Судя по тому что̀ я знаю о ней, я увѣренъ что она въ такомъ случаѣ явится въ Англію съ своими притязаніями и конечно найдетъ здѣсь адвокатовъ которые возьмутся за ея дѣло. Процессъ будетъ чрезвычайно сложный и затянется безъ сомнѣнія надолго. А мы между тѣмъ постараемся разслѣдовать точнѣйшимъ образомъ въ чемъ заключается наслѣдство. Судя по тому что̀ мнѣ удалось уже разузнать, часть его можетъ достаться вамъ какъ родовое имѣніе. Сразу иногда трудно опредѣлить что̀ родовое и что̀ личное. До сихъ поръ вы были извѣстны суду за лицо оспаривающее права англійской претендентки на титулъ, тогда вы явитесь претендентомъ на родовое имѣніе. Наслѣдница остальнаго Италіянка если она дѣйствительно вдова графа. Это было одною изъ причинъ побудившихъ меня рекомендовать вамъ женитьбу на леди Аннѣ. Если Италіянкѣ удастся доказать что первая жена графа была жива когда онъ

женился на миссъ Муррей, чему я не вѣрю, то мы явимся опять съ своими доказательствами что теперь ея уже нѣтъ на свѣтѣ, что покойный графъ самъ сознавался неоднократно. Такимъ образомъ пройдетъ много времени прежде чѣмъ портной получитъ деньги своей жены. Онъ не будетъ имѣть на своей сторонѣ сочувствія суда.

— Нельзя ли подкупить портнаго, сэръ-Вильямъ?

Генералъ-солиситоръ подумалъ прежде чѣмъ отвѣтилъ.

— Мистеръ Фликъ могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ лучше меня. Мистеру Флику необходимо сказать все. Это дѣло такъ важно что было бы неблагоразумно секретничать, лордъ Ловель.

ГЛАВА XIX.

Леди Анна возвращается въ Лондонъ.

Не весело жилось леди Аннѣ въ Іоксамѣ послѣ отъѣзда графа. Она не владѣла собою настолько чтобы держать себя какъ будто не случилось ничего непріятнаго. Она чувствовала себя въ немилости, и это было для нея ужасно. Двѣ тетки графа были учтивы съ ней и заботились о ней, но онѣ не обращались съ ней такъ дружески какъ прежде. Одну только блаженную недѣлю, начавшуюся за день или два до пріѣзда графа, она дѣйствительно чувствовала себя въ ихъ семьѣ какъ родная. Мистрисъ Ловель была въ высшей степени ласкова съ ней, Минни была ея милымъ маленькимъ другомъ, тетушка Джюлія уступила настолько что покорилась необходимости ухаживать за ней. Самъ ректоръ не сдался вполнѣ, онъ не чувствовалъ подъ собой почвы настолько твердой чтобы не стараться сохранить средства къ отступленію, но вслѣдствіе этого онъ самъ былъ на заднемъ планѣ, а не гостья. Слуги вѣрили что она леди Анна, и даже мистрисъ Граймзъ была расположена въ ея пользу и говорила что она достойна быть женою молодаго графа Весь Іоксамъ былъ увѣренъ что графъ женится на ледѣ Аннѣ, и весь Іоксамъ былъ этимъ доволенъ. Но теперь все измѣнилось. Графъ уѣхалъ, и весь Іоксамъ узналъ что дѣло не сладилось. Положеніе леди Анны не могло не измѣниться. За спиной ея происходили совѣщанія о которыхъ она знала, хотя не слышала изъ нихъ ни слова. Мистрисъ Ловель ежедневно возила ее кататься, а тетушка Дженъ тѣмъ време-

немъ совѣщалась съ братомъ о семейныхъ затрудненіяхъ. Что̀ дѣлать? Они дали большой обѣдъ въ честь возвращенія графа, и въ числѣ приглашенныхъ гостей не было ни одного который не зналъ бы о задуманномъ бракѣ. Они пріѣхали взглянуть не только на графа, но и на будущую графиню Ловель. Но графа уже не было. Мистрисъ Ловель выразила глубокое сожалѣніе что дѣла крайне важныя отозвали графа въ Лондонъ. Леди Анна была конечно представлена гостямъ, но всякій кто сколько-нибудь зналъ общество понималъ что будущую жену графа представили бы иначе. Они всѣ слышали какъ она прекрасна, какъ радушно приняли ее Ловели, какъ влюбленъ въ нее графъ, и вотъ она сидитъ безмолвная и какъ будто забытая. Исторія процесса съ различными варіаціями была извѣстна имъ всѣмъ. Годъ тому назадъ и даже позже, двухъ комберландскихъ претендентокъ не называли въ этомъ домѣ иначе какъ негодными, вульгарными авантюристками. Потомъ произошла реакція. Леди Анна была признана наслѣдницей, и рѣшено было что графъ женится на ней. Теперь, когда гости съѣхались взглянуть на нее, очевидно произошла новая реакція. Она леди Анна, всѣ Ловели, даже ректоръ называютъ ее такъ. Мистрисъ Ловель представила ее какъ леди Анну, а ректоръ велъ ее къ обѣду, хотя въ числѣ гостей была жена баронета который велъ свой родъ отъ Якова I. Она леди Анна и слѣдовательно наслѣдница. Но бракъ очевидно не состоится, рѣшили гости.

— Итакъ бѣдный лордъ Ловель останется нищимъ, сказала жена баронета мужу лишь только усѣлась въ свою карету.

Какъ быть? раздумывали Ловели. Обѣдъ былъ въ среду, на другой день послѣ отъѣзда графа, а въ четвергъ миссъ Джюлія отправила къ племяннику слѣдующее посланіе:

Іоксамъ, 8го сентября.

„Дорогой Фредерикъ,

„Братъ поручаетъ мнѣ написать вамъ что мы всѣ здѣсь очень смущены насчетъ леди Анны. Она сказала намъ только что задуманный бракъ не состоится. Мы не знаемъ происходитъ ли это отъ нежеланія съ ея стороны, или съ вашей, но она говоритъ что этому никогда не бывать, и что это рѣшено окончательно. Какъ намъ поступить? Мы конечно готовы всею душой, и это нашъ долгъ, сдѣлать все что̀ только можетъ доставить вамъ удовольствіе или пользу. Ничто такъ не важно для насъ въ этомъ мірѣ какъ ваше положеніе въ немъ. Если вы желаете чтобы леди Анна осталась здѣсь, она

конечно останется. Но если дѣйствительно нѣтъ болѣе надежды на бракъ, не будетъ ли ея дальнѣйшее пребываніе здѣсь безполезнымъ безпокойствомъ для всѣхъ насъ и въ особенности для нея самой?

„Мистрисъ Ловель полагаетъ что между вами произошло какое-нибудь легкое недоразумѣніе, размолвка влюбленныхъ, но я полагаю что вы не покинули бы насъ такъ внезапно еслибы не случилось чего-нибудь серіознаго. Мнѣ кажется что изъ уваженія къ дядѣ вамъ слѣдовало бы написать мнѣ, или ему, если хотите, и открыть намъ положеніе дѣлъ.

„Я не могу скрыть отъ васъ что братъ никогда не былъ убѣжденъ, какъ убѣждены вы, что мать леди Анны дѣйствительно графиня Ловель. По вашей просьбѣ и по совѣту генералъ-солиситора, онъ согласился принять ее въ свой домъ, и когда она сдѣлалась его гостьей, онъ принужденъ былъ называть ее титуломъ на который она предъявляетъ притязанія. Онъ велъ ее вчера къ обѣду, отдавъ ей предпочтеніе предъ леди Фисворренъ, что никогда не простится ему если въ концѣ концовъ окажется что первая жена графа была жива когда онъ женился на миссъ Муррей. Само собою разумѣется что пока она здѣсь, мы должны обращаться съ ней какъ съ леди Ловель, но братъ не желаетъ быть вынужденнымъ къ этому если снова стали сомнительны ея права. Въ такомъ случаѣ онъ желалъ бы имѣть свободу возвратиться къ своему прежнему мнѣнію. Итакъ, прошу васъ написать намъ и сказать какъ должны мы поступать. Могу васъ увѣрить что мы теперь въ очень непріятномъ положеніи.

„Остаюсь, милый Фредерикъ, любящая „васъ тетка

„Джюлія Ловель.“

Лордъ Ловель получилъ это письмо раньше свиданія съ сэръ-Вильямомъ, но не отвѣчалъ теткѣ пока не повидался съ нимъ. Тогда онъ написалъ ей слѣдующее:

„Карлтонскій клубъ, 6го сентября 183—.

„Милая тетушка Джюлія,

„Потрудитесь передать дядѣ что я считаю полезнымъ удержать леди Анну въ Іоксамѣ какъ можно долѣе. Я увѣдомлю васъ обо всемъ очень скоро. Поклонитесь отъ меня тетушкѣ Джейнъ.

„Остаюсь любящій васъ племянникъ

„Ловель.“

Это лаконическое посланіе было очень не по душѣ ректору, но нужно было покориться. Послѣ этого Ловели не могли дать дѣвушкѣ никакого намека объ отъѣздѣ. Какой дядя и какая тетка имѣющіе такого благороднаго и вмѣстѣ

съ тѣмъ такого бѣднаго племянника какъ лордъ Ловель рѣшились бы выпроводить изъ своего дома наслѣдницу двадцати-тысячнаго годоваго дохода пока была малѣйшая надежда что онъ можетъ жениться на ней? Ловели ни на минуту не задумались бы какъ имъ поступить еслибъ были увѣрены что леди Анна дѣйствительно наслѣдница, но такъ какъ они не были въ этомъ увѣрены, то графу не мѣшало бы быть сообщительнѣе.

— Я не могу не чувствовать иногда что Фредерикъ трактуетъ меня свысока, сказалъ ректоръ сестрѣ. Но онъ покорился. Все семейство считало своею обязанностью поддерживать главу фамиліи. Имъ жизнь была бы не мила еслибъ они не могли говорить съ гордостью и удовольствіемъ о своемъ племянникѣ Фредерикѣ.

Между тѣмъ Анна не разъ заговаривала съ мистрисъ Ловель о своемъ отъѣздѣ.—Я здѣсь давно, сказала она однажды,—и я увѣрена что мое присутствіе стѣсняетъ мистера Ловеля.

— Нисколько, другъ мой. Если вы у насъ счастливы, пожалуста останьтесь.

Это было еще до полученія краткой записки графа, когда они еще не знали удерживать ли имъ гостью, или нѣтъ.

— Что касается счастія, мнѣ кажется что никто не можетъ быть счастливъ пока все это не рѣшится. Я напишу мама, и скажу ей что хочу возвратиться къ ней немедленно. Мама одна.

— Я не беру на себя давать вамъ совѣты, но что касается всѣхъ насъ, мы были бы очень рады еслибы вы остались.

Въ душѣ они всѣ желали чтобъ она уѣхала, но такъ какъ такое желаніе не высказывается прямо безъ явной ссоры, то даже самъ ректоръ не рѣшался на это безъ приказа графа.

Но леди Анна написала матери. На ея послѣднее письмо, на то въ которомъ она высказалась противъ браковъ заключаемыхъ по денежнымъ разчетамъ, графиня отвѣчала очень строго. Ея тревожная жизнь сдѣлала ее жесткою и непреклонною, и она не пощадила дочь. Она упрекала ее въ неблагодарности и непокорности, въ равнодушіи къ своей фамиліи и къ своему долгу и въ готовности пожертвовать счастіемъ всей своей родни для какой-нибудь романической фантазіи. Графиня ручалась ей что она будетъ каяться до

конца жизни если не воспользуется теперь счастливымъ случаемъ поправить зло сдѣланное ея отцомъ. „Отъ тебя требуютъ только того что̀ всякая англійская дѣвушка сдѣлала бы съ величайшимъ удовольствіемъ.“

— Она не знаетъ, сказала себѣ дочь.

Но теперь ею овладѣли опасенія которыя были мучительнѣе ея страха предъ матерью. Лордъ Ловель зналъ ея тайну и намѣревался сообщить ее генералъ-солиситору. Анна спрашивала себя не лучше ли было бы сообщить ее прямо всей палатѣ, не лучше ли было бы выйти за Даніеля Твейта немедленно и покончить со всѣми непріятностями? Молодой графъ почувствовалъ презрѣніе къ ней узнавъ о ея помолвкѣ. Его тетки не стали бы можетъ-быть говорить съ ней еслибы также узнали объ этомъ. Леди предъ которой ей отдано было предпочтеніе на обѣдѣ не согласилась бы быть въ одной комнатѣ съ ней. Они узнаютъ ея тайну, узнаютъ всѐ. Но она не останется у Ловелей. Она сознается во всемъ матери и попроситъ позволенія возвратиться домой немедленно. И она написала слѣдующее письмо, но, какъ увидитъ читатель, не рѣшилась даже упомянуть въ немъ о Даніелѣ Твейтѣ.

„Іоксамъ, понедѣльникъ.

„Милая мама.

„Я хочу попросить васъ позволить мнѣ возвратиться домой, такъ какъ я была здѣсь уже достаточно долго. Лордъ Ловель уѣхалъ, и несмотря на то что вы такъ сердитесь на меня, я должна сказать вамъ что мы уже болѣе не друзья. Милая, безцѣнная мама, я такъ несчастна думая что вы будете недовольны мной. Я охотно умерла бы хоть завтра еслибъ это могло сдѣлать васъ счастливою. Но теперь все кончено, и еслибъ я дала согласіе онъ не принялъ бы его. Онъ уѣхалъ въ Лондонъ, и самъ подтвердитъ вамъ мои слова если вы спросите его. Онъ уѣхалъ потому что презираетъ меня. О себѣ я не думаю, я все это знала напередъ, но я очень несчастна зная что вы будите огорчены.

„Мнѣ кажется что мое дальнѣйшее пребываніе здѣсь не будетъ пріятно Ловелямъ. Они были очень добры со мной пока этого не случилось и теперь не позволяютъ себѣ ничего неучтиваго, но очень измѣнились, и мнѣ не слѣдуетъ оставаться у нихъ. Вы однѣ, и я надѣюсь что вамъ пріятнѣе будетъ имѣть опять при себѣ вашу бѣдную дочь, несмотря на то что вы такъ сердитесь на нее. Позвольте мнѣ возвратиться домой. Я могу уѣхать отсюда въ пятницу, и вѣроятно уѣду если только вы не напишите мнѣ чтобъ я осталась. Дилижансъ отправляется изъ Йорка въ полдень, и если я

выѣду въ пятницу, то буду въ Лондонѣ въ субботу въ одиннадцать часовъ утра. Но мѣста въ дилижансѣ должны быть заняты въ четвергъ. Денегъ у меня слишкомъ достаточно, такъ какъ я здѣсь ничего не тратила. Сара конечно прідетъ со мной. Она не такъ предупредительна какъ прежде съ тѣхъ поръ какъ лордъ Ловель уѣхалъ.

„Остаюсь, милая мама,
„горячо любящая васъ дочь ваша
„Анна.“

Она неумышленно лишила мать возможности помѣшать ее отъѣзду. Мѣста въ дилижансѣ были взяты въ четвергъ утромъ, а письмо матери она получила въ четвергъ вечеромъ. Съ тою же почтой пришло письмо отъ графа въ которомъ онъ выражалъ желаніе чтобы леди Анну удержали въ Іоксамѣ.—Я не понимаю для чего вамъ ѣхать, сказала тетушка Джюлія, понявшая что графу посовѣтовали въ Лондонѣ продолжать сватовство. Леди Анна возразила что мѣста уже взяты.—Я увѣрена что братъ могъ бы устроить это, сказала миссъ Джюлія. Но графиня была уже предупреждена объ ея возвращеніи, и леди Анна рѣшилась ѣхать. Графиня не настаивала на возвращеніи, но если мѣста уже взяты, дочь конечно должна уѣхать, писала она. Не такъ важно то что деньги пропадутъ, какъ то что Ловели могутъ подумать что она очень дорожитъ пребываніемъ у нихъ.—Развѣ мама зоветъ васъ домой? спросила тетушка Джюлія. Леди Анна не могла отвѣтить утвердительно, и только повторила что мѣста уже взяты.

Утромъ въ день ея отъѣзда, когда уже приказано было заложить для нея карету, возникъ вопросъ кто поѣдетъ проводить ее. Ректору, который имѣлъ почетное мѣсто въ соборѣ, необходимо было быть въ этотъ день у декана въ числѣ другихъ настоятелей и всего удобнѣе ему было ѣхать въ каретѣ.

— Я лучше поѣду одинъ въ кабріолетѣ, сказалъ онъ.

— О, нѣтъ, милый Чарлзъ, это было бы безразсудно, возразила сестра.—Она не сдѣлаетъ тебѣ никакого вреда.

— Не знаю. Она сдѣлала мнѣ уже не мало вреда. Я не знаю даже какъ теперь говорить съ ней.

— Можешь быть увѣренъ что Фредерикъ не отказался отъ намѣренія жениться на ней.

— Для Фредерика было бы лучше еслибъ онъ не зналъ ея,

да и для меня это было бы конечно лучше, возразилъ ректоръ.

Но онъ согласился наконецъ ѣхать съ леди Анной и самъ посадилъ ее въ карету. Мистрисъ Ловель сопровождала ихъ, но миссъ Джюлія простилась съ гостьей въ гостиной. Она постаралась остаться наединѣ съ дѣвушкой и сказала ей:

— Что касается васъ лично, милая моя, я очень полюбила васъ.

— О, благодарю васъ, миссъ Ловель.

— Я всей душой желала чтобы вы стали женой нашего Фредерика.

— Этого никогда не будетъ, миссъ Ловель.

— Я не откажусь отъ надежды. Не знаю что̀ произошло между вами и Фредерикомъ, но я не откажусь отъ надежды. И если это случится, я надѣюсь что мы съ вами будемъ лучшими друзьями до конца моей жизни. Поцѣлуйте меня, моя милая.

Леди Анна кинулась ей на шею съ полными слезъ глазами.

Мистрисъ Ловель также поцѣловала ее и призвала на нее благословеніе Божіе, прощаясь съ ней у двери дилижанса, но ректоръ не былъ такъ экспансивенъ.

— Желаю вамъ добраго пути, сказалъ онъ снимая свою клерикальную шляпу.

— Что̀ бы ни случилось, сказала мистрисъ Ловель мужу,— я ручаюсь тебѣ что она славная дѣвушка.

— Боюсь что она хитра, сказалъ ректоръ.

— Въ ней столько же хитрости какъ во мнѣ, возразила мистрисъ Ловель, которую никакъ нельзя было назвать хитрою

ГЛАВА XX.

Пріемъ леди Анны.

Графиня пріѣхала встрѣтить дочь въ Сарацинову Голову, гдѣ останавливались дилижансы изъ Йорка, и приняла ее почти молча.

— О, мама, милая мама, сказала леди Анна,—я такъ рада что вернулась къ вамъ.

Сара горничная, ненужная, льстивая, проницательная, присутствовала при свиданіи. Графиня не сказала почти ничего. Она позволила поцѣловать себя и спросила о багажѣ. Въ это время она уже знала о любви дочери и Даніеля Твейта.

Генералъ-солиситоръ не исполнилъ просьбы своего клiента хранить тайну леди Анны. Въ важныхъ дѣлахъ онъ считалъ своимъ долгомъ заботиться болѣе объ интересахъ своихъ клiентовъ чѣмъ объ исполненiи ихъ желанiй. Помолвку леди Анны съ сыномъ портнаго необходимо было разстроить во что̀ бы то ни стало, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Съ его точки зрѣнiя онъ обязанъ былъ постараться объ этомъ не только какъ юриспрудентъ Ловеля, но и какъ человѣкъ имѣющiй возможность предупредить большое зло. Женитьба Данiеля Твейта, портнаго, на леди Аннѣ Ловель, невѣстѣ съ такимъ колоссальнымъ состоянiемъ, была бы ущербомъ для соцiальнаго мiра его страны и однимъ изъ тѣхъ золъ которыя можно предупредить своевременно принятыми предосторожностями. Портной безъ сомнѣнiя ищетъ денегъ, думалъ генералъ-солиситоръ. Онъ имѣетъ право на значительное вознагражденiе за все что̀ претерпѣлъ и чѣмъ пожертвовалъ для графини. Сэръ-Вильяму неприлично было торговаться съ портнымъ, онъ не долженъ былъ даже обнаруживать свое участiе въ этомъ дѣлѣ. Онъ послалъ за мистеромъ Фликомъ и сказалъ ему все что̀ зналъ. „Дала слово сыну портнаго!“ воскликнулъ мистеръ Фликъ всплеснувъ руками. Сэръ-Вильямъ принялъ сторону леди Анны. Что̀ бы ни говорили, но въ ея поступкѣ нѣтъ ничего страннаго. Она сдѣлала это когда была еще очень молода, когда не знала ни одного молодаго человѣка кромѣ Данiеля Твейта, которому она была очень обязана, когда не имѣла возможности сравнить молодаго портнаго съ молодымъ графомъ. Она сдѣлала это изъ благодарности и теперь считаетъ безчестнымъ измѣнить своему слову. И портнаго сэръ-Вильямъ не судилъ строго. Онъ имѣлъ особое призванiе защищать бѣдныхъ, слабыхъ, заблуждающихся, невѣжественныхъ смертныхъ, и теперь нашелъ извиняющiя обстоятельства въ поведенiи портнаго. Данiель Твейтъ могъ бы поступить несравненно хуже, сказалъ онъ. Въ поведенiи его видна благородная самоувѣренность. Лордъ Ловель полагаетъ что леди Анна не получала отъ него писемъ когда была въ Iоксамѣ. Онъ могъ бы жениться на ней тайно, и не сдѣлалъ этого. Были и другiя причины почему сэръ-Вильямъ не считалъ его негодяемъ. Тѣмъ не менѣе надо помѣшать портному завладѣть такою добычей. Она слишкомъ велика для него. Какъ поступить? Сэръ-Вильямъ снизошелъ до того что посовѣтовался съ мистеромъ Фликомъ.

— Мы ждемъ указаній отъ васъ, господинъ солиситоръ, отвѣчалъ мистеръ Фликъ.

— Одно, мнѣ кажется, ясно, мистеръ Фликъ.—Вы или мистеръ Гоффъ должны повидаться съ графиней. Она очевидно ничего не знаетъ. Она живетъ теперь въ одномъ домѣ съ нимъ. Ей необходимо переѣхать въ другое мѣсто. Молодыхъ людей надо разлучить и въ крайнемъ случаѣ увезти дѣвушку за границу.

— Я увѣренъ что она будетъ затрудняться недостаткомъ денегъ, сэръ-Вильямъ.

— Этого не должно быть. Я беру на себя сказать что этого не должно быть. Это такое дѣло что судъ охотно выдастъ денегъ изъ доходовъ съ капитала. Состояніе такъ велико что нѣтъ надобности скупиться въ полезныхъ расходахъ. Принимая во вниманіе шансы на успѣхъ этихъ двухъ женщинъ, надо дать имъ возможность жить прилично въ ожиданіи рѣшенія дѣла. Леди Анна безъ сомнѣнія наслѣдница.

— Вы не сомнѣваетесь въ этомъ, сэръ-Вильямъ?

— Нисколько, хотя, какъ я уже говорилъ, это такое дѣло что можно чувствовать увѣренность не будучи увѣреннымъ. Будь Италіянка дѣйствительно вдовой графа, нашлись бы люди которые предъявили бы ея права настойчивѣе.

— Но если другая Италіянка, которая умерла, была женой графа?

— Вы узнали бы это когда были тамъ. Кто-нибудь изъ тѣхъ кому это извѣстно предложилъ бы намъ свое свидѣтельство, зная какъ дорого мы заплатили бы за это. Вспомните что этотъ вопросъ, въ другой формѣ, былъ уже однажды рѣшенъ. Графъ былъ обвиненъ въ двоеженствѣ и оправданъ. Мы принуждены считать эту дѣвушку леди Анной Ловель и наслѣдницей всего личнаго состоянія графа, кромѣ части слѣдующей ея матери. Мы не можемъ принять безопасно другую точку зрѣнія. Если дочь выйдетъ за портнаго, имъ придется еще преодолѣть не мало серіозныхъ затрудненій, но въ концѣ концовъ состояніе достанется имъ. Не повидаетесь ли вы съ Даніелемъ Твейтомъ, мистеръ Фликъ? Вы сумѣете выпытать его намѣренія никого не компрометтируя. Но сначала доведите эту новость до свѣдѣнія графини. Послѣ всего случившагося, вы повидаетесь съ мистеромъ Гоффомъ безъ всякихъ затрудненій.

Мистеръ Фликъ дѣйствительно повидался съ мистеромъ Гоффомъ безъ всякихъ затрудненій, не зная что этого нельзя будетъ сказать о свиданіи съ мистеромъ Твейтомъ. Онъ сообщилъ мистеру Гоффу о дерзкомъ покушеніи портнаго, не стараясь конечно оправдать его, какъ это дѣлалъ генералъ-солиситоръ.

— Я ожидалъ какой-нибудь непріятности отъ этого человѣка, сказалъ мистеръ Гоффъ, никогда не любившій Твейтовъ. Затѣмъ мистеръ Фликъ посовѣтовалъ мистеру Гоффу сообщить это графинѣ, и мистеръ Гоффъ согласился съ своимъ оппонентомъ. Два или три дня спустя, въ тотъ день когда графиня написала дочери послѣднее письмо, леди Ловель узнала что леди Анна дала слово выйти замужъ за Даніеля Твейта.

Она подозрѣвала это; сердце ея въ послѣдній мѣсяцъ болѣло предчувствіемъ этого страшнаго бѣдствія; она строила планы съ цѣлью разлучить молодыхъ людей, она задавала дочери вопросы основанные на этомъ подозрѣніи, тѣмъ не менѣе она не могла повѣрить сразу. Какъ узналъ это мистеръ Гоффъ? Мистеръ Гоффъ узналъ отъ мистера Флика, а мистеръ Фликъ отъ генералъ-солиситора, а генералъ-солиситору сообщилъ это графъ Ловель.

— А кто сказалъ графу Ловелю? спросила графиня вспыхнувъ отъ негодованія.

— Вѣроятно сама леди Анна, отвѣчалъ мистеръ Гоффъ. Но несмотря на свое негодованіе, графиня не хотѣла этому вѣрить. Мистеръ Гоффъ былъ вполнѣ увѣренъ.

— Нѣтъ никакого основанія надѣяться что это вздоръ, сказалъ онъ.

Графиня все еще притворялась не вѣрящею, но обѣщала принять всѣ нужныя предосторожности. Если мистеръ Гоффъ считаетъ это полезнымъ, она переѣдетъ на другую квартиру, она подумаетъ о поѣздкѣ за границу, она будетъ на сторожѣ, говорила она, но она не можетъ допустить чтобы леди Анна Ловель, ея дочь и дочь графа Ловеля, способна была унизить себя такою любовью.

Но она знала что это правда, она поняла въ чемъ дѣло съ первыхъ же словъ мистера Гоффа. Какъ могла она быть такою слѣпою чтобы не замѣтить этой любви? Какъ глупо было не понять смысла увѣреній дѣвушки что бракъ съ графомъ для нея невозможенъ! Дочь не только солгала ей, но

была такъ хитра что обманывала ее долгое время. Отношенія ея съ Твейтомъ начались вѣроятно годъ тому назадъ, а она, мать, ничего не видѣла ослѣпленная неопытною дѣвушкой! Затѣмъ она представила себѣ всю глубину уготованнаго ей униженія. Для того ли боролась она безпрерывно двадцать лѣтъ чтобы все погибло вслѣдствіе такой унизительной любви когда успѣхъ былъ уже достигнутъ, когда права ея дочери на титулъ и состояніе были наконецъ признаны всѣмъ свѣтомъ и она готовилась увидать ее увѣнчанною неоспоримою графскою короной? Не лучше ли было бы умереть въ бѣдности и неизвѣстности чѣмъ вынести такое униженіе? Боже! Неужели она заставила признать себя графиней, а дочь свою наслѣдницей графа только для того чтобы леди Анна Ловель сдѣлалась женой Даніеля Твейта, портнаго?

Она приняла много рѣшеній, но главнымъ было то что дочь не увидитъ отъ нея улыбки пока не откажется отъ своего намѣренія. Она любила Анну какъ можетъ любить только мать. Признаніе ея собственнаго общественнаго положенія, ея титула и имени было только случайнымъ слѣдствіемъ торжества Анны. Ея единственною цѣлью было чтобы дочь которую она родила лорду Ловелю, и которую отецъ отвергъ какъ незаконнорожденную была благодаря ей признана леди Анной Ловель и наслѣдницей состоянія и сдѣлалась богатѣйшею, прекраснѣйшею и благороднѣйшею изъ дочерей Англіи. Затѣмъ явилась надежда что наслѣдница Ловелей можетъ сдѣлаться графиней Ловель, и мать была внѣ себя отъ гордости. Но она думала только о дочери. Развѣ она не любила ее какъ мать и со всею материнскою нѣжностью. И для чего?

Она будетъ любить ее попрежнему, но дочь не увидитъ отъ нея ни одной ласки пока не откажется отъ своего низкаго, чудовищнаго намѣренія. Графиня рѣшилась подавить всѣ свои чувства и дѣйствовать съ непоколебимою твердостью. Дочь обманула ее, и графиня будетъ впредъ безпощадна. Дочь будетъ страдать, но развѣ она не заставила страдать свою мать? Придется можетъ-быть бороться, но развѣ вся жизнь графини не была борьбой? Если на то пошло, она рѣшится на такое дѣло которое привлечетъ симпатію общества даже къ низкому увлеченію ея дочери, но не дастъ портному пожать плоды своихъ долгихъ трудовъ, начавшихся съ тѣхъ самыхъ поръ какъ она сдѣлалась женой мрачнаго, страшнаго графа, не допуститъ дочь обезчестить благород[...] котораго она добилась послѣ такой долгой борьбы.

Въ такомъ настроеніи духа она пріѣхала встрѣтить дочь въ Сарацинову Голову.

Она уже переѣхала на новую квартиру въ Кеппель-Стритъ, близъ Россель-Сквера, далеко отъ Виндгамъ-Стрита. Она просила мистера Гоффа рекомендовать ей квартиру, и онъ послалъ ее къ одной старушкѣ у которой квартировалъ самъ пока не женился. Кеппель-Стритъ не можетъ быть названъ фашонабельнымъ мѣстомъ, и Россель-Скверъ не часто посѣщается высшимъ обществомъ. Тѣмъ не менѣе новая квартира графини была лучше прежней во всѣхъ отношеніяхъ. Ея финансовое положеніе улучшалось, и мистеръ Гоффъ не затруднился занять для нея квартиру состоявшую изъ двухъ большихъ пріемныхъ комнатъ, спальныхъ комнатъ на верху, комнаты подъ крышей для служанки и со всѣми хозяйственными удобствами. „И отъ мистрисъ Бльюстонъ недалеко“, сказалъ мистеръ Гоффъ, знавшій объ ихъ знакомствѣ.

Переѣздъ въ каретѣ съ постоялаго двора въ Кеппель-Стритъ былъ ужасенъ для леди Анны. Графиня молчала потому что горничная сидѣла съ ними. Бѣдная дѣвушка пыталась раза два взять руку матери, надѣясь вызвать какую-нибудь ласку, но графиня не допускала этого и наконецъ грубо вырвала руку.

— О, мама! воскликнула леди Анна не будучи въ состояніи скрыть свое горе. Но графиня не сказала ни слова. Сара, служанка, начала подозрѣвать истину.

— Развѣ это Виндгамъ-Стритъ? спросила леди Анна когда экипажъ остановился.

— Нѣтъ, другъ мой, это не Виндгамъ-Стритъ. Я переѣхала на другую квартиру. Мы живемъ теперь здѣсь. Если ты выйдешь, я послѣдую за тобой, а Сара позаботится о багажѣ.

Дочь вошла въ домъ и встрѣтила кланявшуюся ей хозяйку. Она тотчасъ же догадалась что новая квартира была взята для того чтобы разлучить ее съ Даніелемъ, и что мать знаетъ ея тайну.

— Вотъ твоя комната, сказала графиня.—Совѣтую тебѣ раздѣться. Устала ты?

— Очень устала. И леди Анна залилась слезами.

— Чего ты хочешь?

— О, ничего! Я предпочитаю лечь въ постель, мама. Почему вы такъ жестоки со мной? Скажите мнѣ. Я могу вынести все кромѣ этого.

— А ты, Анна, развѣ не была жестока со мной?

— Никогда, мама, никогда! Я люблю васъ болѣе всего на свѣтѣ. Но вы... о, мама, я умру если вы будете смотрѣть на меня такъ.

— Правда ли что ты обѣщала быть женой Даніеля Твейта?

— Мама!

— Правда ли это? Я буду откровенна съ тобой. Мистеръ Гоффъ сказалъ мнѣ что ты отказала лорду Ловелю объявивъ ему что уже дала слово Даніелю Твейту. Правда ли это?

— Да, мама, это правда.

— Ты дала слово Даніелю Твейту?

— Дала слово, мама.

— Однако ты сказала мнѣ что не любишь никого когда я говорила съ тобой о лордѣ Ловелѣ. Ты солгала мнѣ?

Дѣвушка сидѣла смущенная, удивленная, неспособная отвѣтить. Она пріѣхала изъ Йорка въ Лондонъ въ одной изъ тѣхъ ужасныхъ колымагъ которыми мы нѣкогда гордились, называя ихъ нашими почтовыми дилижансами, и была сильно утомлена. Она не завтракала въ этотъ день и чувствовала себя нездоровою, не только духомъ, но и тѣломъ. Мать понимала ея положеніе, но теперь было не время для нѣжнаго участія. Пусть лучше умретъ чѣмъ останется при своемъ страшномъ намѣреніи.

— Такъ ты солгала мнѣ? повторила графиня все еще стоя надъ ней.

— О, мама, вы хотите убить меня.

— Я предпочла бы умереть здѣсь, у твоихъ ногъ, въ эту минуту, и зная что ты послѣдуешь за мною черезъ часъ, чѣмъ увидать тебя женою такого человѣка. Ты никогда не выйдешь за него. Хотя бы мнѣ пришлось для этого явиться самой въ судъ и поклясться что я была любовницей графа, что я знала что буду только его любовницей когда шла къ нему, что ты незаконнорожденная, что я всю жизнь обманывала, я все это сдѣлаю чтобы предупредить это несравненно большее униженіе. Этого никогда не будетъ. Я увезу тебя въ такое мѣсто гдѣ онъ не найдетъ тебя. Что же касается денегъ, я пущу ихъ на вѣтеръ для того чтобъ онѣ никогда не достались ему. Неужели ты думаешь что онъ любитъ тебя? Онъ знаетъ о богатствѣ которое должно достаться тебѣ, и ты для него только крючокъ которымъ онъ зацѣпитъ его.

— Вы не знаете его, мама.

— Ты хочешь учить меня, дерзкая дѣвчонка! Я знала его когда тебя еще не было на свѣтѣ, знала его, всю его жизнь. Даешь ты мнѣ слово что никогда не увидишь его опять?—Леди Анна попробовала подумать, но умъ ея отказался работать. Всѣ предметы кружились предъ ея глазами, она чувствовала дурноту и бросилась на постель.—Отвѣчай мнѣ, Анна. Даешь ли ты мнѣ честное слово что никогда не увидишься съ нимъ опять?

Она все еще способна была сказать да и знала что однимъ этимъ словомъ могла бы прекратить агонію этой минуты. Стоило только сказать да, и мать сдѣлалась бы попрежнему добра съ ней, стала бы ухаживать за ней, принесла бы ей чаю, сѣла бы у ея постели и стала бы ласкать ее. Но Анна была также изъ рода Ловелей и притомъ дочерью женщины которая нѣкогда называлась Джозефиной Муррей.

— Я не могу сказать этого, мама, потому что дала ему слово, отвѣчала она.

Мать бросилась вонъ изъ комнаты, и Анна осталась одна на постели.

(До слѣд. №.)

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ *

ОЧЕРКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

3. Революція и французское общество.

I.

Говоря о войнѣ, мы вездѣ встрѣчались съ революціей. Она была причиною рѣшимости Французской имперіи на борьбу съ Германіей, сдѣлала Францію безсильною къ оборонѣ и довела ее до крайняго политическаго уничиженія предъ непріятелемъ. Вслѣдъ за заключеніемъ мира работа революціи дѣлается явною. Возстаніе Парижской коммуны опозорило Францію болѣе чѣмъ самая война.

Двадцать два года тому назадъ Гизо писалъ: „Что за странное положеніе Франціи! Она не хочетъ болѣе революцій, она желаетъ для себя только устойчивости (stabilité); а между тѣмъ четыре или пять вопросовъ, изъ которыхъ каждый влечетъ за собою революцію, не перестаютъ занимать собою всѣ умы и всѣ языки: можетъ ли быть основана республика, можетъ ли быть возстановлена монархія, какая монархія, имперія или Бурбоны, какая вѣтвь Бурбонской династіи, старшая или младшая, или обѣ вмѣстѣ? Если Франція желаетъ только устойчивости въ своемъ правленіи, то зачѣмъ же она безпрерывно возбуждаетъ всѣ эти вопросы? Почему она не упразд-

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1872 года № 9 и 1873 года №№ 2, 4 и 5.

нитъ ихъ и не остановится на томъ чтò у нея есть? Если же она не вѣритъ въ устойчивость существующаго порядка, отчего не выберетъ она хоть одно какое-нибудь рѣшеніе всѣхъ этихъ тревожныхъ вопросовъ? Развѣ уже всѣ они таковы что не могутъ быть ни рѣшены, ни устранены? Хуже такого положенія не могло бы ничего быть, ибо при немъ мы были бы навсегда осуждены на неподвижность въ тревогѣ, были бы лишены всякой вѣры въ настоящее и всякой будущности! Я не хочу думать, я дѣйствительно не думаю чтобы таково было положеніе моего отечества." *

Эти строки написаны были почти четверть вѣка тому назадъ, въ эпоху совершенно подобную нынѣшней во Франціи, и каждое въ нихъ слово примѣнимо къ ней какъ нельзя лучше въ настоящую минуту, когда предъ нею снова поднялись тѣ же самые вопросы о республикѣ и монархіи, отъ которыхъ она, по мнѣнію ея историка, не можетъ никакъ избавиться, съ 1789 года, вопросы порожденные революціей и неминуемо ведущіе къ новымъ революціямъ.

Въ ту же самую знаменательную эпоху Франціи, послѣ государственнаго удара 2го декабря 1851 года, когда Гизо писалъ приведенныя строки, главный двигатель идей французской революціи въ XIX столѣтіи, Прудонъ, обращался къ своимъ соотечественникамъ съ такимъ мрачнымъ пророчествомъ: „Анархія или цезаризмъ, говорю я вамъ, вы никогда изъ этого не выйдете. Вы не хотѣли республики честной, умѣренной, охранительной, прогрессивной, парламентской и свободной; вотъ вы теперь и попались въ западню между императоромъ и соціализмомъ! Думайте теперь чтò вамъ больше нравится: потому что Людовикъ Наполеонъ, если онъ падетъ, то падетъ не иначе какъ его дядя, черезъ революцію и ради революціи; чтò бы ни случилось, *пролетарій* все-таки позже васъ устанетъ (то-есть бунтовать). Но для него ли подымется опять революція, а до нея не будетъ ли онъ другомъ цезаря!..... О, отечество, отечество Французовъ, отечество пѣвцовъ вѣчной революціи!... О, отечество, которое я люблю со всею непрерывно возрастающею любовью возмужалаго сына къ своей матери, зрѣющихъ дѣтей къ своему отцу, долго ли еще буду видѣть я тебя страждущимъ не для себя одного, но для всего міра,

* Guizot. *Monk.* 1851. Préface, pp. 5 и 6.

который платитъ тебѣ за твои страданія завистью и поношеніями; долго ли еще будешь ты страдать, невинное, только потому что *ты само себя не знаешь?* Мнѣ всегда кажется что ты уже достигло твоего послѣдняго испытанія!“ * Этими словами заканчиваетъ Прудонъ свою книгу, поднесенную имъ, въ 1852 году, президенту Французской республики и возбудившую, несмотря на то, преслѣдованіе французской полиціи. Въ своемъ посланіи къ президенту, Прудонъ доказываетъ что Лудовикъ-Наполеонъ есть не что̀ иное какъ продуктъ революціи, не болѣе какъ ея уполномоченный (le mandataire de la révolution), что безъ нея онъ не можетъ имѣть никакого успѣха, и что все его призваніе состоитъ въ томъ чтобы свершить ея судьбы. „Вы сами революція XIX вѣка, потому что вы не можете быть ничѣмъ инымъ“, ** говоритъ онъ ему.

Итакъ два замѣчательные политическіе мыслителя Франціи, съ двухъ противоположныхъ полюсовъ ея политической жизни, одинъ съ революціоннымъ паѳосомъ, который исказилъ всѣ его необычайныя умственныя дарованія, другой съ холоднымъ доктринерствомъ закалившимся въ борьбѣ съ революціонными страстями, и Прудонъ и Гизо, оба видятъ въ революціи первоначальную причину всѣхъ бѣдствій Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи, оба желаютъ чтобъ историческій ходъ ея закончился, хотя каждый изъ нихъ понимаетъ по-своему этотъ желанный послѣдній періодъ революціи, и оба признаютъ безъ этого положеніе своего отечества отчаяннымъ. Оба возмущаются неисправимыми пороками своего народа, хотя каждый по-своему; оба жаждутъ исцѣленія отъ нихъ, какъ отъ недуга, и оба въ своемъ патріотизмѣ вѣруютъ что оно настанетъ.

Въ теченіи восьмидесяти трехъ лѣтъ вся внутренняя и внѣшняя исторія Франціи есть не что̀ иное какъ исторія революціи переходящей изъ одной фазы въ другую; до нынѣшняго дня каждое сколько-нибудь крупное событіе въ государственной жизни этой страны, истекая съ неотразимою логикою изъ всѣхъ предыдущихъ событій, можетъ быть возведено къ первому революціонному акту, къ знаменитому за-

* P. J. Proudhon. *La révolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 décembre.* Paris, 1852, pp. 277—281.

** Тамъ же pp. IX—XI.

сѣданію генеральныхъ штатовъ (собственно третьяго сословія) 23го іюня 1789 года, къ столь извѣстнымъ словамъ Мирабо (въ отвѣтъ на королевское посланіе): „Подите сказать вашему господину что мы здѣсь по велѣнію народа, и можемъ быть выгнаны отсюда только развѣ штыками“. * Съ этой минуты до настоящей не прерывается рядъ кровавыхъ столкновеній Французскаго народа съ государственною властію во всѣхъ ея образахъ и подобіяхъ, монархическихъ и республиканскихъ, рядъ гражданскихъ междуусобій, расколовшихъ націю на нѣсколько партій и классовъ, смертельно озлобленныхъ другъ противъ друга и ежедневно готовыхъ снова между собою сразиться. Одно правленіе насильственно смѣняется другимъ; ни одно съ 1789 года не признается *законнымъ* всѣми партіями, каждое живетъ и дѣйствуетъ только подъ страхомъ уличной смуты или ради ея. И всѣ эти нескончаемые споры, брани и перевороты, изъ коихъ соткана внутренняя исторія Франціи въ этомъ столѣтіи, всѣ эти безчисленныя кровавыя жертвы ничего не рѣшили, ни къ чему не привели и ничего не подвинули въ ея государственномъ устройствѣ и управленіи. Въ своихъ существенныхъ чертахъ, устройство и управленіе Франціи остались тѣ же каковы они были въ 1789 году, даже каковы были далеко назадъ до этой эпохи. Съ изумительною правильностію, напоминающею правильность явленій природы, повторяются чрезъ извѣстные періоды, почти одинаковые, тѣ же самыя событія, выходятъ на сцену тѣ же личности подъ другими именами, и предъ страною становятся тѣ же неразрѣшимые вопросы.

Что̀ говорили Гизо и Прудонъ въ 1852 году, когда Франція на краю анархіи вступала на мостъ императорской диктатуры, то же самое можно сказать ей теперь, и было сказано Тьеромъ. Въ своей лебединой пѣснѣ, въ засѣданіи національнаго собранія 24го мая 1873 года, онъ между прочимъ говоритъ: „....Посмотрите на себя самихъ, и посмотрите какая между вами рознь. Неужели вы думаете что легко править страною въ такія времена и что въ правительствѣ можетъ быть единство котораго нѣтъ ни между вами, ни во всей странѣ? Позвольте мнѣ опредѣлить ваше положеніе.... Прежде всего между вами распря, которой одной достаточно чтобы потрясти государство: одни хотятъ монархіи, другіе—республики.... Было бы очень

* Mignet, *Histoire de la révolution française*, 20 Edit. 1847, p. 50.

странно еслибы въ средѣ націи которая въ теченіи вѣковъ получала отъ монархіи и славу, и благоденствіе, монархія не имѣла преданныхъ себѣ представителей. Поэтому я слишкомъ далекъ отъ того чтобъ ихъ порицать; но здѣсь же другіе стоятъ за республику. Если вы имѣете право бояться республики, впрочемъ только съ точки зрѣнія благоразумія, но не страсти, то другіе, напротивъ, поборники этой формы правленія, имѣютъ такое же право, особенно нынѣ когда демократія вышла изъ береговъ, думать что республика должна быть окончательнымъ образомъ правленія въ нашей странѣ.... Мы имѣемъ предъ собою три династіи съ одной стороны, и двѣ республики съ другой... Будемъ искренни: насъ раздѣляетъ всего болѣе вопросъ о монархіи и республикѣ... Вотъ великій вопросъ.... Въ своемъ кабинетѣ, частный человѣкъ можетъ недоумѣвать предъ теоріей этого вопроса. Когда такъ счастливъ что живешь только посреди своихъ книгъ, тогда можешь подобно философу, подобно Монтескье, размышлять о неудобствахъ республики и о преимуществахъ монархіи. Но когда находишься у кормила правленія, тогда обязанъ рѣшаться на что-нибудь одно. Полагаете ли вы что можно *вѣчно оставаться при временномъ правительствѣ?* У насъ также предлагается нѣсколько республикъ; каждый хочетъ своей, такъ что и въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ произносятся рѣчи дѣйствительно угрожающія общественному порядку. Что же тутъ удивительнаго? Когда предаются своимъ политическимъ страстямъ однѣ партіи, тогда онѣ должны понимать что вызываютъ въ другихъ партіяхъ противоположныя страсти!... Мы обязаны заявить первую причину дѣлаемыхъ нами предложеній (узаконить республику устроивъ постоянныя республиканскія учрежденія): нельзя жить при правительствѣ которое ежедневно осмѣивается до такой степени что когда мы вздумали сообщить судебной власти объ оскорбленіяхъ которымъ оно подвергается, намъ отвѣчали: ваше правительство еще никѣмъ не признано въ своихъ основаніяхъ! Другое наше побужденіе то что самые ревностные монархисты доказываютъ своимъ поведеніемъ невозможность, при нынѣшнемъ состояніи умовъ, установить монархію. Одни (монархисты) говорятъ намъ: вы узаконяете республику; мы этого не хотимъ, мы хотимъ чтобы національное собраніе сохранило до поры до времени свою учредительную власть, и съ помощью Провидѣнія, намъ можетъ-

быть рано или поздно удастся удовлетворить нашимъ убѣжденіямъ. Другіе (республиканцы) говорятъ: мы не хотимъ нынѣшняго національнаго собранія, мы хотимъ новое собраніе учредительное; они надѣятся что оно будетъ съ ними согласно и установитъ республику, которую они предпочитаютъ. Я отвѣчаю однимъ: мы знаемъ что надо узаконить и устроить охранительную республику, а другимъ: мы не полагаемся на будущее въ служеніи интересамъ, слишкомъ для насъ дорогимъ; мы не оспариваемъ ни предѣловъ, ни срока власти нынѣшняго собранія; мы желаемъ только чтобъ оно организовала республику.... Во всякомъ случаѣ, я васъ прошу: принесите другое лѣкарство если вы его имѣете; его мы обсудимъ. Что меня касается, я не вижу *иного* (кромѣ предложенныхъ республиканскихъ учрежденій) *способа лѣченія какъ развѣ диктатуру; я очень хорошо знаю что всѣ тѣ кому бы вы ее довѣрили, охотно бы ее приняли.* Диктатура конечно бывала въ нашемъ отечествѣ, но спасала ли она васъ? Вы предоставляли ей рѣшеніе всѣхъ вопросовъ! Что̀ же она сдѣлала? Въ 1815 страна пала со славою, а въ 1870 году каково было ея паденіе? Обратимся же къ *законнымъ мѣрамъ.* Диктатура великихъ людей приводила васъ къ погибели, диктатура малыхъ людей оказалась столько же гибельною, за исключеніемъ славы.“ Всѣ эти увѣщанія оказались тщетными. Тьеръ заканчиваетъ свою рѣчь предостереженіемъ своимъ противникамъ что захвативъ власть въ свои руки, они вынуждены будутъ чтобъ удержать ее поступить подъ покровительство имперіи, то-есть диктатуры малыхъ людей. Съ тѣхъ поръ имперія, которой предано все нынѣшнее поколѣніе практическихъ дѣльцовъ во Франціи, дѣйствительно уже успѣла поднять голову....

Нынѣшнее политическое положеніе не ново во Франціи, оно уже повторялось нѣсколько разъ, начиная съ 1795 года, когда была учреждена директорія подготовившая мечъ Наполеона, и когда, по словамъ Минье, „масса націи, такъ глубоко потрясенная событіями между 1789 и 1795 годами, желала *только усѣсться* (aspirait à s'asseoir) и *какъ-нибудь устроиться, сообразно* съ новымъ порядкомъ вещей. „Въ эту эпоху, прибавляетъ онъ, движеніе къ свободѣ окончилось, и началось движеніе къ цивилизаціи (?).“ * Движеніе къ цивилизаціи не

* Mignet, *Histoire de la Révolution française*, T. III, p. 66.

можетъ быть противоположно движенію къ свободѣ; но въ этомъ разобщеніи гражданской и политической свободы съ общественнымъ порядкомъ и спокойствіемъ проявляется чисто французскій взглядъ на государственную жизнь, порожденный ея революціонными потрясеніями съ 1789 года. Точно такія же эпохи глубокаго разлада націи относительно формы правленія и ея стремленій къ успокоенію явились, послѣ 1795 года, въ 1815, 1831, 1851.

Диктатура, столько же революціонная какъ и сама революція, перемежается бурнымъ разливомъ политическихъ страстей сперва въ политическихъ собраніяхъ, въ сферѣ интеллигенціи, потомъ на улицахъ, въ черни; сперва чернь разнуздываютъ междуусобіями партій не приходящихъ между собою ни къ какой сдѣлкѣ для устройства законной власти, на эту чернь такъ или иначе всѣ партіи ссылаются и ее употребляютъ для своихъ цѣлей, а потомъ чтобъ ее усмирить или чтобъ устрашить ея своеволіе, всѣ спѣшатъ отдать власть первому встрѣчному. Такова несчастная государственная исторія Франціи съ 1789 года. Въ обширномъ смыслѣ слова, къ той же категоріи правленій принадлежатъ и относительно наиболѣе законныя и свободныя: легитимистская реставрація 1815 года и Орлеанистская монархія 1830 года. Не только по своему насильственному происхожденію, * которое постоянно подвергало оба эти правленія вопросу, они стояли, въ глазахъ націи, почти на одной доскѣ со всякимъ революціоннымъ захватомъ власти; но и по всему внутреннему характеру своей дѣятельности, оба эти правленія были такими же періодами диктатуры какъ и обѣ имперіи. Они были временными перемиріями, не болѣе. Въ эти два управленія, благодаря внутреннему и внѣшнему миру, безъ котораго дѣйствительно невозможно прогрессивное движеніе цивилизаціи, были сдѣланы Франціей самые значительные успѣхи въ наукахъ,

* Объ Орлеанской монархіи это не подлежитъ сомнѣнію (см. между прочимъ прекрасное изложеніе восшествія на престолъ Лудовика-Филиппа въ *Staats-Lexicon* Велькера и Роттека *Ludwig-Philippe*), но и Лудовикъ XVIII былъ возведенъ на престолъ не столько въ силу своего историческаго права признаннаго народомъ, а тѣмъ менѣе единодушіемъ высшихъ классовъ, сколько подъ давленіемъ побѣдной и союзной Европы. Во Франціи постоянно припоминалось его воцареніе подъ покровительствомъ непріятеля, и это всего болѣе подкопало законную монархію.

искусствахъ и народномъ образованіи въ нынѣшнемъ столѣтіи; но въ государственномъ своемъ бытѣ она нисколько не выдвинулась въ оба эти періода, ибо иначе были бы невозможны позднѣйшіе перевороты. Никакихъ органическихъ реформъ въ законодательствѣ, въ государственномъ устройствѣ и управленіи они не оставили послѣ себя, ни даже замѣтныхъ слѣдовъ въ политическомъ воспитаніи народа. Эфемерныя учрежденія этихъ обѣихъ монархій, подобныя палатамъ перовъ, пали въ нѣсколько часовъ, какъ онѣ сами. Иначе и быть не могло: бойкія парламентскія пренія которыми только и отличались въ политическомъ отношеніи оба эти правленія были ничѣмъ инымъ какъ цвѣтами краснорѣчія, и они обогатили собою только исторію французской литературы; эти пренія занимали лишь самый верхній и тонкій слой общества, оживляя парижскіе салоны, но не имѣли никакого отношенія къ жизни Французскаго народа, нисколько не измѣняли дѣйствительныхъ условій его быта и потому нисколько не возбуждали интереса къ себѣ за дверьми паламента и парламентскихъ круговъ. И реставрація, и іюльская монархія были призваны, также точно какъ и обѣ имперіи, единственно чтобъ успокоить страну утомленную революціонными волненіями и обезпечить внѣшній порядокъ, потому онѣ и не могли приняться ни за какія глубокія государственныя реформы которыя всегда вызываютъ умственное и политическое броженіе въ странѣ. Внутренній миръ былъ искусственно поддерживаемъ сверху (между прочимъ поддѣльнымъ народнымъ представительствомъ), до тѣхъ поръ пока не пробудились изъ своего временнаго оцѣпенѣнія политическія страсти. Впрочемъ безпрерывныя уличныя вспышки при Лудовикѣ-Филиппѣ не разъ напоминали что этотъ внѣшній порядокъ очень обманчивъ. Въ виду ихъ, можно ли было безъ страха приниматься за обширныя реформы? Да впрочемъ реформы всегда всего менѣе требуются самою Франціей въ періоды ея отдыховъ между революціонными потрясеніями. Собственно наиболѣе государственныхъ преобразованій измѣнившихъ внутреннія условія народнаго быта, въ особенности экономическаго, было совершено при имперіяхъ, преимущественно второй, которая была поставлена едва ли не лучше всѣхъ правительствъ во Франціи чтобъ обновить ея политическую жизнь.

Для коренныхъ реформъ въ законодательствѣ и администраціи въ какихъ нуждается Франція, необходима прежде

всего неколебимая и не безспорная государственная власть, какою не обладало ни одно французское правительство. Потому и оба правленія ознаменовавшія себя успѣхами чисто внѣшняго или парламентскаго конституціонализма были въ общемъ историческомъ смыслѣ такими же диктатурами, эпохами такого же политическаго застоя какъ и обѣ имперіи. Какъ только парламентскія пренія разгорались и выходили изъ узкихъ рамокъ взаимныхъ счетовъ парламентскихъ партій и иностранной политики на почву вопросовъ общенародной жизни, и къ тому же всегда однихъ и тѣхъ же вѣчныхъ вопросовъ объ избирательныхъ правахъ, о печати, о полиціи и сходкахъ, какъ только возгласы воспламенившихся ораторовъ проникали въ толпу за дверьми камеръ, такъ начиналась гражданская смута. Представители крайнихъ оттѣнковъ въ камерахъ протягивали руку къ уличной черни, вылѣзалъ на свѣтъ Божій изъ своихъ подпольныхъ жилищъ парижскій сбродъ, строились баррикады, толпа заливала камеры (l'envahissement des Chambres), и т. д. Какъ хорошо извѣстно все это зрѣлище, вся эта однообразная mise en scène которая сопровождала каждый переходъ къ бурной политической жизни, до новой паузы и потомъ до новыхъ потрясеній.

Между прочимъ, замѣчательна роль которую постоянно до сихъ поръ играли во Франціи представительныя собранія: вмѣсто того чтобъ быть центральною ареною политической борьбы всей страны, нагляднымъ выраженіемъ ея внутреннихъ движеній, и разрѣшать мирнымъ путемъ сдѣлокъ между вождями споры партій, эти собранія остаются во Франціи совсѣмъ въ сторонѣ отъ внутренней политической жизни и какъ будто занимаются только своимъ собственнымъ дѣломъ. Они имѣютъ не болѣе, а иногда и менѣе значенія чѣмъ какой-либо политическій клубъ. Въ періоды покоя, нація остается совсѣмъ безучастною зрительницею парламентскихъ засѣданій, а въ эпохи возбужденія, вожаки партій, даже сами народные представители, агитируютъ политическіе вопросы въ клубахъ, газетахъ и на площадяхъ, нисколько не заботясь о томъ чего желаютъ законные представители народа. Такими представителями какъ будто никогда и не признаются во Франціи члены выборныхъ представительныхъ палатъ: протестовать противъ ихъ рѣшеній, агитировать распущеніе ихъ вслѣдъ за ихъ составленіемъ, дискредитировать и позорить ихъ въ глазахъ страны, всегда самое любимое занятіе политическихъ дѣ-

ятелей... Отъ подобной агитаціи не отказываются даже сами члены собраній; разобщая себя съ корпораціей, въ составѣ которой они только и могутъ законно дѣйствовать, они этимъ самымъ пріобрѣтаютъ наибольшую для себя популярность. Не таково ли было, какъ мы здѣсь описали, положеніе законодательнаго собранія въ 1792, палаты депутатовъ въ 1847 и 1848, законодательнаго корпуса въ 1869 и 1870 и наконецъ нынѣшняго національнаго собранія въ 1873, и не таковы ли были дѣйствія членовъ крайнихъ группъ всѣхъ этихъ учрежденій? Можно сказать безъ всякаго преувеличенія что единственныя жизненныя отношенія Французскаго народа къ своему представительству были всегда только выборы; но и они производятся весьма своеобразно: или посреди политической апатіи массы избирателей посылаются въ камеры кого укажутъ власти (таковы были офиціальные кандидаты имперіи), или же въ моменты политическаго возбужденія, большіе города занимаются выборами только для протеста противъ всего существующаго порядка, и потому выбираются люди чѣмъ-нибудь заявившіе свою непримиримую къ нему вражду. Въ спокойныя эпохи всѣ связи народныхъ представителей съ избирателями и съ дѣйствительною жизнью страны заключаются только въ выхлопатываніи казенныхъ пособій для своихъ мѣстностей: дорогъ, каналовъ, мостовъ, ссудъ и проч. Въ такихъ условіяхъ правительство, чтобы благонадежно управлять страною, не можетъ опираться на народное представительство, а оно такимъ образомъ теряетъ свое главное назначеніе въ конституціонныхъ государствахъ. Многія французскія правительства бывали въ самой тѣсной дружбѣ съ большинствомъ представителей наканунѣ жесточайшихъ переворотовъ: іюльская монархія—въ 1848, вторая имперія—въ 1870.

Набросанная выше картина политической жизни Франціи, несостоятельность и непроизводительность ея представительныхъ собраній и всѣхъ либеральныхъ учрежденій, относительная популярность личныхъ правленій и непопулярность парламентскихъ, довольство народа въ эпохи самой диктаторской власти,—все это можетъ заставить думать что Франція страна абсолютизма и вовсе неспособна къ свободному государственному правленію. Такъ и думали многіе. Но личныя и деспотическія правленія оказывались также несостоятельными у Французовъ, возбуждали не только

революціонные взрывы, но и постоянное негодованіе образованныхъ классовъ; какъ только проходило нѣсколько лѣтъ отдыха, снова возникала жажда политическихъ движеній, доказывавшая что абсолютизмъ, устраняющій общество отъ государственнаго дѣла, не можетъ быть нормальнымъ правленіемъ во Франціи. Пробужденіе же въ обществѣ политическихъ интересовъ каждый разъ неминуемо приводило къ бурнымъ потрясеніямъ въ государственномъ организмѣ, несовмѣстимымъ съ правильнымъ его развитіемъ, къ возмущенію не только нравственнаго и юридическаго, но и вещественнаго порядка въ странѣ, и наконецъ къ насильственному сверженію правительства....

Такой ходъ государственной жизни нельзя не признать болѣзненнымъ, какимъ и признаютъ его сами Французы въ лицѣ представителей всѣхъ ихъ партій. Въ этомъ пунктѣ они всѣ едва ли не всего болѣе между собою согласны. Мы нарочно привели созвучныя въ этомъ отношеніи мысли такихъ людей какъ Гизо, Прудонъ, Тьеръ, которые не только принадлежали ко враждебнымъ политическимъ лагерямъ, но еще каждый имѣлъ свои политическіе идеалы, свою вѣру, связанные съ тѣми или другими принципами революціи. Мы намѣренно умолчали о Токвилѣ, въ которомъ съ самой молодости сложился его извѣстный глубоко меланхолическій, почти скептическій взглядъ на историческое развитіе революціи и ея будущія судьбы.

Въ этомъ однообразно колебательномъ движеніи государственной жизни между политическимъ оцѣпенѣніемъ и возмущеніемъ общества, которое остается неподвижнымъ на тѣхъ же вопросахъ 1789, обнаруживаются дѣйствія одной и той же причины, одной и той же *силы*, — *революціи*.

Что̀ же такое эта загадочная сила? Революція слово которое само по себѣ ничего не объясняетъ и ничего не доказываетъ, съ которымъ связаны самыя разнообразныя и самыя противоположныя понятія. Революціями, разумѣть ли подъ ними въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова всякіе насильственные перевороты въ государственномъ строѣ, или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ перевороты производимые открытыми возстаніями противъ государственной власти,—революціями переполнена исторія всѣхъ государствъ и всѣхъ временъ; но далеко не всѣ онѣ сопровождались одинаковыми и столь же гибельными послѣдствіями какъ во Франціи. Ни въ

одномъ также государствѣ внѣшній революціонный порядокъ вещей, вещественныя потрясенія всѣхъ юридическихъ отношеній и взрывы страстей не были такъ продолжительны. Чтò же такое французская революція?

Вопросъ этотъ интересуетъ не одну только Францію, а всю Европу. Вся она живетъ до сихъ поръ подъ страхомъ или обаяніемъ этой грозы, которая, подъ именемъ революціи, впервые * разразилась на Европу изъ Франціи и избрала Францію своимъ постояннымъ сѣдалищемъ. Такъ-называемыя революціонныя идеи, въ той или другой степени, въ тѣхъ или другихъ формахъ примѣшивающіяся нынѣ къ политической и умственной атмосферѣ всѣхъ европейскихъ народовъ, имѣютъ всѣ французское происхожденіе. Ко Франціи, какъ своему центру, всѣ эти идеи тяготѣютъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ, хотя бы во враждебной ей Пруссіи и въ своеобразныхъ нѣмецкихъ формахъ, ** онѣ ни появлялись. Предъ этими идеями одни трепещутъ, другіе благоговѣютъ, но всѣ съ ними считаются; всякое европейское правительство озабочено ими, хотя бы и каждое по-своему: великобританское предпринимаетъ радикальныя реформы, другія издаютъ цензурныя и полицейскія постановленія, но каждое, отъ великодержавныхъ и просвѣщенныхъ до мекленбургскаго и молдовлашскаго, чтò-нибудь дѣлаетъ, о чемъ-нибудь хлопочетъ въ виду революціи. Поэтому, если никакое государственное дѣло и никакая политическая жизнь въ Европѣ не обходится безъ соображенія съ революціей, то для каждаго народа равно необходимо изучать ее, на ея родинѣ и въ ея гнѣздѣ. Если это недугъ распространившійся на весь образованный европейскій міръ, заражающій одни государственные организмы болѣе, другіе—менѣе, разрушающій окончательно одни, какъ напримѣръ Испанію, уступающій врачеванію и даже обновляющій силы въ другихъ, то чрезвычайно полезно видѣть его исторію и дѣйствіе тамъ гдѣ онъ впервые зародился, гдѣ онъ сопровождался наиболѣе сокрушительными послѣдствіями и гдѣ онъ между тѣмъ встрѣтившись съ жизненнымъ могуществомъ организма не могъ еще вовсе одолѣть его. Здѣсь только можно узнать любо-

* Англійская революція въ XVII вѣкѣ имѣла чисто мѣстный характеръ.

** Германскіе соціальные демократы даже во время войны протягивали руку Франціи.

пытныя для каждаго народа условія возникновенія этого недуга и его развитія, и условія борьбы съ ними общества еще полнаго силъ и не разлагающагося подобно испанскому. Изслѣдованіе болѣзни надъ трупомъ, какимъ представляется въ настоящее время Испанія, всегда недостаточно, въ животныхъ организмахъ столько же, какъ и въ государственныхъ.

Мы назвали революцію силою, и прибавили что эта сила далеко не простая, а весьма сложная. Въ ней самой участвуетъ великое множество самыхъ разнокачественныхъ силъ, и она возникаетъ, развивается или ослабѣваетъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій исторической почвы, окружающей общественной среды и государственнаго строя.

Французская революція тѣмъ въ особенности и поучительна что разложеніе ея на простые элементы выводитъ наружу тѣ изъ нихъ которые въ другихъ государствахъ, вступая въ другія комбинаціи, могутъ возбудить не менѣе пагубныя замѣшательства, хотя бы и не революціонныя.

Думать и утѣшать себя что причина всѣхъ политическихъ смутъ Франціи заключается въ одномъ только простомъ и чуждомъ всѣмъ другимъ націямъ обстоятельствѣ, въ безпокойномъ нравѣ Французовъ, было бы весьма ошибочно. Такое слишкомъ грубое и однако распространенное объясненіе французскихъ революціонныхъ движеній опровергается фактами, хотя и нельзя не признать извѣстный національный темпераментъ однимъ изъ многихъ элементовъ этихъ движеній, придающихъ ему особый цвѣтъ и типъ. Не должно забывать что всѣ перевороты и гражданскія смуты были производимы во Франціи ничтожнымъ меньшинствомъ, даже самыми малочисленными кучками людей, посреди безмолвія массъ населенія, которыя во всѣхъ этихъ случаяхъ поражаютъ скорѣе пассивнымъ чѣмъ безпокойнымъ характеромъ. Внимательнаго наблюдателя гораздо болѣе поражаетъ равнодушіе огромнаго большинства населенія, не только провинціальнаго, а даже парижскаго, къ замысламъ и злодѣяніямъ революціонеровъ, чѣмъ безпокойный нравъ Французскаго народа вообще. При такомъ нравѣ многіе ужасы революціи были бы положительно невозможны, встрѣтивъ энергическій отпоръ въ массахъ. Такъ-называемыя возстанія *всего народа*, всей Франціи, это одно изъ тѣхъ самыхъ суевѣрныхъ представленій о революціи какихъ накопилось много и какія не выдерживаютъ исторической критики. Однимъ изъ са-

мыхъ крупныхъ результатовъ всѣхъ новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій должно признать опровержение этого суевѣрія, нагло и систематически напущеннаго демагогами 90хъ годовъ, поддержаннаго изъ страха ихъ мести журналистикою того времени, и потомъ распространеннаго по невѣдѣнію всѣми историками революціи. * Едва ли не единственное, даже во время великой революціи, народное возстаніе — вандейское,—было именно противуреволюціонное.

Безпристрастное и строго научное изслѣдованіе Французской революціи началось весьма недавно, въ какія-нибудь 10—15 истекшихъ лѣтъ, ** и плоды этой работы только въ будущемъ. До этого времени ее только обожали или ненавидѣли, и во всякомъ случаѣ относились къ ней яко къ нѣкой сверхъестественной силѣ, *** Божеской или демонской, это все равно. Сообразно съ этимъ даже самое слово „Révolution" писалось всегда съ прописною буквою, обозначая собою нѣчто превышающее человѣческое пониманіе. Свободная критика мало прикасалась къ ней, и литература революціи была писаніемъ или вѣрующихъ въ нее, или съ нею враждующихъ. **** Во всей Европѣ, за исключеніемъ только Англіи, нѣсколько поколѣній, въ томъ числѣ и все нынѣ возмужалое и дѣйствующее, были политически воспитаны исключительно подъ двумя противоположными токами· одни въ чувствѣ преданности великой партіи общественнаго порядка (le grand parti de l'ordre), въ традиціяхъ священнаго ужаса (sainte horreur) предъ безбожіемъ революціи, традиціяхъ неизмѣнно тянущихся съ Кобленцскихъ переговоровъ, и со знаменитаго манифеста главнокомандующаго австрій-

---

* Таково было напримѣръ понятіе о сентябрьскихъ убійствахъ 1792 года. До недавняго времени о нихъ говорили какъ о фанатическомъ увлеченіи парижскаго населенія, тогда какъ они были дѣломъ нѣсколькихъ заговорщиковъ, за долго впередъ обдуманнымъ (см. Mortimer-Ternaux, *Histoire de la Terreur*, т. III).

** Если считать первымъ опытомъ и толчкомъ къ такому изслѣдованію сочиненіе А. Токвиля: *L'Ancien Régime et la Révolution*, 1856.

*** Въ связи съ нижеизлагаемыми мыслями см. P. Janet *La Philosophie de la Révolution française (Revue Des deux Monde* 1872). Въ этихъ статьяхъ высказано много здравыхъ взглядовъ на движеніе революціонныхъ идей. Ими знаменуются успѣхи политическаго сознанія въ нынѣшней Франціи.

**** Ср. E. Quinet, *La Révolution*. Paris. 1868. т. I. p. 6, гдѣ высказана почти та же мысль.

скими и прусскими арміями герцога Брунсвигъ-Люнебургскаго обращеннаго къ Французамъ въ 1792 году; другіе, и это большинство, въ преданіяхъ поклоненія великой эпопеѣ (la grande épopée) нашего вѣка. Личности героевъ и мучениковъ революціи съ обѣихъ сторонъ получили легендарные образы. Съ одной стороны семейство Лудовика XVI и его сподвижниковъ, съ другой—палачи террора были чуть не сопричисляемы къ лику святыхъ. Исторія революціи долгое время была повтореніемъ въ одномъ лагерѣ революціонныхъ миѳологическихъ празднествъ 90хъ годовъ въ Парижѣ, а въ другомъ—заупокойныхъ литургій въ искупительной часовнѣ Лудовика XVI.

Между тѣмъ спокойно изучить дѣйствительныя личныя свойства людей бывшихъ на первомъ планѣ революціонной драмы имѣетъ чрезвычайную важность. Эти свойства обусловили не только важнѣйшія ея катастрофы, но и весь ея ходъ, который былъ бы совсѣмъ иной при другихъ свойствахъ этихъ людей. * Глубокая безнравственность Мирабо, не только въ частной, но и въ публичной жизни, нынѣ вполнѣ доказанная, его шатанья между противоположными лагерями, которымъ онъ предавался вопреки своимъ убѣжденіямъ, подъ вліяніемъ только своего личнаго интереса, властолюбія и тщеславія, отсутствіе въ немъ всякаго истиннаго патріотизма, ** не произвели ли съ самаго начала страшной путаницы въ отношеніяхъ народнаго представительства къ коронѣ и во взаимныхъ отношеніяхъ партій, такъ какъ до Наполеона I это былъ единственный государственный человѣкъ революціи ясно сознававшій политическое положеніе Франціи того времени и далеко опередившій всѣхъ своихъ современниковъ здравымъ пониманіемъ началъ

---

* Мы конечно никакъ не хотимъ этимъ сказать чтобы личный элементъ составлялъ *все* въ исторіи революціи, которая была послѣдствіемъ всей предыдущей многовѣковой исторіи Франціи; но онъ составлялъ *многое*, что̀ при другихъ людяхъ могло бы дать другой поворотъ въ ея развитіи.

** См. *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de la Marck pendant les années* 1789, 1790 et 1791, *recueillie, mise en ordre et publiée par M. de Racour*. Paris, 1851, Также Reeve, *Royal and republican France*, Vol. I, Mirabeau (это отличнѣйшая характеристика Мирабо, какая намъ только извѣстна). *Ср.* также: Mendelson-Bartholdy, *Mirabeau (Preus. Jahrb.* 1873). Безнравственность Мирабо мы видимъ не въ одномъ корыстолюбіи его, которое въ сравненіи съ другими его пороками маловажно.

свободнагогосударственнаго правленія. Еслибы Мирабо примѣнилъ эти начала къ своей дѣятельности, и именно не къ одному только разрушенію стараго порядка, а и къ созиданію новаго, когда онъ былъ всесиленъ въ національномъ собраніи, то отношенія народнаго представительства къ монархической власти получили бы съ самаго начала совсѣмъ другое направленіе; между тѣмъ верховная власть была потеряна Лудовикомъ XVI уже въ 1789 году, и тутъ же была рѣшена вся его дальнѣйшая судьба, а съ нею и судьба монархіи. Также точно, еслибы Лафайетъ, при благородствѣ своего характера, обладалъ бо̀льшимъ политическимъ тактомъ и былъ сколько-нибудь государственнымъ человѣкомъ, то онъ могъ бы не только въ началѣ, но даже въ 1792 году спасти Францію отъ анархіи и обуздать демагогію; но при всемъ своемъ добромъ и горячемъ желаніи, онъ оказался совсѣмъ къ этому неспособнымъ. * Всего же важнѣе была полнѣйшая умственная и политическая несостоятельность Лудовика XVI ** и всего его семейства. При большей даровитости короля, или хотя когонибудь изъ представителей его дома, до крайности осложнившихъ ходъ революціи своею неумѣлостью и безразсудствомъ, она приняла бы оборотъ несомнѣнно менѣе пагубный и для монархіи, и для самой Франціи. Политическая несостоятельность Бурбоновъ и ихъ приверженцевъ рѣзко доказывается ихъ искреннимъ убѣжденіемъ что только иностранная помощь можетъ спасти монархію и Францію; это убѣжденіе было единственнымъ неизмѣннымъ началомъ которое руководило политикою двора посреди всѣхъ безконечныхъ ея колебаній, которое всего болѣе придало ожесточенія рево-

---

* Между прочимъ его несостоятельность послѣ 20го іюня и 10го августа 1792 года.

** Недавно опубликованъ собственноручный дневникъ Лудовика XVI, бросающій яркій свѣтъ на его личность. Пошлость этого дневника посреди великихъ историческихъ событій поразительна. Всѣмъ этимъ мы однако нисколько не хотимъ отрицать нѣкоторой доблести въ нравственномъ характерѣ злополучнаго короля, но и она была чисто пассивнаго свойства, и можетъ быть возведена въ великую добродѣтель только въ частномъ человѣкѣ, а не въ государѣ. Отличнымъ образцомъ этой доблести можетъ служить поведеніе Лудовика XVI посреди народной черни 20го іюня 1792 года (см. Mortimer-Ternaux, *Histoire de la Terreur*, IV, pp. 190—199).

люціонному пламени, * всего болѣе соединило разномысленныхъ противниковъ стараго порядка, и всего болѣе разстроивало всякій планъ дѣйствія разумныхъ приверженцевъ монархіи. Даже самъ Лудовикъ XVI, менѣе всѣхъ въ своемъ семействѣ желавшій иностраннаго вмѣшательства, осуждавшій его по чувству чести, въ душѣ на него возлагалъ свои упованія.

Относительно героевъ революціи замѣчательно одно настойчиво повторяющееся заблужденіе, нынѣ разоблачаемое историческою критикой, заблужденіе будто бы они отличались необычайною мощію характеровъ, непоколебимою твердостію *воли*, въ борьбѣ за революціонныя идеи. Эта сторона казалась всего болѣе достовѣрною во всѣхъ историческихъ повѣствованіяхъ о революціонномъ періодѣ; въ нее одинаково вѣровали и исповѣдники революціи, и ея гонители. Между тѣмъ, положительные факты выдвигаютъ совсѣмъ противоположную характеристическую черту въ физіономіи всѣхъ главныхъ героевъ эпопеи: слабость воли, малодушіе, и безхарактерность, именно заставлявшія ихъ или прибѣгать, изъ страха народной ненависти и возмездія, къ крайнимъ и жестокимъ мѣрамъ, или терпѣть и допускать ихъ вопреки своимъ желаніямъ и намѣреніямъ, чтобы какъ-нибудь выйти изъ затрудненій. Ничтожествомъ характера отличаются не только такіе безцвѣтные люди, подававшіе руку всѣмъ партіямъ, какъ Петіонъ, Дюмурье и другіе, но и самые яростные предводители терроризма: Робеспьеръ, Маратъ, Дантонъ и проч. Нисколько не фанатизмъ воодушевлялъ этихъ послѣднихъ въ ихъ кровавыхъ преступленіяхъ, какъ этому охотно вѣрили не только ихъ панегиристы, но отъявленные враги ихъ—роялисты; исторія раскрываетъ совсѣмъ иныя побужденія этихъ людей во всѣхъ разыгранныхъ ими событіяхъ. Между этими побужденіями личное властолюбіе было еще относительно наилучшимъ; другіе мотивы господствовавшіе въ большей части террористовъ и якобинцевъ были самаго низкаго свойства. Только ничтожные и рабскіе исполнители ихъ велѣній и историки увле-

---

* Первый вопросъ который былъ сдѣланъ на судѣ Маріи-Антуанетѣ: участвовала ли она въ вооруженіи Европы противъ Франціи? Косвенно участвовала, должны мы сказать теперь, имѣя документы въ рукахъ. (См. Reeve, *Royal and republican France*, v. I. p. 282).

кавшіеся собственнымъ своимъ революціоннымъ пыломъ могли толковать ихъ дѣйствія фанатическою преданностью идеямъ революціи или любовью къ отечеству предъ угрожавшею ему внѣшнею опасностью. Въ роялистской, то-есть придворной, партіи также мало было героевъ, всего менѣе было ихъ между эмигрантами покидавшими монарха и отечество изъ своихъ личныхъ интересовъ, даже въ то время когда дружно соединившись около престола они еще могли охранить если не его права, то его личную безопасность. Истинно героическими личностями временъ революціи были по большей части люди безвѣстные или по крайней мѣрѣ наименѣе извѣстные, заслоненные псевдо-героями возвеличенными слѣпотою или недобросовѣстностью политическихъ партій. Эти лица обыкновенно не принадлежали ни къ какой партіи, а просто и честно исполняли свой гражданскій долгъ въ тѣсномъ кругу своихъ прямыхъ обязанностей, повинуясь только закону и совѣсти. Голосъ *закона* и *совѣсти* былъ всего менѣе слышимъ посреди государственной и нравственной анархіи царившей во Франціи съ 1789 года, и потому слѣдовать ему, не поддаваясь ни страху, ни соблазнамъ партій, было всего труднѣе. Таковы были, напримѣръ, Мандатъ (Mandat), начальникъ Парижской національной гвардіи, который рѣшился до самой послѣдней крайности и жертвуя своею жизнію защитить неприкосновенность короля и его жилища, 10го августа 1792 года, несмотря на то что Лудовикъ XVI не хотѣлъ входить съ нимъ ни въ какія сношенія вслѣдствіе его конституціоннаго образа мыслей.* Мандатъ былъ измѣннически умерщвленъ предводителями заговора 10го августа, не нашедшими другаго средства избавиться отъ его неустрашимой рѣшимости охранить законный порядокъ. Въ другомъ родѣ было столько же доблестнаго мужества герцога Рошфуко, президента Парижскаго департаментскаго совѣта; онъ настаивалъ, вопреки желанію самого короля, на преданіи законному суду всѣхъ должностныхъ лицъ виновныхъ своимъ бездѣйствіемъ въ безпорядкахъ 20го іюня 1792 года, и за это

---

* „Il était dans l'engouement de la constitution“, какъ выражались придворные (*Mém. de Mme Campan*), то-есть другими словами, онъ увлекался своею вѣрностью присягѣ и закону, и этимъ не нравился роялистамъ. (См. Mortimer Ternaux, *Histoire de la Terreur*, T. II, p. 218 и 267—284.)

заплатилъ въ послѣдствіи своею жизнію. * Еще такимъ же необычайнымъ героизмомъ отличился версальскій меръ Ипполитъ Рипо, захотѣвшій во что бы то ни стало не допустить въ Версалѣ избіенія арестованныхъ роялистовъ и священниковъ. **

Въ виду ничтожества вожаковъ поразительна слабость и нерѣшительность большинства. Не только въ учредительномъ собраніи (Constituante), но и въ законодательномъ (Législative) и наконецъ даже въ Конвентѣ, вслѣдъ за его созваніемъ, огромное большинство членовъ было всею душою расположено подавить анархистовъ, между прочимъ самовластіе Парижской коммуны, и упрочить силу закона во Франціи; между тѣмъ все ограничивалось прекрасными рѣчами въ засѣданіяхъ. Вожаки брали своею дерзостью, вызванною, впрочемъ, не мужествомъ, а страхомъ гибели, и посредствомъ которой они господствовали сперва въ народномъ представительствѣ, а потомъ во всей Франціи (по словамъ Дантона: de l'audace, encore de l'audace, et toujours de l'audace). Этой дерзости большинство противопоставляло только слова, которыя никогда не исполнялись, какъ не были исполнены торжественныя рѣшенія предать суду виновниковъ безпорядковъ 20го іюня, сентябрьскихъ убійствъ и проч. Ораторы мужественные до героизма на словахъ, какъ напримѣръ Верньйо, предводитель Жиронды, оказывались негодными даже для самаго мелкаго дѣла, и на другой день послѣ пламенныхъ рѣчей рабски преклоняли голову предъ велѣніями нѣсколькихъ дерзкихъ заговорщиковъ. Этимъ отличается вся партія жирондистовъ, заключавшая въ себѣ самые крупные парламентскіе таланты и много благородныхъ личностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ самая безславная и самая виновная въ ужасахъ революціи.

Число людей злоумышлявшихъ противъ всякаго законнаго порядка, то-есть демагоговъ, было, повторяемъ, очень не велико; умственно, нравственно и политически эти люди терроризовавшіе Францію въ теченіи стольких лѣтъ были весьма незначительны, число же людей готовыхъ стать противъ нихъ было очень велико; все французское общество было преисполнено негодованія противъ демагогіи и наглаго произвола нѣсколькихъ диктаторовъ. И вотъ возника-

* См. тамъ же. Т. I, p. 251 и другія.

** Тамъ же, т. III, p. 392.

етъ любопытный вопросъ объ этомъ безсиліи цѣлаго народа, надъ тѣломъ котораго производились, *во имя его самого,* * такія изувѣчивающія операціи, объ обстоятельствахъ исторіи и условіяхъ государственнаго строя которыя довели до такого безсилія народъ сильный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ,—вотъ вопросъ который въ особенности заслуживаетъ нынѣ изслѣдованій науки. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важенъ что та же немощь французскаго общества въ сопротивленіи какому бы то ни было посягательству на его спокойствіе и свободу продолжается до сихъ поръ.

Но отношенія всей европейской интеллигенціи ко французской революціи долго не допускали, какъ уже сказано выше, трезвой работы надъ такими вопросами. Нашихъ дѣдовъ и отцовъ научили только восторгаться звуками *Марсельезы* и краснорѣчіемъ Мирабо или умиляться надъ злополучіемъ Бурбоновъ; въ послѣдствіи насъ самихъ учили только или восхищаться глубоко демократическимъ и революціоннымъ характеромъ Французовъ (peuple révolutionnaire par excellence), всегда де торжествующимъ надъ *темными* силами реакціи, воспѣвать побѣды революціи надъ реакціей въ 1830 и 1848 годахъ, грандіозный, прогрессивный ходъ революціи отъ полународной или буржуазной въ 1830 году къ настоящей народной въ 1848 году, отъ политической къ соціальной и т. д., или поклоняться парламентскому режиму іюльской монархіи какъ идеалу конституціонализма, или же наконецъ насъ только научили отплевываться отъ темной силы революціи, заражающей изъ Франціи весь свѣтъ, чтить энергію ея укротителей во Франціи и перенимать механизмъ ихъ способовъ дѣйствія для охраны своего собственнаго отечества отъ этой вселенской заразы. Таковы всѣ наши уроки французской исторіи.

Вся историческая литература монотонно вращалась между двумя крайностями: превознесеніемъ французской революціи и проклятіями на нее; вся она, можно сказать, была фальсифирована съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Если съ одной стороны, какъ извѣстно, фальсификація доходила до того что въ учебникахъ совсѣмъ не упоминалось о революціонныхъ событіяхъ; послѣ кончины Лудовика XVI, благополучно восходилъ на престолъ своихъ предковъ Лудовикъ XVII,

* Какъ извѣстно, всѣ революціонные ужасы всегда производились au nom de la nation.

Бонапарте являясь главнокомандующимъ его войсками и т. п., то и въ историческихъ сочиненіяхъ дружественныхъ революціи, факты были не менѣе грубо извращаемы, отчасти по невѣжеству, отчасти по недобросовѣстной тенденціозности. * Ложныя устныя преданія переходили отъ современниковъ-очевидцевъ, раздѣленныхъ на нѣсколько враждебныхъ становъ и совсѣмъ неспособныхъ быть безпристрастными свидѣтелями, они переходили изъ рода въ родъ, по тѣмъ же пристрастнымъ колеямъ бѣлымъ, краснымъ и синимъ, и еще гуще раскрашивались; самые крупные факты описывались или умалчивались, въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, на основаніи хотя и письменныхъ и даже подлинныхъ и офиціальныхъ документовъ того времени, но *намѣренно и систематически поддѣланныхъ дѣйствовавшими лицами.* ** Все это перепечатывалось изъ одной книги въ другую

* Въ видѣ рѣзкаго примѣра, мы можемъ указать на описаніе парижскаго возстанія 20го іюня 1792 года, этого перваго дня съ котораго началось царство демагогіи, въ *Histoire de la Révolution francais* т. VI, Луи Блана, который между прочимъ говоритъ что толпа вторгнувшаяся въ Тюльерійскій дворецъ „никогда не показала болѣе безобиднаго настроенія, посреди самаго страннаго безпорядка" (Jamais dispositions plus inoffensives ne se produisirent au sein d'un plus bizarre désordre). Мортимеръ Терно, одинъ изъ очень немногихъ историковъ революціи работавшихъ надъ первоначальными историческими источниками, противопоставляетъ этому идиллическому разказу дикія сатурналіи этого дня, на основаніи подлинныхъ документовъ и письменныхъ показаній очевидцевъ. Уличная чернь состоявшая изъ всякаго сброда подпольнаго столичнаго міра, вышедшая изъ всякаго повиновенія власти, не только дошла въ этотъ день до послѣдней степени поруганія надъ личностью короля, но угрожала ему матеріальнымъ насиліемъ и даже опасностью его жизни. Онъ былъ спасенъ только необычайнымъ своимъ благодушіемъ и мужествомъ немногихъ его защитниковъ. При этомъ Мортимеръ Терно упоминаетъ также о противоположныхъ искаженіяхъ событій этого дня со стороны роялистской партіи (*Histoire de la Terreur*, V, p. 193).

** Все это обнаружено между прочимъ въ *Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795*, von Heinrich v. Sybel. Düsseldorf, 1859—70, и еще лучше въ упомянутомъ выше трудѣ Мортимера Терно, *Histoire de la Terreur.* Этотъ послѣдній авторъ представляетъ почти на каждой страницѣ замѣчательные факты поддѣлки не только современныхъ газетныхъ, но даже *офиціальныхъ и правительственныхъ* извѣстій. Такимъ образомъ, во время владычества Робеспьера, правительственное изданіе *Moniteur*, по его положительному распоряженію, из-

и съ теченіемъ времени пріобрѣтало все бо́льшую достовѣрность.

Все это обращалось однако въ пользу культа революціи, а никакъ не его гонителей. Очевидная для младенцевъ неправдивость офиціальной и ортодоксальной учебной литературы распаляла жажду къ запретной, которая не могла не казаться воображенію юношескаго возраста тѣмъ ближе къ истинѣ чѣмъ болѣе она была скрываема и преслѣдуема и чѣмъ менѣе офиціальное преподаваніе давало отвѣтовъ на невольно пробуждавшіеся вопросы. Между тѣмъ крайности революціонной пропаганды возбуждали со стороны иныхъ руководителей народнаго просвѣщенія еще болѣе крайнее сокращеніе даже и этихъ скудныхъ отвѣтовъ на самый естественный запросъ любознательности, или еще болѣе смѣлое искаженіе исторической правды въ духѣ паническаго страха революціонныхъ идей. Такъ напримѣръ было въ нашемъ отечествѣ въ сороковыхъ годахъ, когда даже политическая экономія изгонялась изъ университетовъ, какъ наука опасная, и украдкою преподавалась иными либералами между строкъ статистики. Тѣмъ съ бо́льшимъ напоромъ самые фанатическія ученія о революціи осаждали головы и учащагося поколѣнія и публики, просачиваясь сквозь всякіе запреты и цензурныя постановленія. Къ революціоннымъ идеямъ, яко къ самымъ безкорыстнымъ и возвышеннымъ между всѣми ходачими политическими идеями, влеклись поневолѣ умы подраставшихъ поколѣній и великодушныя мечты молодости.

Еще не скоро, повидимому, войдетъ во всеобщее сознаніе та простая истина что ничѣмъ болѣе не можетъ быть придано

вращало всѣ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ и сообщало въ благопріятномъ для него свѣтѣ факты. Всѣ парламентскія рѣчи передѣлывались. На это предъявлены Мортимеромъ-Терно не подлежащія никакому сомнѣнію доказательства, какова отысканная имъ переписка между Робеспьеромъ и редакторомъ *Монитера* Гранвилемъ (*Histoire da la Terreur*, предисловіе, p. VI). Изъ *Монитера*, какъ изъ самаго достовѣрнаго источника, черпали самые добросовѣстные историки, а онъ издавался лживо, въ духѣ каждой стоявшей у дѣлъ партіи. Какъ затруднительна историческая критика печатныхъ извѣстій революціоннаго періода можно судить по тому что между изложеніями парламентскихъ рѣчей въ разныхъ газетахъ оказываются самыя рѣзкія противорѣчія. Множество самыхъ важныхъ текущихъ обстоятельствъ совсѣмъ умалчивается въ тѣхъ или другихъ органахъ.

лжи подобія истины въ глазахъ толпы какъ утаеніемъ ея и матеріальнымъ преслѣдованіемъ, ничѣмъ нельзя болѣе доказать и внушить уваженіе къ ней, какъ страхомъ ее обнаружить. То что скрываютъ отъ всеобщаго свѣдѣнія и преслѣдуютъ, по необходимости представляется публикѣ какъ неотразимая правда, которую вынуждены де скрывать тѣ кто имѣетъ потерпѣть отъ обнаруженія этой тайны. Однако при этомъ удивляетъ простодушіе не однихъ только тѣхъ кто по близорукости подерживаютъ ложь искусственными препонами къ ея оглашенію и изобличенію, а также и еще болѣе удивляетъ простодушіе публики которая примѣняется ко лжи только потому что видитъ на нее гоненіе, и не хочетъ понять что мнѣніе или свѣдѣніе еще не дѣлаются истинными и уважительными только потому что противъ нихъ воздвигнуто преслѣдованіе или наложено на нихъ запрещеніе.

Слѣпая борьба революціонныхъ и антиреволюціонныхъ безсознательныхъ вѣрованій, религія революціи и религія реакціи, нанесла много ущерба умственному и политическому развитію всей Европы, въ теченіи первой половины нынѣшняго столѣтія. Она отозвалась даже въ Англіи (Ирландіи), хотя государственныя учрежденія и политическая зрѣлость англійскаго общества обезпечиваютъ эту страну отъ французскихъ революціонныхъ идей. Не говоря о романскихъ государствахъ, эти идеи имѣли значительное вліяніе даже на просвѣщенную Германію и затормозили успѣхи ея политическаго самосознанія и здравыхъ государственныхъ реформъ почти до эпохи пробужденія германскаго національнаго духа въ послѣднее десятилѣтіе. * Если и нельзя отнять у Французовъ той исторической заслуги что ими данъ былъ толчокъ политическому движенію всей континентальной Европы къ освобожденію изъ-подъ гнета отсталыхъ государственныхъ формъ

---

* Ср. Rudolf Gneist, *Der Rechtsstaat*. Berl. 1872. Авторъ между прочимъ разсматриваетъ вредное вліяніе французскихъ понятій возникшихъ изъ революціонныхъ бурь на развитіе государственнаго устройства и управленія, сообразно съ ихъ историческими и національными началами. Мы еще вернемся къ этой замѣчательной книгѣ, въ которой знаменитый ученый, несомнѣнно навсегда связавшій свое имя съ умственною исторіей и политическимъ сознаніемъ XIX вѣка, излагаетъ въ сжатомъ и ясномъ очеркѣ самыя существенныя государственныя требованія нашего времени и результаты всѣхъ своихъ предыдущихъ изслѣдованій.

предыдущихъ двухъ столѣтій (впрочемъ и это могло бы произойти иначе), то нельзя также сомнѣваться въ чрезвычайномъ вредѣ идей напущенныхъ на Европу французскою революціей. Этотъ вредъ заключался въ особенности въ наружномъ космополитизмѣ (универсальности) этихъ идей и съ тѣмъ вмѣстѣ въ ихъ туманной общности и неопредѣленности; * эти свойства преимущественно содѣйствовали быстротѣ распространенія французскихъ революціонныхъ идей; ихъ обманчивая повсемѣстная удобопримѣнимость и формальная ясность были всего вредоноснѣе. Развитіе англійской политической жизни имѣетъ совершенно противоположныя свойства: ея всемірный духъ таится подъ множествомъ сложныхъ покрововъ, чисто мѣстнаго англійскаго склада, непонятнаго для чужеземцевъ. Подъ этими покровами не легко отыскать удобопримѣнимый ко всякому народу смыслъ англійской конституціи. Послѣ Монтескье, впервые заговорившаго о ней въ Европѣ и схватившаго только нѣкоторыя совсѣмъ второстепенныя ея принадлежности и результаты (напримѣръ, равновѣсіе и раздѣленіе властей), прошло болѣе цѣлаго вѣка когда изслѣдованія Гнейста раскрыли историческія основы англійскихъ учрежденій и объяснили ихъ дѣйствительное внутреннее и всемірное значеніе. **

Упомянутыя нами свойства французскихъ революціонныхъ идей всего болѣе сбили съ толку Европу: эти свойства всюду посѣяли убѣжденіе въ удобопримѣнимости этихъ идей ко всякому мѣсту и времени и всюду вызвали стремленія подражать французской гражданской борьбѣ, какъ революціоннымъ вспышкамъ, такъ и репрессивнымъ противъ нея мѣрамъ, даже самымъ формамъ государственнаго устройства и управленія возникшимъ изъ этой борьбы,—подражать всему тому что̀ во Франціи имѣло свои печальныя причины и свой какой-нибудь разумъ, а во всѣхъ другихъ странахъ ничего этого для себя не имѣетъ. Мы видѣли почтенныхъ представителей

* Таковъ напримѣръ лозунгъ liberte, égalité, fraternité. Подъ этими словами, исторически возникшими на французской почвѣ и на ней только имѣющими извѣстный смыслъ, можно понимать что̀ угодно, какъ это и дѣлали всѣ партіи каждая присвоивая ихъ себѣ и толкуя по-своему.

** *Esprit des lois* Монтескьё издано въ 1747 года, а первый томъ Гнейста *Das heutige Englische Verfassungs-und Verwaltungsrecht* въ 1857 году.

мѣстнаго самоуправленія, чуть-чуть не на окраинахъ Азіи, посреди полукочевыхъ племенъ, воодушевлявшихся въ своихъ пререканіяхъ съ полиціею задоромъ меровъ Парижской коммуны; мы видѣли полицейскихъ чиновниковъ воображавшихъ, посреди толпы босыхъ рабочихъ прибѣгнувшихъ къ начальству для разчета съ обанкрутившимся подрядчикомъ, что они имѣютъ предъ собою французскихъ санкюлотовъ; мало ль наконецъ видѣли мы у себя бюрократовъ искренне терзаемыхъ необходимостью провести соціально-демократическія мѣры чтобы не отстать отъ всеобщаго демократическаго движенія вѣка.* Всѣ эти чувства и мысли не грезы ни воображенія разстроеннаго французскою революціей?

По множеству причинъ, дѣйствіе французскаго революціоннаго броженія на наше отечество было весьма печальное, хотя у насъ дѣйствіе это не имѣетъ никакого политическаго и матеріальнаго значенія. Къ нашему крайнему Востоку прибиваетъ всего болѣе пѣны отъ западно-европейскихъ волненій, и самые грязные и негодные ихъ осадки, безпрерывно смываемые быстрыми теченіями западно-европейской жизни, надолго прилипаютъ къ нашимъ тихимъ берегамъ. Этому много способствуютъ условія нашего быта. Малообразованность русскаго общества во всѣхъ его сферахъ, въ соединеніи съ природною понятливостью и смѣтливостью, благопріятствуетъ его пассивности предъ всякою новизною мнѣній и сужденій, принимаемыхъ на вѣру и безъ критики. Внутренно сознаваемая всѣми, хотя нынѣ и мало признаваемая у насъ, многовѣковая отсталость наша заставляетъ каждаго осматриваться на Западъ и оттуда ожидать свѣта и истины. Это самый естественный историческій ходъ вещей, и въ немъ еще нѣтъ ничего невыгоднаго для нашихъ успѣховъ. Но отчасти вслѣдствіе географическаго разобщенія нашихъ необозримыхъ пространствъ съ западною Европою, отчасти (и это главное) вслѣдствіе неосновательности нашей школы, не воспитавшей въ насъ умственной самостоятельности, до насъ долетаютъ только самые крикливые голоса изъ всѣхъ областей жизни западно-европейскихъ народовъ и изъ всѣхъ ихъ политическихъ партій. Намъ всего болѣе доступны эти голоса, разчитывающіе на мгновенное дѣйствіе; мы всего болѣе

* Pour ne pas être débordée par les flôts de la democratie qui monte, какъ живописно выражаются иные.

способны усвоивать себѣ понятія нарочно проповѣдуемыя толпѣ на языкѣ ей понятномъ (популярномъ) и всякія рѣжущія впечатлѣнія нарочно производимыя представителями всякихъ крайнихъ мнѣній. При этомъ глубокая умственная работа западно-европейскихъ народовъ, посреди которой вскакиваютъ эти мнѣнія какъ пузыри, иногда мимолетные, весь умственный отпоръ который они тамъ ежеминутно встрѣчаютъ и о который разбиваются, все это остается намъ неизвѣстнымъ. Не разъ было замѣчено что ни въ одной странѣ, ни даже въ самой Франціи, всякія пикантныя и почему-либо эксцентрическія произведенія во всѣхъ областяхъ литературы, начиная отъ непристойной романической и до ученой, не пользовались такою любовью и не находили столько чтецовъ какъ у насъ. Въ то время какъ у насъ безпрерывно выпускались нѣсколькими изданіями сочиненія Прудона, Бокля,* безвѣстныхъ авторовъ популяризовавшихъ крайніе матеріалистическіе выводы иныхъ натуралистовъ, наконецъ брошюры по рабочему вопросу не имѣющія никакого смысла для Россіи, мы не имѣемъ переводовъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ книгъ, ни старыхъ, ни новыхъ, по исторіи, политической экономіи и естествознанію. Предъ нашими глазами совершаются самыя комическія въ этомъ смыслѣ явленія, и мы къ нимъ такъ привыкли что они никого не поражаютъ. Школьники еще не прошедшіе курса исторіи и малограмотные люди не прошедшіе никакой школы съ жадностью читаютъ *Исторію Цивилизаціи Англіи* Бокля.

Всего сказаннаго еще мало чтобъ объяснить популярность у насъ всякаго крайняго и радикальнаго политическаго образа мыслей,** а потому и французскаго, отличающагося самыми

---

* Этимъ мы конечно нисколько не думаемъ унизить дарованія и заслуги Бокля, ни даже Прудона, несомнѣнно способствовавшаго движенію экономической науки. Мы хотимъ выставить только тотъ фактъ что самые любимые и распространенные у насъ иностранные писатели преимущественно тѣ которые отличаются внѣшнею эффектностью рѣчи, относительною популярностью языка и пристрастіемъ къ рѣзкимъ парадоксамъ и поспѣшнымъ общимъ взглядамъ. Замѣчательно притомъ что Прудонъ извѣстенъ русской публикѣ по самымъ ничтожнымъ своимъ произведеніямъ.

** Одинъ извѣстный германскій государственный ученый, который ежедневно видитъ около себя представителей всѣхъ европейскихъ націй и который не смущается никакимъ радикализмомъ,

яркими цвѣтами. Это явленіе значительно обусловлено также совершеннымъ отсутствіемъ у насъ практической политической жизни, которая заставила бы каждаго повѣрять на дѣлѣ истину своихъ мнѣній, отвѣчать за нихъ своими поступками, терпѣть отъ ихъ несостоятельности. Ничего подобнаго не испытываютъ наши политическіе мыслители, которые пользуются ничѣмъ не ограниченною волею принадлежать къ какой угодно партіи,—къ партіи воображаемой, когда въ дѣйствительности никакихъ политическихъ партій въ странѣ не имѣется, и потому ни отъ какихъ мнѣній никакихъ послѣдствій, кромѣ перебранокъ въ журналахъ, произойти не можетъ.

Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельствѣ касающемся болѣе серіозныхъ сферъ нашего быта и способствующемъ водворенію у насъ всякихъ радикальныхъ воззрѣній. Всѣ наши государственныя учрежденія неоднократно подвергались ломкѣ, къ которой у насъ является періодически всеобщая наклонность; она въ значительной мѣрѣ объясняется нашею исторической отсталостью, которая, обыкновенно при великодушныхъ починахъ со стороны верховной власти, заставляетъ насъ по временамъ со страхомъ озираться на западную Европу и вдругъ приниматься за передѣлку всей нашей государственной обстановки. Въ такія эпохи мы какъ нельзя легче разстаемся со всякими традиціями, стыдимся нашего невѣжества и отсталости, и спѣшимъ возвести новыя зданія на мѣсто старыхъ, хотя духъ стараго жилья не скоро вывѣтривается изъ новыхъ стѣнъ и заставляетъ нѣсколько разъ ихъ сызнова перестраивать. Въ такіе моменты спѣшной законодательной и административной работы, оставившіе впрочемъ много достопамятныхъ слѣдовъ въ нашей государственной исторіи, приходится браться для реформы за тѣ руководящія политическія начала какія есть подъ рукой, хотя бы даже они не достигли зрѣлости нужной для государственнаго дѣла. И вотъ случалось неоднократно что политическія идеи возникшія на чуждой намъ исторической почвѣ, и по преимуществу фран

сообщалъ намъ съ крайнимъ удивленіемъ что между всѣми русскими и молодые и зрѣлые, люди отличаются всегда относительною крайностію всѣхъ своихъ мнѣній. Это явленіе не можетъ не удивлять иностранцевъ справедливо признающихъ Русское государство и общество въ своемъ существѣ самыми консервативными въ Европѣ.

цузскія, политическія переливались въ нашу законодательную и административную область. Итакъ воззрѣнія образовавшіяся посреди французской революціи и сама эта революція совсѣмъ не такъ безынтересны для нашей исторіи какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

А между тѣмъ нѣтъ государства въ Европѣ котораго характеръ менѣе соотвѣтствовалъ бы всѣмъ этимъ политическимъ понятіямъ заимствованнымъ изъ лексиконовъ французской демократіи и французской реакціи. Всѣ эти исторически намъ чуждыя идеи конечно безсильны къ порожденію и революціонныхъ потрясеній и даже самой реакціи во французскомъ духѣ; серіознымъ образомъ, во глубинѣ своего сердца, никто не вѣритъ у насъ ни въ революцію, ни въ реакцію, хотя всѣ безпрерывно играютъ этими словами. Поэтому можетъ-статься эта игра и въ революцію, и въ реакцію, въ разнузданіе и въ подтягиваніе общества, будетъ долго казаться у насъ невинною игрой, но какъ всякая неумѣстная игра въ понятія нешуточныя, она не можетъ быть безвредна. Дѣло въ томъ что всѣ эти идеи, *какъ всякія напускныя идеи*, отравляютъ общественную жизнь, и мало-по-малу проникаютъ внутрь. По самой меньшей мѣрѣ эти плевелы препятствуютъ созрѣванію здравыхъ государственныхъ воззрѣній, которыхъ мѣсто они занимаютъ, въ средѣ и безъ того слабой какъ теоретическою подготовкой къ государственному дѣлу, такъ и опытностью политическою.

Мы вынуждены были сдѣлать это невольное отступленіе отъ французской революціи къ неприступнымъ для нея твердынямъ нашего отечества чтобъ отразить нападеніе которому мы подверглись. Намъ дѣлали упрекъ что мы занимаемся совсѣмъ посторонними для Россіи, общими вопросами, и совѣтовали обратиться къ болѣе намъ нужнымъ частнымъ и отечественнымъ: о волостныхъ судахъ, подушной подати, вѣроятно также о сибирской язвѣ, пожарахъ и взаимномъ застрахованіи, объ общинѣ, льянствѣ и пр. и пр. * Нисколько не отрицая интереса всѣхъ этихъ чисто русскихъ вопросовъ для нашей публики, мы позволимъ себѣ только усомниться чтобы всѣ они не имѣли ничего общаго съ занимающими насъ европейскими вопросами. Если сказаннаго еще недостаточно чтобъ убѣдить въ этомъ нашихъ критиковъ, то

* См. между прочимъ *Journal de St.-Pétersbourg* 1872 года.

мы надѣемся что они согласятся съ нами въ этомъ при дальнѣйшемъ развитіи вопросовъ связанныхъ съ французскою революціей.

Такъ напримѣръ податная привилегія высшихъ классовъ на счетъ податнаго отягощенія низшихъ возбудила во Франціи вражду буржуазіи и крестьянъ противъ дворянства и духовенства, а въ другихъ государствахъ та же привилегія раззоряетъ казну посредствомъ накопленія недоимокъ на податныхъ сословіяхъ излишне обремененныхъ налогами, вынуждаетъ прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ взысканія недоимокъ, и парализуетъ народныя сбереженія и возрастаніе народнаго богатства. Вмѣсто чудовищныхъ разлагающихъ единство государственнаго организма наступовъ на него французской революціонной коммуны, и усмиренія ея вооруженною силой, мы видимъ въ другихъ государствахъ административныя столкновенія и пререканія органовъ самоуправленія съ коронными властями. Эти столкновенія, основанныя только на взаимныхъ недоразумѣніяхъ представителей двухъ различныхъ категорій одной и той же государственной власти, конечно несравненно болѣе мирны и безопасны для общественнаго порядка чѣмъ французскія смуты; они до такой степени мирны и безопасны что самое сопоставленіе тѣхъ и другихъ явленій можетъ показаться по меньшей мѣрѣ смѣшнымъ. Такъ однако можетъ только *казаться*, и именно съ точки зрѣнія отсталыхъ понятій связанныхъ съ революціей и не вѣдающихъ ничего далѣе вещественныхъ формъ революціонныхъ взрывовъ и ихъ подавленія. Недоразумѣнія о которыхъ мы упомянули и которыя производятъ столкновенія между казенными и выборными властями тѣ же въ своей сущности какъ и конфликты Парижской коммуны съ французскимъ государствомъ. Основные вопросы права ожидающіе и въ томъ и другомъ случаѣ своего разрѣшенія тождественны. Если приговоры теоріи государственнаго права такъ еще мало внушаютъ довѣрія, то можетъ-статься будутъ въ этомъ отношеніи болѣе вразумительны слова самаго прозорливаго государственнаго человѣка нашего времени. Князю Бисмарку какъ-то случилось сказать что и въ программѣ французскихъ коммуналистовъ есть песчинка истины: и эта песчинка есть вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи которымъ преимущественно и занято прусское правительство въ Альзасъ-Лотарингіи. Значеніе этого несомнѣнно крупнѣйшаго вопроса нашего вѣ-

ка не могло не быть постигнуто руководителемъ современной политики, тому способствовали и его личные инстинкты къ постиженію окружающихъ обстоятельствъ, отличающіе геніальныхъ практическихъ дѣятелей, и также продолжительныя научныя изслѣдованія этого вопроса которыя происходили преимущественно въ новѣйшее время въ Германіи. Точныя изысканія въ области государственнаго управленія и мѣстнаго самоуправленія * дали ключъ къ уразумѣнію самыхъ темныхъ отношеній во Французскомъ государствѣ. Эти явленія причиняютъ, при извѣстныхъ условіяхъ мѣста и времени, возстанія народныхъ массъ противъ правительства, гражданскія междуусобія и уличный безпорядокъ, при другихъ условіяхъ—пререканія и антагонизмъ властей, распущенность ихъ и административную неурядицу, въ томъ и другомъ случаѣ анархію, то-есть личный произволъ и насиліе, вмѣсто законнаго дѣйствія власти. Въ томъ и другомъ случаѣ вещественныя, видимыя для невооруженнаго глаза явленія могутъ быть совершенно различны, даже противоположны, а въ сущности они однородны и въ своихъ первоначальныхъ причинахъ тождественны. **

Тождественны эти разнообразныя историческія явленія и въ своихъ конечныхъ результатахъ для народовъ и государствъ: въ чрезвычайномъ замедленіи успѣховъ экономическихъ, умственныхъ и культурныхъ. Это замедленіе замѣ-

---

* Сверхъ уже упомянутаго сочиненія Р. Гнейста (*Rechtsstaat*), см. въ особенности L. Stein, *Die Verwaltungslehre*, Stuttgart, 1867—1869 (преимущественно первую общую часть объ исполнительной власти и его же *Handbuch der Verwaltungslehre u. des Verwaltungsrechts*, Stuttgart, 1870 (краткое руководство, представляющее въ сокращенномъ видѣ вышеприведенное многотомное „ученіе объ управленіи“, до сихъ поръ еще неоконченное). Этотъ классическій трудъ Лоренца Штейна, едва ли не лучшій до сихъ поръ по теоріи государственнаго управленія, бросилъ совсѣмъ новый свѣтъ на самыя существенныя его стороны (въ особенности на взаимныя отношенія государственныхъ властей), какъ это между прочимъ признаетъ Гнейстъ (*Rechtsstaat*). Теорія здѣсь безпрерывно подкрѣпляется историческими сравненіями Великобританіи, Франціи и Германіи, которыми мы въ послѣдствіи неоднократно будемъ пользоваться.

** Мы надѣемся что многое представляющееся пока несовсѣмъ яснымъ въ нашихъ словахъ значительно уяснится въ послѣдствіи когда будутъ изложены вопросы поставленные французскою революціей.

чается не тотчасъ, рѣдко самими современниками; оно оказывается только послѣ многихъ и многихъ лѣтъ, да и тогда приписывается либо разнымъ историческимъ случайностямъ, либо неспособности расы къ цивилизаціи. Это замедленіе въ историческомъ прогрессѣ націи тѣмъ менѣе замѣчается и тѣмъ менѣе приписывается устранимымъ недостаткамъ въ государственной организаціи, чѣмъ болѣе ея внутренніе пороки заслонены внѣшнимъ вещественнымъ порядкомъ въ государствѣ. Такъ было во Франціи въ теченіе всего XVIII столѣтія, почти включительно съ концомъ царствованія Людовика XIV до 1789 года.

Ходячія представленія прежняго времени о революціи были сосредоточены главнѣйше на внѣшней драматической обстановкѣ ея событій и на кровавыхъ ея манифестаціяхъ; отсюда и сложилось понятіе одинаково общее всѣмъ точкамъ зрѣнія, что вся историческая и политическая сущность этого недуга современныхъ народовъ заключается въ матеріальномъ насиліи со стороны тѣхъ или другихъ группъ общества противъ установленнаго вещественнаго государственнаго порядка, въ такъ-называемыхъ революціонныхъ взрывахъ или народныхъ возстаніяхъ. Однимъ нравятся, другимъ не нравятся эти катастрофы, одни ихъ призываютъ, другіе страшатся, одни агитируютъ чтобъ онѣ сдѣлались рано или поздно возможны въ государствѣ, для спасенія народа отъ такъ-называемой тираніи власти и для водворенія въ немъ свободы; другіе напротивъ напрягаютъ всѣ пружины своей правительственной машины чтобы сдѣлать эти вещественныя нарушенія порядка невозможными и обезпечить могущество власти противъ насилія подвластныхъ. Какъ ни противоположны эти политическія воззрѣнія, но сущность понятій о предметѣ въ нихъ одна и та же.

Всѣ эти воззрѣнія весьма естественны когда въ историческомъ недугѣ государственнаго организма хотятъ видѣть только дѣйствіе какого-то таинственнаго болѣзненнаго начала. Нѣчто совершенно подобное было и въ медицинѣ до успѣховъ естественныхъ наукъ сдѣлавшихся ея основою въ нынѣшнемъ столѣтіи, — анатоміи и физіологіи съ одной стороны, химіи и физики съ другой; до тѣхъ поръ причина болѣзни представлялась неразложимымъ *болѣзненнымъ* началомъ заявлявшимъ свое дѣйствіе только въ наружныхъ симптомахъ. То же самое продолжается и до сихъ поръ въ невѣжествен-

ной средѣ: недуги человѣческаго тѣла обращаютъ на себя вниманіе простолюдина только сочувственными болѣзненными ощущеніями, ранами, увѣчьями и самыми крайними пароксизмами, иногда дѣйствительно угрожающими жизни, а иногда не опасными въ сравненіи съ другими аномальными жизненными процессами внутри организма. Такіе больные и имъ близкіе безпокоятся только объ этихъ внѣшнихъ признакахъ болѣзни, видятъ въ нихъ все существо недуга. Всѣ болѣзненныя явленія и ихъ первичные химическіе, физическіе, физіологическіе элементы во внутреннихъ органахъ, тканяхъ и сосудахъ, и ихъ отправленіяхъ, въ крови, ея составѣ и обращеніи, въ нервахъ и ихъ дѣятельности и пр., все это невѣдомая область для понятій несвѣдущаго страдальца. Между тѣмъ только чрезъ посредство этихъ явленій болѣзненное начало производитъ мучительныя ощущенія для организма; мало того, *только въ нихъ это начало и заключается*. Но несвѣдущій человѣкъ убѣжденъ въ необходимости дѣйствія медика не на эти явленія и въ необходимости спасенія его не отъ нихъ, то-есть не отъ болѣзни, а только отъ ея припадковъ.

Нѣтъ государства въ Европѣ которое въ своей организаціи и своемъ бытѣ могло бы считать себя совершенно свободнымъ отъ болѣзненныхъ условій которыми были подготовлены и которыми нынѣ поддерживаются терзанія несчастной Франціи; такой самоувѣренности не должно допускать уже одно то соображеніе что всѣ европейскія государства живутъ одною жизнію, что обобщеніе ея и взаимодѣйствіе всѣхъ народовъ,—умственное, экономическое и политическое,—безпрерывно возрастаютъ, и что въ виду глубокой болѣзни одного члена европейскаго общества никто изъ другихъ его членовъ не можетъ считать себя совершенно невредимымъ.

Нѣтъ сомнѣнія что открытыя вооруженныя возстанія гражданъ противъ органовъ государственной власти служатъ самыми яркими и вѣрными признаками революціоннаго положенія вещей въ государствѣ, но *только признаками* или *симптомами*. Только въ этомъ ихъ значеніи, *никакъ ни болѣе*, *ни менѣе*, и слѣдуетъ брать ихъ въ соображеніе при изслѣдованіяхъ вопросовъ о революціи, а также въ политической практикѣ. Во всемъ томъ что̀ сказано выше намъ хотѣлось преимущественно установить эту точку зрѣнія на революціонныя движенія; поэтому и желательно чтобъ она была обезпе-

чена отъ всякихъ недоразумѣній какія для иныхъ читателей легко могутъ возникнуть изъ нашихъ словъ. Такъ мы всего менѣе желали бы чтобъ изъ нашихъ разсужденій было выведено какое-либо заключеніе о *безвредности* народныхъ возстаній и всякихъ вещественныхъ революціонныхъ безпорядковъ, когда мы говорили только о маловажности ихъ *сравнительно съ причинами* или корнемъ зла котораго они являются только признаками. Уже какъ симптомы недуга, они служатъ средствами для его изученія, а равно и руководствомъ и для всѣхъ мѣръ врачеванія, предупрежденія, пресѣченія и даже излѣченія; но для этого они должны быть приведены въ связь съ коренными причинами зла, которыя могутъ быть очень далеки отъ непосредственныхъ поводовъ къ народному мятежу, къ вещественному сопротивленію власти, къ уличнымъ безпорядкамъ. Эти первоначальныя причины конечно существеннѣе послѣднихъ поводовъ къ общественному безпорядку, которыми, однако, почти исключительно интересуются всѣ практическіе возстановители общественной тишины и благочинія; эти-то причины нужно знать и изслѣдовать когда онѣ большею частію слишкомъ далеки и скрыты чтобъ ихъ можно было схватить на улицѣ, площади, въ клубѣ или даже въ квартирѣ заговорщиковъ, и на эти-то причины нужно дѣйствовать.

Далѣе нужно устранить еще слѣдующее недоразумѣніе: чтобы сопротивленіе власти, самое открытое и даже вооруженное, было симптомомъ революціоннаго движенія въ государствѣ, нужно чтобъ оно имѣло всѣ специфическія свойства такого симптома, а между ними самое существенное, положительное, намѣренное и сознательное отрицаніе *самаго принципа государственной власти*, отрицаніе его, хотя бы и не абсолютное, * какое выставляютъ на своемъ знамени самые крайніе представители европейской демагогіи, то по меньшей мѣрѣ отрицаніе принципа власти въ данной, исторической формѣ ея организаціи (напримѣръ монархической въ монархіи), отказъ въ повиновеніи не тѣмъ или другимъ исполнителямъ закона и власти, а самому закону и власти какъ таковымъ. По этому пункту существуетъ также не мало самыхъ странныхъ и иногда смѣшныхъ заблужденій, при которыхъ иные блюстители порядка готовы принять за революціонное движеніе всякое на-

* То-есть отрицаніе права всякой государственной власти.

родное волненіе, всякую свалку, даже всякій шумъ и суматоху на улицѣ. Отъ этого смѣшенія понятій происходило много несчастій въ государственной жизни народовъ: къ отдѣльнымъ лицамъ или къ толпѣ, недовольнымъ только тѣми или другими исполнителями власти, сопротивляющимся только ихъ злоупотребленіямъ и незаконнымъ требованіямъ (правильно или неправильно недовольнымъ и сопротивляющимся, это совсѣмъ другой вопросъ), обращались какъ къ революціонерамъ. Народный мятежъ, бунтъ, возстаніе съ самыми кровавыми сценами, могутъ не имѣть ничего общаго съ революціоннымъ движеніемъ, быть даже антиреволюціонными въ своемъ направленіи, когда въ нихъ нѣтъ отрицанія народомъ или его вожаками основныхъ началъ установленной въ государствѣ власти или намѣренія ниспровергнуть ихъ. Все это очень элементарно, но не всегда сознается въ административной практикѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна опять таки Англія (безъ Ирландіи), гдѣ самыя ожесточенныя и кровопролитныя народныя возмущенія не только междуусобныя, но и противъ представителей власти, даже съ направленіемъ положительно политическимъ, не имѣютъ революціоннаго характера, а потому и оканчиваются самымъ обыкновеннымъ полицейскимъ и судебнымъ порядкомъ, подобно всякой уличной дракѣ. Разгулъ грубыхъ народныхъ страстей можетъ доходить до крайнихъ выраженій безъ посягательства на основы государственной власти въ націяхъ не зараженныхъ въ своемъ внутреннемъ организмѣ ядомъ революціоннаго недуга. Совсѣмъ напротивъ во Франціи, гдѣ всякій уличный шумъ принимаетъ въ нѣсколько мгновеній направленіе къ ниспроверженію правительства и дѣйствительно всегда можетъ перейти въ такую катастрофу.

Изъ сказаннаго конечно не слѣдуетъ чтобы нарушенія вещественнаго порядка не были сами по себѣ зломъ, и чтобъ они не влекли за собою дурныхъ послѣдствій. Совсѣмъ мѣстная болѣзнь, вередъ отъ чисто-механическаго наружнаго поврежденія крайнихъ оконечностей органовъ и наружныхъ тканей, можетъ при небрежномъ съ нимъ обращеніи, и при нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ внутреннихъ условіяхъ организма (напримѣръ при худосочіи), превратиться въ смертельный недугъ, который безъ этого могъ бы и не развиться. То же самое можетъ случиться и съ самыми обыкновенными и мѣстными нарушеніями общественнаго

порядка и благочинія, напримѣръ съ уличнымъ буйствомъ и безобразіемъ, гребежомъ, разбоемъ и пр., когда они безпрепятственно усиливаются и распространяются. Такъ напримѣръ, когда блюстители порядка и благочинія оказываются нерасположенными или безсильными къ исполненію своихъ обязанностей для охраны законнаго порядка, въ извѣстныхъ слояхъ общества укореняется привычка къ насилію, и все общество можетъ потерять уваженіе ко власти несостоятельной въ своемъ прямомъ призваніи обезпечивать безопасность лицъ и имуществъ; отъ одной власти къ другой неуваженіе можетъ распространиться до ея вершины, населеніе съ, самыми мирными наклонностями можетъ, ради самообороны, пойти по опасному пути самоуправства и т. д. Въ исторіи революцій не мало всего этого: онѣ могутъ зачаться съ урона государственной власти по ея собственной винѣ, по ея добровольной иниціативѣ, по бездѣйствію и небрежности къ своему долгу.

Въ высшей степени любопытна въ этомъ отношеніи исторія французской революціи въ 1790—1792 годахъ, и въ особенности между 20мъ іюня и 10мъ августа 1792 года, какъ она сдѣлалась извѣстною намъ нынѣ. Въ этотъ промежутокъ времени, парижская чернь всякаго рода, отъ головорѣзовъ и разбойниковъ въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, до нищей и праздной уличной толпы, пріобрѣла привычку къ демонстраціямъ, къ такъ-называемымъ journées, которыя подъ водительствомъ якобинцевъ становились съ каждымъ днемъ все болѣе буйными и окончились низверженіемъ монархіи, а съ нею и народнаго представительства и всякой законной власти. Эта привычка къ уличнымъ безчинствамъ была систематически развита въ парижскомъ населеніи полнымъ бездѣйствіемъ правительства, къ которому (и прямо къ королю и къ законодательному собранію) тщетно обращались, послѣ 20го іюня, изъ разныхъ краевъ Франціи, всѣ классы народа, съ самыми энергическими петиціями и адресами о подавленіи уличной демагогіи и возстановленіи уваженія къ закону и конституціи. * На той же необходимости водворенія законнаго порядка безплодно настаивалъ генералъ Лафайетъ въ Тюйлерійскомъ дворцѣ, предлагая королю свою шпагу и получивъ отвѣтъ

* *Histoire de la Terreur*, T. II, pp. 1—33.

королевы: „лучше погибнуть чѣмъ быть спасенными Лафайетомъ, и *конституціоналами*". *

По прежнимъ искаженнымъ исторіямъ этого времени, нельзя было понять какимъ образомъ вся Франція и даже большинство населенія въ самомъ Парижѣ оставались безгласными и равнодушными зрителями присвоенія столичною чернію, клубами и нѣсколькими ихъ вожаками, болѣе кровожадными чѣмъ талантливыми, верховной власти надъ цѣлою націей? Но этого и не было, какъ оказывается изъ подлинныхъ документовъ того времени, а было только полное бездѣйствіе власти, отчасти по предательству, а главнѣйше по внутреннему *безсилію*. Между тѣмъ отовсюду, даже изъ лагерей первоначально дружественныхъ революціи, раздавались громкіе голоса взывавшіе къ охранѣ порядка, не говоря даже объ энергическомъ меньшинствѣ законодательнаго собранія съ самоотверженіемъ преданномъ монархіи, и о значительномъ большинствѣ его готовомъ идти на защиту ея, вслѣдъ за рѣшительными людьми во главѣ правленія; отсутствіе всякой рѣшимости въ самомъ центрѣ правительства обезоруживало колеблющееся большинство народнаго представительства предъ наступомъ людей Горы, въ то время еще ничтожной въ собраніи; оно отымало духъ у должностнаго состава

* Тамъ же, Т. I, р. 290 *Mieux vaut périr, que d'être sauvé par La Fayette et les constitutionnels* (*Mém. de La Fayette*, и *Mém. de Mme de Campan*); эти слова были сказаны Маріею Антуанетой принцессѣ Елисаветѣ (сестрѣ Лудовика XVI), совѣтовавшей: „забыть прошедшее, и *съ довѣріемъ* броситься въ объятія единственнаго человѣка могущаго спасти короля и его семейство". Отвѣтъ королевы чрезвычайно ярко рисуетъ ея характеръ и положеніе королевскаго семейства, предпочитавшаго надѣяться на иноземную помощь и даже брататься съ демагогами (благодушныя бесѣды Лудовика XVI съ толпою ворвавшеюся въ его кабинетъ 20го іюня 1792 и украшеніе своей головы красною шапкой, по собственному его желанію), чѣмъ чистосердечно соединиться съ ненавистною ему конституціонною партіей. Вообще пріѣздъ Лафайета въ Парижъ 28го іюня 1792 и всѣ подробности его тамъ пребыванія (пренія въ законодательномъ собраніи, сношенія его съ муниципальнымъ совѣтомъ и проч., см. тамъ же рр. 281 — 297) составляютъ любопытную страницу въ исторіи революціи въ моментъ ея поворота отъ анархіи къ террору. Характеристична апатія всѣхъ умѣренныхъ партій, которыя были гораздо многочисленнѣе крайнихъ и которымъ онъ отдавалъ въ распоряженіе и себя и войско для спасенія монархіи и Франціи.

администраціи, большею частію весьма не расположенной къ демагогіи, и въ столицѣ и въ провинціи, и оно не позволило развиться тому движенію къ отпору противъ революціи которое положительно возникало въ то время во всемъ Французскомъ народѣ, и даже во многихъ городахъ и муниципальныхъ учрежденіяхъ.

Въ государственной исторіи Франціи не мало размышленій возбуждаетъ этотъ загадочный фактъ: всякое законное правительство въ ней изнемогаетъ каждый разъ когда необходима его энергія для охраны общества отъ буйства толпы; то же правительство выказываетъ необычайную способность къ энергической власти въ эпохи политическаго застоя и усыпленія общества, т.-е. когда оно наименѣе нуждается въ этой энергіи. Съ другой стороны, въ той же Франціи люди правящіе государствомъ не въ качествѣ законныхъ государственныхъ властей, а революціонныхъ или временныхъ, отличаются необычайною способностью къ энергическому подавленію демагогіи во всякихъ вооруженныхъ съ нею схваткахъ (іюньскіе дни въ 1848 и борьба съ Парижскою коммуной въ 1873).

Свобода противопоставляемая порядку и даже законному порядку, партія порядка (le grand parti de l'ordre) противопоставляемая партіи свободы, куда заодно причисляются и революціонные дѣятели, вотъ одно изъ тѣхъ нелѣпыхъ воззрѣній которыя возникли на французской революціонной почвѣ и оттуда распространились по Европѣ, породивъ столь вредное смѣшеніе понятій. Извѣстно что самое обыкновенное обвиненіе воздвигаемое приверженцами революціонныхъ идей на своихъ противниковъ есть обвиненіе въ *тиранніи*. Добросовѣстное и не добросовѣстное увлеченіе въ этомъ направленіи доходитъ до того что революціонеры провозглашаютъ тиранами самыхъ убогихъ представителей власти, подобныхъ Лудовику XVI, единственное государственное преступленіе котораго предъ своимъ народомъ и исторіей заключалось именно въ томъ что онъ не умѣлъ и даже не хотѣлъ пользоваться своею властью для твердой охраны общественнаго порядка. За то съ противоположной стороны, революціонеровъ всего болѣе обвиняютъ въ стремленіи къ *свободѣ*, въ чрезмѣрной якобы любви къ свободѣ; это обвиненіе до того бываетъ безсмысленно что даже деспоты и головорѣзы демагогіи, всего менѣе заботившіеся о чьей бы то ни было свободѣ, осуждаются зиждителями и хранителями начала

власти главнѣйше за ихъ якобы фанатическую приверженность къ свободѣ. Мы видѣли что даже такіе писатели какъ Минье не могли отказаться отъ этого противоположенія стремленій къ свободѣ стремленіямъ къ порядку и спокойствію. Во Франціи это воззрѣніе впрочемъ имѣетъ свое основаніе и свой смыслъ: вопервыхъ, періодическіе революціонные взрывы безпрестанно вынуждаютъ тамъ всѣхъ людей сколько-нибудь имъ враждебныхъ соединяться чтобы посреди анархіи водворить какой-нибудь вещественный порядокъ, и вовторыхъ, вслѣдствіе періодическихъ злоупотребленій диктатурою, всѣ люди сколько-нибудь и почему-нибудь ей не сочувствующіе, въ томъ числѣ и партіи желающія только перехватить власть въ свои руки, соединяются вмѣстѣ подъ пресловутое знамя свободы. Но это есть чисто мѣстное историческое явленіе; оно не всегда же будетъ продолжаться и въ самой Франціи. Только законный государственный порядокъ можетъ обезпечить прочнымъ образомъ свободу, то-есть свободу каждой человѣческой личности въ государствѣ, безъ нарушенія такой же точно свободы всѣхъ другихъ личностей; а эта свобода и есть порядокъ. Ничего иного подъ свободой, въ самомъ общемъ ея выраженіи, разумѣть нельзя. Достиженіе такого *законнаго порядка*, законнаго въ дѣйствительности, а не на одной только бумагѣ, — законнаго не потому только что изданы и существуютъ въ государствѣ законы, которые могутъ и не исполняться, вотъ весь политическій идеалъ * нашего времени, котораго еще не достигло ни одно европейское государство кромѣ Великобританіи. Такой законный порядокъ осуществляется не скоро, не просто, и не легко; онъ вырабатывается цѣлыми вѣками исторіи и каждымъ европейскимъ народомъ по-своему; онъ поддерживается цѣлымъ рядомъ государственныхъ учрежденій, сложныхъ и трудныхъ какъ въ своемъ устройствѣ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ (или управленіи). ** Такой порядокъ не можетъ быть водворенъ

* Мы говоримъ политическій или государственный, а не соціальный идеалъ, который возбуждаетъ еще другіе вопросы. Объ этомъ мы еще будемъ говорить.

** См. между прочимъ указанія Гнейста на цѣлый рядъ такихъ учрежденій которыя связуютъ въ Великобританіи законодательную, судебную и административную власть въ одно цѣлое, въ одинъ живой организмъ, и которыя упускаются совсѣмъ изъ виду разсуждающими о раздѣленіи этихъ властей въ этомъ государствѣ. См. R. Gneist, *der Rechtsstaat*, стр. 20—38.

голыми формулами или посредствомъ отвлеченной политической догматики стараго времени, и всего менѣе революціонной, а требуетъ продолжительной работы теоріи и государственной практики, которыя обѣ только совокупными и послѣдовательными условіями могутъ найти нужныя каждому народу *историческія національныя формы* для водворенія въ его государственномъ бытѣ этихъ идеальныхъ и общечеловѣческихъ началъ справедливости. Однимъ торжественнымъ провозглашеніемъ въ учебникѣ государственнаго права или даже въ законѣ, эти начала никакъ не привьются къ народной жизни. Наконецъ, сверхъ законовъ, учрежденій и ихъ дѣятельности, нужны извѣстныя понятія, нравы и обычаи въ самой общественной средѣ, а все это лишь настолько зависитъ отъ законодателей и правительствъ насколько отъ нихъ зависятъ успѣхи народнаго воспитанія и образованія; революціонныя же потрясенія всего пагубнѣе въ этомъ отношеніи. Сознаніе всего этого было чуждо революціонной Франціи XVIII вѣка, и оно принадлежитъ къ лучшимъ пріобрѣтеніямъ государственныхъ наукъ нашего времени.

Мы затронули много вопросовъ связанныхъ съ исторіей революціи и показали къ какому смѣшенію понятій можетъ вести поверхностное разсмотрѣніе ихъ подъ вліяніемъ господствовавшихъ до послѣдняго времени воззрѣній. Мы видѣли болѣзненныя явленія въ государственной жизни народовъ, однородныя съ революціоннымъ недугомъ въ своихъ причинахъ и совсѣмъ разнородныя во внѣшнихъ признакахъ (напримѣръ антагонизмъ между органнами самоуправленія и центральною администраціей и ея бюрократическими органами, и революціонныя притязанія общинъ на верховную власть). Съ другой стороны, мы видѣли противоположныя явленія: одинаковыя съ революціоными въ своихъ наружныхъ формахъ и признакахъ и ничего не имѣющія съ нимъ общаго въ своихъ причинахъ (напримѣръ уличные безпорядки и народныя волненія порожденныя невѣжествомъ или буйствомъ, но не имѣющія политическаго характера, или вызванныя злоупотребленіями должностныхъ лицъ, но далекія отъ всякаго посягательства на права верховной власти). Очевидно что для предупрежденія и прекращенія тѣхъ и другихъ явленій требуется совсѣмъ иной образъ дѣйствій, а первымъ условіемъ для выбора соотвѣтствующихъ случаю мѣръ должно быть

различеніе, распознаніе этихъ явленій, то-есть, выражаясь языкомъ медицинскимъ, діагноза, безъ которой мало-мальски свѣдущій врачъ не начинаетъ лѣченья.

Итакъ, для самой государственной практики необходимо теперь безпристрастное научное изслѣдованіе французской революціи.

Но здравыя сужденія о революціи еще недавно были почти невозможны. Исторія французской революціи представлялась не иначе какъ съ точки зрѣнія разныхъ участвовавшихъ въ ней интересовъ и партій. Такова была даже ученая литература революціи. Каждая политическая партія, каждая революціонная секта имѣли свою исторію революціи, и разсматривали всѣ ея перипетіи и вопросы въ духѣ собственныхъ интересовъ.

Не говорю уже о произведеніяхъ фантазіи какъ *Исторія Жирондистовъ* Ламартина. * Однакоже и эта книга, написанная въ видѣ поэмы, явилась въ свое время политическимъ событіемъ въ Европѣ и потрясла своими впечатлѣніями весь образованный міръ въ 1847—1848 годахъ. Эти впечатлѣнія, еще болѣе смутныя чѣмъ политическія понятія самихъ жирондистовъ, получили силу руководящихъ идей, нѣсколько времени управлявшихъ судьбами Франціи. Юное поколѣніе съ жадностью бросилось на это произведеніе. А изъ этого поколѣнія, не вездѣ такъ скоро отрезвившагося какъ въ Германіи, вышли дѣятели на всѣхъ поприщахъ; вмѣсто положительныхъ государственныхъ знаній, какія были имъ необходимы для дѣла и могли быть съ пользою для каждаго государства выведены изъ исторіи французской революціи, они получили изъ нея только грезы воображенія, которыя, разсѣваясь съ лѣтами, оставляли по себѣ, въ лучшемъ случаѣ, совершенную пустоту.

Другія сочиненія, посвященныя французской революціи, съ виду болѣе серіозныя и вооруженныя внѣшнимъ аппаратомъ учености выходили во множествѣ томовъ въ теченіе столькихъ лѣтъ; всѣ они имѣютъ характеръ памфлетовъ для революціонной пропаганды разныхъ оттѣнковъ. Первое между ними мѣсто занимаетъ сочиненіе Луи Блана, ** отличающееся

---

* A. de Lamartine, *Histoire des Girondins*. Его же. *Histoire des Constituants*. Paris, 1855.

** Louis Blanc, *Histoire de la Révolution française*.

самою крайнею революціонною краской. Это сочиненіе чрезвычайно распространено и пользуется до сихъ поръ авторитетомъ во всѣхъ малообразованныхъ кругахъ (въ томъ числѣ и у насъ) и даже между людьми нисколько не революціоннаго образа мыслей. Иные читатели, ни мало не сочувствуя автору который находитъ возможнымъ оправдывать всѣ ужасы революціи, или какъ дѣянія нравственныя и благодѣтельныя для человѣчества, или какъ неизбѣжныя проявленія священнаго революціоннаго духа, не легко могутъ себѣ представить что такой обширный, многолѣтній трудъ, испещренный цитатами, не заключаетъ въ себѣ вѣрнаго изложенія даже главныхъ фактовъ. Между тѣмъ книгѣ этой недостаетъ самой элементарной правдивости, отчасти вслѣдствіе недостовѣрности источниковъ, а главное вслѣдствіе намѣреннаго искаженія событій: въ этомъ преступленіи на всякомъ шагу уличаетъ Луи Блана новѣйшій изслѣдователь исторіи французской революціи, Мортимеръ-Терно. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ претендуетъ на философское глубокомысліе взгляда. Во всемірной исторіи онъ видитъ преемственное развитіе трехъ началъ: авторитета, индивидуализма и братства, которое окончательно возвѣщается міру французскою революціей въ ея самыхъ крайнихъ разливахъ! Историческій прогрессъ долженъ будто бы упразднить развитіе свободы человѣческой личности (индивидуализма) * у образованныхъ народовъ. Но именно эта манера писать исторію всего болѣе придаетъ популярности сочиненіямъ имѣющимъ фальшивыя притязанія на ученость. Историческія событія расположенныя въ симметрическомъ порядкѣ, по идеямъ и принципамъ которые они осуществляютъ, являясь одно за другимъ на сцену, будто театральныя декораціи, легче усваиваются большинствомъ читателей и болѣе запечатлѣваются въ ихъ памяти.

Въ томъ же родѣ, съ предвзятыми взглядами, и въ духѣ поклоненія идеаламъ революціи, написаны двѣ другія относящіяся къ той же группѣ обширныя исторіи Мишле и Э. Кине. ** Оба они гораздо умѣреннѣе Луи Блана въ своемъ

* Это странное понятіе встрѣтило впрочемъ въ свое время рѣзкія возраженія даже въ революціонномъ лагерѣ, не слишкомъ чувствительномъ къ вопросамъ о личной свободѣ.

** J. Michelet, *Histoire de la Révolution française;* E. Quinet, *La Révolution.* Это послѣднее сочиненіе вышло въ 1868 пятымъ изданіемъ, значительно измѣненнымъ противъ предыдущихъ.

революціонномъ направленіи и болѣе строги въ осужденіи революціонныхъ дѣятелей и ихъ кровавыхъ подвиговъ; но первоначальная разработка и критика источниковъ чужда и этимъ писателямъ. Талантливость изложенія, поэтическія прикрасы, увлекательность французскаго слога, распространили эти произведенія, и ихъ вліяніе не скоро уступаетъ новымъ, болѣе трезвымъ воззрѣніямъ.

Мы не имѣемъ претензіи дѣлать полный очеркъ литературы французской революціи, а хотѣли только указать нѣкоторыя характеристическія ея черты. Чтобы дополнить понятіе о нихъ, нужно сказать что нѣтъ столь гнусныхъ преступленій въ исторіи революціи которыя бы не нашли себѣ апологіи во французской литературѣ, даже серіозной. Такъ напримѣръ сентябрьскія убійства 1792 года (les martires de septembre) едва ли не превзошли истязаніемъ невинныхъ жертвъ жестокость инквизиціи; они производились нисколько не политическими фанатиками, какъ это разказывалось въ прежнихъ исторіяхъ, а просто разбойниками и грабителями, изъ корысти и кровожадности, какъ это нынѣ вполнѣ доказано; * эти убійства возводились в степень патріотическихъ доблестей людьми честными и писателями извѣстными и весьма уважаемыми, напримѣръ А. Эскиросомъ, или писателями второстепенными, но далеко не послѣдняго разбора, какъ Марастъ и Дюпонъ. **

Въ виду всего этого приходится только удивляться до какого развращенія способенъ доходить человѣческій умъ подъ дѣйствіемъ идеи фанатически заразившей его, и до

* Это совершенно доказано Мортимеромъ-Терно, въ его III томѣ исторіи Террора. *Наемные* изъ всякаго сброда сбиры (въ томъ числѣ шпіоны прежней полиціи), ничего не имѣющіе общаго съ *патріотами*, хотя бы и фанатическими, какими ихъ величали, совершали эти убійства за опредѣленную въ точности плату. Ихъ посылали вожаки революціонной коммуны (Маратъ, Робеспьеръ, Дантонъ, и проч.), также нисколько не вслѣдствіе фанатическаго революціоннаго воодушевленія, а для наведенія ужаса, нужнаго ихъ личнымъ властолюбивымъ цѣлямъ. Такова вся исторія Террора.

** Alphonse Esquiros, *Histoire des montagnards*. Авторъ восхваляетъ парижскую коммуну, *очистившую* тюрьмы. А Marrast и Dupont называютъ сентябрьскія убійства grand acte de justice populaire въ своемъ сочиненіи *Fastes de la Révolution*. Мы дѣлаемъ эти ссылки по Мортимеру-Терно (*Histoire de la Terreur*, T. III, p 183).

какой степени цѣлое общество можетъ быть настроено въ томъ же направленіи, въ извѣстные періоды политическаго броженія, если посреди него безбоязненно проповѣдуются подобныя доктрины людьми которые несомнѣнно дорожатъ своею нравственною репутаціей. Такимъ періодомъ въ Европѣ вообще и въ особенности во Франціи были сороковые годы, которымъ почти исключительно принадлежитъ, или по времени изданія или по именамъ авторовъ, дѣйствовавшихъ на политическомъ поприщѣ, вся эта революціонная историческая литература.

Мы говорили до сихъ поръ о сочиненіяхъ прямо предназначенныхъ для революціонной или политической пропаганды, которая впрочемъ господствовала въ исторической литературѣ революціи. Но даже такія авторитетныя изданія какъ напримѣръ *Парламентская исторія* Бюшеза и Ру, * долженствовавшія оставаться чуждыми всякой тенденціозности и послужившія въ качествѣ сборниковъ достовѣрныхъ матеріаловъ всѣмъ историкамъ, заключаютъ въ себѣ важные пропуски и грубыя искаженія въ подлинныхъ документахъ, дающіе совсѣмъ иной видъ событіямъ. Справедливо пользовавшаяся наибольшимъ уваженіемъ исторія французской революціи Минье ** не была свободна отъ идей и увлеченій революціи. Будучи въ своихъ намѣреніяхъ совершенно далекъ отъ духа революціи Минье описываетъ однако же съ положительнымъ сочувствіемъ, почти съ восхищеніемъ *** знаменитое засѣданіе третьяго сословія 23го іюня 1789 года въ Версалѣ, когда его члены **** отказались повиноваться королевской власти кассировавшей ихъ предыдущія противозаконныя постановленія и требовавшей чтобъ они разошлись и продолжали свои занятія въ качествѣ представителей сословій, а не націи. А между тѣмъ это былъ пер-

* Bucher et Roux, *Histoire parlementaire.* О погрѣшности этого изданія мы говоримъ также на основаніи указаній Мортимера-Терно вполнѣ имъ доказанныхъ.

** Mignet, *Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814;* это сочиненіе вышло въ 1847 году двадцатымъ изданіемъ.

*** *Hist. de la Révol. française,* T I, Chap. I (p. 50).

**** Послѣ провозглашенія себя (въ засѣданіи 17 іюня), совокупно съ остальными двумя сословіями, національнымъ собраніемъ (представителями народа), на мѣсто генеральныхъ штатовъ (представителей сословій).

ый открытый революціонный актъ, одновременный съ первымъ государственнымъ ударомъ * (coup d'état); отсюда пошли и тѣ и другія продолжаясь до настоящаго дня. Въ этомъ засѣданіи, представители третьяго сословія или общинъ совершили начальный революціонный фактъ: они самовластно объявили себя представителями всего Французскаго народа (пригласивъ въ свою среду представителей духовенства и дворянства), присвоили своему собранію верховную власть, вырвавъ ее изъ рукъ короля и провозгласивъ его своимъ уполномоченнымъ.** Въ послѣдствіи неотразимою логикою революціонныхъ движеній верховная власть была перенесена въ распоряженіе избирателей, всего народа, и наконецъ даже, по ученію Марата *** и террористовъ, въ распоряженіе всякой *доли народа*, т.-е. всякой толпы собравшейся на улицѣ или въ клубѣ. Первое революціонное насиліе послѣдовательно развилось до этой анархіи понятій и этой анархіи власти. Корона сперва добровольно подчинилась этому насилію, т.-е. признала его, потомъ стала отбиваться отъ него, наконецъ снова подчинилась ему. Въ этотъ день впервые была порвана историческая нить законности во французскомъ государственномъ строѣ и заложена первая завязь революціи; этимъ была также впервые, и почти руками самого монарха подчинившагося собранію, подорвана Французская монархія въ самомъ своемъ основаніи, такъ какъ монархъ по существу своей власти не можетъ быть и нигдѣ не есть въ представительныхъ монархіяхъ уполномоченнымъ отъ народныхъ представителей, т.-е. начальникомъ исполнительной власти (chef du pouvoir exécutif) каковымъ привыкли съ того дня называть короля во Франціи. Также точно народное представительство въ монархіи не можетъ по своему существу обладать верховною властью, и отнюдь не обладаетъ ею въ англійской конституціи, сдѣлавшейся прототипомъ всѣхъ другихъ.

---

* Посланіе короля.

** Qui vous fait ce commandement? Votre mandataire, сказалъ Мирабо въ своей рѣчи, сдѣлавшейся рѣшеніемъ всего собранія. Чтобы Мирабо могъ спасти Францію и монархію, согласно политическимъ началамъ которыя онъ въ послѣдствіи излагалъ, онъ долженъ былъ стать во главѣ правленія ранѣе этого.

*** Toute portion du peuple.

Съ этого перваго шага французской революціи пошла путаница въ отношеніяхъ королевской власти и народнаго представительства; обѣ стороны сбились съ пути, лишились каждая (корона столько же какъ и народное представительство) законной подъ собою почвы. Фактически народное представительство начало съ 23го іюня 1789 года законодательствовать, творить судъ и управлять Франціей, соединило въ себѣ всѣ прерогативы верховной власти, а корона утратила всякое значеніе и являлась какъ бы сгнившею вѣтвью стараго дерева которая могла быть только помѣхой его росту.

Тьеръ весьма правильно называетъ засѣданіе третьяго сословія 23го іюня 1789 года *первою революціей* * во Франціи; однакоже и Тьеръ какъ Минье все-таки горячій приверженецъ этой первой революціи, этихъ великихъ принциповъ 1789 года, какъ почти всѣ Французы того времени, будучи какъ и Минье самымъ отъявленнымъ врагомъ всѣхъ послѣдующихъ революцій. ** Поклоненіе этимъ *великимъ принципамъ* до того вошло въ плоть и кровь Французовъ, по крайней мѣрѣ въ поколѣніяхъ непосредственно воспитанныхъ на традиціяхъ XVIII вѣка, что не только революціонная имперія опиралась по необходимости на эти начала, но и такъ-называемая іюльская монархія, во главѣ которой находился потомокъ старой династіи. Герцогъ Орлеанскій, сынъ и наслѣдникъ короля Лудовика-Филиппа, поучаетъ въ своемъ завѣщаніи сына что суждено ли ему быть королемъ или простымъ гражданиномъ, онъ долженъ быть прежде всего *страстнымъ и исключительнымъ служителемъ революціи* (serviteur exclusif et passioné de la Révolution), *даже больше чѣмъ служителемъ своей церкви!* *** Надо думать что тутъ идетъ опять-таки рѣчь только о революціи 89 года, а не о послѣдующихъ, которыя привели на эшафотъ роднаго дѣда автора этого завѣщанія. Оставляя пока въ сторонѣ личный вопросъ объ этой королевской династіи, проповѣдовавшей религію революціи,

---

* A. Thiers, *Histoire de la révolution francaise*, Bruxelles, 1845, T. I, p. 59.

** За исключеніемъ іюльской 1830 года, которая въ XIX вѣкѣ опять признается законною французскими умѣренными либералами, отрицающимися отъ другихъ революцій этого же вѣка.

*** См. отрывокъ изъ политическаго завѣщанія герцога Орлеанскаго въ письмѣ г. Марселя Барта.

той самой революціи которая снесла всѣхъ родоначальниковъ этой династіи, мы указываемъ здѣсь на этотъ фактъ только какъ на самое характеристическое свидѣтельство развитія революціоннаго духа во французскомъ обществѣ. Вопреки завѣщанію своего отца или нѣтъ,—мы объ этомъ судить не беремся,—но нынѣшній представитель Орлеанскаго дома поступилъ несравненно сообразнѣе и съ достоинствомъ своимъ и съ интересами Франціи преклонившись предъ единственнымъ представителемъ монархическаго принципа во Франціи, наслѣдникомъ старшей Бурбонской линіи. Другой законной монархіи не можетъ быть, а *незаконную монархію* трудно понять.

Когда рѣчь идетъ о „великихъ принципахъ" 89 года, то обыкновенно смѣшивается самое содержаніе этихъ началъ, внесенныхъ во французское законодательство учредительнымъ собраніемъ 1789 года, съ тѣми способами какими производились эти реформы. Революціонный характеръ заключается именно въ этихъ способахъ. Политическія идеи которыми генеральные штаты руководились, дозволяя себѣ эти способы дѣйствія, были чисто революціонныя. Но эти идеи или эти начала 1789 года,—тѣ самыя отъ коихъ пошло все дальнѣйшее развитіе событій, по доктринѣ священнаго права инсуррекціи или народнаго самодержавія, и переломали все французское государственное зданіе,—отнюдь не должно отождествлять съ реформами принятыми французскимъ законодательствомъ 1789 года. Въ этихъ реформахъ какъ государственнаго такъ и гражданскаго права, а также и въ экономическихъ, если не все, то многое несомнѣнно важно и было необходимо для обновленія Франціи. Здѣсь главное и первое мѣсто занимаетъ упраздненіе сословныхъ привилегій и перерожденіе средневѣковаго сословнаго общества въ новѣйшее гражданское. Но между этими реформами и революціонными способами какими онѣ совершились нѣтъ ничего общаго. Сверхъ того, въ этихъ реформахъ 1789 года не было ничего и совершенно новаго, впервые будто бы провозглашеннаго во Франціи. И прежде, и послѣ французской революціи тѣ же самые принципы и гражданскаго и государственнаго права водворялись въ другихъ государствахъ правильнымъ и мирнымъ способомъ безъ перерыва исторической нити развитія законнаго государственнаго порядка. Если даже признать что Франція вышла обновленною новыми началами гражданской

и политической жизни изъ своего страшнаго десятилѣтняго кризиса 1789—1799 года, то это нисколько не причина возводить самый этотъ кризисъ и его особенныя историческія условія въ политическую доктрину, будто бы годную для назиданія другихъ народовъ. А именно это и дѣлала старая революціонная и историческая школа.

„Упраздненіе феодальной системы было закваской которая бродила въ политической жизни Франціи со смерти Лудовика XIII до дня открытія генеральныхъ штатовъ (въ 1789 году). Сопротивляться (этому процессу броженія) или замедлять (его) не было возможности“, говоритъ Гейнрихъ фонъ-Зибель. * Вотъ въ краткихъ словахъ настоящій историческій взглядъ на французскую революцію. Французское правительство и съ нимъ монархическая власть долго сопротивлялись естественному и здоровому развитію Французскаго государства, отчасти положительно, противными этому развитію мѣрами, отчасти отрицательно, своимъ бездѣйствіемъ (въ теченіи всего XVIII вѣка), своимъ отсутствіемъ въ государственной жизни, въ исполненіи функцій принадлежащихъ правительству и власти, и столкновеніе ихъ съ естественнымъ процессомъ этой жизни, съ самою исторіей, то-есть съ ея непреложнымъ ходомъ, сдѣлалось неизбѣжнымъ.

Чтобы видѣть несостоятельность прежнихъ историческихъ трудовъ по французской революціи, достаточно только сравнить изложеніе перваго революціоннаго акта (засѣданія третьяго сословія 23го іюня) и сопутствовавшихъ ему событій у Тьера и Минье съ тѣмъ же изложеніемъ у Зибеля. Разказъ первыхъ двухъ покажется теперь дѣтскимъ послѣ того строгаго анализа всѣхъ историческихъ элементовъ французскаго общества и государства вступившихъ въ борьбу въ 1789 году какой мы находимъ у Зибеля, несмотря на краткость его повѣствованія. Разказавъ и объяснивъ самовластное дѣйствіе представителей третьяго сословія, Зибель, не принимая на себя адвокатства ни той, ни другой стороны, говоритъ между прочимъ: „....Это воспрещеніе (собираться въ качествѣ народнаго представительства, а не сословнаго) было первымъ и послѣднимъ словомъ этого засѣданія. Это было от-

* Heinrich von Sybel, *Geschichte der Revolutionszeit*, B. I, p. 71.

реченіе монархіи въ пользу дворянства. Это была сдача государства на руки привилегированныхъ сословій. Этотъ пунктъ, все собою опредѣляющій, оставлялся безъ всякаго вниманія въ прежнихъ представленіяхъ этихъ событій. Но онъ рѣшилъ собою всю цѣну всѣхъ прочихъ обѣщаній короля, которыя навѣрное должны были оставаться только обѣщаніями при системѣ трехъ сословныхъ собраній.“ *

Невозможно не придавать первостепенной важности этому взгляду знаменитаго историка освѣщающему главную катастрофу 1789 года, о которую разбилась французская королевская власть послѣ тысячелѣтняго своего существованія. Эта власть, какъ всякая монархическая власть, не можетъ безъ самоубійства подчинить себя правамъ отдѣльныхъ сословій; она по своему историческому призванію есть хранительница и представительница правъ всего народа; потому только она и есть власть верховная. Это свое историческое призваніе понимала и исполняла французская корона въ прежніе вѣка исторіи, но отъ него она отреклась въ ту самую минуту когда сознаніе этого призванія было всего болѣе для нея нужно. Лудовикъ XVI, конечно безсознательно, ринулся въ эту бездну, послѣ того какъ самъ, въ началѣ своего царствованія, или по крайней мѣрѣ его правители (Тюрго) отъ его имени, торжественно заявили народу и всячески старались пробудить въ немъ мысль объ его угнетеніи привилегіями высшихъ сословій и о необходимости его освобожденія. **

Исторія революціоннаго времени съ 1789 до 1800 года, г. фонъ-Зибеля *** была первою исторіей французской революціи которая соотвѣтствовала зрѣлости историческихъ, государственныхъ и экономическихъ понятій нашего времени. Ими пользуется авторъ для объясненія историческихъ событій

* Тамъ же, p. 56—57.

** См. въ особенности объ этомъ A. de Tocqueville, *L'ancien régime et la révolution.*

*** Сочиненіе это было уже не разъ нами цитовано. До сихъ поръ въ теченіи десяти лѣтъ (съ 1859 по 1870) вышли три тома и первая часть четвертаго (до италіянскихъ походовъ Бонапарта, битвъ при Арколѣ и Риволи включительно). Весьма желательно для отрезвленія многихъ понятій въ нашемъ обществѣ о французской революціи изданіе этого классическаго труда на русскомъ языкѣ; нельзя думать чтобъ этому встрѣтились цензурныя препятствія.

которыя такъ глубоко потрясли всѣ отношенія права государственнаго управленія, церкви, религіи и нравственности въ обществѣ, и которыя были вмѣстѣ послѣдствіемъ историческаго развитія всѣхъ этихъ отношеній во Франціи. По близости времени появленія упомянутаго труда, образованная и учащаяся публика слишкомъ недавно получила возможность ознакомиться съ французскою революціей во всей ея исторической правдѣ. Но и этотъ трудъ еще далеко не могъ сдѣлаться достояніемъ всего читающаго міра. Во всякомъ случаѣ онъ еще недостаточенъ для полнаго освобожденія отъ всѣхъ ложныхъ представленій которыми такъ глубоко заразили все европейское общество прежніе историки. Сочиненіе Зибеля слишкомъ кратко по своему фактическому изложенію. Для того чтобъ онъ могъ пріобрѣсти надлежащую полноту, ему должна была предшествовать коренная переработка и критика всѣхъ первоначальныхъ матеріаловъ и документовъ революціи, на которые, по выраженію г. Мишле, легло столько слоевъ грязи и мистификаціи. Г. Зибель могъ имѣть личный доступъ только къ нѣкоторымъ источникамъ. Да впрочемъ его трудъ имѣлъ и задачу совсѣмъ иную.

Трудную работу критической провѣрки источниковъ исполнилъ членъ Французскаго Института, Мортимеръ-Терно. Онъ произвелъ формальное слѣдствіе надъ революціей и ея дѣятелями, и первый возстановилъ до мельчайшихъ подробностей историческую правду этой эпохи. * Она оказалась чрезвычайно жесткою для исповѣдниковъ революціи всѣхъ безъ изъятія толковъ. Авторъ не говоритъ бездоказательно ни одного слова, и изобличаетъ ложь всѣхъ прежнихъ сказаній на основаніи историческихъ матеріаловъ достовѣрность которыхъ не подлежитъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію. Поэтому-то и не весело было его слышать мистификаторамъ исторіи революціонной религіи. Правда беретъ однако свое. Главная заслуга труда Мортимера-Терно—собраніе и опубликованіе реставрированныхъ имъ отъ исторической порчи документовъ, и трудъ его останется навсегда пріобрѣтеніемъ науки, какъ бы ни измѣнялись общіе взгляды на событія. Мрачный очеркъ революціонныхъ событій нѣмецкаго, къ тому же прусскаго историка казался нари-

---

* Такъ часто цитованный трудъ Мортимера-Терно: *Histoire de la Terreur 1792—1794* начался изданіемъ въ 1868 году и остановился въ 1869 году на седьмомъ томѣ.

сованнымъ рукою иноземца, недоброжелательною ко Французской націи; но теперь исчезла для жрецовъ революціи и эта возможность отводить глаза толпы отъ истины: картина написанная Французомъ, и притомъ съ помощью матеріаловъ какихъ не было въ рукахъ г. Зибеля, вышла несравненно болѣе отвратительною для нравственнаго чувства. Иначе и быть не могло, когда предъ нами раскрываютъ нравственныя язвы произведенныя въ человѣческомъ обществѣ полнымъ разгуломъ страстей и пороковъ какое только испытала Европа въ послѣдніе вѣка.

Трудъ Мортимера-Терно останется доказательствомъ того что зараза эта постигла не все французское общество когда оно, въ лицѣ своихъ членовъ патріотически преданныхъ своему отечеству, способно къ такому самообличенію и вмѣстѣ къ такимъ монументальнымъ ученымъ работамъ.

Къ несчастію, трудъ Мортимера-Терно, за смертью автора, не оконченъ. Кромѣ того, сосредоточившись главнѣйше на разработкѣ матеріаловъ и фактовъ, Мортимеръ-Терно не ставилъ себѣ задачею написать полную исторію революціи; такого творенія приходится еще ожидать отъ будущаго. Всѣ раскрытые теперь факты революціоннаго періода XVIII столѣтія необходимо связать въ одно живое цѣлое съ предыдущею исторіей Франціи и съ послѣдующими революціонными движеніями въ нынѣшнемъ столѣтіи; затѣмъ, послѣ приведенія въ порядокъ громадной массы нынѣ накопившагося фактическаго матеріала, нуженъ анализъ внутренняго содержанія событій, ихъ значенія въ религіозной, государственной, юридической и экономической исторіи Французской націи и Европы. Нужно изслѣдованіе всѣхъ причинъ и всѣхъ послѣдствій революціоннаго кризиса въ историческомъ развитіи всего государственнаго и общественнаго организма Франціи.

Въ этомъ родѣ, то-есть по такъ-называемой внутренней исторіи французской революціи, было уже не мало монографическихъ трудовъ, хотя и не имѣется еще полнаго сочиненія которое исчерпывало бы всѣ ея стороны и періоды. Нѣкоторыхъ изъ этихъ монографій мы уже отчасти касались прежде, а здѣсь о нихъ не упоминали, говоря только о литературѣ повѣствовательной исторіи революціи. Между тѣмъ иныя изъ нихъ могущественно способствовали разъясненію историческаго значенія революціи. Во главѣ такихъ

изслѣдованій стоитъ безъ сомнѣнія трудъ Токвиля,* который первый положилъ начало трезвому обсужденію внутреннихъ причинъ французской революціи и поставленныхъ ею политическихъ вопросовъ. Токвиль, по словамъ англійскаго публициста Рива, тщательно изучавшаго французскую литературу съ 1844 по 1873 годъ, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ мыслителямъ и лучшимъ писателямъ XIX вѣка; ** но быть-можетъ именно поэтому самъ онъ и былъ такъ плохо понимаемъ въ своемъ отечествѣ. Когда въ 1853 году онъ съ такимъ ясновидѣніемъ предсказывалъ дальнѣйшія судьбы второй имперіи, онъ вынужденъ былъ назвать себя самъ допотопнымъ животнымъ во французскомъ обществѣ. *** До такой степени онъ былъ въ немъ изолированъ по своимъ понятіямъ. Не принадлежа ни къ одной изъ дѣйствующихъ партій, онъ конечно не могъ найти во Франціи много сочувствія ни къ своимъ политическимъ убѣжденіямъ вообще, ни къ своимъ взглядамъ на революцію. Мысли Токвиля опережали почти на цѣлый вѣкъ понятія современниковъ; это лучше всего доказывается нынѣ, послѣ его смерти, возрастающимъ къ нему уваженіемъ, между тѣмъ какъ во Франціи его считали, при жизни, человѣкомъ отсталымъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, послѣ изданія его сочиненія объ американской демократіи, **** имя его прославлялось какъ иностранца наилучшимъ образомъ понявшаго эту демократію, а во Франціи демократы чуждались отъ него и поносили его. Такова бываетъ судьба людей истинно передовыхъ! Обо всемъ этомъ было не излишне здѣсь напомнить, въ виду того особеннаго обстоятельства что не такъ давно и въ нашей прогрессивной публицистикѣ Токвиль подвергался весьма неистовымъ, хотя бы и ребяческимъ, гоненіямъ,—тоже вѣроятно какъ отсталый мыслитель!

Значеніе Токвиля въ литературѣ французской революціи велико и будетъ вполнѣ оцѣнено только въ послѣдствіи; онъ первый совершилъ точный анализъ государственныхъ и обще-

---

* Alexis de Tocqueville, *L'Ancien Régime et la Révolution*, Paris, 1856, и также многочисленныя отрывочныя сужденія его о революціи, разбросанныя въ полномъ собраніи его сочиненій.

** H. Reeve, *Royal and Republican France*, Lond., 1872; V. II, p. 82.

*** Тамъ же, p. 175 (письмо къ Одилону-Барро).

**** *De la démocratie en Amérique*, 1835.

ственныхъ элементовъ Франціи изъ коихъ сложилась революція. Онъ также первый, съ доказательствами въ рукахъ, отважно выступилъ противъ грубыхъ политическихъ предразсудковъ примѣшавшихся ко всѣмъ понятіямъ объ этой страшной борьбѣ историческихъ стихій, и между прочимъ въ особенности противъ убѣжденія что она была будто бы борьбою за свободу.

Послѣ Токвиля, нельзя не упомянуть о почти одновременномъ и отчасти однородномъ изслѣдованіи причинъ французской революціи въ *Исторіи Англійской Цивилизаціи* Бокля. * Несмотря на нѣкоторую односторонность этого изслѣдованія, не обнимающую всѣхъ даже существенныхъ категорій этихъ причинъ (въ особенности государственныхъ) ** и на монографическій, почти случайный его характеръ, заслуга его не маловажна, такъ какъ авторъ одинъ изъ первыхъ выступилъ противъ устарѣлыхъ воззрѣній на революцію, основанныхъ исключительно на предвзятыхъ политическихъ идеяхъ. Въ заключеніи своего изысканія умственныхъ и нравственныхъ причинъ французской революціи, Бокль между прочимъ говоритъ: „.... Французская революція,— это безъ сомнѣнія важнѣйшее и запутаннѣйшее явленіе въ исторіи, — находилась до сихъ поръ въ распоряженіи писателей изъ коихъ иные хотя и отличались замѣчательными талантами, но которые всѣ были лишены предварительнаго образованія, необходимаго для пониманія духа цѣлаго этого періода и единства всѣхъ его частей..... Не желая нисколько унижать заслугъ трудолюбивыхъ людей собиравшихъ матеріалы для исторіи французской революціи, мы должны однако положительно сказать что исторія ея еще не написана, потому что тѣ кто за нее принимались не располагали способами нужными чтобъ изслѣдовать ее только какъ часть гораздо болѣе обширнаго движенія, распространявшагося по всѣмъ отраслямъ науки, философіи, религіи и политики. Произвелъ ли я что-нибудь цѣнное чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, предоставляю рѣшить другимъ. Въ одномъ

* Henry Thomas Buckle, *History of Civilization in England*, T. I, ch. 10—14.

** Сверхъ того Бокль, какъ во всѣхъ своихъ трудахъ, пренебрегаетъ *личнымъ* элементомъ исторіи, увлекшись своею реакціей противъ старой исторической школы, преувеличивавшей значеніе этого элемента.

я по крайней мѣрѣ увѣренъ:—недостатки моей работы происходятъ не отъ методы моей, а отъ необычайной трудности для одного человѣка исполнить всѣ части ея широкой программы.....“ *

Эти слова, написанныя въ 1856 году, остаются вѣрными въ своей сущности и понынѣ, хотя съ тѣхъ поръ много подвинулись историческія изслѣдованія французской революціи. Ея причины и послѣдствія до такой степени проникаютъ собою всѣ сферы жизни и цивилизаціи европейскаго общества что для ихъ изученія дѣйствительно необходимо содѣйствіе всѣхъ наукъ. Поэтому, независимо отъ чисто историческихъ трудовъ, мы обязаны значительными успѣхами въ воззрѣніяхъ на революцію государственнымъ и общественнымъ наукамъ и громадному ихъ движенію, почти перевороту въ теоретической ихъ разработкѣ въ послѣднее время. Это движеніе принадлежитъ преимущественно Германіи, въ особенности въ новомъ своемъ направленіи на почвѣ точныхъ фактическихъ изысканій. Здѣсь, и именно въ уясненіи государственныхъ и общественныхъ вопросовъ связанныхъ съ французскою революціей, стоятъ на первомъ мѣстѣ имена Рудольфа Гнейста и Лоренца Штейна, которыя въ исторіи государственныхъ ученій получатъ такое же значеніе для XIX вѣка какое имѣетъ имя Монтескье для XVIII. ** Этимъ между прочимъ отмѣтится перемѣна ролей Франціи и Германіи въ исторіи государственной науки въ эти два вѣка: если Франціи принадлежала иниціатива въ этой области въ XVIII вѣкѣ, то нынѣ она рѣшительно перешла въ руки Германіи. Наконецъ, нельзя также упускать изъ виду и необычайной дѣятельности всѣхъ европейскихъ націй, и преимущественно Германской, по экономической наукѣ. Политическая экономія преимущественно уяснила соціальную сторону революціи, которую нужно отличать отъ государственной, и которая еще болѣе чѣмъ послѣдняя была темна для современниковъ.

Все это движеніе европейской науки совершенно измѣни-

---

* Гл. IV *Исторіи Цивилизаціи въ Англіи*, стр. 225 (по нѣмецкому переводу Риттера 1870 года).

** О трудахъ этихъ двухъ государственныхъ ученыхъ имѣющихъ отношеніе къ вопросамъ французской революціи мы будемъ говорить въ послѣдствіи.

нило старыя воззрѣнія на французскую. революцію, но оно далеко еще не распространилось въ массахъ публики, и нашей и иностранной. Оно все-таки есть достояніе самыхъ высшихъ сферъ образованія. Поэтому, представивъ въ настоящей главѣ очеркъ умственныхъ и литературныхъ отношеній европейскаго общества къ этой великой исторической эпохѣ, мы намѣрены сообщить результаты замѣчательнѣйшихъ изслѣдованій по нѣкоторымъ крупнѣйшимъ вопросамъ поднятымъ революціей и имѣющимъ современный практическій интересъ для всякой европейской страны. Мы коснемся только этихъ вопросовъ, и лишь насколько это необходимо для освобожденія ихъ отъ темноты революціонныхъ идей.

ВЛАДИМІРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

БРЕТЪ-ГАРТЪ

Prose and Poetry. By Bret Harte.

Года четыре тому назадъ, Диккенсъ указывалъ своимъ друзьямъ на только-что появившіяся произведенія молодаго начинающаго писателя Американца Бретъ-Гарта. Съ теплымъ и радостнымъ участіемъ говорилъ онъ имъ объ его своеобразномъ талантѣ, о богатствѣ и новизнѣ содержанія, о мастерствѣ и яркости разказа и о тонкости въ обрисовкѣ характера. Тогда имя Бретъ-Гарта было извѣстно только на его родинѣ и очень небольшому числу лицъ въ Европѣ, слѣдящихъ за успѣхами литературы. Теперь произведенія его начинаютъ уже привлекать вниманіе вездѣ гдѣ извѣстенъ англійскій языкъ; они появляются въ изданіяхъ исключительно предназначенныхъ для европейскаго материка, какъ изданія Таухница; ихъ даже переводятъ на иностранные языки. Хотя Бретъ-Гартъ еще такъ недавно началъ свое поприще, однако число произведеній его уже не мало, и талантъ его выказался такъ ярко что нельзя не обратить на него вниманія.

Бретъ-Гартъ родился въ Нью-Йоркскомъ штатѣ, и еще почти ребенкомъ переселился въ Калифорнію. Здѣсь онъ воспитался и здѣсь же ознакомился съ тѣмъ совершенно особеннымъ и неизвѣданнымъ міромъ который сталъ потомъ предметомъ

наиболѣе характеристическихъ его произведеній. Природа Калифорніи, роскошная, величественная, полная неисчерпаемыхъ богатствъ, мѣстами только подчинена людямъ, а мѣстами неприступна по густотѣ своихъ лѣсовъ, по пустынности степей и дикости горныхъ вершинъ. Посреди нея живетъ отребье образованнаго міра, то что̀ общество выбросило изъ себя какъ не нужное или вредное. Это самое пестрое смѣшеніе племенъ и сословій, объединяемое лишь жаднымъ желаніемъ безъ труда добыть себѣ счастье и богатство. Любимыя удовольствія этихъ людей — карты и водка; можно себѣ представить какъ легко улетаютъ легко пріобрѣтенныя деньги. Этотъ-то міръ рисуетъ Бретъ - Гартъ въ своихъ калифорнійскихъ наброскахъ. Тяжелое и отталкивающее впечатлѣніе производили бы эти картины еслибъ авторъ не обладалъ способностью проникать въ людей и открывать въ нихъ черты невидимыя для поверхностнаго взгляда. Подъ грязною и шерохсватою оболочкой порочности и грубости нравовъ онъ умѣетъ найти и теплоту души и самоотверженность и способность къ побѣдѣ надъ самимъ собой. Такъ онъ разказываетъ какъ однажды цѣлое поселеніе только изъ мущинъ, суровыхъ и почти дикихъ по своему образу жизни, избѣгающихъ женщинъ и семейнаго быта какъ чумы, пріютило ребенка, случайно родившагося въ ихъ владѣніяхъ и лишившагося матери при самомъ рожденіи. Жалость къ сироткѣ и новизна заботы пробуждаютъ въ нихъ нѣжность и внимательность ко всему что̀ касается ихъ питомца. Они вскармливаютъ его молокомъ ослицы; убираютъ комнату въ которой онъ помѣщенъ всѣмъ что̀ только могутъ найти получше; поютъ только тѣ пѣсни которыя кажутся имъ не громкими и успокоительными; приносятъ ему яркіе цвѣты и блестящіе камушки, и даже сами въ своихъ привычкахъ становятся чище и мягче, такъ что и въ сосѣднія поселенія проникаетъ слава о томъ что они два раза въ день моются. Имъ кажется даже что этотъ ребенокъ принесъ имъ удачу во всѣхъ дѣлахъ, и мало-по-малу къ его имени присоединяется прозваніе Удачи. Послѣ суровой и снѣжной зимы наступаетъ весна съ такимъ страшнымъ половодьемъ какого не помнили поселенцы. Въ одну ночь сосѣдняя рѣчка вдругъ превратилась въ бушующее озеро и понесла за собой деревья и домы. Поутру, когда поселенцы могли оглядѣться

въ своемъ бѣдствіи, они увидѣли что между прочими домами снесенъ и тотъ домикъ гдѣ жилъ ихъ питомецъ. Хозяина его нашли мертвымъ неподалеку, а „ихъ Удача, ихъ радость, счастье и гордость исчезла“. Грустно ворочались они отъ мѣста происшествія когда къ берегу пристала спасательная лодка. Она была спущена мили двѣ ниже по рѣкѣ и нашла мущину съ ребенкомъ которыхъ тамъ никто не зналъ. Поселенцы бросились къ лодкѣ и увидѣли что мущина этотъ былъ Кентекъ, одинъ изъ ихъ товарищей. Онъ былъ еще живъ, но совершенно истощенъ и измученъ, и крѣпко держалъ въ рукахъ ихъ общаго питомца. Ребенокъ былъ холоденъ и безжизненъ. — „Онъ умеръ“, сказалъ кто-то. Кентекъ раскрылъ глаза.—„Умеръ?“ спросилъ онъ слабымъ голосомъ.—„Да, другъ, да и ты умираешь тоже“. Улыбка освѣтила глаза умирающаго Кентека.—„Умираю.... повторилъ онъ, онъ хочетъ взять меня съ собою... Скажите товарищамъ что Удача со мною“.

Бретъ-Гартъ обладаетъ особенною манерой разказывать. Рѣчь его, всегда сжатая, простая, ясная и выразительная, вмѣстѣ съ тѣмъ полна юмора и своеобразности, и носитъ на себѣ отпечатокъ безпорядочной и полубродячей жизни которую онъ рисуетъ. Онъ всегда разказываетъ и описываетъ немногими словами. Его рисунки похожи на наброски искуснаго живописца: довольно нѣсколькихъ взмаховъ кисти или карандаша, и образъ полонъ отчетливости и выразительности. Все искусство въ выборѣ чертъ; и Бретъ-Гартъ, умѣя всегда, какъ уже выше замѣчено, отыскать и указать добрыя черты, вмѣстѣ съ тѣмъ, при описаніи порока, умѣетъ выбирать то что̀ прибавляетъ яркости не поражая слишкомъ непріятно, и указывать лишь намекомъ то о чемъ не хотѣлось бы говорить и чего лучше не видѣть.

Другая особенность разказа Бретъ-Гарта состоитъ въ томъ что онъ никогда не вдается въ объясненія поступковъ своихъ героевъ, никогда не выставляетъ ихъ сокровенныхъ мыслей, ихъ побужденій и намѣреній, а предоставляетъ всякому судить самому. Ничѣмъ также не высказываетъ онъ прямо своего личнаго сочувствія тому или другому лицу, своего мнѣнія о томъ или другомъ дѣйствіи, представляя ихъ читателю какъ онъ ихъ видитъ, а не такъ какъ ихъ

понимаетъ. Это придаетъ его разказу какую-то странную смѣсь сухости и драматичности, о которой только чтеніе подлинника можетъ дать понятіе. Одинъ изъ яркихъ образцовъ этой манеры представляютъ заключительныя сцены маленькаго разказа называющагося *Идиллія въ Красной Ямѣ*. Я постараюсь въ немногихъ словахъ передать ея содержаніе.

Въ Красной Ямѣ жила школьная учительница, которую все населеніе знало подъ именемъ миссъ Мери, молодая дѣвушка, скромная и смѣлая, какъ истая Американка, и любимая всѣми учениками. Она возбудила жаркое и вмѣстѣ съ тѣмъ робкое почитаніе въ одномъ молодомъ человѣкѣ довольно безпутной и бездѣльной жизни, по имени Санди. Съ начала ее смѣшило его оригинальное ухаживанье, выражавшееся чаще всего въ таинственномъ появленіи на окнахъ классной великолѣпныхъ букетовъ азалій (миссъ Мери въ первый разъ увидѣла мистера Санди лежащимъ не далеко отъ дороги подъ кустомъ азаліи, къ которому она подошла, гуляя, чтобы сорвать цвѣтокъ). Но мало-по-малу въ ней проснулось вниманіе, сочувствіе и привязанность къ нему, и наконецъ однажды она позволила себѣ вступить съ нимъ въ разговоръ. Это было въ лѣсу.

„О чемъ они говорили, не стóитъ вспоминать. Чтò они думали, было бы интересно узнать, но это не проглядывало сквозь ихъ слова. Лѣсныя птицы могли узнать только что миссъ Мери была сирота, что она оставила домъ своего дяди и уѣхала въ Калифорнію для здоровья и независимости; узнать что Санди былъ тоже сирота, что онъ пріѣхалъ въ Калифорнію для развлеченія, что онъ велъ до сихъ поръ безпутную жизнь, но теперь старался исправиться, и еще разныя другія подробности, которыя съ точки зрѣнія птицъ безъ сомнѣнія казались пустяками и потерей времени. Но въ этихъ пустякахъ прошелъ вечеръ, и когда Санди простился съ миссъ Мери, то она подумала что это былъ самый коротkій изъ всѣхъ дней ея трудовой жизни.“

Наступали каникулы, и миссъ Мери должна была уѣхать. Вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда, она сидѣла въ своей комнатѣ, погруженная въ мечтанія, какъ вдругъ раздался легкій стукъ въ дверь. Она отворила и увидѣла на порогѣ женщину, которой пышный и рѣзкій нарядъ представлялъ странную противоположность съ ея робкимъ и нерѣшительнымъ взглядомъ.

Миссъ Мери узнала въ вошедшей мать одного изъ самыхъ младшихъ своихъ учениковъ и попросила ее войти. Посѣтительница вошла боязливо, начала говорить запинаясь и нѣсколько времени тщетно старалась объяснить причину своего прихода. Наконецъ, ободренная взглядомъ учительницы, она сунула свои руки, обтянутыя лиловыми перчатками, промежду колѣнъ и начала говорить тихимъ голосомъ:

— Вотъ видите, миссъ, у моего мальчика нѣтъ никого на свѣтѣ кромѣ меня, а я совсѣмъ не гожусь чтобы воспитать его. Въ прошломъ году я думала было послать его въ школу во Фриско, но тутъ стали поговаривать чтобы завести школьную учительницу; я подождала, пока увидѣла васъ, и рѣшила что и здѣсь хорошо, что мнѣ можно будетъ еще пока оставить моего мальчика у себя. И какъ онъ васъ любитъ, миссъ! Еслибы вы могли слышать какъ онъ мило о васъ говоритъ, и еслибъ онъ могъ попросить васъ о томъ о чемъ я прошу, вы бы не могли отказать ему.... Это очень естественно, продолжала она торопливо, дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышалось странное смѣшеніе гордости и смиренія, — это очень естественно что его тянетъ къ вамъ, миссъ, потому что его отецъ, когда я съ нимъ познакомилась, былъ настоящій джентльменъ, и потомъ рано или поздно, ему нужно же будетъ забыть меня, и объ этомъ, конечно, нечего плакать. Вотъ я и пришла просить чтобы вы взяли моего Томми.... дай Богъ ему быть самымъ лучшимъ, самымъ милымъ мальчикомъ на свѣтѣ... чтобы вы взяли.... взяли его съ собой.

Она встала, схватила руку дѣвушки и упала предъ ней на колѣна.

— У меня много денегъ, и всѣ онѣ достанутся вамъ и ему. Отдайте его въ какую-нибудь хорошую школу чтобы вамъ можно было навѣщать его и помогать ему.... забыть.... его мать. Сдѣлайте съ нимъ что̀ хотите. Худшее что̀ вы можете сдѣлать будетъ лучше всего чему онъ можетъ научиться у меня. Только возьмите его изъ этой гадкой жизни, изъ этого противнаго мѣста, изъ этого дома стыда и горя. Вы согласны; я знаю что согласны, не правда ли? Вы согласны, вы не должны, вы не можете сказать нѣтъ! Вы сдѣлаете его такимъ же чистымъ, такимъ же кроткимъ, какъ вы сами; а когда онъ выростетъ, вы скажете ему имя его отца, имя которое мои губы не произносили уже много лѣтъ.... имя Александра Мартона, котораго здѣсь всѣ называютъ Санди! Миссъ Мери! не отнимайте руки! Миссъ Мери, скажите мнѣ, вѣдь вы возьмете моего мальчика? Не отворачивайтесь.... Я знаю что не слѣдуетъ смотрѣть на такую какъ я, миссъ Мери!.. Господи помилуй!... Она уходитъ!

Миссъ Мери встала и въ опускавшихся полусумеркахъ заката ощупала дорогу къ открытому окну. Тутъ она остано-

вилась, прислонившись къ рамѣ, и устремивъ глаза на послѣдній розовый отблескъ уже гаснувшій на западѣ. Медленно ослабѣвавшій лучъ освѣтилъ ея чистое юное чело, ея бѣлый воротничокъ, ея сжатыя бѣлыя руки. Просительница, не вставая съ колѣнъ, приползла къ ней.

— Я знаю что вамъ нужно обдумать. Я буду ждать здѣсь всю ночь; но я не могу уйти пока вы не скажете. Не откажите мнѣ. Вы согласны! Я вижу это по вашему милому лицу, такому лицу какое я видала во снѣ. Я вижу это по вашимъ глазамъ, миссъ Мери. Вы возьмете моего мальчика!

Послѣдній красный лучъ вспыхнулъ, его сіяніе отразилось въ глазахъ миссъ Мери, потомъ, мерцая, онъ ослабѣлъ и погасъ. Солнце зашло въ Красной Ямѣ. Посреди сумерекъ и молчанія голосъ миссъ Мери зазвучалъ ласково:

— Я возьму вашего мальчика. Пришлите его ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Счастливая мать прижала къ своимъ губамъ подолъ платья миссъ Мери. Она бы спрятала свое пылающее лицо въ его дѣвичьихъ складкахъ, но не смѣла. Она встала.

— Знаетъ.... этотъ человѣкъ.... о вашемъ намѣреніи? вдругъ спросила миссъ Мери.

— Нѣтъ, и не думаетъ. Онъ никогда и ребенка-то хорошенько не видалъ.

— Идите къ нему сегодня.... сейчасъ! Скажите ему что̀ вы сдѣлали. Скажите ему что я взяла его ребенка, и скажите что онъ никогда больше не долженъ видѣть.... это дитя. Гдѣ бы оно ни было, чтобъ онъ не смѣлъ приходить; куда бы я его ни повезла, чтобъ онъ не смѣлъ слѣдовать! А теперь идите, пожалуста.... я устала и у меня еще много дѣла.

Онѣ подошли къ дверямъ. На порогѣ женщина обернулась.

— Доброй ночи!

Она готова была упасть къ ногамъ миссъ Мери. Но въ эту самую минуту молодая дѣвушка протянула руки, на одну секунду прижала грѣшницу къ своему чистому сердцу и потомъ закрыла и заперла дверь.

На другое утро почтальіонъ взялся за вожжи общественнаго дилижанса съ чувствомъ особенной отвѣтственности, потому что въ числѣ пассажировъ находилась школьная учительница. При въѣздѣ на большую дорогу, онъ вдругъ остановилъ лошадей, повинуясь ласковому голосу изнутри кареты, и сталъ почтительно ждать пока Томми выскочилъ изъ кареты по приказанію миссъ Мери.

— Не съ этого куста, Томми, со слѣдующаго.

Томми вынулъ изъ кармана новенькій ножичекъ, и отрѣзавъ вѣтку отъ высокаго куста азаліи воротился съ нею къ миссъ Мери.

— Теперь готово?

— Готово.

И за дверцы кареты скрылась Идиллія Красной Ямы.

Въ числѣ калифорнійскихъ разказовъ, къ которымъ принадлежитъ и *Идиллія Красной Ямы*, особенное вниманіе привлекаетъ повѣсть называющаяся по имени героини, *Миссъ*. Въ ней особенно ярко выразились характеристическія черты Бретъ-Гарта, и чтеніе ея доставляло бы удовольствіе еслибы даже она и не отличалась занимательностью и не интересовала оригинальнымъ характеромъ героини. Другія сочиненія Бретъ-Гарта, *Гражданскіе и характеристическіе очерки*, *Испанскія и американскія легенды*, *Сокращенные романы* и затѣмъ стихотворенія отличаются мастерствомъ разказа, но стоятъ ниже калифорнійскихъ очерковъ, собранныхъ у него подъ однимъ общимъ заглавіемъ: *Сказанія Аргонавтовъ*. Въ числѣ характеристическихъ очерковъ есть маленькая вещица замѣчательная по простотѣ и вмѣстѣ по глубинѣ чувства, проникающаго ее съ первой до послѣдней строчки. Это разказъ называющійся *Ожиданіе корабля*. Одинъ работникъ, въ какомъ-то маленькомъ мѣстечкѣ, скопилъ достаточно деньжонокъ чтобы выписать къ себѣ свое семейство и пошелъ встрѣчать его въ Санъ-Франсиско. Когда приблизилось время прiѣзда, онъ началъ ходить на пристань, высматривать нѣтъ ли ожидаемаго корабля. Но время проходило, а корабль не являлся. Онъ справлялся о немъ въ разныхъ мѣстахъ, но нигдѣ не получалъ опредѣленнаго отвѣта. Прошли мѣсяцы, прошелъ годъ, а работникъ все ходилъ встрѣчать свою семью каждый день. Неотступная мысль что они еще могутъ прiѣхать отгоняла всѣ другія мысли, и онъ сталъ наконецъ проводить цѣлые дни на берегу. Однажды его нашли лежащимъ на скалѣ, выдающейся въ море, мертвымъ. Въ рукахъ его были вырѣзки изъ старыхъ газетъ съ извѣстіями о плаваніи судовъ, а лицо его было обращено къ морю.

Всего менѣе впечатлѣнія оставляютъ *Сокращенные романы*. Это пародіи на нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ романовъ и повѣстей. Авторъ въ ловкой карикатурѣ остроумно осмѣиваетъ все что̀ тамъ есть преувеличеннаго, односторонняго и неосмотрительнаго. Въ нихъ выбраны всѣ черты сохраняющія сходство, но такъ обставлены и имъ дано такое выраженіе что читая удивляешься какъ оно похоже и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ смѣшно. Такимъ образомъ пересказана исторія Фантины изъ *Les Misérables* Виктора Гюго, *Джэнъ Эйръ*, и многія другія. Такого рода сочиненія конечно забава

довольно остроумная, но едвали достойная истиннаго таланта. Она позволительна только развѣ въ тѣсномъ кружкѣ друзей; изданіе же подобныхъ пародій едва ли можетъ увеличить славу писателя.

Въ числѣ стихотвореній Бретъ-Гарта есть разказы или сцены изъ калифорнійской жизни (нѣкоторые на простонародномъ нарѣчіи), полныя яркости рисунка и теплоты чувства; есть нѣсколько пародій и насмѣшливыхъ стихотвореній, и небольшое количество лирическихъ произведеній. Можетъ-быть таланту его болѣе свойственна прозаическая форма чѣмъ поэтическая, можетъ-быть стихотворная рѣчь не такъ идетъ къ его особенной, иногда сухой съ виду манерѣ, только въ стихотвореніяхъ его какъ будто нѣтъ той округленности мысли и выдержанности тона, какъ напримѣръ въ калифорнійскихъ разказахъ. Впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ исключеніе и имѣютъ полное право быть названы художественными произведеніями. Таковы нѣкоторыя изъ стихотвореній написанныхъ простонароднымъ языкомъ; таково стихотвореніе на смерть Диккенса. По словамъ Форстера, это самое трогательное изъ разнообразныхъ произведеній вызванныхъ утратою великаго романиста нашего времени. Желая ознакомить читателей съ манерою американскаго писателя приведу цѣликомъ небольшой разказъ изъ числа его калифорнскихъ повѣствованій.

ПОКЕРФЛЕТСКІЕ ИЗГНАННИКИ.

Когда мистеръ Джонъ Окгерстъ, игрокъ, вышелъ на главную улицу городка Покерфлета утромъ 23го ноября 1850 года, онъ замѣтилъ перемѣну въ ея нравственной атмосферѣ происшедшую за ночь. Два, три человѣка, серіозно разговаривавшіе между собою, замолчали когда онъ подошелъ, и обмѣнялись многозначительными взглядами. Въ воздухѣ замѣтно было какое-то праздничное вѣяніе, которое въ городкѣ непривычномъ къ праздничнымъ впечатлѣніямъ имѣло угрожающій характеръ.

На покойномъ, красивомъ лицѣ мистера Окгерста не выразилось большаго вниманія къ этимъ признакамъ; можетъ-быть ему были извѣстны ихъ причины, но это другой вопросъ. „Вѣрно они кого-нибудь высматриваютъ“, разсудилъ онъ; „можетъ-быть меня.“ Онъ спряталъ въ карманъ платокъ которымъ только-что смахнулъ красную пыль со своихъ

новенькихъ салогъ, и съ полнымъ спокойствіемъ избавилъ себя отъ дальнѣйшихъ догадокъ.

Въ самомъ дѣлѣ городъ „высматривалъ". Въ послѣднее время ему пришлось лишиться нѣсколькихъ тысячъ долларовъ, двухъ цѣнныхъ лошадей и одного изъ первыхъ гражданъ. На него напалъ припадокъ добродѣтельной реакціи, такой же неосновательной и необузданной какъ и поступки возбудившіе ее. Тайный комитетъ рѣшилъ избавить городъ отъ всѣхъ недостойныхъ жителей. Это было сдѣлано навсегда въ отношеніи къ двумъ человѣкамъ которые уже висѣли на вѣтвяхъ сикомора, и временно относительно нѣсколькихъ другихъ подозрительныхъ лицъ которыя были приговорены къ изгнанію. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать что нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ были дамы.

Мистеръ Окгерстъ былъ правъ думая что онъ включенъ въ эту категорію. Нѣкоторые изъ членовъ комитета требовали было чтобъ онъ былъ повѣшенъ ради примѣра и вмѣстѣ съ тѣмъ для того чтобы можно было безопасно вознаградить себя изъ его кармановъ за тѣ деньги которыя онъ выигрывалъ. „Это совершенно несправедливо", сказалъ Джимъ Вилеръ, „позволять этому молокососу изъ Ропингъ-Кампа, совсѣмъ чужому у насъ, обирать наши деньги." Но это узкое мѣстное предубѣжденіе должно было уступить безсознательному чувству справедливости тѣхъ которые имѣли счастіе выиграть у мистера Окгерста. Мистеръ Окгерстъ выслушалъ свой приговоръ со спокойствіемъ философа, и тѣмъ съ бо́льшимъ хладнокровіемъ что до него дошли слухи о колебаніи его судей. Онъ не былъ бы настоящимъ игрокомъ еслибы не признавалъ судьбы; и жизнь была, по его мнѣнію, не болѣе какъ невѣрная игра. Вооруженный отрядъ проводилъ изгоняемое зло за предѣлы города. Кромѣ мистера Окгерста, который былъ извѣстенъ за отчаяннаго и хладнокровнаго человѣка и для устрашенія котораго и былъ назначенъ отрядъ, общество изгнанниковъ состояло еще изъ одной молодой особы извѣстной подъ именемъ герцогини, другой которая имѣла прозваніе тетушки Шиптонъ и дяди Вилла, дознаннаго пьяницы и подозрѣваемаго въ воровствѣ. Кавалькада не вызвала никакого замѣчанія у зрителей, и ни одно слово не было произнесено провожавшими. Только когда дошли до канавы обозначавшей границу городскихъ владѣній, начальникъ конвоя обратился къ нимъ съ нѣсколькими словами относившимися прямо къ дѣлу. Изгнанникамъ воспрещалось возвращаться подъ страхомъ смерти. Когда конвой удалился, ихъ долго сдерживавшіяся чувства безпрепятственно вылились наружу. Герцогиня расплакалась, тетушка принялась гнѣвно ворчать, а дядя Виллъ разразился цѣлымъ залпомъ восклицаній. Одинъ только философъ Окгерстъ молчалъ. Онъ спокойно выслушалъ желаніе тетушки задушить кого-то, увѣренія герцогини что она умретъ на дорогѣ, и страшныя проклятія которыми точно палилъ дядя Виллъ на ходу. Съ

веселостію свойственною его классу онъ потребовалъ чтобы герцогиня сѣла на его лошадь вмѣсто плохаго мула на которомъ она ѣхала. Но этотъ поступокъ не сблизилъ и не сдружилъ общества.

Дорога въ городокъ Сандибаръ, который представлялъ единственное возможное убѣжище нашимъ эмигрантамъ, лежала черезъ рядъ крутыхъ холмовъ. До него былъ вѣрный день усиленной ѣзды. Была уже глубокая осень, и общество скоро оставило за собою умѣренныя влажныя страны горъ и вступило въ холодный, сухой, сжимающій воздухъ Сьерръ. Тропинка была узка и неудобна. Около полудня герцогиня сползла съ сѣдла на землю, объявила что дальше она не пойдетъ, и общество остановилось.

Мѣсто было необыкновенно дикое и поражающее. Лѣсистый склонъ окруженный съ трехъ сторонъ обрывистыми утесами голаго гранита мягко спускался къ краю другаго обрыва, откуда была видна вся долина. Конечно трудно было бы найти лучшее мѣсто для стоянки еслибъ она была кстати. Но мистеръ Окгерстъ зналъ что они не прошли еще и половины дороги и что ни одежда ихъ, ни запасы не допускали остановокъ. Онъ коротко и ясно указалъ на это своимъ товарищамъ, прибавивъ мудрое замѣчаніе о „безуміи бросать карты пока игра еще не сыграна". Но у нихъ была съ собою влага которая въ этой нуждѣ замѣняла для нихъ пищу, топливо, отдыхъ и предусмотрительность. Несмотря на его увѣщанія скоро они всѣ были подъ ея вліяніемъ. Дядя Виллъ быстро перешелъ изъ воинственнаго настроенія въ какое-то отупѣніе. Герцогиня сдѣлалась вялою, а тетушка захрапѣла. Мистеръ Окгерстъ одинъ стоялъ прислонясь къ утесу и спокойно смотрѣлъ на нихъ.

Мистеръ Окгерстъ не пилъ. Это обусловливалось его занятіемъ которое требовало хладнокровія, безстрастія и присутствія духа и, по его собственнымъ словамъ, онъ находилъ это неудобнымъ. Глядя на своихъ спящихъ товарищей, онъ въ первый разъ глубоко почувствовалъ всю тягость отчужденности связанной съ его презираемымъ промысломъ, все бремя неразлучныхъ съ нимъ привычекъ и пороковъ. Чтобъ отогнать отъ себя мрачныя мысли, онъ вздумалъ заняться чисткою своего чернаго платья, мытьемъ рукъ и лица и другими подобными заботами, всегда составлявшими принадлежность его внимательной опрятности. Мысль о томъ чтобы бросить слабыхъ и жалкихъ товарищей никогда не приходила ему въ голову. Все-таки онъ не могъ не чувствовать недостатка въ томъ возбужденіи которое, странно сказать, было болѣе всего необходимо для спокойнаго хладнокровія которымъ онъ отличался. Онъ смотрѣлъ на угрюмыя стѣны которыя отвѣсно подымались на тысячу футовъ надъ окружавшими его соснами; на грозно нахмуренное небо; на долину внизу, на которую уже спускалась тѣнь.... Вдругъ онъ услышалъ свое имя.

По тропинкѣ тихо подвимался всадникъ. Въ свѣжемъ, открытомъ лицѣ его мистеръ Окгерстъ узналъ Тома Симсона изъ Сандибара, иначе извѣстнаго подъ именемъ „невиннаго младенца". Онъ встрѣтился съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ за „маленькою партіей" и выигралъ хладнокровно все состояніе простодушнаго юноши, доходившее до сорока долларовъ. Окончивъ игру, мистеръ Окгерстъ отвелъ молодаго спекулятора въ другую комнату и сказалъ ему: „Томми, вы добрый мальчикъ, но вы въ игрѣ ни на грошъ не смыслите; не пробуйте больше играть". Онъ положилъ ему въ руку всѣ выигранныя у него деньги и тихонько вытолкнулъ его за дверь; съ тѣхъ поръ Томъ Симсонъ сталъ его преданнымъ рабомъ. Это слышалось и въ его дѣтски-восторженномъ привѣтствіи мистеру Окгерсту. Онъ разказалъ что отправляется въ Покерфлетъ искать счастія. „Одинъ?" — Нѣтъ, не совсѣмъ одинъ; собственно онъ убѣжалъ съ Пайни Вудсъ. Вѣдь мистеръ Окгерстъ помнитъ Пайни? Что прислуживала за столомъ въ „Домѣ умѣренности" въ Сандибарѣ? Они уже давно дали другъ другу обѣщаніе, но старый Джекъ Вудсъ не соглашается, вотъ они и убѣжали и отправляются въ Покерфлетъ чтобы тамъ обвѣнчаться. А теперь они совсѣмъ истомились. Какъ это хорошо что они напали на такое отличное мѣсто для стоянки, да еще и на общество!

Все это Томъ проговорилъ чрезвычайно быстро, а между тѣмъ Пайни, толстенькая, хорошенькая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, выдвинулась изъ-за сосны, за которой она краснѣла украдкой, и подъѣхала къ своему жениху. Мистеръ Окгерстъ рѣдко заботился о мнѣніи другихъ, еще рѣже о приличіяхъ; но теперь онъ смутно сознавалъ что ихъ положеніе не совсѣмъ ловкое. Онъ однако сохранилъ настолько присутствіе духа чтобы толкнуть дядю Вилла, который собирался что-то сказать, а дядя Виллъ оказался достаточно трезвымъ чтобы признать въ толчкѣ мистера Окгерста высшую силу, не терпящую пренебреженія. Затѣмъ Окгерстъ принялся убѣждать Тома Симсона не останавливаться, но тщетно. Онъ даже указалъ на то что у нихъ не было ни провизіи, ни средствъ къ остановкѣ. Но къ несчастію Томъ отразилъ всѣ эти доводы объявивъ что у него есть еще одинъ мулъ навьюченный провизіей, и указавъ на остатки чего-то въ родѣ шалаша, сплетеннаго изъ вѣтокъ, которые онъ открылъ не далеко отъ тропинки. „Пайни можетъ пріютиться вмѣстѣ съ мистрисъ Окгерстъ", сказалъ Невинный Младенецъ указывая на герцогиню,—„а я ужь сумѣю устроиться".

Только увѣщательная нога мистера Окгерста спасла дядю Вилла, а то бы онъ разразился раскатами хохота. Но тутъ онъ почувствовалъ необходимость удалиться куда-нибудь подальше вверхъ по горѣ, до тѣхъ поръ пока къ нему не возвратится спокойствіе. Тамъ онъ подѣлился своимъ весельемъ съ высокими соснами, и много имъ пришлось увидѣть гримасъ на его лицѣ, неудержимыхъ движеній ногами и другихъ

подобныхъ непристойностей. Возвратившись къ своимъ спутникамъ, онъ засталъ ихъ всѣхъ занятыхъ повидимому дружелюбнымъ разговоромъ, вокругъ огня; такъ какъ въ воздухѣ стало необыкновенно свѣжо и на небѣ нависли тучи. Пайни съ дѣтскимъ одушевленіемъ разказывала что-то герцогинѣ, которая слушала съ участіемъ и оживленностью, какихъ въ ней давно уже не было замѣтно. Томъ съ такимъ же успѣхомъ проповѣдывалъ предъ мистеромъ Окгерстомъ и тетушкой, начинавшею дѣлаться ласковѣе.

— Э, да тутъ цѣлый пикникъ! сказалъ дядя Виллъ со внутреннею насмѣшкой, оглядывая группу путниковъ, яркій огонь и стреноженныхъ животныхъ въ отдаленіи. Вдругъ какая-то мысль мелькнула сквозь спиртные пары омрачавшіе его разсудокъ. Вѣрно въ ней было что-нибудь очень забавное, потому что онъ опять вдругъ скорчилъ ногу и заткнулъ ротъ кулакомъ.

Тѣни начинали медленно подниматься вверхъ по горѣ, легкій вѣтерокъ качалъ верхушки деревьевъ и стоналъ въ ихъ длинныхъ угрюмыхъ вѣтвяхъ. Развалившійся шалашъ былъ починенъ, покрытъ сосновыми вѣтками и предоставленъ дамамъ. Женихъ и невѣста, прощаясь предъ сномъ, такъ чистосердечно поцѣловались, такимъ простодушнымъ и искреннимъ поцѣлуемъ что его можно было бы слышать и выше колыхавшихся сосенъ. Изнуренная герцогиня и недоброжелательная тетушка вѣроятно были слишкомъ утомлены чтобъ обратить вниманіе на это новое доказательство простоты нравовъ и удалились въ шалашъ ни слова не говоря. Огонь подправили, мущины улеглись предъ входомъ и черезъ нѣсколько минутъ всѣ спали.

Мистеръ Окгерстъ никогда не отличался крѣпкимъ сномъ. Около утра онъ проснулся съ чувствомъ холода и оцѣпенѣнія. Онъ началъ поправлять гаснувшій огонь, какъ вдругъ вѣтеръ, который теперь дулъ уже сильно, хлестнулъ ему въ лицо чѣмъ-то и вся кровь его отхлынула прочь: это былъ снѣгъ!

Онъ вскочилъ на ноги чтобы разбудить товарищей, такъ какъ времени было терять нечего. Но повернувшись къ тому мѣсту гдѣ лежалъ дядя Виллъ, онъ увидѣлъ что его нѣтъ. Подозрѣніе мелькнуло въ его головѣ, и съ проклятіемъ на губахъ онъ бросился туда гдѣ были привязаны мулы: ихъ не было. Слѣды уже быстро исчезали подъ снѣгомъ.

Поддавшись волненію только на одну минуту, мистеръ Окгерстъ воротился къ костру уже со своимъ обычнымъ спокойствіемъ. Онъ не разбудилъ спавшихъ. Невинный Младенецъ покоился мирно съ улыбкой на добродушномъ лицѣ, покрытомъ веснушками; Пайни почивала возлѣ своей заблудшей сестры такъ сладко какъ подъ защитой небесныхъ хранителей, мистеръ Окгерстъ притянулъ себѣ одѣяло на плечи; и поглаживая усы, сталъ ждать разсвѣта. Разсвѣтъ пришелъ медленно, съ вьюгой и метелью, ослѣпляя и залѣпляя глаза

снѣжными хлопьями. Все что можно было разглядѣть вокругъ представляло картину измѣнившуюся какъ будто волшебствомъ. Окгерстъ посмотрѣлъ на долину, и настоящее и будущее представилось ему заключеннымъ въ двухъ словахъ: „занесены снѣгомъ!“

Внимательное изслѣдованіе провизіи, которая къ счастью была спрятана въ шалашѣ и такимъ образомъ избѣжала предательскихъ рукъ дяди Вилла, показало что съ благоразуміемъ и заботливостью ея можетъ хватить еще на десять дней.—То-есть, прибавилъ мистеръ Окгерстъ шепотомъ Тому,—если вы захотите кормить насъ. Если же нѣтъ, что можетъ-быть будетъ лучше, мы можемъ подождать пока дядя Виллъ вернется съ провизіей.

По какой-то тайной причинѣ мистеръ Окгерстъ не могъ рѣшиться открыть мошенничество дяди Вилла, и выразилъ догадку что онъ уходя нечаянно спустилъ муловъ. Онъ намекнулъ герцогинѣ и тетушкѣ, которыя конечно знали въ чемъ дѣло, чтобъ онѣ молчали.

— Они узнаютъ всю правду о насъ если узнаютъ хоть что-нибудь, прибавилъ онъ многозначительно,—а теперь пугать ихъ совсѣмъ не кстати.

Томъ Симсонъ не только отдалъ все свое имущество въ распоряженіе мистера Окгерста, но и казалось радовался предстоявшему имъ заключенію.—„Мы тутъ отлично покочуемъ съ недѣльку, а потомъ снѣгъ растаетъ и мы всѣ вмѣстѣ отправимся назадъ.“ Добродушная веселость юноши и спокойствіе мистера Окгерста заразили и другихъ.

Томъ устроилъ изъ сосновыхъ вѣтокъ крышу для шалаша, а герцогиня принялась наставлять Пайни какъ украсить внутренность съ такимъ вкусомъ и ловкостью что молоденькая провинціалка широко раскрыла отъ удивленія свои голубые глаза.—„Славно вы должно-быть живете въ Покерфлетѣ“, сказала Пайни. Герцогиня вдругъ отвернулась чтобы скрыть краску мгновенно появившуюся на ея щекахъ, а тетушка посовѣтовала Пайни не тараторить. Когда мистеръ Окгерстъ воротился съ утомительныхъ поисковъ какого-нибудь выхода, онъ услышалъ звуки веселаго смѣха, отдававшіеся въ утесахъ. Онъ остановился встревоженный, и его мысли прежде всего обратились къ водкѣ, которую онъ благоразумно припряталъ. „Только это не совсѣмъ похоже на водку“, сказалъ игрокъ. И только уже увидавъ сквозь метель ярко сверкающій костеръ и группу около него, онъ успокоился, увѣрившись что это они „просто шалили“. Не знаю припряталъ ли мистеръ Окгерстъ вмѣстѣ съ водкой и свои карты, какъ предметъ недопускаемый въ ихъ общину. Достовѣрно только что, какъ говорила тетушка, онъ ни разу не вспомнилъ о картахъ въ этотъ вечеръ. Время какъ-то случайно занялось аккордіономъ, который Томъ Симсонъ съ нѣкоторымъ хвастовствомъ вынулъ изъ своего мѣшка. Несмотря на немалое затрудненіе въ употребленіи этого инструмента, Пайни Вудсъ

вызвала однако изъ него нѣсколько упрямыхъ пѣсенокъ, а Томъ присоединилъ акомпаниментъ на кастаньетахъ. Но самое главное торжество вечера состояло въ томъ что женихъ и невѣста, взявшись за руки, съ большою важностью и стараніемъ спѣли „привальную" пѣснь. Кажется что не столько благочестивый характеръ, сколько вызывающій тонъ и ковенанторскія стремленія заразили прочихъ, и они наконецъ присоединились къ припѣву: „Я горжусь тѣмъ что служу Господу и готовъ умереть въ его воинствѣ". Сосны качались, вьюга шумѣла и злилась надъ бѣдняками, а пламя ихъ жертвенника взвивалось къ небу какъ бы въ залогъ обѣта.

Къ полуночи метель утихла и звѣзды засіяли надъ спящими. Мистеръ Окгерстъ, котораго обычаи его промысла пріучили къ самому незначительному количеству сна, распредѣляя съ Томомъ караулъ, устроилъ такъ что ему досталась бо́льшая часть обязанности. Онъ объяснилъ Младенцу что ему часто приходилось проводить цѣлую недѣлю безъ сна.

— Что̀ же это вы дѣлали? спросилъ Томъ.

— Игралъ, отвѣчалъ Окгерстъ:—когда нападешь на счастье, на настоящее счастье, тогда не скоро устанешь. Счастье уйдетъ прежде. Счастье, это бѣдовое дѣло! продолжалъ игрокъ задумчиво.—Все что̀ о немъ можно знать, это что оно того и гляди измѣнитъ. И вотъ догадаться когда оно измѣнитъ—въ этомъ вся штука. На насъ напало несчастье съ тѣхъ поръ какъ мы выѣхали изъ Покерфлета—вы подвернулись и вотъ тоже попались. Пока еще можно держать карты, все хорошо. Потому что, прибавилъ игрокъ съ веселою непослѣдовательностью:—„Я горжусь тѣмъ что служу Господу и готовъ умереть въ его воинствѣ". Наступилъ третій день, и солнце, оглядывая долину покрытую бѣлымъ ковромъ, увидѣло нашихъ изгнанниковъ когда они дѣлили между собой утреннія доли изъ своего постепенно уменьшающагося запаса. По странной особенности этого горнаго климата, его лучи разливали на зимнюю картину благодатную теплоту, какъ будто изъ состраданія и сожалѣнія о прошедшемъ. Но они освѣщали только груды снѣга взгроможденныя одна на другую вокругъ шалаша—неизвѣстное, неизслѣдимое, безнадежное море въ утесистыхъ берегахъ къ которымъ изгнанники все еще льнули. Сквозь удивительно чистый воздухъ виднѣлся вдали дымъ поднимавшійся отъ пастушьей деревни Покерфлетъ. Тетушка увидѣла его, и изъ высокой башни своей скалистой крѣпости метнула въ ту сторону свое послѣднее проклятіе. Это былъ ея послѣдній упрекъ, и потому можетъ-быть онъ былъ облеченъ нѣкоторою торжественностью. Онъ облегчилъ ее, какъ она потихоньку сообщила герцогинѣ: „Вотъ вы пойдите сами, попробуйте, и увидите". Послѣ этого она возложила на себя обязанность занимать „дитя", какъ ей и герцогинѣ угодно было назвать Пайни. Пайни однако была далеко не ребенокъ, но по ихъ оригинальной теоріи это прозваніе служило только указаніемъ на то что она не держала

себя непристойно и не употребляла проклятій на каждомъ шагу, и это дѣйствовало на нихъ какъ-то утѣшительно.

Когда ночь снова подкралась по ущельямъ, звуки аккордіона опять раздались возлѣ мерцающаго костра, то судорожно прерываясь, то утомительно растягиваясь. Но музыкѣ не удалось наполнить совершенно болѣзненную пустоту произведенную недостаточностью пищи, и Пайни предложила новое развлеченіе—разказывать. Ни мистеръ Окгерстъ, ни его спутницы не имѣли охоты говорить о томъ что̀ имъ пришлось испытать въ жизни, и это предложеніе тоже потерпѣло бы неудачу, еслибы не Младенецъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ему попался какой-то затерянный экземпляръ незатѣйливаго перевода *Иліады* г. Попа. Онъ очень хорошо запомнилъ содержаніе, и хотя посреди общепринятаго мѣстнаго нарѣчія своей родины совершенно забылъ слова и выраженія, но все-таки предложилъ что разкажетъ главныя происшествія поэмы. Такимъ образомъ Гомеровскіе полубоги снова спустились въ этотъ вечеръ на землю. Троянскій храбрецъ и хитрый Грекъ вступили въ борьбу на воздухѣ, и высокія сосны преклонились предъ гнѣвомъ Пелеева сына. Мистеръ Окгерстъ слушалъ съ спокойнымъ удовольствіемъ. Особенно занимала его судьба „ясеневыхъ каблуковъ“ (Ash-heels) какъ Младенецъ съ упорствомъ называлъ „быстроногаго Ахиллеса“.

Такъ при скудости пищи, за то съ Гомеромъ и аккордіономъ въ изобиліи, прошла цѣлая недѣля. Солнце снова покинуло изгнанниковъ, и снова изъ свинцоваго неба посылались на землю снѣжные хлопья. Съ каждымъ днемъ тѣснѣе становилась вокругъ нихъ снѣжная ограда, и наконецъ они очутились запертыми посреди ослѣпительно бѣлыхъ стѣнъ, подымавшихся на двадцать футовъ надъ ихъ головами. Становилось труднѣе и труднѣе поддерживать огонь; даже и деревья недавно упавшія не вдалекѣ были теперь уже на половину скрыты подъ грудами снѣга. И однако никто не жаловался. Женихъ и невѣста, отворачиваясь отъ грустнаго вида, смотрѣли другъ другу въ глаза и были счастливы. Мистеръ Окгерстъ хладнокровно примирился съ несчастливою игрой, которая очевидно вела къ проигрышу. Герцогиня веселѣе чѣмъ прежде заботилась о Пайни. Только тетушка, которая прежде была крѣпче всѣхъ, какъ будто слабѣла и блѣднѣла. Въ полночь десятаго дня она подозвала Окгерста къ своей постели.

— Конецъ мой пришелъ, сказала она слабымъ и жалостнымъ голосомъ,—но не говорите этого никому. Не будите ягнятъ. Возьмите узелокъ у меня въ головахъ и откройте.

Мистеръ Окгерстъ исполнилъ. Въ узелкѣ были тетушкины порціи за прошедшую недѣлю не тронутыя.

— Отдайте ихъ этому дитяти, сказала она, указывая на спящую Пайни.

— Вы убили себя голодомъ, сказалъ игрокъ.

— Да, это такъ называется, сказала она слабо и легши на постель опять повернулась къ стѣнѣ и тихо уснула.

Аккордіонъ и кастаньеты были въ этотъ день отложены въ сторону и Гомеръ былъ забытъ. Когда тѣло тетушки было предано снѣгу, мистеръ Окгерстъ отозвалъ въ сторону Тома и показалъ ему лыжи, которыя онъ устроилъ изъ стараго вьючнаго сѣдла.

— Еще есть одна возможность изо ста спасти ее, сказалъ онъ глядя на Пайни,—но это тамъ, прибавилъ онъ указывая на Покерфлетъ.—Если вы доберетесь туда въ два дня, то она спасена.

— А вы? спросилъ Томъ.

— Я останусь здѣсь, былъ короткій отвѣтъ.

Женихъ и невѣста простились долгимъ поцѣлуемъ.

— Развѣ вы тоже уходите? сказала герцогиня увидѣвъ что Окгерстъ какъ будто ожидалъ чтобъ идти вмѣстѣ.

— Только до той трещины, отвѣчалъ онъ.

Онъ вдругъ повернулся и поцѣловалъ герцогиню. Ея блѣдное лицо вспыхнуло и дрожащіе члены оцѣпенѣли отъ изумленія.

Наступила ночь, мистера Окгерста не было. Ночью опять поднялась буря и метель. Герцогиня, поправляя костеръ, замѣтила что возлѣ шалаша было кѣмъ-то незамѣтно заготовлено топливо еще на нѣсколько дней. Слезы выступили на ея глазахъ, но она скрыла ихъ отъ Пайни. Онѣ спали мало. Утромъ, взглянувъ другъ на друга, онѣ прочли свою судьбу. Ни одна не сказала ни слова; но Пайни, принявъ на себя видъ болѣе сильной, притянула къ себѣ герцогиню и обняла ея станъ. Такъ просидѣли онѣ весь день. Ночью буря еще больше разсвирѣпѣла и разметавъ охранявшія сосны проникла въ самый шалашъ. Къ утру оказалось невозможнымъ поддерживать огонь и онъ мало-по-малу совсѣмъ погасъ. Глядя на медленно чернѣвшую золу, герцогиня прижалась къ Пайни и прервала долгое молчаніе:

— Пайни, можете вы молиться?

— Нѣтъ, душенька, отвѣчала Пайни простодушно.

Герцогиня сама не зная отчего почувствовала облегченіе, и положивъ руку на плечо Пайни, умолкла. Младшая и болѣе чистая, невинная дѣвушка прижала къ своей дѣвственной груди голову своей грѣшной сестры, и сидя такъ, онѣ обѣ уснули.

Вѣтеръ пѣлъ, какъ будто боясь разбудить ихъ. Легкіе хлопья снѣга, падая съ длинныхъ сосновыхъ вѣтокъ, летѣли какъ бѣлыя птички и садились на спящихъ. Мѣсяцъ глядѣлъ сквозь разорванныя облака на остатки привала. Но всякій слѣдъ человѣка, всякій признакъ земной работы былъ скрытъ подъ безукоризненно бѣлою пеленой, милосердно ниспосланною свыше.

Онѣ проспали весь этотъ день и весь слѣдующій, и не проснулись когда голоса и шаги прервали окружающее молчаніе. И когда сострадательныя руки отряхнули снѣгъ съ ихъ поблѣднѣвшихъ лицъ, по одинаково мирному выраженію

ихъ трудно было бы рѣшить которая согрѣшила. Даже покерфлетскій законъ сознаіъ это и отвернувшись оставилъ ихъ въ объятіяхъ другъ друга.

У начала стока на одной изъ самыхъ большихъ сосенъ нашли трефовую двойку приколотую къ корѣ ножикомъ. На ней твердою рукой было написано слѣдующее:

„Подъ этимъ деревомъ лежитъ тѣло Джона Окгерста который пошелъ несчастливо 23го ноября 1850 года и спасовалъ 7го декабря 1850 года.“

Подъ снѣгомъ холодный и безжизненный, съ револьверомъ въ рукѣ и съ пулей въ сердцѣ, лежалъ самый твердый и вмѣстѣ съ тѣмъ самый слабый изъ покерфлетскихъ изгнанниковъ.

О. С.

НАРОДНОСТЬ ВЪ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Глѣбъ Успенскій: *Пѣнтяй, его воспоминанія, наблюденія и замѣтки.—Разоренье.—Нравы Растеряевой улицы.—Очерки и разказы.* Спб. Изданіе А. Ѳ. Базунова. 1871—1873.

Обокъ съ литературой продолжающею лучшія преданія прежняго времени, у насъ возникла совершенно особая литература, вышедшая изъ журнальнаго движенія конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ и имѣющая съ настоящею литературой очень мало общаго. Разорвавъ съ общими требованіями искусства, она руководствуется своими особыми началами, преслѣдуетъ свои особыя цѣли и проявляетъ что-то въ родѣ своего особаго міровоззрѣнія. Въ этой литературѣ есть свои геніи, и даже нѣкоторая преемственность генія: такъ по крайней мѣрѣ полагаетъ петербургская критика, возвеличившая въ свое время Рѣшетникова, и по смерти его немедленно возведшая г. Глѣба Успенскаго въ вакантное званіе перваго русскаго беллетриста. Несмотря на всю дальность разстоянія отдѣляющаго эту новую письменность отъ того что̀ мы привыкли называть литературой, не безъинтересно будетъ вглядѣться въ этотъ нововозникшій міръ.

Литературѣ „новаго" направленія петербургская критика обыкновенно усваиваетъ названіе *народной*, какъ бы намекая тѣмъ что разработка нашей народности, служеніе народнымъ интересамъ составляетъ ея главное содержаніе. Дѣйствительно, въ

повѣстяхъ и очеркахъ Рѣшетникова и г. Глѣба Успенскаго мы встрѣчаемся исключительно съ простонароднымъ матеріаломъ и съ нескрываемою претензіей на глубокое и непосредственное знаніе народной жизни. Поэтому мы главнымъ образомъ постараемся прослѣдить отношенія „новой“ литературной школы къ народности, такъ какъ этими отношеніями почти и исчерпывается внутреннеее содержаніе беллетристики представителями которой петербургская журналистика признаетъ названныхъ выше писателей.

Народность нѣкогда служила живою темой въ нашей журналистикѣ. Серіозная литература наша, начавшаяся съ Пушкина, постоянно стремилась стать какъ можно ближе къ народности и черпать изъ нея свои живыя силы. Самый вопросъ о народности съ тридцатыхъ годовъ безпрерывно разрабатывался и выяснялся, развиваясь отъ той простой формы въ какой онъ представлялся Пушкину до законченнаго міросозерцанія на степени котораго мы его встрѣчаемъ напримѣръ въ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстаго. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ требованіе народности отъ литературы было настолько общее что почти ни одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ нашихъ писателей не нашелъ возможнымъ остаться въ сторонѣ отъ него. Лермонтовъ отозвался на него своею *Пѣсней про купца Калашникова*, Гоголь—всѣми своими произведеніями, г. Тургеневъ *Записками Охотника*, г. Писемскій *Плотничьей Артелью* и другими повѣстями, графъ Л. Н. Толстой позднѣйшими, самыми зрѣлыми своими произведеніями, г. Достоевскій—*Записками изъ Мертваго Дома*, г. Григоровичъ цѣлымъ рядомъ романовъ и разказовъ. Новые писатели продолжающіе преданіе художественной школы стоятъ къ народной жизни едва ли еще не ближе. Такимъ образомъ народность не только не представляется для насъ чѣмъ-либо новымъ, но въ нашей литературѣ выработались уже извѣстныя отношенія къ народной жизни, извѣстная руководящая идея, которую одинаково признаютъ писатели съ совершенно самостоятельнымъ дарованіемъ. Идея эта заключается въ художественномъ почувствованіи стихійныхъ сторонъ народной жизни, проявленій народнаго духа, ускользающихъ отъ поверхностнаго наблюденія людей чуждыхъ народу вслѣдствіе заимствованности нашей цивилизаціи. Мы употребили выраженіе: *художественное почувствованіе*, желая выразить тѣмъ что современный образованный человѣкъ, далеко разойдясь съ на-

родомъ въ понятіяхъ и во всемъ складѣ жизни, можетъ подойти къ нему и понять его только силою художественнаго созерцанія, проникающаго до тѣхъ живыхъ основъ которыя сближаютъ образованнаго человѣка съ непосредственною натурой простолюдина. Отъ этого конечно происходитъ то что наша художественная литература, относясь по большей части отрицательно ко всему нашему общественному складу, къ верхушкамъ нашей жизни, къ героямъ нашей заимствованной интеллигенціи, относилась къ народу всегда положительно, отыскивая въ немъ цѣльные типы, непосредственные характеры, проявленія духа. При богатствѣ отрицательныхъ типовъ, которыми изобилуетъ наша литература сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, небольшое число положительныхъ типовъ найдено нашими писателями почти исключительно въ народной средѣ или въ слояхъ наиболѣе близкихъ къ народной жизни. Цѣльность этихъ непосредственныхъ натуръ предъ несостоятельностью героевъ изъ такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ составляетъ издавна любимый мотивъ въ нашей литературѣ, начиная съ *Капитанской Дочки* Пушкина и съ *Героя Нашего Времени*, гдѣ съ такою силою Максимъ Максимычъ противопоставленъ Печорину и Грушницкому. Писатели наши постоянно обращаются къ народной жизни какъ бы къ источнику живой, свѣжей силы, бьющему гдѣ-то въ сторонѣ отъ запруженнаго русла нашей образованной общественности. Въ сороковыхъ годахъ, когда искривленный ростъ нашего духовнаго развитія дѣлалъ особенно чувствительнымъ разладъ образовавшійся между нашими просвѣщенными классами и народомъ, когда поэты съ особенною чуткостью прислушивались и присматривались ко всѣмъ болѣзненнымъ явленіямъ нашей общественной жизни, это обращеніе къ живымъ струямъ народнаго быта, исканіе цѣльныхъ натуръ, не надломленныхъ недугомъ безпочвеннаго образованія, сдѣлалось главною задачей нашей литературы и шло рядомъ съ развѣнчиваньемъ героевъ нашей интеллигенціи—лишнихъ людей, Гамлетиковъ, Рудиныхъ. Народная среда, сохранявшая подъ гнетомъ крѣпостнаго рабства свѣжесть нерастраченныхъ силъ и живую связь съ прошедшимъ, представлялась нашимъ художникамъ-беллетристамъ родникомъ невѣдомыхъ и непочатыхъ богатствъ русскаго духа. Не одни такъ-называемые славянофилы указывали на этотъ освѣжающій родникъ: къ нему обращались въ

то время и писатели другаго направленія, какъ напримѣръ г. Тургеневъ въ *Запискахъ Охотника* и въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*.

При такихъ отношеніяхъ къ народной жизни, руководящею идеей нашей литературы естественно должна была быть любовь къ народу. Эта любовь иногда проявлялась въ подкраскѣ, въ слащавости, иногда отзывалась недостаткомъ искренности; но въ талантливѣйшихъ произведеніяхъ той эпохи, у писателей дѣйствительно и непосредственно знакомыхъ съ народною жизнью она составляла главную силу и главное содержаніе. Относясь отрицательно къ болѣзненнымъ явленіямъ нашей жизни, указывая на потребность возстановить утраченную связь съ народомъ, писатели наши естественно должны были находить въ народѣ тѣ живыя силы которыхъ они тщетно искали въ душевномъ разладѣ, въ раздвоенности, въ безволіи героевъ образованной сферы. Дѣятельно проводя въ литературу идею освобожденія, они естественно должны были вѣровать въ состоятельность народа, свидѣтельствовать предъ обществомъ что этотъ народъ достоинъ свободы. Отсюда эта вѣра въ народныя силы, въ народный здравый смыслъ, которою запечатлѣна вообще наша литература сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Новая журналистика отнеслась къ народу иначе. Она съ первыхъ же шаговъ обнаружила какое-то затаенное недовольство народомъ, точно онъ обманулъ въ чемъ-то ея ожиданія, чѣмъ-то оскорбилъ ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по принципу, она не могла отказаться отъ связи съ народными интересами которые она будто бы приняла подъ свое покровительство; ей нельзя было выпустить изъ своихъ рукъ народъ, какъ благодарный матеріалъ, настолько безотвѣтный что литература всегда можетъ лѣпить изъ него самыя произвольныя фигуры. Образовались совершенно новыя отношенія къ народу, которыя любопытно разглядѣть внимательно, такъ какъ въ нихъ главнымъ образомъ таится источникъ той фальши которою проникнута вся эта „новая“ литература.

Въ противоположность писателямъ старой школы искавшимъ положительныхъ сторонъ въ народной жизни, „новые“ беллетристы отнеслись къ народу вообще совершенно отрицательно, усмотрѣвъ въ народной массѣ однѣ только безмѣрно темныя стороны. Здравый народный умъ, въ который вѣровала литература сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, прежде всего подвергся отрицанію. Новые quasi-народные писа-

тели не только не замѣчаютъ этого ума, устоявшаго среди всѣхъ испытаній, пробившагося подъ спудомъ рабства и невѣжества, но надѣляютъ народъ чертами такого тупоумія и idiотизма съ которыми никакое племя конечно не прожило бы и одного столѣтія. Въ свое время былъ замѣченъ разказъ одного новаго беллетриста о томъ какъ извощики на постояломъ дворѣ считаютъ деньги; но тогда все безобразіе этой нелѣпой каррикатуры едва ли было понято. Она послужила однако какъ бы образщикомъ для дальнѣйшей разработки народности въ новой беллетристикѣ, и смѣхотворное изображеніе мужицкой тупости и скотства сдѣлалось любимою и почти обязательною темой для нашихъ романистовъ и разкащиковъ. Рѣшетниковъ написалъ цѣлый рядъ повѣстей и разказовъ, вся соль которыхъ заключается въ томъ что мужики издаютъ какіе-то дикіе звуки: *толды*, *айда*, *хайло*, *пра*, *уди*, или ведутъ на цѣлыхъ страницахъ совершенно безсмысленные разговоры, какихъ конечно никто никогда не слышалъ. Чтобы наши слова не показались бездоказательными, приведемъ слѣдующій примѣръ какихъ весьма много въ сочиненіяхъ Рѣшетникова:

„— Эко дѣло, дать бы ему....
„— А пошто? онъ, поди, такъ.
„— Левизоры, баютъ.
„— Подемъ. Молодой-то бассае. Ужь онъ все сдѣлатъ... Ишь трубку сосетъ по-нашему.
„— Молчи, молодой хуже, онъ такъ.... другое-тъ ночельникъ!
„— А што, у васъ ревизоры часто бываютъ? спросилъ я одного крестьянина, когда онъ вошелъ во дворъ.
„— И! бѣда!
„— Какъ же такъ? я слышалъ что они только разъ пять въ году бываютъ.
„— Поце?... гли сколь: теперь ты, другой, вцера одинъ убѣгъ.
„— Да можетъ они не ревизоры.
„—Ште ты баешь! сами глядѣли.
„— А толкъ-отъ есть ли?
„— Ой ужь!.. А ты левизоръ же?
„— Нѣтъ. Я, братцы, нигдѣ не служу въ чиновникахъ.
„— А поцё?
„— Васько, уди; ожжетъ онъ те, чортъ!
„— Онъ баетъ: не левизоръ де. Онъ такъ! Левизоры разѣ сосутъ эту сосульку?
„— Будь ты проклятой, лѣшанъ! Уди говорятъ!“

Въ повѣсти г. Глѣба Успенскаго *Пятый*, дѣйствіе которой происходитъ въ чисто русской мѣстности, крестьяне посылаютъ въ городъ ходака хлопотать по возникшему у нихъ неудоволь-

ствію. Въ ходоки, какъ извѣстно, выбираются люди умные, рѣчистые, надежные; это однако не помѣшало г. Успенскому заставить ходока вести слѣдующій разговоръ:

„— Плохой надѣлъ что ли?

„— Нѣтъ, ничего... Надѣлъ - то часть особая. А изъ чего взялось-то это, ты вотъ что̀ скажи.

„— Что̀ такое взялось?

„— Неудовольствіе.

„— Гдѣ же, у кого?

„— Въ нашихъ мѣстахъ.... тамъ.... Почему? Земля — такъ; одно дѣло. А почему?

„— Да что̀ же? въ чемъ дѣло?... что̀ почему?

„Ходокъ помолчалъ и проговорилъ тихо:

„— А душа? какъ ты объ этомъ?

„— Ну? спросили мы оба, я и гость.

„— Ну? Больше ничего. Мы замолчали. — Если у человѣка душа? Ее оставить нельзя.... Эхъ, Ивану бы Митричу самому въ ходоки-то идтить... Что̀ я?

„— Кто этотъ Иванъ Дмитричъ?

„— Старичокъ нашъ.... Вотъ ему такъ дано отъ Бога! Что̀ только у него ума, и-и.... Ужь онъ—такъ ужь разказалъ бы.... д-да!...

„Признаюсь, мы ничего не понимали и сидѣли молча, потому что ходокъ тоже молчалъ.

„— Гов-ворилъ онъ этта... какъ бы смутно что-то припоминая и пристально приглядываясь къ чему-то, съ разстановкой началъ ходокъ:—Говорилъ онъ этта: „Что̀ есть человѣкъ?"

„— Какъ что̀?

„— Да! Что̀ такое?

„Мы не могли отвѣчать.

„— Прахъ! Больше ничего. Такъ, что ли?

„— Ну, прахъ, отвѣтили мы.—Ну?

„— Ну, вотъ. Мнѣ бы съ головой-то разобраться. Я тебѣ объясню, погоди. Поведемъ дѣло по порядку. Стало-быть, прахъ; разъ...

„Ходокъ загнулъ одинъ палецъ на рукѣ.

„— Разъ, повторилъ онъ.—Ладно. А земля? По-твоему земля что̀ будетъ?

„Мы не могли отвѣтить.

„— Опять же прахъ! радостно сказалъ ходокъ. — Видѣлъ? И земля, стало-быть, тоже прахъ,—два! Теперь гляди.

„Ходокъ остановился.

„— Гляди теперь. Ежели я, къ примѣру, пойду я въ землю, потому я изъ земли вышелъ — изъ земли. Ежели я пойду въ землю, напримѣръ, обратно, какимъ же стало-быть родомъ можно съ меня брать выкупные за землю?

„— А-а! радостно произнесли мы.

„— Погоди! Тутъ надо еще бы слово. Видите, господа, какъ надо-то.

„Ходокъ поднялся и сталъ посреди комнаты, приготовляясь отложить на рукѣ еще одинъ палецъ.

„— Тутъ самаго настоящаго-то нисколько не сказано. А вотъ какъ надо: почему, напримѣръ... но здѣсь онъ остановился и живо произнесъ: душу кто тебѣ далъ?

„— Богъ.

„— Вѣрно! Разъ. Хорошо. Теперь гляди сюда..." и т. д.

Затѣмъ снова загибаются пальцы, плетутся безпутныя и несвязныя рѣчи, и сценка съ натуры готова. Русскій мужикъ представленъ во всемъ великолѣпіи своего тупоумія и кретинизма, а авторъ съ пріятелями, снисходительно выслушивающіе эти рѣчи,—во всемъ тріумфѣ народолюбія.

Нельзя конечно предположить чтобы такое отношеніе къ народности было только литературнымъ пріемомъ, исходило изъ желанія посмѣшить читателя зрѣлищемъ человѣческой глупости и подборомъ смѣшныхъ словъ. Есть конечно такіе смѣшливые читатели которые будутъ до упаду хохотать надъ вышеприведенными страницами, подобно тому какъ Гололевскій мичманъ покатывался со смѣху когда ему показывали палецъ. Нѣкоторый разчетъ на такого смѣшливаго мичмана между читателями конечно входитъ въ соображенія г. Успенскаго, потому что въ своихъ очеркахъ и разказахъ онъ иногда именно только показываетъ палецъ: смѣйтесь-молъ кому это смѣшнымъ покажется. Но за всѣмъ тѣмъ, отрицательное отношеніе къ народу у этихъ писателей очевидно исходитъ изъ нѣкоторой особой идеи, которая объяснится нами ниже когда мы разсмотримъ въ какую сторону направляются симпатіи новыхъ беллетристовъ, и какіе положительные типы находятъ они въ народной средѣ.

Прежде однако чѣмъ искать этихъ типовъ у г. Успенскаго, припомнимъ одного героя изъ повѣстей Рѣшетникова, послужившаго прототипомъ многимъ другимъ героямъ quasi-народной литературы.

„Такихъ людей (рекомендуетъ его авторъ въ повѣсти: *Между Людьми*) мы видимъ постоянно и не обращаемъ на нихъ никакого вниманія. Первое что̀ бросается въ глаза—это растрепанные волосы, блѣдное лицо, разбитая бровь. Надѣто на немъ суконное пальто, грязное, продранное въ разныхъ мѣстахъ, изобличающее его въ томъ что онъ или драться любитъ, или его бьютъ. Пальтомъ онъ не закрывается; поэтому полы пальто лежатъ на полу и видится грязная холщевая рубаха и сѣрыя тиковыя коротенькія брюки; на ногахъ что-то въ родѣ колошъ. Положивши руки на столъ, лѣвую на правую, и сжав-

щи немытые съ недѣлю кулаки, онъ зорко наблюдаетъ за людьми своими сѣрыми глазами, и кажется хочетъ вмѣшаться въ разговоры, да сдерживается.“

Исторію этого-то человѣка разказываетъ Рѣшетниковъ. Звали его Петькой. Онъ росъ сиротой у тетки, и хотя умственныя силы его были такъ незначительны что онъ „плохо понималъ что значитъ мать, отецъ и сынъ“, и цѣлый мѣсяцъ учился писать букву *а*, но нѣкоторыя художества постигъ весьма рано и умѣлъ въ теченіе всей своей жизни, во всякомъ положеніи и при всякихъ обстоятельствахъ, дѣлать мерзости и подлости. „Напримѣръ бывало—вспоминаетъ онъ —придетъ какой-нибудь нищій къ намъ, я и говорю ему: дома нѣту. А самъ думаю: вотъ и ничего не дали. Маменька (т.-е. тетка) велѣла подавать грошики, а я не подамъ тебѣ, себѣ возьму.“ Попалъ онъ затѣмъ на почтовый дворъ, и тамъ „увижу мѣдныя деньги, непремѣнно стяну гривну или копѣйку.“ Въ бурсѣ, гдѣ онъ очутился потомъ, товарищи били его за то что онъ воровалъ у нихъ булки и сушеныя лепешки. Изъ бурсы онъ наконецъ бѣжалъ и былъ отданъ въ уѣздное училище, гдѣ „три года проучился въ первомъ классѣ и ничего не понялъ“. За то онъ понялъ нѣчто другое: „я никого не боялся въ это время, разказываетъ онъ, кромѣ дяди и тетки, и обо всѣхъ разсуждалъ худо. Аристократію дядя (почтальйонъ) ненавидѣлъ и ругалъ ее при встрѣчѣ почти что вслухъ. Смотря на него, не любилъ аристократовъ и я. — Этихъ счастливчиковъ какъ я, такъ и товарищи мои ненавидѣли до того что не давали имъ проходу по городу. Попадется, напримѣръ, баричъ—я ему языкъ высуну. Онъ обидится—я толкну его; онъ обзоветъ меня подлецомъ—я шапку съ него сброшу и убѣгу. Конечно, это дѣлалось одинъ на одинъ“... Дальнѣйшая участь Петьки во всемъ отвѣчаетъ счастливымъ задаткамъ обнаруженнымъ имъ въ дѣтствѣ: воруетъ въ почтовой конторѣ журналы и газеты, за что отдается подъ судъ и ссылается въ монастырь; попадаетъ потомъ на службу, переѣзжаетъ въ Петербургъ, изгоняется за разныя продѣлки изъ службы, торгуетъ старымъ платьемъ на толкучкѣ, пьянствуетъ и наконецъ умираетъ въ Обуховской больницѣ.

Исторія весьма обыкновенная и ничѣмъ не останавливающая на себѣ покамѣсть вниманія. Но разказывая ее, мы опустили одну черту, дающую этой личности и этой жизни совсѣмъ другой характеръ. Петька—литераторъ честнаго направ-

ленія. Онъ сотрудничаетъ въ газетѣ *Насѣкомая*, и не получивъ отъ редактора гонорара пишетъ ему слѣдующее письмо:

„Вы довели меня до нищеты, но я еще не нищій; я честнѣе васъ, потому что достаю себѣ теплый уголъ и хлѣбъ такимъ трудомъ надъ которымъ вы въ вашей паршивой газетѣ смѣетесь. Идите на плацъ, и увидите вашего сотрудника съ сапогами и сюртуками, кричащаго: сапоги хороши! Сапоговъ купи, г. редакторъ! Спросите Петьку Кузьмина: его всѣ знаютъ. Онъ по вашей милости пьяницей сдѣлался.

„Какъ-то я прочиталъ одинъ нумеръ вашей паршивой газеты, и позвольте васъ спросить: какое направленіе вашей плюгавой газеты, какія идеи вы проводите? Въ одномъ мѣстѣ кто-то пишетъ что вотъ это бы хорошо сдѣлать для цивилизаціи нашего отечества, въ другомъ вы отвергаете эту пользу, въ третьемъ говорите чортъ знаетъ о чемъ... Вы думаете, я ничего не понимаю? Эхъ вы, цивилизація парикмахерская! Ну, чего вамъ нужно? Кому вы навязываете свои нелѣпыя мыслишки пропитанныя гнилью... Вы для денегъ завели газету, славу себѣ хотите стяжать... Чѣмъ? А что говоритъ народъ про вашу газету, — даже мы, простые бѣдные люди, о которыхъ вы пишите въ газетѣ какъ о мошенникахъ и которыхъ вы стремитесь искоренить, сами не зная гдѣ зло, откуда оно заводится?

„Мнѣ стыдно что я писалъ у васъ. И я даю себѣ честное слово что нигдѣ больше не буду писать. Радуйтесь, я дарю вамъ свои деньги: расплатитесь на нихъ съ бѣдными рабочими вашей типографіи."

Такимъ образомъ, этотъ пропалыга, пробивавшійся подтибриваньемъ гривенъ и булокъ, этотъ скверный продуктъ нищенства и невѣжества, оказывается вѣщателемъ правды общественной, писателемъ честнаго направленія, кладущимъ перо потому что чувствуетъ свой честный голосъ одинокимъ посреди „парикмахерской" цивилизаціи... „Сочувствіе автора къ такому герою — писали мы по поводу этой самой повѣсти нѣсколько лѣтъ назадъ—становится въ неестественно-рѣзкій разладъ съ понятіями не только нравственными, но и обиходно-житейскими. Вмѣсто „простаго бѣднаго человѣка" и человѣка „изъ народа", является предъ нами обыкновенный воришка, къ порочной натурѣ котораго безобразно примѣшалась та удивительная форма развитія которая у насъ овладѣваетъ иногда спившимися съ пути фабричными и волостными писарями изъ кантонистовъ,—то позорное, разъѣдающее развитіе которое начинается безобразнымъ смѣшеніемъ понятій, подтибриваньемъ гривенъ, и оканчивается сотрудничествомъ въ газетахъ, подобныхъ *Насѣкомой*, и безвозвратнымъ

пьянствомъ. Неужели авторъ не догадался что его Петька вовсе не „простой бѣдный человѣкъ“, и что не *Наськомая* обзываетъ „простыхъ бѣдныхъ людей“ мошенниками, а Петьки, самозванно затесавшіеся въ среду „простыхъ бѣдныхъ людей“ и лжеименующіе себя ихъ честнымъ именемъ?“

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя думать чтобы здѣсь все ограничивалось простымъ недоразумѣніемъ, авторскою неловкостью. Тенденціозная сторона повѣсти слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, и нельзя не замѣтить ее. Отношенія автора къ его герою объясняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ новыя отношенія къ народности въ которыя вступила беллетристика вышедшая изъ журнальныхъ броженій начала шестидесятыхъ годовъ. Эту „новую“ беллетристику привлекаютъ очевидно не тѣ почіющія въ народѣ подспудныя силы, не тѣ простыя, цѣльныя и сильныя натуры на которыя обращены были всѣ симпатіи писателей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. „Новые“ беллетристы не хотятъ знать эти непосредственные типы, эту неподдѣльную народность, понимать которую насъ научила наша литература. Они ищутъ искаженной народности, тѣхъ выродковъ народной жизни которые вынесли изъ своей среды только нищету и невѣжество, и привили себѣ отвратительные элементы трактирной цивилизаціи и приказной полуобразованности. Такіе экземпляры представляютъ повидимому особенную пикантность для новой беллетристики какъ матеріалъ весьма удобно подчиняющійся вліянію литературы низшаго порядка, матеріалъ охотно, хотя безсмысленно протестующій, и отличающійся несравненно большею подвижностью чѣмъ настоящая, коренная народность. Самая постановка этихъ героевъ у новыхъ беллетристовъ имѣетъ свою особаго рода пикантность. Намъ показываютъ людей порочныхъ, грязныхъ, но эти пороки, эта грязь прилипли де къ нимъ вслѣдствіе злосчастныхъ условій жизни въ которыя ставитъ ихъ сила сложившагося строя. Никто де не заботится воспитать ихъ, окружить благопріятною обстановкой; заброшенное, одинокое дѣтство рано очерствляетъ и ожесточаетъ ихъ; они познаютъ зло, ни гдѣ не видя добра, и падаютъ нравственно, оставаясь въ своемъ паденіи живымъ укоромъ общественному неустройству. Только соприкосновеніе съ журналистикой пробуждаетъ въ нихъ усыпленное нравственное чувство, но и то не надолго и безплодно, потому что голосъ ихъ остается оди-

нокимъ, и имъ приходится каяться въ своемъ соучастіи въ своекорыстномъ дѣлѣ.

„Простой бѣдный человѣкъ“ въ томъ смыслѣ въ какомъ показалъ его Рѣшетниковъ въ повѣсти: *Между Людьми* не остался одинокимъ героемъ новой беллетристики. Мнимо-народные разкащики „новой школы“ полюбили этотъ типъ и расплодили его во множествѣ романовъ, повѣстей и очерковъ. Индивидуальныя черты его могутъ видоизмѣняться, но общій родовой характеръ остается одинъ и тотъ же, выхватываетъ ли его авторъ изъ бурсы, или изъ-за ремесленнаго верстака, или изъ уѣздной канцеляріи, или изъ избы. Всѣхъ этихъ героевъ объединяетъ особая форма развитія, соединяющая весьма двусмысленную нравственность съ убѣжденіемъ что въ привитыхъ къ нимъ порокахъ виновато общество, что они не несутъ за нихъ никакой личной отвѣтственности, и что въ своихъ пакостяхъ они все-таки сохраняютъ какую-то свою особую честность, ставящую ихъ гораздо выше окружающаго міра. Еслибы новые беллетристы внимательнѣе отнеслись къ этому типу, они замѣтили бы что пороки и несчастія этихъ героевъ происходятъ главнымъ образомъ изъ ихъ отрѣшенія отъ среды въ которой они родились и въ которой имъ предназначено было дѣйствовать. Ихъ разбитое существованіе обыкновенно является карою ихъ отступничества отъ нормальныхъ путей жизни, слѣдствіемъ неправильнаго обращенія съ тою цивилизаціей усвоить которую правильнымъ образомъ они не могутъ по своей неподготовленности. Но новые беллетристы не доходятъ до прозрѣнія печальныхъ послѣдствій разрыва съ средою, съ нормальною, здоровою жизнью; они принимаютъ этотъ разрывъ за порываніе изъ мрака къ свѣту, изъ неподвижности застоявшагося быта къ высшему развитію. Настоящая народность, остающаяся вѣрною себѣ, представляется имъ стоячимъ болотомъ въ которомъ прозябаютъ кретинизмъ и тупоуміе. Новую литературу какъ бы раздражаетъ неподвижность этой народной среды, ея способность мириться съ условіями своего быта, отсутствіе въ ней протестующихъ элементовъ. Какъ бы въ укоръ этому спокойствію, новые беллетристы создаютъ типы озлобленные, недовольные и протестующіе, въ которыхъ подъ русскою чуйкой такъ и сквозитъ блуза французскаго пролетарія... Одинъ изъ такихъ мнимо-народныхъ типовъ мы находимъ въ повѣсти г. Глѣба Успенскаго: *Раззоренье.* Михаилъ Ивановичъ —

фабричный, прогнанный, какъ онъ самъ выражается, за „бунтованіе“. Онъ почему-то вдругъ проникся сознаніемъ общественной неправды, притѣсненій, страданій бѣдныхъ людей, и шляется по кабакамъ надсаживая свою разбитую грудь въ ругательствахъ существующему соціальному порядку. „По тому случаю мы дураки, толкуетъ онъ въ кабакѣ,—

„что прижимка напримѣръ, обдерка надъ нами большая была напущена! Вотъ чиновникъ-то оретъ... плохо жить стало... а вѣдь этакую дубину мы прокармливали, мы ему, шалаю, сюртуки, манишки шили... Я это знаю; я видѣлъ, повѣрьте нашимъ словамъ! Потому я не въ одной деревнѣ претерпѣлъ отъ этого разбою, я и въ городѣ его видѣлъ.. Городской разбой луще деревенскаго былъ... Тутъ простому человѣку совсѣмъ дыханія не было...“

Подобно тому какъ Петька въ повѣсти Рѣшетникова, встрѣтивъ на улицѣ барича, показывалъ ему языкъ, Михаилъ Ивановичъ, столкнувшись съ купцомъ или чиновникомъ, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ надсаживаетъ грудь чтобъ обругать его позабористѣе. Всякій чиновникъ, всякій купецъ, по его мнѣнію, виноватъ въ его нищетѣ и несчастіяхъ.

„— Вотъ по какому случаю я чиновника-то нонѣ у Трифонова оборвалъ.... Можетъ потому я и мучаюсь что требовался ему каменный домъ, либо хомутъ новый, и онъ меня въ кварталѣ томилъ и мѣщанина разорялъ... У-у, чтобы вамъ!... А мало ихъ было охотниковъ-то трубочки покурить, сладкаго кусочка пососать?... Города строили! Чтὸ вы? Сдѣлайте милость! Съ чего нашему городу быть? Кабы бабы наши кашею лакомились, небось бы, не очень-то много эдакъ-то народу къ восьмому часу къ кіатру разлетались на жеребцахъ.... Н-нѣтъ, братъ!... Н-не очень, а то.... Эй, кричитъ, задавлю, мужикъ! Берегись, молъ, эво-ли заг-гибаютъ! Не знаютъ на какой манеръ сытость свою разыграть, а нашъ братъ нищій и чумовой ходитъ!... Я, братъ, видѣлъ какъ изъ кварталу меня господа чиновники Черемухины вынули на прокормленіе; тутъ я увѣдомился сколь они съ чужихъ денегъ ошалѣли: пиры да банкеты, да кувырканья—весь и сказъ! Голодны они—мужикъ, простой человѣкъ, терпитъ, даетъ имъ кормъ, а накормитъ онъ ихъ—опять тоже ему вредъ и отъ эфтаго....“

Можно подумать что эти глупо-пикантныя рѣчи Михаилъ Ивановичъ переводитъ со словъ какого-нибудь *увріера* изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, восклицающаго въ кабачкѣ за стаканчикомъ мазаграна: „Quels gredins que les honnêtes gens!“ Но чувство народности въ сущности совершенно чуждо псевдо-

народнымъ беллетристамъ новой школы, и народная жизнь служитъ для нихъ только матеріаломъ изъ котораго они выкраиваютъ тенденціозныя сценки и пикантныхъ героевъ. Дѣйствительность съ ея пассивнымъ отношеніемъ къ существующимъ условіямъ быта, съ живучестью преданій и привычекъ, съ консерватизмомъ медленно развивающихся народныхъ массъ, не представляетъ для нихъ ничего привлекательнаго. Имъ надо внести въ эти тихія воды нѣчто бурливое и протестующее, надо убѣдить читателя что въ самой этой пассивной средѣ живетъ ѣдкое сознаніе недовольства, которое масса не умѣетъ выразить по своему безмѣрному тупоумію, но которое глубоко чувствуютъ личности выступающія надъ общимъ уровнемъ. Не находя этихъ протестующихъ типовъ въ самой дѣйствительности, въ натурѣ, беллетристы въ родѣ г. Успенскаго сочиняютъ ихъ въ собственной фантазіи, соображаясь съ кое-какими чертами западнаго пролетарія и съ соціальными трактатами петербургскихъ журналистовъ. Этимъ путемъ создаются Петьки, показывающіе языкъ встрѣчнымъ баричамъ и обличающіе со своего поста на Толкучемъ рынкѣ „парикмахерскую“ цивилизацію, въ которой имъ нѣтъ мѣста; этимъ же способомъ входятъ въ псевдо-народную беллетристику озлобленные Михайлы Ивановичи, которые не только сидя въ кабакѣ ругаютъ чиновниковъ и купцовъ, но даже разъѣзжаютъ съ этою цѣлью на лошади по всему околотку, „и вездѣ, куда бы онъ ни привернулъ свою ло„шадь, въ караулку ли при господскомъ саду, на мельницу, къ „постоялому двору, вездѣ слышится его чахоточная рѣчь:

„— И очень великолѣпно, коли кого изъ этихъ грабителей чѣмъ-нибудь да припрутъ! Радъ я! Душевно. Одна мнѣ и утѣха что на это поглядѣть. Потому ошалѣли мы отъ нихъ, дураками и нищими стали.... Въ прежнее время чиновникъ-то Трифоновскій, онъ бы меня въ гробъ вогналъ ни за что: а теперча погодишь!“

Содержаніе рѣчей Михайла Ивановича, также какъ и все его міросозерцаніе, очень просты и выражаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и воззрѣніе самой литературы представителемъ которой служитъ г. Глѣбъ Успенскій. Въ этомъ воззрѣніи Россія представляется обширнымъ царствомъ „прижимки“, результатомъ которой было „одуреніе и обнищаніе простаго человѣка, что и можно видѣть на нашемъ рабочемъ, на нашемъ простомъ мужикѣ, представляющихъ образцы глупости

и тупоумія“. Новая беллетристика, какъ мы видѣли, вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Михайла Ивановича, изображая народъ безсмысленнымъ стадомъ кретиновъ, не умѣющихъ сложить четвертакъ съ двугривеннымъ. Если самъ Михаилъ Ивановичъ, этотъ *не простой* мужикъ, выбился изъ стада, „ушелъ отъ этого тупоумія и умѣетъ разсуждать о прижимкѣ“, то этому есть особенная причина, нѣкоторое случайное просіяніе ума: „А потому, говоритъ онъ, разъясняя этотъ вопросъ,—

„что я имѣю просіяніе моего ума. Вотъ-съ *на какомъ основаніи* я всю эту разбойничью механику понимаю и чувствую, и злюсь.... Простой мужикъ дѣлается отъ этого балбесомъ, но я, по моему понятію, получаю чахотку.... Вотъ-съ на какомъ основаніи. Въ теченіе времени моей жизни, встрѣтилъ я человѣка который по щекѣ меня не билъ, но внѣдрилъ въ мою душу понятіе....“

Этотъ чародѣй научившій Михайла Ивановича разсуждать о „прижимкѣ“ былъ какой-то кутейникъ, Максимъ Петровичъ, вздумавшій подъ пьяную руку учить его грамотѣ. „Я и нахватался, разказываетъ Михаилъ Ивановичъ, и не умѣю вамъ сказать какимъ манеромъ, только что сталъ я тутъ понимать почему это нашъ братъ въ дырахъ, въ лаптяхъ, напримѣръ. И въ первый разъ въ голову мнѣ влетѣло: за что̀ же, молъ, этакъ-то.... Разговоры ли ихніе, Максимъ Петровича, или грамота, ужь вѣрно не могу объяснить, а что страсть сколько я разбойниковъ вдругъ увидалъ....“ И дѣйствительно, все куда ни посмотритъ Михаилъ Ивановичъ представляется ему сколищемъ разбойниковъ, насѣвшимъ на „простаго бѣднаго человѣка“ и устроившимъ на Руси обширное царство „прижимки“.

Впрочемъ, не ему одному такъ кажется. Вдвинувъ въ рускую жизнь озлобленнаго и бунтующаго пролетарія, писатели новой школы не останавливаются на этомъ. Мало-по-малу весь Русскій народъ представляется имъ раздѣляющимъ озлобленіе и ненависть Михайла Ивановича, и помышляющимъ только о томъ какъ бы высунуть языкъ баричу или другимъ способомъ излить свою ненависть на „господъ“. Россія представляется раздѣленною на два большіе лагеря: въ одномъ „господа“ стонутъ о томъ что царству „прижимки“ наступаетъ конецъ, а въ другомъ „простые люди“ торжествуютъ свою побѣду и топчутъ ногами своихъ недавнихъ притѣснителей. Если вѣрить новымъ беллетристамъ, современную Россію раздираетъ такая яростная ненависть бѣднаго къ бога.

тому о которой даже въ западной Европѣ никакого понятія не имѣютъ. Г. Успенскій до того убѣжденъ въ существованіи этой ненависти что въ его повѣстяхъ даже закладчицы отдаютъ деньги въ ростъ не иначе какъ потѣшаясь надъ разоренными господами. Такъ разказываетъ онъ:

„Переносить личную бѣдность было бы не такъ трудно и больно для Черемухиной еслибъ она не подпиралась тѣми которые сумѣли выбиться, подобно Аринѣ, изъ нищеты въ люди. Примѣры такого превращенія приходилось встрѣчать довольно часто, всякій изъ превращенныхъ считалъ своею обязанностію взглянуть на разоренныхъ господъ какъ на ровню, на чтò конечно имѣлъ полное право. Однажды, не дотянувъ до полученія пенсіи, она пошла заложить воротникъ къ Аринѣ, и еслибы не Михаилъ Иванычъ, бывшій тутъ и узнавшій Черемухину, Арина бы потѣшилась надъ бѣдною, измученною женщиной, которая когда-то покупала у нея молоко.

„— Ай вы раззорилися? разсматривая воротникъ, говорила она съ жеманною небрежностію.

„— Богу такъ угодно.

„— Много васъ этакихъ-то... Жили-жили чтò нажили?... Чтò жь тебѣ дать за оборохъ твой? Рупъ, болѣ нельзя.

„— Ну, ну, полегче, заступился Михаилъ Иванычъ. — Оборохъ? У тебя много ли такихъ обороховъ было? Съ тебя не Богъ знаетъ чтò тянутъ: три-то рубля онъ двадцать разъ стоитъ.

„Михаилъ Иванычъ говорилъ тѣмъ суровымъ тономъ въ которомъ слышалось почти согласіе съ Ариной.

„— Вынимай-ко деньги-то.... Чего тамъ? Со всякимъ случается.

„— Воля Божія, говорила убитая Черемухина.—Мы должны ей покоряться.

„— Обнаковенно....“ и т. д.

Тихая уѣздная глушь наша очевидно представляется г. Успенскому ареной только-что совершившейся страшной революціи которая покрыла ее развалинами и оставила послѣ себя кровавую ненависть побѣдителей и побѣжденныхъ. Слѣдующая сцена дорисовываетъ картину фантастическаго разгрома въ воображеніи автора перевернувшаго все вверхъ дномъ на Руси:

„Арина, одѣтая въ ваточную кацавейку, подноситъ водку какому-то мужику и говоритъ, не обращая вниманія на Михаила Иваныча:

„— Кушай-ко-сь, Иванъ Евсѣвичъ! На доброе здоровье, дай Богъ вамъ счастливо....

„— Дай вамъ Господи! говоритъ мужичокъ.—Коли ежели Богъ дастъ, укупимъ его у господъ.

„— Чего эго? вмѣшивается Михаилъ Иванычъ.

„— Дворецъ господскій имѣемъ намѣреніе....

„— Дворецъ! жеманно и какъ бы недовольно говоритъ Арина.—Дворецъ господскій укупаютъ.... словно бы диво какое.

„— Важно, важно, братъ! Тяни его! Вытягивай изъ чулка-то шерстяного чтò утаилъ.... Именно богатое дѣло. Вали!

„— Хе, хе. хе! съ мужичкомъ мы тутъ.... признаться, хихикалъ лысенькій Евсѣвичъ.

„— Полѣзайте! злобствуетъ Михаилъ Иванычъ. — Оченно превосходно! Вали въ лаптяхъ въ хоромы, чего тамъ! Утрафьте чтобы при господахъ, прямо съ корытами да онучами.... Чего-о? Именно! Хектуру эту барскую—безъ вниманія!

„— Хектура намъ—тьфу! Чтò намъ съ простору-то? Простору въ полѣ много.

„— Чтò съ него, съ простору? тѣмъ же тономъ присовокупляетъ Арина.

„— Намъ главная причина—залѣзо! Мы изъ яво, изъ дворца-то, залѣза одного надергаемъ—эво ли кольки!

„— Дергай, братъ! Выхватывай его оттедова.

„— А которая была эта хектура—камень, напримѣръ, кирпичъ—рѣдкостные! Кабаковъ мы изъ него наладимъ по тракту съ полсотни. Вѣрно такъ.

„— Разбойничайте, чаво тамъ? запрету не будетъ!

„— Какой запретъ? Мы дѣла свои въ аккуратности, чтобы ни Боже мой!“

Картина раззоренья, въ которой „господа“, чиновники и купцы являются связанными по рукамъ и по ногамъ и припертыми къ стѣнѣ, а „простые бѣдные люди“, стонавшіе до сихъ поръ подъ игомъ „прижимки“, силою волшебства всплываютъ на самый верхъ новаго общественнаго порядка и всячески наругаются надъ своими недавними притѣснителями—эта фантастическая картина и составляетъ идею повѣсти г. Успенскаго: *Раззоренье.* Во всѣхъ углахъ нашей уѣздной глуши охи и стоны „раззоренныхъ“ и злобныя ликованія „простыхъ бѣдныхъ людей“, слетѣвшихся со всѣхъ сторонъ на пепелище ниспровергнутаго царства „прижимки“. Вчерашніе богачи, съѣзжавшіеся „къ осьмому часу къ кіятру“ (выразится ли когда-нибудь такъ искусственно мужикъ?), несутъ къ старымъ бабамъ закладывать свои „оборохи“, дворцы растаскиваются, мужики совѣщаются о томъ чтобы при господахъ съ корытами и онучами ввалиться въ барскія хоромы, дворяне безъ сапогъ ходятъ по мѣщанскимъ дворамъ за подаяніемъ. Но всего любопытнѣе что мужикъ сталъ до такой степени

тенденціозенъ что не менѣе г. Успенскаго вѣритъ въ небывалый соціальный переворотъ—не только вѣритъ, но даже выноситъ изъ него острыя политическія страсти, которыя клокочутъ въ немъ, словно въ самомъ разгарѣ ожесточенной соціальной борьбы когда замираютъ всѣ человѣческія чувства и остается одна животная ярость, побуждающая затоптать ногами побѣжденнаго врага. Авторъ не останавливается предъ такими чертами которыя будучи совершенно чужды народному характеру коробятъ своею фальшивостью и производятъ тяжелое впечатлѣніе, какъ камень легкомысленно пущенный въ ничѣмъ неповинную толпу. Г. Успенскій разказываетъ:

„По части торжества прижимки исходящей изъ простаго званія, у Арины большая практика.

„Не успѣлъ потѣшить Михайла Ивановича убогонькій мужичокъ, какъ сама Арина выступаетъ на сцену съ разказомъ, тоже пріятнымъ для Михайла Иваныча.

„— И что это, я погляжу, говоритъ она, улыбаясь и какъ-то изнемогая:—и сколько это теперича стало потѣхи надъ ихнимъ братомъ.

„— Ну, ну, ну, торопитъ Михаилъ Иванычъ.

„— Даже ужасъ сколько надъ ними потѣхи! Онамедни идетъ, шатается... Я ополченецъ.... возьмите въ залогъ галстухъ.... военный. Смертушки мои, какъ погляжу на него.

„Всѣ хохочутъ: и Михаилъ Иванычъ, и Евсѣвичъ, и дуралей мужъ Арины оскалилъ свое глупое, толстое и масляное лицо.

„— Что жь это вы, говорю, по вашему званію и безъ сапогъ? трясясь отъ смѣха, едва можетъ произнести Арина. — А лакей унесъ чистить, не приносилъ.

„Новый грохотъ еще продолжительнѣе перваго.

„— Обязанъ я по визитамъ безъ сапогъ.

„Смѣхъ захватываетъ у всѣхъ дыханіе, такъ что въ комнатѣ царитъ молчаніе, среди котораго смѣющіеся хватаются за желудки (вѣроятно за животы?) закидываютъ назадъ головы съ разинутыми ртами, и потомъ долго стонутъ, отплевываются и отчихиваются.

„— Хорошенько-о, хорошенько, бра-атъ! красный отъ смѣха, говоритъ Михаилъ Иванычъ, нагибаясь къ Аринѣ и хлопая ее по плечу“.

Знакомясь съ подобными деталями которыми новые беллетристы рисуютъ картину наставшаго на Руси „раззоренія“, нельзя не обратиться къ нимъ съ вопросомъ:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышатъ?

А между тѣмъ одинъ г. Успенскій написалъ такихъ портре-

товъ и разговоровъ нѣсколько книжекъ. У него всѣ явленія жизни подведены подъ „раззореніе“ и „прижимку“, до такой степени что даже отсутствіе жениховъ около уѣздной барышни является слѣдствіемъ соціальнаго переворота который на глазахъ его совершился въ современной Россіи, такъ точно какъ прежде люди раждались, женились и умирали не для чего иного какъ только во исполненіе всеобъемлющаго закона „прижимки“.—„Прижимка обмякла (?)—объясняетъ Михаилъ Иванычъ уѣздной барышнѣ; нѣту того грабежу.... Черезъ это вы и скучаете.“—„Да развѣ я кого грабила?“ со смѣхомъ спрашиваетъ его барышня.—„Вы не грабили-съ, поясняетъ свою мысль сентантуанскій увріеръ въ чуйкѣ,—а жениховъ стало меньше... вотъ изъ-за чего и скука. Въ прежнее время женихъ былъ охочъ; доходъ съ простаго человѣка у него вѣрный, онъ бралъ даму, не боялся.... Первое дѣло безъ дамы ему нельзя. Второе дѣло, ему одному не разорваться: онъ хватаетъ, жена должна прятать, выходитъ семейный домъ.... И дѣвицы, женскъ полъ, скуки не знали. Потому мало-мало въ возрастъ пришла которая, сейчасъ сѣла къ окошечку съ шитьемъ, для близиру, анъ ужь грабитель-то и подползаетъ.... Анъ ужь онъ гдѣ-нибудь пошевеливается.... Ужь онъ гдѣ-нибудь тутъ, близу.... Ну, и свадьба, и пошла дѣвица домой, пошла она въ чуланъ таскать цыплятъ дареныхъ. Только у васъ и дѣла.... И скуки нѣту... А теперь трудно этакъ-то“....

Вотъ эта-то фантастическая картина „прижимки“ и „раззоренія“, въ которой Русскій народъ справляетъ злую тризну по обнищавшемъ барствѣ и торжествуетъ переходъ насилія изъ рукъ чиновниковъ и „господъ“ въ руки „простыхъ бѣдныхъ людей“—выдается новою литературой за непосредственное изображеніе народной жизни, которую старая литература будто бы исказила подкрашиваньемъ и подслащиваньемъ. Но если въ произведеніяхъ писателей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ можно замѣтить иногда нѣкоторую идеализацію народной жизни, нѣкоторую натяжку въ обобщеніи ея свѣтлыхъ явленій, то въ повѣстяхъ и очеркахъ новыхъ беллетристовъ систематическую фальсификацію народности нельзя даже объяснить натяжкой. Ихъ мнимо-народныя изображенія — просто тенденціозное выкраиванье изъ представляемаго дѣйствительною жизнью матеріала произвольныхъ контуровъ и фигуръ, произвольныхъ положеній и подтасованныхъ посылокъ къ предвзятому заключенію. Дѣло идетъ гораздо далѣе простыхъ пре-

увеличеній; все съ самаго начала берется фальшиво, композиція набрасывается на бумагу изъ головы прежде чѣмъ осмотрѣнъ сюжетъ въ натурѣ. Авторъ очевидно заботится не о томъ чтобы какъ можно вѣрнѣе и осмысленнѣе отразить въ своемъ произведеніи явленія дѣйствительной жизни, а только о томъ чтобы скомпоновать пикантный рисунокъ отвѣчающій тенденціознымъ требованіямъ литературной моды. Въ результатѣ, весьма естественно, получается не изображеніе жизни въ ея правдѣ, не творчество, а только худосочная *тенденція* петербургскаго журнализма.

Эта *тенденція* окончательно вытѣснила въ петербургской печати настоящую литературу, и удовлетвореніе этой тенденціи есть вѣнецъ требованій современной петербургской критики. Г. Успенскій, такъ высоко цѣнимый петербургскою критикой, очевидно удовлетворяетъ именно этимъ требованіямъ, потому что внутреннее, общественное содержаніе его произведеній, его теорія „прижимки" и „раззоренія", представляетъ скорѣе поддѣлку подъ общее направленіе, общій тонъ петербургской журналистики, чѣмъ самостоятельное развитіе какой-нибудь идеи. Эта идея, выловленная въ журналистикѣ, очевидно уже виситъ у него на остреѣ пера прежде чѣмъ онъ написалъ первую строку повѣсти, и затѣмъ въ разработкѣ беллетристическаго матеріала дѣйствительная жизнь и разумная причинность явленій уже не принимаетъ никакого участія. За то *тенденція* соблюдена весьма удачно, и петербургская критика, находя въ повѣсти *Раззоренье* новизну и свѣжесть взгляда и богатство общественнаго содержанія, безъ сомнѣнія имѣла въ виду именно эту искусную приноровленность повѣсти къ тенденціи. Что же касается мыслей принадлежащихъ самому г. Успенскому, составляющихъ его личную литературную собственность, то онѣ не отличаются основательностью, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго разсужденія въ повѣсти *Лѣнтяй*.

„Слова *нельзя* и *молчать* семейство Купріянова знало въ совершенствѣ. Отецъ Ивана Купріянова дослужилъ до офицерскаго чина изъ простыхъ солдатъ; это стоило ему немалыхъ трудовъ, увѣчій и ранъ, и со словомъ „нельзя" ознакомило довольно хорошо. Отлучиться съ часовъ къ больной женѣ, крикъ которой слышится изъ сосѣдней лачужки, нельзя. Купить корову для ребенка и повести ее за полкомъ—такъ какъ приказано идти въ походъ—нельзя. Отлучиться къ женѣ оставшейся въ лазаретѣ на пути похода, нельзя; купить и носить

шапку на ватѣ, по случаю ревматизма, нельзя, равно нельзя надѣть фуфайку, несмотря на ломоту въ поясницѣ. Все это, то-есть и шапка и корова, и пр. могли быть разрѣшены точно также какъ могли быть и строго воспрещены, и если отецъ Ивана Купріянова успѣлъ достигнуть офицерскаго чина, то можете судить, какія громадныя усилія долженъ былъ онъ посвятить терпѣнію и повиновенію. Въ такой страшной школѣ, гдѣ для того чтобы надѣть теплую шапку нужно было дожидаться указа изъ Правительствующаго Сената, прожила семья Купріяновыхъ, то-есть отецъ и мать, до сѣдыхъ волосъ“ и т. д.

Г. Успенскому кажется что рѣшительно все равно позволять ли солдату уходить съ часовъ къ женѣ или нѣтъ, позволять ли ему водить за собою въ походъ коровъ и телятъ или нѣтъ, и что если подобныхъ удобствъ ему не дозволяютъ, то единственно по капризу, въ силу укоренившейся „прижимки“. По мнѣнію г. Успенскаго, всѣ эти стѣсненія обставляютъ солдата только потому что онъ солдатъ, а какъ только дослуживается онъ до офицерскаго чина, ему тотчасъ разрѣшается и съ часовъ уходить, и ватную шапку носить, и коровъ за собою таскать.... Наивность этихъ понятій равняется наивности того представленія какое беллетристы новой школы имѣютъ объ общественной жизни, о бытѣ образованныхъ классовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, соименникъ и соратникъ г. Глѣба Успенскаго, г. Н. Успенскій, желая охарактеризовать въ одной повѣсти свѣтскую жизнь, заставилъ какого-то графа проводить свое утро въ *нѣсколькихъ ресторанахъ*, по обычаю молъ людей его круга.

Удаленіе отъ дѣйствительной жизни представляется впрочемъ естественнымъ послѣдствіемъ той тенденціозности которой служитъ литература гг. Успенскихъ и К°. Но мы видѣли что тенденціозность этой литературы не только не обогащаетъ ее внутреннимъ содержаніемъ, но напротивъ до крайности съуживаетъ горизонтъ писателей, заставляя ихъ мысль однообразно кружиться около одной и той же идеи и подводить всѣ явленія жизни, мимо ихъ дѣйствительнаго смысла и значенія, къ одному произвольному знаменателю. Это круженіе около одной идеи, эта узкая формалистика, внесенная въ такую свободную область какова беллетристика—конечно не могли поднять ея внутренняго содержанія и усилить притокъ идей, на скудость которыхъ въ художественной литературѣ такъ часто жалуется петербургская критика. Напротивъ, никогда общественные и нрав-

ственные интересы не были такъ слабо представляемы въ литературѣ какъ въ восхваляемыхъ ею произведеніяхъ. Никогда идеи проводимыя въ беллетристикѣ не были такъ незначительны, никогда литература не была такъ бѣдна мыслями какъ въ произведеніяхъ тенденціозной беллетристики нашихъ дней. Петербургская критика, такъ охотно возвеличивающая беллетристовъ этой школы на степень *первыхъ* русскихъ писателей, конечно была бы поставлена въ большое затрудненіе еслибъ ей пришлось, не отговариваясь общими фразами, указать какія именно плодотворныя идеи разработала эта литература, такъ смѣло отрицающая общіе законы искусства и толкующая о растлѣвающемъ значеніи художественной литературы. Ей пришлось бы сослаться на весьма двусмысленное нравственное міросозерцаніе какое выразилось въ упомянутой выше повѣсти Рѣшетникова, или на весьма дѣтскія мысли, каковы напримѣръ мысли г. Глѣба Успенскаго объ отлучкахъ часоваго къ женѣ, о ваточныхъ шапкахъ и о сопровожденіи полка въ походѣ солдатскими коровами...

Дѣло въ томъ что эти „новая“ литература, отвергнувъ общіе законы искусства и преданія художественной школы, которыя она въ своемъ печальномъ заблужденіи признала солидарными со старыми общественными формами,—выступила вовсе не на служеніе идеѣ, какъ о томъ заявляла во всеуслышаніе журналистика шестидесятыхъ годовъ, а на служеніе своему личному дѣлу. Для служенія какой бы то ни было идеѣ у этихъ писателей не оказалось достаточной внутренней состоятельности, но за то они преисполнились раздраженія противъ двинувшейся мимо ихъ жизни, и очень сознательно стали проводить свое раздраженіе въ литературу, сдѣлавъ изъ него общественный вопросъ. Отрицательное направленіе, которому въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ удалось на короткое время разыграть нѣкоторую роль, скоро увидѣло себя отброшеннымъ на задній планъ. Жизнь, въ своемъ движеніи, оттолкнула эту литературу какъ негодную поросль, и она чувствуетъ себя совершенно особнякомъ среди новаго общественнаго строя, безъ корней, безъ вліянія, безъ значенія. Отсюда то оппозиціонное отношеніе къ современной дѣйствительности въ какомъ состоитъ „новая“ беллетристика, то глухое и злобное раздраженіе которое чувствуется въ ея тенденціозныхъ изображеніяхъ народной жизни. Она какъ бы вошла въ роль извѣст-

наго Степана Трофимовича въ романѣ *Бѣсы*, взиравшаго на все новое движеніе съ точки личнаго самолюбія и сердившагося за то что „его забыли“. Эта петербургская литература, обрушиваясь на старые порядки, во имя идеи, отрицаетъ новую жизнь, потому что эта жизнь сложилась помимо ея, что „ее забыли“. Какими бы призрачными идеями ни прикрывалась она, но подкладка личнаго раздраженія постоянно чувствуется. Современная дѣйствительность сдѣлалась для нея, какъ для Степана Трофимовича, вопросомъ личнаго самолюбія, какъ бы личнымъ дѣломъ, съ которымъ она имѣетъ личные счеты. Она дуется и ворчитъ, и какъ это бываетъ всегда при личномъ раздраженіи, проходитъ мимо дѣйствительнаго зла и создаетъ призраки. Ей кажется что и въ дѣйствительной жизни господствуетъ то же самое съѣдающее ее раздраженіе, и она помѣщаетъ свои симпатіи въ безцѣльно-озлобленныхъ ругателяхъ, въ родѣ Михайла Ивановича, создаетъ призрачное царство „прижимки“ и „раззоренія“, торжествуетъ съ мнимыми побѣдителями ихъ призрачную побѣду, купается въ океанѣ ругательствъ которыми ея герои заливаютъ цѣлыя страницы. Г. Успенскій особенно любитъ возвращаться къ этому типу ругателя разносящаго по бѣлу-свѣту свою безпутную злобу, свой хроническій лай на все окружающее. Онъ не только любуется этимъ лаемъ, онъ даетъ почувствовать его побѣждающую силу. Въ повѣсти *Пьнтяй*, лицо отъ котораго ведется разказъ вспоминаетъ о своемъ отцѣ, проведшемъ цѣлую жизнь въ безобразнѣйшей ругани, доведшемъ ее до виртуозности, почерпавшемъ въ ней высшее, какое-то художественное наслажденіе. Сидитъ онъ напримѣръ на лавочкѣ съ сосѣдомъ, и ругательски пристаетъ къ нему, зачѣмъ тотъ копитъ деньги.

„— Давай отвѣтъ на вопросъ!... Спрячь хвостъ-то—будетъ вилять!... Давай-ко отвѣтъ-то... пивной ты котелъ!

„— Отвѣтъ тебѣ? горячится купецъ, придвигаясь къ отцу.

„— Д-да! Отвѣтъ! Языкъ имѣешь?

„— Имѣю я языкъ, крыса летучая! Им-мѣю! Отвѣтъ что ли тебѣ надо, Искаріоту?

„— Отвѣту давай, толстомясая дурь!

„— На тебѣ отвѣтъ, купоросъ ты астраханскій:—н-на! Въ лаптяхъ я пришелъ въ городъ, вахлакомъ со щепки началъ,— семью имѣю, домъ имѣю, деньги им-мѣю... Зачѣмъ? да хоть дочь я свою изъ деревенскихъ дѣвокъ выведу въ люди...

„— За благороднаго? быстро вставляетъ свое словечко отецъ.
„— А нешто нѣтъ, харя балаганная. Неужто нѣтъ?... Заткнулъ ли я тебѣ глотку, Іуда? Получилъ ли ты отвѣтъ?
„— Тебѣ ли, толстомясому, заткнуть мнѣ глотку? Ахъ ты, гнилое ты колесо! Разѣвай ротъ шире—я тебѣ затыкать горло буду... Я тебѣ его заткну, дубью безмозглому! Я-а-а!...“

Набросавъ эту невозможную сценку, авторъ отходитъ всторону, любуется своимъ героемъ, вводитъ читателя въ его міросозерцаніе:

„И дѣйствительно, замѣчаетъ онъ, мудрено было заткнуть ротъ моему отцу. Быть-можетъ, частію подъ вліяніемъ желанія оправдать свое раззореніе и бѣдность, онъ тотчасъ же переносилъ вопросъ о разумномъ употребленіи богатствъ на практическую почву и принимался представлять изъ тогдашнихъ нравовъ такія картины безсознательности жизни считаемой счастливою что дѣйствительно оказывалось совершенно ненужнымъ биться и наживать чтобы завоевать это счастье.“

Смыслъ всей этой ругани, заливающей цѣлыя страницы въ новой повѣсти г. Успенскаго, очевидно тотъ же самый что̀ и въ *Раззореньи*, съ тою только разницею что надъ разглагольствованіями Михайла Иваныча о „прижимкѣ“ слушатели его подтрунивали, безпутная же брань *Лѣнтяя* является уже въ торжествующемъ и всепобѣдномъ видѣ. Опять все та же пѣсня о томъ что „простаго бѣднаго человѣка“ оболванили, что даже выбивающіеся изъ темноты никуда не годятся вслѣдствіе привитыхъ имъ дурныхъ идей:

„— И ужь изуродовали же глупыхъ только васъ, на чужую на потѣху! Ишь вѣдь что̀ имъ въ голову-то набухали, пустозвонамъ несчастнымъ. Персидскаго ему дай посла! Свинья ты, свинья. Дочь свою за благороднаго въ гробъ желаю вбить; сыновей моихъ Цыганкамъ отдать, а самъ желаю на старости лѣтъ голубей гонять, да водкой облопаться. Ахъ вы, мордастые дураки!
„— Песъ поганый!
„— Ахъ вы, черти ободранные! Ишь имъ что̀ надо—а? Пятьдесятъ лѣтъ народъ надуваетъ, аршинничаетъ, душу губитъ, зач-чѣмъ?
„— Поди ты къ шуту.
„Собесѣдникъ положительно уходитъ.
„— Зачѣмъ? Постой покуда! Погоди, я тебѣ совѣтъ дамъ...
„— Провались ты, чумовой...“

Двѣнадцать страницъ этой безсмысленной ругани заключаются у автора такимъ образомъ:

„— Вотъ они, богачи-то, посадивъ къ себѣ на колѣни и поглаживая мою голову (стало-быть и *посадивъ* относится къ *головѣ?*), говоритъ онъ.—Ванятка! чуялъ, чтоль? Крикни ему, дураку: эй, воротись, молъ тятенька тебя еще разъ другой хорошенько наколпачутъ. Крикни ему!

„Въ отцѣ, въ его рѣчахъ, въ его лицѣ столько побѣждающей правды что глядя на него и слушая его, едва ли можно когда-нибудь получить аппетитъ къ богатству.“

Надо конечно обладать развитіемъ Ванятки чтобъ испытать на себѣ всепобѣждающее дѣйствіе безсмысленной, нелѣпой брани. Покровительство петербургской тенденціозной литературы этимъ странствующимъ по бѣлу-свѣту ругателямъ проистекаетъ разумѣется не изъ убѣдительности разносимаго ими лая, но изъ того обстоятельства что въ этой ругани, обращенной ко всей мимо-идущей жизни, литература эта помѣщаетъ частицу своего собственнаго личнаго раздраженія. Эти фантастическія, чуждыя дѣйствительной народной средѣ личности, безпутно лающія на все то въ чемъ петербургскій журнализмъ видитъ вопросъ личнаго самолюбія, служатъ какъ бы странствующими агентами новой литературы, разнося по Руси злость и желчь, глухое и мстительное раздраженіе которыя накипѣли въ литературныхъ кружкахъ воображавшихъ себя во главѣ движенія и отброшенныхъ имъ въ сторону. Они какъ бы олицетворяютъ собою то оппозиціонное отношеніе къ современной дѣйствительности въ какое стала къ ней „новая“ литература съ тѣхъ поръ какъ идеи лучшаго общественнаго порядка начали осуществляться, изъ области мечтаній переходя въ область практической жизни и утрачивая при этомъ переходѣ то что̀ было въ ихъ первоначальной формѣ наиболѣе привлекательнаго для петербургскаго журнализма.

Современная печать очень много говоритъ о критическихъ отношеніяхъ къ дѣйствительности, давая понять что именно такого рода отношенія отличаютъ покровительствуемую ею литературу гг. Помяловскаго, Рѣшетникова, Успенскихъ, Левитова и др. Но это конечно не болѣе какъ одно изъ тѣхъ недоразумѣній безъ которыхъ шагу нельзя ступить въ нынѣшнихъ литературныхъ дѣлахъ. Критика дѣйствительности предполагаетъ прежде всего изученіе этой дѣйствительности; критическое отрицаніе есть отрицаніе во имя извѣстной идеи, извѣстнаго идеала, который, какъ нѣчто лучшее, противополагается существующему, худшему. Необходима та или другая норма чтобы судить

объ отступленіяхъ отъ этой нормы. Но мы видѣли что отсутствіе всякаго общественнаго идеала есть отличительная черта нашей тенденціозной литературы, обходящейся въ своемъ отрицаніи безъ всякаго критерія, отчего самое отрицаніе получаетъ характеръ чего-то произвольнаго, общаго до неопредѣленности и капризно-личнаго. Безцѣльная брань безразлично на старый и новый строй жизни конечно ни мало не содѣйствуетъ критикѣ дѣйствительности и производитъ только впечатлѣніе безпредметнаго личнаго раздраженія. „Новая" литература въ этой огульной брани тщательно избѣгаетъ указать на существующіе въ дѣйствительности предметы осужденія, и если выступаетъ иногда на практическую почву, то уровень ея критическаго пониманія не превышаетъ приведенныхъ выше мыслей г. Успенскаго объ отлучкахъ часоваго къ женѣ, о фуфайкахъ и коровахъ. Происходитъ это конечно столько же отъ внутренней несостоятельности писателей этой „новой" школы сколько и отъ совершенной обособленности ихъ посреди дѣйствительной жизни, съ явленіями которой они знакомятся сквозь призму вынесенную изъ безплодныхъ журнальныхъ броженій недавняго времени.

А.

РУССКІЕ НРАВЫ

ПОДЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ПЕРОМЪ

ПОЛУ-РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Къ намъ ввозится ежегодно масса французскихъ дѣтскихъ книгъ; въ особенности расходится *Bibliothèque Rose*, чему не мало способствуетъ ея дешевизна: за 70 коп. (2 франка) отлично напечатанный томъ въ 25—30 листовъ со множествомъ очень хорошихъ иллюстрацій. Сравните эту цѣну съ тою почемъ продаетъ, напримѣръ, г. Вольфъ свои дѣтскія иллюстрированныя изданія. Содержаніе этой *Розовой Библіотеки* большею частью очень недурное, и ея книжки доставляютъ занимательное дѣтское чтеніе. Но встрѣчаются и удивительные куріозы. На дняхъ намъ случайно попался въ руки одинъ изъ ея томиковъ, заглавіе котораго и имя автора невольно обратили на себя вниманіе: *Le Général Dourakine* (*Генералъ Дуракинъ*). Значитъ содержаніе взято изъ русской жизни. Имя автора: „графиня Сегюръ, рожденная Ростопчина". Итакъ писательница происходящая изъ семейства носящаго историческое русское имя знакомитъ французскихъ и русскихъ дѣтей съ русскою жизнью. Все это очень заманчиво, и побудило насъ прочесть всего *Генерала Дуракина.*

Дѣйствіе происходитъ въ 1857 году, когда генералъ Дуракинъ возвращается изъ французскаго плѣна въ свое смолен-

ское имѣніе въ сопровожденіи Француза-лакея съ семействомъ. Генералъ очень толстъ, дикъ и добръ; онъ преисполненъ уваженія ко Французу-лакею и ко всему французскому и полнѣйшаго презрѣнія ко всему русскому. Замѣтьте что это шестидесятипятилѣтній старикъ, проведшій весь вѣкъ на Кавказѣ. Вотъ какъ выражается старый русскій генералъ въ разговорѣ съ Французомъ о своемъ имѣніи: „Да, это отличное помѣстье: *4.000 крестьянъ*, 200 лошадей, 300 коровъ, 20.000 овецъ и множество другаго скота“.

Къ генералу пріѣзжаютъ гостить двѣ племянницы: одна, богатая и злая, гжа Поповская; другая, бѣдная и добрая, гжа Дубровина, мужъ которой убитъ подъ Севастополемъ. Въ то самое время когда генералъ ищетъ гувернера для дѣтей гжи Дубровиной, его лакей Дериньи находитъ въ лѣсу полумертваго Поляка, князя *Потарскаго* (!), бывшаго адъютанта Дуракина; этотъ князь за одинъ только разговоръ о политическихъ предметахъ и за какіе-то найденные у него проекты былъ безъ суда сосланъ въ каторжную работу и огромное имѣніе его было конфисковано; изъ Сибири онъ успѣлъ бѣжать и очутился въ имѣніи генерала. Дуракинъ принимаетъ его съ распростертыми объятіями и подъ именемъ Англичанина Джаксона дѣлаетъ гувернеромъ своихъ внучатъ Дубровиныхъ. Все идетъ прекрасно, но Поповская догадывается что Джаксонъ Полякъ, и грозитъ донести. Генералъ въ отчаяніи; онъ кричитъ что его сошлютъ въ Сибирь и имѣнія его конфискуютъ. Онъ тайко продаетъ всѣ свои имѣнія за 13 милліоновъ и бѣжитъ за границу съ семействомъ Дубровиной и княземъ Потарскимъ. Вотъ прелестный разговоръ генерала предъ отъѣздомъ со своими друзьями:

Князь.—Мой любезный и почтенный другъ, я думаю что вы спасли всѣхъ насъ отъ адскаго доноса, который, я не сомнѣваюсь, имѣлъ бы успѣхъ.

Генералъ.—И спасъ себя самого, мой другъ, я въ этомъ увѣренъ, зная какъ поступаютъ у насъ со всѣмъ польскимъ и католическимъ; а въ этомъ отношеніи всѣ мы повинны; не правда ли, дочь моя? прибавилъ генералъ цѣлуя въ лобъ гжу Дубровину.

Гжа Дубровина.—Да, батюшка. Страданія несчастной Польши меня трогаютъ; въ несчастіи я открыла сердце для христіанскихъ утѣшеній одного добраго и святаго католическаго священника, жившаго въ моемъ сосѣдствѣ, и онъ меня научилъ страдать съ покорностью и надѣяться.

Романъ (князь) слушалъ гжу Дубровину съ почтеніемъ, восхищеніемъ, счастіемъ.

— А ваши дѣти? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

Гжа Дубровина.—Они также какъ и я пламенно желаютъ быть въ состояніи свободно практиковать свою религію, единственно гонимую и проклинаемую въ Россіи, потому что она одна истинная.

Прибывъ во Францію генералъ женитъ князя на дочери Дубровиной; дастъ два милліона Поляку и такую же сумму невѣстѣ, покупаетъ зáмокъ и заживаетъ счастливо, избравъ мѣстнаго кюре своимъ духовнымъ отцомъ и *управляющимъ совѣстью* (directeur de la conscience). Ни какое облачко печали, въ образѣ отечества, друзей, родныхъ, не омрачаетъ счастія нашей колоніи; генералъ Дуракинъ даже приготовилъ для себя и своихъ друзей склепъ. Но было бы напрасно заключать что графиня Сегюръ, рожденная Ростопчина, не вѣдаетъ о чувствѣ любви къ отечеству. Нѣтъ, она знаетъ его, но только у Французовъ: Дериньи въ Смоленскомъ имѣніи князя бесѣдуетъ съ женой своей о „милой Франціи“.

Картина русскихъ порядковъ, выразившаяся въ томъ что знатный генералъ долженъ подвергнуться ссылкѣ въ Сибирь, имѣніе его конфискаціи, за одно принатіе къ себѣ въ домъ Поляка, пріобрѣтаетъ еще болѣе яркія краски въ изображеніи судьбы гжи Поповской. Генералъ, желая избѣгнуть страшнаго доноса, оставилъ гжѣ Поповской управлять имѣніями, которыя продалъ, скрывъ отъ нея продажу. Но, чтобъ избавить крестьянъ отъ истязаній управительницы до пріѣзда новаго владѣльца, онъ оставилъ исправнику бумагу въ которой формально запрещаетъ наказывать тѣлесно крестьянъ. Поповская предлагаетъ исправнику 100.000 руб. за отдачу ей этой бумаги, т.-е. за право сѣчь крестьянъ. Исправникъ отказываетъ ей, подъ любопытнымъ предлогомъ что его сошлютъ въ Сибирь за уничтоженіе бумаги генерала; и вслѣдъ за тѣмъ требуетъ отъ нея обязательства въ 200.000 р. за молчаніе о ея предложеніи. „Въ противномъ случаѣ, говоритъ исправникъ, я донесу генералъ-губернатору о безчестномъ предложеніи которое вы осмѣлились сдѣлать мнѣ, и это поведетъ васъ въ Сибирь или во всякомъ случаѣ въ монастырь на покаяніе, чтò весьма непріятно: тамъ сѣкутъ ежедневно хуже чѣмъ вы сѣчете своихъ слугъ и крестьянъ.“ Госпожа Поповская даетъ обязательство, но не можетъ удержаться чтобы громко не выругать

исправника. Тогда по знаку исправника помѣщицу двухъ тысячъ душъ крестьянъ хватаютъ, ведутъ въ маленькій кабинетъ; доски опускаются, и ее жестоко сѣкутъ.... Исправникъ прибавляетъ: „если вы заикнетесь о росписке въ 200.000 руб., я велю васъ схватить и сослать (faire enlever et disparaitre), такъ что никто не узнаетъ что съ вами сталось: тогда вы познакомитесь съ Сибирью и съ плетьми.“

Такова картина дѣйствія исправника съ богатою помѣщицей. Исправникъ беретъ съ нея обязательство въ 200.000 за то только чтобы не сообщать губернатору о ея предложеніи уничтожить бумагу генерала, воспрещающую ей сѣчь крестьянъ; она вѣритъ что за такое предложеніе ее сошлютъ въ Сибирь, вѣритъ и тому что поселенныхъ въ монастырь дворянокъ сѣкутъ ежедневно. И тотъ же самый воръ-исправникъ сѣчетъ помѣщицу за одно неприличное выраженіе о полицейской власти.

Итакъ вотъ что узнаютъ о Россіи и рускихъ порядкахъ французскія, а за ними и наши дѣти изъ книжки расходящейся массами. Въ глазахъ французскихъ воспитательницъ авторитетъ *Генерала Дуракина* долженъ быть полнымъ: сочинила его дама изъ знатной русской фамиліи. Вотъ какой перлъ въ религіозномъ и соціальномъ отношеніи представляетъ *Генералъ Дуракинъ*; отъ этого-то перла мы желаемъ предостеречь русскихъ матерей и воспитательницъ.

А. Л.

ВСЕВОЛОЖСКАГО. Рисунокъ. для пѣнія .... — 04
— Скажи мнѣ. „ .... — 50
— Если жизнь тебя. „ .... — 40
— Когда въ раздумьѣ. „ .... — 40
— Быть-можетъ. „ .... — 40
КУЗЬМИНСКАГО. Ангелъ. pour Chant.......... — 40
— Поетъ ли баюшки баю. p. Ch.......... — 40
ЛАНГЕРЪ. Короткій выборъ.......... — 60
ЛИТВИНОВСКАГО. Поражена потерей; для пѣнія. .... — 80
MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Op. 117. Albumblatt... } Новыя — 30
— Op. 118. Capriccio.......... } піесы. — 45
МОНЮШКО. № 1. Подъ окномъ. для пѣнія.......... — 30
— № 2. Золотые сны. „ .... — 30
— № 3. Лучше съ жизнью. „ .... — 30
— № 4. Сельская серенада. „ .... — 60
— № 5. Молитва. „ .... — 30
— № 6. Какъ бурнымъ вѣтромъ, изъ Галька. „ .... — 45
— № 7. О, какъ я теперь. „ .... — 75
— № 9. Каватина, Птенчикъ мой милый. „ .... — 75
— № 10. Золотая рыбка. „ .... — 30
— № 12. Ненастье. „ .... — 30
— № 13. Сладость молитвы. „ .... — 45
— № 14. За водой. „ .... — 30
— № 15. Черный крестикъ. „ .... — 45
MOZART. Op. 114. Musique funêbre Mauresque 2ms.......... — 30
NIKOLAI. Ouverture die lustigen Weiber. 4ms.......... — 75
ОДОЕВСКАГО. Сборникъ дѣтскихъ пѣсень дѣдушки Иринея — 50
PISCHNA. Op. 22. № 1. Consolation 2m.......... — 75
— Op. 22. № 2. Quatour de la Lucia 2m.......... — 75
— Op. 22. № 3. Conte Scherzo 2m.......... — 75
ПРОКУНИНА. Народныя пѣсни 2 выпуска I—1 р. 75 к., II... 2 —
RAVINA. Op. 33. Vilanelle 2m.......... — 30
ROSSELL. Beautiful bells. Американскій вальсъ. 2ms.......... — 30
RUDOLPHE. Trot de Cavallerie 2m.......... — 40
ЗАЙЦЕВА. Дѣтскіе хоры для 4хъ голосовъ. № 1—7 compl.... — 75
— Дѣтскія пѣсни для 2хъ голосовъ. № 1—5 compl.......... 1 —
— Дѣтскія пѣсни на три и четыре голоса... .... 1 —
ШУБЕРТА. Камаринская, шутка для 4хъ голосовъ С. А. Т. Б. съ аккомпаниментомъ для фортепіано партитуръ и голоса 1 30
— Голоса отдѣльно.......... — 50
SCHUMANN. Chiarina et Aveu aus Carnaval. Op. 9.......... — 15
— Op. 23 № 4 Nachtstuch.......... — 15
— Op. 23 № 2 Romanze.......... — 15
— Ständchen par Reinecke.......... — 15
SCHUMANN. Op. 68. Album f. die Jugend comp.......... 1 50
СОКОЛОВА. Глаза. pour Chant.......... — 40
— Романсъ. Темнорусыя кудри.......... — 50
— „ Не забуду я.......... — 50
SPINDLER. Op. 96. № 2. La violette 2m.......... — 20
— Op. 100. № 3. Dans les bruyères 2m.......... — 20
— Op. 128. Souv. de Venise 2m.......... — 30
— Op. 144. Mélodie des fleurs 2m.......... — 20
— Op. 153. L'ombre 2m.......... — 20

(Продолж. въ слѣд. книжкѣ.)

Фермеръ отъ души расхохотался своей шуткѣ.

— Нѣтъ, спасибо, сказалъ Кенелмъ, потирая свои ушибы,— на молокѣ обжегся, на воду дуть станешь.

Молодой человѣкъ пошелъ одиноко бродить по полямъ. День становился пасмуренъ; облака предвѣщали дождь. Въ воздухѣ было необыкновенно тихо; окружающій видъ, не освѣщенный солнцемъ, казался печальнымъ и пустыннымъ. Кенелмъ дошелъ до берега ручья не далеко отъ того мѣста гдѣ фермеръ встрѣтилъ его въ первый разъ. Тамъ онъ сѣлъ, склонилъ щеку на руку и устремилъ глаза на тихія и потемнѣвшія воды ручья грустно протекавшія предъ нимъ; печаль наполнила его сердце и разбудила его мечтательность.

— Итакъ, это правда, сказалъ онъ, разсуждая самъ съ собою: — я явился на свѣтъ чтобы прожить всю жизнь совершенно одинокимъ, не ища разумѣется себѣ подруги, не вѣря въ возможность этого, содрогаясь при одной мысли объ этомъ, отчасти презирая, отчасти сожалѣя тѣхъ кто вздыхаетъ объ этомъ; — это недостижимо, лучше вздыхать о лунѣ! Между тѣмъ другіе люди вздыхаютъ объ этомъ, почему же я стою въ сторонѣ отъ нихъ? Если міръ сцена, и всѣ мущины и женщины въ немъ только актеры, долженъ ли я быть одинокимъ зрителемъ не имѣя никакой роли въ драмѣ, не интересуясь развитіемъ дѣйствія? Безъ сомнѣнія, многіе на этой сценѣ такъ же мало какъ и я желаютъ имѣть роль *любовника*, посвящающаго грустные стихи бровямъ своей возлюбленной; но въ такомъ случаѣ они желаютъ занимать другія роли въ піесѣ, напримѣръ воина „бородатаго какъ пардъ", или судьи „съ кругленькимъ брюшкомъ подбитымъ каплунами". Но меня не тревожитъ честолюбіе, я не стремлюсь возвышаться или блестѣть. Я не желаю сдѣлаться ни полковникомъ, ни адмираломъ, ни членомъ парламента, ни алдерменомъ. Меня не прельщаетъ слава остряка, или поэта, или философа, или непремѣннаго гостя на званыхъ обѣдахъ, или знаменитаго стрѣлка на стрѣльбищахъ и облавахъ. Рѣшительно, я зритель что̀ стоитъ въ сторонѣ и такъ же мало заботится о дѣйствующемъ мірѣ какъ какой-нибудь камень. У Гёте есть страшный фантастическій вымыселъ что первоначально мы всѣ были монады, маленькіе разсѣянные атомы носящіеся въ атмосферѣ, влекомые туда и сюда силами которыя внѣ нашего контроля, преимущественно притяженіемъ другихъ монадъ; такъ что одна монада управляемая свиными монадами

кристализуется въ свинью; другая, подъ вліяніемъ героическихъ монадъ, становится львомъ или Александромъ. Теперь совершенно ясно, продолжалъ Кенелмъ, перемѣняя положеніе и кладя правую ногу на лѣвую, — что какая-нибудь монада имѣющая своимъ назначеніемъ другую планету можетъ встрѣтиться на пути, съ потокомъ монадъ пересѣкающихъ земной путь, и увлеченная этимъ потокомъ начнетъ кружиться до тѣхъ поръ пока, вопреки ея назначенію и опредѣленному ей мѣсту дѣйствія, попадетъ на землю и превратится въ ребенка. Можетъ-статься мнѣ выпалъ такой жребій: моя монада изъ другихъ областей пространства попала сюда, гдѣ она никогда не можетъ быть дома, не можетъ амальгамироваться съ другими монадами, ни понять почему онѣ находятся въ такихъ постоянныхъ хлопотахъ. Признаюсь, я такъ же мало понимаю почему умъ человѣческихъ существъ неустанно хлопочетъ о вещахъ отъ которыхъ, по сознанію многихъ, бываетъ болѣе безпокойства нежели удовольствія, какъ не понимаю почему эта толпа комаровъ, жизнь ихъ такъ коротка, не дадутъ себѣ ни минуты покоя, но толкутся вверхъ и внизъ, подымаясь и опускаясь будто на качеляхъ, и дѣлая такъ много шуму по поводу своего ничего не значащаго возвышенія или пониженія какъ еслибъ это былъ ропотъ людей. А можетъ-быть на другой планетѣ моя монада рѣзвилась бы, и прыгала бы и танцовала бы съ такимъ же удовольствіемъ и безуміемъ какъ это дѣлаютъ монады людей и комаровъ въ этой чуждой юдоли слезъ.

Кенелмъ дошелъ до этого гадательнаго разрѣшенія своихъ недоумѣній какъ вдругъ услышалъ пѣніе или скорѣе среднее между пѣніемъ и речитативомъ, что̀ такъ пріятно когда произношеніе ясно и музыкально. Такъ было въ настоящемъ случаѣ, и Кенелмъ могъ ясно разслышать каждое слово слѣдующей пѣсни:

Есть время когда умолкаютъ заботы;
Чуть слышалось въ воздухѣ рѣянье пчелъ;
Я сталъ гдѣ отраду полдневной дремоты
Ручей на природу журчаньемъ навелъ.

Душа говорила: хоть тѣсно ихъ ложе,
Струи къ Океану спокойно текутъ;
Вселенной просторъ прохожу я, но все же
Довольства не знаю, и тѣсно мнѣ тутъ.

Душа, не тверди о вселенной просторѣ,
Нѣтъ, менѣе сжата потока струя.
Безбрежна сама ты, и вотъ твое горе,
Виной недовольства безбрежность твоя.

Когда пѣніе кончилось Кенелмъ поднялъ голову. Но берегъ ручья былъ такъ извилистъ и такъ густо поросъ кустарникомъ что нѣсколько минутъ онъ не могъ видѣть пѣвца. Наконецъ вѣтви предъ нимъ раздвинулись, и въ нѣсколькихъ шагахъ онъ увидалъ человѣка которому совѣтовалъ воспѣвать бифстекъ вмѣсто того чтобы посвящать свои пѣсни любви, какъ ошибочно и спокон вѣка поступаютъ пѣвцы.

— Сэръ, сказалъ Кенелмъ приподнимаясь,—я радъ что мы опять встрѣтились. Слышали вы когда-нибудь кукушку?

— Сэръ, отвѣчалъ менестрель, — замѣчали вы когда-нибудь присутствіе лѣта?

— Позвольте мнѣ пожать вамъ руку. Я восхищенъ вопросомъ которымъ вы встрѣтили и отпарировали мой. Если вы не спѣшите, присядьте здѣсь и потолкуемъ.

Менестрель наклонилъ голову и сѣлъ. Собака его, выйдя изъ-за кустовъ, съ важностію приблизилась къ Кенелму, который еще съ большею важностью посмотрѣлъ на нее; помахивая хвостомъ она усѣлась на заднія лапы и принялась прислушиваться къ шуму въ сосѣднемъ тростникѣ, какъ бы желая угадать рыба ли производила его или же водяная мышь.

— Я спросилъ васъ, сэръ, слыхали ли вы кукушку не изъ пустаго любопытства; часто въ лѣтніе дни когда человѣкъ разговариваетъ самъ съ собою—и разумѣется ставитъ себя въ затрудненіе—вдругъ слышится голосъ какъ бы исходящій изъ сердца природы: такъ далекъ онъ и въ то же время такъ близокъ; онъ говоритъ что-нибудь очень успокоивающее, очень мелодичное, такъ что является искушеніе необдуманно и неразумно воскликнуть: „природа отвѣчаетъ мнѣ“. Кукушка часто такъ подшучивала надо мной. Въ вашемъ пѣніи содержался лучшій отвѣтъ на вопросы какіе человѣкъ задаетъ себѣ чѣмъ можно получить отъ кукушки.

— Я сомнѣваюсь въ этомъ, сказалъ менестрель.—Пѣсня, въ лучшемъ случаѣ, есть только эхо того голоса что̀ исходитъ изъ сердца природы. И если крикъ кукушки представлялся вамъ такимъ голосомъ, это былъ вѣроятно болѣе простой и правдивый отвѣтъ на вашъ вопросъ чѣмъ можетъ дать человѣкъ, еслибы вы только могли правильно перевести ея языкъ.

— Добрый другъ мой, отвѣчалъ Кенелмъ,—то что̀ вы говорите звучитъ очень пріятно и содержитъ въ себѣ чувство которое было распространено нѣкоторыми критиками въ безпредѣльное царство пустоголовыхъ, по просту называемое вздоромъ. Хотя природа никогда не молчитъ, хотя она, злоупотребляя преимуществомъ своихъ лѣтъ, утомительно болтаетъ безъ умолку, она однако же никогда не отвѣчаетъ на наши вопросы, она не можетъ понимать аргументовъ, она никогда не читала сочиненія Милля о Логикѣ. Дѣйствительно, какъ справедливо сказалъ великій философъ, „природа не имѣетъ разума". Каждый человѣкъ который обращается къ ней бываетъ вынужденъ снабжать ее на время своимъ умомъ. И если она отвѣчаетъ на вопросы которые задаетъ ей его собственный умъ, то лишь повторяя какъ попугай то что̀ его умъ подскажетъ ей. И такъ какъ у каждаго человѣка свой умъ, то каждый человѣкъ получаетъ свой отвѣтъ. Природа лживый старый лицемѣръ.

Менестрель весело разсмѣялся, и смѣхъ его былъ такъ же пріятенъ какъ пѣніе.

— Многому бы пришлось разучиться поэтамъ еслибъ они стали смотрѣть на природу такимъ образомъ.

— Плохимъ поэтамъ да, и тѣмъ лучше было бы и для нихъ и для ихъ читателей.

— Развѣ хорошіе поэты не изучаютъ природу?

— Разумѣется изучаютъ, какъ хирургъ изучаетъ анатомію разсѣкая мертвое тѣло. Но хорошій поэтъ, равно какъ и хорошій хирургъ, тотъ кто смотритъ на это изученіе только какъ на необходимую азбуку, а не какъ на вѣнецъ всего въ его дѣлѣ. Я не назову хорошимъ хирургомъ человѣка который наполнитъ цѣлую книгу подробностями, болѣе или менѣе точными, о фибрахъ, нервахъ и мускулахъ; и не назову хорошимъ поэтомъ человѣка который опишетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ Рейнъ или Глостерскую Долину. Хорошій хирургъ и хорошій поэтъ тотъ кто понимаетъ живаго человѣка. Что̀ такое драма, которую Аристотель справедливо ставитъ выше всего въ области поэзіи? Не есть ли это такой родъ поэзіи гдѣ описаніе неодушевленной природы по необходимости вынуждено быть очень краткимъ и общимъ, гдѣ даже внѣшнія формы человѣка до такой степени не важны что они могутъ измѣняться вмѣстѣ съ актеромъ исполняющимъ роль? Гамлетъ можетъ быть бѣлокурый и черноволосый. Макбетъ

можетъ быть низкаго или высокаго роста. Достоинство драматической поэзіи состоитъ въ подчиненіи того что̀ обыкновенно называютъ природой (т.-е. внѣшней и матеріальной природы) существамъ разумнымъ, одушевленнымъ, но въ такой степени нематеріальнымъ что они, можно сказать, состоятъ только изъ ума и души, принимая временно такое тѣло какое можетъ предложить имъ попавшійся актеръ, дабы сдѣлаться ощутимыми и видимыми для зрителя, но не нуждаясь въ подобномъ тѣлѣ чтобы быть ощутимыми и видимыми для читателя. Итакъ высшій родъ поэзіи тотъ который наименѣе нуждается во внѣшней природѣ. Но каждый родъ имѣетъ свои достоинства, болѣе или менѣе высокія смотря по тому сколько онъ влагаетъ въ природу то чего въ ней нѣтъ, то-есть умъ и душу человѣка.

— Я не могу согласиться, сказалъ менестрель,—чтобы на дѣлѣ одинъ родъ поэзіи былъ выше другаго до такой степени чтобы ставить поэта съ успѣхомъ занимающагося тѣмъ что̀ вы назвали высшимъ родомъ поэзіи выше другаго поэта который занимается еще успѣшнѣе тѣмъ что̀ вы называете низшею школой. Въ теоріи драматическая поэзія можетъ быть выше лирической, и *Venice Preserved* очень хорошая драма; но я считаю Борнса лучшимъ поэтомъ чѣмъ Отвея.

— Можетъ-быть это такъ; но я не знаю другаго лирическаго поэта, по крайней мѣрѣ изъ числа новыхъ, который бы менѣе толковалъ о природѣ какъ о внѣшней только формѣ вещей и съ большею страстью одушевлялъ бы ее своимъ собственнымъ человѣческимъ сердцемъ чѣмъ Робертъ Борнсъ. Полагаете ли вы что когда Грекъ въ какомъ-нибудь затрудненіи обращался къ вѣщимъ листьямъ дуба Додонскаго, эти дубовые листья отвѣчали ему? Не думаете ли вы скорѣе что на вопросъ возбужденный его умомъ отвѣчалъ умъ подобнаго ему человѣка, жреца, который употреблялъ листы дуба только какъ посредствующее орудіе, какъ мы съ вами пользуемся въ качествѣ посредствующаго орудія листомъ писчей бумаги? Не есть ли исторія суевѣрій хроника безумныхъ попытокъ человѣка получать отвѣты отъ внѣшней природы?

— Но, сказалъ менестрель,—я слышалъ или читалъ гдѣ-то что научные опыты суть отвѣты которые даетъ природа на вопросы предлагаемые ей человѣкомъ.

— Это не болѣе какъ отвѣты которые его собственный

умъ внушаетъ ей. Умъ его изучаетъ законы матеріи и при этомъ изученіи дѣлаетъ опыты надъ матеріей; изъ этихъ опытовъ его умъ, согласно своимъ прежнимъ свѣдѣніямъ или природной смѣтливости, дѣлаетъ свои выводы; такимъ образомъ являются науки о природѣ, механика, химія и т. д. Но сама матерія не даетъ отвѣтовъ; отвѣты измѣняются сообразно уму предлагающему вопросы, и успѣхи наукъ состоятъ въ постоянномъ исправленіи ошибокъ и ложныхъ представленій которыя прежніе умы считали правильными отвѣтами полученными отъ природы. Только сверхъестественное заключенное въ насъ, то-есть умъ, можетъ угадывать механизмъ естественнаго, то-есть матеріи. Камень не можетъ вопрошать камень.

Менестрель не отвѣчалъ. Наступило продолжительное молчаніе, прерываемое лишь жужжаньемъ насѣкомыхъ, плескомъ воды и вздохомъ вѣтра въ тростникахъ.

ГЛАВА XVII.

Наконецъ Кенелмъ проговорилъ прерывая молчаніе:

Rapiamus, amici,
Occasionem de die, dumque virent genua,
Et decet, obducta solvatur fronte senectus!

— Это стихи Горація? спросилъ менестрель.

Да; и я съ намѣреніемъ проговорилъ ихъ чтобы видѣть получили ли вы классическое образованіе.

— Я могъ бы получить такое образованіе еслибы мои обстоятельства не отвлекли меня въ дѣтствѣ отъ ученія, всей цѣны коего я не понималъ тогда. Но я немножко познакомился съ латынью въ школѣ, и послѣ того какъ вышелъ изъ школы старался отъ времени до времени знакомиться съ болѣе извѣстными латинскими поэтами, большею частію, признаюсь къ стыду моему, съ помощію подстрочныхъ англійскихъ переводовъ.

— Такъ какъ вы сами поэтъ, то быть-можетъ вамъ не было бы выгоды знать другой, хотя бы и мертвый, языкъ такъ хорошо чтобъ его формы и обороты мысли отражались, хотя можетъ-быть безсознательно, въ языкѣ на которомъ вы

сочиняете. Горацій, пожалуй, былъ бы еще лучшимъ поэтомъ еслибы по-гречески зналъ не больше чѣмъ вы полатыни.

— Я принимаю это не болѣе какъ за любезность съ вашей стороны, отвѣчалъ менестрель съ улыбкой.

— А вы были бы еще любезнѣе, сказалъ Кенелмъ,—еслибы простили мой нескромный вопросъ и сказали не вслѣдствіе ли нари вы странствуете подобно Гомеру, и посылаете это разумное четвероногое, вашего спутника, ходить съ тарелочкой во рту за сборомъ пенсовъ?

— Нѣтъ, это не вслѣдствіе нари; это моя причуда, которую, какъ я надѣюсь по тону вашего разговора, вы поймете имѣя повидимому сами нѣкоторыя причуды.

— Что касается причудъ, можете быть увѣрены въ моемъ сочувствіи.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ я скажу вамъ что хотя у меня есть занятіе доставляющее мнѣ скромный доходъ, но стихи моя страсть. Еслибы круглый годъ было лѣто и человѣкъ вѣчно былъ молодъ, я прожилъ бы всю жизнь распѣвая. Но я никогда не пробовалъ печатать моихъ стиховъ. Еслибъ они остались незамѣченными, это причинило бы мнѣ величайшее огорченіе какое только можетъ быть нанесено самолюбію человѣка. Еслибъ они подверглись нападкамъ или осмѣянію, это могло бы серіозно повредить моимъ практическимъ занятіямъ. Это послѣднее соображеніе, будь я одинъ на свѣтѣ, не значило бы для меня ничего; но есть другіе для кого мнѣ хотѣлось бы составить себѣ состояніе, и потому я не хочу бросать своихъ дѣловыхъ занятій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — это было въ Германіи, я встрѣтилъ одного очень бѣднаго нѣмецкаго студента который добывалъ деньги странствуя съ лютней и пѣніемъ. Потомъ онъ сдѣлался довольно извѣстнымъ поэтомъ и разказывалъ мнѣ что онъ увѣренъ что нашелъ секретъ пріобрѣсти извѣстность привыкнувъ сообразоваться со вкусами публики во время своихъ странствій. Его примѣръ сильно подѣйствовалъ на меня. Я попытался дѣлать то же, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ я провожу такимъ образомъ часть лѣтняго времени. Въ мѣстахъ которыя я посѣщаю я извѣстенъ, какъ я кажется говорилъ вамъ прежде, подъ именемъ бродячаго менестреля; я получаю маленькія деньги которыя даютъ мнѣ какъ бы въ доказательство нѣкотораго моего достоинства.

Бѣдные люди не платили бы мнѣ еслибъ я имъ не доставлялъ удовольствія; и по большей части имъ особенно нравятся именно тѣ пѣсни которыя я самъ больше люблю. Кромѣ того это время я не считаю потеряннымъ, не только для тѣлеснаго здоровья, но и для ума. Мысли пріобрѣтаютъ бóльшую свѣжесть въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ веселыхъ занятій и разнообразныхъ приключеній.

— Да, приключенія бываютъ довольно разнообразны, сказалъ Кенелмъ нѣсколько жалобно; ибо перемѣняя положеніе онъ почувствовалъ острую боль въ своихъ избитыхъ мускулахъ.—Но не правда ли что ко всѣмъ приключеніямъ непремѣнно примѣшиваются эти зловредныя женщины?

— Разумѣется, сказалъ менестрель со звонкимъ смѣхомъ.— Въ жизни, какъ и на сценѣ, интересъ юпки всегда самый сильный.

— Въ этомъ я не согласенъ съ вами, сказалъ Кенелмъ сухо. — И мнѣ кажется что это замѣчаніе недостойно васъ. Впрочемъ настоящая жаркая погода не располагаетъ къ спорамъ, и я готовъ признать что юпка, если она красная, не лишена нѣкотораго интереса въ картинѣ, именно интереса колера.

— Молодой человѣкъ, сказалъ менестрель вставая, — день склоняется къ вечеру, и я долженъ проститься съ вами; безъ сомнѣнія, еслибы вы постранствовали какъ я, вамъ бы довелось видѣть столько хорошенькихъ дѣвушекъ что вы признали бы важность юпокъ не на картинѣ только, и еслибы мы съ вами еще разъ встрѣтились, можетъ-быть оказалось бы что вы сами пишете любовные стихи.

— Послѣ такого ничѣмъ не оправдываемаго заключенія я разстаюсь съ вами съ меньшимъ сожалѣніемъ чѣмъ бы сдѣлалъ это прежде. Но я надѣюсь что мы еще встрѣтимся.

— Ваше желаніе очень лестно для меня; и если намъ придется еще увидѣться, я прошу васъ оправдать мою довѣрчивость и смотрѣть на мои поэтическія странствія и на тарелочку моей собаки какъ на священную тайну. А если намъ такъ не встрѣтиться, то я только изъ благоразумной сдержанности не называю вамъ моего настоящаго имени и адреса.

— Вы обнаруживаете такимъ образомъ опасливый здравый смыслъ который рѣдко встрѣчается въ любителяхъ стиховъ, и юпокъ. Что̀ вы сдѣлали съ вашею гитарой?

— Я не хожу по дорогамъ съ этимъ инструментомъ, онъ

пересылается мнѣ изъ города въ городъ подъ чужимъ именемъ вмѣстѣ съ платьемъ не такимъ какъ это, на случай если я пожелаю бросить роль бродячаго менестреля.

Оба съ чувствомъ пожали руку другъ другу. Когда менестрель удаляясь по берегу ручья запѣлъ, подъ вліяніемъ его голоса казалось веселѣй зажурчали струи и менѣе грустно вздыхалъ прибрежный тростникъ.

ГЛАВА XVIII.

Въ своей комнатѣ, одинокій и задумчивый, сидѣлъ пораженный герой сотни сраженій. Были сумерки; но ставни были притворены цѣлый день, чтобы не впускать въ комнату солнечнаго свѣта, который никогда прежде не былъ непріятенъ для Тома Боульза; онѣ были притворены и теперь, дѣлая сумерки вдвое болѣе сумрачными, пока луна, поднявшаяся рано, не проникла своими лучами сквозь щели и не провела серебристой полосы между тѣнями на полу.

Голова Тома была опущена на грудь; его сильныя руки безцѣльно покоились на колѣняхъ; въ положеніи его видно было изнеможеніе и уныніе. Но въ выраженіи лица были видны признаки опасной и безпокойной мысли которая противорѣчила его наружному спокойствію. Лобъ его, обыкновенно открытый, выражавшій дерзкую отвагу, теперь былъ покрытъ морщинами и сумрачно нависъ надъ опущенными, полузакрытыми глазами. Губы его были такъ плотно сжаты что лицо утратило свою округлость, и массивныя кости челюстей рѣзко выступали на щекахъ. Время отъ времени, правда, губы раскрывались давая выходъ глубокому порывистому вздоху, но онѣ тотчасъ же опять стискивались такъ же быстро какъ были открыты. Это былъ одинъ изъ тѣхъ кризисовъ въ жизни когда всѣ элементы составлявшіе прежнюю сущность человѣка приходятъ въ безпорядочную анархію; когда Злой кажется входитъ въ человѣка и начинаетъ направлять бурю; когда грубый не воспитанный умъ, никогда прежде не помышлявшій о преступленіи, видитъ предъ собой преступленіе внезапно воздымающееся изъ бездны, чувствуетъ въ немъ врага, но покоряется ему какъ неизбѣжной судьбѣ. И вотъ когда наконецъ преступникъ приговоренъ къ висѣлицѣ,

онъ съ содраганіемъ оглядывается назадъ на то мгновеніе что̀ раздѣляетъ два міра,—міръ человѣка невиннаго и міръ человѣка преступнаго — и говоритъ святому, высоко образованному, безстрастному духовнику напутствующему его и называющему его братомъ:—„дьяволъ внушилъ мнѣ это".

Въ эту минуту дверь отворилась; на порогѣ стояла его мать, которой онъ никогда не давалъ руководить его поступками, хотя любилъ ее по-своему, и ненавистный человѣкъ котораго онъ желалъ видѣть мертвымъ у своихъ ногъ. Дверь снова затворилась, мать вышла не говоря ни слова, слезы мѣшали ей. Вошедшій остался съ нимъ наединѣ. Томъ Боульзъ поднялъ глаза, узналъ посѣтителя, просіялъ и потеръ свои могучія руки.

ГЛАВА XIX.

Кенелмъ Чиллингли поставилъ стулъ рядомъ со своимъ противникомъ и молча взялъ его за руку.

Томъ Боульзъ взялъ его руку въ обѣ свои, повернулъ ее съ любопытствомъ къ лунному свѣту, посмотрѣлъ, взвѣсилъ ее, потомъ издавъ нѣчто среднее между рычаньемъ и смѣхомъ оттолкнулъ ее прочь какъ предметъ враждебный, но не заслуживающій вниманія, всталъ, приперъ дверь, сѣлъ опять и сказалъ грубо:

— Чего вы теперь отъ меня хотите?

— Я хочу просить у васъ милости.

— Милости?

— Величайшей милости о какой только человѣкъ можетъ просить другаго человѣка—дружбы. Видите ли, мой дражайшій Томъ, продолжалъ Кенелмъ, располагаясь какъ дома, положивъ одну руку на стулъ Тома и протянувъ ноги будто предъ каминомъ въ своей комнатѣ; — видите ли, мой любезный Томъ, люди подобные намъ, молодые, одинокіе, не совсѣмъ дурные собой, могутъ найти много возлюбленныхъ. Если одна не полюбитъ насъ, полюбитъ другая; онѣ разсѣяны вездѣ какъ крапива или репейникъ. Но въ жизни нѣтъ ничего рѣже друга. Скажите мнѣ откровенно, случалось ли вамъ попадать въ деревню гдѣ бы вы не могли найти себѣ зазнобу еслибы пожелали, и если имѣя зазнобу вы покидаете ее, думаете ли вы что вамъ трудно было бы найти другую? Но предположите что вы имѣли бы

истиннаго друга мущину, друга который поддерживалъ бы васъ во всѣхъ обстоятельствахъ, который въ глаза говорилъ о вашихъ недостаткахъ, а за глаза хвалилъ бы ваши хорошія качества, который дѣлалъ бы все возможное чтобъ избавить васъ отъ опасности или предупредить опасность; предположите что вы имѣли бы такого друга и потеряли бы его. Думаете ли вы что доживъ до Маѳусаиловыхъ лѣтъ вы могли бы найти другаго? Вы не отвѣчаете мнѣ; вы молчите. Итакъ Томъ, я прошу васъ быть такимъ другомъ для меня и обѣщаю быть такимъ другомъ для васъ.

Томъ такъ опѣшилъ отъ этого обращенія что не могъ опомниться отъ изумленія. Но онъ почувствовалъ какъ будто тучи въ душѣ его разорвались, и солнечный лучъ проникъ сквозь угрюмую тьму. Наконецъ, хотя утихшій гнѣвъ снова возсталъ въ немъ, но уже не столь рѣшительно, и онъ проворчалъ сквозь зубы:

— Хорошъ другъ! Укралъ у меня мою любу. Подите прочь!

— Она была столько же вашею сколько была или можетъ когда-нибудь быть моею.

— Какъ, развѣ вы не ухаживали за ней?

— Разумѣется нѣтъ. Я ухожу въ Лоскомбъ и приглашаю васъ отправиться вмѣстѣ. Вы думаете что я уйду и оставлю васъ здѣсь?

— Какое вамъ дѣло до меня?

— Провидѣніе дозволило мнѣ спасти васъ отъ самаго неутѣшнаго горя. Подумайте, какое горе можетъ быть продолжительнѣе чѣмъ было бы ваше еслибы вы достигли вашихъ желаній; еслибы вы силой или страхомъ принудили женщину сдѣлаться вашею подругой на всю жизнь; и вы бы любили ее, а она бы васъ ненавидѣла. Совѣсть день и ночь укоряла бы васъ что ваша любовь сдѣлалась причиной ея несчастія, и это несчастіе неотлучно преслѣдовало бы васъ какъ привидѣніе. Вотъ отъ какого горя я спасъ васъ. Дай-то Богъ довершить мнѣ мое дѣло и спасти васъ отъ неискупимаго злодѣянія. Загляните въ вашу душу, соберите мысли которыя въ теченіе цѣлаго дня до тѣхъ поръ какъ я переступилъ вашъ порогъ не покидали васъ, заставляя умъ вашъ молчать и ослѣпляя совѣсть; потомъ скажите положа руку на сердце: „я не повиненъ въ помышленіи объ убійствѣ“.

Несчастный человѣкъ быстро вскочилъ и выпрямился въ угрожающей позѣ, но встрѣтивъ спокойный, твердый и полный сожалѣнія взглядъ Кенелма, онъ такъ же быстро упалъ, упалъ на полъ, закрылъ лицо руками, и громкій крикъ вырвался изъ его груди между воплями и рыданіями.

— Братъ, сказалъ Кенелмъ опускаясь возлѣ него на колѣни и обвивъ рукою его тяжело дышавшую грудь,—теперь все забыто; съ этимъ крикомъ демонъ омрачавшій твой разумъ отлетѣлъ навсегда.

ГЛАВА XX.

Когда нѣсколько времени спустя Кенелмъ вышелъ изъ комнаты и зашелъ къ мистрисъ Боульзъ, находившейся внизу, онъ сказалъ весело:

— Все устроилось отлично; мы съ Томомъ поклялись быть друзьями. Мы отправляемся въ Лоскомбъ послѣзавтра, въ субботу; напишите туда его дядѣ и пошлите туда же его платье, такъ какъ мы пойдемъ пѣшкомъ и выйдемъ рано утромъ чтобы никто не видалъ насъ. А теперь ступайте на верхъ поговорить съ нимъ; ему необходимо утѣшеніе и ласки матери. У него благородное сердце, и рано или поздно мы будемъ гордиться имъ.

Возвращаясь на ферму, Кенелмъ встрѣтилъ мистера Лесбриджа, который сказалъ:

— Я иду отъ мистера Сондерсона, куда заходилъ чтобы видѣть васъ. Въ переговорахъ о лавкѣ мистрисъ Ботри встрѣтилось неожиданное затрудненіе. Послѣ того какъ я видѣлся съ вами сегодня утромъ, я встрѣтился съ однимъ служащимъ у мистера Траверса и онъ сказалъ мнѣ что мистрисъ Ботри не имѣетъ права передать аренду безъ согласія сквайра; а такъ какъ земля была сдана сначала на очень низкихъ условіяхъ для любимаго и почтеннаго арендатора, то трудно ожидать согласія мистера Траверса на передачу ея бѣдному корзинщику. Услыхавъ это я поѣхалъ въ Паркъ и увидѣлся съ самимъ мистеромъ Траверсомъ. Но онъ остался непреклоненъ къ моимъ просьбамъ. Я добился только того что онъ сказалъ: „Пусть незнакомецъ который интересуется этимъ дѣломъ

придетъ самъ и потолкуетъ со мной. Я бы желалъ посмотрѣть на человѣка который отколотилъ это животное Тома Боульза; если онъ побѣдилъ его, то можетъ-статься побѣдитъ и меня. Приведите его съ собою на ужинъ который я даю для арендаторовъ завтра вечеромъ."—Чтожь вы пойдете?

— Но, сказалъ Кенелмъ неохотно,—если онъ зоветъ меня только для того чтобъ удовлетворить пустому любопытству, то пользы будетъ отъ этого мало Уыллу Сомерсу. Что̀ вы объ этомъ скажете?

— Сквайръ настоящій дѣловой человѣкъ, и хотя никто не можетъ сказать чтобъ онъ былъ несправедливъ или жаденъ, онъ однакоже не отличается большою чувствительностію; а нужно сознаться что больной калѣка въ родѣ Уылла Сомерса не особенно выгодный арендаторъ. И еслибы дѣло зависѣло единственно отъ вашего успѣха у сквайра, я не былъ бы увѣренъ что оно устроится согласно нашему желанію. Но мы найдемъ союзника въ его дочери. Она очень любитъ Джесси Уайльзъ и была очень добра къ Уыллу. Едва ли есть на свѣтѣ болѣе мягкая, благотворительная и симпатичная натура чѣмъ Сесилія Траверсъ. Она имѣетъ большое вліяніе на своего отца, и чрезъ нее мы можемъ уговорить его.

— Я терпѣть не могу имѣть какія-нибудь дѣла съ женщинами, сказалъ Кенелмъ сухо.—Безъ сомнѣнія, милостивый государь, вы болѣе способны на это дѣло чѣмъ я.

— Позвольте мнѣ скромно усомниться въ этомъ; едва ли можно надѣяться на успѣхъ у женщинъ когда годы тяготятъ старыя плечи; но если вамъ потребуется помощь священника чтобы довести ваши ухаживанія къ счастливому окончанію, я буду очень радъ въ качествѣ священника исполнить надлежащую церемонію.

— *Dii meliora!* сказалъ Кенелмъ съ важностію. — Есть зло котораго и въ шутку касаться не слѣдуетъ. Что до миссъ Траверсъ, то какъ только вы назвали ее благотворительною, вы привели меня въ ужасъ. Я очень хорошо знаю что̀ такое благотворительная дѣвушка: надутая, безпокойная, хлопотливая, со вздернутымъ носомъ и съ карманомъ наполненнымъ книжками. Я не пойду на ужинъ къ сквайру.

— Тсс! сдѣлалъ тихо священникъ. Они проходили въ это время мимо дома мистера Сомерса, и пока Кенелмъ произ-

носилъ рѣчь противъ благотворительныхъ дѣвицъ, мистеръ Лесбриджъ остановился предъ домомъ и украдкой заглянулъ въ окно.—Подойдите сюда тихонько.

Кенелмъ повиновался и заглянулъ въ окно. Уыллъ сидѣлъ на стулѣ; Джесси Уайльзъ помѣстилась у его ногъ держа его руку въ своихъ и глядя ему въ лицо. Виденъ былъ только ея профиль; выраженіе его было несказанно кроткое и нѣжное. Его лицо, наклоненное къ ней, было печально, слезы тихо бѣжали по его щекамъ. Кенелмъ прислушался и разслышалъ ея слова:

— Не говори этого, Уыллъ, ты разрываешь мое сердце; это я тебя не стою.

— Нѣтъ видно надо, сказалъ Кенелмъ когда они отошли,— идти на этотъ проклятый ужинъ. Я начинаю думать что разказы о любви въ хижинахъ имѣютъ долю правды. Пусть этотъ Уыллъ поскорѣе женится, чтобы послѣ каяться.

— Я не вижу почему человѣкъ долженъ каяться женившись на хорошей дѣвушкѣ которую онъ любитъ.

— Вы не видите? Отвѣчайте мнѣ откровенно: Развѣ вы никогда не встрѣчали человѣка который раскаивался что женился?

— Разумѣется встрѣчалъ; очень часто.

— Хорошо, подумайте опять и отвѣчайте мнѣ откровенно. Видали вы когда-нибудь человѣка который бы раскаялся что не женился?

Священникъ задумался и не отвѣчалъ.

— Сэръ, сказалъ Кенелмъ,—ваше молчаніе доказываетъ вашу честность, и я уважаю его.

Говоря это онъ повернулся и оставилъ священника который закричалъ громкимъ голосомъ:

— Но.... но....

ГЛАВА XXI.

Мистеръ Сондерсонъ и Кенелмъ сидѣли въ бесѣдкѣ; первый попивалъ грогъ и покуривалъ трубку; послѣдній смотрѣлъ въ лѣтнее ночное небо съ задумчивымъ и озабоченнымъ видомъ какъ будто пытаясь сосчитать звѣзды Млечнаго Пути.

— Вотъ, сказалъ мистеръ Сондерсонъ, дѣлая выводъ изъ ихъ доказательствъ,—теперь вы сами видите, не такъ ли?

— Я? ни мало. Вы говорите что вашъ дѣдъ былъ фермеръ, и отецъ былъ фермеръ, и вы сами хозяйничаете на фермѣ тридцать лѣтъ, и изъ этихъ посылокъ выводите нелогичное и неразумное заключеніе что и сынъ вашъ долженъ также быть фермеромъ.

— Молодой человѣкъ, вы можете считать себя очень ученымъ потому что были въ университетѣ и утянули оттуда малую толику книжной учености.

— Постойте, сказалъ Кенелмъ. — Вы согласны что въ университетѣ есть ученость?

— Да, согласенъ.

— Но какъ же могла бы въ немъ быть ученость если выходящіе изъ него уносятъ ученость съ собою? Мы всѣ оставляемъ ее тамъ на попеченіе туторовъ. Но я знаю что̀ вы хотѣли сказать: если я прочелъ много книгъ, то не значитъ что я знаю жизнь лучше нежели человѣкъ вашихъ лѣтъ и съ вашею опытностью. Согласенъ что это общее правило. Но вѣдь всякій докторъ, хотя бы самый ученый и искусный, пожелаетъ узнать мнѣніе о себѣ другаго доктора, хотя бы этотъ другой докторъ только начиналъ свою практику. А такъ какъ доктора, говоря вообще, очень ученые люди, то не достоинъ ли ихъ примѣръ подражанія? Не доказываетъ ли это что человѣкъ, какой бы умный ни былъ, не можетъ быть хорошимъ судьей въ собственномъ дѣлѣ? Дѣло вашего сына есть ваше дѣло, вы смотрите на него сквозь ваши вкусы, и стараетесь втиснуть четыреугольный клинъ въ круглую дыру, потому что въ круглой дырѣ вы, какъ сами круглый клинъ, чувствуете себя плотно и удобно. Вотъ это по-моему неразумно.

— Я не вижу почему мой сынъ имѣетъ право воображать себя четыреугольнымъ клиномъ, сказалъ фермеръ угрюмо,— когда его отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ были круглые клинья; и природѣ противно чтобы какая-нибудь тварь выходила не въ свою породу. Собака бываетъ пoнтеромъ или овчаркой смотря по тому были ли ея предки понтеры или овчарки. Теперь, воскликнулъ съ торжествомъ фермеръ вытряхая золу изъ своей трубки, — надѣюсь что я поставилъ васъ въ тупикъ, молодой человѣкъ!

— Ни мало; вы берете случай когда породы не были смѣшаны; но предположите что отецъ былъ овчаръ, а мать пон-

теръ; увѣрены ли вы что сынъ ихъ не будетъ больше похожъ на понтера чѣмъ на овчара?

Мистеръ Сондерсонъ перестал набивать свою трубку и почесалъ голову.

— Видите ли, сказалъ Кенелмъ,—вы смѣшали породы. Вы женились на дочери купца, и я могу сказать что и дѣдъ ея, и прадѣдъ были тоже купцы. Сыновья большею частію бываютъ похожи на мать, и мистеръ Сондерсонъ младшій вышелъ въ родню своей матери и явился на свѣтъ четыреугольнымъ клиномъ, который можетъ плотно и удобно входить только въ четыреугольное отверстіе. Безполезно больше спорить, фермеръ: сынъ вашъ долженъ отправиться къ своему дядѣ, и кончено.

— Вотъ еще, сказалъ фермеръ,—вы кажется хотите заставить меня поступить противъ моихъ чувствъ.

— Нѣтъ; но я думаю что если вы поступите по-своему, то вашъ сынъ попадетъ въ рабочій домъ.

— Что! Прилѣпившись къ землѣ какъ и его отецъ? Пусть только человѣкъ держится земли, земля не отстанетъ отъ него.

— Пусть человѣкъ попадетъ въ тину, и тина облѣпитъ его. Вы полагаете свое сердце въ вашу ферму, а сынъ вашъ будетъ только ставить на нее ноги. Смѣлѣе! Не видите ли вы что время какъ волчокъ и всѣ вещи идутъ кругомъ? Каждый день кто-нибудь оставляетъ землю и уходитъ въ торговлю. По времени онъ становится богатъ, и тогда величайшее его желаніе возвратиться къ землѣ. Онъ оставляетъ ее сыномъ фермера, возвращается сквайромъ. Сынъ вашъ, когда ему будетъ пятьдесятъ лѣтъ, промѣняетъ свои сбереженія на акры земли и будетъ имѣть своихъ собственныхъ арендаторовъ. Боже мой, какія онъ будетъ предписывать имъ условія! Я не совѣтую вамъ брать у него ферму въ аренду.

— Боже меня сохрани! сказалъ фермеръ.—Онъ вывалитъ цѣлую аптеку на мое паровое поле, и будетъ говорить что это „прогрессъ".

— Пусть его дѣлаетъ опыты на своихъ поляхъ когда у него будутъ свои фермы; поберегите вашу отъ его химическихъ когтей. Я пойду скажу ему чтобъ онъ укладывался и былъ готовъ отправиться къ дядѣ на будущей недѣлѣ.

— Ладно, ладно, сказалъ фермеръ уступая,—человѣкъ съ характеромъ всегда возьметъ свое.

— А самое лучшее что̀ можетъ сдѣлать разумный человѣкъ, это не мѣшать ему. Мистеръ Сондерсонъ, дайте мнѣ вашу честную руку. Вы одинъ изъ тѣхъ людей которые заставляютъ сыновей добрыхъ отцовъ вспоминать о своемъ отцѣ; и я думаю о моемъ говоря: спаси васъ, Господь!

Оставивъ фермера Кенелмъ возвратился въ домъ и нашелъ Сондерсона младшаго въ его комнатѣ. Молодой человѣкъ еще не ложился и читалъ краснорѣчивый трактатъ объ эманципаціи человѣческаго рода отъ всякой тиранніи, политической, общественной, церковной и семейной.

Молодой человѣкъ взглянулъ изъ-подлобья и сказалъ, замѣтивъ меланхолическое выраженіе лица Кенелма:

— А, я вижу вы толковали со старымъ хозяиномъ, и онъ слышать не хочетъ объ этомъ.

— Вопервыхъ, отвѣчалъ Кенелмъ,—такъ какъ вы хвалитесь высшимъ образованіемъ, то позвольте мнѣ посовѣтовать вамъ изучать англійскій языкъ въ томъ видѣ какъ онъ употреблялся старыми авторами, которыхъ, хоть и въ вѣкъ прогресса, уважаютъ люди высшаго образованія. Ни одинъ человѣкъ прошедшій это ученіе, ни одинъ человѣкъ выучившій на родномъ языкѣ десять заповѣдей, никакъ не подумаетъ что „старый хозяинъ" есть синонимъ слова „отецъ". Вовторыхъ, такъ какъ вы претендуете на высшее разумѣніе, которое есть результатъ высшаго образованія, то научитесь лучше познавать самого себя прежде чѣмъ выступите учителемъ человѣчества. Простите откровенность съ какою я, какъ вашъ истинный доброжелатель, скажу что въ настоящее время вы надутый глупецъ, короче сказать, вы то что̀ между мальчиками зовется: оселъ. Но и скудоумный можетъ поднять свою человѣчность до извѣстнаго уровня обогащеніемъ сердца. Постарайтесь увеличить богатство вашего сердца. Отецъ вашъ предоставляетъ вамъ самимъ выбрать свою участь и жертвуетъ своими наклонностями. Это тяжелая жертва для родительской гордости, для родительскаго чувства, и немногіе отцы добровольно приносятъ такія жертвы. Я сдержалъ свое обѣщаніе вамъ и подкрѣпилъ ваши желанія въ мысляхъ мистера Сондерсона, такъ какъ я убѣжденъ что вы были бы самымъ дурнымъ фермеромъ. Вамъ остается теперь доказать что вы можете быть очень хорошимъ торговцемъ. Честь обязываетъ васъ предо мной и предъ вашимъ

отцомъ употребить для этого всѣ усилія. А пока предоставьте заботу перестраивать міръ тѣмъ кто не имѣетъ въ немъ лавки, которая можетъ погибнуть при всеобщемъ разрушеніи. Желаю вамъ доброй ночи.

Этимъ поучительнымъ словамъ, *sacro digna silentio*, Сондерсонъ младшій внималъ съ разинутымъ ртомъ и заколдованно-оцепенѣлыми глазами. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи ребенка которому нянька вдругъ дала тумака, и онъ такъ пораженъ этою операціей что не можетъ рѣшить больно ему или нѣтъ.

Кенелмъ вышелъ изъ комнаты, но чрезъ минуту снова появился въ дверяхъ и сказалъ извиняющимся шепотомъ:

— Не принимайте къ сердцу что я назвалъ васъ надутымъ глупцомъ и осломъ. Эти термины могутъ, безъ сомнѣнія, относиться и ко мнѣ самому. Но есть еще болѣе надутый глупецъ и еще бо́льшій оселъ нежели каждый изъ насъ,—это вѣкъ въ который мы имѣли несчастіе родиться, Вѣкъ Прогресса, мистеръ Сондерсонъ мла́дшій, Вѣкъ Шарлатановъ!

КНИГА III.

ГЛАВА I.

Если была въ свѣтѣ женщина созданная для того чтобы примирить Кенелма со сладкими волненіями любви и прелестями семейной жизни, то можно было не безъ основанія полагать что такая женщина могла быть найдена въ лицѣ Сесиліи Траверсъ. Единственная дочь, лишившаяся матери въ дѣтствѣ, она сдѣлалась хозяйкою дома въ тѣ годы когда многія дѣвушки еще укладываютъ въ постель своихъ куколъ: такимъ образомъ она рано пріобрѣла то чувство отвѣтственности, соединенной съ навыками къ самостоятельности, которое почти всегда придаетъ нѣкоторое благородство характеру, хотя почти также часто, если дѣло идетъ о женщинѣ, оно лишаетъ ее нѣжной кротости составляющей украшеніе ея пола.

Но этого не случилось съ Сесиліей Траверсъ; она была настолько женственна что даже привычка повелѣвать не сдѣлала ее подобною мущинѣ. Во глубинѣ ея натуры былъ такой

инстинктъ сладкаго что надъ чѣмъ бы ни трудился и куда бы ни залеталъ ея умъ онъ вездѣ собиралъ медъ.

Она имѣла одно преимущество предъ многими дѣвушками одинаковаго съ нею общественнаго положенія: она не была пріучена употреблять тѣ задатки культуры какіе Провидѣніе дало ей на безполезные пустяки что̀ называются женскими талантами. Она не рисовала акварелью, не посвятила годы жизни на то чтобы наводить на вѣжливыхъ слушателей тоску италіянскими бравурами, которые всѣ могутъ слышать въ лучшемъ исполненіи отъ третьестепенныхъ пѣвицъ столичныхъ театровъ. Я боюсь что у нея не было другихъ женскихъ талантовъ кромѣ тѣхъ коими швеи и вышивальщицы зарабатываютъ себѣ насущный хлѣбъ. Этого рода работы она любила и была въ нихъ искусна.

Но не подвергаясь безплоднымъ мученіямъ учителей, Сесилія Траверсъ была обязана своему отцу примѣрнымъ выборомъ наставницы. Онъ имѣлъ предубѣжденіе противъ гувернантокъ по профессіи; и случилось такъ что въ его собственномъ кругу общества нашлась нѣкоторая мистрисъ Кампіонъ, женщина съ литературнымъ образованіемъ, мужъ коей занималъ высокую общественную должность, и живя въ свое удовольствіе проживалъ очень хорошій доходъ; такъ что когда онъ умеръ, то ко всеобщему удивленію вдова его осталась безъ копѣйки.

По счастію у нея не было дѣтей. Вдовѣ была назначена скромная пенсія, и такъ какъ она умѣла сдѣлать домъ своего мужа однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Лондонѣ, то у нея осталось много друзей которые приглашали ее въ свои помѣстья, въ числѣ другихъ и мистеръ Траверсъ. Она пріѣхала къ нему намѣреваясь прогостить двѣ недѣли. Но подъ конецъ этого времени такъ привязалась къ Сесиліи и Сесилія къ ней, и присутствіе ея было такъ пріятно и полезно для хозяевъ, что сквайръ просилъ ее остаться и заняться воспитаніемъ его дочери. Мистрисъ Кампіонъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній согласилась. Такимъ образомъ Сесилія съ восьми лѣтъ до настоящаго девятнадцатилѣтняго возраста имѣла неоцѣнимое преимущество жить въ постоянномъ сообществѣ съ женщиной высоко образованнаго ума, привыкшею слышать превосходныя критическія замѣчанія на превосходныя книги, и соединявшею со значительнымъ литературнымъ образованіемъ утонченность обращенія и осторожность

сужденій, которая пріобрѣтается привычкою обращаться въ умственно-развитомъ, изящномъ, полномъ свѣтской мудрости общественномъ кругу. Вслѣдствіе этого Сесилія, не будучи ни мало синимъ чулкомъ или педанткой, сдѣлалась одною изъ тѣхъ рѣдкихъ дѣвушекъ съ коими хорошо образованный мущина можетъ говорить какъ съ равными, пріобрѣтая отъ нихъ столько же сколько можетъ сообщить самъ; между тѣмъ какъ человѣкъ не книжный, но достаточно благовоспитанный чтобы цѣнить хорошее образованіе, съ удовольствіемъ могъ вести съ ней разговоръ на родномъ языкѣ не опасаясь услышать что епископъ „хлыщъ" или что играть въ крикетъ „ужасно весело".

Словомъ, Сесилія была одною изъ тѣхъ женщинъ которыхъ небо создаетъ чтобы быть подругою и помощницей мущины; еслибы ей выпало на долю высокое положеніе и богатство, она придала бы имъ новый блескъ и пользуясь этими благами не забывала бы о тѣхъ обязанностяхъ которыя они налагаютъ; если же избранный ею мужъ былъ бы бѣденъ и обремененъ заботами, она ободряла бы его, поддерживала и утѣшала бы, неся свою долю бремени и умѣряя горечь жизни все-вознаграждающею сладостью своей улыбки.

Но до сихъ поръ она еще вовсе не думала о любви и о возлюбленныхъ. Она даже не составила себѣ одного изъ тѣхъ идеаловъ которые носятся предъ глазами большей части отроковицъ. Но она внутренно была убѣждена въ двухъ вещахъ: вопервыхъ, что она никогда не выйдетъ замужъ не любя, и вовторыхъ, что если кого полюбитъ, то на всю жизнь.

Я закончу этотъ очеркъ портретомъ самой дѣвушки. Она только-что вошла въ комнату послѣ осмотра приготовленій къ вечернему празднику который отецъ ея давалъ своимъ арендаторамъ и деревенскимъ сосѣдямъ.

Она сняла свою соломенную шляпу, поставила большую корзину наполненную цвѣтами и остановилась предъ зеркаломъ, поправляя сбившіяся пряди волосъ, темнаго, мягкаго каштановаго цвѣта, шелковистыхъ и блестящихъ, которые никогда не знали, никогда во всю ея жизнь не должны были узнать, никакихъ косметиковъ; нѣжный темный оттѣнокъ ихъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ какой по преданію приписывается кудрямъ Іуды.

Лицо ея, обыкновенно нѣжнаго цвѣта, наклоннаго къ блѣдности, теперь разгорѣлось отъ движенія и солнца. Черты

лица ея мелки и женственны, глаза темные съ длинными рѣсницами, ротъ рѣдкой красоты съ ямочками по обѣ стороны, теперь полу-открытый легкою улыбкой при какомъ-то пріятномъ воспоминаніи и обнаружившій рядъ мелкихъ зубовъ блестящихъ какъ жемчугъ. Но особую прелесть ея лицу придавало выраженіе свѣтлаго счастія, того счастія которое кажется никогда не было прерываемо огорченіемъ, никогда не было возмущаемо грѣхомъ, того святаго счастія что̀ принадлежитъ невинности и отражаетъ сердце и совѣсть одинаково спокойныя.

ГЛАВА II.

Былъ прекрасный лѣтній вечеръ для сельскаго праздника сквайра. У мистера Траверса гостило нѣсколько съѣхавшихся посѣтителей; по случаю предстоящаго празднества обѣдали рано, и теперь, не задолго до шести часовъ, и хозяинъ и гости собрались на лужайкѣ. Домъ былъ неправильной архитектуры, перестраивавшійся и дополнявшійся въ разныя времена отъ царствованія Елизаветы до царствованія Викторіи. На одномъ концѣ, древнѣйшей части, была высокая крыша и окна съ переплетами; на другомъ флигель съ плоскою крышей новѣйшей постройки, съ новыми подъемными окнами выходившими на лугъ; средняя часть скрывалась отъ глазъ позади веранды покрытой вьющимися растеніями въ полномъ цвѣту. Лужайка представляла обширную плоскую возвышенность обращенную къ западу и ограниченную позади зеленымъ красивымъ холмомъ, увѣнчаннымъ развалинами древняго монастыря. Съ одной стороны былъ цвѣточный садъ; въ противоположномъ углу были раскинуты двѣ обширныя палатки, одна для танцевъ, другая для ужина. Къ югу видъ оставался открытымъ и представлялъ старый англійскій паркъ, не имѣвшій величественнаго характера, не пересѣченный старинными аллеями и не заросшій безполезными кустами папоротника, которые служатъ убѣжищемъ дичи, но паркъ заботливаго земледѣльца, соединяющій пріятное съ полезнымъ; луговины хорошо дренированныя и орошаемыя способны были откармливать бычковъ въ невѣроятно короткое время, но видъ ихъ былъ нѣсколько испорченъ рѣшетчатыми перегородками. Мистеръ Траверсъ былъ извѣстенъ какъ искусный сельскій

хозяинъ отлично управлявшiй своимъ имѣнiемъ. Онъ получилъ его еще бывъ ребенкомъ и такимъ образомъ могъ въ послѣдствiи воспользоваться сбереженiями сдѣланными во время его малолѣтства. Восьмнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ гвардiю, и такъ какъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженiи больше денегъ нежели многiе изъ его товарищей, хотя тѣ имѣли высшее общественное положенiе и были сыновья болѣе богатыхъ людей, то за нимъ много ухаживали и его много обирали. Въ двадцать пять лѣтъ онъ былъ однимъ изъ законодателей моды, и славился дерзкою храбростiю съ какою бросался во всякую опасность дававшую возможность отличиться. На скачкахъ съ препятствiями, отъ его подвиговъ волосы подымались дыбомъ у самыхъ спокойныхъ людей; какъ наѣздникъ онъ не зналъ себѣ соперника и дѣлалъ скачки какихъ не позволяли себѣ самые опытные охотники. Онъ извѣстенъ былъ въ Парижѣ также какъ и въ Лондонѣ; имъ восхищались дамы коихъ улыбки стоили ему дуэлей; знаки ихъ еще и теперь были видны. Въ двадцать семь лѣтъ всѣ его сбереженья истощились; имѣнiе, приносившее когда онъ достигъ совершеннолѣтiя три тысячи въ годъ, было заложено и перезаложено.

Друзья его начали покачивать головами называя его „бѣднымъ малымъ“. Несмотря на всѣ свои заблужденiя Леопольдъ Траверсъ былъ совершено чистъ отъ двухъ пороковъ отъ которыхъ человѣкъ рѣдко можетъ уберечься. Онъ никогда не пилъ и никогда не игралъ въ азартныя игры. Нервы его не были разбиты; умъ его не былъ омраченъ. Онъ сохранилъ всю крѣпость души и тѣла. Въ критическiй перiодъ жизни онъ женился по любви и выборъ его былъ вполнѣ удачный. Жена его, не имѣла состоянiя и хотя была красива и высокаго рода, но не имѣла наклонности къ мотовству и не желала другаго общества кромѣ общества человѣка котораго любила. Такъ что когда ея мужъ сказалъ: „поселимся въ деревнѣ, постараемся жить на нѣсколько сотень, откладывая остальное чтобы спасти старое мѣсто отъ продажи“, она съ радостью согласилась. И дивились всѣ какъ этотъ дикiй Леопольдъ Траверсъ остепенился, принялся работать въ поляхъ съ своими рабочими отъ восхода до заката солнца какъ простой фермеръ-арендаторъ, платилъ проценты по закладной и улучшалъ свое состоянiе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ той школы бережливости, въ теченiе коихъ привычки его формировались и характеръ окрѣпъ, Леопольдъ Траверсъ

вдругъ снова разбогатѣлъ чрезъ жену на которой женился безъ всякаго приданаго кромѣ ея любви и прекрасныхъ качествъ. Единственный братъ ея, лордъ Игльтонъ, шотландскій перъ, женился на молодой особѣ которую всѣ считали драгоцѣннымъ выигрышемъ въ лотереѣ замужства. Бракъ этотъ былъ расторгнутъ при самыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ. Можно было ожидать что молодой лордъ, красивый и пріятный, скоро найдетъ утѣшеніе въ другомъ союзѣ; но онъ не сдѣлалъ этого и умеръ одинокимъ, оставивъ своей сестрѣ все что̀ могъ спасти отъ передачи отдаленному родственнику къ которому перешли помѣстья и титулъ. Это была довольно большая сумма, коей не только достаточно было чтобы выкупить Низдель-Паркъ изъ залога, но еще оказался остатокъ который далъ возможность владѣльцу, знакомому на практикѣ съ деревенскою жизнью, сдѣлать многія улучшенія въ имѣніи. Онъ замѣнилъ старыя развалившіяся фермерскія постройки новыми зданіями сооруженными по всѣмъ правиламъ; отобралъ аренды у нерадивыхъ или неумѣлыхъ содержателей, соединивъ мелкіе клочки земли въ большія фермы подходившія къ новымъ постройкамъ; прикупилъ тамъ и сямъ небольшіе клочки земли удобные для прилежащихъ фермъ и округлилъ свои владѣнія; вырубилъ безполезные лѣса которые уменьшали цѣнность пахатныхъ земель заграждая къ нимъ доступъ свѣта и воздуха и давая убѣжище легіонамъ кроликовъ; затѣмъ, пріискивая предпріимчивыхъ и достаточныхъ фермеровъ болѣе нежели удвоилъ годовой доходъ съ имѣнія и можетъ-быть болѣе чѣмъ утроилъ его цѣнность. Пріобрѣтя состояніе онъ выступилъ изъ той негостепріимной и нелюдимой тьмы къ какой вынуждала его бѣдность, принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ графства, показалъ себя отличнымъ ораторомъ на публичныхъ митингахъ, щедро подписывался на охоту, и иногда самъ принималъ участіе въ ней, будучи теперь менѣе дерзкимъ и болѣе благоразумнымъ наѣздникомъ чѣмъ въ былое время. Короче, какъ Ѳемистоклъ похвалялся что могъ сдѣлать изъ малаго государства большое, такъ Леопольдъ Траверсъ могъ столь же справедливо хвалиться что съ своею энергіей, благоразуміемъ и твердостью характера онъ сдѣлалъ изъ владѣльца помѣстья которое доставшись ему имѣло третьестепенное значеніе въ графствѣ столь значительное лицо что ни одинъ рыцарь противъ котораго онъ высказывался не могъ разчитывать на избраніе, и еслибъ

онъ рѣшился выступить самъ, то несомнѣнно былъ бы выбранъ безъ всякихъ расходовъ.

Но когда ему предлагали выступить кандидатомъ, онъ говорилъ: „Если человѣкъ посвящаетъ себя заботамъ и улучшенію своей земли, у него уже не можетъ быть ни времени ни охоты къ чему-нибудь другому. Помѣстье есть или доходная статья или королевство, это зависитъ отъ того какъ смотритъ на него владѣлецъ. Я смотрю на него какъ на королевство, и не могу быть *roi fainéant*, съ управляющимъ въ качествѣ *maire du palais*. Королю не подобаетъ вступать въ Палату Общинъ."

Черезъ три года послѣ этого возвышенія въ общественномъ положеніи, мистрисъ Траверсъ заболѣла воспаленіемъ легкихъ, которое перешло въ плевритисъ, и умерла проболѣвъ менѣе недѣли. Хотя еще молодой и красивый, мужъ ея не допускалъ мысли о другой женѣ, о любви къ другой женщинѣ. Онъ былъ слишкомъ мужественъ чтобы выказывать свое горе. На нѣсколько недѣль, правда, онъ заперся въ своей комнатѣ и не хотѣлъ никого видѣть, даже свою дочь. Но однажды утромъ онъ появился снова на поляхъ и съ того дня возвратился къ своимъ прежнимъ привычкамъ и постепенно возобновилъ дружескій обмѣнъ гостепріимства отличавшій его со времени улучшенія его состоянія. Но всѣ чувствовали что онъ измѣнился; онъ сдѣлался молчаливѣе и серіознѣе: будучи всегда справедливъ въ своихъ поступкахъ, онъ теперь склонялся болѣе въ строгую сторону правосудія, тогда какъ при женѣ выказывалъ болѣе снисходительности. Для человѣка съ сильною волей постоянное общеніе съ кроткою женщиной существенно для тѣхъ случаевъ когда воля всего лучше доказываетъ свое благородство легкостью съ какою можно преклонить ее.

Можно пожалуй сказать что Леопольдъ Траверсъ могъ найти такую женщину въ своей дочери. Но она была еще ребенкомъ когда умерла его жена и сдѣлалась женщиною слишкомъ нечувствительно для него, такъ что онъ не могъ замѣтить перемѣну. Кромѣ того, для человѣка нашедшаго въ своей женѣ все, дочь никогда не можетъ вполнѣ замѣнить ее. Самое уваженіе дѣтей къ родителямъ исключаетъ неограниченную довѣренность; наконецъ, въ отношеніи къ дочери нѣтъ того чувства вѣчнаго товарищества какое мужа связываетъ

съ женою: каждый день можетъ явиться пришлецъ и увести ее отъ него. Какъ бы то ни было, Леопольдъ не находилъ въ Сесиліи того смягчающаго вліянія какое оказывала на него ея мать. Онъ любилъ ее, гордился ею, былъ снисходителенъ къ ней, но снисходительность имѣла свои предѣлы. Чего бы она ни попросила для себя самой, онъ соглашался; чего бы она ни пожелала въ дѣлахъ подлежащихъ женскому контролю, касавшихся домашняго хозяйства, приходской школы, посѣщенія бѣдныхъ, во всемъ она имѣла его согласіе. Но когда какой-нибудь провинившійся рабочій или неисправный арендаторъ искалъ ея заступничества, мистеръ Траверсъ полагалъ конецъ ея вмѣшательствамъ рѣшительнымъ *нѣтъ*, сказаннымъ впрочемъ мягкимъ тономъ и въ сопровожденіи афоризма что „не было бы на свѣтѣ вещей именуемыхъ строгимъ правосудіемъ, дисциплиной и порядкомъ еслибы мущины уступали женскимъ просьбамъ касающимся дѣловыхъ отношеній мущинъ между собою“. Изъ этого можно видѣть что мистеръ Лесбриджъ преувеличивалъ значеніе участія Сесиліи въ переговорахъ касавшихся передачи аренды и лавки мистрисъ Ботри.

ГЛАВА III.

Еслибы прочтя приведенную біографію и характеристику Леопольда Траверса, вы, дражайшій читатель, были лично представлены этому джентльмену когда онъ стоялъ центральною фигурой группы собравшейся вокругъ него на террасѣ, вы вѣроятно были бы удивлены, я не сомнѣваюсь даже что вы сказали бы внутренно: „вовсе не такой человѣкъ какъ я ожидалъ“. Въ этой стройной фигурѣ, немного пониже средняго роста; въ этомъ открытомъ лицѣ которое еще въ сорокъ восемь лѣтъ сохранило нѣжность очертаній и цвѣта почти женственной красоты, и спокойною мягкостью выраженія напоминало почти женскую кротость, трудно было бы узнать человѣка который въ молодости былъ знаменитъ беззавѣтною отвагой, въ зрѣлые годы имѣлъ болѣе почетную извѣстность по своей твердости и благоразумію, и который, какъ въ своихъ ошибкахъ такъ и въ достоинствахъ, равно выказывалъ мужественное увлеченіе на какое только можетъ быть способно двуногое носящее шаровары.

Мистеръ Траверсъ слушаетъ молодаго человѣка, лѣтъ двадцати двухъ, старшаго сына богатѣйшаго дворянина въ графствѣ, который желаетъ выступить представителемъ графства на приближающихся общихъ выборахъ. Досточтимый Георгъ Бельвойръ высокаго роста, наклоненъ къ полнотѣ и будетъ имѣть представительный видъ на выборахъ. Къ воспитанію молодаго человѣка было приложено то стараніе какое обыкновенно прилагается англійскими перами къ воспитанію сыновей долженствующихъ наслѣдовать благородное имя и нести отвѣтственность высокаго положенія. Если старшіе сыновья не такъ часто играютъ значительную роль въ свѣтѣ какъ ихъ младшіе братья, то это не оттого что умъ ихъ бываетъ менѣе развитъ, но потому что они имѣютъ менѣе побужденій къ дѣятельности. Георгъ Бельвойръ много читалъ, особливо такого рода книгъ какія могли быть полезны будущему сенатору, по исторіи, статистикѣ, политической экономіи, насколько эта сухая наука касается земледѣльческихъ интересовъ. Онъ имѣлъ также хорошія правила, сильно развитое чувство дисциплины и долга, былъ приготовленъ въ политикѣ крѣпко отстаивать какъ истинное все что̀ могло быть предложено его собственною партіей, и отрицать какъ ложное что̀ бы ни было предложено другими. Въ настоящее время онъ нѣсколько громко и шумно отстаивалъ свои мнѣнія, таковы бываютъ обыкновенно молодые люди только-что съ университетской скамьи. Тайнымъ желаніемъ мистера Траверса было чтобы Георгъ Бельвойръ сдѣлался его зятемъ, не столько по его положенію и богатству (хотя и этими преимуществами не могъ пренебрегать практическій человѣкъ подобный Леопольду Траверсу), сколько по его личнымъ качествамъ которыя способны были сдѣлать его превосходнымъ мужемъ.

На рѣшетчатыхъ скамьяхъ около самой веранды, подъ тѣнью ея ароматныхъ фестоновъ, сидѣла мистрисъ Кампіонъ съ тремя дамами, женами сосѣднихъ сквайровъ. Сесилія стояла немного въ сторонѣ отъ нихъ нагнувшись къ длинному террьеру, котораго она учила стоять на заднихъ лапкахъ.

Но смотрите, вотъ начали собираться приглашенные! Какъ внезапно зеленое пространство, десять минутъ назадъ столь пустынное, оживилось и наполнилось народомъ!

Въ самомъ дѣлѣ, паркъ представлялъ теперь очень оживленное зрѣлище: колымаги, телѣги и одноколки фермеровъ

тянулись вереницей по большой дорогѣ; пѣшеходы стекались къ дому по всѣмъ направленіямъ. Табуны и стада останавливались за своими загородками таращa глаза на необычныхъ посѣтителей вторгавшихся въ ихъ пастбища. Духъ порядка свойственный хозяину внушалъ уваженіе къ порядку и его сельскимъ гостямъ; ни одинъ шаловливый мальчикъ не перепрыгивалъ черезъ загородки и не пролѣзалъ между жердями, но всѣ чинно проходили между вертящимися крестами отдѣлявшими одинъ участокъ луга отъ другаго.

Мистеръ Траверсъ обратился къ Георгу Бельвойру:

— Я вижу желтую одноколку стараго фермера Стина. Подумайте какъ вы будете говорить съ нимъ, Георгъ. У него множество странностей и причудъ, и если погладить его противъ шерсти, онъ дѣлается мстителенъ какъ попугай. Но онъ долженъ поддерживать васъ на выборахъ. Никто изъ другихъ арендаторовъ не имѣетъ такого вліянія между своими какъ онъ.

— Я полагаю, сказалъ Георгъ, — что если мистеръ Стинъ лучше всѣхъ можетъ поддержать меня на выборахъ, значитъ онъ хорошій ораторъ?

— Хорошій ораторъ? Въ одномъ отношеніи, да. Онъ никогда не скажетъ лишняго слова. Въ послѣдній разъ онъ поддерживалъ выборы вашего предшественника, и вотъ какова была его рѣчь: „Братья избиратели, въ теченіи двадцати лѣтъ я былъ судьею на выставкахъ скота въ нашемъ графствѣ. Я умѣю различать одно животное отъ другаго. Посмотрѣвъ на образцы выставленные предъ вами сегодня я нахожу что всѣ они не такъ хороши въ своемъ родѣ какъ тѣ что̀ я видалъ тамъ. Но если выберете Джона Гогга, вы поймаете не плохую свинью за ухо.“

— По крайней мѣрѣ, сказалъ Георгъ расхохотавшись этому образчику безыскусственнаго краснорѣчія,—мистеръ Стинъ не грѣшитъ лестью въ своихъ рекомендаціяхъ кандидатовъ. Но что̀ дѣлаетъ его такимъ авторитетомъ между фермерами? Онъ первостатейный хозяинъ?

— По достатку, да; по уму, нѣтъ. Онъ говоритъ что всѣ опыты сопряженные съ расходами должны быть предоставлены фермерамъ джентльменамъ. Онъ сдѣлался авторитетомъ между арендаторами, вопервыхъ, потому что онъ строго судитъ объ ихъ помѣщикахъ; вовторыхъ, потому что онъ держится совершенно независимо относительно своего; втретьихъ,

потому что его считаютъ свѣдущимъ въ вопросахъ касающихся земельныхъ интересовъ, и его не разъ приглашали подавать мнѣніе о подобныхъ предметахъ въ комитетахъ обѣихъ палатъ парламента. Вотъ онъ идетъ. Помните, когда я оставлю васъ поговорить съ нимъ, вопервыхъ, что вы сознаетесь въ совершенномъ невѣдѣніи практическаго хозяйства; вовторыхъ, что вы желаете знать его мнѣніе о собираніи статистическихъ свѣдѣній по земледѣлію, причемъ намекните что вы съ своей стороны считаете такое любопытное вмѣшательство въ чужія дѣла несогласнымъ съ британскою конституціей. И что̀ бы онъ ни говорилъ о недостаткахъ помѣщиковъ вообще и вашего отца въ частности, не возражайте ничего, только слушайте съ видомъ меланхолическаго убѣжденія.... Какъ поживаете, мистеръ Стинъ, здорова ли ваша жена? Почему вы не взяли ее съ собою?

— Жена моя опять родитъ, сквайръ. Кто этотъ молодой человѣкъ?

— А! Позвольте представить вамъ мистера Бельвойра.

Мистеръ Бельвойръ протянулъ руку.

— Нѣтъ, сэръ! воскликнулъ Стинъ, пряча обѣ руки назадъ.— Не обижайтесь, молодой джентльменъ, но я не даю съ перваго взгляда руки человѣку который хочетъ вытрести изъ нея подачу голоса въ свою пользу. Не то чтобъ я зналъ что-нибудь дурное про васъ. Но если вы другъ фермеровъ, то кролики нѣтъ, а милордъ вашъ отецъ большой любитель кроликовъ.

— Вы совершенно ошибаетесь! воскликнулъ Георгъ съ горячностію.

Мистеръ Траверсъ сдѣлалъ ему знакъ, какъ бы говоря: „замолчите“. Георгъ понялъ и покорно послѣдовалъ за мистеромъ Стиномъ въ уединеніе плантацій.

Гости сбирались большими толпами. Они состояли не только изъ арендаторовъ мистера Траверса, но и изъ окрестныхъ фермеровъ и ихъ семействъ на разстояніи восьми или десяти миль отъ Парка и немногихъ дворянъ и духовныхъ лицъ.

Это не былъ ужинъ для рабочаго люда; ибо мистеръ Траверсъ терпѣть не могъ обычая кормить крестьянъ на показъ, какъ будто они прирученныя животныя низшей породы. Когда онъ угощалъ рабочихъ, онъ заботился чтобъ имъ было удобно по-своему; и крестьяне чувствовали себя свободно когда на нихъ не были устремлены любопытные взгляды.

— Ну, что, Лесбриджъ, сказалъ мистеръ Траверсъ,—гдѣ молодой гладіаторъ котораго вы хотѣли привести?

— Я привелъ его и онъ былъ около меня сію минуту, но потомъ внезапно исчезъ — *abiit*, *evasit*, *erupit*. Я смотрѣлъ кругомъ не увижу ли его, когда вы подошли ко мнѣ.

— Надѣюсь что онъ не встрѣтилъ въ числѣ моихъ гостей кого-нибудь съ кѣмъ бы желалъ подраться.

— Полагаю что нѣтъ, отвѣчалъ священникъ съ сомнѣніемъ.— Онъ странный малый. Но я думаю что онъ вамъ понравится, разумѣется если мы его найдемъ. А, мистеръ Сондерсонъ, какъ поживаете? Не видали ли вы вашего гостя?

— Нѣтъ, сэръ, я только-что пришелъ. Моя жена, сквайръ, и три дочери; а это мой сынъ.

— Добро пожаловать, сказалъ любезно сквайръ. Обращаясь къ Сондерсону младшему: — вы вѣрно любите танцовать. Пригласите даму. Мы можемъ сейчасъ открыть балъ.

— Благодарю васъ, сэръ, я никогда не танцую, сказалъ Сондерсонъ младшій, съ видомъ глубокаго пренебреженія къ забавѣ отвергнутой успѣхами разумѣнія.

— Въ такомъ случаѣ вы меньше будете жалѣть когда состарѣетесь. Но я слышу музыку; надо отправляться въ палатку. Георгъ (мистеръ Бельвойръ только-что подошелъ, избавившись отъ мистера Стина), не дадите ли руку Сесиліи, вы вѣроятно пригласили ее на первую кадриль?

— Надѣюсь, сказалъ Георгъ Сесиліи когда они шли къ палаткѣ,—что не всѣ избиратели въ которыхъ мнѣ придется искать похожи на мистера Стина. Я не берусь рѣшить учили ли его почитать своего отца и мать, но онъ кажется хотѣлъ научить меня не почитать моихъ. Набросивъ тѣнь на нравственныя качества моего отца лживымъ извѣтомъ что онъ любитъ кроликовъ больше людей, онъ напалъ на мою мать по поводу религіи и освѣдомился когда она переходитъ въ римскую церковь, основывая этотъ вопросъ на увѣреніи что она перестала дѣлать закупки въ колоніальной лавкѣ принадлежащей протестанту и стала покупать у паписта.

— Это хорошій знакъ, мистеръ Бельвойръ. Расположенію со стороны мистера Стина всегда предшествуетъ множество грубостей. Разъ я попросила его одолжить мнѣ пони, такъ какъ мой неожиданно захромалъ. Онъ воспользовался этимъ случаемъ чтобы наговорить мнѣ что мой отецъ хвастунъ, потому

что выдаетъ себя за знатока животныхъ; что онъ тиранъ притѣсняющій своихъ арендаторовъ благодаря своей разорительной привычкѣ принимать гостей, и увѣрялъ что будетъ величайшею милостью Провидѣнія если мы не доживемъ до того что будемъ обращаться къ нему не только за пони, но за приходскимъ подаяніемъ. Однакожь онъ прислалъ мнѣ пони. Я увѣрена что онъ подастъ за васъ голосъ.

— А пока, сказалъ Георгъ при началѣ кадрили, стараясь быть любезнымъ,—меня будетъ подкрѣплять мысль что мнѣ желаетъ успѣха миссъ Траверсъ. Еслибы женщины участвовали въ выборахъ, какъ совѣтуетъ мистеръ Милль, тогда....

— Тогда бы я подавала голосъ за того же за кого отецъ, сказала миссъ Траверсъ просто. — Еслибы женщины имѣли право голоса, то я полагаю что не было бы мира въ семействахъ гдѣ онѣ вотировали бы не такъ какъ мущина стоящій во главѣ семьи.

— Но я думаю, сказалъ парламентскій кандидатъ серіозно,—что защитники женскаго голосованія желаютъ предоставить право голоса только женщинамъ независимымъ отъ контроля мущинъ—вдовамъ и старымъ дѣвамъ, которыя подавали бы голосъ за свои независимыя владѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Сесилія,—я думаю что онѣ подчинялись бы мнѣнію кого-нибудь изъ мущинъ кому онѣ довѣряютъ, или же дѣлали бы очень неразумный выборъ.

— Вы унижаете здравый смыслъ вашего пола.

— Не думаю. Развѣ вы унижаете здравый смыслъ вашего когда относительно большей половины дѣлъ касающихся вседневной жизни, самые разумные мущины говорятъ: „лучше предоставить это женщинамъ“? Но вы забыли фигуру — *cavalier seul*.

— Кстати, сказалъ Георгъ въ слѣдующій перерывъ танца,— знаете вы мистера Чиллингли, сына сэръ-Питера изъ Эксмондгама въ Вестширѣ?

— Нѣтъ; почему вы спрашиваете?

— Да мнѣ показалось что предо мной промелькнуло его лицо когда мистеръ Стинъ увелъ меня въ поле. Судя по вашимъ словамъ мнѣ приходится думать что я ошибся.

— Чиллингли! Я припоминаю что вчера за обѣдомъ говорили о молодомъ джентльменѣ съ этой фамиліей который, какъ полагаютъ, выступитъ за Вестширъ на слѣдующихъ

выборахъ, но онъ произнесъ экцентрическую рѣчь по случаю своего совершеннолѣтія которая очень не понравилась.

— Тотъ самый; я былъ вмѣстѣ съ нимъ въ коллегіи; очень странный характеръ. Его считали способнымъ, онъ получилъ одну или двѣ награды и хорошую степень, и всѣ были увѣрены что онъ могъ бы получить гораздо высшую еслибы въ нѣкоторыхъ изъ его письменныхъ отвѣтовъ не заключалось скрытыхъ насмѣшекъ надъ предметомъ или надъ экзаменаторами. Быть юмористомъ въ дѣйствительной жизни, особливо въ публичной жизни, опасная вещь. Говорятъ что мистеръ Питтъ имѣлъ отъ природы много странностей и юмора, но онъ благоразумно сдерживалъ въ себѣ эти качества въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ. Это похоже на Чиллингли, обратить въ шутку такое важное событіе какъ празднество совершеннолѣтія, случай который никогда не повторится въ жизни.

— Это было дурно, сказала Сесилія, — если было сдѣлано съ намѣреніемъ. Но можетъ-статься его не такъ поняли или онъ растерялся.

— Не такъ поняли—можетъ-быть; но чтобъ онъ растерялся это невозможно. Онъ самый хладнокровный человѣкъ какого я знаю. Я не могу сказать чтобы мы видѣлись часто. Говорили что онъ читалъ много. Но я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что моя комната была какъ разъ надъ его, и я знаю что онъ рѣдко бывалъ дома. Онъ много бродилъ пѣшкомъ по окрестностямъ. Возвращаясь верхомъ съ охоты я встрѣчалъ его миль за двѣнадцать отъ города. Онъ любилъ воду и былъ отличнымъ гребцомъ, но не принималъ участія въ нашихъ университетскихъ гонкахъ; если же случалось состязаніе между студентами еще не имѣющими степени и лодочниками, онъ непремѣнно участвовалъ въ немъ. Да, онъ величайшій чудакъ, полный противорѣчій, такъ какъ въ обыкновенномъ разговорѣ трудно встрѣтить болѣе тихаго и кроткаго человѣка; что же касается насмѣшекъ въ его письменныхъ отвѣтахъ на экзаменѣ, то взглянувъ на его лицо всякій безпристрастный судъ присяжныхъ призналъ бы его невиновнымъ.

— Портретъ который вы нарисовали очень интересенъ, сказала Сесилія.—Я желала бы чтобъ онъ былъ знакомъ съ нами; его бы стоило видѣть.

— И разъ увидавъ его не легко забыть — смуглое, краси-

вое лицо, съ большими, задумчивыми глазами; худощавая стройная фигура которая помогаетъ человѣку скрывать свою силу, какъ ловкій билліардный игрокъ маскируетъ свою игру.

Пока они разговаривали танецъ кончился, и они продолжали бесѣду прогуливаясь медленно взадъ и впередъ среди общей толпы.

— Какъ хорошо вашъ отецъ исполняетъ роль хозяина среди своихъ сельскихъ гостей! сказалъ Георгъ съ тайною завистью.—Посмотрите какъ онъ ободряетъ этого застѣнчиваго молодаго фермера, какъ любезно устраиваетъ эту старую даму на скамьѣ и подвигаетъ ей подъ ноги табуретку. Съ какимъ бы успѣхомъ онъ находилъ избирателей! И какъ онъ еще молодъ на видъ, и какъ удивительно красивъ!

Этотъ послѣдній комплиментъ сказанъ былъ когда Траверсъ, успокоивъ старую даму, подошелъ къ тремъ миссъ Сондерсонъ, распредѣляя свои любезныя улыбки равномѣрно между ними, и повидимому не примѣчая восхищенныхъ взоровъ устремленныхъ на него многими другими деревенскими красавицами мимо которыхъ онъ проходилъ. Въ немъ было какое-то невыразимое изящество, врожденная привлекательность, чуждая той жеманной искусственной искренности или снисходительной вѣжливости какою слишкомъ часто отличаются благонамѣренныя старанія провинціальныхъ магнатовъ поддѣлываться къ людямъ низшаго положенія и образованія. Большое преимущество для человѣка провести раннюю молодость среди самой равной и самой утонченной изъ всѣхъ демократій,—лучшаго общества большихъ городовъ. Къ этому преимуществу у Леопольда Траверса присоединялась и врожденная привлекательность.

Позже вечеромъ Траверсъ, встрѣтивъ опять мистера Лесбриджа, сказалъ:

— Я много говорилъ съ Сондерсонами о молодомъ человѣкѣ который оказалъ намъ неоцѣненную услугу наказавъ вашего свирѣпаго прихожанина Тома Боульза; и все что я слышалъ до такой степени поддерживаетъ интересъ возбужденный во мнѣ вашимъ разказомъ что я въ самомъ дѣлѣ очень желаю познакомиться съ нимъ.

— Я боюсь что онъ ушелъ. Но въ такомъ случаѣ я надѣюсь что великодушное желаніе его помочь моему бѣдному корзинщику будетъ довершено вашимъ снисходительнымъ согласіемъ.

— Не настаивайте; мнѣ трудно отказывать вамъ. Но я имѣю свой взглядъ на управленіе имѣніемъ, и моя система не допускаетъ снисхожденій. Я бы желалъ объяснить это лично молодому пришельцу. Я такъ уважаю мужество что не желалъ бы чтобы храбрый человѣкъ оставляя это мѣсто унесъ съ собою впечатлѣніе что Леопольдъ Траверсъ безсердечный скряга. Однако не могъ же онъ уйти. Я пойду самъ искать его. Скажите пожалуста Сесиліи что она довольно уже танцовала съ джентри, и что я сказалъ сыну фермера Торби, красивому молодому человѣку и лучшему наѣзднику въ графствѣ, чтобъ онъ показалъ моей дочери что онъ танцуетъ такъ же хорошо какъ ѣздитъ верхомъ.

ГЛАВА IV.

Оставивъ мистера Лесбриджа, Траверсъ направился скорыми шагами къ самой отдаленной части луга. Проходя по полямъ онъ не нашелъ предмета своихъ поисковъ, и обойдя кругомъ возвращался чрезъ заброшенную каменистую лощину позади палатки, заросшую сорными травами. Здѣсь онъ внезапно остановился увидавъ сидящаго на сѣромъ камнѣ человѣка которому луна свѣтила прямо въ лицо и который устремилъ вверхъ задумчивый, грустный взглядъ, и былъ очевидно поглощенъ отвлеченными размышленіями.

Припоминая описанія пришельца слышанныя отъ мистера Лесбриджа и Сондерсоновъ, мистеръ Траверсъ былъ увѣренъ что наконецъ нашелъ его. Онъ тихо приблизился. За высокимъ бурьяномъ Кенелмъ (ибо это былъ онъ) не замѣтилъ его приближенія пока не почувствовалъ руку на своемъ плечѣ и обернувшись увидѣлъ пріятную улыбку и услышалъ пріятный голосъ.

— Полагаю что я не ошибся, сказалъ Леопольдъ Траверсъ,— считая васъ за джентльмена съ которымъ мистеръ Лесбриджъ обѣщалъ познакомить меня и который живетъ у моего арендатора мистера Сондерсона?

Кенелмъ всталъ и поклонился. Траверсъ замѣтилъ тотчасъ же по поклону что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ принадлежащимъ къ одному съ нимъ общественному слою, а не съ мелкимъ фермеромъ въ праздничномъ платьѣ.

— Потолкуемъ лучше сидя, сказалъ онъ; и сѣвъ на камень посадилъ Кенелма возлѣ себя.

— Прежде всего, началъ Траверсъ,—я долженъ поблагодарить васъ за то что вы оказали публичную услугу сломивъ грубую силу бывшую долго мученіемъ для сосѣдей. Мнѣ доводилось часто жалѣть въ молодые годы о недостаткѣ силы и роста въ тѣхъ случаяхъ когда было бы очень кстати прекратить распрю или наказать нахальство прибѣгнувъ къ первобытному оружію людей; но никогда я такъ не сожалѣлъ о моей физической слабости какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ когда бы отдалъ все чтобы только быть въ состояніи собственноручно поколотить Тома Боульза. Для моихъ владѣній было такимъ же несчастіемъ что это животное такъ долго свирѣпствовало въ нихъ какъ для короля Италіи который со всею своею арміей не можетъ справиться съ разбойникомъ въ Калабріи.

— Простите меня, мистеръ Траверсъ, но я принадлежу къ числу тѣхъ немногихъ людей которые не любятъ слышать дурнаго о своихъ друзьяхъ. Мистеръ Томасъ Боульзъ мой лучшій другъ.

— Э! воскликнулъ удивленный Траверсъ.—Другъ! Вы шутите?

— Вы бы не обвиняли меня въ томъ что я шучу еслибы лучше знали меня. Вы вѣроятно согласились бы что рѣдкаго друга можно такъ искренно любить и уважать какъ врага съ которымъ вы только-что примирились.

— Вы правы, и я принимаю ваше замѣчаніе, сказалъ Траверсъ все болѣе удивляясь.—Я разумѣется имѣю меньше права осуждать мистера Боульза чѣмъ вы, такъ какъ я не имѣлъ мужества сразить его. Но перейдемъ къ предмету болѣе мирному. Мистеръ Лесбриджъ говорилъ мнѣ о вашемъ добромъ намѣреніи помочь двумъ изъ его молодыхъ прихожанъ, Уыллу Сомерсу и Джесси Уайльзъ, и о вашемъ великодушномъ обѣщаніи заплатить мистрисъ Ботри деньги которыя она желаетъ получить за передачу своей аренды. Для этой сдѣлки необходимо мое согласіе, но этого согласія я дать не могу. Хотите ли знать почему?

— Прошу васъ скажите. Можетъ-быть ваши объясненія допускаютъ возраженія.

— Всякое объясненіе допускаетъ возраженіе, сказалъ мистеръ Траверсъ, забавляясь спокойною увѣренностью мо-

лодаго пришельца собирающагося спорить съ опытнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ касающемся управленія его же имѣнія.— Я впрочемъ хочу дать вамъ объясненія не для того чтобы спорить, но чтобъ оправдать мою кажущуюся нелюбезность относительно васъ. Мнѣ пришлось употребить много труда и преодолѣть много препятствій чтобы довести доходъ имѣнія до его дѣйствительной стоимости. При этомъ я вынужденъ былъ примѣнить однообразную систему какъ къ большимъ, такъ и къ самымъ мелкимъ изъ моихъ участковъ. Эта система состоитъ въ выборѣ самыхъ лучшихъ и надежныхъ арендаторовъ какихъ только я могу найти, и въ назначеніи цѣны вычисленной оцѣнщикомъ которому я довѣряю. Съ этою системой приложенною ко всѣмъ моимъ помѣстьямъ и навлекавшею на меня въ началѣ много нареканій, удалось мнѣ наконецъ примирить общественное мнѣніе моихъ сосѣдей. Сначала говорили что я жестокъ; теперь сознались что я справедливъ. Если же я хоть разъ дамъ ходъ фавору или чувству, вся моя система разстроится. Мнѣ ежедневно приходится выслушивать просьбы въ этомъ родѣ. Лордъ Двѣ Звѣздочки, тонкій политикъ, проситъ меня отдать свободную ферму арендатору который отлично дѣйствуетъ при выборахъ и всегда вотируетъ совершенно согласно съ партіей. Мистрисъ Четыре Звѣздочки, женщина благотворительная, упрашиваетъ меня не смѣщать другаго фермера потому что онъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и обремененъ многочисленнымъ семействомъ—основаніе можетъ-быть самое лучшее для того чтобъ я простилъ ему недоимку или назначилъ пенсію за его удаленіе, но самое худшее основаніе для того чтобъ я позволилъ ему продолжать раззорять и себя и мою землю. Мистрисъ Ботри арендуетъ маленькій участокъ за несоразмѣрно низкую цѣну 8 фунтовъ въ годъ. Она проситъ сорокъ пять фунтовъ за передачу его, но она не можетъ передать аренду безъ моего согласія; а я могу получить 12 фунтовъ въ годъ за этотъ участокъ и найти на эту цѣну много охотниковъ изъ числа опытныхъ арендаторовъ. Я лучше самъ заплачу ей сорокъ пять фунтовъ, которые новый фермеръ безъ сомнѣнія возвратитъ мнѣ, по крайней мѣрѣ отчасти; если же нѣтъ, то увеличеніе ренты составитъ хорошій процентъ на мою затрату. Вы случайно заинтересовались, проходя по деревнѣ, любовью неимущаго калѣки, котораго ремесло достаточно лишь для того чтобы

спасать его отъ приходской милостыни, и легкомысленной дѣвушки не имѣющей ни гроша денегъ, и просите меня принять этихъ ненадежныхъ арендаторовъ вмѣсто состоятельныхъ, съ платою на одну треть менѣе дѣйствительной стоимости аренды. Предположите что я соглашусь уступить вашей просьбѣ, что̀ тогда станетъ съ моей репутаціей практическаго, дѣловаго, справедливаго человѣка? Я нарушу систему по которой управляются всѣ мои помѣстья и подамъ поводъ ко всевозможнымъ просьбамъ со стороны друзей и сосѣдей, которымъ не въ состояніи буду больше отказывать, показавъ какъ легко было уговорить меня пришлому человѣку котораго я никогда больше не увижу. Наконецъ, увѣрены ли вы что еслибы вамъ удалось уговорить меня, вы точно сдѣлаете добро тѣмъ кому желаете помочь? Безъ сомнѣнія, очень пріятно думать что вы осчастливили молодую чету. Но если эта молодая чета раззорится содержа лавочку въ которую вы хотите помѣстить ихъ (и это очень вѣроятно: крестьяне рѣдко бываютъ хорошими торговцами), и очутится съ кучей дѣтей въ зависимости не отъ рукъ сильнаго рабочаго, но отъ десяти пальцевъ больнаго калѣки дѣлающаго хорошія корзины, но на которыя имѣется очень незначительный и лишь случайный спросъ въ сосѣдствѣ, не причините ли вы скорѣе несчастія людямъ которыхъ хотите осчастливить?

— Я отказываюсь отъ всякаго возраженія, сказалъ Кенелмъ съ уничиженнымъ и унылымъ видомъ который могъ бы смягчить гренландскаго медвѣдя или уголовнаго обвинителя.—Я болѣе и болѣе убѣждаюсь что изъ всѣхъ притворствъ въ мірѣ благожелательность есть величайшее притворство. Такъ легко кажется дѣлать добро, но такъ трудно дѣйствительно дѣлать его. Повсюду въ этой ненавистной цивилизованной жизни приходится стукаться головой о систему. Система, мистеръ Траверсъ, есть рабское человѣческое подраженіе тому что̀ мы въ своемъ невѣжествѣ называемъ *законами природы*, нѣчто механическое управляющее міромъ съ жестокостью общихъ принциповъ, при полнѣйшемъ невниманіи къ лицамъ. По законамъ природы твари истребляютъ другъ друга, и большая рыба поѣдаетъ мелкихъ систематически. Тѣмъ не менѣе это тяжело для мелкихъ рыбъ. Всякая нація, всякій городъ, всякая деревня, всякій родъ занятій имѣетъ систему по которой такъ или иначе прудъ

наполняется рыбами, и изъ нихъ множество мелкихъ служатъ для увеличенія размѣровъ одной большой рыбы. И напрасна благотворительность которая старается спасти одинокаго пискаря изъ челюстей щуки. Теперь я сдѣлалъ то что̀ считалъ простѣйшею вещью въ свѣтѣ попросивъ джентльмена, очевидно столь же хорошаго происхожденія какъ и я, дозволить старой женщинѣ передать свою аренду достойной молодой четѣ, и платя за это собственныя деньги. Оказывается что я возмущаюсь противъ системы, ниспровергаю всѣ законы на основаніи которыхъ увеличенъ доходъ и устроено имѣніе. Мистеръ Траверсъ, вамъ нечего жалѣть о томъ что вы не побили Тома Боульза; вы побили его побѣдителя. Я оставляю теперь всѣ мечты о дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ въ законы природы коими управляется эта деревня, и напрасно я посѣтилъ ее. Я желалъ взять Тома Боульза изъ этой мирной общины. Теперь я оставлю его, пусть онъ возвратится къ своимъ прежнимъ привычкамъ, женится на Джесси Уайльзъ, что̀ вѣроятно и случится, и...

— Погодите! воскликнулъ мистеръ Треверсъ.—Вы кажется сказали что можете уговорить Тома Боульза оставить деревню.

— Я уговорилъ уже его сдѣлать это чтобы Джесси Уайльзъ могла выйти замужъ за корзинщика. Но такъ какъ объ этомъ не можетъ быть рѣчи, то я долженъ сказать ему это, и онъ останется.

— Но если онъ уйдетъ, что̀ станется съ его дѣлами? Его мать не можетъ продолжать ихъ. У него независимый участокъ; единственный домъ въ деревнѣ который не принадлежитъ мнѣ; иначе я давно прогналъ бы его. Не продастъ ли онъ свою землю мнѣ?

— Нѣтъ, если онъ останется и женится на Джесси Уайльзъ. Но если онъ уйдетъ со мной въ Лоскомбъ и водворится въ этомъ городѣ сдѣлавшись партнеромъ своего дяди, въ такомъ случаѣ, я полагаю, онъ будетъ радъ продать свой домъ о которомъ онъ не можетъ имѣть пріятныхъ воспоминаній. Но объ этомъ нечего говорить. Вѣдь вы не можете нарушить вашу систему ради несчастнаго кузнеца.

— Это не будетъ нарушеніемъ моей системы если вмѣсто того чтобъ уступить чувству я буду имѣть выгоду; и правду говоря я былъ бы очень радъ купить эту кузницу и принадлежащія къ ней поля.

— Теперь это ваше дѣло, а не мое, мистеръ Траверсъ. Я больше не рѣшаюсь вмѣшиваться. Я завтра же ухожу отсюда. Попробуйте, не уговорите ли *вы* мистера Боульза. Честь имѣю кланяться.

— Нѣтъ, молодой человѣкъ, я не могу отпустить васъ такъ. Повидимому вы отказались присоединиться къ танцующимъ, не откажитесь по крайней мѣрѣ поужинать. Пойдемте.

— Нѣтъ, очень вамъ благодаренъ. Я приходилъ только по дѣлу, но оно уже рѣшено вашею системой.

— Я еще не увѣренъ что оно рѣшено.

И мистеръ Траверсъ взялъ Кенелма подъ руку и смотря ему пристально въ лицо сказалъ:

— Я знаю что говорю съ джентльменомъ по меньшей мѣрѣ равнымъ мнѣ по общественному положенію, но такъ какъ я пользуюсь печальнымъ преимуществомъ быть старше васъ, то не сочтите за излишнюю свободу если я попрошу васъ сказать ваше имя. Я бы желалъ представить васъ моей дочери, которая очень интересуется Джесси Уайльзъ и Уилломъ Сомерсомъ. Но я не рѣшаюсь воспламенить ея воображеніе представивъ васъ какъ переодѣтаго принца.

— Мистеръ Траверсъ, вы очень добры. Но я только-что потерпѣлъ неудачу въ жизни и боюсь оскорбить моего отца соединяя мое имя съ этою неудачей. Предположите еслибъ я былъ анонимнымъ сотрудникомъ напримѣръ газеты *Londoner* и дискредитировалъ бы этотъ почтенный органъ слабою попыткой къ добросовѣстной критикѣ или великодушному чувству, былъ ли бы это удобный случай чтобы снять маску и выставить себя на посмѣщище свѣта въ качествѣ неразумнаго нарушителя утвержденной системы? Не желалъ ли бы я напротивъ въ такую неудачную минуту болѣе чѣмъ когда-нибудь прикрыть мою незначительную единицу таинственною важностью какую пріобрѣтаетъ скромное единственное число обращаясь во множественное, и говоря не какъ *я*, а какъ *мы*? *Мы* нечувствительны къ прелестямъ молодыхъ особъ; *мы* не соблазняемся ужинами; *мы* подобно вѣдьмамъ въ *Макбетѣ* не имѣемъ имени на землѣ; *мы* представляемъ собою величайшую мудрость большинства; *мы* таковы вслѣдствіе системы; *мы* кланяемся вамъ, мистеръ Траверсъ, и удаляемся неуловимые.

При этомъ Кенелмъ всталъ, снялъ и снова надѣлъ шляпу, сдѣлавъ величественный поклонъ, повернулся чтобъ уйти и

внезапно очутился лицомъ къ лицу съ Георгомъ Бельвоиромъ, за которымъ слѣдовала съ толпою гостей красивая фигура Сесиліи. Георгъ Бельвоиръ схватилъ Кенелма за руку и воскликнулъ:

— Чиллингли! я былъ увѣренъ что не ошибся.

— Чиллингли! повторилъ Леопольдъ Траверсъ сзади.—Вы сынъ моего стараго друга сэръ-Питера?

Такимъ образомъ открытый и окруженный Кенелмъ не утратилъ своей обычной находчивости; онъ обернулся къ Леопольду Траверсу, который стоялъ какъ разъ позади его, и прошепталъ:

— Если мой отецъ былъ вашимъ другомъ, то не огорчайте его сына; не говорите что я потерпѣлъ неудачу. Отступите отъ вашей системы и позвольте Уиллу Сомерсу занять мѣсто мистрисъ Ботри.—Потомъ обратясь къ Бельвоиру онъ сказалъ спокойно:—Да, мы съ вами встрѣчались.

— Сесилія, сказалъ Траверсъ выступая впередъ,—я радъ что могу представить тебѣ какъ мистера Чиллингли не только сына моего стараго друга, не только странствующаго рыцаря о храбромъ поведеніи котораго въ защиту твоей *protégée* Джесси Уайльзъ мы такъ много слышали, но и краснорѣчиваго человѣка побѣдившаго меня въ вопросѣ въ которомъ я считалъ себя непогрѣшимымъ. Скажи мистеру Лисбриджу что я принимаю Уилла Сомерса арендаторомъ на мѣсто мистрисъ Ботри.

Кенелмъ съ чувствомъ пожалъ руку сквайра.

— Еслибъ я могъ сдѣлать для васъ что-нибудь пріятное вопреки системѣ противорѣчій! сказалъ онъ.

— Мистеръ Чиллингли, дайте руку моей дочери. Теперь вы не откажетесь присоединиться къ танцующимъ?

ГЛАВА V.

Сесилія украдкою взглянула на Кенелма когда они вышли изъ кустарниковъ на открытую лужайку. Наружность его понравилась ей; подъ холодною и печальною важностью его лица скрывалось, казалось ей, много внутренней теплоты. Приписывая его молчаніе неловкому положенію въ какое онъ былъ поставленъ вслѣдствіе внезапнаго раскрытія его инкогнито, она съ женскимъ тактомъ старалась разсѣять его предполагаемое смущеніе.

— Вы избрали пріятный способъ знакомиться со страной въ это прекрасное лѣтнее время, мистеръ Чиллингли. Я думаю что университетскіе студенты очень часто предпринимаютъ такія пѣшеходныя экскурсіи во время большихъ вакацій.

— Очень часто, хотя они большею частію бродятъ стадами подобно дикимъ собакамъ или австралійскимъ динго. Только домашнюю собаку можно встрѣтить на дорогѣ одну; и тогда, хотя бы она держалась очень тихо, девять разъ изъ десяти случается что ее убьютъ камнемъ какъ бѣшеную собаку.

— Судя по тому что̀ я слышала я боюсь что ваше путешествіе не обошлось безъ непріятныхъ приключеній.

— Вы совершенно правы, миссъ Траверсъ, я печальная собака если не бѣшеная. Но извините меня, мы приближаемся къ палаткѣ; оркестръ начинаетъ играть, а я, увы! не танцующая собака.

Онъ оставилъ руку Сесиліи и поклонился.

— Въ такомъ случаѣ сядемте здѣсь, сказала она подходя къ садовой скамейкѣ.—Я не приглашена на этотъ танецъ, и такъ какъ я устала, то рада буду отдохнуть.

Кенелмъ вздохнулъ съ видомъ мученика ведомаго на казнь садясь около красивѣйшей дѣвушки въ графствѣ.

— Вы были въ коллегіи вмѣстѣ съ мистеромъ Бельвойромъ?

— Былъ.

— Его считали способнымъ тамъ?

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ.

— Знаете ли, онъ ищетъ быть представителемъ нашего графства на ближайшихъ выборахъ. Отецъ очень интересуется его успѣхомъ и полагаетъ что онъ будетъ полезнымъ членомъ парламента.

— Я увѣренъ въ этомъ. Въ первыя пять лѣтъ, его будутъ считать безпокойнымъ, шумливымъ и высокомѣрнымъ; люди его лѣтъ будутъ потѣшаться надъ нимъ, и его будутъ заглушать кашлемъ при важныхъ случаяхъ; въ слѣдующія пять лѣтъ онъ будетъ считаться полезнымъ человѣкомъ въ комитетахъ и необходимымъ лицомъ въ преніяхъ; въ концѣ этихъ лѣтъ онъ сдѣлается подъ-секретаремъ; еще черезъ пять лѣтъ онъ будетъ членомъ кабинета и представителемъ важной секціи мнѣній. Онъ будетъ имѣть безукоризненную репутацію, и жена его будетъ показываться въ фамильныхъ

бриллiантахъ на всѣхъ большихъ собранiяхъ. Она будетъ интересоваться политикой и богословiемъ; и если она умретъ прежде его, мужъ ея обнаружитъ свою наклонность къ семейному счастiю избравъ другую жену, воспитанную также чтобы носить фамильные бриллiанты и поддерживать фамильное достоинство.

Сесилiя разсмѣялась, но торжественность голоса и манеры съ которою Кенелмъ произнесъ эту пророческую рѣчь внушала Сесилiи нѣкоторое трепетное чувство, и все это предсказанiе страннымъ образомъ совпадало съ тѣмъ впечатлѣнiемъ какое производилъ на нее человѣкъ чья судьба была такимъ образомъ очерчена.

— Вы предсказываете будущее, мистеръ Чиллингли? спросила она запинаясь, послѣ нѣкотораго молчанiя.

— Такъ же хорошо какъ тѣ кому вы можете заплатить за это шиллингъ.

— Не предскажете ли вы мнѣ?

— Нѣтъ; я никогда не предсказываю женщинамъ, потому что онѣ суевѣрны: женщина можетъ повѣрить тому чтò я скажу ей. А если мы вѣримъ что судьба наша будетъ именно такòва, то мы слишкомъ склонны такъ устраивать свою жизнь что она будетъ подтверждать нашу увѣренность. Еслибы леди Макбетъ не повѣрила вѣдьмамъ, она не стала бы уговаривать своего мужа убить Дункана.

— Но не можете ли вы предсказать мнѣ болѣе отрадную будущность чѣмъ какою повидимому угрожаетъ ваша трагическая картина?

— Будущность никогда не можетъ быть отрадна для тѣхъ кто смотритъ на темную сторону вопроса. Мистеръ Грей слишкомъ хорошiй поэтъ, а потому его не читаютъ въ новѣйшее время, а то я напомнилъ бы вамъ нѣкоторыя строки изъ его *Оды къ Итонской коллегiи.* Мы можемъ пока довольствоваться настоящимъ. Мы молоды, мы слушаемъ музыку, на звѣздномъ лѣтнемъ небѣ нѣтъ ни облачка, совѣсть наша чиста, сердце спокойно; къ чему заглядывать впередъ отыскивая счастiе? Будемъ ли мы когда-нибудь счастливѣе чѣмъ въ настоящую минуту?

Въ это время къ нимъ подошелъ мистеръ Траверсъ.

— Черезъ нѣсколько минутъ мы пойдемъ ужинать, сказалъ онъ;—и прежде чѣмъ мы растанемся, мистеръ Чиллингли, я бы желалъ напомнить вамъ что одно доброе дѣло вызываетъ

другое. Я уступилъ вашему желанію, теперь вы должны уступить моему. Погостите у меня нѣсколько дней и посмотрите на исполненіе вашихъ благихъ намѣреній.

Кенелмъ помолчалъ. Теперь, когда онъ открытъ, почему ему не провести нѣсколько дней между равными? Реальности и поддѣлки могутъ быть изучаемы между сквайрами также какъ и между фермерами; кромѣ того Траверсъ ему понравился; онъ не былъ похожъ на деревенскихъ сквайровъ вообще. Кенелмъ помолчалъ, потомъ сказалъ искренно:

— Я принимаю ваше приглашеніе. Будетъ для васъ удобна половина будущей недѣли?

— Чѣмъ раньше тѣмъ лучше. Почему не завтра?

— На завтра у меня уже назначено путешествіе съ мистеромъ Боульзомъ. На это потребуется два или три дня, а тѣмъ временемъ я долженъ написать домой чтобы мнѣ прислали другое платье.

— Выбирайте любой день.

— Хорошо.

— Слышите, звонокъ къ ужину.

— Ужинъ, сказалъ Кенелмъ подавая руку миссъ Траверсъ,— ужинъ слово поистинѣ интересное и поэтическое. Оно напоминаетъ пиршества древнихъ, время Августа, Горація и Мецената; напоминаетъ единственный изящный, но слишкомъ мимолетный періодъ новаго міра, аристократію и остроумцевъ Парижа, когда Парижъ имѣлъ остроумцевъ и аристократовъ; Мольера и мягкосердечнаго герцога который, какъ говорятъ, послужилъ оригиналомъ Мольеровскому Мизантропу; мадамъ де-Севинье и Расина, которому эта неподражаемая писательница писемъ отказывала въ поэтическомъ дарованіи; Свифта и Болингброка, Джонсона, Гольдсмита и Гаррика. Эпохи знаменовались трапезами. Я уважаю тѣхъ кто воскрешаетъ золотой вѣкъ ужиновъ.

Когда онъ говорилъ это, лицо его сіяло.

ГЛАВА VI.

Кенелмъ Чиллингли эсквайръ, сэръ-Питеру Чиллингли, баронету и пр. и пр.

„Дражайшій батюшка, я живъ и не женатъ. Провидѣніе хранило меня въ этомъ отношеніи, хотя опасности были велики. До сихъ поръ я не пріобрѣлъ еще много житейской мудро-

сти въ моихъ странствіяхъ. Правда что я получилъ два шиллинга за поденную работу; и на самомъ дѣлѣ честно заработалъ еще по крайней мѣрѣ шесть; но отъ этой добавочной платы я великодушно отказался, воспользовавшись взамѣнъ ея столомъ и квартирой. Другою рукой я истратилъ сорокъ пять фунтовъ изъ числа пятидесяти которые опредѣлилъ на покупку опытности. Но я надѣюсь что вы воспользуетесь съ нихъ процентами. Пошлите заказъ мистеру Уылльяму Сомерсу, корзинщику, Гревлей, въ графствѣ ***, изготовить кузововъ и охотничьихъ корзинъ, и я ручаюсь что вы сохраните двадцать процентовъ на этой статьѣ (вычитая расходы на пересылку) и сдѣлаете при покупкѣ доброе дѣло. Вслѣдствіе долгой опытности вы знаете лучше меня какъ цѣнно доброе дѣло. Я увѣренъ что вамъ будетъ пріятнѣе узнать, чѣмъ мнѣ занести на эти страницы, фактъ что я снова завлеченъ въ общество леди и джентльменовъ, и принялъ приглашеніе провести нѣсколько дней въ Низдель-Паркѣ у мистера Траверса—христіанское имя Леопольдъ—который называетъ васъ „своимъ старымъ другомъ", выраженіе которое, я увѣренъ, принадлежитъ къ той же категоріи поэтическихъ вымысловъ къ какой могутъ быть причислены „милые" и „душеньки" супружескихъ разговоровъ. Не имѣя для этого визита приличнаго платья, прошу васъ прикажите Дженкинсу прислать мнѣ чемоданъ съ тѣми какія я обыкновенно носилъ какъ Кенелмъ Чиллингли, адресуя его въ „Низдель-Паркъ, близь Беверстона". Я бы желалъ получить ихъ тамъ въ среду.

„Я оставляю здѣшнія мѣста завтра, въ сообществѣ друга по имени Боульза. Онъ не родственникъ преподобному джентльмену того же имени который поддерживаетъ доктрину что поэтъ долженъ надоѣдать намъ до смерти мельчайшими вздорными подробностями о предметахъ природы, преимущественно предъ тѣмъ изученіемъ ничтожнаго существа человѣка, въ его отношеніяхъ къ себѣ подобнымъ, которому мистеръ Попъ исключительно посвятилъ свою низшую музу, и который, поступая согласно своему ученію, написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, коимъ школа озерныхъ поэтовъ и ея послѣдователи обязаны многимъ. Мой мистеръ Боульзъ упражнялъ свои способности надъ человѣкомъ, и имѣетъ могущественный природный даръ въ этомъ отношеніи, который требуетъ только обработки чтобъ онъ не зналъ себѣ равнаго. Его мужественная натура въ настоящее время омрачена тѣмъ мимолетнымъ облакомъ что̀ на условномъ языкѣ называется „безнадежною привязанностью". Но я надѣюсь что во время нашего путешествія, долженствующаго происходить пѣшкомъ, этотъ паръ можетъ консолидироваться вслѣдствіе движенія, подобно тому какъ, по увѣренію нѣкоторыхъ старомодныхъ астрономовъ, туманъ консолидируется въ осязаемую міровую матерію. Кажется Рошфуко говоритъ что человѣкъ никогда болѣе не способенъ пріобрѣсти надежную при-

вязанность къ кому-нибудь какъ въ то время когда его сердце размягчено безнадежною привязанностью къ другому. Пусть еще долгое время, дорогой батюшка, вамъ не придется сожалѣть обо мнѣ по поводу перваго или поздравить меня со вторымъ. Вашъ преданный сынъ

„Кенелмъ."

„Письмо адресуйте мнѣ къ мистеру Траверсу. Передайте мою нѣжную любовь матери."

Здѣсь же помѣщается отвѣтъ на это письмо, какъ въ самомъ удобномъ для него мѣстѣ, хотя разумѣется онъ былъ полученъ лишь черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго въ послѣдней главѣ.

Сэръ-Питеръ Чиллингли, баронетъ, Кенелму Чиллингли, эсквайру.

„Милый мой мальчикъ, вмѣстѣ съ симъ посылаю тебѣ чемоданъ который ты просилъ по указанному тобой адресу. Я хорошо помню Леопольда Траверса когда онъ служилъ въ гвардіи: очень красивый и буйный молодой человѣкъ. Но онъ былъ гораздо умнѣе чѣмъ его почитали, и посѣщалъ общество мыслящихъ людей; по крайней мѣрѣ я его встрѣчалъ часто у моихъ друзей Кампіоновъ, въ домѣ коихъ особенно часто собирались замѣчательнѣйшіе люди. У него были изящныя манеры и имъ нельзя было не интересоваться. Я былъ очень радъ слышать что онъ женился и перемѣнился. Замѣчу здѣсь кстати что люди привыкшіе къ дурному обществу часто женятся, но рѣдко при этомъ перемѣняются. Я былъ бы радъ слышать что опытъ который стоилъ тебѣ сорокъ пять фунтовъ убѣдилъ тебя что ты можешь найти лучшее для себя примѣненіе чѣмъ заработать два, или даже шесть шиллинговъ поденною работой.

„Я не передалъ твою любовь матери какъ ты просишь. Въ самомъ дѣлѣ ты поставилъ меня въ самое ложное положеніе относительно этого другаго творца твоего эксцентрическаго существованія. Я могъ спасти тебя отъ розысковъ полиціи и огласки чрезъ объявленія съ описаніемъ примѣтъ только увѣривъ жену что ты отправился за границу съ герцогомъ Клервилемъ и его семействомъ. Легко сказать ложь, но потомъ трудно признаться въ этомъ. Во всякомъ случаѣ я буду очень благодаренъ если ты извѣстишь меня тотчасъ же какъ только рѣшишься занять свое обыкновенное положеніе среди леди и джентльменовъ. Я не желаю чтобы ложь тяготила мою совѣсть долѣе чѣмъ необходимо чтобы предупредить потребность сказать другую.

